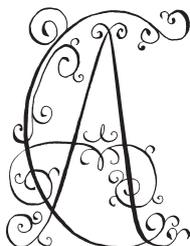

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Российская академия наук
Институт славяноведения

СЛАВЯНСКИЙ АЛЬМАНАХ

2012

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2013

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Вендина, профессор, доктор филологических наук
К. В. Никифоров, доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН (отв. редактор)
М. А. Робинсон, доктор исторических наук
Н. Н. Старикова, доктор филологических наук
А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

Ученый секретарь:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

Славянский альманах 2012. – М.: Индрик, 2013. – 504 с.

ISSN 2073-5731

Семнадцатый выпуск альманаха содержит материалы международной научной конференции «Славянский мир: общность и многообразие», а также других научных форумов, проходивших в Дни славянской письменности и культуры в 2012 г. в Москве. Традиционные разделы альманаха включают статьи по актуальным проблемам истории, литературы, культуры и языка славянских народов от эпохи Средневековья до современности. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

The 17th volume of the miscellany contains materials of the international research conference «Slavic World: Community and Variety» as well as other research forums which took place during the Days of Slavic Writings and Culture in Moscow in 2012. Traditional parts of the miscellany include articles on actual problems of history, literature, culture and languages of Slavic peoples from Middle Ages till nowadays. The book is designed both for specialists and for a broad circle of readers.

ISSN 2073-5731

© Институт славяноведения РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Издательство «Индрик», 2013

Содержание

От редколлегии	11
----------------------	----

Пленарное заседание

<i>Петрухин В. Я. (Москва). Призвание варягов и кирилло-мефодиевская традиция</i>	12
<i>Первушин М. В. (Москва). К вопросу о миссионерской методологии святого равноапостольного Кирилла</i>	21
<i>Ефимова В. С. (Москва). О проблеме дифференциации старославянского лексического инвентаря (в поисках кирилло-мефодиевских переводов)</i>	29

История

<i>Турилов А. А. (Москва). О датировке и происхождении двух сербских пергаменных списков Святосавской Кормчей</i>	43
<i>Акимов А. А. (Москва). Модель формирования государственной власти в памятниках письменности раннесредневековых славянских государств на Западе Балкан</i>	63
<i>Неменский О. Б. (Москва). Свв. Кирилл и Мефодий как крестители Руси в православной и униатской мысли Речи Посполитой в первой половине XVII в.</i>	78
<i>Запольский И. А. (Москва). «Те, кто не идет на войну, считаются бесчестными трусами»: особенности самосознания усюков во второй половине XVI в.</i>	87
<i>Бараньска А. (Люблин). Федор Кузьмич – сибирская жизнь после смерти императора Александра I. История легенды</i>	97
<i>Мольнар Л. В. (Будапешт). Венгрия в путевых заметках русских путешественников эпохи наполеоновских войн</i>	114
<i>Ващенко М. С. (Москва). Россия в 1880-е гг. глазами Франьо Рачки и Лайоша Таллоци</i>	131
<i>Струнина Н. Г. (Москва). Из истории российско-черногорских отношений: визиты Николы Петровича-Негоша в Россию</i>	142
<i>Ждановская А. А. (Москва). Образ немцев в чешской сатирической печати (80–90-е гг. XIX в.)</i>	159
<i>Латтева Л. П. (Москва). Г. А. Ильинский о славянофильстве</i>	175

<i>Шемякин А. Л. (Москва). «Партия нового типа». Особенности сербского радикализма (конец XIX – начало XX в.)</i>	183
<i>Дронов М. Ю. (Москва). К вопросу об этнокультурном облике греко-католического духовенства на территории современной Словакии (XIX – начало XX в.)</i>	201
<i>Ракитянский О. В. (Москва). Украинская военная организация: в поисках «автора»</i>	213
<i>Шкаровский М. В. (Санкт-Петербург). Влияние русской церковной эмиграции на славянские страны в 1920–1940-е гг.</i>	227
<i>Тимофеев А. Ю. (Белград). Деятельность «Союза советских патриотов» в Сербии в период Второй мировой войны</i>	241
<i>Новосельцев Б. С. (Москва). Югославно-американские отношения в начале 1960-х гг.</i>	258
<i>Майорова О. Н. (Москва). Нарастание протестного потенциала в польском обществе в первой половине 1970-х гг.</i>	275
<i>Валева Е. Л. (Москва). Государственная политика Болгарии в отношении турецкой этнической общности (1980-е гг.)</i>	292

История культуры

<i>Фролова М. М. (Москва). Московский (Чертковский) список «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского</i>	309
<i>Щавинская Л. Л. (Москва). «Обратить... внимание самих Белорусцев»</i> ...	323
<i>Старикова Н. Н. (Москва). О некоторых особенностях постмодернизма в южнославянских литературах</i>	333
<i>Лунькова Н. А. (Москва). Повести 1970-х и рассказы 1990-х гг. Станислава Стратиева: к проблеме жанра</i>	342
<i>Амелина А. В. (Москва). Творчество Яна Вайсса и подходы к его изучению</i>	352
<i>Агапкина Т. А. (Москва). Символика деревьев в традиционной культуре славян: тис (<i>Taxus baccata</i>)</i>	365
<i>Ващенко (Анисимова) Д. Ю. (Москва). Сопоставительный анализ этнолингвистических материалов из венгерских сел Федемеш и Шашка</i>	376

Языкознание

<i>Вендина Т. И. (Москва). Современное состояние славянских диалектов в свете новых данных Общеславянского лингвистического атласа</i>	391
--	-----

<i>Синица Н. А. (Екатеринбург). Языковой образ священнослужителя в русской и польской традициях (рус. <i>non</i>, польск. <i>ksiądz</i>)</i>	410
--	-----

Публикации

<i>Стыкалин А. С. (Москва). Венгерские земли в 1814 г. глазами русского офицера. Из путевых записок А. И. Михайловского-Данилевского</i>	425
<i>Соколовская О. В. (Москва). Письма греческой королевы Ольги к императору Александру III</i>	434
<i>Ганин А. В. (Москва). Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России</i>	450

Рецензии

<i>Узенева Е. С. (Москва). Этюды о болгарской этнолингвистике</i>	468
<i>Серационова Е. П. (Москва). Новое исследование о жизни и деятельности Н. Л. Окунева</i>	475
<i>Королькова П. В. (Москва). Литературный лексикон южнославянских народов</i>	479

Хроника

<i>Билек Я. (Прага). Конференция «Славянский мир – общность и многообразии»</i>	484
<i>Седакова И. А. (Москва). Юбилейная конференция в Софии: 70 лет Институту болгарского языка им. Любомира Андрейчина</i>	486
<i>Дронов М. Ю. (Москва). Четвертое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная конференция «Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память»</i>	492
Сведения об авторах	496

Content

From the Editorial Board	11
--------------------------------	----

Plenary Meeting

<i>Petrukhin V. Ya. (Moscow)</i> . The Invitation of Varangians and the Tradition of St Cyril and Methodius	12
<i>Pervushin M. V. (Moscow)</i> . On the Missionary Methods of St Cyril Equal to the Apostles	21
<i>Efimova V. S. (Moscow)</i> . On the Problem of Differentiation of the Old Slavonic Lexical Inventory (in the Search for Translations by St Cyril and Methodius)	29

History

<i>Turilov A. A. (Moscow)</i> . On the Dating and Provenance of Two Serbian Parchment Copies of the Book of Canons (Kormchaya) of St Sabas	43
<i>Akimova O. A. (Moscow)</i> . A Model of Shaping of the State Authority in the Written Documents of the Early Medieval Slavic States in the West of the Balkans	63
<i>Nemensky O. B. (Moscow)</i> . St Cyril and Methodius as the Baptizers of Russia in Orthodox and Unitarian Ideas of Rzecz Pospolita in the First Half of the Seventeenth Century	78
<i>Zapolsky I. A. (Moscow)</i> . «Those Who Do Not Go for a War are Treated as Dishonourable Cowards»: the Specific of the Uskoks' Self-Perception in the Second Half of the Sixteenth Century	87
<i>Baranska A. (Lublin)</i> . Fedor Kuzmich – the Siberian Life after the Death of Emperor Alexander I. The History of the Legend	97
<i>Molnar L. V. (Budapest)</i> . Hungary in the Travel Notes of Russian Travellers of the Epoch of the Napoleonic Wars	114
<i>Vashchenko M. S. (Moscow)</i> . Russia in 1880s from the Point of View of Franjo Rački and Lajos Thallóczy	131
<i>Strunina N. G. (Moscow)</i> . From the History of the Russian-Montenegrin Relations: Visits of Nikola Petrović-Njegoš to Russia	142

<i>Zhdanovskaya A. A. (Moscow). The Image of Germans in the Czech Satirical Publications (1880s–90s)</i>	159
<i>Lapteva L. P. (Moscow). G. A. Iliinsky on the Slavophilism</i>	175
<i>Shemiakin A. L. (Moscow). «Party of a New Type». The Specific of Serbian Radicalism (the End of the Nineteenth – the Early of the Twentieth Century)</i>	183
<i>Dronov M. Yu. (Moscow). On the Ethnocultural Image of Greek Catholic Clergy on the Territory of the Contemporary Slovakia (the Nineteenth – the Early Twentieth Century)</i>	201
<i>Rakityansky O. V. (Moscow). The Ukrainian Military Organization: in the Search for the «Author»</i>	213
<i>Shkarovsky M. V. (Saint Petersburg). The Influence of the Russian Clerical Emmigration on the Slavic Countries in 1920–1940s</i>	227
<i>Timofeev A. Yu. (Beograd). The Activity of the «Union of Soviet Patriots» in Serbia in the Period of the Second World War</i>	241
<i>Novoseltsev B. S. (Moscow). The Yugoslav-American Relations in the Early 1960s</i>	258
<i>Maiorova O. N. (Moscow). The Growth of the Protest Potential in the Polish Society in the First Half of 1970s</i>	275
<i>Valeva E. L. (Moscow). The State Policy of Bulgaria to the Turkish Ethnic Community (1980s)</i>	292

History of Culture

<i>Frolova M. M. (Moscow). The Moscow (Chertkov's) Copy of «The History Slavic-Bulgarian» by Paisius of Hilandar</i>	309
<i>Shchavinskaya L. L. (Moscow). «Put... an Attention of Those Belorussians»</i>	323
<i>Starikova N. N. (Moscow). On the Certain Features of Postmodernism in Southern Slavic Literatures</i>	333
<i>Lunkova N. A. (Moscow). Narratives of the 1970s and Short Stories of the 1990s by Stanislaw Stratiev: on the Problem of Genre</i>	342
<i>Amelina A. V. (Moscow). The Works by Jan Weiss and the Approaches to Its Studying</i>	352
<i>Agapkina T. A. (Moscow). The Symbolism of Trees in the Traditional Culture of Slavs: Yew (<i>Taxus baccata</i>)</i>	365
<i>Vashchenko (Anisimova) D. Yu. (Moscow). The Comparative Analyses of Ethnolinguistic Materials from Hungarian Villages of Fedémes and Sáska</i>	376

Linguistics

<i>Vendina T. I. (Moscow)</i> . The Contemporary State of Slavic Dialects in the Perspective of the New Data of the All-Slavic Linguistic Atlas	391
<i>Sinitsa N. A. (Yekaterinburg)</i> . The Image of Cleric in the Russian and Polish Language Traditions (Rus. <i>Pop</i> , Pol. <i>Ksiądz</i>)	410

Publications

<i>Stykalin A. S. (Moscow)</i> . The Hungarian Lands in 1814 from the Point of View of a Russian Officer. From the Travel Notes of A. I. Mikhailovsky-Danilevsky	425
<i>Sokolovskaya O. V. (Moscow)</i> . Letters by Greek Queen Olga to Emperor Alexander III	434
<i>Ganin A. V. (Moscow)</i> . Bulgarians – Graduates from the Nicholas Military Academy in the Civic War in Russia	450

Reviews

<i>Uzeneva E. S. (Moscow)</i> . Sketches on the Bulgarian Ethnolinguistics	468
<i>Serapionova E. P. (Moscow)</i> . A New Research of the Life and Activity of N. L. Okunev	475
<i>Korolkova P. V. (Moscow)</i> . The Literary Vocabulary of the Southern Slavic Peoples	479

Chronicle

<i>Bilek J. (Prague)</i> . The Conference «The Slavic World – Community and Variety»	484
<i>Sedakova I. A. (Moscow)</i> . The Jubilee Conference in Sofia: 70 Years of the Institute of Bulgarian Language named after Liubomir Andreichin	486
<i>Dronov M. Yu. (Moscow)</i> . The Fourth Meeting of the Commission of Historians of Russia and Slovakia. International Conference «The Social Consequences of Wars and Conflicts of the Twentieth Century: the Historical Memory»	492
Information about the Authors	500

От редколлегии

Традиционно 24 мая, в день памяти свв. Кирилла и Мефодия в России широко отмечается День славянской письменности и культуры. Наряду с другими праздничными мероприятиями каждый год проводится международная научная конференция и круглые столы, посвященные славянской проблематике. Начиная с 1996 г. такие конференции проходили в Костроме, Орле, Ярославле, Пскове, Рязани, Калуге, Новосибирске, Воронеже, Самаре, Ростове-на-Дону, Ханты-Мансийске, Коломне, Твери, Саратове, Москве. Материалы этих конференций опубликованы в шестнадцати выпусках «Славянского альманаха», который выходит ежегодно к Дню славянской письменности и культуры.

С 2010 г. центром праздника является Москва, где проходят основные мероприятия Дня славянской письменности и культуры. В рамках этих мероприятий в 2012 г. была проведена международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие», организованная Институтом славяноведения РАН. Материалы конференции и других аналогичных научных встреч вошли в состав семнадцатого выпуска «Славянского альманаха». Статьи, помещенные в альманахе, отражают актуальные проблемы истории, литературы, культуры и языка славянских народов в разные исторические эпохи.

Материалы альманаха, сохраняющего традиционную структуру, представлены в разделах: «Пленарное заседание», «История», «История культуры», «Языкознание», «Публикации», «Рецензии», «Хроника». Статьи сопровождаются краткими аннотациями и ключевыми словами на русском и английском языках. В конце тома приводятся сведения об авторах, которые даются, как и содержание, также на двух языках.

Редколлегия «Славянского альманаха» выражает надежду, что ежегодник будет способствовать дальнейшему всестороннему, углубленному изучению славянских народов, распространению и координации научных знаний о славянском мире, а также укреплению межславянских научных и культурных связей.

В. Я. Петрухин
(Москва)

Призвание варягов и кирилло-мефодиевская традиция

В статье рассматривается история имени Русь (Русская земля) – нейтрального в этническом отношении. Это имя оказалось устойчивым «концептом» в истории Восточной Европы, благодаря культурной и культовой составляющей. «Русская вера» и русский язык, в основе которых была кирилло-мефодиевская традиция, способствовали сохранению этого имени и самосознания.

Ключевые слова: *варяги, кирилло-мефодиевская традиция, начальное летописание.*

Легенда о призвании варяжских князей, помещенная составителем «Повести временных лет» (ПВЛ) конца XI в. в статью 862 г., вызывает традиционный скептицизм как в отношении содержания*, так и в отношении датировки. Действительно, романтические попытки отыскать следы дохристианских русских летописей оставлены современной наукой: у составителя ПВЛ были источники, определенные еще А. А. Шахматовым – византийский хронограф и созданное последователями Кирилла и Мефодия «Сказание о преложении книг на словенский язык». Точных дат в источниках русского летописца не было, Русь не входила в состав народов, первыми получивших словенскую письменность, но византийская традиция сохранила известие о походе Руси на Царьград, состоявшемся в царствование Михаила III (842–867), и это давало возможность составителю ПВЛ найти точку отсчета – начало русской истории (ср. Шахматов 1947. С. 153) и «развернуть» события таким

* См. переизданную работу Я. С. Лурье (Лурье 1966/2011. С. 13–17), демонстрирующую бесосновательность монархических официальных стереотипов старой историографии, усматривающей в летописной легенде свидетельство «добровольного предания под спасительную власть самодержавия». «Сочинение таких легенд, – настаивает историк, типично для представителей власти». В более поздней работе, в связи с потребительским подходом А. Г. Кузьмина к летописным текстам, Я. С. Лурье признает «фольклорно-эпические» основания древнейших летописных сказаний (Лурье 2011. С. 60–62).

образом, который казался естественным для историка XI в. С этой точки зрения поход требовал объединенных усилий всей Русской земли – первым делом Киева и Новгорода (как это было во время последнего похода Руси в 1043 г.), стало быть, нужно было уместить в летописи повествование о начале русской истории, отталкиваясь от конца правления Михаила. Летописец поместил под 866 г. известие о походе на Царьград Аскольда и Дира из Киева, изобразив их боярами призванного в Новгород князя Рюрика, от 866 г. отсчитал время, необходимое, чтобы добраться из Новгорода до Киева и собрать там войско для похода – отсюда юбилейная дата 862 г. (близкая к реальной дате первого похода руси на Царьград в 860 г.).

Царствование Михаила ознаменовано, однако, еще одним событием, привлечшим, пожалуй, не меньший интерес летописца, чем призвание князей. Это было призвание Константина и Мефодия к дунайским славянам, в Моравию*. То был некий летописный *топос*, ибо слова варяжской легенды: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нѣтъ. Да пойдѣте княжить и володѣти нами» (ПВЛ. С. 13), соответствовали формуле призвания учителей – «Земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы наказалъ и поучалъ насъ» (ПВЛ. С. 15). «Историческая» дата призвания учителей остается неизвестной, и сам текст «Сказания о преложении книг» оказался парадоксальным образом перенесен из контекста летописных известий, связанных с царствованием Михаила, в контекст иного царствования Льва и Александра в летописную статью 898 г. В «Повести временных лет» угадывается место, где должен был быть помещен рассказ о кирилло-мефодиевской миссии: в лишенном погодных дат космографическом введении к летописи после рассказа о расселении славянских племен содержится фраза «и тако разидеся словѣньский языкъ, тѣмъ же и грамота прозвася словѣньская» (ПВЛ. С. 8).

Далее, однако, в тексте летописи следует вставка, повествующая о полянах, пути из варяг в греки и путешествии по нему апостола Андрея через будущие Киев и Новгород. Перекройка летописного текста представляется не менее очевидной и потому, что рассказ о моравской миссии в статье 898 г. предваряется информацией о расселившихся по Дунаю словенах, которых подчинили венгры (угры): «морава, и чеси, и поляне, яже нынѣ зовомая Русь» (ПВЛ. С. 15).

* Воздействие на древнейшую русскую книжность кирилло-мефодиевской (в том числе моравской) традиции постулировалось большинством славистов от В. В. Ягича до Н. И. Толстого (см.: Толстой Н. И. 1998. С. 43–48, 100).

Последний пассаж вызывал энтузиазм сторонников славянского – *полянско*го – происхождения имени русь, усматривавших в переключке летописного текста злостный умысел редактора летописи, подменившего исконную версию автохтонного славянского происхождения руси «реакционной норманской теорией» о ее заморском – варяжском – происхождении. Этот энтузиазм безоснователен, поскольку рассказ о моравской миссии завершается утверждением, совпадающим с «резюме» варяжской легенды: «А словенский языкъ и руский одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша словене» (ПВЛ. С. 16), *русью* поляне прозвались «ныне» – уже ко времени составления летописи.

И все же что-то заставило летописца пойти на вопиющий анахронизм и переместить рассказ о моравской миссии под 898 г. «Формально» контекст статьи 898 г. давал повод для поминания миссии солунских братьев, ибо речь шла о походе венгров-угров мимо Киева, где обосновался со своими варягами и словенами Вещий Олег, к Угорским горам – Карпатам и далее – в Моравию, Фракию и Македонию, вплоть до самой Солуни. В схожей последовательности распространялась и славянская грамота: «Симъ бо первое преложены книги моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская, яже грамота есть в Руси и в болгарѣхъ дунайскихъ» (ПВЛ. С. 15).

Итак, проблема была в появлении «словенской грамоты» на Руси, и она встала перед летописцем, когда он нашел в княжеском архиве договор руси с греками, заключенный Олегом с кесарями Львом и Александром в 911 г. после легендарного похода руси на Царьград. С тех пор целый комплекс проблем стоит и перед исследователями летописи и самого договора: дата языка договора (относящегося к XI в., по мнению В. М. Истрина) и наличие «синхронного» славянского (болгарского, как думал еще С. П. Обнорский – ср. Обнорский 1960. С. 99–120; Успенский 2002. С. 45–46) перевода 911 г. остаются предметом дискуссии (ср. Ларин 2005. С. 27–63; Рождественская 1997). Вместе с тем список послов, заключающих договор, – «мы от рода рускаго, Карлы, Инегельдъ, Фарлоф, Веремуд, Рулавъ» и т. д. – свидетельствует о сохранении «варяжского» ономастикона в *славянской передаче* (ПВЛ, С. 18; ср. предположение о том, что русская часть договора представляла собой протокол – запись речей послов: Ларин 2005. С. 28–63); более того, летописец оперировал этими именами при создании «предварительного» договора 907 г., сократив список послов; так или иначе, у составителя ПВЛ были все основания считать, что словенская грамота стала доступной варяжской руси уже

при Олеге, задолго до крещения при Владимире и «списания» книг при Ярославе (Ларин 2005. С. 27–63). Отсюда стремление летописца сблизить *русь* и дунайских славян, вплоть до отождествления (этимологически – посредством омонимии) полян Великопольши и киевских полян, «яже ныне зовомая Русь», и помещение рассказа о моравской миссии в контекст правления Олега на Руси, Льва и Александра – в Византии.

Насколько упомянутые варяги Карл(ы), Инегелд, Фарлоф и прочие могли овладеть тем словенским языком, которому суждено было стать русским? Словене еще противопоставлялись руси в описании похода Олега на Царьград; но перед рассказом о драгоценных парусах, которые были даны (получены у греков) руси, но не даны словенам, летописец утверждает, что мужи Олега «по Рускому закону кляшася оружием своимъ, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ скотьемъ богомъ» (ПВЛ. С. 17). Оба божества были славянскими и даже праславянскими (Иванов, Топоров 1974), стало быть, «русский закон» ориентировался на обычаи славян (варяжской могла быть разве что клятва на оружии – ср. Мансикка 2005. С. 281–294; Фетисов 2009. С. 295–314), скандинавские боги Один, Тор и Фрейр остались за морем.

Это позволяет нам вернуться к варяжской легенде, утверждающей, что варяжские князья были призваны править «по ряду, по праву» (согласно ипатьевскому варианту легенды – ПСРЛ. Т. II. Стб. 14), то есть в соответствии с формирующейся словенской – новгородской, но не киевской традицией, на чем специально настаивает В. Л. Янин (2004. С. 10 и сл.; на оправданность такого подхода указывал еще А. А. Шахматов – Шахматов 2002. С. 206). Почему, в таком случае, в славянском и международном праве, равно как и в этнической истории распространилось заморское имя *русь*? Дело в составе призывающих племен: словене, кривичи, чудь и меря. Недаром словене прозвались, согласно летописи, «своим» дунайским именем, расселившись рядом с чудью – «чужим» языком. Возможна ли была, при традиционной для родоплеменного общества розни, некая межплеменная конфедерация, объединявшая славяно- и финноязычные племена, и призывавшая варягов, согласно концепции В. Т. Пашуто (Пашуто 2008. С. 167–177)? Археология демонстрирует совместное проживание выходцев из разных финских и славянских земель, из Прибалтики и Скандинавии в формирующихся в Поволховье городских центрах. Это Ладога (с VIII в.) и Новгород (Городище, с сер. IX в.): в историографии продолжается полемика по поводу того, мож-

но ли считать эти поселения городами, каковыми их называет летопись, или корректнее говорить (в соответствии с традициями формационного подхода) о «предгородах», «протогородах» и т. п. Весьма показательная категория археологических находок позволяет ответить на этот вопрос. Речь идет о кладах восточных монет IX в., обнаруженных в Ладогe и на Городище. Наличие кладов арабских дирхемов свидетельствует не только об участии населения Поволховья в трансконтинентальной торговле: оно свидетельствует о накоплении того *прибавочного продукта*, который перераспределялся на поселениях, которые в соответствии с тем же формационным подходом должны считаться городами (Петрухин 2008).

Трансконтинентальная торговля, благодаря которой потоки арабского серебра на рубеже VIII и IX вв. достигли севера Восточной Европы и Скандинавии, во многом объясняет (усилиями нумизматов) историческую ситуацию в этих регионах. Возможности этой торговли открылись во второй половине VIII в., когда прекратились арабо-хазарские войны. Тогда некие купцы *ар-рус* двинулись со своими товарами (мехами и рабами) на рынки Ближнего Востока и Византии, используя славян как переводчиков (по данным Ибн Хордадбега, относящимся к 840 или 880 гг.). Трансконтинентальные маршруты (по рекам Восточной Европы) были освоены еще в эпоху Великого переселения народов славянами, готами и герулами, в то время как движение Каролингов, естественно, не желавшей пропускать начавших свои разрушительные рейды викингов к международным рынкам, продавать им оружие и т. п. Не удалась и попытка пройти по Рейну через империю Каролингов «послам народа Рос» в 839 г. (согласно Бертинским анналам), когда император Людовик Благочестивый, узнавший, что они происходят из «народа свеонов», задержал их как шпионов викингов.

Это во многом предопределило различие между викингами на западе и русью на востоке Европы. Слово *викинг* – «участник похода на морских судах» – отразилось в славянских языках благодаря взаимодействию с пруссами на Балтике: прусская элита восприняла это слово как *витинг* в качестве самоназвания, что в славянских языках дало слово *витязь*. В Восточной Европе выходцы из Скандинавии (преимущественно из Средней Швеции) именовали себя *русью*. В «автохтонистской» официозной историографии продолжают бесконечные попытки привязать это слово к восточноевропейским или по крайней мере славянским (лишь бы не скандинавским) общностям или реалиям (вроде речки Рось в Поднепровье, о. Рюген на Балтике,

ругиев на Дунае и т. п.), хотя со времен Г. Ф. Миллера известно, что в прибалтийско-финских языках, в том числе в языке призывавшей варяжскую русь чуди, Швеция именуется Ruotsi/Rootsi, что в славянском дает имя *русь*. Значение этого имени также известно со времен В. Томсена (Томсен 1891/2002. С. 197) – оно означает «гребцов», «участников похода на гребных судах»: на иных судах по рекам Восточной Европы и через волоки пройти было невозможно (ср. Петрухин 2011. С. 67–72; Буайе 2012. С. 158; **Varenius 1999**). Это дружинное значение сохраняется в древнейшем русском документе – договоре Олега с греками, заключенном послами «от рода рускаго» от имени «всей руси» (ПВЛ. С. 18). Существенно, что в том же договоре для корабельных снастей (русское *ужа*), получаемых русью у греков, используются греческие слова *парусы* и *якори*: такие снасти не использовались при плавании по рекам (Ларин 2005. С. 45, 54).

Именно дружинное значение имени *русь* передает варяжская легенда, обнаруживающая лексику «ряда» (договора с призванными князьями – Мельникова, Петрухин 1995), близкую к договору с греками: договор 911 г. заключался от имени «всей руси», в лексике договора вместо традиционной болгаро-византийской формулы *построити мира* использовалась древнерусская – *положити ряд* (см. Ларин 2005. С. 53). Призванные «по ряду» из-за моря варяжские князья «пояша по собѣ всю русь» (ПВЛ. С. 13). Последние слова, однако, были непонятны новгородскому летописцу XIII в., работа которого по сокращению и редактированию текста ПВЛ (Начального свода?) сохранилась в Новгородской первой летописи: он заменил их на неуклюжую фразу «пояша со собою дружину многу и предивну» (с использованием церковнославянизма *предивна*, обнаруживающего вставку). При этом новгородец угадал архаическое дружинное значение имени *русь*, которое в древнерусской и последующей историографической традиции воспринималось как этноним. Отсюда невинность «этнографического резюме» варяжской легенды в новгородской передаче: «и от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозваша Русь, и от тѣх словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска» (НПЛ. С. 106). Это «резюме» устраивало как новгородца (поскольку Новгород «выводился» из-под власти русских князей), так и киевского летописца. Ведь для киевлянина варяжские и русские князья были одним и тем же «русским родом», которому должно было подчиняться «людье ноугородьци», лишенное своей племенной – словенской – самостоятельности: они «преже» – до призвания варягов – «бѣша словѣни» (ПВЛ. С. 13).

Ряд (договор) с местным населением был необходим для привлекаемых князей и их дружины, ибо реки Восточной Европы, открывающие пути на мировые рынки, были труднопроходимы без помощи обитателей этих речных бассейнов. Можно заметить, что славяне были мастерами в организации передвижения по рекам и речным переправам еще на Дунае и на Балканах. Наличие кладов серебра на берегах судоходных рек демонстрирует, что услуги по транспортировке судов оплачивались. Кризисы в поступлении серебра, фиксируемые нумизматами, показывают, что ситуация в Восточной Европе отнюдь не была бесконфликтной. Ленинградский нумизмат В. М. Потин (1970) обратил внимание на кризис середины IX в. в поступлении восточного серебра, соотнес его с летописным известием об изгнании варягов, собиравших дань с тех племен, которые затем призвали варяжскую русь, – в 860-е гг. приток серебра возобновляется (клады появляются на новгородском Городище). Освоение систем коммуникаций – как физических (реки), так и экономических (распределение серебра) и культурных – освоение славянского языка (может быть, и письменности – для договоров с греками) и обычаев – способствовало распространению имени *русь* повсюду, где (по выражению В. О. Ключевского) появлялись русские дружинники.

Русь (Русская земля) – нейтральное в этническом отношении имя, известное и финнам, и славянам, оказалось чрезвычайно устойчивым «концептом» в истории Восточной Европы в немалой степени благодаря культурной и культовой составляющей. «Русская вера» и русский язык, в основе которых была кирилло-мефодиевская традиция, способствовали сохранению этого имени и самосознания, несмотря на бесконечные попытки разделов Русской земли самими русскими князьями, монгольское и литовское завоевание.

ЛИТЕРАТУРА

- Буайе 2012 – Буайе Р. Викинги: история и цивилизация. СПб., 2012.
- Иванов, Топоров 1974 – Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Ларин 2005 – Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. СПб., 2005.
- Лурье 1966/2011 – Лурье Я. С. Критика источника и вероятность известия // Избранные статьи и письма. СПб., 2011.
- Мансикка 2005 – Мансикка В. Й. Религия восточных славян. М., 2005.

- Мельникова, Петрухин 1995 – *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // *Вопросы истории.* 1995. № 2.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Обнорский 1960 – *Обнорский С. П.* Избранные работы по русскому языку. М., 1960.
- ПВЛ – Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996.
- Петрухин 2008 – *Петрухин В. Я.* Призвание варягов: историко-археологический контекст // *Древнейшие государства Восточной Европы 2005.*, М., 2008. С. 33–46.
- Петрухин 2008а: *Петрухин В. Я.* Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание // *Ярослав Мудрый и его эпоха.* М., 2008. С. 177–178.
- Петрухин 2011 – *Петрухин В. Я.* «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей. М., 2011.
- Потин 1970 – *Потин В. М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным // *Исторические связи Скандинавии и России.* Л., 1970. С. 64–80.
- Рождественская 1997 – *Рождественская Т. В.* Язык договоров Руси с греками X в.: концепция Б. А. Ларина и перспективы исследования // *Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто: Тез. докл. (Матлы конф.) Международная договорная практика древней Руси.* М., 1977. С. 74–78.
- Толстой 1998 – *Толстой Н. И.* Избранные труды. М., 1998. Т. II. Славянская литературно-языковая ситуация.
- Томсен 1891/2002 – *Томсен В.* Начало Русского государства // *Из истории русской культуры.* М., 2002. Т. II.
- Успенский 2002 – *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.
- Фетисов 2009 – *Фетисов А. А.* Ритуальное содержание клятвы оружием в русско-византийских договорах X в. // *Викинги: Между Скандинавией и Русью.* М., 2009.
- Шахматов 1947 – Академик А. А. Шахматов. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947.
- Шахматов 2002 – *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. I. Кн. 1.
- Янин 2004 – *Янин В. Л.* Средневековый Новгород. М., 2004.

Varenius 1999 – *Varenius B.* The Retinue and the Ship. An Archaeo-sociological Study of Scandinavia at the Turn of the First Millennium and the following Centuries // *Current Swedish Archaeology*. 1999. V. 7. P. 173–182.

Petrukhin V. Ya.

The Invitation of Varangians and the Tradition
of St Cyril and Methodius

The article deals with the history of the name Rus' (Russkaya zemlya) which is neutral in the ethnic sense. This name is a stable «concept» in the history of Eastern Europe thanks to its cultural and cult components. «Russian faith» and Russian language based on the tradition of St Cyril and Methodius helped to preserve that name and the self-consciousness.

Key words: *Varangians, tradition of St Cyril and Methodius, Primary Chronicle.*

М. В. Первушин
(Москва)

К вопросу о миссионерской методологии святого равноапостольного Кирилла

Цель автора статьи – показать, что представленные в Житии Константина Философа характерные миссионерские моменты могут интерпретироваться и другим образом, отличающимся от того, который преобладает в существующих до настоящего времени исследованиях и литературно-исторических обобщениях.

Ключевые слова: *литература, язык, житие, герой, автор, Кирилл, миссия, полемика.*

Не к несведущим мы пишем,
но к насытившимся с избытком книжной сладости.
Святитель Иларион Киевский (XI в.)

Более 150-ти лет Жития святых братьев Кирилла и Мефодия являются предметом широчайших исследований как в качестве литературных памятников, так и в качестве исторических источников. Более того, известно, что для восстановления большей части жизненного пути Константина Философа и архиепископа Мефодия нет других источников. Однако за полтора века научной критике так и не удалось с относительной уверенностью установить степень достоверности обоих житий. Все чаще слышится речь о необходимости их нового критического прочтения, свободного от романтических предположений, которые, благодаря авторитету их авторов, воспринимаются как доказанные истины и часто становятся основой для новых предположений, построенных на песке¹.

Остановимся на кратком разборе только одного памятника – Жития Константина Философа.

Можно допустить вслед за В. И. Ламанским, что Житие Константина Философа – памятник конца IX в. Оно, возможно, написано в Паннонии или Моравии еще при жизни брата Кирилла Мефодия или сразу после его смерти. Однако это Житие дошло до нас в списках, датируемых серединой XV столетия, не ранее. «Кто решится утверждать, – восклицает исследователь, – что в ближайшее время после его написания, например, в X–XI веках, да и позже, оно не было исправляемо, дополняемо, что в основании ныне известных списков

лежит точный подлинник IX века, а не исправленный, дополненный, следовательно более или менее изменявшийся в течение XI–XV веков памятник»². Вместе с этим литературное прочтение того или иного памятника письменности меняется в зависимости от интересов, вкусов и критико-аналитических методов воспринимающей эпохи, а также от ее способности вникать в принципы средневекового образного мышления, поэтому все, что уже сделано в этом направлении, наверняка не сможет вполне удовлетворить пытливого исследователя.

Цель данного размышления над Житием Константина Философа – показать, что представленные там характерные миссионерские моменты могут интерпретироваться и другим образом, отличающимся от того, который преобладает в исследованиях и литературно-исторических обобщениях, существующих до настоящего времени. Остановимся на некоторых, наиболее интересных (парадоксальных), с точки зрения читателя Жития, методах миссии Константина, не снимая возникающие вопросы, а только ставя их.

Житие Константина Философа, с одной стороны, вполне традиционно. В нем исторический материал тесно переплетен с литературным. У внимательного читателя Жития неизбежно возникает вопрос: кого именно – Философа или агиографа – следует признать действительным автором тех отрывков из сочинений Константина или тех его изречений, на которые ссылается биограф? Для Византии, как и для всей восточной литературы, было типичным приемом вкладывать в уста действующих лиц умозрения авторов произведения³.

С другой стороны, Житие не содержит ни исторической (то есть фактической) хроники, ни типовых искусственно-панегирических приемов византийских житий. Житие написано крайне односторонне⁴. Все события в нем подобраны для одной цели – представить деятельность Константина-Кирилла как второго апостола Павла: «Подобится ему, бодрость приемля, а леность отметаа, якоже рече апостол: подобни ми бываите, якоже и аз Христу»⁵ (1 Кор. 4: 16). Нетрудно догадаться, что если в Житии отложилось мировоззрение Кирилла, то не в меньшей мере отложился в нем и образ мыслей самого биографа. Вот основные черты Философа, достойные, по мнению автора, подражания: ум, мудрость, многосторонняя образованность, способность проникать в истинный и глубокий смысл Священного Писания, всепобеждающая сила слова, просветительские заслуги, объединившие миссии Византии и Рима.

Задача, поставленная биографом, крайне тенденциозна. Она требует для своей реализации одностороннего освещения. Таким

образом, Житие представляет собой не первичную запись, а вполне осознанную, направленную к определенной цели переработку, облеченную в литературную форму и отразившуюся на характеристике главного героя, сузив ее до основной тенденции произведения.

Не останавливаясь подробно на особенностях повествования Жития, перейдем непосредственно к полемике, к богословствованию Константина-Кирилла. Как кажется, пока лишь один исследователь – лингвист Е. М. Верещагин⁶ – обратился к этому вопросу. Правда, скажем его же словами, читая труд уважаемого ученого, понимаешь, что это исследование сделано христианином, «пристрастность которого вполне очевидна»⁷.

1. Первый диспут Константина Философа был с низложенным патриархом-иконоборцем Иоанном Грамматиком. Несомненно, что автор Жития, описывая прения Константина, касается вопросов, волновавших в его время Византию. Под влиянием иконоборческих смут многих христиан интересовали различия между идолом, образом и подобием, заботило почитание икон и креста⁸. Вводя рассуждения Философа по этим вопросам в его прения с патриархом-иконоборцем Аннием, биограф, безусловно, имел для этого уже готовые формулы⁹, а также, возможно, и ответы самого Константина.

В этом диспуте главный вопрос, на который Константин как будто должен был дать безукоризненный ответ – это вопрос о заповеди Моисея (Бога), которая запрещает творить себе кумира: «Богу рекшу к Моисеови: не сътвориши всякого подобия, како вы творящее, кланяетесь?»¹⁰ Однако такого ответа читатель не находит. Ответ Философа исполнен в лучших традициях *софистики*, по сравнению с другими ответами Константина: «Философ же противу ему отвеща: аще бы рекл: не сътвориши никакова же подобия, то право приши; но есть рекл не всякого, сиречь достойное». Неслучайно автор умолчал о том, что «старец» (то есть патриарх-иконоборец) был переубежден и признал свое поражение. Этого просто не могло быть.

На каком же языке был спор, и на какой текст они могли ссылаться?

Согласно Е. М. Верещагину¹¹, Константин даже в споре с иудеями держится Септуагинты. Заповедь, которую цитировал еретик Анний, дважды прописана в Ветхом Завете: в книгах Исход и Второзаконие. Вот ее начальная фраза по Синодальному переводу: «Не делай себе кумира и никакого изображения» (Исх 20: 4; Втор. 5: 8). В русском переводе имеет место усиление отрицания «не» за счет отрицательного местоимения «никакой». В Славянской Библии, так

же, как и в Житии, читаем: «Не сотвори... всякого подобия». В тексте LXX-ти также отрицание усиливается за счет двойного «не»: «ου ποιήσεις σεαυτῷ εἰδῶλον οὐδε παντός ὁμοίωμα...» (букв.: не сделаешь себе идола и не всякое (всё) подобие). Причем слово «всякое» употребляется в значении всей полноты. Это местоимение используется LXX-тью во многих местах Ветхого Завета. Вот, например, история с Ноем: «Выведи с собою *всех* животных, которые с тобою, от *всякой* плоти, из птиц, и скотов, и *всех* гадов... *все* звери, и [*весь* скот, и] *все* гады, и *все* птицы, *все* движущееся по земле, по родам своим, вышли из ковчега» (Быт. 8: 17–19) и т. п. В Масоретском тексте (קָרַבְתָּ לְךָ כָּל חַיָּוַי וְכָל עוֹפְוֹת הַשָּׁמַיִם וְכָל רֶמֶשׂ הָאָרֶץ וְכָל הַבְּהֵמָה אֲשֶׁר בְּעִמְּךָ וְכָל הַבְּהֵמָה אֲשֶׁר לֹא) местоимение כָּל [kole] также подразумевает собой всю полноту, например: «Бог даровал мне, и есть у меня *всё*» (Быт. 33:11), «и пришел *весь* народ предложить Давиду хлеба (2 Цар. 3: 35) или «*всё*, что есть на земле, лишится жизни» (Быт. 6: 17) и т. п. Этот разбор показывает всю нелепость аргументации Константина, после которой уже не о чем спорить, как и пишет автор Жития: «Противу же сему не может претися старецъ, умлъчя... – и далее, по мнению агиографа, – посрамлься»¹² (?).

В сравнении со «странными» полемическими приемами житийного Константина Философа, а скорее его агиографа, не могу не привести замечательный по красоте аргумент Льва Математика (вероятного учителя Константина-Кирилла) с тем же Иоанном Грамматиком, приведенный в исследовании Е. М. Верещагина: «Иконоборец... якобы заявил в присутствии Льва Математика: “Вы (то есть иконопочитатели...) творите зло с иконами и бесчестите в изображении прообраз”. На это Лев Математик прибег к характерному... приему демонстрации абсурда: “Если хочешь, мы сделаем тебе изображение дьявола, а ты будешь почитать его, чтобы так через изображение бесчестился прообраз”. В заключение эпизода сказано: “И тот (то есть бывший патриарх) тотчас признал, что побежден”»¹³. Красиво! Но Е. М. Верещагин почему-то уверен, что и Кирилл «с рвением... расправился с бывшим патриархом»¹⁴, чем вызвал неудовольствие своего учителя.

2. Второй диспут Философа, согласно Житию, был с агарянами. Там тоже есть методологические странности. Например, ответ Константина на вполне оправданный мусульманской верой недоуменный вопрос сарацин о Троице начинается ссылкой на христианские авторитеты, что странно для спора с приверженцами ислама: «Мы убо добре есми навькли от отьц, и от пророк, и от учитель славити троицу»¹⁵. Максимум, к чему реально могли бы прислушаться

агаряне, так это к пророкам. Однако ссылка Константина на Коран, по точному замечанию Е. М. Верещагина, «на самом деле импликации троичности Божества... не содержит»¹⁶. Стало быть, она не убедительна для приверженцев ислама, а значит, не достигла своей цели. Хотя, согласно автору Жития, сарацины были «сими же словесы поражени»¹⁷. Не ясно только – почему?

3. Не останавливаясь на весьма странных и совершенно не убедительных аргументах в пользу государственной дани, которую Константин разрешил платить только Риму¹⁸, но никак не «исмаильтянам» (памятуя особо о татаро-монгольском иге XIII–XV вв., может, поэтому, осмелимся предположить, в это сложное время память о Кирилле несколько стерлась из наших святцев), перейдем к третьей полемике Константина с хазарами. В ней также затрагивались вопросы о Троице. Обращение Кирилла к ветхозаветным текстам, его аллюзии и предикации о Троице «в Законе и Пророках» выполнены в русле святоотеческой традиции, что подробно исследовал Е. М. Верещагин¹⁹, и не так удивительны для богословски подготовленного читателя. Лишь кратко отметим, что ветхозаветная экзегетика Философа состояла в прообразовательном способе изъяснения Священного Писания. Этот способ был заимствован Константином из предшествовавшей византийской письменности и примыкал к Антиохийской богословской школе. Поэтому экзегеза Константина, которую приписывает ему биограф, не оригинальна, а представляет заимствования из различных святоотеческих толкований.

Однако и здесь не все так гладко для методов опытного миссионера-полемиста Константина-Кирилла:

1) пользование Септуагинтой, чьи тексты неавторитетны для другой стороны. Это несколько странно для человека (главного героя), который, согласно изучаемому произведению, владеет ивритом;

2) парафраз Священных текстов;

3) комбинированные цитаты.

За такими вот методами миссии скорее можно разглядеть автора Жития, чем его героя – прославленного миссионера.

В исследуемом произведении биограф Константина преклоняется перед его способностями полемиста-экзегета. В личности Константина Житие воплощает не обыденного миссионера-проповедника, а учителя и наставника народов, распространяющего среди них Истину, и вместе с тем искусного словесного борца за нее. Дважды биограф уподобляет Константина в его битве с инакомыслящими новому Давиду, борющемуся с Голиафом и побеждающего его

«тремя» камнями. В Житие Константин уже не реальная личность, а главный персонаж легенды.

Однако биограф недопонимал, что попытка создания вокруг Константина апостольского ореола несколько не сходится с реальными действиями Философа, описанными здесь же, в этом Житии.

В современной философско-методологической литературе²⁰ различают три основных аспекта метода как такового:

– объективно-содержательный, который выражает обусловленность (детерминированность) метода предметом познания через посредство теории;

– операциональный, который фиксирует зависимость содержания метода не столько от объекта, сколько от субъекта познания, от его компетентности и способности перевести соответствующую теорию в систему правил, принципов, приемов, которые в своей совокупности и образуют метод;

– праксеологический, который составляет такие его свойства, как эффективность, надежность, ясность, конструктивность и т. п.

В анализируемых отрывках Жития Константина Философа последние два аспекта – операциональный и праксеологический – часто не работают. Кроме того, образ житийного Константина подпорчен озлобленностью и надменностью героя. Возьмем, к примеру, полемику с сарацинами. Житийный Константин вел себя с ними, будучи приглашен, мягко говоря, невежливо: принижал их веру («Ваше же есть уско и удобно, еже может прескочити всяк мал и велик. Несть бо кроме людскаго обычая, но еже вси могут десяти»²¹), обличал в неуважении к вере христианской («не глаголите тако хулы без чину»²²; «недостоит нас зазирати»²³), укорял («тако и вы деите»²⁴) и т. п. А чего стоит только одно выражение об основателе ислама: «Махмет ложь и пагубник спасению всех, иже есть добрейшаа бляди своа на злобу и студодеание изъблевал»²⁵. В конечном итоге Философ так раздражил сарацин, что только чудом остался жив, так как те «даша ему яд пити»²⁶. Такой «житийный» образ равноапостольного Константина – это, конечно, не апостол Павел с его «академической» проповедью в Ареопаге.

Для полностью объективного критического прочтения житий Кирилла и Мефодия необходимо новое, истинно критическое издание двух текстов, каковым, к сожалению, мы все еще не располагаем. Надеюсь, что будущее систематическое критическое прочтение двух текстов поможет нам окончательно оторваться от романтического представления Кирилло-Мефодиевского дела и приблизиться

пусть к более скромному, но намного более объективному познанию Истины о создателях славянской письменной цивилизации.

В своей книге «Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян» А.-Э. Н. Тахиаос пишет, что Кирилл «не просто создал азбуку, но так преобразовал славянский язык, что он смог вместить в себя понятийное богатство языка греческого. Это было нечто существенно более важное, чем всего лишь составление азбуки. Преображенный таким образом славянский язык послужил основой для создания совершенно самобытной и удивительно цельной славянской духовной культуры. Именно в этом и заключается суть всемирно исторической деятельности Кирилла и Мефодия»²⁷.

В ключе автора Жития Константина Философа, хотелось бы дополнить уважаемого профессора, что Кирилл не просто создал славянскую культуру, а в первую и главную очередь он создал «нечто существенно более важное» – на славянской «закваске» Церковь Христову, которая и стала *alma mater* той самой «цельной славянской духовной культуры». Именно в этом и заключается то самое подобие Кирилла (и его брата Мефодия) апостолу Павлу, которое так долго пытался выписать биограф, но так и не смог. Ведь апостол Павел в первую очередь основывал Церкви и не оставлял их, пока не были рукоположены священники, обретены Таинства и установлена Традиция, то есть культура.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Станчев К.* О переводческой деятельности Константина Кирилла и Мефодия в свете интерпретации двух сведений их странствий // *Contributi italiani al 14. congresso internazionale degli Slavisti: Ohrid, 10–16 settembre 2008 / A cura di Alberto Alberti... [et al.]. Firenze, 2008. С. 83–100.*
- 2 *Ламанский В. И.* Славянское житие Св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник // *ЖМНП. СПб., 1903. Апрель. С. 347.*
- 3 Проблема достоверности уже не раз обсуждалась в литературе. См.: *Ламанский В. И.* Славянское житие...; *Голубинский Е. Е.* По поводу перестроя В. И. Ламанским истории и деятельности Константина Философа, первоучителя славянского // *Известия ОРЯС. 1907. № 12; и др.*
- 4 См.: *Никольский Н. К.* К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу // *Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. Л., 1928. Т. 1. Кн. 2. С. 417 и далее.*

- 5 Житие Константина Философа // *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Труды славянской комиссии. Л., 1930. Т. 1. С. 1.
- 6 *Верещагин Е. М.* Кирилло-Мефодиевское книжное наследие. М., 2012.
- 7 Там же. С. 370.
- 8 Житие Константина Философа... С. 6–7.
- 9 *Никольский Н. К.* К вопросу о сочинениях... С. 422.
- 10 Житие Константина Философа... С. 7.
- 11 *Верещагин Е. М.* Кирилло-Мефодиевское... С. 383, 385 и др.
- 12 Житие Константина Философа... С. 7.
- 13 *Верещагин Е. М.* Кирилло-Мефодиевское... С. 289–290. Прим. 21.
- 14 Там же. С. 289.
- 15 Житие Константина Философа... С. 9.
- 16 *Верещагин Е. М.* Кирилло-Мефодиевское... С. 378. Прим. 12.
- 17 Житие Константина Философа... С. 9.
- 18 Там же. С. 9–10.
- 19 *Верещагин Е. М.* Кирилло-Мефодиевское... С. 369–426.
- 20 См.: *Петров Ю. А., Захаров А. А.* Практическая методология. М., 1999. С. 7–30.
- 21 Житие Константина Философа... С. 8.
- 22 Там же. С. 9.
- 23 Там же. С. 10.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 23.
- 26 Там же. С. 10.
- 27 *Тахиаос А.-Э. Н.* Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян / Пер. с новогреч. иером. Дионисия (Шленова), иером. Леонтия (Козлова), игум. Тихона (Зайцева). С. Кима; под ред. иером. Дионисия (Шленова) и В. Л. Шленова. Сергиев Посад, 2005. С. 110.

Pervushin M. V.

On the Missionary Methods of St Cyril Equal to the Apostles

The aim of the article is to prove that typical missionary features shown in the Life of St Cyril the Philosopher can be interpreted the way different from those ones dominating in previous researches.

Key words: *literature, language, life, person, author, St Cyril, mission, polemic.*

**О проблеме дифференциации
старославянского лексического инвентаря
(в поисках кирилло-мефодиевских переводов)**

В статье ставится вопрос о необходимости дифференциации старославянского лексического инвентаря. Значительная его часть была создана самими свв. Кириллом и Мефодием, их учениками и последователями. Автор делает попытку освещения проблемы выявления новой книжной лексики и отделения ее от «старой» лексики, почерпнутой из народной славянской речи.

Ключевые слова: *кирилло-мефодиевская проблематика, старославянский язык, лексический инвентарь.*

В свое время перед первоучителями нашими свв. Кириллом и Мефодием и их учениками и последователями предсталла задача осуществления перевода – с достаточно сложного для перевода греческого языка – на славянский язык Св. Писания, а затем и других теологических произведений, созданных на богатейшем, хорошо разработанном греческом литературном языке эпохи Византийской империи. Для создания переводов более или менее равноценных нужны были адекватные языковые средства, и в первую очередь лексический инвентарь. Очевидно, что народная славянская речь того времени не располагала инвентарем лексем, соответствующим богатству лексического инвентаря греческого языка переводимых оригиналов: и славянский дискурс не был разработан как представляющий язык литературный, и даже многие предметы, понятия и явления (то есть денотаты греческих лексем) не были известны или были мало известны славянам того времени. Тем не менее переводы были осуществлены, и довольно быстро. И именно в процессе этих переводов (главным образом с греческого языка) рождался первый, общий для всех славян, литературный язык, который на начальном этапе его существования (IX – начало XI в.) целесообразно называть старославянским языком¹.

Как формировался старославянский лексический инвентарь? Предыдущие исследования показывают, что он формировался следующими путями: 1) использовались слова народной славянской речи; 2) оставалось непереуведенным некоторое количество грецизмов; 3) масса слов создавалась самими переводчиками и редакторами пер-

вых славянских переводов². При этом не все новые слова «укоренились» в старославянском лексиконе: некоторые оставались малоупотребительными лексемами или даже гапаксами отдельных рукописей, другие же слова «укоренились» в нем и использовались в переводах последующих – в эпоху существования старославянского языка (то есть в IX – начале XI в.), а потом и в церковнославянских изводах. Новая лексика создавалась древними книжниками разными способами, в том числе и путем деривации по славянским словообразовательным моделям, и путем калькирования (но тоже с использованием славянских словообразовательных моделей, на которые налагались правила славянского словообразовательного механизма). В дошедших до нас рукописях мы можем наблюдать процесс их поисков, их «пробы пера». Например, для перевода греч. $\alpha\upsilon\tau\omicron\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\omicron\rho$ создавались кальки *самодръжитѣль* (Супр 150,7), *самовластьць* (Супр 81, 23), *самодръжьць* (Супр 147, 22–23; Супр 152, 22–23; Супр 13, 29) > русск. *самодержеци*, то есть на базе разных слов (*власть* и *дръжати*) и с разными суффиксами (и *-ьс(ь)*, и *-itel'(ь)*); для перевода греч. $\acute{\alpha}\nu\alpha\chi\omega\rho\eta\tau\acute{\eta}\varsigma$ создавались кальки *ошьльць* (Ен 38а 3), *отъходьникъ* (Супр 289, 13), *отъшьльць* (Супр 514,7; Супр 519, 24–25), *ошьльникъ* (Синайский Патерик XI в.), *отъшьльникъ* (Пролог XIII в.) > русск. *отшельник*; для перевода греч. $\kappa\alpha\tau\acute{\eta}\gamma\omicron\rho\omicron\varsigma$ ‘прокурор’ создавались наименования от разных основ с разными суффиксами: *клеветьникъ* (Деян 25, 18 Христ, Струм, Мат, Шиш), *овличитель* (Клоц 11b 11; Клоц 11b 35–36; Супр 441, 12–13), *овадитель* (Супр 240, 17–18; Супр 240, 19), *клеветарь* (Супр 441,12). Примеры можно умножать.

Решение задачи выявления новой книжной лексики и отделения ее от «старой», почерпнутой из народной славянской речи, представляется нам чрезвычайно важным не только для изучения самого старославянского языка, но и для исторического языкознания, и для истории славянской культуры, ибо отвечает на вопросы: какие слова можно относить к праславянскому фонду и чем славянские литературные языки обязаны словотворчеству свв. Кирилла и Мефодия и их учеников и последователей? Однако проблема дифференциации старославянского лексического инвентаря не так проста, как кажется на первый взгляд.

Проще всего обстоит дело с идентификацией грецизмов, введшихся в старославянский лексикон в процессе переводов (то есть в процессе отношений «текст → текст»). Грецизмы используются главным образом для наименования предметов и явлений, не знакомых славянам, лиц, занимающих определенную должность, имеющих определенный чин, сан и т. п., не знающих еще аналогов в

структуре славянского общества: *доместикъ* ‘доместик (имперский чиновник высокого ранга)’ – греч. *δομέστικός* (Супр 222, 4–5; Супр 222, 7), *антиграфенъ* ‘контролер государственных доходов’ – греч. *ἀντιγραφεύς* (Супр 281, 7), *сакѣларии/сакѣларъ/сакѣларь* ‘хранитель церковной казны’ (Супр 121, 11; Супр 121, 8; Супр 121, 17) – греч. *σακελλάριος* и т. п.; для наименования лиц по месту жительства или принадлежности к какому-либо народу, принадлежности к определенным группам людей, мало знакомым славянам: *иудеи/иудѣи* ‘иудей, еврей’ – греч. *Ἰουδαῖος*, *квринѣи* ‘киренѣянин, житель города Кирены’ – греч. *Κυρηναῖος*, *назарей/назарѣи* ‘назарѣянин’ – греч. *Ναζωραῖος*, *саддукѣи* ‘саддукей’ – греч. *Σαδδουκαῖος* и т. п.; для терминологических наименований священнослужителей и лиц, имеющих отношение к церкви: *иереи/иерѣи* ‘иерей, священник’ – греч. *ἱερεύς*, *синагогъ* и *архисинагогъ* ‘глава синагоги’ – греч. *ἀρχισυνάγωγος* и т. п.

Так же легко идентифицируются как новая лексика слова, которые переводчики образовывали с помощью славянских словообразовательных морфем от греческих основ. Например, с помощью славянских суффиксов *-ьн-*, *-ьск-*, *-ов/-ев-* образовывались прилагательные: от *иудеи* – *иудеискъ* (Мт 27, 11 Зогр: *црѣь иудѣискъ* – *ὁ βασιλεὺς τῶν Ἰουδαίων*), от *израиль* – *израильскъ* (И 1, 49 Зогр: *црѣь ѿевъ* – *ὁ βασιλεὺς τοῦ Ἰσραήλ*), от *-тектонъ* ‘плотник (отец Иисуса Христа)’ – *тектоновъ* (Мт 13, 55 Зогр: *тектоновъ снъ* – *ὁ τοῦ τέκτονος υἱός*) и т. п. Вместе с тем это были уже с л а в я н с к и е лексемы, которые должны были восприниматься основной массой христианизировавшихся славян как в какой-то мере понятные, так как содержали в своей структуре славянский аффикс в качестве значимой части слова. Кроме того, грецизмы-наименования представителей народов и групп людей отличались замечательной способностью «ославяниваться» – путем прибавления к основе греческого происхождения славянского суффикса *-ěnin(ъ)/-(j)anin(ъ)* – то есть суффикса с определенным значением, сигнализирующего о принадлежности слова к наименованиям лиц по месту жительства или принадлежности к какому-либо народу, принадлежности к определенным группам людей. Уже во входящих в «старославянский канон» евангельских кодексах наряду с *квринѣи* встречается *квринѣиниъ* (Мк 15, 21 Ас, Сав, Ват) и *кврѣиниъ* (Мк 15, 21 Зогр, Мар), наряду с *назарей/назарѣи* – *назарѣиниъ* и *назарѣаниъ* и т. п.

Гораздо труднее – как ни кажется странным это на первый взгляд – выявить в старославянском лексиконе пласт лексики, почерпнутой из

народной славянской речи, отделить ее от книжной, созданной самими древними книжниками в процессе переводов и редактирования. Идентификация каждой конкретной лексемы с морфемной структурой, представленной «славянским строительным материалом», является задачей, решение которой требует учета многих факторов.

Достаточно надежно к слою лексики, почерпнутой из народной славянской речи, можно относить лексемы, морфемная структура которых указывает на их праславянскую древность. К этому слою принадлежат лексемы с древней структурой общеименной суффиксации, используемые в старославянских текстах и в качестве прилагательных, и в роли существительных: *млѧдѧ(зи)* – и ‘молодой’, и ‘младенец’ (Супр 135, 1; Супр 340, 26); *сирѧ(зи)* – и ‘пустой, лишенный смысла’, и ‘сирота’ (Пс 67, 6 Син); *зълѧ(зи)* – и ‘плохой, дурной’, и ‘плохой человек’ (Мт 5, 45; Супр 415, 29), а в форме ср. р. ед. и мн. ч. *зълѧ*, *зълѧѧ* ‘зло, злое дело’ (Мт 5, 39; Пс 20, 12 и др.) и т. п. Например:

сирѧ(зи) ‘сирота’: *Съзъмѧтъжтъ сѧ отъ лица его. Оца сирѧхъ. и сѧдыѧ въдовиць. Пс 67, 6 Син* (ср: *сирѧ(зи)* в роли прилагательного: *по истинѧ събравъшъ. (вм. съборъ вашъ). безъ мѧжъства. и въ сирѧхъ словесехъ безъ оума ѧдинъ. Супр 335, 22*);

зълѧ(зи) ‘плохой человек’, *благъ(зи)* ‘хороший человек’: *ѧко слънце свое сиѧтъъ. на зълѧ и блѧгы. Мт 5, 45 Зогр*;

зълѧ ‘зло, злое дело’: *аъзъ глѧжъ вамъ. не противити с зълѧѧ. Мт 5, 39 Зогр*;

млѧдѧ(зи) ‘младенец’: *да не подражаимъ жидовска жродьства. нъ дѧтъскоу позавидимъ благодарению не оубоиць неприѧзньствоу. нъ млѧдѧнхъ безъзлобию Супр 340, 26*.

По этой же причине к слою лексики, почерпнутой из народной славянской речи, достаточно надежно можно относить также слова, вычленяющие уникальные суффиксы: *владѧика*, *пастырь*, *пастоухъ*, *юноша*, *пѧстоучнъ* и т. п., а также суффиксы малопродуктивные (как бы «заснувшие» в старославянском языке, неактивные): суффикс *-ъji-*: *валии* ‘врач’, *въѧти* ‘оратор’, *сѧдии* ‘судья’; суффикс *-(a)taj(b)*: *ратѧи* ‘пахарь’, *ходѧѧи*, *поводѧѧи*, *позорѧѧи* ‘зритель’ и т. п. Надежно можно относить к слою народной обывденной лексики и существительные архаичного для старославянского языка типа м. р. с основой на *-a* (ср. в примере на *млѧдѧ(зи)* ‘младенец’ слово *оубоица* с суффиксом *-ъc(a)*).

В старославянском лексическом инвентаре присутствует также ряд сложений (композитивов) архаичного типа. Среди них есть лексе-

мы, уже нечленимые на уровне старославянского языка, словообразовательно немотивированные: чловѣкъ, потьпѣга ‘разведенная жена’, господь ‘господин, хозяин’ (приобретшее и новое значение ‘Господь (Бог)’). Разумеется, идентификация таких композитов как «старой» славянской лексики не вызывает затруднений. Но есть и композиты, более «прозрачные» с словообразовательной точки зрения: соухоржкъ(зи) ‘не владеющий рукой, сухорукий’, соухоногъ ‘не владеющий ногой, хромой’, хоудооумъ(зи) ‘неразумный’, братоучадъ ‘племянник’, маломощь ‘калека’ и ‘бедняк’, велииѣдъ ‘обжора’, воивода ‘правитель, владыка’ (первоначально, конечно, ‘полководец’), дрѣводѣла ‘плотник’, прѣлюводѣи, чародѣи. При идентификации подобных композитов (то есть «прозрачных» с словообразовательной точки зрения) уже начинаются трудности. Дело в том, что в старославянском языке эти архаичные словообразовательные модели (с опорными компонентами как именного, так и глагольного происхождения) продолжали действовать, по ним древние книжники образовывали новую лексику. Например, с использованием архаичной модели было создано славянское прозвище знаменитого отца церкви и автора многих гомилий Иоанна Златоуста – композит златооустъ(зи) (калька с греч. χρυσόστομος). В старославянских текстах эта калька употребляется параллельно с грецизмом хръсостомъ. Также с использованием архаичной модели были созданы наименования Богородицы приснодѣва и приснодѣваа – кальки с греч. ἀειπάρθενος, а также ряд подобных слов. Однако именно потому, что древние книжники пользовались при создании новых слов старыми славянскими моделями, идентификация таких образований очень трудна, и даже такой замечательный лексиколог и лексикограф старославянского языка, как Р. М. Цейтлин, причисляла к архаичным композитам кальки с греческого. Так, например, в своей известной книге «Лексика старославянского языка» она приводит перечень – как ей казалось – «старых славянских сложений»: златооустъ (χρυσόστομος), иночадъ (μονογενής), маловѣръ (ὀλιγόπιστος), невѣгласъ, подобьнъ-вѣръ (ἀξιώπιστος), простовласъ (λυσίκομος букв. ‘с распущенными волосами’, но и ἀπλόθριξ в Хронике Иоанна Малалы), соухоржкъ, тажъкосьрдъ (βαρυκάρδιος), хоудосилъ, хоудооумъ, четвѣрногъ (τετράπους), богомѣдръ (θεόσοφος), вельѣпъ (μεγαλοπρεπής), взторопръвъ (δευτερόπρωτος), лювонишь (φιλόπτωχος) ‘любящий бедных’, трьсватъ (τρισάγιος)³. (Греческие соответствия в скобках добавлены нами. – В. Е.) На самом деле подавляющее б о л ь ш и н -

ство этих слов (за исключением, видимо, *невѣгласъ*, *соухоржкъ*, *хоудосилъ*, *хоудооумъ*) представляет собой кальки с греческого.

Иногда и в тех случаях, когда имеется структурное соответствие греческого и старославянского композита (эквиморфемность), бывает трудно решить однозначно: создано ли было это слово самими древними книжниками по образцу греческого, или оно существовало в народной славянской речи. Решение может быть обосновано путем учета разных факторов. Определенным критерием можно считать характер денотата слова: номинирует ли оно понятия, предметы, явления и их свойства, ранее неизвестные или малоизвестные славянам. Конечно, не оставляют сомнений такие случаи, как упомянутые выше *златооумъ* (или *приснодѣва*, *приснодѣваа*). На этом основании бесспорно идентифицируются как новая лексика созданные по архаичной модели композиты *вогомѣдръ* (калька с *θεόσοφος* ‘божественно мудрый’), *въторопрьвъ* (калька с *δευτερόπρωτος*, вошедшая в старославянский лексический инвентарь в составе терминологического словосочетания *въторопрьваа сѣбота* – греч. *σάββατον δευτερόπρωτον* ‘первая суббота после второго дня еврейской пасхи’). В некоторых случаях критерием может служить анализ пути вхождения слова в старославянский лексикон. Книжное происхождение можно предполагать у слова, если оно представляет собой «избыточное» образование, созданное при наличии в старославянском лексиконе слов с тем же значением, вошедших в него в более ранних переводах, в том числе и из народной славянской речи. Например, образованный по архаичной модели композит *четврѣногъ* (‘четвероногое’) животное эквиморфемно своему греческому соответствию *тетрѣлоус*. С другой стороны, по своему значению он принадлежит к слою обыденной лексики. В старославянский лексический инвентарь это слово вошло при переводе Апостола для передачи греч. *тетрѣлоус*, о чем свидетельствует его употребление в старших списках (Деян 10, 12; Деян 11, 6; Рим 1, 23 в Охр, Слпч, Христ, Толк, Струм, Шиш, Мат). Для перевода *тетрѣлоус* оно употребляется и в паремейном тексте, о чем также свидетельствует его употребление в старших списках (Быт 1, 24 Григ, Зах, Лобк). Видимо, *четврѣногъ* все же следует считать калькой с греч. *тетрѣлоус*, а не исконным славянским словом, так как в старославянском лексиконе есть гораздо более частотные лексемы с тем же значением – *звѣрь*, *животъ*, *животынь* и *животыню*, вошедшие в него из народной славянской речи ранее, чем появилось в нем *четврѣногъ*.

Вместе с тем остаются некоторые случаи очень трудные для такого анализа. Так, например, композит *простовласъ*, использован-

ный в Супрасльской рукописи для перевода греч. λυσίκομος (букв. ‘с распущенными волосами’), как принадлежащий, казалось бы, к слою обыденной лексики и не калькирующий греческое соответствие, можно было бы считать исконнославянским словом. Однако в переводе Хроники Иоанна Малалы он соответствует греч. ἀλλόθριξ⁴, т. е. имеется буквальное поморфемное соответствие. Имелось ли такое понятие, которое могло бы быть номинировано словом *простовласъ*, у славян того времени?

Или, например, слово *зълодѣи*. Р. М. Цейтлин считала его исконным славянским словом. Я – как и Э. Благова – считаю его калькой с греч. κακοποιός (или κακοῦργος), вошедшей в старославянский лексический инвентарь на самом раннем этапе его формирования, при переводе Евангелия-апракоса⁵.

По той же причине, а именно потому, что древние книжники при создании новых слов пользовались старыми славянскими моделями, большую трудность представляет выявление новых образований среди многочисленной старославянской лексики с так называемыми продуктивными аффиксами. Собственно словообразовательный анализ не может здесь дать никаких доказательств, так как и новые слова, образованные самими древними книжниками, хорошо словообразовательно мотивированы на славянской почве, а эквиморфемность старославянских и греческих слов, дающая основание подозревать калькирование, может наблюдаться в результате независимых параллельных процессов в словообразовательных гнездах в старославянском и греческом языках⁶. Вместе с тем я предполагаю, что некоторые славянские суффиксы существенно развили свою продуктивность именно в ходе переводов на славянский язык, осуществлявшихся свв. Кириллом и Мефодием и их учениками, а значительная часть образованных с помощью этих суффиксов слов является результатом словотворчества самих переводчиков. Словотворчество древних книжников в эпоху первых переводов было чрезвычайно активным. Выше уже упоминались наблюдаемые в рукописях их «пробы пера», которые свидетельствуют об этой активности. В качестве демонстрации легкости, с которой книжники того времени образовывали новые слова, приведу здесь лишь один пример разных способов перевода ими греч. πολιτης ‘гражданин’ (от πολιζειν ‘основывать город’).

В переводе Евангелия от Луки в соответствии с πολιτης употребляются два слова: *житѣль* (с суффиксом *-tel'(b)*) и *гражданинъ* (с суффиксом *-(j)anin'(b)*). Допустим, выбор разных славянских лек-

сем для перевода *πολίτης* в Евангелии можно объяснить желанием переводчика «не упустить» разных оттенков в значении греческого слова. В Лк 15, 15, возможно, есть желание подчеркнуть принадлежность лица, о котором идет речь, просто к жителям этой области, к кому-то из населения: ꙗ шьдъ прилѣпи с единомъ отъ жителъ тоѣ страны. Зоґр. В другом случае, в Лк 19, 14, возможно, было желание подчеркнуть принадлежность этого лица к гражданам: ꙗ гражданае емоу . ненавиѣѡхъ его. Зоґр.

Однако – при наличии в авторитетном евангельском тексте двух способов перевода слова *πολίτης*! – в переводе «Похвалы 40 мученикам» (сохранившемся в Супрасльской рукописи, то есть в рукописи «старославянского канона») обнаруживается еще и наименование с суффиксом *-ьникъ(ь)* **градъникъ**: то како юже безградъникъ ли а наречемъ . или градъникъ всѣа вселенѣа Супр 84,1. Видимо, образование слова *градъникъ* было «спровоцировано» языком греческого оригинала (Τί οὖν; Ἀπολιδοῦς αὐτοῦς εἶπωμεν, ἢ τῆς οἰκουμένης πολίτας); а именно необходимостью перевода также и греч. *ἄπολις* ‘не имеющий или лишенный отечества; недостойный быть гражданином’: для перевода греческого слова с *ἀ-privativum* *ἄπολις* было создано слово *безградъникъ* с префиксом *bez-* (передача *ἀ-privativum* префиксом *bez-* была регулярной для старославянского словообразования⁷), а для перевода антонима *πολίτης* – слово *градъникъ* без этого префикса. В отношении таких «избыточных» образований, как *градъникъ*, встречающихся в относительно более поздних – сравнительно с самыми первыми, необходимыми для богослужения – переводах, можно предполагать, что они обязаны своим происхождением словотворчеству самих переводчиков (или – иногда, возможно, – редакторов текстов). В дальнейшем слово *градъникъ* в старославянском лексиконе «не прижилось», случаи его употребления вне этого текста единичны, однако подобные примеры демонстрируют, насколько легко древние книжники той эпохи создавали новые слова.

Уже самые первые, необходимые для богослужения переводы содержат массу слов с определенными аффиксами (так называемыми продуктивными), которые вполне могли быть результатом словотворчества самих переводчиков. Я предполагаю, что их значительно больше, чем обычно принято считать. При этом необязательно они должны были номинировать предметы, понятия, явления, неизвестные или малоизвестные славянам того времени (что видно на примере образования слова *градъникъ*). Так, для наименования лиц в переводе Евангелия широко используются слова с суффиксами *-telʹ(ь)* и

-*bnik*(ь). Как я предполагаю, значительная – если не бóльшая – их часть была создана самими переводчиками. Нет, конечно, сомнений в отношении двукорневых композитов с этими суффиксами: явные кальки с греческого, они могли быть созданы только самими переводчиками: εὐεργέτης – благодѣтель (Лк 22, 25), νομοδιδάσκαλος – законооучитель (Лк 5, 17), ὁ ἀλλογενής – иноплемьникъ (Лк 17, 18), τετραάρχης – четвертовластьникъ (Лк 3, 19). (При том, что в стихе Лк 9, 7 видим уже другую «пробу пера» – кальку с того же греческого соответствия с суффиксом -*ьс*(ь) четвертовластьць.) Однако и в отношении многих однокорневых суффиксальных дериватов, даже и не калькирующих греческие соответствия, мы можем думать, что они являются результатом словотворчества переводчиков Евангелия. Анализ значений слов, соотношений с греческими соответствиями, славянскими синонимами, синонимами греческих соответствий, обстоятельств вхождения слов в старославянский лексический инвентарь позволяют предполагать, что такие слова, как крьстительѣ, мжнительѣ, жьтельѣ и жьтельнникъ, съвѣдѣтель и др., могли быть образованы самими переводчиками⁸. Некоторые из них «выдают» себя тем, что демонстрирует вариативность по спискам со «старыми» славянскими лексемами. Например, в силу специфики евангельского текста в старославянском переводе довольно часто встречается слово съвѣдѣтель 'свидетель' (образованное с помощью суффикса -*tel'*(ь) от гл. съвѣдѣти 'знать'), которое используется для передачи греч. μάρτυς. Однако в народной славянской речи было и «старое» славянское наименование с тем же значением – послоухъ. И, действительно, в Саввиной книге – рукописи, известной своими инновациями в направлении использования выражений славянской народной речи, в стихе Мт 18, 16 вместо съвѣдѣтель употреблено слово послоухъ. Ср.: ἵνα ἐπὶ στόματος δύο μαρτύρων ἢ τριῶν σταθῆ πάν ῥήμα. – да въз оустѣхъ дввою ли трии съвѣдѣтель станеть всѣкъ глѣз . Мар – да въз встомъ двѣма послехома ли трьмъ . станеть всакъ глѣз . Сав. Использование слова послоухъ наряду со съвѣдѣтель для передачи греч. μάρτυς встречается иногда и в тексте Апостола (Евр 10, 28 Христ, Охр, Слепч, Струм, Шиш), и в Синайском евхологии (трижды), и в Супрасльской рукописи (пять раз).

Авторитет евангельского текста был очень высок, и потому нет ничего удивительного в том, что слова, вошедшие в старославянский лексический инвентарь при его переводе, «укореняются» в нем и продолжают использоваться древними книжниками в других переводах. Тем не менее некоторые образования с продуктивными

суффиксами так и остаются словами евангельского текста и практически не встречаются за его пределами. Таковы, например, наименования лиц со значением ‘меняла’ *трьжьникъ* (образовано с помощью суффикса *-ьnik(ь)* от сущ. *трьгъ* ‘рыночная площадь’) и *пѣнажьникъ* (образовано с помощью того же суффикса от сущ. *пѣназь* ‘монета’), которые употребляются в старославянском переводе Евангелия для передачи трех греческих существительных с суффиксом *-της* – *τραπέζιτης*, *κολλυβιστής*, *κερματιστής*. Как я предполагаю, оба слова – *трьжьникъ* и *пѣнажьникъ* – были созданы самими переводчиками Евангелия: они редко используются впоследствии за пределами евангельского текста и уже в пределах рукописей «старославянского канона» наблюдается тенденция к их замене⁹.

Отсюда возникает вопрос: все ли слова с продуктивными аффиксами, которые мы теперь видим в старославянских кодексах (и к которым привыкли), были необходимы переводчикам для передачи только значения греческих слов? Как и для чего создавался свв. Кириллом и Мефодием и их учениками и последователями старославянский лексический инвентарь? Другими словами: только ли перевод хотели они осуществить? Или с самого начала они стремились к созданию литературного языка – понятного славянам, но все же отличного от обыденной славянской речи? И потому считали необходимым создавать новые, имеющие «книжный вид» слова, – даже если в народной славянской речи имелось слово с нужным значением?

Косвенным подтверждением последнему предположению может служить, как кажется, выполненный с латинского языка древнечешский перевод Евангелия, в котором – судя по спискам конца XIV в. Дражданскому и начала XV в. Оломоуцкому – на месте многих употребленных в переводе с греческого языка старославянских наименований с продуктивными суффиксами *-(ь)nik(ь)* и *-tel'(ь)* использованы другие слова совсем иной морфемной структуры, причем часто в них мы можем предполагать «старые» славянские лексемы. Ср., например:

1) старославянские слова с суффиксом *-(ь)nik(ь)* – слова древнечешского перевода:

вѣстьникъ – *posel* (Лк 9, 52; Лк 7, 24);

неправдьникъ – *nespravedlný* (Лк 18, 11);

иноплеменьникъ – *cizokrajný* (Лк 17, 18);

пльньникъ – *jatý* (Лк 4, 19);

везаконьникъ – *hřiešný* (Мк 15, 28) и *zlý* (Лк 22, 37);

хъзѣцьникъ – *chvátavý* (Мф 7, 15 в Олом);
 недѣжъникъ – *nemočný* (Мк 6, 5; Мк 16, 18);
 правѣдъникъ – *spravedlný* (Мф 27, 19; Лк 20, 20; и мн. др.);
 ѡзъцьникъ – *pohan* (Мф 18, 17 в Олом);
 приставъникъ – *starosta* (Лк 8, 3; Мф 20, 8 в Дражд) и *strójcě* (Лк 8, 3 в Олом);
 вратъникъ – *vrátný* (Мк 13, 34);
 двѣрьникъ – *vrátný* (Ин 10, 3);
 наслѣдъникъ – *dědic* (Мф 21, 38; Мк 12, 7; Лк 20, 14);
 овѣштъникъ – *tovariš* (Лк 5, 10; Мф 23, 30);
 причастъникъ – *tovariš* (Лк 5, 7);
 наимъникъ/наѣмъникъ – *otrok* (Лк 15, 17; Лк 15, 19; Лк 15, 21; Ин 10, 12; Мк 1, 20);
 законъникъ – *dospělec v právě* (Лк 10, 25; Лк 14, 3; и мн. др.);
 приставъникъ – *vládař* (Лк 12, 42; Лк 16, 1; Лк 16, 3);
 тѣжъцьникъ – *tribun* (Мк 6, 21; Ин 18, 12);
 четвѣрѣтовластьникъ – *vládař nad čtyřmi kraji* (Лк 3, 19);
 кѣзъникъ – *mudrák* (Мк 7, 1; Мк 7, 5; Мк 10, 33; Мк 11, 27; и мн. др.) и *mistr* (Мф 2, 4 в Олом);
 наставъникъ – *mistr* (Мф 23, 10);
 развоиникъ – *padúch* (Лк 10, 30) и *lotr* (Ин 10, 1);
 оученикъ – *młazší* (Мф 8, 23; Мф 8, 25; Мф 9, 10; Мф 9, 14 и мн. др., но также и *učedlnik* в Мк 2, 23 и др.);
 гостинъникъ – *otrok* (Лк 10, 35);
 ковъникъ – *svádcě* (Мк 15, 7);

2) старославянские слова с суффиксом *-tel'(ь)* – слова древнечешского перевода:

жѣтелъ и жѣтелънинъ – *žnec* (Мф 13, 30 и Мф 13, 39);
 мѣнителъ – *kat* (Мф 18, 34);
 дѣлителъ – *dělič* (Лк 12, 14);
 просителъ – *žebrák* (Ин 9, 8);
 искоусителъ – *przielud* (Мф 4, 3 Дражд; в Олом опущено: *Tehdy diábel přistúpiv, ihned jeho pokusil a řka...*);
 жителъ – *měštěn* (Лк 15, 15 Олом) и *miejsczienyn* (Лк 15, 15 Дражд);
 властелъ – *moc* (pod mocí) (Лк 7, 8);
 прѣдатель – *zrádcě* (Лк 6, 16);
 свѣдѣтель – *svědek* (Мф 18, 16; Мф 26, 65);
 родителъ – *otec i máteř* (Мф 10, 21 Дражд; в Олом: *proti svému rodu*;

Мк 12, 13; Лк 2, 27; Лк 2, 41; Лк 2, 43; Лк 8, 56; Лк 18, 29; Лк 21, 16; Ин 9, 2; Ин 9, 3; Ин 9, 18);
 оучитель – *mistr* (Мф 10, 24; Ин 1, 38; Ин 11, 8 и мн. др.);
 тжатель – *kopač* (Мк 12, 1; Мк 12, 2; Мк 12, 7; Мк 12, 9);
 дѣлатель – *těžieř, těžař* и *kopač* (Мф 21, 33; Мф 21, 34; Мф 21, 35; Мф 21, 38; Мф 21, 40; Мф 21, 41; Лк 20, 9; Лк 20, 10 и др.)¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Наше понимание термина «старославянский язык» вполне совпадает с его трактовкой Н. И. Толстым, называвшим общий литературный язык всех славян, существовавший в XI–XVII вв. в совокупности разных изводов, «древнеславянским языком», а ранний древнеславянский язык (I период, IX–XI вв.) – «старославянским языком» См.: *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 34–52 (особенно с. 47).
- 2 Укажем здесь лишь некоторые наши исследования: *Ефимова В. С.* Влияние греческого языка на формирование лексического фонда старославянского языка // *Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект.* М., 2007. С. 196–244; *Она же.* К вопросу о способах номинации лица в старославянском языке // *Slavia.* Roč. 78. Praha, 2009. S. 349–35; *Она же.* Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинации и приоритеты выбора. М., 2011; *Она же.* Некоторые наблюдения над номинацией лиц в старославянском евангельском тексте (на материале древнейших кодексов) // *Язык Библии: лингвотекстологические исследования.* М., 2012. С. 27–46.
- 3 *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка: Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977. С. 280.
- 4 *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1995. Вып. 20. С. 233.
- 5 *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка... С. 248; *Bláhová E.* Kompozita v staroslověnské terminologii // *Slavia.* Roč. 65. Praha, 1996. S. 269.
- 6 *Ефимова В. С.* Наименования лиц... С. 20–21.
- 7 *Мошиньски Л.* Способы перевода греческих словообразований с отрицательной приставкой ᾠ- в старославянской Супрасльской рукописи // *Cyrrillomethodianum.* VI. Thessalonique, 1982. P. 81–97; *Ефимова В. С.* К вопросу о лексическом выражении от-

- рицания в старославянском языке // *Slavia*. Praha, 2005. Roč. 74. S. 251–264.
- 8 Подробнее см.: *Ефимова В. С.* Наименования лиц... С. 63–72.
- 9 Подробнее см.: Там же. С. 177–179.
- 10 *Staročeská bible Drážďanská a olomoucká*. Praha, 1981. T. I. Evangelia.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

- Григ – Григоровичев паремейник, среднеболгарская рукопись XII–XIII вв.; изд.: *Рибарова З., Хауптова З.* Григоровичев паримейник. Скопје, 1998.
- Ен – Енинский апостол, старославянская рукопись XI в.; изд.: *Мирчев К., Кодов Х.* Енински апостол. Старобългарски паметник от XI век. София, 1965.
- Зах – Захариинский паремейник, древнерусская рукопись 1271 г.
- Зогр – Зографское евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Jagić V.* Quattuor evangeliorum codex glagoliticum dim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.
- Клоц – Клоцов сборник, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Dostál A.* Clozianus. Praha, 1959.
- Лобк – Лобковский паремейник, среднеболгарская рукопись XIII/XIV в.
- Мар – Мариинское евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Ягич И. В.* Мариинское четвероевангелие. Graz, 1960.
- Мат – Матичин апостол, древнесербская рукопись XIII в.; изд.: *Ковачевић Р., Стефановић Д., Богдановић Д.* Матичин апостол (XIII век). Београд, 1979.
- Охр – Охридский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.; изд.: *Кульбакин С. М.* Охридская рукопись апостола конца XII века / Български старини. София, 1907. Кн. III.
- Сав – Саввина книга, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века / Изд. подг. *Князевская О. А., Коробенко Л. А., Дограмаджиева Е. П.* М., 1999. Ч. I.
- Син – Синайская псалтырь, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Северьянов С. Н.* Синайская псалтырь. Graz, 1954.
- Слепч – Слепченский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.; изд.: *Ильинский Г. А.* Слепченский апостол XII века. М., 1912.
- Супр – Супрасльская рукопись, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *S. Severjanov.* Codex Suprasliensis / Editiones monumentorum

- slavlicorum veteris dialecti. Graz, 1956. Vol. I–II; *Заимов Ђ., Каналдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. София, 1982–1983. Т. 1–2.
- Струм – Струмицкий апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.; изд.: *Блахова Е., Хаунтова З.* Струмички (Македонски) апостол. Кирилски споменик од XIII век. Скопје, 1990.
- Толк – Толковый апостол, древнерусская рукопись 1220 г.; изд.: *Воскресенский Г. А.* Древнеславянский апостол. Послания святого апостола Павла. Сергиев Посад, 1892–1908. Вып. 1–5.
- Христ – Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.; изд.: *Kalužniacki E.* Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice ad fidem codicis Christopolitani. Vindebonae, 1896; *Маслов С. И.* Отрывок Христинопольского Апостола, принадлежащий библиотеке Унта Св. Владимира // Известия ОРЯС. 1910. Т. 15. № 4. С. 229–269 (Деян 9, 28–13, 5).
- Шиш – Шишатовачкий апостол, древнесербская рукопись 1324 г.; изд.: *Stefanović D. E.* Apostolus Šišatovacensis anni 1324. Wien, 1989.

Efimova V. S.

On the Problem of Differentiation of the Old Slavonic Lexical Inventory
(in the Search for Translations by St Cyril and Methodius)

The article deals with the problem of differentiation of the Old Slavonic lexical inventory. A considerable part of it was created by St Cyril and Methodius, their disciples and followers. The author tries to identify new bookish vocabulary and to separate it from the «old» vocabulary borrowed from primitive Slavic discourse.

Key words: *St Cyril and Methodius, Old Slavonic language, lexical inventory.*

А. А. Турилов
(Москва)

О датировке и происхождении двух сербских пергаменных списков Святосавской Кормчей

Памяти Ярослава Николаевича Щапова

Статья посвящена уточнению датировки и происхождения двух пергаменных списков Кормчей книги, переведенной ок. 1219 г. на Афоне в окружении св. Саввы Сербского. На основании изучения почерков устанавливается связь первого кодекса с архиепископским скрипторием первой трети XIV в., а второго – с королевским того же времени.

Ключевые слова: *Номоканон (Кормчая) с толкованиями в сербском переводе XIII в., ранние пергаменные списки, проблемы датировки и атрибуции почерков.*

Перевод Номоканона с толкованиями Алексея Аристина и Иоанна Зонары, выполненный в первой четверти XIII в. на Афоне в ближайшем окружении первого сербского архиепископа св. Саввы (Сербская или Святосавская Кормчая, «Законоправило св. Саввы» по современной сербской терминологии), занимает, несомненно, особое место в истории византийско-славянских и межславянских средневековых церковных и культурных связей¹. На протяжении века с четвертью (до перевода Синтагмы Матфея Властаря) он являлся единственным действующим каноническим сводом для сербской Церкви и, вероятно, не меньшее время для болгарской². История бытования памятника на Руси, куда он попал в третьей четверти XIII в. (1262 или 1270 г.), составляет отдельную большую исследовательскую тему³. Литература, посвященная различным аспектам исследования Кормчей св. Саввы, весьма обширна, и перечислять ее здесь излишне. Сравнительно недавно сербскими исследователями начато критическое издание этого канонического свода⁴, хотя перспективы окончания этой работы выглядят, к сожалению, достаточно туманными. В то же время в отдельных аспектах тему трудно считать исчерпанной, поскольку остаются нерешенными (либо спорными) многие вопросы, связанные с ранней рукописной традицией и историей бытования памятника даже в первое столетие после его перевода. Два таких сюжета и рассматриваются ниже.

Сараевская Кормчая. Пергаменный список Кормчей, хранящийся в музее при «Старой» церкви Архангела Михаила в Сараеве под № 222 и именуемый по месту своего более чем 350-летнего пребывания⁵ Сараевским, в сущности, не имеет в научной литературе надежно обоснованной датировки. Его первые исследователи, писавшие до середины XX в., датировали кодекс 1371 г. на основании записи на нем, выполненной «греческой» (или «византийской») тайнописью и сообщающей о написании в этом (6979 от «сотворения мира») году некоего «песньвца»⁶ (то есть, по всей вероятности, Псалтыри)⁷ для деспотицы Елены⁸. Со временем запись справедливо была признана копийной, имеющей в лучшем случае значение *terminus ante quem* для датировки кодекса, по поводу которой у исследователей не сложилось, однако, единого мнения. С. В. Троицкий в своем наиболее подробном описании списков Святосавской Кормчей, организованном в хронологической последовательности, поместил кодекс на пятом месте, после бумажного Пчинского списка, датируемого по водяным знакам 1360–70-ми гг., констатировав лишь, что сараевская рукопись написана до 1371 г.⁹ В. А. Мошин в рецензии на книгу С. В. Троицкого отнес сараевскую рукопись Кормчей (вполне справедливо, как будет показано ниже) на основании палеографических данных ко времени не позднее первой трети XIV в.¹⁰, но его точка зрения не получила широкого признания в литературе. Я. Н. Шапов, который, насколько мне известно, не работал с памятником *de visu*, присоединился к датировке Мошина, поместив кодекс между Дечанским и Пчинским списками¹¹. В то же время в работах сербских ученых и сербской справочной литературе возобладало «соломоново решение»: Сараевскую Кормчую стали датировать серединой XIV в. Эта дата принята, к примеру, в каталоге выставки 1973 г.¹², посвященной истории сербской письменности, в «Инвентаре кириллических рукописей, хранящихся в Югославии», составленном академиком Д. Богдановичем¹³, и в предисловии Л. Штавлианин-Джорджевич к т. 1 новейшего критического издания Святосавской Кормчей¹⁴.

С такой датировкой памятника, однако, трудно согласиться. Строго говоря, ни с палеографической, ни с правописной точки зрения невозможно доказать, что Сараевская Кормчая моложе Дечанской, датируемой в литературе последнего времени началом (или первой четвертью) XIV в.¹⁵ (достаточно сравнить их графико-орфографические характеристики, приводимые С. В. Троицким¹⁶), и даже Рашской 1305 г.¹⁷ Ранняя (не позднее первой трети XIV в.) датировка Сараевской Кормчей, предложенная В. А. Мошиным, вполне

подтверждается и кругом палеографических аналогий для всех ее почерков.

Общепринятым и, кажется, никем не оспариваемым является мнение, что Сараевская Кормчая переписана двумя писцами – безымянным (л. 1–191об.) и Мирославом, отметившим начало своей работы на л. 192¹⁸ (причем страница с этой записью, представляющая бесспорный образец почерка данного книгописца, не репродуцировалась). Между тем это явное недоразумение, до сих пор не замеченное исследователями (возможно, из-за малой доступности рукописи). В кодексе присутствует почерк по крайней мере еще одного писца, хотя его участие в переписке, по-видимому, весьма ограничено¹⁹ (не исключено, что он встречается лишь на одной странице – обороте листа 51). На снимке 8 при публикации С. В. Троицкого²⁰ хорошо видно, что воспроизведенный здесь (очевидно, в качестве первого²¹) почерк не совпадает ни с реальным почерком первого (анонимного) писца²², ни с почерком Мирослава (к которому он значительно ближе – см. ниже). По счастью, этот (реально второй) почерк легко узнается и надежно отождествляется. Это, несомненно, весьма характерный почерк безымянного основного писца Типика архиепископа Никодима 1319 г. из старого (погибшего в 1941 г.) собрания Народной библиотеки Сербии (№ 6 / Стоянович, № 402), в настоящее время хорошо известный по фототипическому изданию рукописи²³, но репродуцировавшийся и раньше²⁴. Среди характерных примет почерка этого писца следует назвать начертание **З** с дугообразным (в форме лезвия косы) хвостом, уходящим вниз от головки почти без обычной в таких случаях (хотя бы минимальной) горизонтальной перемычки; узкое **У** с чуть изогнутым хвостом, у которого левая и правая половины в месте соединения обычно не сливаются воедино, а образуют заметный стык; **Ф** в виде «омеги», пересеченной вертикалью; узкое **Х**, у которого линия, в других почерках идущая обычно слева направо, почти вертикальна и написана с заметным нажимом и засечкой внизу, а идущая справа налево – тонкая и может быть как прямой, так и слегка изогнутой²⁵.

С отождествлением почерка одного из писцов с письмом точно датированной рукописи Сараевская Кормчая получает надежную хронологическую привязку. Последняя носит, правда, так сказать, «осевой» характер, так как последовательность работы писца над Кормчей и Типиком неизвестны, а продолжительность активной деятельности книгописцев в Средние века могла достигать (без заметных изменений в почерке) 40–50 лет²⁶. Таким образом, наиболее

надежной представляется датировка сараевского кодекса Кормчей между 1294 и 1344 гг. (1319 г. и плюс-минус 25 лет). При этом верхний предел, вероятно, можно несколько понизить, поскольку работа по переписке перевода Иерусалимского устава, выполненного архиепископом Никодимом, была в 1319 г. поручена явно опытному и авторитетному (то есть едва ли молодому) книгописцу.

Весьма сходная картина наблюдается и при обращении к двум другим (известным ранее) почеркам кодекса. Почерк первого (безымянного) писца находит близкие аналогии в уставном письме целого ряда датированных сербских рукописей последней четверти XIII – первой четверти XIV в., таких, к примеру, как отрывок Апостола 1276–1277 г. (Москва, РГБ, собр. В. И. Григоровича, № 15. I (М. 1693)²⁷, писец дьяк Феодор), Рашская Кормчая 1305 г.²⁸ и Карейское Евангелие короля Милутина 1316 г. (Хиландарь, № 1, писец дьяк Георгий Радослав²⁹). Наибольшую близость из перечисленных рукописей к письму первого писца Сараевской Кормчей обнаруживает, на мой взгляд, почерк дьяка Феодора³⁰ (основное отличие между ними, свидетельствующее, очевидно, о более поздней датировке сараевского кодекса, заключается в том, что «ять» устойчиво имеет здесь более высокую мачту, чем в Апостоле).

Не столь определенной выглядит ситуация с Мирославом, однако и она отнюдь не противоречит предлагаемой датировке. С высокой степенью вероятности он может быть отождествлен с первым писцом сербского пергаменного Апостола № 501 из собрания Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии, написавшим здесь листы 1–165об. по современной нумерации³¹. Вопрос о датировке софийского Апостола решается не вполне однозначно. 90 лет назад Б. Цонев датировал кодекс XIII–XIV вв. (и в любом случае не позднее 1339 г.), отметив наличие в нем (на л. 289–289об.) не выделенной заголовком Пасхалии на 1339–1458 гг., начало которой, возможно, утрачено с предшествующим листом³². Почти несомненно, что одним из оснований для ранней датировки Апостола НБКМ, № 501 явился почерк второго писца кодекса (им написана и Пасхалия), палеографические приметы которого (З с коротким полуовальным хвостом, уходящим вниз; «ять» с невысокой мачтой; точка на высоте середины букв и даже выше) вполне соответствуют XIII в.³³ Поэтому по сочетанию почерков писцов Сараевская Кормчая вполне может быть датирована не позднее первой трети XIV в. Не противоречит этому и весьма скромная иллюминация рукописи. Одноконтурный заголовок киноварью с тонким киноварным же маргинальным

украшением на первом листе³⁴ находит близкое соответствие в заголовке «Прогласа Константина Философа» на л. 2 хиландарского Евангелия тетр. № 23³⁵. Инициалы византийского стиля в его киноарном варианте, подобные **Р** на обороте л. 186³⁶ и **Б** на л. 364³⁷ Сараевской Кормчей, широко распространены в южнославянских рукописях (и болгарских, и сербских) последней четверти XIII – середины XIV в.³⁸. Киноарный тонкий инициал **С** в левом столбце на обороте л. 366, украшенный точками и засечками³⁹, имеет ближайшую аналогию на л. 84 жалованной грамоты короля Милутина монастырю св. Стефана в Баньской («Святостефанского хрисовула») 1316–1318 гг.⁴⁰ 2-й писец (отождествляемый с писцом Никодимова типика) употребляет малые инициалы, украшенные зубчиками⁴¹, характерные для рукописей времени королей Милутина (1282–1321) и Стефана Дечанского (1321–1331)⁴². Таким образом, сараевская рукопись относится к достаточно компактной в хронологическом отношении группе списков Святосавской Кормчей, созданных в конце XIII – первой трети (четверти?) XIV в., начиная с оригинала 1295 г.⁴³, отразившегося в Бухарестском кодексе (БАН Румынии, Слав. 285) рубежа XV–XVI вв.

Отождествление нововыявленного писца Сараевской Кормчей с писцом Типика архиепископа Никодима заставляет по-новому взглянуть и на вопрос о месте создания кодекса. До последнего времени он просто не ставился в литературе, однако в предисловии к критическому изданию Святосавской Кормчей Л. Штавлинин-Джорджевич написала, что хотя рукопись и не содержит указаний на время и место написания, но на основании языковых и орфографических особенностей (каких именно – не указано), ее возникновение можно уверенно связать («поузвано везати») с боснийской территорией⁴⁴. Автор статьи не может с этим согласиться⁴⁵. Нетрудно заметить, что подобная версия попросту игнорирует присутствие на кодексе записи с именем деспотицы Елены⁴⁶ (кем бы она ни была). На территории Боснии как в XIV в., так и позже, не было правителей, носивших титул деспота, и уже одно это обстоятельство однозначно указывает на миграцию кодекса в продолжительном хронологическом промежутке 1371–1759 гг. Участие в переписке сараевской рукописи Кормчей основного писца Никодимова Типика с большой долей вероятности (хотя, разумеется, и не обязательно) может указывать на ее создание в архиепископском или в хиландарском скриптории.

После обоснования датировки сараевской рукописи становится очевидным, что к концу XIII – первой трети (четверти?) XIV в. от-

носится самая значительная группа сербских списков Святосавской Кормчей – общим числом 6⁴⁷, включая сюда протограф 1295 г. Бухарестского списка и Хлудовский, о котором речь пойдет ниже. В связи с этим закономерен вопрос, не может ли подобная активизация на протяжении 35–40 лет тиражирования столь важного церковно-юридического сборника быть связана с какими-то конкретными событиями в истории Сербского государства и церкви на рубеже XIII–XIV вв.? Включение в состав Сербии в начале правления (1282–1284) короля Стефана Уроша II Милутина северных областей Македонии, составлявших как минимум три епархии (Скопскую, Моровиздскую и Дебрскую⁴⁸), несомненно, должно было сопровождаться распространением славянского перевода Номоканона в новоприсоединенных епископиях. Однако списки, содержащие сведения о времени и месте создания (протограф Бухарестского кодекса и Рашская Кормчая) изготовлены в старых епархиях Сербской архиепископии, а остальные представляются излишне поздними, чтобы объяснять их происхождение подобным образом. Более вероятно, на мой взгляд, что отмеченный «всплеск» переписки Кормчих на рубеже XIII–XIV столетий отражает общие закономерности состояния дошедшей до нас сербской рукописной традиции. До последней четверти XIII в. она вообще достаточно мало репрезентативна в отношении репертуара, тогда как начиная с названного времени превращается едва ли не в самую богатую среди православных славянских⁴⁹.

Сокращенный вид Сербской Кормчей в конволюте ГИМ, Хлуд. 76. Еще один достаточно ранний (в рамках сохранившейся рукописной традиции) сербский список Святосавской Кормчей до последнего времени практически не привлекал внимания исследователей – достаточно сказать, что сведения о нем отсутствуют в монографиях не только С. В. Троицкого, но и Я. Н. Щапова. Речь идет о пергаменном списке, хранящемся в собрании А. И. Хлудова (Москва, Отдел рукописей Государственного Исторического музея) под № 76. Он представляет второй аллигат (л. 91–187) конволюта, начальной частью которого (л. 1–90) является болгарский епитимийный Номоканон («Зонара», «Зинарь» по позднейшей русской терминологии⁵⁰); рукопись имеет формат in quarto – размер листов составляет 195 × 135 мм. Долгое невнимание к списку (и кодексу в целом) исследователей объясняется довольно простыми (в чем-то даже стандартными) причинами – отсутствием хорошего постатейного описания и излишне поздней датировкой памятника. Автор первого печатного описания рукописного собрания А. И. Хлудова⁵¹ – А. Н. Попов – был

прежде всего историком литературы⁵², и это обстоятельство отчетливо отразилось на его труде, который в разных своих частях откровенно неравномерен и неравноценен⁵³. В книге подробно расписаны четьи сборники, из которых тут же опубликовано (целиком и в выписках) большое количество текстов (прежде всего житий, поучений и апокрифов). В то же время описания большинства богослужебных книг и других «нелитературных» рукописей (и в том числе той, о которой идет здесь речь) занимают в томе буквально по несколько строк. При этом типологические характеристики (определения типов книг) изобилуют здесь досадными неточностями⁵⁴, а при сопоставлении содержания целого ряда хлудовских рукописей с их описанием у А. Н. Попова трудно избавиться от мысли, что исследователь, демонстрируя характерное для того времени позитивистско-академическое пренебрежение к «клерикализму», попросту не просмотрел их до конца⁵⁵. Конволют Хлуд. 76 суммарно (правда, с выделением болгарской бумажной и сербской пергаменной частей) охарактеризован в описании как «Кормчая»⁵⁶ и датирован началом XV в. Такая датировка не должна вызывать удивления, так как к 1870-м гг. (да и существенно позже) в русской историко-филологической науке еще не были выработаны надежные палеографические критерии датировки южнославянских рукописей, исследователи вынуждены были ориентироваться на древнерусский материал, обладавший рядом существенных отличий, что не могло не приводить к погрешностям (порой весьма существенным) в установлении возраста памятников болгарской и сербской письменности⁵⁷.

Позднее исследователи не часто обращались к кодексу, причем во всех случаях это была его болгарская бумажная часть⁵⁸. При этом, несмотря на то, что еще в 1899 г. она была датирована Н. П. Лихачевым по филиграммам серединой XIV в.⁵⁹ (сербская часть и много позднее продолжала датироваться XV в.⁶⁰), сведения о конволюте не вошли в «Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР» (ПС XI–XIV), опубликованный в 1966 г.⁶¹, а были учтены лишь 20 лет спустя в дополнениях к нему⁶². В вышедшем в 1999 г. в Софии каталоге болгарских памятников хлудовского собрания обе части конволюта датированы серединой XIV в., однако содержание и здесь охарактеризовано весьма суммарно и приблизительно, как Епитимийный номоканон⁶³ (причина этого кроется, вероятнее всего, в специализации авторов – литературоведов и лингвистов).

В начале нового тысячелетия к конволюту обратились независимо друг от друга Е. В. Белякова⁶⁴ и автор этих строк – первая как

исследователь канонических и церковно-юридических памятников, второй в связи с подготовкой очередного выпуска Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XIV в., куда согласно алфавитной последовательности (Маргарит – Псалтырь толковая) должно войти описание кодекса (Номоканон епитимийный и Кормчая). Работы обоих⁶⁵ посвящены начальной (болгарской бумажной) части рукописи, но Е. В. Белякова кратко охарактеризовала и сербскую ее составляющую как особую сокращенную редакцию Святосавского Номоканона⁶⁶.

Что же представляет собой этот явно недостаточно во всех отношениях изученный памятник? Обратимся сначала к вопросу его датировки. По палеографическим признакам хлудовский список Кормчей может быть достаточно уверенно датирован последней четвертью XIII – первой третью XIV в.⁶⁷, временем правления короля Милутина (1282–1321) и его преемника св. Стефана Дечанского (1321–1330); внутри этого промежутка предпочтительнее выглядит датировка первой четвертью – третью XIV в. Ближайшую аналогию его письму представляет почерк дьяка Георгия Радослава, переписавшего в 1316 г. по заказу короля Милутина Евангелие для Карейской келии св. Саввы (Хиландарь, № 1)⁶⁸, которому атрибутируется также целый ряд других рукописей⁶⁹. В особенности близким к письму хлудовской Кормчей (настолько, что уместно поставить вопрос об их идентичности) выглядит тот вариант почерка Радослава, которым написана неоднократно упоминавшаяся королевская грамота 1316–1318 гг. монастырю св. Стефана в Баньской⁷⁰. Вполне укладывается в подобную датировку и скромная орнаментика рукописи: тонкие киноварные инициалы в начале разделов и составленный из таких же букв заголовков на л. 91⁷¹. Хлудовский список, таким образом, оказывается вполне современным Дечанскому и Сараевскому и лишь немного моложе Рашского. При этом, разумеется, стоит заметить, что предположительная атрибуция рукописи писцу, связанному с королевским двором, отнюдь не означает (даже в том случае, если она будет окончательно доказана) связи с высокими официальными (светскими или церковными) кругами самого кодекса⁷² – напротив, есть все основания думать об обратном (см. ниже). В картине сербского книгописания для рассматриваемого периода остается много неясного, при том что сербская традиция в это время является наиболее репрезентативной (во всяком случае, в численном отношении) среди православных славянских⁷³. Ономастикон сербских книгописцев XIII – раннего XIV в. позволяет говорить о преобладании среди

них мирян (часть которых была, вероятно, церковнослужителями) и представителей белого духовенства, работавших даже по заказу монастырей и епископских кафедр⁷⁴ (в Сербии располагавшихся также преимущественно в монастырях). Поэтому, с учетом окказионального по преимуществу характера книгописания в средневековом славянском мире, нельзя исключать даже тот (сугубо гипотетический) вариант, что книга была написана писцом для собственных нужд, после принятия священнического сана.

При такой датировке список Кормчей сербской редакции в составе ГИМ, Хлуд. 76, несомненно, заслуживал бы пристального внимания исследователей (как входящий в пятерку древнейших) даже в том случае, если бы он был вполне стандартным. Между тем рукопись представляет особую – заметно сокращенную⁷⁵ – версию текста. Отличия начинаются уже с заглавия. В других старших списках – Иловицком, Рашском, Сараевском⁷⁶ – оно звучит (с незначительными вариантами), как: «С Богом починаются книги сие, глаголемые греческим языком Номоканон и сказаемые нашим языком Законуправило»⁷⁷. В Хлуд. 76 тексту предшествуют другие слова, свидетельствующие, вероятнее всего, о том, что данная редакция предназначалась для нужд священника (духовника): «Правило святых апостол и святых отец, наказание презвутером и дияконом и всему священническому чину и како подобает презвутером... приимати духовную детцу и наказовати их...».

В полной мере объем сокращений исходного текста Сербской Кормчей в хлудовском списке не удастся установить из-за утраты ряда листов. В начале опущена вся вводная часть и указатель XIV титулов. Собрание правил дается с толкованиями Алексея Аотстина, текст начинается выборкой апостольских правил (52 из 85 – правила 3–6, 8, 9, 11–13, 15–33, 39, 42–45, 47–52, 54–57, 61, 63, 64, 69, 72, 73, 79, 82, 84). Далее следуют 10 (из 17) правил ап. Павла (2–6, 9, 13–16), затем три (3, 9, 20) правила 1-го Вселенского собора (между правилами 9 и 20 утрата листов), три (11, 17, 20) – Анкирского (далее утрата), два (2, 3) Антиохийского (далее утрата), 12 (15, 20, 21, 27–29, 31, 32, 42–44) Лаодикийского (затем утрачен лист), 1 (22) Халкидонского, 2 (91–104) Карфагенского, 30 (7, 9, 14, 15, 23–24, 26, 27, 31, 50–53, 59–61, 66–68, 70, 74, 75, 77, 80, 83–86, 90, 102) – 6-го Вселенского собора и 72 правила Василия Великого. Далее следует без сокращений еще одно собрание правил Василия Великого «О согрешающих» – 26 правил, отдельные главы того же автора, и правила св. Дионисия Александрийского (три), Афанасия Александрийского (два), Григория Нисского (шесть),

Тимофея Александрийского (десять), Феофила Александрийского (три). Из императорского законодательства присутствует только собрание Юстиниана «О рабах», из учительной части – Послание Нила черноризца к Хариклину пресвитеру; в значительной степени сохранены статьи о браках⁷⁸.

В славянской рукописной традиции известны примеры сокращения полного текста Кормчих книг по сходному принципу, в том числе и на материале сербской Кормчей (так называемая Мазуринская редакция)⁷⁹. Речь идет, однако, именно о принципиальном сходстве, а отнюдь не о полном совпадении. Кроме того, хлудовский вариант представляет древнейший известный на сегодняшний день опыт сокращения Святосавской Кормчей, предпринятый еще в то время, когда памятник был единственным в южнославянской традиции каноническим сводом (до перевода в правление Стефана Душана Синтагмы Матфея Властаря). В силу этого он несомненно заслуживает максимально полного и всестороннего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подробнее см.: *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 117–158.
- 2 В целом свидетельства по данному вопросу очень скудны, но стоит заметить, что единственный болгарский список памятника, представляющий особую его редакцию (Мазуринская Кормчая), датируется третьей четвертью XIV в. (см.: Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв.: Исследование. Тексты / Изд. подг. Е. В. Белякова, К. Илиевская, О. А. Князевская, Е. И. Соколова, И. П. Старостина, Я. Н. Щапов. М., 2002).
- 3 *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие... С. 135–158, 263–270.
- 4 Законоправило светога Саве / Приред. и прев. М. М. Петровић, Љ. Штавланин-Ђорђевић. Београд, 2005. Књ. 1.
- 5 Старшая запись на кодексе, свидетельствующая о его принадлежности данному храму, относится к 1759 г. (*Троицки С. В.* Како треба издати Светосавску Крмчију (Номоканон са тумачењима). Београд, 1952. С. 44).
- 6 *Живковић М.* Србуље у Сарајеву // Гласник СУД. [Београд], 1899. Књ. 63. С. 180–197; *Вукићевић М.* Из старих србуља // Гласник земаљског музеја у Босни и Херцеговине. [Сарајево], 1901, јануар–

- март. С. 31–33; *Шляпкин И. А.* Описание Сараевской кормчей // Библиографическая летопись, 1915. Т. 2. С. 20–27; *Мирковић Л.* Старице Старе цркве у Сарајеву. Београд, 1936.
- 7 Наиболее вероятное объяснение, по аналогии с Псалтырью толковой болгарского царя Иоанна Александра 1337 г. (София, Б-ка Болгарской АН, Слав. 2), именуемой в послесловии писца «песнивцем».
 - 8 Вопрос о личности деспотицы Елены в литературе остается открытым. Исследователи XIX – первой четверти XX в. (см. примеч. 2) отождествляли ее с вдовой Стефана Душана, носившей это имя. Однако позднее А. В. Соловьев (Светосавски Номоканон и његови нови преписи // Браство. Београд, 1932. Бр. 16. С. 29, примеч. 22) справедливо усомнился в возможности титулования царицы деспотницей, то же мнение позднее высказал Л. Миркович (Старине Старе цркве... С. 21, примеч. 2). С этим согласился и С. В. Троицкий (Како треба издати ... С. 43), заметив дополнительно, что с 1355 г. вдова Душана носила монашеское имя Елизавета. Весьма вероятно предположение Дж. Сп. Радоичича, что речь может идти о жене сербского деспота Иоанна Углеши, мирское имя которой неизвестно, однако монашеское (Евфимия) и схимническое (Евпраксия) начиналось на ту же букву, что и Елена (*Радојичић Ђ. Сп.* Стари српски књижевници XIV–XVII в. Београд, 1942. С. 16–19, 79–87; ср.: *Тројици С. В.* Како треба издати... С. 43–44).
 - 9 *Тројици С. В.* Како треба издати... С. 43–45; сн. 8–10.
 - 10 Slovo. Zagreb, 1953. Bр. 2. S. 161. К сожалению, мне осталась недоступна работа: *Mošin V., Traljić S.* Ćirilski spomenice u Bosni i Hercegovini // *Naše starine.* 1959. Bр. 6. S. 63–104.
 - 11 *Щанов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие... С. 262. № 10.
 - 12 Изложба српске писане речи. Београд, 1973. С. 37. № 98.
 - 13 *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI–XVII века). Београд, 1982. С. 47. № 485.
 - 14 *Штављанин-Ђорђевић Љ.* Предговор // Законоправило светога Саве... Књ. 1. С. XXV–XXVI.
 - 15 *Богдановић Д.* Инвентар... С. 47. № 484 (начало века); *Богдановић Д., Штављанин-Ђорђевић Љ., Јовановић-Ступчевић Б., Васиљев Љ., Цернић Л., Гроздановић-Пајић М.* Опис ћирилских рукописних књига манастира Високи Дечани. Београд, 2011. Књ. 1. С. 455 (начало века в «шапке» описания и первая четверть в палеографической характеристике). Ранее дечанский список датировался концом XIII – первой половиной (началом) XIV в. (*Тројици С. В.* Како треба

- издати... С. 37; *Щанов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие... С. 261. № 8) и XIV в. без уточнений (*Шакота М.* Инвентар рукописних књига Дечанске библиотеке // Конзерваторски и испитивачки радови. Београд, 1956).
- 16 См.: *Троицки С. В.* Како треба издати... С. 36–37 (Дечанская Кормчая); 44–45 (Сараевская).
- 17 Подробнее о Рашской Кормчей в этом отношении см.: *Булатова Р. В.* Кто написал Рашскую кормчую книгу 1305 г. // 36. Матице Српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1976. Књ. 19. Бр. 2. С. 15–26.
- 18 См., например: *Мирковић Л.* Старине Старе цркве... С. 21; *Троицки С. В.* Како треба издати... С. 42, 44; *Щанов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие... С. 262; *Штављанин-Борђевић Љ.* Предговор... С. XXVI.
- 19 Я, к сожалению, не имел возможности работать с рукописью de visu, и все мои наблюдения основаны на достаточно ограниченном количестве репродукций (общим числом 7), опубликованных Л. Мирковичем (табл. XXXII, 1–2), С. В. Троицким (сн. 8–12) и в приложении к новейшему изданию Святосавской Кормчей (сн. [7–8]). При этом первые снимки у Мирковича и при издании Кормчей воспроизводят одну и ту же – начальную – страницу кодекса, совпадают также второй снимок у Мирковича и последний у Троицкого (л. 366об.); большинство репродукций (4 из 7) содержат почерк Мирослава.
- 20 *Троицки С. В.* Како треба издати... Сн. 8.
- 21 На снимках 9 и 10 воспроизведены, соответственно, лицевые стороны листов 351 и 354, написанных Мирославом.
- 22 Ср.: *Мирковић Л.* Старине Старе цркве... Табл. XXXII, 1; Законоправило светога Саве... Приложение, сн. [7].
- 23 Типик архијепископа Никодима. Београд, 2004. Књ. 1 (Фототипија изгорелог рукописа Народне библиотеке у Београду). Этим писцом написаны л. 1–4об. (первые 5 строк) и начиная с л. 11 до конца.
- 24 См.: *Лавров П. А.* Альбом снимков с югославянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916. № 52. Снимок из этого издания перепечатан также: *Мошин В.* Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966.
- 25 Указанные особенности начертаний **З** и **Х** служат наиболее заметным отличием почерка этого анонимного писца от письма Мирослава, у которого первая буква имеет отчетливое горизонтальное соединение головки и хвоста, а вторая пишется более широко, причем обе линии имеют отчетливый наклон по отношению к строке.

- 26 Здесь достаточно вспомнить прославленного славяно-молдавского книгописца, монаха Гавриила Нямецкого (Урика), старшая из рукописей которого датируется 1412 г., а младшая – 1451-м (Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 207–209), и новгородского игумена Закхья, работавшего, как минимум, с 1478 по 1523 г. (Там же. М., 2008. Т. 19. С. 576–578).
- 27 Образцы почерка см.: *Лавров П. А.* Палеографические снимки с югославянских рукописей болгарского и сербского письма. СПб., 1905. Вып. 1. Табл. 43 (фотолитография); *Он же.* Альбом снимков... № 49 (снимок переиздан: *Мошин В.* Палеографски албум... С. 48. № 44; *Ђорђић П.* Историја српске ћирилице. Палеографско-филолошки прилози. Београд, 1971 (и позднейшие стереотипные издания). Сл. 35); Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984, вклейка между с. 308–309, № 182.
- 28 Воспроизведения образцов очень близких почерков кодекса весьма многочисленны – см., к примеру: *Лавров П. А.* Палеографические снимки... Табл. 49 (фотолитография); *Он же.* Альбом снимков... № 50; *Мошин В.* Палеографски албум... С. 74. № 70; Законоправило светога Саве... Сн. [5–6].
- 29 Почерк этого писца-каллиграфа, работавшего по королевскому заказу, воспроизводится постоянно, один из лучших образцов см.: *Шпадиџер И.* Рукописно наслеђе // Манастир Хиландар / Приред. Г. Суботић. Београд, 1998. С. 117. Подробнее о рукописях, написанных Георгием Радославом, см.: *Турилов А. А.* От Кирилла Философа до Константина Костенецкого и Василия Софьянина: История и культура славян IX–XVII вв. М., 2011. С. 384, 396–398.
- 30 Эта пара почерков несомненно нуждается в углубленном сопоставительном изучении, поскольку я в своих наблюдениях был ограничен единственной начальной страницей Сараевской Кормчей (в двух вариантах – черно-белом у Л. Мирковича и цветном в новейшем издании «Законоправила»), сохранность которой к тому же не идеальна (текст местами затерт, хотя и не очень сильно, что не может не сказаться на восприятии облика почерка).
- 31 Образцы почерка см.: *Цонев Б.* Опис на славянските ръкописи в Софийската Народна библиотека. София, 1923. Т. 2. Прилож. Табл. 12, левая половина; *Стоянов М.* Украса на славянските ръкописи в България. София, 1973. С. 70. № 44.
- 32 *Цонев Б.* Опис... С. 37.
- 33 Образец почерка (лицевая сторона л. 166) см.: Там же. Прилож. Табл. 12 (правая половина).

- 34 См.: *Мирковић Л.* Старине Старе цркве... Табл. XXXII, 1; Законоправило светога Саве... Прилож., сн. [7].
- 35 См.: *Радојичић Ђ. Сп.* Хиландарски рукописи о почетку словенске писмености. Нови Сад, 1963. С. 1; *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Палеографски албум. Београд, 1978. Репр. 10.
- 36 Законоправило светога Саве... Прилож., сн. [7].
- 37 *Троицки С. В.* Како треба издати... Сн. 10.
- 38 В качестве близкой аналогии можно указать, к примеру, инициал П на л. 77 упоминавшегося выше сербского Апостола НБКМ, № 501 (см.: *Стоянов М.* Украса на славянските ръкописи... С. 70. № 44), инициал Б на обороте л. 86 жалованной грамоты короля Милутина монастырю в Баньской 1316–1318 гг. (см.: Повеља краља Милутина манастиру Баньска. Светостефанска хрисовуља / Приред. Ђ. Трифуновић. Београд, 2011. Књ. 1 (Фототипија изворног рукописа). С. 182), инициал В в начале утраченного ныне 2-го варианта Дечанского хрисовула (ДХ II), датируемого не ранее 1331 г. (см.: *Милојевић М. С.* Дечанске хрисовуље // Гласник СУД. 2-о од. Београд, 1880. Књ. 12. Табл. 1; *Ивић П., Грковић М.* Дечанске хрисовуље. Нови Сад, 1976. Прилож. 2), тот же инициал в начале 3-го варианта той же грамоты (ДХ III) 1343–1345 гг. (см.: *Бубало Ђ.* Почетак треће Дечанске хрисовуље // Стари српски архив. Београд, 2007. Књ. 6, вклейка между с. 72 и 73), и др.
- 39 См.: *Мирковић Л.* Старине Старе цркве... Табл. XXXII, 2; *Троицки С. В.* Како треба издати... Сн. 12.
- 40 См.: Повеља краља Милутина манастиру Баньска... С. 177.
- 41 *Троицки С. В.* Како треба издати... Сн. 8. Правда, судя по снимкам, первый и третий (Мирослав) писцы кодекса подобных инициалов не используют, но в данном случае это не имеет решающего значения.
- 42 О датирующем потенциале таких инициалов см.: *Васильев Л.* Геометријски инициал од средине XIII в. до двадесетих година XIV в. и његов палеографски значај у датирању српских пергаментних рукописа // Археографски прилози. Београд, 1984–1985. Бр. 6–7. С. 131–156 (некоторые уточнения в определении верхней границы их употребления – *Турилов А. А.* К отождествлению частей некоторых фрагментированных сербских рукописей XIV в. // Там же. Београд, 2004–2005. Бр. 26–27. С. 127, 140 (примеч. 21); то же (существенно расширенный вариант) // *Он же.* От Кирилла Философа до Константина Костенецкого... С. 348–349, 354, 371, примеч. 29).

- 43 Текст записи см.: *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Београд, 1905 (репринт – 1984). Књ. 3. С. 139–140. № 5543.
- 44 *Штављанин-Ђорђевић Љ.* Предговор... С. XXVI.
- 45 Строго говоря, при отсутствии уточняющих данных, орфографические особенности позволяют судить не о месте создания кодекса, а о происхождении его писца. В условиях средневековой Сербии (в особенности при наличии столь важного экстерриториального книжного центра, как Хиландарь) эти два момента далеко не всегда могли совпадать.
- 46 Вопрос о палеографической датировке тайнописной записи Л. Штавлянин-Джорджевич, как и ее предшественники, к сожалению, не рассматривает, ограничиваясь констатацией ее наличия.
- 47 Здесь стоит, вероятно, напомнить, что более ранним временем датируются два списка – протограф 1255 г. Морачской рукописи и Иловицкая Кормчая 1262 г., к третьей и последней четверти XIV столетия (то есть к периоду, когда параллельно со Святосавским Номоканоном существовал уже перевод Синтагмы Матфея Властаря) относятся, соответственно, Пчинский и Венский; еще 5 списков переписаны в эпоху османского владычества, от третьей четверти XV в. до 1614 г. (см.: *Троицки С. В.* Како треба издати... С. 34–63; *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие... С. 261–263).
- 48 *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия. София, 1924 (репринт – 1995). Т. 1 (От основаванието и до завладяването на Балканския полуостров от турците). С. 154–155.
- 49 См. об этом подробнее: *Турилов А. А.* Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы // Славянский альманах 1998. М., 1999. С. 17–29 (То же // *Он же.* Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские связи эпохи средневековья. М., 2011. С. 103–114); *Он же.* Судьба древнейших славянских литературных памятников в средневековых национально-региональных традициях // Там же. С. 18–38 (первоначально статья была опубликована на итальянском языке – *Turilov A. A. La Letteratura slava ecclesiastica delle origini storia e geografia della tradizione manoscritta // Incontri linguistici. Pisa; Roma, 2005. Vol. 28. P. 11–29.*
- 50 О термине см. подробнее: *Белякова Е. В.* О составе Хлудовского Номоканона (к истории сборника «Зинар») // Старобългарска литература. София, 2007. Кн. 37–38. С. 115–116.
- 51 *Попов А. Н.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872.

- 52 Подробнее о нем и его научном наследии см., например: *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910 (репринт – М., 2003). С. 644–645, 930; *Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Указатель.* М., 1983. Т. 1. Вып. 1 (1862–1917). С. 184–188 (здесь же предшествующая библиография); *Милтенова А. Попов А. Н.* // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 2003. Т. 3. С. 209–211.
- 53 Ср. почти восторженную оценку труда А. Н. Попова у И. В. Ягича (История славянской филологии. С. 644–645).
- 54 Классический пример представляет в этом смысле среднеболгарский Струмицкий Октоих первой половины XIII в. (ГИМ, Хлуд. 136), описанный у Попова (Описание... С. 293) как Триодь цветная. Начальная часть конволюта Хлуд. 117, содержащая полный западноболгарский список конца XIII в. **Службника с Чином всеобщего бдения (агрипнии)**, охарактеризована в описании (с. 277) как Литургия Иоанна Златоуста (подробное описание кодекса см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. / Отв. ред. А. А. Турилов (СК XIV). М., 2002. Вып. 1 (А–Л). Прилож. 2. С. 656–661. № д65). Часослов № 123, представляющий, впрочем, только первую часть (л. 1–283об.) сербского кодекса начала XVII в. (см. следующее примечание), определен как Устав церковный (*Попов А. Н.* Описание... С. 287). Число таких примеров нетрудно умножить.
- 55 Напомню, что в Хлуд. 117 (см. примеч. 54), представляющем один из древнейших южнославянских списков Службника, литургия Иоанна Златоуста занимает только первые 24 л., а следующие далее литургии Василия Великого и преждеосвященных даров и Чин агрипнии выделены крупными заголовками на л. 24об., 43 и 55. Не заглянув в состав сербской Минеи служебной кон. XIII (?) – нач. XIV в. Хлуд. 156 (*Попов А. Н.* Описание... С. 311), описатель на век с четвертью отсрочил введение в научный оборот единственного списка службы первоучителю Мефодию с канонем Климента Охридского (см.: *Мошкова Л. В., Турилов А. А.* «Моравские земле велеи гражданин» (Неизвестная древняя служба первоучителю Мефодию) // *Славяноведение*, 1998, № 4. С. 3–23 (то же // *Турилов А. А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012. С. 47–72); *Попов Г.* Службата за славянския първоучител Методий в Хлудовия миней № 156 // *Старобългарска литература.* София, 2001. Кн. 32. С. 3–20; СК XIV. Прилож. 2. С. 628–632, № д41). В до-

- вольно подробном описании пергаменного сербского сборника первой половины XIV в. Хлуд. 189 (*Попов А. Н.* Описание... С. 378–379) он ухитрился не отметить расположенный в конце (л. 276об.–282об.) Кондакарь, представляющий единственный (!) известный южнославянский список данного типа книги (*Николова С., Йовчева М., Попова Т., Тасева Л.* Българското средновековно културно наследство в сбирката на А. Хлудов в Държавния исторически музей в Москва: Каталог. София, 1999. С. 69–71. № 64), причем несомненно восходящий к древнерусскому домонгольскому оригиналу (см.: *Павлова Р.* Восточнославянские святые в южнославянской письменности XIII–XIV вв. Halle (Saale), 2008. С. 35–36, 199; *Турилов А. А.* Из истории русско-южнославянских книжных связей XII–XIII вв.: новое и забытое // *Russica Romana*. Pisa; Roma, 2011. Vol. XVII (2010). С. 21–22, 29; *Он же.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья... С. 268, 272, 280–281, 284). Однако наиболее поразительный пример представляет уже упомянутый (см. примеч. 50) кодекс Хлуд. 123. В нем за Часословом, описанном как Устав (*Попов А. Н.* Описание... С. 287), следует в реальности большой сборник смешанного содержания (л. 284–457) с массой текстов, несомненно лежавших в круге научных интересов самого описателя, в частности, редких апокрифических сочинений и памятников антилатинской полемики (подробнее о рукописи см.: *Турилов А. А.* Кичевский сборник с «Българской апокрифической летописью» (Датировка, состав и история рукописи) // *Palaeobulgarica*, 1995. № 4. С. 2–39; То же // *Он же.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья... С. 485–516).
- 56 Этому безусловно в немалой степени способствовали многочисленные утраты обеих частей рукописи, в особенности листов с заголовками разделов (см.: *Белякова Е. В.* О составе Хлудовского Номоканона... С. 116–117, 128).
- 57 См.: *Турилов А. А.* Предисловие (Опыт авторецензии) // Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (М., 1986)». М., 1993. С. 7, 9–12, 21–22, 25–27 (примеч. 13, 14, 36–43); *Он же.* Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV–XVI вв. // Хризограф. М., 2005. Вып. 2. С. 142, 161–162, примеч. 43–44 (то же // *Он же.* *Slavia Cyrillomethodiana*... С. 415, 429–430, примеч. 42–43; *Он же.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья... С. 652, 663, примеч. 42–43).
- 58 Библиографию немногочисленных работ см.: *Он же.* К истории тырновского «царского» скриптория XIV в. // Филологически изследва-

- ния в чест на Климентина Иванова, за нейната 65-годишнина. София, 2005. С. 319 (то же // *Он же*. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья... С. 334–335).
- 59 *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Т. 1. С. 203–204; Т. 3. № 2066, 2067.
- 60 См., к примеру: *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М., Гольишенко В. С.* Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея (Ч. 2. Рукописи болгарские, сербские, молдавские) // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 209.
- 61 Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 187–271.
- 62 Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР / Сост. А. А. Турилов. М., 1986. Прилож. С. 372. № 48 (здесь XIV в. датирован весь кодекс).
- 63 *Николова С. и др.* Българското средновековно културно наследство... С. 82. № 75.
- 64 Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить Е. В. Белякову за сообщенные ею сведения о составе и редакционной принадлежности сербской части рукописи.
- 65 *Белякова Е. В.* О составе Хлудовского Номоканона... С. 114–131; *Турилов А. А.* К истории тырновского «царского» скриптория... С. 319–320, 323; *Он же*. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья... С. 325–327, 333–336.
- 66 *Белякова Е. В.* О составе Хлудовского Номоканона... С. 128.
- 67 Образцы почерка см.: *Николова С. и др.* Българското средновековно културно наследство... Обр. 82–83. О круге аналогий см. выше, в связи с первым писцом Сараевской Кормчей.
- 68 Вероятно, лучшее на сегодняшний день воспроизведение почерка этого Евангелия см.: *Шпадиџер И.* Рукописно наслеђе... С. 117.
- 69 О рукописях, переписанных этим писцом, см. подробнее: *Турилов А. А.* Заметки о сербских грамотах XIV–XV вв., написанных книжным письмом: проблемы писцов, подлинности и датировки актов (из предварительных наблюдений) // Стари српски архив. Београд, 2010. Књ. 9. С. 199–201 (То же // *Он же*. От Кирилла Философа до Константина Костенецкого... С. 384, 397–398; *Он же*. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья... С. 433, 443); *Он же*. К изучению южнославянской рукописной традиции «Прогласа Константина Философа» // «Пение мало Георгию»: Сборник в чест на 65-годишнината на проф. дфн Георги Попов. София, 2010. С. 351–352 (То же // *Он же*. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья... С. 14, 18).

- 70 Повеља краља Милутина манастиру Бањска... С. 19–197. Письмо Кормчей отличается в целом более приземлистыми пропорциями, но начертания всех букв (включая варианты) в обоих случаях вполне совпадают. Следует заметить, что мнение об атрибуции почерка грамоты Георгию Радославу разделяется отнюдь не всеми исследователями. Так, последний ее публикатор, проф. Дж. Трифунович, считает, что речь может идти лишь о сходстве (хотя и весьма близком), но не об идентичности этих почерков. Впрочем, для датировки сербской части Хлуд. 76 это обстоятельство не имеет значения.
- 71 См. примеч. 42.
- 72 Мне уже приходилось рассматривать аналогичную ситуацию в отношении болгарской части Хлуд. 76, безымянный писец которой известен также по рукописи, написанной для царя Иоанна Александра (*Турилов А. А.* К истории тырновского «царского» скриптория... С. 319–320, 323; *Он же.* Заметки о тырновских «обыденных» рукописях и книгописцах первой половины – середины XIV в. // Юбилеен сборник в чест на 60-годишнина на К. Станчев и А. Наумов. София, 2009. С. 166–167); *Он же.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья... С. 339, 341. Примеч. 18–25.
- 73 См: *Турилов А. А.* К отождествлению частей некоторых фрагментированных сербских рукописей... С. 124, 137–139; примеч. 4–7 (То же // *Он же.* От Кирилла Философа до Константина Костенецкого... С. 345–346, 367–369. Примеч. 4–7; *Он же.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья... С. 378–379, 395–397. Примеч. 4–7).
- 74 *Турилов А. А.* После Климента и Наума (Славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X – первой половине XIII в.) // *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000 (2-е изд. – 2004). С. 130–131 (То же (с уточнениями и дополнениями) – *Турилов А. А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья... С. 138, 158–159).
- 75 *Белякова Е. В.* О составе Хлудовского Номоканона... С. 128.
- 76 В Дечанском списке начало утрачено.
- 77 Законоправило светого Саве... С. 1. Здесь и далее цитаты даются в упрощенной русифицированной орфографии, без соблюдения интерпункции оригинала.
- 78 *Белякова Е. В.* О составе Хлудовского Номоканона... С. 128.
- 79 *Она же.* Мазуринская редакция Кормчей и ее место в византийско-славянской канонической традиции // *Россия и христианский Восток.* М., 2004. Вып. 2–3. С. 19–34.

Turilov A. A.

On the Dating and Provenance of Two Serbian Parchment Copies
of the Book of Canons (Kormchaya) of St Sabas

The article tells about the exact dating and provenance of two parchment copies of Kormchaya translated in Athos, in the milieu of St Saba of Serbia about 1219. On the base of analysis of two handwritings the author establishes the connection of the first manuscript with the Archbishop's scriptorium of the first third of the 14th cent, and that one of the second manuscript with the royal scriptorium of the same period.

Key words: Nomocanon (Kormchaya) with commentaries in the Serbian translation of the 13th cent., early parchment copies, problems of dating and attribution of handwritings.

О. А. Акимова
(Москва)

Модель формирования государственной власти в памятниках письменности раннесредневековых славянских государств на Западе Балкан

В статье рассматриваются особенности политической идеологии и легитимации власти в раннесредневековых государствах на Западе Балкан – в Хорватии, Захумье, Дукле и Сербии.

Ключевые слова: *Раннее Средневековье, южнославянские государства, Далмация, Римская церковь, Византия, общественная мысль.*

Относительно небольшая область западных Балкан, где располагались раннесредневековые славянские государства и государственные образования, входила в сферу интересов целого ряда сил – Византии, Франкского государства, Болгарии, Венгрии, Венеции. Церкви этих государств находились под юрисдикцией Рима, Константинопольской патриархии, автокефальной Охридской архиепископии. На значительной части территорий, подчиненной Римской церкви, было распространено глаголическое богослужение, которое велось по текстам кирилло-мефодиевской традиции. Некогда вся эта область составляла римскую, а затем византийскую провинцию Далмация с римским или романизованным населением. Но после варварских вторжений VII в. **византийская провинция сократилась** до нескольких городов и островов, располагавшихся вдоль Адриатического побережья, куда оказались в основном вытеснены романские жители. Епископии далматинских городов относились к юрисдикции Римской церкви и составляли церковную территорию Сплитской архиепископии, которая охватывала всю тогдашнюю Хорватию и значительную часть некоторых сербских государств. Эта сложная политическая и конфессиональная ситуация во многом определяла процессы создания и функционирования здесь государственной власти и ее институтов, а также особенности формирования государственной идеологии и представлений о власти.

Хорватия была одним из наиболее сильных раннесредневековых государств этой части Балкан, которое просуществовало почти три столетия – с IX до конца XI в. В начальный период своей истории она была тесно связана с Византией, находилась под суверенитетом франков, а с конца IX в. ее правители стали, по сути, самостоятель-

ными¹. Благословение римских пап на правление страной уже с этого времени становилось основой легитимации их власти².

Раннесредневековая Хорватия располагалась на землях прежней византийской провинции Далмация, административный и церковный центр которой – Салона – также находился теперь на хорватской территории. На сплитских церковных соборах 925 и 928 гг. по инициативе папы Иоанна X проводилась реорганизация далматинской церковной провинции, заключающаяся в воссоздании ее административного устройства до варварских нашествий. Тогда на основе античного прецедента восстанавливались прежние епископии и их центры, а церковным наследником Салоны был объявлен находившийся на византийской территории Сплит, куда, по местной исторической традиции, бежали жители разрушенной варварами Салоны. Он и стал центром далматинской церковной провинции³. Таким образом, Сплитская архиепископия объединила церковные территории Хорватии и византийской Далмации. Политическое их объединение произойдет позже, в XI в., когда далматинские города войдут в состав Хорватского королевства.

Между тем название «Далмация» и ранее sporadически включалось в титулатуру хорватских правителей, показывая желательное направление распространения их власти. Престиж византийской Салоны (которая стала называться Солином) использовался в политической идеологии Хорватии. Церковь св. Марии в Солине стала пантеоном членов правящей династии, а в солинской церкви св. Петра в 1075 г. прошла коронация одного из наиболее известных правителей, Звонимира, который был коронован папским легатом. Сопровождавший коронацию вассальный договор Звонимира с папой подчеркивал единство находившейся под его властью территории и населения – хорватов и далматинцев. Звонимир сообщал, как «после всеобщего и согласного избрания всем клиром и народом на владение королевством хорватов и далматинцев» он получил от папского посланника направленные ему папой «знаки королевской власти» – знамя, меч, жезл и корону⁴. Показательна вместе с тем поддержка хорватскими правителями, в том числе и Звонимиром, глаголических служб, последовательно запрещавшихся как еретических римскими папами⁵.

Византия оставалась важным фактором властных отношений в Хорватии, о чем свидетельствуют некоторые события ее истории. Результатом одного из эпизодов борьбы в хорватской правящей династии Трпимировичей было кратковременное (в 878–879 гг.) прав-

ление ориентированного на Византию и ее церковь князя Здеслава. Хроника XIII в. сплитского архидиакона Фомы сообщает о неких «знаках королевского достоинства», которые, начиная с Држислава (969–997), хорватские правители получали от константинопольских патриархов, называвших их епархами или патрициями⁶. Факт подобной коронации не имеет подтверждения в других источниках, однако косвенным его свидетельством может быть христианское имя Држислава – Стефан, «венчанный». О хорватском «венце» упоминает венецианский историк Иоанн Диакон в связи с сообщением о династической борьбе между тремя сыновьями Држислава, в результате которой один из них, **Surigna (Светослав), «лишился королевской диадемы»** (*regnis amiserat diadema*)⁷. А из сообщения византийского хрониста XI – начала XII в. Иоанна Скилицы известно, что в 1018 г. власть византийского императора Василия II (одержавшего в тот год победу над болгарским царем Самуилом), признали два брата – хорватских князя («архонта») и получили за то византийские титулы⁸. Грамота середины XI в. хорватского бана С. (по всей видимости, Стефана Праска) была датирована им временем правления византийского императора Константина IX Мономаха, а сам он называл себя «императорским протоспафарием»⁹, обнаруживая тем самым собственные, очевидно, поддерживаемые Византией, властные амбиции.

Множественность политических и культурных предпочтений, характерных для формирования государственной идеологии Хорватии, демонстрирует, в частности, и датировочные формулы грамот, относящихся к X–XI вв. В некоторых из них, в том числе исходивших из канцелярии короля Звонимира, соединялись имена папы и византийского императора¹⁰. Примерно второй половиной XI в., то есть временем правления Крешимира IV или Звонимира, датируется найденный в Сплите барельеф, изображающий коронованного правителя на троне с крестом в правой руке, со стоящей по его правую руку фигурой приближенного и с распростертой у его ног, воплощающей собой покорность, фигурой подданного. В этом изображении видят характерное соединение франкского и византийского влияний в символикe¹¹.

Много меньше известно о Захумском княжестве, но имеющиеся источники показывают, что и здесь ситуация была схожей. По сообщению Константина Багрянородного, Захумское княжество располагалось примерно от Рагузы (Дубровника) до реки Неретва¹². Захумский князь Михаил Вишевич упоминался в связи с проведе-

нием Сплитского собора 925 г. в., а в письмах по поводу его организации папа Иоанн X обращался к нему как к «превосходнейшему хумскому князю» (*excellentissimo duci Chulmorum*)¹³. Подвластная ему территория, очевидно, совпадала с границами старой епископии с центром в Стоне, которая также восстанавливалась в составе Сплитской архиепископии на Сплитском соборе¹⁴. Известно, что Михаил принимал участие в военных действиях против Византии на стороне Болгарии. Имеется надпись из Стона с именем Михаила, которая, по мнению ряда исследователей, трактуется как сообщение об усмирении Михаилом Вишевичем далматинских городов византийской Далмации и владение ими¹⁵. Впоследствии он выступал как союзник или, возможно, подданный Византии¹⁶, и, по сообщению Константина Багрянородного, носил византийский титул анфипата (проконсула) и патрикия¹⁷.

Еще одно государство – Дукля (Зета) – находилось приблизительно на территории современной Черногории и части верхнедалматинского побережья, вдоль которого также располагались города византийской Далмации. В конце X – первой половине XI в. Дукля подчинялась Болгарии (при Самуиле), потом находилась в зависимости от Византии, от которой освободилась при Стефане Воиславе (1034–1042). Ему и его наследникам удалось собрать обширное государство, постепенно охватившее, кроме Дукли, территории соседних княжеств (Захумского и Требиньского), а также Боснию и Сербию. В пределах Дуклянского государства находились церковные территории и восточной, и западной юрисдикции. В X в. Самуил предположительно подчинил церковь Диррахия, под управлением которой находилась большая часть Дукли, Охридской архиепископии. Римские суффрагании охватывали земли Верхней Далмации, располагались на территории епископий Рагузы (Дубровника) и Бара и входили в сферу интересов Сплитской архиепископии. Однако конфессиональное подчинение парохий не было здесь устойчивым¹⁸.

После смерти Стефана Воислава его место на престоле занял его сын Михаил Воиславич (1050–1081), стремившийся к упрочению власти и к созданию самостоятельной церковной организации. Тогда именно Дубровник мыслился им в качестве ее центра, хотя и находился за пределами Дукли и к тому же на территории подчинения Сплитской архиепископии. В 1074 г. в письме папе Григорию VII Михаил испрашивал для себя у папы знаки королевского достоинства, а для дубровницкого епископа – архиепископский паллий¹⁹. Учитывая, что хорватский правитель Звонимир примерно в

то же время получил корону от папы Григория, можно говорить о взаимосвязи на западнобалканских территориях процессов государственного строительства и легитимизации власти и в то же время – о наличии конкурентных отношений между государствами. Действительно, реализация плана Михаила напрямую затрагивала интересы Сплитской архиепископии, престол которой находился в Хорватском королевстве. Для разрешения возникшего конфликта папа направил в Далмацию своего легата, кардинала Петра, а в 1078 г. Григорий VII обратился к Михаилу как к «королю славян» (*Mihaeli Sclavorum regi*) с просьбой направить в Рим епископа дубровницкого и барского и других послов для канонического разрешения спора со сплитским архиепископом, чтобы потом можно было бы рассмотреть вопрос о предоставлении ему папой «королевской чести» (*regni honor*) и о паллии²⁰. Сведений о коронации Михаила и о получении паллия дубровницким епископом нет. И хотя в документах встречается именование его «королем» (и на этом основании в ряде работ утверждается факт получения короны и паллия от Григория VII²¹), убедительными представляются доводы о том, что термин «гех», применяемый в источниках в отношении представителей дуклянской династии, означает суверенного правителя, не обязательно обладающего королевским титулом²².

Дуклянская династия была связана родственными узами с болгарским царем Самуилом. И наследник Михаила Бодин (1081–1101) благодаря этому формальному поводу в ходе неудавшегося антивизантийского восстания остатков болгарской знати был провозглашен в 1072 г. болгарским царем под именем Петр²³. В церковном строительстве Бодин стал ориентироваться на антипапу Клементя III и добился от него организации самостоятельной дуклянской церкви с центром в Баре. Согласно булле Клементя III от 1089 г., адресованной «Петру, архиепископу Диоклейского престола» (*Petro Dioclenis sedis Archiep(isco)po*), тому предоставлялся паллий на тех же основаниях, что имели его предшественники («*secundum morem praedecessorum tuorum*»), и в его подчинение переходили церкви Бара, Котора, Ульциня и некоторых других городов, церкви Сербии, Боснии и Требине, а также все монастыри на этой территории «как далматинцев, так и греков и славян»²⁴. Отсутствие в списке дубровницкой церкви, видимо, означало, что она продолжала находиться в статусе сплитской суффрагании. Других надежных источников, подтверждающих сведения из письма Клементя, нет, неизвестно, действительно ли имели предшественники Петра архиепископский статус и как

реально строилось церковное управление на землях «далматинцев, греков и славян», по всей видимости, объединявших разные конфессии. Показательно, что войны дуклянских правителей с Византией не препятствовали установлению с ней и тесных связей. По сообщению Скилицы, Михаил Воиславич был «союзником и другом греков» и носил почетный титул протоспафария²⁵, а сын Михаила Бодин получил христианское имя Константин – в честь императора Константина IX Мономаха.

После смерти Бодина из-за непрекращающихся кровавых междоусобных раздоров завоевания XI в. были утрачены, дуклянские правители то признавали власть Византии, то стремились к независимости и самостоятельности, а представители дуклянской церкви с переменным успехом боролись за сохранение ее архиепископского статуса. Во второй половине XII в. в Дукле на латинском языке был создан памятник, известный в литературе под названием «Дуклянская летопись», «Летопись попа Дуклянина» или «Барский родослов»²⁶, в котором нашел отражение процесс формирования государственной идеологии мозаичного в своих политических и конфессиональных предпочтениях государства. В нем рассказывается наполненная некоторыми историческими деталями, но по большей части легендарными и вымышленными подробностями история некой обширной страны «славян», в изложении которой угадывается соединение как дуклянской, так и хорватской, болгарской, далматинской, сербской исторических традиций. Один из центральных ее эпизодов – крещение народа и правителя с описанием последующей его коронации, создания властной структуры, органов государственного и церковного управления и административного устройства. Все эти события происходят при мифическом короле Светопелеке, правление которого, как следует из текста, должно относиться к IX в.²⁷

В то время, рассказывается в тексте, «почтенный муж учитель Константин» обратил в Христову веру народ болгар, «составив буквы для славянского языка, перевел Христово Евангелие и Псалтырь и все святые книги Старого и Нового завета с греческого языка на славянский и определил им мессы по греческому обряду»²⁸. Узнав об этом, некий папа Стефан пригласил его к себе. И вот, направляясь по апостольскому распоряжению в Рим, Константин проходил по земле Светопелека и был с почетом принят. Послушав его проповеди, «Светопелек поверил в Христа и крестился вместе со всем своим королевством». Рассказывая далее о последствиях крещения, автор Летописи сообщает, что Светопелек распорядился, чтобы христиане,

«говорившие на латинском языке» и бежавшие ранее от язычников, возвратились и восстановили свои разрушенные города и селения. Речь шла о прежних романских жителях провинции Далмация, которые оставили свои земли после варварских нашествий. Пожелав ввести административное деление в государстве, он направил посланников к папе и византийскому императору, чтобы те прислали старые документы, по которым можно было бы восстановить границы областей. Папа направил викария, кардиналов и епископов, чтобы народу, «еще в вере несильному», поставить епископов. Придя, они увидели, что в поле Далма под главенством Светопелека проходил собор, на который собрались «все народы» его земли, «как говорившие на латинском языке, так и говорившие на славянском». Пришли туда и посланцы византийского императора. Собор продолжался двенадцать дней, восемь из которых были посвящены обсуждению «святого письма и положения церкви», а следующие – «королевской власти, банам, жупанам и сатникам».

Здесь всему народу были прочитаны «*antiqua privilegia*», как латинские, так и греческие, направленные как из апостольской столицы, так и от императора о делении и разграничении областей, округов и земель, как было определено «со времен старых императоров» (*ab antiquis imperatoribus*). После проведения административного межевания для каждой из областей был определен бан, а также жупаны и сатники – для праведного суда и сбора дани. Установленные королем добрые законы были записаны в славянскую книгу, которая зовется «Методий» – «*Methodius*».

На двенадцатый день по завершении собора «король был коронован... по обычаю римских королей» папским викарием, а также кардиналами и епископами. А затем он «распорядился посвятить архиепископов, одного – в Салоне, а другого – в Диоклее... и как для Нижней Далмации Салонскую церковь определил митрополией, так для Верхней по древнему праву сделал митрополией Диоклейскую церковь»²⁹. Когда после счастливого многолетнего правления Светопелек умер, он был похоронен в церкви св. Марии в Диоклее. В этой же церкви был коронован его сын Светолик, а за ним и все остальные короли этой страны.

Представленная здесь мозаика разных историко-культурных традиций собирается из разных источников. В сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей», в главах, посвященных славянским народам Запада Балкан, есть пассажи, в которых можно усмотреть отражение представлений этих народов о строительстве

государства и органов государственной власти. В 30 главе приводится хорватское предание о переселении в VII в. на Балканы нескольких родов во главе с их вождями, об обретении хорватами родины в войне с аварами и завоевании независимости в борьбе со своими суверенами – франками. Далее рассказывается, что хорваты попросили Рим о святом крещении, и направленные папой епископы крестили их при их правителе – архонте Порине³⁰. Следующее за этим сообщение, что «страна их была разделена на одиннадцать областей – жупаний, показывает, что введение административно-территориального деления страны напрямую связывалось в хорватской исторической традиции с возникновением независимого христианского государства.

В представлении в «Летописи» обряда коронации Светопелека имеются некоторые смысловые акценты, отсылающие к обряду коронации, зафиксированному в грамоте Звонимира³¹. Это, в частности, участие «всего народа» страны в поставлении короля, а также заострение внимания на государственном единстве под властью коронованного правителя – «Хорватии и Далмации», «хорватов и далматинцев» в грамоте Звонимира и «всех, говорящих как на латинском языке, так и на славянском» в «Летописи»³². Подобно тому, как государственная идеология Хорватского государства была ориентирована на авторитет древней Салоны, автор «Дуклянской Летописи» на своей территории выдвигал в качестве такого древнего и влиятельного центра Диоклею, некогда иллирийское поселение, ставшее после административной реформы римского императора Диоклетиана центром провинции Превалитана³³. Так что сообщение «Летописи» о погребении Светопелека и о коронации всех последующих королей в церкви в Диоклее как древнейшем городе было очевидной рефлексией на коронацию Звонимира в церкви в Салоне.

С далматинской исторической традицией можно связать ряд эпизодов и деталей рассказа «Летописи». Прежде всего – это само место проведения собора в поле Далма (Dalma). Название несло на себе особую смысловую нагрузку. В романской исторической традиции далматинских городов название Далмация произошло от названия некоего древнего города Дельма, Дельмиса, местоположение которого было неясно, и по имевшемуся средневековому преданию, он находился на месте развалин в Верхней Далмации, в области, называемой Дельмина³⁴.

В описании не только учреждения архиепископии, но и некоторых подробностей собора, созванного Светопелеком, очевидна аллюзия на сплитские церковные соборы X в. Главной задачей сплитских

соборов было восстановить церковную структуру на территории прежней далматинской провинции, восходящую к временам до варварских нашествий. Так и в «Дуклянской летописи» король наказывает подданным обновить города и селения, разоренные варварами, и отстроить разрушенные церкви³⁵. На соборах авторитет далматинской христианской древности играл первостепенную роль в обосновании нового организационного порядка. В Дуклянской летописи для возвышения Диоклеи и доказательства ее прав на церковные территории Верхней Далмации использовалась именно эта традиция, хотя архиепископии здесь никогда не было. О длительном бытовании в Дукле подобных представлений может свидетельствовать послание римскому папе известного миссионера Плато Карпини, который в середине XIII в. стал архиепископом Бара. Карпини уточнял мотив наследования архиепископских кафедр, имплицитно присутствующий в рассказе о соборе Светопелека. В споре за первенство с главой дубровницкой церкви Карпини апеллировал к древним временам, когда, писал он, в Далмации было две архиепископии – в Салоне и Диоклее, и их наследницами стали Сплитская и Барская церкви³⁶. Отголоски сплитской церковной традиции, возможно, присутствовали и в сообщении об установлении административных границ на основе старых папских документов, которое перекликается с известием в материалах Сплитского собора 928 г. Здесь указывалось, что границы церковных областей утверждались согласно «древним обычаям» далматинской провинции и на основании «старых постановлений» (*secundum veterum statuta*), представленных папским легатом³⁷.

Что касается сведений «Летописи» о Константине-Кирилле, то здесь практически всеми исследователями отмечается охридский их источник.

Таким образом, в «Дуклянской летописи» в эпизоде о соборе в Далме представлена своего рода идеальная модель формирования и функционирования власти в некоем полиэтническом и поликонфессиональном государстве, учитывающая как эти разнонаправленные факторы его развития, так и множественность политических предпочтений элиты. Элементы этой модели прослеживаются в реальных раннесредневековых государствах западной части Балкан, демонстрирующих множественность политических и культурных предпочтений, – в Хорватии, Захумье, Дукле. Присутствуют они позже и в Сербии в ранний период правления династии Неманичей, вытеснивших правителей Дукли.

Когда области Рашки и приморские территории, в том числе Дукли (Зеты), усилиями Стефана Неманьи (1168–1196) оказались в едином государстве, а сам он освободился от византийской верховной власти, это государство, охватывая территории восточной и западной церковей, опиралось на двойную церковную традицию, а в своей идеологии продолжало испытывать как византийское, так и западное влияние³⁸.

Об этом, в частности, свидетельствует биография Стефана Неманьи, написанная его сыном Стефаном (будущим Первовенчанным), в которой рассказывается, что Неманя во время изгнания (вследствие междоусобной борьбы) своего отца Стефана Завиды был рожден в Дукле, в Рибнице (около совр. Подгорице), и от «латинских иереев» получил «латинское крещение». Когда его отец вернулся в Рашку, Неманя уже в зрелом возрасте был опять крещен «от рук светителей и иереев в сербской земле». Агиограф подчеркивает, что «царским» (то есть великожупанским) саном Неманя был «почтен» императором Мануилом Комниным³⁹, с которым впоследствии воевал. И сам Неманя, и его сыновья – Стефан в жалованной грамоте Хиландарскому монастырю около 1200 г. и св. Савва в житии своего отца – указывали на его богоизбранность и самодержавность⁴⁰. Вместе с тем церковная организация Рашки оставалась в подчинении византийскому церковному центру в Охриде, и иерархи рашской церкви были лояльны охридскому архиепископу и византийскому императору независимо от политики великих жупанов в отношении Византии.

Старший сын Немани Вукан был поставлен правителем удельной Дукли, имел тесные отношения с Римом (через архиепископа Бара) и королевством Венгрия и пытался использовать их для завоевания прав на всю территорию государства. Титулатура Вукана, используемая им в посланиях к римскому папе, – «король Далмации и Диоклеи»⁴¹ – демонстрировала его следование традициям правителей Дуклянского государства. В своих властных устремлениях он конкурировал со средним сыном Немани – Стефаном, который в 1196 г. получил от своего отца титул великого жупана Рашки, а впоследствии стал «господином всей Сербской земли и Диоклеи, и Далмации, и Травунии...»⁴². Стефан был зятем византийского императора Алексея III Ангела, однако в стремлении к легитимации верховной власти в стране также ориентировался на Рим. Наиболее значительный результат такой политики – коронация Стефана папским легатом в 1217 г. и возвышение подвластной ему земли в ранг королевства⁴³. В житии св. Саввы, составленном в середине XIII в.

иеромонахом Доментианом, право Стефана на получение короны из Рима обосновывалось именно королевским статусом Дукли как места рождения его отца⁴⁴. При всей ориентированности сербской государственной политики на Рим и государства католического круга, сербское государство времени правления Стефана Немани и его сына Стефана Первовенчанного начинает быть прочно связанным с православной церковной традицией и (после падения Византии от крестоносцев в 1204 г.) с наследниками царьградских патриархов и императоров в Никее⁴⁵.

Живучесть представленной в «Дуклянской летописи» модели государственного строительства демонстрирует ее хорватская редакция, датируемая XIV в. В это время Хорватия входила в состав Венгерского королевства, и представители одной из ветвей феодального семейства брибирских князей Шубичей прилагали усилия для строительства на территории их подчинения самостоятельного государства, важная роль в котором отводилась далматинским городам. На землях Шубичей в средней части Далмации было широко распространено глаголическое богослужение. По всей видимости, тогда был создан хорватский вариант «Летописи», включающий эпизоды, важные с точки зрения идеологии предполагаемого государства и представлений о легитимации власти⁴⁶. История государства неких «славян» латинского варианта оказывалась здесь историей государства «хорватов». Рассказ о соборе, в который были внесены некоторые изменения, в том числе касающиеся имен и географических названий, приобретал «хорватскую» коннотацию. Были изменены акценты и в эпизоде, связанном с крещением правителя и его народа Константином – Кириллом: объявлялось о создании св. Константином с одобрения папы хорватских богослужебных книг и перевода с греческого на хорватский текстов Нового и Ветхого Завета, церковных посланий⁴⁷, что соответствовало распространенным в глаголической среде представлениям о Кирилле и Мефодии как о создателях глаголической письменности и хорватской глаголической книжности.

Об упоминаемой в «Летописи» книги «Методиус» (в которую были записаны законы страны и решения собора) в хорватской ее редакции говорится, что она «осталась у хорватов и сейчас находится у них»⁴⁸. Независимо от того, какой текст мог здесь подразумеваться⁴⁹, показательна сама готовность на различных территориях западных Балкан, находящихся под церковной юрисдикцией Римской церкви, принять в качестве исторической основы государственных норм и правил некий текст, связанный с кирилло-мефодиевской традицией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 История Хорватского государства в контексте внешнеполитических связей и культурных влияний наиболее полно представлена в работах: *Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku*. Zagreb, 1972; *Katičić R. Litterarum studia. Književnost i naobrazba ranoga hrvatskog srednjovjekovlja*. Zagreb, 1998; *Goldstein I. Hrvatski Rani Srednji Vijek*. Zagreb, 1995.
- 2 Наиболее ранние сведения об этом содержатся в письмах папы Иоанна VIII 879 и 881/882 гг. хорватскому князю Бранимиру и представителям хорватского клира: *Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae* / Red. Kostrenčić M. Zagreb, 1967. V. I. P. 13–19. Анализ писем см.: *Matijević Sokol M., Zekan M. Branimirova Hrvatska u pismama pape Ivana VIII*. Split, 2000.
- 3 Переписка папы по поводу созыва и проведения соборов, а также материалы самих соборов сохранились в более поздней рукописной традиции, в составе далматинского исторического сочинения, условно названного «Большой историей Салоны» (*Klauß H. Historia Salonitana Maior*. Београд, 1967 (далее – HSM)).
- 4 *Codex diplomaticus*. V. I. P. 139–141.
- 5 Об этом, в частности, свидетельствует знаменитая глаголическая Башчанская плита (рубеж XI–XII вв.) из бенедиктинского монастыря св. Люции на Крке, сообщающая о земельном дарении Звонимира монастырю (текст см.: *Mihaljčić R., Steindorff L. Namentragende Steininschriften in Jugoslawien vom Ende des 7. bis zur Mitte des 13. Jh.* Wiesbaden, 1982. S. 10–14).
- 6 *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита / Пер. и коммент. О. А. Акимовой. М., 1997. С. 43.
- 7 *Documenta historiae Croatiae periodum antiquam illustrantia* / Dig. Rački F. Zagrabiae, 1877. P. 427.
- 8 *Ioannis Skylitzae Synopis Historiarum*. Rec. I. Berlin; New York., 1973. P. 365.
- 9 *Codex diplomaticus*. V. I. P. 75–76.
- 10 *Ibid.* P. 159.
- 11 См.: *Goldstein I. Hrvatski Rani Srednji Vijek*. S. 247; *Fisković I. Reljef kralja Petra Krešimira IV*. Split, 2002.
- 12 *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. Перевод Г. Г. Литаврина. М., 1991. С. 133.
- 13 HSM. P. 96.

- 14 Ibid. P. 104.
- 15 «Mi(c)haelis fortiter (et) super rego pasifico c(i)v(itates) om(ne)s Romanos» – Ковачевић Ј. Маргиналије уз проблем археологије и уметности раног средњег века // Зборник Филозофског факултета. Београд, 1964. Књ. 8. № 1. С. 113–124.
- 16 См.: Живковић Т. Јужни словени под византијском влашћу. Београд, 2007. С. 251–252, 427–428.
- 17 Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 149.
- 18 Об исторических и культурных процессах на этой территории см.: Историја Црне Горе. Титоград, 1967. Т. 1; *Peričić P.* Sclavorum regnum Grgura Barskog. Ljetopis popa Dukljanina. Zagreb, 1991. S. 31–74; *Lešny J.* Studia nad początkami Serbskiej monarchii Nemaniczków pol. XI – kon. XII w. Wrocław; Warszawa, 1989. S. 79–96; *Живковић Т.* Црквена организација у српским земљама. Рани средњи век. Београд, 2004. С. 85–131.
- 19 См.: *Peričić P.* Sclavorum regnum... S. 41–42.
- 20 Codex diplomaticus. V. 1. P. 158.
- 21 В историографии присутствуют как мнения о получении Петром из рук папы паллия (*Sforza F.* Bari e Kotor. Bari, 1975. P. 69–70), а Михаилом – короны (*Klaić N.* Povijest Hrvata... S. 342), так и сомнения в возможности такого рода актов (Историја Црне Горе. Т. 1. С. 394).
- 22 *Lešny J.* Studia... S. 55–66.
- 23 *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия. М., 1960. С. 405; *Польвянный Д. И.* Культурное своеобразие средневековой Болгарии в контексте византийско-славянской общности IX–XV вв. Иваново, 2000. С. 108.
- 24 Об аутентичности текста буллы, дошедшей до нас в копии XVII в., см.: *Kehr P.* Papsturkunden in Rom // Nachrichten von der königle Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Göttingen, 1890. Bd. 2. S. 148; *Станојевић С.* Борба за самосталност католичке цркве у Неманићској држави. Београд, 1912. С. 159 и сл.
- 25 Ioannis Skylitzae Synopsis Historiarum. P. 475.
- 26 *Шишић Ф.* Летопис попа Дукљанина. Београд; Загреб, 1928; Ljetopis popa Dukljanina / Prir. Mošin V. Zagreb, 1950.
- 27 Ljetopis. S. 48–54.
- 28 Ibid. S. 48–49.
- 29 Ibid. S. 54.
- 30 Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 133.
- 31 Codex diplomaticus. V. 1. P. 139–141.
- 32 Ljetopis. S. 52.

- 33 У Константина Багрянородного зафиксировано, очевидно, далматинское романское предание об основании города Диоклетианом, по имени которого получил название не только город, но и страна и ее жители – «диоклетианы» (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. С. 111, 153). На связь этого сообщения с местной традицией указывает утверждение Фомы Сплитского: на земле, которая теперь зовется Рашкой, Диоклетиан «распорядился построить город, который назвал по своему имени Диоклеей» (*Фома Сплитский*. История... С. 30). Такая интерпретация названия является следствием вульгарной этимологизации названия еще античного времени – *Doslea*.
- 34 *Фома Сплитский*. История... С. 25.
- 35 *Ljetopis*. S. 50.
- 36 *Codex diplomaticus / Red. T. Smičiklas*. Zagreb, 1904. V. 4. P. 482–483.
- 37 *HSM*. P. 103–104.
- 38 Об исторической и культурной канве событий см.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII–XV вв. М., 1975; *Флоря Б. Н., Турилов А. А.* Общественная мысль Сербии конца XII–XIII вв. // *Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.)*. М., 2012; *Станојевић С.* Борба за самосталност.; *Lešny J. Studia*; *Марјановић-Душанић С.* Владарска идеологоја Неманића. Београд, 1997.
- 39 *Стефан Првовенчани*. Сабрана дела / Предг., превод, комент. Љ. Јухас-Георгиевска. Београд, 1999. С. 20–21.
- 40 *Трифуновић Ђ., Бјелогрлић Б., Брајовић И.* Хиландарска оснивачка повеља св.Симеона и св.Саве // *Осам векова Студенице*. Београд, 1986. С. 54; *Стефан Првовенчани*. С. 2; *Свети Сава*. Сабрана дела / Прир. Т. Јовановић. Београд, 1998. С. 148.
- 41 *Codex diplomaticus / Red. T. Smičiklas*. Zagreb, 1904. V. 2. P. 287, 311–313 et al.
- 42 О титулатуре Стефана см.: *Острогорски Г.* Сабрана дела. Београд, 1970. Књ. 4. С. 321–338.
- 43 См.: *Ђоровић-Љубинковић М.* Претечена десница и друго крунисање Првовенчаног // *Старинар*. Београд, 1936. Т. 5–6. С. 105–114.
- 44 *Доментијан*. Живот светога Симеуна и светога Саве / Изд. Ђ. Даничић. Београд, 1965 (репр. 1865). С. 248. Однако в целом представители династии Неманичей не только не демонстрировали преемственности с государством в приморской Зете и его династией, но и дистанцировались от нее (*Флоря Б. Н., Турилов А. А.* Общественная мысль Сербии... С. 151–152).

- 45 Подробнее см.: *Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980; *Флоря Б. Н., Турилов А. А.* Обществена мисль Србији...; *Ђурковић С.* Работници, војници, духовници. Друштва средњовековног Балкана. Београд, 1997.
- 46 Анализ неких из ових епизода см. в: *Karbić D.* Mythological and real heritage use of genealogy and history in political schemes of the counts of Zrin/Zrinyi/Zrinski and their medieval ancestors // *Militia et litterae. Die beiden Nikolaus Zrinyi und Europa / Hrsg. von W. Kühlmann und G. Tüskés.* Tübingen, 2009. S. 33–51.
- 47 «...Sveti muž Konstanc naredi popove i knjigu harvacku i istumači iz grčkoga knjigu harvacku...» (Ljetopis. S. 49).
- 48 Ljetopis. S. 56.
- 49 См.: *Шушић Ф.* Летопис... С. 126–136; *Мошин В.* Увод // Ljetopis. S. 30.

Akimova O. A.

A Model of Shaping of the State Authority in the Written Documents
of the Early Medieval Slavic States in the West of the Balkans

The article is centered at the specific of political ideology and legitimization of authority in the Early Medieval states in the west of the Balkans – in Croatia, Zahumlje, Dukla and Serbia.

Key words: *Early Middle Ages, South Slavic states, Dalmatia, Roman Catholic Church, Bizantium, social thought.*

О. Б. Неменский
(Москва)

**Свв. Кирилл и Мефодий как крестители Руси
в православной и униатской мысли Речи Посполитой
в первой половине XVII в.**

В статье прослеживается становление и эволюция исторических трактовок миссии свв. Кирилла и Мефодия в православно-униатской полемике, возникшей после заключения Брестской церковной унии 1596 г. в Речи Посполитой. Особое внимание уделено появлению версий о прямом участии славянских первоучителей в Крещении Руси.

Ключевые слова: *церковно-конфессиональная полемика, православно-униатская полемическая литература, униатство, миссия свв. Кирилла и Мефодия, Брестская уния, Речь Посполитая, Киевская митрополия, Константинопольский патриархат, Крещение Руси.*

В развернувшейся в Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII в. полемике между православными и униатами значительное место занимала тема церковной истории, и особенно – истории начала христианства на Руси. Важнейшим был вопрос, сколь оно прочно связывает русскую церковь с Константинополем и вообще с восточным христианством. Миссия свв. Кирилла и Мефодия не была в самом центре внимания полемистов и затронута только в нескольких сочинениях, тем не менее оценка ее влияния на русские земли спровоцировала появление довольно разных исторических версий.

Униатская историография была заинтересована в том, чтобы доказать, что свв. Кирилл и Мефодий были послушными Риму, и при этом связать их миссию с Русью. Это позволяло утверждать общие истоки христианства у западных славян и Руси, а значит, и представляло католицизм природной для нее религией. Католическая мысль обладала большой традицией доказательства римского послушания славянских просветителей. И это утверждение служило важным доводом в пользу того, что Русь была крещена не «схизматиками».

Так, в одном из основных источников идей западнорусского униатства – сочинениях Петра Скарги – время основного крещения Руси уже было сдвинуто в эпоху Кирилла и Мефодия. Его историческое обоснование унии строилось на двух фактах. Во-первых, утверждалось, что крещение Русь приняла от патриарха, послушного Риму.

Во-вторых, важнейшая роль отводилась Флорентийской унии и тому факту, что она была подписана русским митрополитом Исидором¹. Время крещения Руси Скарга, вслед за важнейшим католическим автором того времени Цезарем Баронием, относил к IX в., т. е. задолго до крещения Владимира. Ссылаясь на тексты Иоанна Скилицы (*Scropolates*), он связывал крещение Руси главным образом с миссией епископа Михаила и совершенным им чудом с Евангелием, не сгоревшем в огне². Эта история стала основой для многочисленных споров православных и униатов по ее конкретной датировке, ведь было важно определить, каким патриархом был послан еп. Михаил и при каком патриархе было совершено само крещение: при Игнатии или Фотии. Если это крещение было при Фотии, значит, оно происходило в условиях так называемой «фотиевой схизмы», и о единстве Церкви на то время говорить нельзя. Однако ни у Барония, ни у Скарги миссия еп. Михаила не была напрямую связана с Кириллом и Мефодием.

Униатам было особенно важно подчеркнуть преимущественную связь свв. Кирилла и Мефодия именно с Римом, а не с Константинополем. Несмотря на некоторые свидетельства о контактах славянских первоучителей с Римом, которые можно было вычитать из хорошо доступных для них польских хроник, униатам требовалось найти соответствующие сведения в славянских источниках, так как именно они могли быть использованы в качестве убедительного аргумента в полемике с православными. Как установил Б. Н. Флоря, униатам действительно удалось найти Пространное житие Константина-Кирилла, сведения из которого были использованы уже в сочинениях Льва Кревзы и Иосафата Кунцевича, и Пространное житие Мефодия, сведения из которого упомянуты в записке митрополита Иосифа Рутского, посланной в Рим в 1624 г.³ Почерпнутая из этих житий информация составила основу униатской интерпретации миссии славянских первоучителей.

Один из самых ярких униатских полемистов Лев Кревза подробно описывает, как Константин Философ и Мефодий «шли в Рим с книгами славянскими»⁴. Папа же, «взяв... книги славянские, освятил их и положил в церкви святой Марии», «приказал двум епископам... посвятить славянских учеников»⁵, после чего были совершены литургия и всенощная на славянском языке. Ту же информацию мы находим и в сочинении «О фальшованю писм словенских»⁶. Таким образом, Кирилл и Мефодий «своим примером ясно показали, что точное духовенство было послушно папам»⁷, на что ясно указывает

их поездка «*pro bĳogospawieństwo*» в Рим. Утверждается, что Кирилл своих учеников и потом возил посвящать в духовный сан «*do biskupa Rzymkiego*»⁸, и это было вызвано именно «впадением в схизму» патриарха Константинопольского Фотия. Соответственно, «из Рима тогда от папы у нас служба Божья, а не из Константинополя»⁹.

Кирилл и Мефодий видятся и как крестители Руси. «Русская митрополия» является для Кривы в первую очередь составной частью Католической церкви, так как Русь была крещена истинными христианами, слушавшимися папу Римского, еще в эпоху единства церквей¹⁰, а значит, русский народ изначально признает верховную власть Рима. То же находим и в униатском сочинении «*Examen Obrony*»: «Кирилл и Мефодий апостолы были в послушании у Римских пап и не ранее стали отправлять литургию и другие церковные службы на славянском языке, чем обратились с этим к папе»¹¹.

Православным, наоборот, важно было обосновывать прямую связь Кирилла и Мефодия с Константинопольским патриархом. На фоне этого распространилась и стала актуальной концепция изначального обращения западных славян именно в восточное христианство и лишь позднейший отрыв их от Константинополя через деятельность римского миссионера Войцеха.

Захария Копыстенский в своей «Палинодии» уделяет особое внимание доказательству того, что и поляки тоже были крещены от миссии свв. Кирилла и Мефодия: «А што ся ткнет Моравы, Чех, Угров и Ляхов, хто бы их окрестил и научил веры от початку, поведая, же были окрещены от епископов Грецких и веры научены не иншей, ено той, которую и ныне церков всходняя визнавает»¹²; «о Ляхах мовлю, иж и тым тыиж Грецкии апостолове Мефодий и Кирил проповедали евангелие»; «Поляки веру от Чехов приняли, а Чехове, як ся юж показало, от Греков крещены были и веры научени (при “Мешке або Мециславе, княжи Полском”. – *О. Н.*). Ясне ся з того теды и доводне показует, же Поляци первотне держали веру Грецкую, якої оныи Грецкии апостолове Мефодий и Кирил Чехов были научили». Переход же поляков, как и других западных славян, в подчинение Риму он связывает с деятельностью св. Войцеха: «епископ Войтех, пришедши з Риму в Полщу, выкоренил веру Грецкую». Копыстенский пишет о «развращеньє през Войтеха» всех указанных народов – моравов, чехов, словаков и поляков¹³.

В этом плане Копыстенский устанавливает тройную параллель между русскими и поляками, наличие которой предстает как большой укор «братьям» полякам: «О! гды бы и нынешний панове Поляци

так чтили, шановали и поважали св. столицу Константинопольскую, от которой научени, правдивого Бога познали, поганство повергли и крещением в княжати Полском Мстиславе просветилися (а той от Чехов, где на он час еще вера и набоженство Константинопольское трвало, крестился), – теды нигды бы з нами, братиєю своею, которых один народ Роксолянский сплодил, одна отчизна – Корона Полская – выховала, и одна Константинопольская столица веры Христовы научила, – нигды бы, мовлю, з нами, братиєю своею, в шранки о веру не вступовали...»¹⁴.

Мелетий Смотрицкий в своем еще православном сочинении «Obrona Verificatyeu» пишет о миссии свв. Кирилла и Мефодия, что они «от патриарха Константинопольского Мефодия, мужа святого, на проповедь к тем народам были посланы»¹⁵. И далее он разворачивает очень подробное доказательство того, что поляки унаследовали веру именно от Кирилла и Мефодия и что эта вера была от столицы Константинопольской: «Первое доказательство того, что Святополк, или Святополк, король моравский, с Востока от греков веру христианскую принял, есть у Длугоша... Второе доказательство тому, что церковь Восточная и наша Русская Людмилу, королеву моравскую, жену Святополка, короля моравского, первого христианина, почитает за святую и память ее мученической смерти отмечает 16 сентября; также и Вацлава (по-русски Вячеслава), брата родного Дубравки княжны, жены Мечислава князя польского, из-за которой он веру христианскую, которой она была, принял, церковь Восточная и наша Русская почитает за святого, посвятивши его памяти 29 сентября. Из этих двух ясных доводов следует вывод, что польский князь Мечислав ту же веру принял, которой была Дубравка. Дубравка была той же веры, которой была и бабка ее Людмила. Людмила была той же веры, которой был и Святополк, король моравский. Святополк был той веры, которой научился от Мефодия и Кирилла. Мефодий и Кирилл той веры Святополка научили, которой были научены Мефодием патриархом Константинопольским, который их и послал. Соответственно поляки, ту же веру приняв, которой был Мечислав, князь польский, и Дубравка княгиня, жена его, греческую с Востока от святой столицы Константинопольской счастливо занесенную веру христианскую приняли»¹⁶.

При этом и у православных, и у униатов появляются утверждения, что и Русь была крещена во время той же миссии. И здесь можно усмотреть два способа доказательств. Во-первых, через понятие «славянский народ», т. е. через общеславянскую значимость их миссии. Во-вторых, через прямые указания на крещение ими Руси.

Для Захарии Копыстенского все славяне виделись целостной общностью потомков Иафета (более западные народы оказывались в его интерпретации хамитскими), и как таковая эта общность имела свое духовное предназначение. На этом основано и представление об общеславянской значимости миссии Кирилла и Мефодия, и надежда на возвращение поляков и чехов в православие, в послушание Константинополю. Это целая концепция славянского духовно-церковного единства, нарушенного Римом, который с заключением Брестской унии лишь продолжает старое дело своей агрессии, наступления на Константинопольскую патриархию¹⁷. Однако конкретной привязки миссии к событиям на Руси здесь еще не было.

У Копыстенского «народ Российский» прошел три уверения в православии, а потом «Володимерово и всей России соборное крещение». Далее православная мысль разрабатывала теорию многократного крещения Руси. В созданном в начале 1620-х гг. Большом катехизисе Лаврентий Зизаний писал, что «крещен есть русский народ не во едино время, но четверократно», что объяснялось тем, что в результате первых трех крещений «мала часть людей крестисяся»¹⁸. Подробную концепцию многократного Крещения Руси представил в 1630-х гг. Сильвестр Косов. Он описал пятикратное крещение: первое – от апостола Андрея, а второе – при патриархе Фотии от общеславянских учителей Кирилла и Мефодия, в 883 г. Так, их миссия стала частью истории многократного крещения Руси. История епископа Михаила, свершившего чудо с Евангелием в 886 г. (тоже при Фотии), оказалась уже третьим крещением, четвертое состоялось при Ольге в 958 г. и пятое – при Владимире, в 1000 или 1008 г., от патриарха Сергия, наследника «Фотиевой схизмы»¹⁹. Фактически эта же концепция воспроизводится и в сочинении «Индициум» 1638 г. неизвестного инока Винницкого монастыря²⁰.

Впрочем, конкретная нумерация крещения Руси Кириллом и Мефодием не устоялась и, очевидно, не имела большого значения. Главное, что произошла привязка их миссии к истории русского православия. В сочинении «Лифос» 1644 г., предположительно написанном митрополитом Петром Могилой, автор полемизирует с утверждением униатов, что устная проповедь в Русской церкви появилась совсем недавно и только под влиянием с Запада. И как первое доказательство приводит пример Кирилла и Мефодия, через устную проповедь которых Русь первоначально и была обращена: «Неправда, что проповедь не издавна в церкви Русской. В первую очередь так скажу: что Русь первоначально проповедью Кирилла и Мефодия

была обращена; следовательно через слух к язычникам вера пришла, как и вера св. Павла к римлянам»²¹.

Утверждения о крещении Руси Кириллом и Мефодием были свойственны и униатским сочинениям. Лев Кревза выдвигал мысль о тройственном крещении Руси («*troiakim chrzscie*»²²). Первое крещение, с которым был связан известный сюжет про чудо с Евангелием, не сгоревшим в огне, произошло «при Василии Македонянине, царе греческом, и при князе всей Руси Рюрике, и при князьях Киевских Аскольде и Дире, и при патриархе Константинопольском Игнатии»²³. А вторым крещением Руси следует считать миссионерскую деятельность Кирилла и Мефодия, которые «в то время, как Фотий в Константинополе бунтовал против папы, ездили в Рим за благословением; высланы они были еще при царе Михаиле, в начале патриаршества св. Игнатия, в края славянские»²⁴. Так, получалось, что первое крещение Русь приняла от патриарха, послушного папе, а второе – прямо от папы. О крещении Владимира («третьем») Кревза только обмолвливается, что было оно «от патриарха Николая Хрисоверга около 1000 года»²⁵. Однако очевидно, что это крещение Кревза хотя и упоминает, но не считает особо важным событием, так как Русь, на его взгляд, крещена была еще раньше настоящими католиками. Об этом говорит и его датировка крещения Руси – 700 лет назад²⁶, а не около тысячного. Это желание униата удревнить крещение Руси в историю еще единой христианской Церкви тем более привязывало русское православие к миссии Кирилла и Мефодия.

Новую, хотя и мало объясненную, униатскую концепцию участия Кирилла и Мефодия в крещении Руси предложил в сочинении «*Rugaenesis*» перешедший в унию Мелетий Смотрицкий. Он говорит о двойственном крещении Руси, причем разделяет крещения географически. Первое произошло в 872 г., во время миссии славянских первоучителей и при патриархе Игнатии, якобы послушном папе Николаю I, но связано оно было только с Галицкой Русью. Второе произошло уже в 980 г., когда крестилась Киевская Русь, и было это при патриархе Николае Хрисоверге, также бывшем якобы в единстве с Римом²⁷.

Однако стройной концепции участия свв. Кирилла и Мефодия в крещении Руси так и не сложилось, причем ни у православной, ни у униатской стороны. Миссия славянских первоучителей оставалась одним из наиболее сложных для трактовки историческим событием. Его пытались использовать по-своему и православные, и униаты. Возможно, этой неоднозначностью и объясняется то, что в

большинстве полемических сочинений данного цикла история этой миссии специально вообще не рассматривается. Тем не менее именно в это время получила свою актуальность сама идея о свв. Кирилле и Мефодии как о крестителях Руси.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См., напр.: *Skarga P. Obrona Synodu Brzeskiego. Wilno, 1597 // Русская историческая библиотека. СПб., 1903. Т. 19. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 3. Ст. 221.*
- 2 См., напр.: *Baronius C. De Ruthenis ad communionem Sedis Apostolicae ruptis monumentum // Legationes Alexandrina et Ruthenica ad Clementem VIII, pont. max. pro unione et communionem cum Sede Apostolica, anno Domini MDXCV die 15 januarii et 23 decembris. Paris, 1860. P. 81–85.*
- 3 См.: *Флоря Б. Н. Кирилло-мефодиевские традиции и униатская иерархия первой половины XVII века // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 387–393.*
- 4 «Szli do Rzymu z księgami Słowackimi, przełożonymi z Greckiego języka po Słowacki» (*Kreuzo L. Obrona iedności cerkiewney. Wilno, 1617 // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 4. Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1. Стб. 226*).
- 5 «Wziąwszy... księgi Słowieńskie, poświęcił ie y położył ie w cerkwi świętey Maryi», «roskazał dwum episkopom... poświęcić uczniow Słowackich» (*Kreuzo L. Obrona... Стб. 226*).
- 6 [*Кунцевич И.*] О фальшованю писм словенских (рукопись) // Архив СПбИИ РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 79. Л. 9об.–10об. (С. 18–20.)
- 7 «Swoim przykładem doskonale ukazali, że duchowieństwo Wschodne posłuszne było papieżom» (*Kreuzo L. Obrona... Стб. 200*).
- 8 Там же. Стб. 226.
- 9 «Z Rzymu tedy od papieża mamy służbę Bożą y wszystko odprawowanie chwały Bożej cerkiewne, a nie z Konstantinopola» (*Kreuzo L. Obrona... Стб. 226*).
- 10 Там же. Стб. 161, 223.
- 11 «Methodius i Cyrillus apostołowie byli w posłuszeństwie papieżow rzymskich i nie drzewniey odprawować liturgia i insze świętości cerkiewne po słowieńsku poczęli, aż do papieża po to chodzili i odzierzeli» (Examen Obrony, to iest odpis na script, Obrona Werificatij nazwany... Wilno, 1621 // Архив Юго-Западной России. Киев, 1914. Ч. 1. Т. 8. Вып. 1. С. 577).

- 12 Палинодия, или книга обороны кафолической святой апостолской Всиходней церкви // Русская историческая библиотека. Т. 4. Стб. 988. См. также: «Мефодий и Кирилъ отъ патриархи Константинопольского и отъ царя Михаила Порфирогенета посланы были до Словенскихъ народов, при которыхъ тогожъ языка народове – Чехове, Мораване, Ляхове и Угрове не отъ костела Латинского, але отъ столицы апостолской Константинопольской веру христианскую первотне и с початку приняли» (стб. 986).
- 13 Там же. Стб. 995–997.
- 14 Там же. Стб. 606–607.
- 15 «Są y przepowiadacze Ewangeliey Methodiusz y Cyrillus Episkopowie, od Patriarchi Konstantinopolskiego Methodiusza, męża Św., na przepowiedz do tych narodów posłani» (*[Смотрицкий М.]* Obrona Verificacley. Wilno, 1621 // Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Ч. 1. Т. 7. С. 412–413).
- 16 «Dowód tego, że ten Świętopług, albo Światopołk, Krol Morawski, ze Wschodu od Graekow wiarę chrześciańską przyjął, ten iest pierwszy z Długosza, który o nim y o inszych dwu narodu Sławieńskiego Xiążętach tak mówi: Troie Xiążąt Sławieńskich Rościsław, Światopołk y Roczel, od Graekow wiarę chrześciańską y ceremonię przyjęli. Dowód tego drugi ztąd, że cerkiew Wschodnia y nasza Ruska Ludmiłę Królową Morawską, żonę Swiatopołka Króla Morawskiego, pierwszego chrześcianina, ma za świętą y pamiątkę iey męczeńską obchodzi dnia 16 septembra; także y Wacława (po Rusku Wiaczęsława), brata rodzzonego Dąbrówki Xiążny, żony Mieczesława Xiążęcia Polskiego, dla ktorey on wiarę też chrześciańską, ktorey ona była, przyjął, cerkiew Wschodnia y nasza Ruska ma za świętego, dzień pamiątke iego 29 septembra poświęciwszy. Te tego iasne dwa dowody położywszy, induciuemy, że xiąże Polskie Mieczesław tę wiarę przyjął, ktorey była Dąbrówka. Dąbrówka była wiary tey, ktorey była babka iey Ludmiła. Ludmiła tey była wiary, ktorey był Światopołk Krol Morawski. Światopołk wiary był tey, ktorey się nauczył od Methodiusza y Cyrilla. Methodiusz y Cyrillus tey wiary nauczyli Światopołka, ktorey byli nauczeni od Methodiusza Patriarchi Konstantinopolskiego, który ie posłał. Polacy tedy, też wiarę przyjąwszy, ktorey był Mieczsław, Xiąże Polskie, y Dąbrówka Xiążna, żona iego, Graecką ze Wschodu od św. Stolicy Apostolskiej Konstantinopolskiej szczęśliwie zawitała wiarę chrześciańską przyjęli» (*[Смотрицкий М.]* Obrona Verificatley. С. 413–414).
- 17 См. об этом подробнее: *Неменский О. Б.* История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // Украина та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. Київ, 2003. С. 409–434; *Неменский О. Б.* Воображаемые сообщества

- в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2005/2006. М., 2008. Вып. 3. С. 41–78.
- 18 *Зизаний Л.* Катехизис. Гродно, 1783. С. 27об.
- 19 *Коссов С.* Paterikon, abo żywoty świętych oyców pieczarskich 1635 // Архив Юго-Западной России. Киев, 1914. Ч. 1. Т. 8. Вып. 1. С. 457–458.
- 20 См.: **Indicium, to iest, pokazanie Cerkwie prawdziwey... B.m., 1638 // Архив Юго-Западной России.** Киев, 1914. Ч. 1. Т. 8. Вып. 1. С. 784–785.
- 21 «Jako nie iest prawda, aby się kazanie nie dawno w cerkwi Ruskiej wsczęło, [...] Pierwsza tedy tak dowodzę: że Ruś naypierwiew z kazania Cyrilla y Metodiusza są nawroceni; wiara bowiem przez słuchanie do pogan przyszła, iako Paweł święty do Rzymian» (Лифос. С. 346).
- 22 *Kreuzo L.* Obrona... Стб. 223.
- 23 «За Bazilego Macedona, cesarza Greckiego, a za książęcia wszytkiey Rusi Ruryka, y za książąt Kiiewskich, Askolda y Dira, za patryarchy Konstantinopolskiego Ignacego» (*Kreuzo L.* Obrona... Стб. 224).
- 24 «Pod ten czas, gdy się Fociusz w Konstantynopolu buntował przeciw papieżowi, po błogosławieństwo iezdźili do Rzymu, wysłani byli ieszcze za Michała cesarza, na początku patriarchostwa świętego Ignacego do kraioiw Słowieńskich» (*Kreuzo L.* Obrona... Стб. 225–226).
- 25 *Kreuzo L.* Obrona... Стб. 227.
- 26 Там же. Obrona... Стб. 287.
- 27 *Smotrzycki M.* Paraenesis abo napomnienie. Kraków, 1629. S. 46.

Nemensky O. B.

St Cyril and Methodius as the Baptizers of Russia in Orthodox
and Unitarian Ideas of Rzech Pospolita
in the First Half of the Seventeenth Century

The author traces the process of shaping and the evolution of historical interpretations of the mission of St Cyril and Methodius in the discussion between Orthodox people and members of the Uniat Church happened in Rzech Pospolita after the Church Union of Brest 1596. A special attention is put on the versions of the direct participation of the Slavic First-Teachers in the Christening of Russia.

Key words: *ecclesiastical-confessional polemic, Orthodox-Uniate polemical literature, Church Union, mission of St Cyril and Methodius, Church Union of Brest, Rzech Pospolita, Kievan Metropole, Constantinople Patriarchate, Christening of Russia.*

И. А. Запольский
(Москва)

«Те, кто не идет на войну, считаются бесчестными трусами»: особенности самосознания ускоков во второй половине XVI в.

Статья посвящена малоизученной проблеме самоидентификации ускоков – славян, переселившихся с территории Османской империи в балканские владения Габсбургов и Венецианской республики в начале XVI в. и воевавшие против турок. Исследуются условия формирования и особенности их самосознания.

Ключевые слова: *ускоки, самоидентификация, Османская империя, военный кодекс, Сень.*

Термин «ускок» (*uskok – беглец*) в источниках и историографии определяет славян, переселявшихся с начала XVI в. с территорий, занятых Османской империей, в балканские владения империи Габсбургов и Венецианской республики и воевавших против турок. По свидетельству архиепископа Задара Минучио Минучи (1596–1604), «это имя (ускоки. – И. З.) появилось впервые на слуху, когда турецкие войска стали нарушать границы Хорватии и Далмации: в то время много мужчин, которые не могли жить под турецким гнетом, помня, что рождены в вере Христа, направились в христианские земли, откуда изо дня в день наносили туркам колоссальные потери»¹.

По этническому составу ускоки не отличались однородностью, так как к славянам в их военных кампаниях присоединялись итальянцы и албанцы. Ускоки были подданными трех государств – Османской империи, империи Габсбургов, Венецианской республики. По конфессиональной принадлежности ускоки могли быть как католиками, так и православными; засвидетельствованы случаи участия в военных действиях ускоков даже славян-мусульман. Характер действий ускоков также был различен, поскольку они совершали и военные походы против турок, и пиратские набеги во владения Габсбургов и Венеции. Соответственно, названия ускоков также не отличались однородностью: пограничные власти говорили о них как об эмигрантах (*uskok, pribeg, transfugus*) или как о бывших турецких подданных (*herübergefallne Turgkhen*). Термин *vlach* (от ср. верхненем. *walch*) появился на военной границе и обозначал функцию колониста, который исполнял военные обязанности

взамен налоговых послаблений. Более пространное значение имел термин *morlak* (сербск. *морлаци*, итальянск. *morovlacchi*, немецк. *Morlacken*), который относился ко всем подданным Турецкого приморья, в отличие от подданных Венецианского приморья, вне зависимости от их этнической принадлежности или от того, были ли они военными колонистами.

В историографии активно исследуются социально-экономические, политические и культурные аспекты формирования и существования ускоков как особой этнополитической и этноконфессиональной группы². Между тем обойденным вниманием исследователей остается принципиально важный для понимания феномена ускоков вопрос о самосознании этой разнородной группы, об их собственных представлениях о своем месте в христианском мире и в сложном клубке отношений Османской и Габсбургской империй и Венеции, о своей роли в борьбе с турками. В данной статье эти проблемы рассматриваются на материале источников разных жанров второй половины XVI в. – дипломатической переписки, документов административного характера, венецианских и далматинских судебных протоколов. Наибольший интерес для затрагиваемого круга вопросов представляют документы самих ускоков – частью изданные, частью не публиковавшиеся и хранящиеся в архивах Задара и Трогира.

Источники показывают, что самоидентификация ускоков отличалась внутренним единством и базировалась на представлении о себе как о *воинах на границах христианского мира*: ускоки никогда не использовали в качестве самоназвания слово *uskok*, поскольку оно указывало на оскорбительную для них идею «бегства», а именовали себя «*vitezovi, soldati, valenthuomeni, junaci*», то есть терминами, актуализировавшими семантику «доблестного воинства», «границара».

Главным своим достоинством как воинов ускоки считали *честь*, которой они дорожили и потерять которую боялись больше смерти. При этом для ускоков одинаково важна была и личная, и коллективная честь. Представления о чести формировали и одновременно определяли картину мира ускоков: их жизнь строилась на бинарных оппозициях «честь» – «бесчестие», «верность» – «предательство», «светлый образ» воина – «темный образ» воина.

Основными составляющими их своеобразного «кодекса чести» были: преданность семье, преданность и помощь своему городу, преданность войску, неукоснительное исполнение воинских обязанностей, наказание ослушавшихся и восставших, месть предателям. Иван Влаткович, один из знаменитых воевод ускоков второй поло-

вины XVI в., писал: «Я поклялся отомстить за всякое оскорбление или ущерб, нанесенный мне или одному из моих братьев, не важно, велик ли он или ничтожен»³. Ускока отличала готовность пролить свою кровь в бою и пожертвовать своей жизнью. Анонимный венецианский источник конца XVI в. сообщает: «Наиболее заслуженной считается та семья, которая может доказать, что их предки были среди первых, кто был повешен, разрублен на куски или каким-либо другим образом закончил свою жизнь в походах ускоков. Ни одного нет почитаемого в народе доблестного героя, который умер в своей постели»⁴.

Соответственно, бесчестным считалось: предательство интересов семьи, города, войска, уклонение от воинских обязанностей, трусость, убийство пленных, неготовность пролить свою кровь и отдать свою жизнь: «Те, кто не идет на войну – старики, а все остальные считаются бесчестными трусами»⁵.

«Кодекс чести» ускоков был основан на приоритете физической силы и храбрости, на презрении к слабости. Добиться чести и сохранить честь можно было только в бою, поэтому оружие, являвшееся символом мужественности и средством ее проявления, было главным атрибутом ускоков, неотъемлемой частью их внешнего облика. Потерять право ношения оружия означало лишиться чести. Примером такого отношения ускоков к категории «честь» является их интерпретация в истории Военной границы антиавстрийского восстания 1601 г. В ходе него ускоками был убит генерал Раббата, направленный из Вены для урегулирования конфликта между Венецией и ускоками. Причиной восстания стал приказ Раббаты сдать оружие и использовать его только с официального разрешения властей. Сами ускоки впоследствии говорили, что убили Рабату, «защищая свою честь»⁶.

Особенно ценным ускоками качеством была верность своим воеводам, которые в их глазах были воплощением идеального «светлого» воина. Подчеркивая величие своих воевод, ускоки утверждали, что они никогда не предавали свое войско или отдельных людей. Когда воеводы братья Иван и Миха Влатковичи в 1598 г. были обвинены в несанкционированном пиратском набеге и предстали перед судом, горожане Сеня обратились к властям с посланием в их защиту. «В нашем городе никто и никогда не слышал, чтобы он или его брат совершили какое бы то ни было злодеяние или вероломство или как-нибудь иначе запятнали свою честь, их добропорядочность, на против, всем известна, о чем открыто заявляем перед Богом»⁷.

Любые свидетельства и обещания ускоки подтверждали клятвой, и клялись они своей честью, соответственно, нарушение клятвы считалось бесчестьем. Марк Антоний де Доминис, архиепископ Сень (1600–1602), отмечал бесстрашие ускоков и готовность хранить клятву даже в минуты опасности: «Эти люди всегда верны данному слову, подтвержденному клятвой, что готовы держать его даже под страхом любого наказания и даже смерти»⁸. Ускоки, нарушившие эти принципы, должны были быть наказаны собратьями.

Однако, несмотря на строгость соблюдения «кодекса чести», засвидетельствованы случаи, когда ускоки нарушали собственные законы и клятвы. В последней четверти XVI в. они окончательно потеряли покровительство Венеции, подрывая своими пиратскими набегами ее торговое могущество в Адриатическом море. Именно в этот период учащаются случаи бегства ускоков из Сень на венецианскую службу. Такой поступок в среде ускоков рассматривался как предательство и требовал жесточайшей расплаты. Джованни из Ферма, итальянский купец, который неоднократно бывал в городе, в период с 1590 по 1605 г. сообщал об обычаях и нравах ускоков⁹: «Ускоки очень мстительны, готовы четверо заплатить за нанесенную им обиду. Горе тому, кто вызовет их гнев»¹⁰. Марк Антоний де Доминис описывал характерный случай, произошедший 12 марта 1599 г., когда ускоки на острове Брач убили некоего Юрия Берсковича и всю его семью «за то, что Павел Берскович, сын упомянутого Юрия, после того как примкнул к ускокам, внезапно оставил Сень и поступил на венецианскую службу. Из этого... можно заключить, как жестоко ускоки карают тех, кто нарушает данную клятву, как они сами это называют»¹¹.

Принципы коллективной ответственности ускоков, однако, распространялись не только на возмездие по отношению к предателям и обидчикам. Для ускоков делом чести было вызволить из турецкого плена своего товарища, помочь вдовам и детям погибших в бою. История храбрых подвигов, совершенных ускоками ради спасения и освобождения своих «братьев», стала одним из ключевых мотивов героических песен о городе Сень, его храбрых защитниках. В этих песнях герой, за которого некому заплатить выкуп, томится в плену до тех пор, пока верные товарищи не совершают поход с целью его освобождения, спасают его, наносят унижительное поражение туркам и с победой возвращаются в родной город¹². Эти песни стали отражением многочисленных реальных историй. Характерен эпизод, произошедший с одним ускоком – Иваном Десантичем, который

в 1599 г. попал в плен к туркам. Отец Ивана готов был заплатить огромный выкуп, но товарищи решили сами его освободить, совершив нападение на крепость, в которой он был заточен¹³.

Ускоки всегда стремились вернуть на родину останки своих товарищей, героически павших в боях с турками, даже если это было сопряжено со многими лишениями и опасностями. Таким образом, бремя коллективной ответственности за товарища они продолжали нести и после его смерти. Так, например, в 1597 г. Милош Буковец вместе с небольшим отрядом ускоков попал в плен, пытаясь договориться о передаче ему и возвращении в Сень тела его племянника, который был убит годом ранее в сражении под Клисом¹⁴.

«Кодекс чести» ускоков, безусловно, являл собою идеал, определявший отношения ускоков с внешним миром. Однако именно этот идеал укреплял в них чувство солидарности против всех врагов христианства и отделял от тех, кто этой борьбы не вел. Это подтверждается тем, что среди самих ускоков возникали споры, порой перераставшие в серьезные конфликты, по вопросам о том, соответствует ли то или иное решение или поступок кодексу или нет. Так, в 1607 г. разгорелся ожесточенный спор, вызванный прибытием в город богатого купца мусульманина, получившего предварительно разрешение на въезд в город. Решить его судьбу должен был совет десяти уважаемых воевод ускоков. В ходе обсуждения возник вопрос, как следует поступить с незваным гостем: потребовать выкуп или отпустить. Мнения разделились, но необходимо отметить, что защитники купца при этом особенно подчеркивали, что задерживать и требовать выкуп с безоружного человека, по своей воле прибывшего в город, противоречит представлениям о чести¹⁵.

Разногласия в среде ускоков были неизбежны, поскольку основным источником их доходов оставалось пиратство и разбойные набеги. Но все же именно «кодекс чести» ускоков регулировал отношения в их среде в условиях отсутствия сильной государственной власти.

Основной своей задачей ускоки считали оборону границ христианского мира, видели в себе последний оплот обороны христианской Европы от османов. Это представление формировалось, активно поддерживаемое империей Габсбургов и Римом.

Так, в официальных документах Военной границы город Сень, ставший своеобразной столицей ускоков, всегда характеризуется сложными военно-религиозными метафорами: «*опора христианства*», «*оплот христианства*», «*крепость против неверных*». Не удивительно,

что сами ускоки формировали представления о себе в соответствии с этой терминологией даже после изменения политической ситуации, когда Габсбурги стремились ограничить военную активность ускоков.

Представление об ускоках как о защитниках христианства активно поддерживала и католическая церковь. На протяжении XVI в. папы Адриан VI, Пий V, Климент VIII неоднократно призывали к борьбе христиан против турок. Эти призывы нашли наиболее сильное отражение в деятельности регионального священства на территории Хорватии и Далмации. Многие из священников были здесь тесно связаны с ускоками и часто использовали свое влияние, чтобы урегулировать отношения между ними и своей паствой. Некоторые из них активно поддерживали военные походы ускоков на «неверных», служили им в качестве осведомителей, а другие даже сами участвовали в походах (например, отец Марка Антония де Доминиса). Сохранилось описание того, как один монах, брат Симон Урманео, ходил от дома к дому тех, кто не примкнул к походу ускоков, держа в руках прясло (веретено) и говоря: «Возьми это, лентяй, отбрось аркебузу и меч и возьми это в руки – этим ты должен заниматься. Надень женское платье и выйди из дома на посрамление. Или ты не знаешь, что те, другие, на войне, сражаются за свободу веры»¹⁶.

Для сеньского духовенства поддержка ускоков не была удивительна. Город Сень был резиденцией епископа, в городе находился кафедральный собор, а также несколько небольших церквей, два монастыря, францисканский и доминиканский. Как и другие жители города, духовенство было очень бедно, поскольку турки заняли большинство земельных владений епископии, после чего оно лишилось основного источника прибыли¹⁷. Часть добычи ускоков шла на поддержание церквей и монастырей города, а также на содержание священников. По возвращении из похода ускоки сразу смиренно шли в церковь, чтобы возблагодарить Господа за успешный поход и счастливое возвращение домой. Затем они делили добычу, отдавая достойную часть церкви¹⁸. Вовлеченность священников в военные действия ускоков достигла таких масштабов, что, например, в Задаре в 1598 г. был издан указ, который запрещал священникам появляться в церкви в военной форме. Так, в списке солдат гарнизона Военной границы мы находим имя Франьо Живковича и имена еще нескольких представителей высшего духовенства Сenea. Священники с алтарей Сеньских церквей призывали на святую войну, служили мессы за здоровье и упокой душ ускоков, благословляли их оружие и хранили награбленное в капеллах¹⁹. Рим подтверждал статус ускоков как

защитников христианства, поскольку Святая столица очень быстро поняла, что ускоки могут быть использованы не только как последний рубеж обороны от турок, но и как военная сила, которая может оказать решающую роль в реализации планов освобождения Балкан от мусульманского гнета. Поэтому помимо моральной поддержки и благословения на борьбу с неверными папы не раз оказывали ускокам и значительную материальную помощь. Клис, первая столица ускоков, а затем и Сень начали получать из Рима деньги и благословения. Большая круглая башня, которая должна была защищать стены города с севера, была построена на средства Льва X. Об этом свидетельствует специальный барельеф и папский герб на городских стенах, а также тот факт, что за этой башней в народе утвердилось название «Башня Папы»²⁰. На средства Рима также была построена крепость Нехай, которая и сейчас возвышается над городом. Время от времени папы даже платили ускокам за активизацию их военной деятельности, особенно на протяжении 80-х гг. XVI в., а ватиканский хлеб много раз спасал от голода город в неурожайные годы. Не эта ли поддержка обусловила представление ускоков о себе как о воинах, избранных Святым престолом на борьбу? Комментируя один из походов ускоков, архиепископ Задара Минучио Минучи писал в 1601 г.: «Ускоки полагают, что их благословил Его Святейшество и что своими действиями они заслуживают Божью милость»²¹.

Представление о сеньских ускоках как об опоре христианского мира в борьбе с турками разделялось и в Венеции. По свидетельству Ветторо Барбары, секретаря главного провидора, среди населения Далмации жила твердая уверенность, что если бы не было ускоков, турецкие нападения на христианские территории приводили бы к большим потерям и жертвам. Барбара утверждал также, что именно заслугой ускоков является то, что турки в принадлежащих им портах на Адриатическом море не смогли создать сильный и хорошо оснащенный военный флот. Венецианская республика страшилась роста турецкого влияния в Адриатике, поэтому венецианскими дипломатами были предприняты все усилия для того, чтобы между сторонами был заключен договор, согласно которому Турция не имела права иметь военный флот в Адриатическом море. Барбара сообщал, что Турция в небольшом порту Обровец (немного выше Задара), пренебрегая договором, развернула строительство венных судов, и только благодаря успешному походу ускоков удалось свести на нет эти планы.

Имеется несколько источников, которые подтверждают, что ускоки были религиозны. Так, Ветторо Барбара, негативно характе-

ризуя образ жизни и нравы ускоков, тем не менее признавал, что ускоки предстают людьми богобоязненными в личной и общественной жизни: «Часто посещают церковь, а иногда можно видеть, как они на оголенных коленях ползут из гавани к церкви, чтобы возблагодарить Бога»²². Также известный итальянский теолог Паоло Сарпи, рассуждая о том, что среди ускоков не получили распространение идеи реформации и еретические учения, писал в начале XVII в.: «Они не лютеране, да и нет в городе Сень каких-либо других общин и церквей, кроме католических, поэтому не может быть и речи, чтобы в каких-либо спорных религиозных вопросах они бы соглашались с протестантами»²³. Религиозность ускоков, как представляется, имела особый оттенок, характерный для пограничных территорий между христианством и исламом. Это была вера крестоносцев, в которой переплетались военные и религиозные начала.

В целом источники второй половины XVI в. показывают, что ускоки видели себя доблестными воинами, защитниками христианства и ясно понимали, что они ведут священную войну против Османской империи.

На рубеже веков с расширением пиратских морских операций ускоков, затрагивавших интересы всех действовавших на морском побережье запада Балкан политических сил и прежде всего Венеции, постепенно менялось отношение к ускокам и представление о них. В ускоках стали видеть пиратов и вести борьбу с ними: «ускоки принадлежат трем различным группам людей – габсбургские, венецианские и турецкие подданные, одного народа и языка, объединенные пиратством»²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Minucci M.* Storia degli uscocchi. [1604] // *Sarpi P.* Opere. Helmstadt, 1763. V. 4. S. 218–219.
- 2 См., например, работы: *Bojničić-Kninski I.* Izvješća o kretanjima turske vojske uz hrvatsku granicu u drugoi polovici XVI vijeka // *Vjesnik Kraljevskog hrvatsko-slavonsko-dalmatinskog zemaljskog arhiva.* Zagreb. 1914. № 16. S. 60–101; *Durham M. E.* Some Tribal Origins, Laws and Customs of the Balkans. London, 1928; *Tomić J.* Grada za istoriju pokreta na balkanu protiv Turaka XVI–XVII vijeka // *Zbornik za istoriju, jezik i književnost, sekcija 2.* Sv. 6. Beograd, 1933; *Bertoša M.* Bužeština u doba uscočkog rata // *Buzetski sbornik.* Pula. 1976. S.

- 99–103. Особый научный интерес представляет монография: *Bracewell C. W. Senjsciuskoci. Zagreb; Barbat, 1997, содержащая анализ повседневной жизни ускоков. В отечественной научной литературе проблема ускоков не получила освещения.*
- 3 Н. А. З. Fond Šime Ljubića 2/33:281.
- 4 Ibid.
- 5 Ibid.
- 6 *Horvat K. Monumenta historiam uscocchorum illustrantia. Sv. 2. Monumenta Spectantia historiam Slavorum meridionalium. Zagreb, 1913. S. 2–3.*
- 7 *Lopašić R. Acta historiam confinii militaris Croatici illustrantia. 3 sv. Monumenta Spectantia historiam Slavorum meridionalium, 15, 16 i 20. Zagreb, 1884–1889. Sv. 2. S. 27.*
- 8 *Horvat K. Monumenta historiam... Sv. 1. S. 45.*
- 9 Источник обнаружен в архиве Медичи во Флоренции и опубликован *Rački F. Prilog za povijest hrvatskih uskoka. Zagreb, 1877. S. 172–256.*
- 10 *Rački F. Prilog za povijest hrvatskih uskoka... S. 209.*
- 11 Н. А. З. Архив Трогира, 25/11: 1480 (15 озујка 1599).
- 12 *Bogišić V. Narodne pjesme iz starijih, najviše primorskih zapisa. Biograd, 1878. S. 296–300.*
- 13 *Rački F. Prilog za povijest hrvatskih uskoka... S. 196, 237.*
- 14 Ibid. S. 223–224.
- 15 Н. А. З. Fond Sime Ljubica 2/33: 305.
- 16 *Farlati D. Illyricum sacrum. Venecia, 1819. Sv. 9. P. 46.*
- 17 *Sladović M. Povesti biskupijah senjske i modruške ili krbavske. Trst, 1856. S. 174.*
- 18 *Rački F. Prilog za povijest hrvatskih uskoka... S. 241.*
- 19 *Fiedler J. Relationen der Botschafter Venedigs über Deutschland und Österreich im XVII Jahrhundert. Fontes rerum Austriacarum. Beč, 1866. S. 36–37.*
- 20 *Rački F. Prilog za povijest hrvatskih uskoka... S. 175.*
- 21 *Horvat K. Monumenta historiam... Sv. 2. S. 338.*
- 22 Н. А. З. Fond Sime Ljubica. 2/33: 181.
- 23 *Sarpi P. La Repubblica di Venezia, la Casa d'Austria e gli uscocchi. Bari: Laterza i figli, 1965. S. 57.*
- 24 *Commissiones i relationes venetae. Monumenta Spectantia historiam Slavorum meridionalium... S. 255.*

Zapolsky I. A.

«Those Who Do Not Go for a War are Treated
as Dishonourable Cowards»: the Specific of the Uskoks' Self-Perception
in the Second Half of the Sixteenth Century

The article is focused at the less studied problem of the self-identification of the Uskoks – Slavs migrated from the territory of the Ottoman Empire to the Balkan lands of the Habsburgs and the Republic of Venice in the early 16th cent., who took part in battle against Turks. The author studies the terms of shaping and the specific of their self-consciousness.

Key words: *Uskoks, self-identification, the Ottoman Empire, military codex.*

А. Бараньска
(Люблин)

Федор Кузьмич – сибирская жизнь после смерти императора Александра I. История легенды

Статья посвящена истории легенды о таинственном перевоплощении императора Александра I в отшельника Федора Кузьмича. Исследуются придворная и народная версии этой легенды, а также ее оценки и интерпретации в дореволюционной, советской, эмигрантской, западной и современной российской историографии.

Ключевые слова: *Александр I, старец Федор Кузьмич, легенда, русская историческая литература, советская историография, историки-эмигранты.*

В последние годы читатели исторической литературы в России имели множество возможностей заново открыть для себя легенду о российском императоре, который после почти двадцати пяти лет царствования оставил трон, чтобы провести остаток жизни как кающийся грешник и отшельник в одной из сибирских губерний¹. Этим властителем считался Александр I, правивший в России как самодержавный монарх с 1801 г., а в Королевстве Польском как монарх конституционный с 1815 г. и умерший в 1825 г. в Таганроге.

Возникновению легенды вокруг судьбы Александра I способствовала как неординарная и полная контрастов личность царя, так и не до конца ясные обстоятельства его смерти в возрасте 48 лет в отдаленном городе империи. Чтобы понять сомнения историков и современников, следует вспомнить хронологию событий.

13 сентября 1825 г.² Александр направился из Петербурга в Крым. Главной целью его путешествия была подготовка подходящего места для пребывания серьезно больной жены, императрицы Елизаветы Алексеевны, которая намеревалась провести зиму в Таганроге. Кроме того, он проводил инспекции военных поселений, гарнизонов и укреплений, храмов и больниц. Елизавета Алексеевна присоединилась к нему 5 октября. Месяцем позже Александр I отправился на крымский полуостров в многодневную поездку, как оказалось, роковую. По пути в Севастополь (10 ноября) он сильно простудился, и у него началась горячка, однако он в соответствии с планом совершил инспекцию крепости и в течение нескольких дней продолжал объезд

окрестностей. Это привело к явному ухудшению состояния здоровья царя: по возвращении в Таганрог 17 ноября он был уже очень ослаблен. Симптомы болезни казались типичными для так называемой «крымской лихорадки», которая унесла много жизней в этом регионе. Вопреки уговорам своего врача Джеймса (Якова) Виллие, Александр решительно отказывался от каких-либо лекарств. 22 ноября Елизавета Алексеевна, обеспокоенная состоянием царя, известила о его болезни императрицу-мать Марию Федоровну в Петербурге и Великого князя Константина в Варшаве. 27 ноября, после принятия причастия царь решил, наконец, на лечение, предписанное его врачами. Но оно не возымело эффекта, и 1 декабря 1825 г. Александр I скончался в присутствии жены, которая заботилась о нем до последних минут жизни.

Вскрытие было проведено через 32 часа после смерти, при участии десяти врачей (в том числе сопровождавших царя Джеймса Виллие, Роберта Ли и Дмитрия Тарасова), которые оформили подробный протокол³. В течение более чем трех недель бальзамированные останки покоились там, где наступила смерть, а потом были перенесены в близлежащую церковь. Еще ранее, ввиду признаков разложения тела, крышка гроба была закрыта. Когда ее открыли в церкви, черты лица покойника были уже трудно распознаваемыми. Похоронная процессия отправилась в Петербург лишь 10 января. Нехватка ясных указаний по вопросу наследования трона после смерти Александра привела к ситуации междуцарствия и серьезному государственному кризису, последним аккордом которого было выступление декабристов, кроваво подавленное Николаем I. Процессия с гробом Александра добралась до Москвы 15 февраля, где, в связи с тем, что народ требовал выставить тело на публичное обозрение, а власти на это не соглашались, чуть было не дошло до волнений. Почти месяцем позже, 12 марта, кортеж добрался до Царского Села. Там тело по собственному желанию осмотрела императрица-мать Мария Федоровна, которая – согласно заявлениям свидетелей – подтвердила личность сына. Затем гроб был помещен в военный госпиталь. Траурные церемонии состоялись 25 марта; Александр был похоронен возле своего отца, Павла I, в Казанском соборе на территории Петропавловской крепости. Как доказательство того, что саркофаг в самом деле скрывает тело умершего царя, к установленной напротив иконе было прикреплено его обручальное кольцо⁴. Вдова, Елизавета Алексеевна, не сумела добраться до Петербурга на похороны мужа ввиду резкого ухудшения состояния здоровья. 16 мая она умерла в небольшом городке в Орловской губернии.

Описанные обстоятельства представляли собой естественную почву для различных домыслов и сомнений, как при дворе, так и среди народа. Непосредственно после смерти Александра говорилось о его умерщвлении (путем отравления или иначе) – инициативу этого убийства приписывали или революционерам, или высоким сановникам, стремящимся к дворцовому перевороту. Ходили слухи об удачном побеге монарха от убийц и захоронении вместо него убитого солдата. Рассказывалось даже, что царь был продан в рабство⁵.

С годами спекуляции на тему убийства отошли на дальний план, зато появилась версия о добровольном оставлении Александром царского престола. Эта легенда пользовалась некоторой популярностью уже под конец царствования Николая I. Укрепил ее факт поселения в Томской губернии отшельника (старца⁶) Федора Кузьмича, которого некоторые начали отождествлять с Александром I. Трудно сказать, имело ли место это отождествление еще при жизни старца, или же началось лишь после его смерти. Федор Кузьмич, как установлено после, был арестован осенью 1836 г. в окрестностях Красноуфимска (Пермской губ.) за бродяжничество, а затем отправлен в ссылку на поселение в Богоявленск (Томской губ.). В последующие годы в поисках спокойствия и уединения он несколько раз менял место жительства. Если верить словам современников, он отличался от «обыкновенных» отшельников внушительным видом и поразительным для этого типа людей знанием жизни петербургского двора. Рассказывалось, что иногда он принимал высокопоставленных людей. В конце 50-х гг. Федор Кузьмич поселился вблизи Томска, где о нем заботился местный купец Семен Феофанович Хромов. Там же он и умер в январе 1864 г. Хромов после этого дважды ездил в Петербург, чтобы передать наследникам Николая I вещи, а также бумаги, оставленные Федором Кузьмичом. Ходили слухи, будто в 1866 г. в связи с этим он был заключен под стражу в Петропавловской крепости, а впоследствии освобожден с предписанием «держатъ языкъ за зубами».

В начале 80-х гг. Хромов вновь был в столице – на этот раз он подал царю Александру III какую-то просьбу, к которой была приложена небольшая фотография (а точнее сфотографированная литография) Федора Кузьмича⁷. Записи, которые оставил Хромов, содержали не слишком много подробностей, которые могли бы заинтересовать историка – автор посвятил их, прежде всего, необыкновенным духовным дарованиям, которыми был наделен старец, и совершенным им чудесам. Вскоре могила Федора Кузьмича в Томске и келья, в которой он провел последние годы жизни, стали местом набож-

ных паломничеств. В 1873 г. там был даже великий князь Алексей Александрович (сын Александра II), а в 1891 – великий князь Николай Александрович (будущий Николай II)⁸. Росла также вера (особенно среди окрестного населения) в то, что царь и праведный старец – это одно лицо. Вероятно, этому способствовал некоторый мифический ореол, сложившийся вокруг личности Александра I, которого еще при жизни называли «Благословенным» и «Ангелом»⁹.

Период царствования Александра III и Николая II был временем дальнейшего развития легенды, которая набирала все большую популярность и обогащалась новыми подробностями. В конце XIX в. появилась целая серия книг и брошюр о сибирском старце¹⁰. Власти с недовольством смотрели на распространение легенды, которая, по их мнению, компрометировала царствующую династию. Обер-прокурор Святейшего Синода, Константин Победоносцев (1880–1905), направил даже тайный циркуляр для духовенства, в котором строго запрещал ему издание и распространение публикаций о мнимом исчезновении и отшельнической жизни Александра I¹¹.

В 1897–1898 гг. в Петербурге вышла четырехтомная биография Александра I, написанная Николаем Шильдером¹² и основанная на обширном использовании источников. Пользующийся признанием в среде историков автор излагал на последних страницах своего труда легенду об Александре-Федоре Кузьмиче, заканчивая ее следующим выводом:

«Если бы фантастические догадки и нерадивые предания могли быть основаны на положительных данных и перенесены на реальную почву, то установленная этим путем действительность оставила бы за собою самые смелые поэтические вымыслы; во всяком случае, подобная жизнь могла бы послужить канвою для неподражаемой драмы с потрясающим эпилогом, основным мотивом которой служило бы искупление. В этом новом образе, созданном народным творчеством, император Александр Павлович, этот “сфинкс”, не разгаданный до гроба, без сомнения, представился бы самым трагическим лицом русской истории, и его тернистый жизненный путь увенчался бы небывалым загробным апофеозом, осененным лучами святости»¹³.

Точка зрения Шильдера, который, хотя и не решился подтвердить легенду своим авторитетом, в то же время до конца и не отказался от нее, лучше всего показывает, что не только народ хотел отождествить своего монарха с сибирским старцем – перед силой воздействия предания не устояли также и представители русской элиты.

Религиозно-нравственный посыл легенды особенно увлек Льва Толстого. Он намеревался использовать ее как материал для лите-

ратурного произведения, начал даже писать вымышленный дневник «Посмертные записи старца Федора Кузьмича...», однако оставил лишь незавершенные наброски. В видении Толстого – который как писатель не обязан был заботиться о соответствии художественного произведения историческим документам – Александр I после отречения от престола жил в окрестностях Таганрога как простой человек. Сознавая, однако, что грех отцеубийства¹⁴ требует более радикальной формы покаяния, он ждал, что Господь укажет ему верный путь. Однажды он случайно находился вблизи места наказания солдата, который был осужден на 8 тысяч палок за оставление полка. После нанесения половины ударов наказание было прервано, солдат вскоре умер, а потрясенный Александр I решил занять его место. Врач, которому царь раскрыл свою личность, клятвенно обязался сохранить тайну. Тело умершего было перевезено в Петербург и торжественно похоронено, а Александр I, «излечившись от ран», вернулся в полк. Чудом пережил вторую часть наказания, после чего, как велел приговор, был сослан в Сибирь на поселение. Он жил там много лет, вплоть до дня, когда его случайно узнал вновь прибывший ссыльный, прежде служивший при дворе. Тогда Александр I покинул село и последние годы жизни провел как странник и бродяга в окрестностях Урала¹⁵. Хотя повесть Толстого отклонялась и от исторического пересказа, и от народной версии предания, которое изначально не включало сюжета о личной вине Александра за отцеубийство, однако и без того она очень укрепила силу воздействия легенды.

В версии начала XX в. история Федора Кузьмича состояла уже из целого ряда более или менее красочных эпизодов. Постоянным элементом повествования были посещения отшельника членами царской семьи и иными важными лицами: великий князь Михаил Павлович (младший брат Александра I) якобы навещал Федора Кузьмича еще в тюрьме в 1837 г., потом в тайге под Томском с ним встречался великий князь Николай Александрович (сын Александра II), или даже сам будущий Александр II, как наследник престола. Частым гостем старца был епископ Иркутский Афанасий, который вел с ним продолжительные беседы на каком-то иностранном языке. Подчеркивалось, что Федор Кузьмич знал всех сановников Петербурга, их деятельность и характеры, превосходно ориентировался в политических событиях и тонкостях организации военных поселений, любил вспоминать войну с Наполеоном и победоносное вступление русской армии в Париж в 1814 г., а также различные факты периода царствования Екатерины II, зато избегал каких-либо упоминаний о Павле

И и Александре I. К каноническим принадлежали сцены опознания царя во время случайной встречи с солдатом-ветераном или другим лицом из прежнего окружения. Вид старца, его жесты, привычки и темперамент должны были полностью соответствовать наружности и характеру Александра I. Легенда упоминала также о «вещественных» доказательствах личности Александра, которыми были находившиеся в его келье иконы Богоматери Почаевской с инициалами «А I», а также Святого Александра Невского (патрона царя), скрытый (якобы) среди бумаг акт бракосочетания с Елизаветой Алексеевной, а также листок с зашифрованной записью, которую старец хранил в специальном мешочке¹⁶. Эта последняя была даже воспроизведена и – хотя можно сомневаться в ее аутентичности – стала предметом интереса и попыток расшифровки. Первая попытка состояла в том, что ее автор рассмотрел записку как анаграмму и, переставив буквы, получил довольно сенсационную информацию о «вероломном брате Николае Павловиче», который «без стыда и совести сослал Александра»¹⁷. Эта версия, по понятным соображениям, не получила широкой известности. Через несколько десятилетий появилась другая расшифровка. Страница будто бы была зашифрованным письмом царя Павла I к некоей Анне Васильевне¹⁸, в котором говорилось: «Открыли мы ужасную вещь о нашем сыне: граф Пален информирует меня об участии Александра в заговоре. Нам необходимо скрыться сегодняшней ночью, куда угодно, где только возможно»¹⁹.

Как уже упоминалось, легенда была известна также в дворянской среде и членам царствующей династии. Именно там она нашла своего первого исследователя и критика – им был великий князь Николай Михайлович (1859–1919), внук Николая I, член Петербургской Академии Наук и председатель (1909–1917) Русского Исторического Общества. Увлеченный легендой о своем двоюродном дедушке, он решил самостоятельно провести поиски в архивах императорского двора, а также в местах, связанных с личностью Федора Кузьмича. Многолетний поиск превратил приверженца легенды в одного из ее ведущих критиков. В 1907 г. Николай Михайлович обнародовал результаты своих исследований в работе «Легенда о кончине императора Александра I». В ней он утверждал, что все объяснения, с помощью которых пытались доказать аутентичность предания (симуляция болезни, посвящение в проект бегства Елизаветы Алексеевны, захоронение вместо царя фельдъегеря Маскова, который двумя неделями ранее погиб при несчастном случае, и т. д.), противоречат сохранившимся источникам. Отзываясь о работе Шильдера, Николай

Михайлович выражал удивление, как историк такого уровня мог всерьез отнестись к столь неправдоподобной легенде. Однако, он предложил новую гипотезу насчет личности Федора Кузьмича – будто бы он был внебрачным сыном Павла I и Софьи Чарторыйской (в девичестве Ушаковой) и в молодости служил во флоте²⁰. Эта версия позволяла подтвердить слухи о физическом сходстве отшельника с Александром I, а также о его хорошей осведомленности о тонкостях, касающихся императорского двора. В изданной спустя несколько лет биографии Александра I Николай Михайлович безапелляционно констатировал, что легенда, ставящая под сомнение факт смерти царя в 1825 г., противоречит всякой логике и не подкрепляется ни одним вещественным аргументом²¹.

Публикации великого князя не казались, однако, убедительными историкам и публицистам – некоторые считали, что причиной изменения его взглядов были не проведенные изыскания, а давление двора и царской семьи. В 1913 г. князь Владимир Бярятинский (1874–1941), литератор и историк-любитель, представил на основании тех же самых источников, на которые ссылались его предшественники, собственную версию событий²². Согласно ей, в план бегства Александра были посвящены его супруга, генерал Петр Волконский, а также два врача – Джеймс Виллие и Дмитрий Тарасов. Они-то и должны были помочь царю в «исчезновении» и позаботиться об иных деталях мистификации. Автор утверждал, что вместо Александра I был похоронен неизвестный солдат Семеновского полка, умерший несколькими днями ранее. Свою аргументацию Бярятинский основал, прежде всего, на противоречиях между донесениями свидетелей о болезни Александра и неточностях в медицинской документации²³, а также на некоторых фрагментах писем Елизаветы Алексеевны к матери и свекрови, в которых он усматривал таинственные намеки и недомолвки. Большое значение он придавал также тому, что Александр неоднократно жаловался ближайшему окружению на бремя власти и упоминал о возможности будущего отречения от престола. По этому пути пошли также и позднейшие сторонники легенды.

После революции в официальной советской историографии не могло быть места для легенды, восславляющей личность царя-самодержца и содержащей подозрительный религиозно-мистический мотив. В 1923 г. вышел обширный труд К. В. Кудряшова, который подверг критике все существующие до сих пор аргументы приверженцев легенды²⁴. После этого тема Федора Кузьмича надолго была предана забвению.

Легенду, однако, сохранила и даже развила русская эмиграция, одновременно способствуя ее популяризации в Европе и в США. В начале 1920-х гг. ее довольно-таки некритическим образом представил А. Куломзин на страницах издаваемого в Лондоне «*Slavonic Review*»²⁵. Во Франции история царя-отшельника была известна еще перед Первой мировой войной: вспоминал о ней, в частности, П. Рэйн, который, не вступая в дискуссию на тему правдоподобия и достоверности источников, свидетельствовал, что сказание о Федоре Кузьмиче принадлежит не к сфере «материальной правды», а только лишь к сфере «психологической правды»²⁶. Зарубежные историки, занимающиеся Александром I, не вели, разумеется, самостоятельных архивных исследований, они использовали только русскую литературу и опубликованные источники. Наиболее скептически отнесся к легенде работавший во Франции польский историк Казимеж Валишевский²⁷. Он намекал, что отождествление Александра с Федором Кузьмичом – дело рук купца Хромова, который впоследствии использовал сфабрикованную им самим историю как своего рода товар на продажу. Гипотезу о запланированном бегстве Александра он относил к «сказкам», а в том, что касается личности отшельника, склонялся к принятию точки зрения великого князя Николая Михайловича²⁸. Остальные биографы Александра I были гораздо больше увлечены легендой. М. Палеолог²⁹, бывший французский посол в России, перечислял все предыдущие аргументы, подтверждающие «исчезновение» царя в Таганроге, и преподносил новую версию его бегства – Александр отплыл из Крыма в Палестину на яхте английского лорда, чтобы провести следующие десять лет на Святой Земле. Изыскания Николая Михайловича, которого Палеолог знал лично, он подвергал сомнению как пристрастные и опубликованные под нажимом семьи. По его мнению, об этом свидетельствовало даже само поведение великого князя: Палеолог уверял, что, когда разговор заходил о Федоре Кузьмиче, Николай Михайлович «терял привычную свободу»³⁰. Несколько более осторожно высказывался русский эмигрант Л. Любимов. В своей книге, составленной на основании литературы, а также новых материалов и донесений, полученных от соотечественников, находящихся в эмиграции³¹, он очень убедительно представил все противоречия и недомолвки, встречающиеся в «официальной» версии событий, связанных со смертью и похоронами Александра. Не разрешил он, однако, основного вопроса – о достоверности легенды – признаваясь, что она «прельщает своей красотой» и что «в нее хочется верить»³².

В подтверждение тезиса о том, что Александр I не умер в Таганроге, авторы эмигрантских изданий охотно приводили новую подробность, которая должна была подтверждать предыдущие слухи. Уже перед революцией существовало убеждение, что гроб Александра I в Казанском соборе является пустым, а также что проверяли это как Александр II, так и Александр III. Теперь аналогичное открытие должны были сделать большевики во время обследования царских захоронений в 1921 г. (согласно некоторым авторам, в 1926)³³. Кстати говоря, для Любимова поведение советских властей было косвенным аргументом в пользу легенды. Он отмечал, что большевики, которые рассекретили много материалов из государственных архивов и архивов двора, не опубликовали ничего на тему Федора Кузьмича, и отсюда делал вывод, что они не располагают никакими документами, которые могли бы эту легенду опровергнуть. В то же время он полагал, что новый режим не захочет «выдавать непровержимые доказательства того, что один из русских царей действительно получил ореол святости»³⁴.

В последующие годы книги о тайне Федора Кузьмича появились в Германии³⁵ и в Норвегии³⁶. Но самый большой интерес судьба Александра I вызывала по-прежнему во Франции. Среди послевоенных биографов сторонником легенды был К. Грюнвальд. Так же, как и Любимов, он считал проблему смерти царя нерешенной³⁷. Более критически относился к этому вопросу А. Труайя, который счел версию событий, представленную в легенде, малоправдоподобной³⁸.

Вместе с русскими эмигрантами повествование о Федоре Кузьмиче попало также и за океан. Несколько американских писателей предприняли попытку литературной разработки темы, результатом чего стали романы Э. В. Ундэрвуд (1873–1961)³⁹ и В. Д. Блэйка (1894–1968)⁴⁰. Появились также исторические труды, как, например, популярная биография автора Ф. Грайббля⁴¹ или статья Л. Страховского, опубликованная в «*American Slavic and East European Review*» вскоре по окончании Второй мировой войны⁴². В 1990 г. беллетризованную биографию Александра опубликовал американский историк польского происхождения М. Дзевановский, сторонник и популяризатор легенды⁴³. Автором новейшего и наиболее остроумного издания о «таинственном исчезновении царя Александра I» является потомок русской княжеской семьи Алексей Трубецкой (род. в 1934 г.), проживающий в Канаде⁴⁴.

В советской историографии Федор Кузьмич был ненадолго извлечен из небытия в середине 60-х гг. XX в. в связи с короткой за-

меткой в журнале «Вопросы истории» об эмигрантской публикации Любимова (1938). Редакция получила свыше ста писем, в которых историки и представители других наук заявляли о необходимости подробных исследований обстоятельств смерти Александра I, включая вскрытие могилы и проведение профессиональной экспертизы⁴⁵. На начале широкого поиска особенно настаивал Н. Эйдельман, но издание «Советские архивы» почти сразу же опубликовало свидетельство о смерти и протокол вскрытия Александра I, утверждая, что эти документы «положат конец легенде об Александре I, как личности, жившей дважды»⁴⁶. Редакция «Вопросов истории» напечатала две весьма критические статьи, посвященные легенде⁴⁷, и закрыла дискуссию.

Этот эпизод позволяет лучше понять феномен возрождения легенды в русской исторической литературе после перестройки. Первая инициатива исходила, скорее всего, из Томска, наиболее связанного с образом сибирского старца. В конце 1980-х гг. один из тамошних историков подверг сомнению версию Николая Михайловича о явной разнице в характере письма Федора Кузьмича и Александра, ссылаясь на графологический анализ, который показал, что автограф старца и рукописи царя вышли из-под руки одного и того же человека⁴⁸. Эти аргументы были встречены в научной среде с большим скептицизмом, тем не менее тема начала возбуждать все больший интерес. Вскоре за нее взялся современный исследователь истории самодержавия в XIX в. С. В. Мироненко. Не признавая правоты сторонников легенды, он всерьез, однако, отнесся к их точке зрения и противопоставил ей аргументы, приводившиеся еще Любимовым. Гипотезе о добровольном и запланированном самоустранении Александра I от власти противоречил, по его мнению, факт, что император не урегулировал вопрос о престолонаследии и оставил свое ближайшее окружение в уверенности, что власть перейдет к цесаревичу Константину. Такой серьезный подход к проблеме со стороны представителя академической среды был новым, тем более что Мироненко, хотя и решительно отрицал достоверность легенды «о добровольном отречении самодержца от власти и его смиренном уходе на дальнюю сибирскую заимку», одновременно признавал – так, как делали это до него историки-эмигранты, – что она «необыкновенно привлекательна»⁴⁹.

В 1990 г. в Ленинграде был издан репринт книги Бярятинского, а в 1994 г. в журнале «Юность» вышел сокращенный вариант работы Л. Любимова⁵⁰. Вскоре загадкой занялся известный автор «ревизионистских» интерпретаций истории России в период Второй миро-

вой войны И. Бунич⁵¹, а также – более традиционным образом – В. Федоров⁵². Самой интересной и одновременно очень характерной нам кажется работа представителя младшего поколения русской гуманитарной науки А. Архангельского, литературоведа и историка идеи. В своей обширной работе об Александре I он посвятил много внимания аргументам «за» и «против» легенды, приводя своего рода обзор доказательств и гипотез, предложенных своими предшественниками. Окончательный вывод автора таков:

«Кем бы ни был тот, кто назывался Федором Кузьмичом, был он *sui generis* Александром I. Он нес крест русского царя, платил по его счетам, искупал его грех. Грех духовный, а не политический. Политические грехи русского царя предстояло искупать России в целом; она должна была понести его крест; в этом смысле именно ей выпала участь “коллективного Федора Кузьмича”»⁵³.

Цель этой статьи не в том, чтобы начать дискуссию на тему бегства Александра I из Таганрога и его позднейшей метаморфозы в Федора Кузьмича. Гораздо более существенным кажется вопрос о причинах невероятной живучести поверья о царе – отшельнике-искупителе, которое по прошествии почти двух столетий не перестает интриговать писателей, публицистов и историков. Наверное, огромную роль сыграло сочетание в истории Федора Кузьмича двух традиций: народно-религиозной, основанной на популярном среди крестьян мифе «добротого царя» и характерном для восточного христианства культе старцев-отшельников, а также придворно-аристократической, хранящей память о полном противоречий «Гамлете в короне», Александре I. Затем большее значение приобрели идеологические мотивы, связанные с вопросом о месте и роли династии Романовых в истории России: образ одного из ее членов как связанного с русским народом святого устраивал бы как защитников монархии, так и многих эмигрантов, ищущих истоки своей идентичности в истории Российской Империи. Этот аспект, как нам кажется, может играть существенную роль также и для современных россиян, встающих перед вопросом выбора исторической традиции и ищущих светлых моментов в трудной истории двух последних столетий. Историков, как прежних, так и нынешних, привлекают пробелы и неясности в исторических документах – в этом смысле одним из вдохновителей легенды можно признать царя Николая I, который умышленно и старательно уничтожил часть документов, связанных с последним периодом жизни своего брата. Наконец, остается еще неоспоримая красота

предания о властителе – искупителе и отшельнике, – к которому особо тяготеет каждая «славянская душа». Быть может, сказание о сибирском отшельнике получит с годами в России статус национальной легенды – уже сегодня в Эрмитаже туристы могут купить прекрасно изданную книгу об Александре I и старце Федоре Кузьмиче⁵⁴.

Перевод с польского А. Адамовича и Н. М. Филатовой

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Император-старец Федор Кузьмич. М., 2002; *Бецкой П.* Тайна Феодора Кузьмича. М., 2004; *Привалихин В. И.* Так был ли старец Федор Кузьмич императором Александром I? Историческое исследование. Томск, 2004; *Бежин Л. Е.* Молчание старца, или Как Александр Первый ушел с престола. М., 2007; *Федоров В. И.* Сфинкс неразгаданный. Мистический подвиг императора. М., 2009; Александр I – старец Федор Кузьмич? / Предисл. Г. Балицкий, К. Михайлова. М., 2010; и др.

В Польше предание об отшельнической жизни Александра I практически неизвестно. Недавно ему посвятил статью Я. Собчак, автор многих работ по истории России в XIX–XX вв. (*Sobczak J.* Legenda Taganrogu i syberyjski «starzec» Fiodor Kuźmicz // *O Rosji nieco inaczej. Szkice i eseje z dziejów politycznych Rosji XVIII–XX w.* Olsztyn, 2001. S. 151–158). Однако он не учитывает этапов развития легенды и хронологии появления в ней конкретных сюжетных линий. Литературное видение судьбы царя в первые годы после его официальной смерти содержится в повести А. Шиманьского (*Szymański A.* *Żar-ptaki. Zagadka tajemniczego zniknięcia cara Aleksandra I.* Warszawa, 1996).

- 2 Даты приводятся в соответствии с григорианским календарем. В российской литературе, как правило, даты приведены согласно юлианскому календарю, то есть «старому стилю» – в XIX в. разница между ними составляла 12 дней.
- 3 В написанном много лет позже дневнике Д. Тарасов констатировал, что никогда не подписывал этого протокола. Его подпись, однако, фигурирует в документе, наряду с девятью остальными. На эту подробность многократно ссылались сторонники тезиса о том, что протокол был фальсифицирован.

- 4 *Palmer A. Alexander I. London, 1974. P. 413.*
- 5 *Николай Михайлович.* Легенда о кончине императора Александра I. СПб., 1907. С. 42–43. Автор, ссылаясь на документы архива Военного министерства, приводит более 50 слухов, записанных 25 декабря 1825 г. Можно предполагать, что в последующие месяцы их появилось еще больше.
- 6 В православной традиции старцем называют человека, живущего в монастыре или уединенно, преданного молитве и отличающегося особым опытом внутренней, духовной жизни. Старец обычно помогает обращающимся к нему людям советом, словом утешения и духовным руководством.
- 7 *Николай Михайлович.* Легенда о кончине... С. 6. Обе поездки Хромова и факт передачи прошения с фотографией, согласно автору, подтверждены документально.
- 8 *Архангельский А.* Александр I. М., 2000. С. 451.
- 9 С инициативой добавления к имени царя слова «Благословенный» выступили в июле 1814 г. члены Сената, Государственного Совета и Святейшего Синода. Александр отклонил это предложение, но с тех пор этот титул все чаще стал появляться как в официальной терминологии, так и неофициально. См.: *Wortman P. S.* Сценарии власти. М., 2004. Т. 1. С. 298 (*Wortman R. S.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton, 1995 Vol. I).
- 10 *Долгорукий В.* Отшельник Александр (Федор) в Сибири // Русская Старина. 1887. Т. 18. № 10. С. 217–220; *Мельницкий М. Ф.* Старец Федор Кузьмич // Русская Старина. 1892. Т. 23. № 1. С. 81–108; *Кузнецов-Красноярский П.* Старец Федор Кузьмич // Исторический Вестник. 1895. Т. 16. № 5; *Кузовников Р.* Кто был старец Федор Кузьмич // Исторический Вестник. 1895. Т. 16. № 7; Загадочный старец Федор Кузьмич, скончался в Томске 20 января 1864 г. М., 1898; *Гурьев Н. А.* Таинственный Старец. Томск, 1900; и др.
- 11 *Николай Михайлович.* Легенда о кончине... С. 8.
- 12 Шильдер Н. К. (1842–1902) – историк, военный, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1893 г. в звании генерала. В 1892–1893 гг. был редактором исторического журнала «Русская Старина», с 1899 г. – директор Публичной Библиотеки в Петербурге. Как исследователь, пользующийся доверием властей, он имел облегченный доступ к государственным архивам; опубликовал много материалов, касающихся политической, дипломатической и военной истории России конца XVIII и первой половины XIX в.

- 13 *Шильдер Н. К.* Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 4. С. 448.
- 14 Достоверным является то, что Александр как великий князь и наследник престола имел контакты с заговорщиками, которые готовили покушение на его отца, царя Павла I. **Неизвестно, однако, знал ли он о плане убийства или считал, что дело идет только об отстранении от власти.** В любом случае жестокое убийство Павла I довлекло над царствованием его старшего сына с самого начала.
- 15 Согласно тексту, опубликованному в журнале «Огонек» (1905, № 17). Цит. по: *Архангельский А.* Александр I. С. 452–454.
- 16 Ср.: *Василич Г.* Император Александр I и старец Федор Кузьмич. М., [без даты]; Таинственный старец Федор Кузьмич в Сибири и Император Александр I. Харьков, 1912; *Бяратинский В.* Царственный мистик. СПб., 1913.
- 17 *Николай Михайлович.* Легенда о кончине... С. 48–49 и факсимиле записки. Изобретателем ключа был некий И. С. Петров, преподаватель Петербургской Театральной Школы. Автор цитированной работы, который сомневался в аутентичности записки, подчеркнуто дистанцировался от этой интерпретации.
- 18 Неизвестно, о ком тут идет речь: женой Павла I была **Мария Федоровна** (в девичестве Софья Дорота из рода князей Вюртембергских).
- 19 Цит. по: *Strakhovsky L. I.* Alexander I's Death and Destiny // American Slavic and East European Review. 1945. Т. 4. № 1/2. P. 50.
- 20 По мнению автора, Софья Степановна Ушакова (1746–1803), в первом браке Чарторыйская, после смерти мужа была любовницей Павла I **вплоть до его женитьбы. От этого союза родился сын – Семен Великий, а Софья вторично вышла замуж – за сенатора Петра Кирилловича Разумовского.** См.: *Николай Михайлович.* Легенда о кончине... С. 46–47.
- 21 *Николай Михайлович.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1. С. 349. Свое критическое отношение к легенде выразил также Г. Василич (см.: *Василич Г.* Император Александр I...).
- 22 *Бяратинский В.* Царственный мистик. СПб., 1913 (французское издание: *Le Mystère d'Alexandre Ier* (1825–1925). Paris, 1925).
- 23 Чтобы проверить правдоподобность протокола вскрытия, Бяратинский применил довольно-таки изобретательный метод: послал фрагмент с описанием состояния внутренних органов нескольким

признанным специалистам (не сообщая им о происхождении текста) с просьбой об определении причины смерти. Ответы были разными, но зато все опрашиваемые исключили малярию и брюшную тиф, о которых шла речь в официальном протоколе.

Более десяти лет тому назад русский специалист в области судебной медицины, анализируя течение болезни и упомянутый протокол вскрытия, констатировал, что Александр I умер в результате менингита. Смерть царя ускорили изменения во внутренних органах и ослабление иммунной системы, что было следствием перенесенной годом ранее инфекции. См.: *Волков Е. В.* Александр I. Жизнь в поисках идеала // *Волков Е. В., Конюченко А. И.* Русские императоры XIX века. Пермь, 2001. С. 96.

- 24 *Кудряшов К. В.* Александр I и тайна Федора Кузьмича. Петроград, 1923.
- 25 *Kulomzin A.* The Siberian Hermit, Theodore Kuzmich // *Slavonic Review.* 1923/1924. Т. 2. P. 381–387.
- 26 *Rain P.* Alexandre Ier. Un tsar idéologue. Paris, 1913. P. 443.
- 27 К. Валишевский (1849–1935), автор многих работ, посвященных истории России, в том числе, как считают некоторые, плагиаторской, написанной в форме панегирика, биографии Екатерины II, которую остро раскритиковал Ш. Аскенази.
- 28 *Waliszewski K.* La Russie il y a cent ans. Le règne d'Alexandre Ier. Paris, 1925. Т. 3. P. 369–378.
- 29 М. Палеолог (1859–1944), французский литератор и дипломат, посол в Петербурге (1914–1917). Был сотрудником журнала «*Revue des deux mondes*», автором книг и статей по истории, литературе и искусству, членом Французской Академии (с 1928 г.).
- 30 *Paléologue M.* Alexandre Ier un tsar énigmatique. Paris, 1937. P. 301–302. Эта биография была издана также по-немецки: *Alexander I. Der rätselhafteste Zar.* Berlin, 1937; и по-английски: *Enigmatic czar. The life of Alexander I of Russia.* New York, 1938.
- 31 *Любимов Л.* Тайна императора Александра I. Париж, 1938. Просьбу присылать ему информацию автор опубликовал в 1936 г. на страницах эмигрантского издания «Возрождение». На нее ответило много эмигрантов, особенно из аристократических семей, связанных с двором; обычно их информация черпалась из устных пересказов или воспоминаний давно умерших родственников.
- 32 *Любимов Л.* Тайна императора... С. 216.
- 33 Факт вскрытия и разграбления саркофагов в Казанском Соборе не подлежит сомнению, однако молва о пустом гробе Александра не

имеет пока полностью достоверного подтверждения – все сообщения на эту тему исходят из вторых или третьих рук.

- 34 *Любимов Л.* Тайна императора... С. 217.
- 35 *Winkler M.* Zarenlegende. Glanz und Geheimnis um Alexander I. Berlin, 1941.
- 36 *Arkina N.* Alexander I, keiser, kavaler og eremitt. Oslo, [1951].
- 37 *Grunwald C.* Alexandre Ier un tsar mystique. Paris, 1955.
- 38 *Troyat H.* Alexandre Ier le sphinx du Nord. Paris, 1980. (Пер. на английский: Alexander of Russia. New York, 1982; перев. на русский: Труайя А. Александр I Северный Сфинкс. М., 2003.)
- Анри Труайя (Лев Асланович Тарасов) род. в 1911 г. в Москве, после революции эмигрировал с родителями во Францию, начал писательскую карьеру в 1935 г. С 1959 г. член Французской Академии; является автором многочисленных романов, биографий, а также публикаций из области истории литературы и истории. Многие его книги были переведены на русский язык.
- 39 *Underwood E. W.* The Penitent. Boston, 1922. Автор – писательница и поэтесса – была также и превосходной переводчицей, знающей шесть языков.
- 40 *Blake W. J.* Angel. A novel based on the life of Alexander I of Russia. New York, 1950.
- 41 *Gribble F.* Emperor and mystic. The Life of Alexander of Russia. New York, 1931.
- 42 *Strakhovsky L. I.* Alexander I's Death and Destiny // American Slavic and East European Review. 1945. Т. 4. № 1/2. P. 33–50.

Леонид Иванович Страховский (1898–1963) в 1928 г. выехал в США и занимал должность профессора истории в нескольких университетских центрах (Georgetown University, University of Maryland, Harvard). В 1948 г. перешел в Институт Славянских исследований в Торонто (Канада). Занимался историей XIX–XX вв., был редактором научных журналов, выходящих по-русски и по-английски.

- 43 *Dziewanowski M. K.* Alexander I: Russia's Mysterious Tsar. New York, 1990.
- Мариан Камил Дзевановский (1913–2005) родился на Украине, был участником сентябрьской кампании 1939 г. и офицером Польских Вооруженных Сил на Западе, после 1945 г. преподавал историю России и Восточной Европы в Бостонском университете и университете Висконсина. Автор многих публикаций по-английски, посвященных польской и русской истории XIX–XX вв., в том числе переведенных на многие языки работ о Второй мировой войне в Европе и о Советской России.

- 44 *Troubetzkoy A.* Imperial legend: the mysterious disappearance of Tsar Alexander I. New York, 2002 (перев. на русский: *Трубецкой А. Александр I. М.*, 2003).
- 45 Существует ли «тайна Федора Кузьмича»? // Вопросы истории. 1967. Т. 42. № 1. С. 191.
- 46 *Кунтиков И. Н., Денисьев В. И.* Легенда и документы о смерти Александра I // Советские архивы. 1966. Т. 1. № 3. С. 107–109.
- 47 Существует ли «тайна Федора Кузьмича»? // Вопросы истории. 1967. Т. 42. № 1: статьи С. Б. Окуня (с. 191–197) и Н. Н. Белянчикова (с. 197–201).
- 48 *Волков Е. В.* Александр I. Жизнь в поисках идеала... С. 98.
- 49 *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 97–99.
- 50 *Любимов Л.* Тайна императора Александра I // Юность. 1994. № 1 (сокращенная версия парижского издания 1938 г.).
- 51 *Бунич И.* Две смерти императора Александра I. СПб., 1995.
- 52 *Федоров В. И.* Александр Благословенный и святой старец Федор Томский: историческое исследование. Томск, 2001; **Сфинкс неразгаданный**. Мистический подвиг императора. М., 2009.
- 53 *Архангельский А.* Александр I... С. 498.
- 54 *Файбисович В. М.* Александр I и старец Федор Кузьмич. [Б.м.], 2005.

Baranska A.

Fedor Kuzmich – the Siberian Life after the Death
of Emperor Alexander I. The History of the Legend

The author studies the history of the legend about a mystical transformation of Emperor Alexander I into a hermit known as Fedor Kuzmich. She makes a review of the court and the folk versions of the legend and its interpretations in pre-revolutionary, Soviet, emigrants', western and contemporary Russian historiography.

Key words: *Alexander I, hermit Fedor Kuzmich, legend, Russian historical literature, Soviet historiography, historians-emigrants.*

Л. В. Мольнар
(Будапешт)

Венгрия в путевых заметках русских путешественников эпохи Наполеоновских войн

В статье рассматриваются путевые записки русских путешественников Ф. Глинки, А. Тургенева, В. Броневского и др., имеющие историческую и литературно-художественную ценность и свидетельствующие о российско-венгерских контактах в начале XIX в.

Ключевые слова: *война 1812 г., заграничные походы русской армии, Венгрия, Наполеон, Александр I, русская литература начала XIX в., путевые записки.*

В 1949 г. Золтан Трочани, известный венгерский знаток русской классической литературы, с сожалением писал о том, что до 1848 г. была опубликована лишь единственная работа, описывающая путешествие в Венгрию князя А. Н. Демидова (1813–1876), который в 1837 г. посетил Пешт и Буду¹. Однако в последующие десятилетия стали известны путевые заметки как минимум 17 русских путешественников, посетивших Венгрию с 1439 г. до середины XIX в.²

В 1799 г. в ходе похода А. В. Суворова в Северную Италию несколько полков русской армии под командованием генерал-майора Ребиндера прошли через Венгрию. Радушный прием, оказанный русской армии, союзнице Австрии, описывает один из офицеров Суворова, оставшийся неизвестным, в статье «Рассказ старика суворовского ратника», появившейся в свет на страницах журнала «Москвитянин»³. Автор описывает, как жители города большой толпой приветствовали солдат возле Хатванских ворот при въезде в Пешт, где появился сам наместник короля – герцог Йозеф Габсбург. Прошедшие через город парадным маршем войска расположились на ночлег в лагерях на берегу Дуная. Вечером наместник пригласил русских офицеров и дал в их честь пышный бал. Рядовые солдаты пировали под открытым небом, где столы ломились под обилием еды и напитков, и могли бесплатно посещать театры Пешта. Автор описывает бедную одежду простых людей, противопоставляя ей ослепительную пышность одежд аристократии. Неизвестный автор оказался метким наблюдателем, заметив, что Венгрия в одном напоминает ему родину: дороги такие же – везде ухабистые, множество ям и ветхих мостов.

Ряд русских путешественников, оставивших записки, продолжает Александр Иванович Тургенев (1784–1845), ставший позже довольно известным писателем и историком. После окончания университета А. И. Тургенев в сопровождении своего друга А. С. Кайсарова отбыл из Гёттингена 12 апреля 1804 г. сначала в Лейпциг, оттуда в Дрезден и Прагу, затем они остановились на некоторое время в Вене, где, благодаря своим связям в масонских кругах, получили важные рекомендательные письма к видным венгерским политикам и ученым. 3 августа молодые люди прибыли в Буду, откуда спустя неделю Тургенев отправил отцу первое письмо с путевыми впечатлениями. Письма талантливого, всесторонне образованного и прогрессивно мыслящего молодого литератора, внимательно наблюдавшего за страной своего пребывания, представляют немалый интерес для исследователей истории Венгрии начала XIX в., ибо в них находят отражение экономические и межрелигиозные связи, образ жизни как господствующего класса, так и низших социальных слоев⁴.

В письме от 10 августа Тургенев подробно рассказывает о том, как молодые путешественники за три с половиной дня преодолели по Дунаю более 200 километров от Вены до Буды. Он с восторгом описывает удобства и преимущества речного плавания, а также атмосферу вечерних развлечений в городах, через которые лежал путь – в Прессбурге (венг. Пожонь, нынешняя Братислава) и Комароме. Свои дальнейшие впечатления запечатлел он следующим образом: «Переночевав еще раз на дороге, пристали мы, наконец, в город Пешт, который одним только Дунаем разделен от Офена (немецкое название Буды. – Л. М.), и кто не знает, тот не почтет никак их за два различные города, в которых даже городская полиция, присутственные места, все особо. Случай привел нас сюда в самое интересное время: здесь теперь начался смотр 25-тысячной императорской армии, составленной из различных и разноплеменных народов сего государства. Сюда приехали теперь все принцы Австрийского дома: эрцгерцог Карл, Алберт, Фердинанд и наш мекленбургский принц, с которым я познакомился еще в Вене. Мы сперва остановились и жили неделю в Пеште, но вчера переехали сюда в Офен для того, что здесь живут по большей части наши знакомые. Не проходит почти ни одного дня, чтобы мы не были званы к какому-нибудь венгерскому магнату на обед. Здесь в свежей еще памяти обожаемая сербами и венгерцами Александра Павловна и русские в большом уважении»⁵.

На следующий день после прибытия в Буду Тургенев и Кайсаров обедали у известного аристократа графа Алайоша Баттяни (1750–1818),

который оказал молодым людям сердечное гостеприимство и пригласил в свой дом несколько видных в Венгрии ученых. Вечером того же дня путешественники получили приглашение к князю Миклошу Эстерхази (1765–1833), «венгерскому Шереметьеву», славившемуся своим расточительством. Именно в усадьбе князей Эстерхази в Фертёде долгие годы служил придворным капельмейстером еще здравствовавший в 1804 г. великий композитор Йозеф Гайдн.

Меткий глаз Тургенева позволил ему прикинуть, что сама одежда, в которой принял их хозяин, стоит несколько миллионов венгерских форинтов, на сапогах красовались жемчужины стоимостью в сто тысяч форинтов. Тургеневу, имевшему хорошее юридическое образование, полученные впечатления дали повод порассуждать о принципе неделимости родового имения, он писал: «Но я не желаю этого богатства, потому что это не ему, а вообще старшему в доме принадлежит, и он ни продать, ни заложить его не может»⁶.

На следующий день русские путешественники были гостями губернатора Йожефа Подманички (1756–1823), члена совета наместничества, с которым у них нашлось много общих тем для бесед, ведь венгерский барон тоже окончил университет в Гёттингене. Встретились они и с известным историографом, бывшим директором университетской библиотеки Мартоном Дёрдём Ковачичем (1743–1821), который ознакомил молодых русских дворян с достопримечательностями города.

Благодаря ходатайствам главного гофмейстера габсбургского дворца в Буде графа Яноша Сапари русские путешественники были представлены самому королевскому наместнику, эрцгерцогу Йозефу Габсбургу. О нем Тургенев писал отцу следующее: «Супруга его, в бозе почивающая Александра Павловна, вселила, может быть, в нем любовь ко всем русским. Я думаю, что перед ним замешаюсь, а вышло напротив; Вы, я думаю, изволили видеть его в Москве (речь может идти о его приезде в Москву в конце 1799 г., вскоре после бракосочетания с великой княгиней. – *Прим. ред.*); все принцы на одно лицо, и эрцгерцог Карл, любимец всей армии, очень похож на него. Он спрашивал меня о цели моего путешествия; я отвечал, что мне хочется знать родственные с нами народы и видеть земли, которые менее прочих известны иностранцам, но не менее того примечательны»⁷.

Русский путешественник, по всей вероятности, произвел положительное впечатление на эрцгерцога Йозефа Габсбурга, так как получил от него приглашение на бал, состоявшийся на следующий день. Сделанное описание дает неплохое представление о светской

жизни венгерской элиты: «Вчера видел я на балу цвет венгерского народа. Одно уже национальное платье делает его великолепным. Все обшито золотом и серебром; особенно магнаты, составляющие знатнейшее дворянство. Мне нравится их важная поступь и то, что они по сию пору удержали свой национальный характер, по крайней мере в платье, и неохотно смотрят на того, кто не в панталонах. Они и танцуют в шпорах»⁸.

Тургенев обратил внимание и на свободолюбие венгерского народа, которое порой, по его мнению, было пропитано чрезмерным национализмом: «Не даром называют венгры свою родину землей свободы и говорят “Extra Hungariam non est vita, si est vita, non est ita”⁹. Это их любимая поговорка, но я думаю, что это каждый может сказать о своей родине. . . точно так же и для меня extra Russiam, даже Extra Moscoviam non est vita»¹⁰.

Образованный молодой путешественник обратил внимание и на острые социальные противоречия в венгерском обществе: «Здесь простолюдин не считается членом общества; венгерскую нацию образуют духовенство, землевладельцы и знать. Эти три сословия не платят никаких налогов, их привилегии дошли до того, что если магнат убьет крестьянина, никто не осмелится его арестовать, а его свободу даже ограничить нельзя, пока он не судим. . . Когда Йозеф II пожелал изменить немного конституцию и уменьшить разницу между сословиями, венгры начали возмущаться и ничем не желали помочь в войне против турок, пока не восстановят их конституцию»¹¹.

Молодой путешественник обратил внимание и на религиозные распри современной ему Венгрии. При этом он заметил, что протестанты, как правило, более трудолюбивы, чем католики, а их более вольное мышление способствовало восприятию идей Просвещения. Тургенев оставил также отзывы о плодородии венгерских земель, он пишет о хорошо обработанных угодьях, засаженных виноградом и кукурузой, об обильном выборе фруктов и вин. С еще большим восхищением он отзывается о целебных ваннах Буды, часть которых была построена еще турками.

А. Тургенев посетил и Сентэндре, городок на правом берегу Дуная в 30 километрах к северу от Буды, центр сербской колонии в Средней Венгрии, образовавшейся с конца XVII в. **Сербы, составлявшие** большую часть населения города, оказали исключительное внимание русским путешественникам. В то же время наблюдательный юноша с сожалением констатировал, что сербы и греки, проживающие в Венгрии, по его впечатлениям, абсолютно не жалуют друг

друга, хотя общая вера могла бы способствовать установлению более тесных дружеских связей между ними. Местные славяне настолько презирали греков, что на вопрос Тургенева, кого он в тот день вез, кучер-серб ответил: двух людей и двух греков.

Второе (и последнее) письмо из Буды Тургенев написал 4 сентября 1804 г. В этом гораздо более кратком письме путешественник информирует родителей, что неоднократно посещал возле Пешта войско в 30 тысяч человек, облаченных в узкие венгерские панталоны, короткие шведские сапоги и римские шлемы – все это составляло поистине восхитительное зрелище. Это войско, собранное против Наполеона, состояло из венгров, сербов, хорватов, словаков, трансильванских румын и немцев (саксов). Особое внимание Тургенев уделил южным пограничным полкам, которые «живой стеной» защищали империю Габсбургов от турок.

Тургенев упоминает и о том, что он познакомился с рядом венгерских ученых и магнатов, обучавшихся в Гёттингене или других немецких университетах¹².

В конце своего письма Тургенев снова указывает на бесправие венгерского крестьянства. Виновником его тяжелого положения он считал как духовенство, так и власть: «Если бы этот народ не столь был предан своему духовенству, и если бы правительство старалось более о просвещении так называемой черни и подражало бы в том своему соседу, Александру I, то Венгрия была бы самую завидною землею. Но, к несчастью, один дворянин здесь только наслаждается в полной мере жизнью, он один только имеет все права человека, мужик же – совершенно никаких...»¹³.

После пребывания в Буде Тургенев еще несколько недель ездил по территории тогдашней Венгрии, посетив православные монастыри и значительные населенные пункты Хорватии и других областей¹⁴. На родину он возвратился в конце 1804 г. Его письма, написанные в Буде в 1804 г., составляют только скромную часть его творческого наследия, но тем не менее являются ценным памятником истории русско-венгерских культурных связей.

Спустя два года после А. И. Тургенева Венгрию посетил Федор Николаевич Глинка (1786–1880), в будущем известный поэт, декабрист, родственник великого композитора М. И. Глинки, в молодости в качестве офицера русской армии активный участник наполеоновских войн. 2 декабря 1805 г. он со своим полком сражался под Аустерлицем, а потом, спустя 4 дня после заключения перемирия, отправился на родину через территорию Северной Венгрии. По при-

езде в Россию Глинка запечатлел увиденное, и эти записки были опубликованы впервые в 1808 г.¹⁵

Молодой Ф. Глинка создал одно из самых лирических описаний современной ему Венгрии: «Венгрия! Как приятно путешествовать по сим местам! Какая картина! Длинные цепи гор Карпатских: издали голубые верхи их синеют сквозь прозрачную завесу белого тумана. Подходишь ближе, и тысячи прекрасных разнообразных видов и удивительно приятных изменений природы представляются вдруг, и очаровывают прелестью своего восхищенного странника. Частые перелески, зеленые полянки, виноградные сады придают много прелести дикой красоте гор; на самых возвышенных скалах видны древние опустелые замки с гордыми башнями; а внизу у подошвы смиренные хижины. Между гор бывают обыкновенно деревни; тут на долинах поселяне сеют хлеб, косят сено и разводят сады. Быстрые и светлые ручьи тихо льются по долинам. В Венгрии отменно много картинных и прекрасных мест: извне это бесподобная земля»¹⁶.

Юношеская восторженность и впечатлительность автора не повредили его наблюдательности, а глубокая религиозность сочеталась в его записках со свободолобием и реформаторскими настроениями будущего декабриста. От лирических описаний автор плавно переходит к размышлениям о политическом строе, внутреннем положении в стране, показывая при этом редкое для его российских современников знание венгерской истории. Причем он с неизменной симпатией отзываясь о венгерском народе: «Венгры, народ воинственный и вольный, свято хранят права свои. Известно, с каким необоримым мужеством защищали они права свои, под предводительством храброго вождя графа Емерика Текели¹⁷. Это было в 1685, 86 и 87 годах. [...] Все мужчины, даже и в мирное время, пашут землю в гусарском платье, которое хотя не пышно, но весьма к ним пристало»¹⁸.

Красотам природы и сельской жизни Венгрии, описанным Глинкой в традициях романтизма своей эпохи, созвучна красота очаровавших его венгерских женщин: «Вообразите себе прекрасный рост; прелестный стройный стан; локоны из длинных черных волос, небрежно рассыпанные по плечам, развеваются и движутся от дуновения горных ветерков. Как свежо это белое лицо! Нежный румянец играет на щеках, а губы алеют как майская роза. Прибавьте еще черные пламенные глаза. Стройная поселянка в белых руках держит глиняный сосуд, и едва дотрагиваясь до земли, спешит черпать ключевую воду из горного колодца. Издали право подумаешь, что это Богиня гор; подойдешь ближе – и узнаешь в ней венгерку.

[...] Поселянки занимаются хозяйством, воспитанием своих детей... и сохраняют всю чистоту и непорочность древних нравов. Напротив того, жительницы городские, зараженные тщеславием, последующие во всем тем народам, кои обитают к Западу за высокими цепями их гор, и продолжающие самую рассеянную жизнь, среди бурь большого света (недавно открывшегося в мирной венгерской стороне), во цвете юных лет лишаются здоровья и красоты... Я сам видел, как в больших городах венгерских светские женщины, носясь в вихрях бафов, с жадностью ищут наслаждения, не находят его; а добрые сельские девушки в праздничные дни пляшут по-венгерски близ светлых горных источников и наслаждаются истинно, не заботясь заранее о наслаждении»¹⁹. Образы Венгрии и венгров, созданные Ф. Глинкой, не получили, к сожалению, развития в русской литературе, публицистике, мемуаристике второй половине XIX в. – прочно укоренившийся стереотип о венграх как угнетателях славянства сильно мешал впоследствии тому беспристрастному взгляду на быт и культуру этого народа, который наблюдается в сочинениях Ф. Глинки и его современников, в частности А. Тургенева.

Живописная красота долины реки Ваг (ныне – территория Словакии) вдохновила 20-летнего путешественника на символическое сопоставление: «Взирая на разъяренную реку, сравнивал я ее с пламенным потоком войны, все погубляющей»²⁰. В отдельной главе Глинка описывает «прелестные виды величественной природы» тогдашней Верхней Венгрии (Словакии), древних замков и городов, через которые он проезжал. Представляет интерес описание сталактитовой пещеры в Аггтелеке, подобного которому до сих пор нет в литературе. Гармоничным дополнением стали зарисовки о незабываемых днях, проведенных в городах этого края, в частности в Кашше (Кашау, Кошице)²¹.

Описывая свое прощание с Венгрией, молодой поэт поклялся, что воспоминание об этой прекрасной стране «останется неизгладимо в памяти и сердце» его²², и не нарушил свою клятву, достаточно вспомнить его стихотворение «Мечтания на берегах Волги» (1810), в котором он вновь описал красоту долины реки Ваг и обратился к образам венгерской истории: («Здесь храбрый вождь, герой сраженья / И враг оков и униженья, / Текелли молнией летал; / И, в бедствах чуждый укоризны, / Огонь и мужество вливал / В боях за святость прав отчизны...»²³).

Современник Ф. Н. Глинки Василий Васильевич Вяземский с полком, возвращающимся из Австрии, прошел через Венгрию в

1808 г. Полк прибыл 18 марта в Буду, где при переправе через Дунай собралась огромная толпа по обе стороны реки. На левом берегу, в Пеште, русских солдат сопровождали три оркестра, дамы махали им платками из окон домов. Вечером офицеры были приглашены на ужин к барону Йозефу Алвинци (1735–1810), бывшему военному воспитателю императора Франца I, где отличное шампанское, токайское вино и темпераментная венгерская музыка создали действительно неповторимую атмосферу. Вяземский сделал короткое описание замка Буду, показавшегося ему очень мрачным и холодным. Куда более понравился ему город Пешт, где он видел прекрасные здания, большие казармы, элегантные кафе на берегу Дуная и полные товаром магазины. Согласно его описанию, жители этого города веселы, чрезвычайно расточительны и большие любители красивых лошадей; женщины любезны и хорошо одеты. Но театры он назвал такими жалкими, что даже не стоит туда заходить. Вяземский сожалел, что из-за краткости своего пребывания в Буде и Пеште он не смог посетить знаменитые целебные ванны²⁴.

Впечатления о Венгрии 1810 г. описывает Владимир Богданович Броневский ставший позже довольно известным военным историком, писателем и переводчиком. После окончания военного учебного заведения он становится морским офицером, с 1805 г. принимает участие в сражениях на Черном море, сначала против турецкого, потом против французского флота²⁵. В начале 1810 г. он возвращается в Россию через территорию современной Венгрии. О переходе русского войска (3601 матрос и 680 офицеров) с соизволения венского Придворного военного Совета, его маршруте, главных остановках и своих личных впечатлениях он пишет в «Путешествии от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 году», опубликованном в Москве в 1828 г.²⁶ Хотя его работа содержит немало ценных сведений, написана прекрасным языком, отличается редкой наблюдательностью автора, исследователь Л. Тарди обратил внимание на тот факт, что Броневский, отлично владевший английским языком, в некоторых местах заимствовал описания из книги английского путешественника и естествоиспытателя Р. Таунсона (1758–1822) «Travels in Hungary» (Лондон, 1797)²⁷. Это касается и страниц, посвященных Пешту и Буде, изображения коронационных реликвий.

Произведение Броневского содержит наиболее подробное описание Венгрии той эпохи. Автор стремится к предельно реалистическому изображению увиденного, хотя в своих экскурсах в средневековую венгерскую историю он нередко совершает фактические

ошибки. Броневский, которому при въезде на территорию Венгрии пришлось ночевать в хижине крестьянина, с сочувствием изображает бедность и нищету жилья и всего образа жизни крестьян. Путешественник дает подробное описание городов, которые посетил, уделяет внимание экономической и торговой жизни, описывает быт и одежду людей, приводит данные об этническом и религиозном делении горожан. В области Шомодь русское войско остановилось близ поместья, хозяин которого оказал офицерам подлинное гостеприимство. Броневский с восторгом пишет о дворце барона, обставленном самой современной венской мебелью, о сентиментальных картинах в комнате баронессы, об ариях на немецком и итальянском языках в исполнении дочерей барона, о пышном обеде из пяти блюд, а также о вкусе токайского вина. Вместе с тем путешественник был довольно критичен в отношении системы ведения хозяйства помещиком, большую часть времени проводившим в Вене²⁸.

На берегу Балатона Броневского настигла сильная гроза. Путешественник описывает дикую красоту сил природы, борьбу рыбаков, старавшихся выбраться из объятий волн бушующего озера. На следующий день, в Страстную пятницу, солдаты отдыхали в Шиофоке, где Броневский осмотрел реку Шио, регулирующую водные ресурсы «венгерского моря». В Секешфехерваре он посетил место захоронения королей династии Арпадов. В Рацвароше доминировавшее там сербское население встретило русских военных овациями, а православный священник благословил их крестом и освященной водой. Броневский, всегда проявлявший интерес к архитектуре, дал описание этого небольшого города: «Главная площадь обстроена трехэтажными новой архитектуры домами; лавок и церковей не мало; кофейный дом, в который я заходил, прекрасный. Между одним предместьем и городом протекает небольшой ручей [...]. Большая часть жителей состоит из славян, отправляющих знатную торговлю с Италией, через фиумскую пристань... Церковь в иезуитском монастыре отличается от прочих обширностью и прекрасной живописью. В ней почивают мощи Св. Кандида; над богатой раковию святого в золотых рамах на стене прибита печатная булла Папы...»²⁹.

После отдыха и роскошных развлечений в Секешфехерваре Броневский и барон Шлиппенбах, опередив русское войско, прибыли в Буду, где первым впечатлением для них был вид широко текущего голубого Дуная. Остановились они в одной из наиболее модных гостиниц столицы и отправились в долгую прогулку по городу, о котором Броневский писал: «Буда, немцами называемая Офен,

находится на правом берегу, вместе с Пештом, расположенным на левом берегу Дуная, составляют весьма обширный город. Они разделяются только рекой, но почитаются особыми городами, в коих число жителей простирается до пятидесяти тысяч. Переехавши из Пешта через мост и поворотя направо, отлогая и широкая, хорошо сделанная дорога, по сторонам которой идут весьма покойные лестницы для пешеходцев, ведет в крепость, командуемую Дунаем и обоими городами. Она обнесена каменной невооруженной стеной; по крайней мере, я не заметил на ней пушек. Посреди крепости прекрасная площадь обстроена хорошими домами, принадлежащими богатым господам. Предместья, простирающиеся в обе стороны от крепости от 10 до 12 верст, расположены вдоль Дуная и состоят из одной или двух параллельных берегу реки улиц, пересекаемых грязными площадями. Здесь дома одноэтажные и не более 7 или 9 окон в фасаде, с палисадниками, с хорошо прибранными огородами и цветниками. В Буде живет дворянство и служащие чиновники. Дома, занимаемые фельдмаршалом и комендантом, лучшие в крепости, но кроме чистоты не представляют ничего особенного: дворец же и казармы отличаются огромностью, величественной и вместе простой архитектурой»³⁰.

После этого Броневский побывал в королевском дворце, где осмотрел бывшую резиденцию великой княгини Александры Павловны. Он посетил местные казармы, военный госпиталь, далее упомянул в своих записях театры и знаменитые целебные источники. Подробно описывает он встречу с генералом-фельдмаршалом Йожефом Алвинтци, военным комендантом Венгрии.

По возвращении из Урома Броневский еще несколько дней провел в Буде и уделил все свое время ознакомлению с городом. В заметках он хвалит парки столицы, уютные рестораны, где за бутылку токайского вина у него запросили 6 рублей. Во время пребывания в Буде он посетил знаменитую шелкопрядильную фабрику Валеро, где работали тысячи рабочих, а также известный университет, отдельные его кафедры, был в библиотеке университета, заметив с иронией, что вход бесплатный, но читателей встретить можно настолько редко, как редко можно видеть комету. В то же время он с одобрением отозвался об обсерватории и королевском дворце, а также о коллекции минералов Музея естествознания.

После Пешта первой остановкой для русского войска был город Гёдёлло, посетив который, Броневский с восторгом описал пленяющую красоту дворца князя Грашшалковича. Однако он с горечью от-

метил, что крестьяне этого богатейшего помещика живут как птицы, то есть у них нет ничего своего собственного.

Внимание Броневского привлекает одежда крестьян: «Вот обыкновенный наряд крестьян: турецкие холстинные шаровары, снизу широкие, как юбка, рубашка без воротника, так что шея и грудь всегда открыты; обувь состоит из онуч и сыромятной кожи, просто обернутой вокруг ступни, а шапка из черной мерлушки. В праздники носят сапоги с медными скобами, иногда и со шпорами; волосы изобильно мажут свиным салом, обстригают в кружок, а иногда концы волос оплетают косицами, которые привязывают на лбу ремешком. Овчинный полушубок, на спине вышитый шнурками, или шубу носят летом и зимой. [...] Саблю могут носить одни дворяне. Женщины несколько опрятнее мужчин; услужливы, трудолюбивы и добры; на них лежит большая часть работ как в доме, так и в поле. Короткая юбка и рубашка с широкими рукавами составляет их обыкновенную летнюю одежду; замужние носят небольшие скуфьи, девицы отличаются косами»³¹.

Броневский, оказавшийся отличным наблюдателем, сделал следующие выводы о венгерском национальном характере: «Венгерцы вообще молчаливы, тихи, покорны, имеют суровый взгляд, неукротимы, когда бывают обижены; их можно упрекнуть в лености, в крайней беспечности, как и всякого раба, не имеющего собственности; они великодушны, потому что истинно храбры; нехвастливы, потому что не знают своей силы, однако ж не забыли еще, что они происходят от тех героев, кои служили христианской Европе оплотом противу многочисленных армий турок»³².

Броневский посетил и город Эгер, знаменитый красным вином. Автор описал епископский дворец и знаменитый теологический институт города, названного им «маленьким Римом». Этот институт был сооружен епископом Кароем Эстерхази (1725–1799). Большое впечатление на путешественника произвели аллегорические фрески часовни, писанные известным австрийским мастером Маульберчем. Он посетил и библиотеку духовной семинарии, аллею лип епископского парка и парники, где увидел посадки апельсинов и лимонов³³.

Путешественник наглядно описывает ванны Эгера, а затем набор новобранцев, свидетелем которого оказался и он сам. Броневский упомянул, что во время набора новобранцам авансом выплатили годовое жалованье, причем молодые парни с удовольствием шли в солдаты, так как помещики обращались с ними грубо³⁴.

В окрестностях огромного села Кёвешд земли казались плохо обработанными, но богатые пастбища вполне годились для выпаса

скота, это было главным источником существования для местного населения. Очень интересным в этнографическом плане представляется описание Броневским венгерских пастухов, которые «имеют обычай для избавления себя от множества комаров напитывать свои рубашки дегтем, что вместе с замазанными шубами представляет их дикарями...»³⁵. В борьбе с комарами и мухами местные крестьяне также поджигали траву, чтобы был дым, либо поджигали навоз (который употребляли в качестве топлива), кроме этого больные части тела смазывали деревянной смолой. Броневский обратил внимание и на множество аистов, которые гнездились на крышах домов, а население считало грехом обижать этих птиц.

Первого мая Броневский прибыл в поселок Эмёд. Путешественник заметил, что дома жителей-кальвинистов похожи на швейцарские постройки, а своей образованностью, трудолюбием они значительно отличаются от людей других вероисповеданий. Оттуда русские военнослужащие продолжали путь в Мишкольц, где Броневский увидел колодки для наказания преступников. Морской офицер был очарован простотой местной православной церкви, красотой четырех картин, произведений русских мастеров.

Токай, знаменитый своими винами, произвел впечатление скудного городка. С сожалением Броневский замечает, что вино асу почти полностью вывозят за границу, а на месте оно стоит чрезвычайно дорого. Он продолжил путь к селам, заселенным руснаками (русинами) и находящимся у подножия Карпат. Его очаровала красота природы в этом крае: «Невысокие холмы, покрытые виноградниками и окруженные обработанными полями; ручьи, осененные дубовыми рощами, и луга, населенные, так сказать, стадами рогатого скота, лошадей, овец, свиней и множеством гусей, показывали вместе, что земля плодородна и жители не ленивы»³⁶.

В Кашше (Кошице) его внимание привлекли дворец графа Сирмаи, кафе «Белый Сокол» и театр с импозантным фасадом. Как курьез Броневский воспринял то, что в театре французские военнопленные давали пьесу «*Ras de deux*». Далее идет подробное описание построенного в 1322 г. в готическом стиле знаменитого кафедрального собора Святой Елизаветы, путешественник восхищается его внушительными размерами, иконостасами главного алтаря, украшенными резьбой и позолотой.

Русский путешественник вкратце описывает также духовную семинарию и военное училище в Кашше, говорит о новых знакомствах с примечательными людьми, такими как молодой граф Сирмаи,

один из самых богатых аристократов Верхней Венгрии, а также профессор Адам Ловиц (1755–1831), директор коллегии из Эперьеша (по-словацки Прешова, по-русински Пряшева). Привлекли его внимание и окрестности Кашши – ледовые пещеры Силице, залежи опала в Вёрёшвагаше.

Посетил Броневский и Прешов, город, окруженный высокой кирпичной стеной с башнями и четырьмя воротами. На берегах реки Дринава его внимание привлекли мельницы и кожевенные мастерские. Автор упоминает костел XII в., который он, впрочем, не нашел особенно красивым³⁷. Затем он направился в поселок Бартфа, знаменитый целебными ваннами, об исцеляющем действии которых он писал: «... хотя и не успел окончить полного курса лечения, но рука моя с сего времени постепенно начала укрепляться»³⁸.

Броневский пересек границу возле села Комарник, далее лежали польские земли, тем самым завершилось его более чем месячное путешествие по Венгерскому королевству. Прибыв на границу, он обобщает свои впечатления, приводит в систему полученные сведения, в том числе об административном устройстве, праве, образе жизни населения, природе. Его свидетельства имеют ценность источников, которые используют в своих исследованиях как историки, так и этнографы, и даже натуралисты (автор оставил зоологическое, ботаническое и минералогическое описания тех областей Венгрии, которые посетил). О наблюдательности автора можно судить по его замечанию о том, что венгры вообще-то недолюбливают австрийцев, которые в свою очередь в Вене с постоянным подозрением глядели на потомков «ребеллов-куруцов». Путешественник обратил внимание и на то, что австрийское правительство смотрело на территории от реки Лейты вплоть до Карпат как на захваченные провинции и в соответствии с этим с ними обращалось. Справедливо отметил он и то, что Венгрию, попавшую (хотя сначала и не полностью) под власть династии Габсбургов еще в 1526 г., государи из Вены удостаивали своими посещениями весьма редко, а вместо созыва государственного собрания с участием сословий они предпочитали руководить указами сверху. Венгры, которые, по словам Броневского, великодушны и храбры, были всегда лояльными подданными своих королей, но в то же время требовали от каждого вступающего на престол государя принесения клятвы сохранять и уважать давние законы страны. Важной привилегией венгерской знати в государстве Габсбургов было то, что она располагала правом пользоваться собственным законодательством, имела налоговые льготы, кроме того, из четырех

кандидатов, выдвинутых государем, могла выбрать надора (наместника короля), а двоих избирала на посты хранителей венгерской короны. Однако в сфере законодательства король имел право налагать вето, то есть мог отклонить проект любого закона, одобренного обеими палатами государственного собрания³⁹.

Броневский ясно видел, что венгерская знать – это привилегированный класс, который имеет немало политических свобод. В то же время венгерские дворяне с давних пор не обязаны служить в армии и совсем не несут на себе налогового бремени, вся тяжесть платежей лежит на простом народе. Автор описания с горечью замечает, что за такими политическими понятиями, как «народ» и «нация», стоит класс, огражденный от всего народа башнями сословных привилегий. Броневский пишет о бесправии крестьян, после восстания Дердя Дожи в 1514 г. прикрепленных к своему клочку земли, описывает все разновидности налогов (государственных, церковных, помещичьих), формы использования помещиками труда крепостных крестьян. Всему этому он противопоставляет безграничное богатство аристократии, упоминая в качестве примера трехмиллионное достояние князя Эстерхази и двухмиллионный доход графов Палффи и Надашди. Некоторые строки описания полны остроумия и даже сарказма, который может иногда показаться и преувеличенным. Как бы то ни было, не вызывает сомнения сочувствие автора записок к низшим слоям населения. Путешественник также осуждает политику императора Иосифа II (1780–1790), направленную на насильственное онемечивание населения многоязычной монархии – именно она стала главной причиной недовольства венгров. Свой труд о Венгрии Броневский завершает следующими словами: «Однако, мне кажется, что даже среди множества трудностей этот народ со славной историей, когда-то бывший свободным и гордым, со временем сможет ступить на путь благополучия и снова обретет свое давнее величие»⁴⁰.

Завершают ряд путевых записок о венгерских землях в рассматриваемую эпоху заметки 24-летнего А. И. Михайловского-Данилевского*, посетившего Буду и Пешт в составе свиты Александра I в октябре 1814 г., в период работы Венского конгресса. Автор этих записок стал впоследствии крупнейшим русским военным историком эпохи Николая I.

* Текст записок А. И. Михайловского-Данилевского приведен в разделе «Публикации» данного издания.

Подводя итоги, следует подчеркнуть: записки русских путешественников, посетивших венгерские земли в эпоху наполеоновских войн, сохраняют как источниковую, так и в ряде случаев историко-литературную ценность. Иногда они обращали внимание на такие явления, которые венгерские источники (и путевые записки путешественников из западных стран) даже не упоминают, и тем самым обогащались возможности национального самопознания венгров, в оптически отшлифованном зеркале которого зачастую сохраняется более идеализированная картина прошедших эпох, требующая корректировки при помощи взгляда извне.

Не меньший интерес эти путевые записки представляют для историков русской общественной мысли. Ознакомление с более передовыми, чем в самодержавной России, формами общественного устройства способствовало формированию более критического взгляда на собственные порядки. Не удивительно, что некоторые из молодых офицеров (и не только офицеров), проезжавших через средневропейские земли в период наполеоновских войн, стали впоследствии участниками декабристского движения (как Ф. Глинка) или сторонниками далеко идущих реформ (как А. Тургенев).

Перевод автора, под редакцией А. С. Стыкалина

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Két emlékirat az 1849. évi cári intervencióról / Szerk. Trocsányi Z. Budapest (далее – Вр.), 1949. P. 12–13.
- 2 Orosz és ukrán utazók a régi Magyarországon / Közreadta, fordította, az előszót és a jegyzeteket írta Tardy L. Вр., 1988. P. 35.
- 3 *Varady-Sternberg J.* Utak, találkozások, emberek. Uzsgorod; Budapest, 1974. P. 13.
- 4 См.: Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году // Архив братьев Тургеневых / Под ред. В. М. Истрина. Петроград, 1915. Вып. 4.
- 5 Там же. С. 36. Дочь Павла I великая княгиня Александра Павловна, жена наместника Венгрии эрцгерцога Йозефа Габсбурга, скончалась от родов в 1801 г., не дожив до 20-летнего возраста.
- 6 Там же. С. 37.
- 7 Там же.

- 8 Там же. С. 38.
- 9 «За пределами Венгрии нет жизни, если же есть – не такая» (перевод с латыни).
- 10 Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова... С. 39.
- 11 Там же. С. 40. О реформах императора Иосифа II и реакции на них венгерского дворянства, защищавшего свои сословные права, см.: *Хаванова О. В.* Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.
- 12 Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова... С. 40.
- 13 Там же.
- 14 См.: *Истрин В. М.* Русские путешественники по славянским землям в начале XIX века // **Журнал Министерства Народного Просвещения**. Новая серия. Ч. 41. СПб., 1912. № 9. С. 78–109.
- 15 См.: *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях и Венгрии с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 годах. М., 1808. Второе издание этого произведения, которое отражает также личные впечатления автора, полученные в походах против Наполеона в 1812–1815 гг., было издано в Москве в 1815 г. «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки неоднократно переиздавались в разных редакциях (М., 1985; 1987; 1990).
- 16 *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера... М., 1808. С. 54.
- 17 Речь идет о трансильванском князе Имре Тёкёли (1657–1705), одном из вождей антигабсбургского движения венгерского дворянства.
- 18 *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера... С. 54.
- 19 Там же. С. 55–56.
- 20 Там же. С. 62–63.
- 21 Там же. С. 69.
- 22 Там же. С. 72.
- 23 *Глинка Ф. Н.* Избранные произведения. Л., 1957. С. 112.
- 24 Отрывки из неопубликованного дневника В. В. Вяземского, касающиеся Венгрии, изданы: *Varady-Sternberg J.* Utak, találkozások, emberek... P. 14–15.
- 25 Из новейшей литературы см.: *Захарова М. М.* К вопросу о биографии В. Б. Броневского // Вестник РГГУ. Серия «Журналистика и литературная критика». М., 2008. № 11.
- 26 Из других сочинений В. Б. Броневского см.: Записки морского офицера в продолжении кампаний на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. СПб., 1818; Письма морского офицера. М., 1825. Т. 1; М., 1826. Т. 2.

- 27 Orosz és ukrán utazók a régi Magyarországon. P. 242, 247.
28 *Броневский В. Б.* Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 году. М., 1828. С. 66–69.
29 Там же. С. 76–77.
30 Там же. С. 84–85.
31 Там же. С. 122–123.
32 Там же. С. 123.
33 Там же. С. 124–126.
34 Там же. С. 127–128.
35 Там же. С. 133.
36 Там же. С. 150.
37 Там же. С. 183.
38 Там же. С. 216.
39 Там же. С. 256–257.
40 Там же. С. 262.

Molnar L. V.

Hungary in the Travel Notes of Russian Travellers
of the Epoch of the Napoleonic Wars

The article tells about the travel notes of such Russian travellers as Th. Glinka, A. Turgenev, W. Broniewsky and others; these compositions are of historical and literary-artistic value and they give testimonies of the Russian-Hungarian contacts in the early 19th cent.

Key words: *War 1812, foreign campaigns of the Russian Army, Hungary, Napoleon, Alexander I, Russian literature of the early 19th cent., travel notes.*

М. С. Ващенко
(Москва)

**Россия в 1880-е гг.
глазами Франьо Рачки и Лайоша Таллоци***

Статья посвящена описанию России начала 80-х гг. XIX в., содержащемуся в путевых заметках хорватского историка и политика Ф. Рачки и венгерского экономиста и чиновника Л. Таллоци.

Ключевые слова: *Россия, Австро-Венгрия, Хорватия, путевые заметки, славянская взаимность, экономика России.*

Отношения между Россией и Габсбургской монархией в XIX в. никогда не были равными. Союзнические отношения, как во времена наполеоновских войн, сменялись периодами враждебности (например, во время Крымской войны 1853–1856 гг.). Чаще всего две державы рассматривали друг друга как геополитических соперников. Иными словами, препятствий для установления личных и деловых контактов у представителей двух империй было много. Тем не менее Россия всегда была притягательной для многих жителей Габсбургской монархии, прежде всего для австрийских славян, многие из которых видели в ней своего союзника в борьбе за национальную свободу. Надо ли говорить, что именно чехи, словаки, сербы, хорваты чаще всего устанавливали контакты с Россией и совершали туда путешествия. Одним из них был хорватский политик, историк и священнослужитель Франьо Рачки, посетивший Россию в начале 1880-х гг. Но не только славянские подданные Австро-Венгрии совершали путешествия в российские пределы. В те же годы визит в Россию нанес еще один представитель Габсбургской монархии, Лайош Таллоци, венгерский историк, архивист и государственный деятель. Приведем краткие биографические данные о каждом из них.

Франьо Рачки (1828–1894) изучал теологию в Венском университете. Он известен как политический деятель, священнослужитель, профессор истории церкви и канонического права. С 1857 по 1860 г. жил в Риме, где изучал источники по хорватской истории, хранив-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-01-00202 («Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг.»).

шиеся в архивах Ватикана. Один из основоположников современной хорватской исторической науки. Член Народной партии, депутат хорватского сабора (1861, 1868, 1872), главный редактор печатного органа партии «Обзор», один из основателей литературно-научного журнала «Книжевник» и журнала «Древности», где публиковались источники по хорватской истории. Один из основателей (наряду с епископом Й. Ю. Штросмайером) Югославянской академии наук и искусств, в 1867–1886 гг. ее председатель. С 1880 г. основатель Независимой народной партии¹.

Лайош Таллоци (1854–1916) окончил философский факультет Будапештского университета. Он является специалистом по истории венгерской экономики и основоположником венгерской балканистики. Автор трудов по средневековой истории Болгарии, Хорватии и Боснии. Опубликовал ряд документов по истории Хорватии и Боснии. Был близким другом и биографом Б. Каллаи, министра финансов Австро-Венгрии и губернатора Боснии и Герцеговины. Член-корреспондент Венгерской академии наук. Помощник редактора журналов «Столетия» и «Архивный бюллетень», редактор журнала «Венгерский стенограф». Работал в Венгерском национальном музее и в Национальном архиве Венгрии. С 1885 г. возглавлял архив Министерства финансов Австро-Венгрии. С 1908 г. – начальник отдела в Министерстве финансов. В 1916 г. Таллоци был губернатором оккупированной австрийцами Сербии².

Таллоци совершил путешествие по России в 1882–1883 гг. с целью ознакомления с хозяйственной и промышленной жизнью страны и возможностями для венгерско-русских торговых контактов. Результатом его исследовательской деятельности стала книга под названием «Россия и наша родина»*, в которой приводятся сведения о российской экономике и промышленности, о сельском хозяйстве, торговле пшеницей, скотоводстве, виноделии. Как сам автор отмечал в предисловии, что «одними из самых важных соседей для венгров являются русские» и что «о России и русском обществе на венгерском языке никогда не будет написано достаточно»³. Помимо данных об экономике России, в книгу включены и путевые заметки о русских городах, в которых побывал венгерский чиновник. За время своего путешествия он посетил Одессу, Киев, Москву и другие города, в том числе в Крыму и на Кавказе.

* Перевод текста путевых заметок Л. Таллоци о России осуществлен Д. Ю. Ващенко (Анисимовой).

В отличие от Таллоци, цель путешествия Ф. Рачки, который посетил Россию в 1884 г., была совершенно иной. Хорватский историк получил приглашение принять участие в работе VI археологического съезда в Одессе. В поездке по России его сопровождал работавший тогда в Петербургском университете хорватский филолог Ватрослав Ягич, который помогал ему во время путешествия. Свои впечатления о поездке по России Рачки изложил в путевых заметках, впервые опубликованных в журнале «Виенац» в 1886 г., а также в письмах к Й. Ю. Штросмайеру, изданных в конце 1920 – начале 1930-х гг. В настоящей статье будет проведен сравнительный анализ описаний нескольких главных городов Российской империи в изложении двух авторов, схожих в интересах и профессиональной деятельности, но различных в национальной принадлежности, менталитете и прибывших в Россию с разными целями.

Впечатления Рачки об Одессе связаны в основном с работой археологического съезда. Его приятно удивил теплый прием со стороны русских ученых и не только их. В его письме к Штросмайеру звучат такие слова: «На каждом шагу меня встречают самым любезным образом, и не только ученые, но и высокопоставленные лица, представители дворянства. Сразу же по приезде в Одессу меня посетил градоначальник, губернский предводитель дворянства. Маленькое недоразумение с полицией (у Ф. Рачки не оказалось специального пропуска, который требовался ему как представителю католического духовенства для въезда в Россию, поэтому он был вынужден провести несколько часов на корабле, на котором прибыл в Одессу. – *М. В.*), о котором я расскажу Вам при личной беседе, стало поводом для демонстраций. На конгрессе я должен был председательствовать на заседании одной из секций, и когда я поприветствовал собравшихся на русском языке, аплодисментам многочисленной и благодарной публики не было конца. Русские очень любезны; я получил много, даже слишком много приглашений в высшее общество»⁴. То есть, за исключением этого пресловутого недоразумения бюрократического характера, Рачки был радушно принят, ему были оказаны все необходимые знаки внимания. Сам город также произвел на Рачки благоприятное впечатление. Вот как он описывает Приморский бульвар в Одессе: «Из-за деревьев слышен шум гуляющей публики; всюду музыка, еда и напитки на любой вкус. Если вам понадобятся ежедневные газеты, к вашим услугам крикливые продавцы, торгующие разными местными и иностранными изданиями. Для тех, кто хочет познакомиться с жизнью одесского общества, нет лучшего места, чем

бульвар. Так как я еще с юных лет люблю море, то всякий раз приходил на эту прекрасную набережную, когда мне позволяло время»⁵.

Л. Таллоци, как и Рачки, описывал Одессу в самых позитивных тонах: «Одесса абсолютно современный город... Улицы широкие, многие засажены деревьями, кое-где заасфальтированы или отлично вымощены. На берегу моря прекрасная прогулочная аллея, ее называют бульваром. Дома достойны нашего особого упоминания, они красивые, чистые»⁶. Особенно Таллоци пришлось по душе то, что немало жителей города изъяснялось по-французски и по-немецки, и то, что в городе наблюдалось сочувствие к венграм. По его сведениям, в городских школах ученикам рассказывали о них с симпатией, а стихотворения венгерского поэта Мора Йокаи (1825–1904) печатали в «Одесском вестнике». Изучая состояние помещичьих хозяйств в Одессе и окрестных губерниях, Таллоци подчеркивал, что самый богатый помещик в Херсоне является венгром по национальности. Одним словом, «русский Триест», как он называл Одессу, богатый торговый город с многоэтническим населением, понравился Таллоци именно своей космополитичностью. Из недостатков, замеченных венгерским чиновником в Одессе, в заметках упоминается только цензура и притеснение евреев, но это, скорее, можно отнести к его общим характеристикам России того времени.

Киев и Рачки, и Таллоци описали более подробно и красочно. Оба автора восхищались местоположением и архитектурой города. Рачки называл Киев одним из интереснейших городов Европы, «русской северной Флоренцией» и «русским Иерусалимом»⁷. Хорватский историк приводил о Киеве статистические данные, описывал его географическое положение, различные районы города с их характерными особенностями. Киев интересовал Рачки и с литературной, и с этнографической точки зрения. Он писал о «малоросском племени», центром которого и является город. «Язык, на котором они говорят, – отмечал историк, – это диалект русского языка, и они сами называют его русским языком. В учебных заведениях, официальных учреждениях и общественной жизни господствует великорусское наречие, которое в то же время является литературным языком всего русского народа. И малороссийская интеллигенция пользуется этим языком, особенно в обществе»⁸. Среди украинских писателей Рачки называет И. П. Котляревского, И. Ф. Квитко-Основьяненко и, конечно, Тараса Шевченко.

Ф. Рачки особо отмечает, что всплеск творческой активности малороссийских писателей вызывал недовольство в литературных и

особенно официальных кругах России. Интересно, что хорватский историк в данном вопросе был на стороне официальных властей, опасавшихся развития сепаратистских идей на этой почве. Именно в последней трети XIX в. в интеллигентских кругах Австро-Венгрии появляются такие идеи, находившие поддержку и у официальной Венны. Но хорватский историк не разделял их. По мнению Рачки, все, что было написано на украинском языке, было рассчитано на простонародье, а серьезных научных трудов и вовсе почти не было. «Поэтому малороссов и призывают все свои душевные свойства и умственные способности вложить в единую русскую литературу»⁹, — пишет он и приводит в пример Гоголя, Костомарова, Бодянского, Срезневского, малороссов по происхождению, своим творчеством обогативших единую русскую литературу. При этом Рачки вовсе не считает необходимым каким-то образом искусственно притеснять украинский язык. Напротив, он приводит в пример того же Гоголя, который вставлял в «великорусский» текст своих произведений некоторые украинские слова. Историк отмечает, что именно благодаря такому смешению наречий возникли мировые языки и литература мирового значения. Он спрашивает: «Какая польза для общеславянской истории в еще бóльшем дроблении литературы? Какая для этого будет особенная выгода малороссам?»¹⁰. Конечно, у хорватского историка, одного из идеологов югославизма, идеи объединительной, не могла вызвать сочувствия мысль о каком-то искусственном, по его мнению, разделении внутри славянского мира, тем более если речь шла о России и русском народе, к которым Рачки испытывал глубокую симпатию.

Таллоци, вслед за Рачки назвавший Киев «русским Иерусалимом», тоже восхищался его видами и архитектурой. Для него это прежде всего русский город, где нет такой пестроты, как в космополитичной Одессе, и можно почувствовать настоящий русский дух. Но именно посещение Киева стало для Таллоци поводом для критических рассуждений о чертах характера и поведении русского народа и порядках, установившихся в России. В отличие от Рачки, он не касается темы обособленности «малороссийского племени» и литературы на украинском языке, зато приводит множество бытовых подробностей из жизни местного населения. И чаще всего его описания носят негативный оттенок. Он описывает киевских нищих, таскавших тяжелые мешки за копеечную плату, страдавших от неурожая крестьян, которые совсем не жаловались на свое положение. Он писал: «Суровая полиция и еще более суровые правила сделали свое дело: этот чрез-

вычайно шумный народ приучился молчать. Они живут в большой нужде и при этом им еще надо молчать»¹¹. Причину такого фатализма русских Таллоци видел и в их религиозности, точнее, в приверженности суевериям. Венгерский путешественник видел в русских скорее язычников, чем христиан, утверждая, что они «не молятся, а поклоняются»: «Они приносят жертву этой золотой картинке, которая помогает в беде и в горести... А русская интеллигенция соревнуется с вавилонянами, они наслаждаются, развлекаются, сорят деньгами, можно сказать, до безумия. А над этим отечески бдительно возвышается правительство – народ пусть живет, как знает, а остальные наслаждаются сиюминутными радостями, только пусть никто не задумывается»¹². С таким же негативным оттенком Таллоци описал и посещение Киево-Печерской лавры. Наряду с описанием убранства храмов, он не преминул отметить назойливость нищих, корыстолюбие и праздность монахов, торгующих иконами или просто бездельничающих. Однако, наряду с негативным отношением к различным чертам русского характера, к государственному и общественному устройству России, Таллоци осуждал распространявшиеся тогда в России революционные идеи и террор. Говоря о студентах, он отмечал, что «большую их часть приводит в ряды террористов главным образом нужда и плохое воспитание».

Еще большее впечатление на обоих авторов произвела Москва. И если для Рачки посещение первопрестольной стало поводом еще сильнее восхищаться Россией и русским народом, то в записках Таллоци о Москве критический тон усиливается.

Для Рачки Москва – это и есть Россия. Он полностью соглашался с русской пословицей: «Кто в Москве не бывал – красоты не видал», которую и цитирует в своих путевых заметках. Каждый русский, пишет хорватский историк, «называет Москву своей матушкой, по отношению к которой он любезный сын; и как сын любит свою мать, так и русский исполнен восхищения, когда видит Москву... Русское сердце не бьется так горячо и сильно на берегах Невы, как на берегах Москвы-реки»¹³. Рачки соглашался с тем, что история и судьба этого города неотделимы от судьбы России, которая как единое государство сложилась именно вокруг Москвы. Петербург для него – это лишь «официальная» столица, созданная волей одного человека, а Москва – столица «народная», «вторая, но по сути своей первая»¹⁴. В отличие от Петербурга, Москва, считает Рачки, имеет свое лицо, свои характерные особенности, которые сформировались в течение нескольких столетий, на протяжении нескольких исторических эпох.

Он пишет: «В Москве была создана Россия; если бы здесь властвовал дух Киева, то **русский народ сегодня был бы разделен по государствам**, которые бы боролись за главенство, а иностранцы бы их в этом поддерживали»¹⁵. Его восхищает оригинальность Москвы, ее радиально-кольцевая планировка, почти не имеющая аналогов в Западной Европе, своеобразное обозначение домов по их владельцам (что, впрочем, встречалось тогда во всех русских городах), типажи, которые он встречал на московских улицах, среди которых были как русские (он выделяет «точильщиков», «корзинщиков», «городских продавцов» и просто «мужиков»), так и представители других народов: «...тут видишь и чудь, татар, черкесов, калмыков, турок, греков, персов, выходцев из Крыма...». И заключает: «...в Москве виды меняются как в калейдоскопе. Неужели кто-то не согласится с тем, что это своеобразный город?»¹⁶. Хорватский историк упоминает некоторые вехи истории Москвы (например, освобождение Москвы от поляков в 1612 г.), статистические данные о ее жителях, о количестве ее улиц, церквей, монастырей. В таких же восторженных выражениях Рачки пишет из Москвы Штросмайеру 12 сентября 1884 г.: «Это огромный и оригинальный город! Как раз сейчас вернулся из Кремля, который осмотрел довольно быстро. Оттуда открывается прекрасный вид на город, занимающий площадь бóльшую, чем Париж. Купола за куполами, колокольня за колокольней вознеслись над крышами»¹⁷.

Свои обобщенные впечатления от посещения России Ф. Рачки изложил в том же письме Штросмайеру из Москвы: «Россию стоит увидеть. У нас думают, что там мало что может напомнить о прошлом, но в этом смысле Россия – целый мир. Я приехал сюда, будучи хорошо подготовленным, но все, что я видел, не идет ни в какое сравнение с моими фантазиями... Так велика эта страна, и точно такая же, как говорит русская пословица, “русская широкая натура”... Русские государственные деятели сделали много ошибок и будут делать их и дальше, но их исправит этот великий народ. В этой огромности исчезают мелкие недостатки и заблуждения»¹⁸.

Таллоци, описывая Москву, вновь обращается к нравам простого народа, к образу жизни и традициям москвичей. По его словам, они (как и киевляне) довольно инертные, беспрекословно подчиняющиеся властям люди, живущие по тем же законам, по каким жили их деды и прадеды. Однако венгерский историк замечал: «Есть что-то очень своеобразное в этом московском мире, отчего хочется его – не удивленно, но задумчиво – созерцать». Характеризуя Москву как город, Таллоци писал: «Он и богатый и несчастный, он набожный и

безразличный, он национальный и в нем все стократно перемешано, он самодостаточный и экспансивный, одним словом, это Москва, сам ее московский дух»¹⁹. Но если у Рачки характеристика Москвы и москвичей получилась спокойной и даже отчасти этнографической по своему тону, без излишних подробностей, то Таллоци не забывает упомянуть все негативные черты и явления, увиденные им на московских улицах. Например, знаменитую «толкучку» (рынок) на Старой площади венгерский автор описывает следующим образом: «Представьте себе толпу, похожую на муравьиный улей, они все как один говорят, торгуются, молятся, крадут, пьют, едят и местами спят»²⁰. Особенно же колоритно Таллоци описал торговцев квасом и сам напиток: «Это не Бог весть какой нектар, учитывая, что местные не любят мыться. Это еще полбебды, но достопочтенные продавцы кваса... привыкли порядком отхлебывать из своих бутылок, и таким образом этот прекрасный напиток приобретает особый вкус»²¹.

Именно в заметках, посвященных Москве, Таллоци наиболее резко высказывается об экономическом и политическом развитии России, а также об идее славянской взаимности. Поводом для этого послужило посещение им Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г. на Ходынском поле и Румянцевского музея*. Позитивно оценивая достижения России в некоторых областях (металлургия, ткацкая и лакокрасочная промышленность), он тем не менее отмечает, что на общем фоне лучше всех выделялись польские и финляндские производители, где выше уровень развития, а самые лучшие промышленные экспонаты представили иностранные производители. Посещение же Румянцевского музея, где были выставлены восковые фигуры в национальных славянских и прочих костюмах, стало для Таллоци поводом для рассуждений о славянской взаимности и русско-венгерских отношениях. Он замечает, что среди фигур славянских народов «азиат великоросс... наименее славянин», а стоящие вокруг фигуры других азиатских народов (киргизов,

* *Румянцевский музей* был основан в 1828 г. в Санкт-Петербурге после смерти графа Н. П. Румянцева, чье собрание книг, рукописей, монет, этнографических и других коллекций и легло в основу его экспозиции. В 1861 г. экспонаты музея были перевезены в Москву, в дом Пашкова. В 1862 г. при музее была основана библиотека. В 1921–1927 гг. музей был расформирован. Его коллекции (кроме библиотеки и отдела рукописей) были переданы другим музеям и картинным галереям Москвы. В 1925 г. библиотека преобразована в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина.

марийцев, мордвы и пр.) словно «угрюмо взирают на своих господ». «Именно эта композиция, – пишет венгерский историк, – убедительно демонстрирует, что объединение славян невозможно, отдельные народы настолько разошлись в ходе исторического развития, что сгладить эти различия уже невозможно. Нет никаких сомнений, что русский народ, который является государствообразующим, по историческому и генетическому принципу представляет среди них наибольшую силу, но насколько силен в них славянский дух, этого нельзя однозначно сказать»²². Таллоци отмечает и неприязненное отношение к венграм в Москве: «Русские понимают только, кто такие угнетатели православных, а сколько правды в этом утверждении, этим вопросом они не задаются. Толпа не настолько сознательна, а власть имущие держатся на византийской традиции: им по сердцу ложь»²³. Венгерский чиновник даже взялся утверждать, что, по сравнению с русским обществом, венгерское «заслуживает лучшего наименования». В России помещичье сословие «деградирует», крестьяне пьянствуют, и лишь одна черта русского общества, которая не присуща венгерскому, импонирует Таллоци: на смену отмирающим русским «общественным элементам» приходят новые «элементы», тоже русские по национальности, тогда как «у нас со сцены уходят венгры, а на смену им, к сожалению, приходят не всегда они же»²⁴. При этом венгерский историк не считает, что он каким-то образом хотел опорочить Россию: «То, что мы сейчас рассказали о русском обществе, сами русские нимало не отрицают. Писатели в своих романах, журналисты в своих изданиях, образованные люди в своих салонах раскрывают пороки общества и искренне насмеваются над ними»²⁵.

Подводя итоги, можно сказать следующее. В путевых заметках Ф. Рачки и Л. Таллоци, подданных одной империи, коллег в профессиональной сфере, посещавших одни и те же места в один и тот же временной период, вырисовываются два совершенно разных образа России и ее жителей. Конечно, одно из главных различий между двумя авторами было в целях их путешествия: если Рачки ехал для участия в научном мероприятии по приглашению своих коллег, доброжелательно настроенных по отношению к нему, то визит Таллоци в Россию носил иной характер. Он ехал туда как государственный чиновник с целью узнать, насколько будет выгодным сотрудничество Австро-Венгрии и России в экономическом отношении. Поэтому даже его путевые заметки, составляющие малую часть книги, гораздо более подробны, чем записки хорватского историка. Рачки не анализируют

вал глубоко политическую, экономическую и культурную ситуацию в России. В своих заметках он восхищается красотой русских городов, своеобразием человеческих типажей, встреченных им на улицах, в описаниях хорватского историка преобладают скорее общие фразы, нежели конкретное описание достоинств (или недостатков), встреченных им в России. Даже о негативных явлениях он говорит обтекаемо, как об «ошибках» правителей России, которые, по его мнению, в будущем все равно исправит русский народ. Не так видит Россию Таллоци. В его тоне мало восторженности. Его интересовала в первую очередь экономическая ситуация в России, положение и образ жизни различных слоев общества, особенности российской политической системы, причем во всех подробностях. В описании венгерского чиновника вырисовывается картина существовавшей в России социальной несправедливости, когда низшие слои общества покорно живут в нищете и пьянствуют, обеспеченные наслаждаются роскошью, весь этот порядок поддерживается полицейскими методами, а правительство вполне устраивает такое положение дел. Негативно высказывается Таллоци и в отношении идеи славянской взаимности. Кроме того, ему, видимо, пришлось столкнуться в России с неприязненным отношением к венграм, что тоже могло повлиять на критический характер его заметок. Так или иначе, путевые воспоминания как Рачки, так и Таллоци, именно благодаря своей различной направленности составляют интересную, разностороннюю и взаимодополняемую картину русской жизни начала 1880-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 О Ф. Рачки см.: *Smičiklas T. Život i djela Franjo Račkog*. Zagreb, 1895; *Новак В. Фрањо Рачки (1828–1894)*. Београд, 1958; *Ровнякова Л. И. Фрањо Рачки и Россия. Из истории хорватско-русских культурных отношений последней трети XIX века // Зарубежные славяне и русская культура*. Л., 1978. С. 156–199; *Peić M. Franjo Rački kao putopisac // Zbornik zavoda za povjesne znanosti istraživačkog centra Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti*. Zagreb, 1979. Vol. 9. S. 269–274.
- 2 Подробнее о Л. Таллоци см.: *Szinnyei J. Magyar írók élete és munkái*. Budapest, 1914. Köt. XIV; *Horánszky L. Magyarok Bécsben. Károlyi Árpád és Thallóczy Lajos köre*. Budapest, 1941; *Opća enciklopedija Jugoslovenskog Leksikografskog zavoda*. Zagreb, 1982. Sv.; *Enciklopedija srpske istoriografije*. Beograd, 1997.

- 3 *Thallóczy L.* Oroszország és hazánk. Budapest, 1884. III. old.
- 4 **Rački – Strossmayeru, 12. rujna 1884 // Korespondencija Rački – Strossmayer.** Zagreb, 1930. Knj. III. S. 141–142.
- 5 Цит. по: *Peić M.* Franjo Rački kao putopisac... S. 270.
- 6 *Thallóczy L.* Oroszország és hazánk... 184. old.
- 7 *Rački F.* Putne uspomene o Rusiji // Hrvatski putopisci XIX i XX stoljeća. Zagreb, 1955. S. 142; **Rački – Strossmayeru, 12. rujna 1884 // Korespondencija Rački – Strossmayer...** S. 142.
- 8 *Rački F.* Putne uspomene o Rusiji... S. 143.
- 9 *Ibid.* S. 144–145.
- 10 *Ibid.* S. 145.
- 11 *Thallóczy L.* Oroszország és hazánk... 187. old.
- 12 *Ibid.* 188. old.
- 13 *Rački F.* Putne uspomene o Rusiji... S. 145.
- 14 *Ibid.* S. 145–146.
- 15 *Ibid.* S. 146.
- 16 *Ibid.* S. 150.
- 17 **Rački – Strossmayeru, 12. rujna 1884 // Korespondencija Rački – Strossmayer...** S. 142.
- 18 *Ibid.*
- 19 *Thallóczy L.* Oroszország és hazánk... 197. old.
- 20 *Ibid.* 194. old.
- 21 *Ibid.* 195. old.
- 22 *Ibid.* 199. old.
- 23 *Ibid.* 200. old.
- 24 *Ibid.*
- 25 *Ibid.* 202. old.

Vashchenko M. S.

Russia in 1880s from the Point of View of Franjo Rački
and Lajos Thallóczy

This article is devoted to a description of Russia in the early 1880s which is contained in the travel notes by Croatian historian and politician Franjo Rački and Hungarian economist and official Lajos Thallóczy.

Key words: *Russia, Austria-Hungary, Croatia, travel notes, Slavic mutuality, Russian economy.*

Н. Г. Струнина
(Москва)

Из истории российско-черногорских отношений: визиты Никола Петровича-Негоша в Россию

Статья посвящена истории русско-черногорских отношений в период правления Николая Петровича-Негоша. С привлечением новых архивных материалов подробно рассматриваются его визиты в Петербург, результатами которых была всесторонняя помощь России Черногории.

Ключевые слова: *Черногория, Никола Петрович-Негош, Романовы, русско-черногорские отношения, династические браки, Балканский союз, русская субсидия Черногории, Сербия, Балканы.*

Ни один исследователь истории Балкан второй половины XIX – начала XX в. не может упустить из виду такую яркую личность, как Никола Петрович-Негош¹. Этот первый и последний король Черногории правил страной без малого 60 лет и его вклад в развитие черногорского государства трудно переоценить. Именно на время его правления приходится апогей развития русско-черногорских отношений.

Никола был расчетливым политиком с невероятными амбициями, а свои планы пытался проводить в жизнь прежде всего при помощи и поддержке России. Ему удалось наладить личные контакты с двумя последними русскими императорами, к которым он довольно часто ездил с визитами. Будучи умелым дипломатом и обладая талантом красноречия и силой убеждения, Никола решал в результате своих визитов множество политически важных дел.

Именно благодаря России Черногория получила долгожданную независимость по Берлинскому договору 1878 г., а династия Петровичей-Негошей впоследствии была признана равнородной с другими европейскими правящими домами. Произошло это в 1889 г. во время очередного визита черногорского князя в столицу Российской империи, когда на весь мир прозвучал знаменитый тост Александра III в честь «верного друга России», а затем было объявлено о помолвке двух дочерей Николая с двоюродными братьями императора. Эти браки связали две династии, две страны, судьбы которых во многом оказались схожими – после Первой мировой войны и Королевство Черногория, и Российская империя перестали су-

ществовать, а уцелевших представителей правящих династий обеих монархий ожидала жизнь в эмиграции.

В работе использованы новые архивные материалы: Архива внешней политики Российской империи (далее АВПРИ) – фонд чрезвычайного посла и поверенного в Черногории С. В. Арсеньева (Ф. 340. Оп. 854); Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) – фонды императора Николая II (Ф. 601), великих князей Николая Николаевича (Ф. 671) и Петра Николаевича (Ф. 653), великой княгини Милицы Николаевны (Ф. 669), а также фонд министра иностранных дел России А. П. Извольского (Ф. 559).

Никола Петрович-Негош родился 7 (19) октября 1841 г. в семье воеводы Мирко Петровича-Негоша (1820–1867) и Анастасии (Станы) Мартинович (1824–1895).

По словам русского ученого, дипломата и известного исследователя Черногории П. А. Ровинского, с рождения Никола «никак не предназначался быть князем» и свои детские годы проводил «как и все черногорские дети более или менее родовитых и зажиточных семейств. Вместе с другими мальчиками он ходил в единственную в то время школу в Цетинье, участвовал в общих ребяческих играх и схватках»².

Среднее и высшее образование будущий правитель Черногории получил за границей – с 1856 г. он учился в гимназии Триеста, а затем в лицее Людовика Святого в Париже, где овладел немецким, французским и итальянским языками.

Уже в 1860 г. 19-летнему Николе пришлось стать во главе Черногорского государства – его дядя, первый светский правитель Черногории князь Данило (1851–1860), пал от руки убийцы, а наследников мужского пола не оставил. Первое время молодому князю помогал управлять страной его отец, воевода Мирко, а после его смерти в 1867 г. Никола стал полноправным единоличным правителем.

Молодой князь понимал, что Черногория, будучи маленькой и слабой страной, не богатой природными ресурсами, не сможет в одиночку противостоять внешней угрозе, которая испокон веков исходила из Османской империи. В начале своего правления Никола поддерживал популярные тогда взгляды на создание Балканского союза во главе с Сербией и при всесторонней поддержке России. Этот союз возник в результате заключения серии договоров между Сербией, Черногорией, Грецией и Румынией в 1866–1868 гг. и предусматривал совместные действия против Турции.

Начало союзу положил сербо-черногорский договор 1866 г., по которому объединение двух государств предполагалось под эгидой сербского князя Михаила Обреновича (1839–1868), в пользу которого черногорский князь был готов отказаться от престола. Мы можем лишь догадываться, было ли это со стороны черногорского князя жертвой ради высших интересов или же он рассчитывал на сербский престол после бездетного сербского князя³. После убийства Михаила Обреновича Балканский союз развалился, Сербия начала постепенно отходить от прорусской политической линии, проявляя симпатии к Австро-Венгрии, а после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., по результатам которой получила долгожданную независимость, и вообще отвернулась от своей щедрой покровительницы – России.

Тогда российский двуглавый орел обратил свой взор на Черногорию. Однако вопрос о том, не поступит ли Черногория так же, как Сербия, волновал русских дипломатов⁴. Для того чтобы этого не произошло, необходимо было перестраховаться. Задача воспитания черногорской молодежи в прорусском духе четко просматривалась в донесениях и записках сотрудников российского МИД⁵.

В 1868 г. князь Никола отправился в свою первую поездку в Петербург. В результате его усилий указом императора Александра II (1855–1881) была выделена специальная субсидия⁶ на общеобразовательные нужды Черногории. Уже в следующем, 1869 г., в черногорской столице г. Цетинье при всесторонней помощи России были открыты два учебных заведения: Богословско-учительская школа, на содержание которой из российской казны ежегодно выплачивалось 8000 р., и Мариинский женский институт, который стала курировать императрица Мария Александровна* (1824–1880), отпуская на его содержание ежегодно 5500 р.⁷ Этот Институт положил начало женскому образованию в Черногории⁸, снискав в дальнейшем известность и авторитет и в других югославянских странах, о чем писали как русские путешественники на Балканах, так и русские посланники в Черногории⁹.

В целом Никола добился увеличения общей русской субсидии Черногории¹⁰, а также поднял свой авторитет как в княжестве, так и на Балканах, подорванный после его поездки в 1867 г. в Париж, где молодой князь тратил огромные суммы денег в тот момент, когда Черногория буквально изнывала от голода и эпидемии холеры. Такое

* Императрица Мария Александровна – жена императора Александра II.

поведение вызвало возмущение всего черногорского народа, готового уже свергнуть своего правителя и просить сербского князя стать во главе объединенного княжества¹¹.

Итак, медленно, но верно Никола поднимал свой престиж и престиж своей страны, которая по итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. получила долгожданную независимость. Однако этого честолюбивому князю было мало, его планы выходили далеко за границы небольшой горной страны. Он мечтал сделать Черногорию «Пьемонтом» единого югославянского государства¹², в состав которого могли бы войти как Черногория с Боснией, Герцеговиной, Старой Сербией, частью северной Албании, Бокой Которской и Далмацией, так и болгары и сербы¹³. Для осуществления столь грандиозных планов Николе был необходим мощный покровитель, которого князь видел в лице Российской империи.

Но чтобы к его интересам относились уважительно, чтобы к его просьбам прислушались, ему нужны были верные и высокопоставленные люди в России. В соответствии с этими замыслами, пять дочерей черногорского князя были отправлены на обучение в Смольный институт благородных девиц. Несомненно, сделано это было с умыслом оставить их затем в Петербурге и, если удастся, скрепить их судьбы посредством браков с семьей Романовых. Иначе девочки могли бы учиться и в Женском институте в Цетинье. Выбор Николы в данном случае был обусловлен чисто прагматическим интересом.

«Пью за единственного моего друга князя черногорского», произнес император Александр III на званом ужине в честь Николы Петровича, приехавшего в Петербург в 1889 г.¹⁴ Этот тост еще больше укрепил позиции Николы среди всех югославян и повысил его авторитет¹⁵. На этом же ужине было объявлено о помолвке черногорской принцессы Милицы Николаевны (1866–1951) и великого князя Петра Николаевича Романова (1864–1931). В скором времени стало известно и о втором предполагаемом брачном союзе, связывавшем династию Петровичей с Романовыми – княжна Анастасия Николаевна (Стана, 1868–1935) была помолвлена с герцогом Георгием (Юрием) Лейхтенбергским (1852–1912). Молодых черногорских принцесс при дворе считали высокомерными, самоуверенными выскочками, подруг у них так и не появилось. Однако прошло некоторое время, и они вошли в расположение к императрице и стали близки с царской четой. Таким образом, с помощью своих дочерей Никола смог лоббировать интересы Черногории в самых высоких сферах Российской империи¹⁶.

Итак, император Александр III, называвший сербского короля Милана Обреновича не иначе как «подлецом», английскую королеву Викторию – «старой сплетницей», японцев – «обезьянами, играющими в европейцев», а принца Наполеона – «скотом»¹⁷, назвал черногорского князя Николу «единственным другом России». Поразительный факт! Неудивительно, что тост русского императора произвел эффект разорвавшейся бомбы.

Причина такого расположения к черногорскому князю, видимо, крылась в тогдашней политической обстановке на Балканах. Династическое соперничество Сербии и Черногории не создавало спокойствия в регионе. Как упоминалось, черногорский князь лелеял мечту о «Великой Черногории», которая объединила бы все сербские земли. Учитывая проавстрийскую направленность сербского правительства, именно на стороне Николы были в это время симпатии всех славян «от Софии и на всех территориях до Любляны и Праги»¹⁸.

Для того чтобы поднять свою популярность, Никола действовал в пику правящей в Сербии династии Обреновичей. В 1883 г. он выдал свою любимую дочь Зорку (1864–1890) замуж за потенциального претендента на сербский престол, Петра Карагеоргиевича (1844–1921). Играя на антиавстрийских и русофильских чувствах простых сербов, Никола «стал оказывать поддержку всем действиям, направленным на ослабление режима короля Милана, а по возможности и его свержение»¹⁹. Он вступил в контакт с представителями сербской радикальной партии, в первую очередь с Николой Пашичем, который находился в изгнании в Болгарии. Черногорский князь обсуждал с радикалами возможность государственного переворота в Сербии с удалением династии Обреновичей²⁰ и возведением на сербский престол Петра Карагеоргиевича или другого кандидата, пользующегося расположением России²¹.

Россия придерживалась взвешенной политической линии и, выступая против вмешательства во внутренние дела Сербского государства, советовала черногорскому князю соблюдать осторожность и прекратить контакты с радикалами. Несмотря на эти предостережения, в Петербург продолжали поступать сведения о том, что радикальная партия не только действует от имени черногорского князя, но и не без его ведома²². Тем временем сербский король постарался договориться с радикалами. Он передал власть своему сыну, заручившись при этом поддержкой Петербурга, а самое главное – радикалов, которые настояли на принятии в декабре 1888 г. новой конституции.

Таким образом, при косвенном участии Николы, Россия начала восстанавливать хорошие отношения с Сербией. Возможно, в том числе и поэтому черногорский князь был весьма тепло встречен в Петербурге в 1889 г., его роль и значение были оценены по достоинству, да так, что Романовы не погнушались принять в свою семью двух его дочерей. Не только Черногории были выгодны эти брачные союзы. Россия продолжала видеть в Черногории и в первую очередь в Николе такого союзника, в лице которого она могла бы получить рычаги влияния на всем Балканском полуострове.

Действительно, в это время популярность Николы на Балканах была столь велика, что он по праву мог назвать себя выразителем взглядов и чаяний «народа юго-славян»²³. Это было то время, когда по одному слову черногорского князя могло вспыхнуть восстание в Боснии или даже свершиться государственный переворот в Сербии. И лишь Россия могла сдержать эти нежелательные шаги, предотвратить события, которые могли бы привести к страшным последствиям и вылиться в большую войну.

Политика России была направлена на ослабление противоречий на Балканах, на сближение югославянских народов и в первую очередь их правителей. Отношения между Сербией и Черногорией постепенно налаживались. В 1890 г. регентский совет и правительство Пашича подписали договор с князем Николой о совместной политической деятельности среди славянского населения в Европейской Турции. В 1891 г. между ними был заключен торговый трактат, что вызвало одобрение России.

Весной того же 1891 г. Никола снова нанес визит в Петербург, однако в этот раз его встречали не так тепло. Дом Романовых имел одну показательную традицию: обычно в честь гостивших коронованных особ на церковных службах все члены императорской семьи должны были надевать ленты страны гостя. Однако в 1891 г. Романовы не желали «слишком баловать “единственного верного и честного друга России”», поэтому в виде приложения к приглашению на заутреню гостям принесли специальную повестку, предлагающую быть в «русских лентах», несмотря на присутствие этого в своем роде тоже иностранного монарха²⁴.

Через два дня отношение к Николе все же потеплело. В. Н. Ламздорф записал в дневнике 21 апреля 1891 г.: «Пасха... При императорском выходе этой ночью шествие открывалось их величествами; во второй паре князь Черногорский вел великую княгиню Марию Павловну. Кажется, этот “лучший друг”, дойдя до решетки,

перегораживающей ту часть церкви, которая предназначается для августейших особ, счел нужным скрыться в толпе великих князей, но великий князь Владимир удержал его за талию, чтобы он встал среди братьев государя. Он был в своем национальном наряде, с лентой св. Андрея»²⁵.

Визит черногорского князя не был столь блистательным, как в 1889 г. – возможно, из-за того, что Россия стала налаживать отношения с Сербией, в результате чего роль Черногории в балканской политике России стала уменьшаться. В том же году с визитом в Петербург приехал юный король Александр Обренович с Йованом Ристичем и Николой Пашичем. Помимо нормализации русско-сербских отношений Россия вела политику по сближению Сербии и Черногории, служащих плацдармом для Балканского союза. В 1894 г. в Петербурге состоялась встреча черногорского князя Николы и сербского короля Александра, которые договорились устранить все распри.

И все же Никола неохотно шел на сближение с Сербией. С одной стороны, в нем говорили чувства общеславянского патриотизма, ведшие к объединению всех югославян, и даже больше – всех балканских народов, а с другой – амбиции, которые не давали ему пойти на компромисс с Сербией. Никола более не был согласен, как в 1866–1867 гг., пожертвовать своим тронem и именем своей страны ради высокой цели объединения всех югославян в одно государство во главе с Сербией. Он хотел сам встать во главе будущего югославянского объединения.

Еще один визит черногорского правителя в Россию вызвал множество пересудов и практически скандал. Случилось это в конце 1901 – начале 1902 г. Как и в предыдущие визиты, черногорский князь приезжал за деньгами. В этот раз Никола просил императора уступить Черногории контрибуцию, которую России платила Турция. Князь обосновал это тем, что русских денег ему не надо, а вот турецкие он бы взял. Сумма была ошеломляющая – 3 млн руб. в год!²⁶ После этой встречи Николы с Николаем II к министру финансов пришла дочь черногорского князя Анастасия Николаевна и просила «оказать содействие». Когда же С. Ю. Витте узнал, в чем нужно «содействовать», возмущению его не было предела. Он сделал все, чтобы эта договоренность не была исполнена. Министр пошел к царю и заставил его переменить свое мнение, и решение было отменено. После этого, чтобы сгладить ситуацию, черногорская субсидия была увеличена «на несколько сот тысяч рублей». Конечно, «несколько сот тысяч» не могли сравниться с тремя миллионами,

поэтому великая княгиня Анастасия Николаевна с яростью заявила Витте: «Ну, я вам это не забуду, будете помнить...»²⁷.

Никола понимал, что «Черногория и черногорский народ всем обязаны России и ее императору», о чем писал Николаю II: «Черногория только и существует на русские деньги»²⁸. Однако денежных средств все равно не хватало. Черногорский князь брал огромные кредиты у австрийских банков, и страна постепенно погружалась в бездну экономической кабалы. Россия же не могла допустить все увеличивавшегося влияния Австро-Венгрии на экономику княжества и также давала князю кредиты на щадящих условиях²⁹. Несмотря на это, Никола пытался получать деньги не только по кредитам, о чем в своих мемуарах рассказывает граф Витте: «Князь черногорский приезжал в Россию непременно с каким-нибудь проектом, а в результате всегда имел в виду получить себе в карман несколько сот тысяч рублей. Для этого он прибегал к несоответственным приемам, делал представления о том, что нужны деньги для такого-то военного дела, чтобы содержать такую-то военную часть, все, конечно, на пользу России, на случай войны на Балканах, а в результате... большинство всех этих денег шло просто ему в карман»³⁰.

Никола не забывал постоянно благодарить Николая II, часто вспоминая и благодеяния его отца, императора Александра III. Действительно, предпоследний русский император был весьма к нему расположен. Не говоря уже о браках двух дочерей Николы с двоюродными братьями императора, в 1885 г. Александр III распорядился о выдаче черногорскому князю Николе 400 тысяч рублей на личные расходы³¹. Были также оплачены все расходы, связанные с созданием «Имущественного законника» Черногории, а сумма составляла около 160 тыс. руб. (она не учитывала последующее вознаграждение составителя этого законника В. Богишича в 1889 г.)³².

Отношение Николая II также было благожелательным – и к черногорскому князю, и к его детям. Это подтверждалось довольно частыми разовыми выдачами денег (в том числе старшему сыну Николы, престолонаследнику Даниле), о чем сохранились документы³³.

«Хочу Вам сказать, Государь, – писал Никола в конце ноября 1897 г. Николаю II, напрашиваясь на очередной визит в Россию, – пользуясь этой счастливой возможностью, что к моему великому сожалению, здесь, у нас, я чувствую себя слишком изолированным, слишком предоставленным самому себе, немного забытым и лишенным поддержки и советов, в которых я так нуждаюсь...»³⁴.

Поддержка черногорскому князю действительно была нужна. Но вот советы он любил раздавать сам, как мы видим из его переписки с русским императором³⁵. Трудно себе представить, но князь маленького, существовавшего на русские субсидии государства давал советы, как поступать, с кем заключать союз императору великой Российской империи. Было ли это следствием того, что Никола испытывал к тогда только взошедшему на престол молодому Николаю II отцовские чувства, или же пытался таким образом оказывать влияние на еще неопытного, по его мнению, императора, выставляя на первый план свою дружбу с Александром III, **сказать трудно**. Однако черногорский князь тем не менее делал Николаю II подробное изложение состояния дел на международной арене³⁶.

Следующий визит Николы Петровича в Петербург состоялся в марте 1908 г. Снова князю нужна была поддержка России в это непростое для балканских народов время. Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией вызвала возмущение и протесты всех славянских народностей на Балканах, которые готовы были развязать военные действия против двуединой монархии. Русская дипломатия советовала Сербии в связи со сложившейся напряженной ситуацией потребовать от великих держав, чтобы Австрия уступила ей часть земель около Дрины и чтобы по всей территории Черногории Австрия проложила железную дорогу до моря³⁷. Именно этот вопрос был главной причиной этой поездки в Россию черногорского князя. Он рассчитывал, что Россия сможет гарантировать выгодный для княжества исход событий, то есть чтобы дорога прошла по черногорским землям, а не от Призрена до Сан-Джованни ди Медуа. Обсуждение постройки трансбалканской железной дороги Никола вел с А. П. Извольским (1856–1919), министром иностранных дел России (1906–1910) и его помощником, специалистом по балканскому вопросу, Н. В. Чарыковым (1855–1930)³⁸.

После встреч черногорского князя с министром иностранных дел России и его помощником решение вопроса о постройке Балканско-Адриатической железной дороги заметно ускорилося. Из переписки А. П. Извольского с русскими посланниками в Белграде, Цетинье, Константинополе и Риме периода с весны 1908 по осень 1909 г. мы узнаем, что политика России в это время была направлена на сохранение мира и спокойствия на Балканах, взбудораженных аннексией Боснии и Герцеговины. Строительством Дунайско-Адриатической железной дороги предполагалось объединить балканские страны, что решало бы многие насущные проблемы. Решение этого вопроса

упиралось в турецкое правительство, препятствующее всему, «что могло бы послужить так или иначе на пользу Черногории»³⁹. Однако с Турцией удалось договориться, убедив ее в том, что это в первую очередь выгодно ей как в торговых целях, так и «в военном отношении для водворения порядка среди албанцев»⁴⁰.

В целом постройкой железной дороги на Балканах Россия преследовала цель не только обеспечения Сербии столь необходимым ей выходом к Адриатическому морю, экономическому развитию Черногории, но планировала связать балканские страны надежным дорожным сообщением для создания на основе дружественных торговых отношений политического и военного союза балканских государств⁴¹.

Как и в прошлые свои визиты, в этот раз Никола не забыл и о денежном вопросе – у брата министра иностранных дел Извольского, прокурора Священного Синода Извольского, Никола интересовался о судьбе 125 тыс. руб., которые Россия собиралась направить в Черногорию для постройки в Цетинье русской церкви. Также князь поинтересовался, когда он может направить архиепископа Кирилла для рукоположения в Россию⁴².

Из дневника черногорского правителя мы узнаем, что в его честь 28 марта 1908 г. император устроил званый ужин в Царском селе, на котором присутствовало около 100 высокопоставленных особ, все министры, в том числе и Столыпин, а также и множество военных лиц⁴³.

Еще один визит Николы в Россию, обсуждавшийся в придворных кругах, состоялся в 1911 г. Примечательно, что в этот раз черногорский правитель прибыл в Петербург уже в другом статусе – короля Черногории, который он сам себе присвоил в год празднования пятидесятилетнего юбилея своего правления. В 1910 г. Черногория была провозглашена королевством, что получило международное признание. В честь этого Николай II пожаловал Николу Петровичу-Негошу звание генерал-фельдмаршала российской императорской армии.

Новоиспеченный король приехал благодарить российского императора за пожалованное ему высокое звание и честь, оказанную лично ему и его стране. Однако отнеслись к Николу на сей раз весьма холодно. В это время в Петербурге готовились состязания офицеров и гусар в «прыгании препятствий» и других спортивных упражнениях на коне. На просмотр конных состязаний по всем правилам этикета должны были пригласить и черногорского правителя. Однако Никола не получил приглашения. Дочери короля, две российские

великие княгини Милица и Анастасия Николаевны, также не были приглашены на это мероприятие, на чем настояла лично императрица⁴⁴. Безусловно, черногорский король и его дочери посчитали это оскорблением. Такое отношение к представителям династии Петровичей-Негошей было вызвано, во-первых, неодобрением политики Николы, который тайно поддерживал албанское восстание, посылая повстанцам боеприпасы и оружие, которые Россия присылала в Черногорию для черногорской армии⁴⁵. Во-вторых, дочери Николы в это время также не были в фаворе у императорской четы.

Некогда Милица и Анастасия были очень близки с императрицей и императором⁴⁶, однако в их отношениях произошел разлад из-за Распутина, после чего недавние подруги превратились в злейших врагов⁴⁷. «Черногорки», как при дворе называли дочерей Николы, интриговали против императрицы и даже готовили фантастические планы по свержению Николая II и возведению на престол Николая III – великого князя Николая Николаевича (1856–1929), главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа и председателя Совета Государственной Обороны (с 1905 г.), мужа Анастасии Николаевны⁴⁸.

Возможно, Никола мог бы совершить поездку в Россию еще и в 1916 г., в период Первой мировой войны, когда его армия и страна находились на пороге гибели и король искал спасения за ее пределами. Он скрылся в Италии и в марте 1916 г. изъявил желание приехать в Россию, однако Николай II ему в этом отказал⁴⁹.

Отношение к Николе в России было не всегда одинаковым – оно менялось в зависимости от политической ситуации на европейской и балканской аренах, планов России и действий самого князя (короля). Так или иначе, он довольно часто бывал в России и при личных встречах с российскими императорами решал важные вопросы, касающиеся и будущего его страны, и его личного благополучия.

Черногорский правитель Никола единолично определял политику Черногории, именно от него зависело абсолютно все в этой маленькой стране, начиная от раздачи ружей солдатам и срубания новогоднего дерева до объявления войны. Именно он, по словам П. А. Ровинского, мог с полным правом сказать: «l'état c'est moi»⁵⁰.

* Государство – это я (франц.).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Ракочевић Н.* Црна Гора у првом свјетском рату. Цетиње, 1969; *Jovanović R.* Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie (1711–1918) // *Le Montenegro dans les relations internationals.* Titograd, 1984; *Писарев Ю. А.* Великие державы и Черногория в годы первой мировой войны // *Балканские исследования.* М., 1974. Вып. 1. Международные отношения на Балканах; *Он же.* Шесть десятилетий на троне. Черногорский монарх Николай Петрович-Негош // *Новая и новейшая история.* 1991. № 6; *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. М., 1993. Ч. 1–2; *Јовићевић М.* Вјенчање на црногорском двору. Цетиње, 1990; *Кудрявцева Е. П.* Королевские династии Югославии // *Новая и новейшая история.* 1995. № 3; На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997; *Бабовић-Распоповић С.* Руски утицај на културно-просвјетну политику династије Петровић-Његош // *Династија Петровић-Његош.* Подгорица, 2002. Т. II; *Војводић М.* Односи књаза Николе и владара династије Обреновић (1860–1903) // Там же; *Гуськова Е. Ю.* Романовы – Петровици: пример исторической дружбы на фоне политического прагматизма // *Династија Петровић-Његош.* Подгорица, 2002 Т. I; *Зечевић М.* Краљ Никола Петровић-Његош и Никола Пашић // *Династија Петровић-Његош.* Т. II; *Надовеза Б.* Однос српских радикала и краља Николе Петровића // Там же; *Распоповић Р.* Династије Романових и Петровића у спољнополитичком животу Црне Горе у другој половини XIX и почетком XX вијека // Там же; *Фолић М.* Краљ Никола и краљ Петар I Карађорђевић према ослобођењу Метохије и државно разграничење Црне Горе и Србије // Там же; *Боханов А.* «Черные сестры». Черногорские княгини при царском дворе // *Родина.* М., 2003. № 2, 3; *Борозан Дж.* Взгляд надежды. Основные вехи черногорско-русских отношений // *Родина.* 2006. № 1; *Никифоров К.* Единство, спаянное любовью // Там же; *Шемякин А.* Несостоявшийся переворот. Сербская эмиграция, Черногория и Россия в 1885–1887 годах // Там же; *Юхманкова Г.* Бьет – значит любит. Черногорские женщины в XIX веке // Там же; *Бычков Ю. Е.* Черногория: от прошлого к настоящему. Очерки истории Черногории. М., 2004; *Распоповић Р.* Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. Београд; Подгорица, 2005; *Кузьмичева Л.* «Сделай все, чтобы нас венчали в России...» // *Родина.* № 1. М., 2006; *Она же.* Балканские принцессы в семье европейских монархов (к вопросу о равнородности чер-

- ногорской и сербской династий) // Человек на Балканах. М., 2007; Андријашевић М. Ж., Растодер Ш. Историја Црне Горе. Подгорица, 2006; Андријашевич М. Ж., Растодер Ш. История Черногории. М.; Подгорица, 2009; Струнина Н. Г. Никола Петрович-Негош и его дочери – русские великие княгини Романовы // Черногорцы в России. М., 2011.
- 2 Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Пг., 1915. Т. 3. С. 39–40.
 - 3 Војводић М. Односи књаза Николе... С. 20.
 - 4 АВПРИ. Ф. 146 «Славянский стол». Оп. 495. Д. 9074. Вопрос о принятии на себя Императорским правительством попечения над народным образованием в Черногории, а равно и учреждения там русских больниц. 1901 г. Л. 2об.–3.
 - 5 Там же. Л. 37. (Письмо министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа министру финансов России С. Ю. Витте 28 сентября 1901 г.).
 - 6 Там же. Д. 9152. Черногория. Пособие от Русского правительства. Л. 169–173. Об установлении денежной субсидии Черногории. Извлечение из рукописи П. А. Ровинского. 1908 г. Также см. подробнее: Jovanović R. Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie... С. 15–55; Хитрова Н. Предисловие к сборнику документов «Потапов Н. М. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.». Подгорица; М., 2003. Т. I. С. 15–25; Она же. Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. I. С. 111–125; Бобовић-Распоновић С. Руски утицај на културно-просвјетну политику династије Петровић-Његош... Т. II. С. 407–412.
 - 7 Вульфсон Э. С. Черногория и черногорцы. М., 1909. С. 152; Хитрова Н. И. Россия и Черногория. Ч. I. С. 111–125.
 - 8 См. подробнее: Ровински П. А. Девојачки институт Царице Марије на Цетињу. Цетиње, 2000; Бобовић-Распоновић С. Руски утицај на културно-просвјетну политику династије Петровић-Његош... С. 407–412.
 - 9 АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9074. Л. 7–13об. (Секретная депеша посланника в Черногории д. с. с. П. Н. Власова министру иностранных дел России В. Н. Ламздорфу № 84. 7 августа 1901 г.); Горталов Н. К. Княжество Черногория и поездка казанских гимназистов в июне 1901 года. Казань, 1903. С. 9; Голицын Дм., кн. У синя моря. Путевые очерки Черногории и Далматинского побережья. СПб., 1898. С. 98; Кулаковский П. Юбилей князей Негошей в Черногории. 1696–1896 гг. М., 1896. С. 80; Россиев П. А. Гнездо орлов. М., 1914. С. 36.
 - 10 С самого начала установления русско-черногорских отношений в 1711 г. Россия стала выплачивать Черногории денежную субси-

дию в 500 руб. К 1878 г. сумма постоянной российской субсидии равнялась уже 62,5 тыс. руб., из которых, кстати, 46 тыс. отводилось черногорскому правительству и князю, 13,5 тыс. руб. – на учебные заведения под покровительством русских императора и императрицы, и 3 тыс. – на нужды церкви. С 1879 г. Россия начала помогать деньгами Цетиньскому госпиталю, выплачивая ему 2,5 тыс. руб. В 1889 г. русские субсидии возросли до 100 тыс. руб., из которых половина предназначалась двору князя Николы. В 1893 г. Александр III учредил Черногории специальную ежегодную субсидию на содержание черногорской регулярной армии в размере 82 тыс. руб. В 1897 г. Россия стала выплачивать ежегодно 20 тыс. руб. двору черногорского престолонаследника Данилы. Таким образом, расходы только на содержание черногорского двора составили 70 тыс. руб. в год. В середине 90-х гг. XIX в. Черногория получала от России более 220 тыс. руб., однако уже в 1902 г. эта цифра поднялась до 500 тыс. руб., из которых более 330 тыс. направлялись на расходы армии. С каждым годом русские субсидии все возрастали – в 1911 г. только затраты на армию составили 600 тыс. руб., а общая сумма была близка к миллиону рублей. При этом помощь России не ограничивалась только деньгами, в голодные годы Россия отправляла в Черногорию продукты питания (*Jovanović R. Les relations politiques...* С. 15–55; *Хитрова Н. Предисловие...* С. 15–25; *Она же. Россия и Черногория. Ч. 1.* С. 111–125; *Бабовић-Распоновић С. Руски утицај на културно-просветну политику династије Петровић-Његош...* С. 407–412).

- 11 *Вујовић Д. Борба Русије и Француске за утицај на спољну политику Црне Горе и кампанија против књаза Николе 1867 године // Историјски Записи. Титоград, 1964. XVII. Књ. XXI. С. 619.*
- 12 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Копии депеш в МИД С. В. Арсеньева, чрезвычайного посла и поверенного в Черногории с 29 марта 1910 г. по 7 июня 1912 г. Л. 66–67. С. В. Арсеньев – С. Д. Сазонову 21 сентября 1910 г. № 67.
Донесение К. Д. Петковича П. Н. Стремоухову от 8 мая 1869 г. // Црногорско-руски односи, 1711–1918: Документи. Подгорица; М., 1992. С. 415–416; *Искендеров П. А. Черногория в международных отношениях 1878–1903 гг. // В «пороховом погребце» Европы. 1878–1914 гг. М., 2003. С. 182–190.*
- 13 ГАРФ. Ф. 601. Д. 1309 (Письма Николая, князя Черногорского, Николаю II. На франц.яз.) Л. 4об.–5.

- 14 *Витте С. Ю.* Воспоминания в 3 т. Таллин; М., 1994. Т. 1. С. 464.
- 15 *Шкеровић Н. П.* Црна Гора на освитку ХХ вијека. Београд, 1964. С. 29.
- 16 Там же; *Распоповић Р.* Милица Николаевна Романова као дипломатски заступник Црне Горе у Русији на почетку ХХ вијека // Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. Београд; Подгорица, 2005. С. 383.
- 17 *Ротштейн Ф. А.* Предисловие к кн.: *Ламздорф В. Н.* Дневник 1891–1892. М.; Л., 1934. С. VIII.
- 18 *Војводић М.* Односи књаза Николе... С. 24.
- 19 *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория. Ч. 1. С. 147.
- 20 *Шемякин А. Л.* Никола Пашич и Россия (1883–1889 гг.) // Балканские исследования. Вып. 15. М., 1992. С. 133, 143; *Шемякин А.* Несостоявшийся переворот... С. 48–51; *Надовеза Б.* Однос српских радикала и краља Николе Петровића. С. 111–120; *Зечевић М.* Краљ Никола Петровић-Његош и Никола Пашић. С. 29–50.
- 21 *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория. Ч. 1. С. 146–149.
- 22 Там же. С. 149.
- 23 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1309. Письмо Николая, князя Черногорского, Николаю II на французском языке от 30 ноября 1897 г. Л. 1 об.
- 24 *Ламздорф В. Н.* Дневник... С. 99.
- 25 Там же. С. 100.
- 26 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 253.
- 27 Там же. С. 254.
- 28 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1309. Л. 2, 3, 7 об., 8, 8 об. и др.
- 29 *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория. Ч. 1. С. 125–132.
- 30 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 411–412.
- 31 Цит. по: *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория. Ч. 1. С. 122.
- 32 Там же.
- 33 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1309. Л. 2а – 2а об. Письмо Николая, князя Черногорского, на французском языке. 30 ноября 1897 г.
- 34 Там же. Л. 1–1об.
- 35 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1309. Письма Николая, князя Черногорского, Николаю II на французском языке 30 ноября 1897 г. – 4 февраля 1913 г.
- 36 Там же. Л. 3об.–4об. Письмо Николая, князя Черногорского, Николаю II. 30 ноября 1897 г. На французском языке.
- 37 *Ловановић Ј.* Стварање Црногорске државе и развој црногорске националности. Цетиње, 1947. С. 379.
- 38 *Никола I Петровић-Његош.* Мемоари. Београд, 2009. Д. 2. С. 422–423.
- 39 ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 48 (Телеграммы, депеши русских дипломатов по вопросу о постройке Дунайско-Адриатической железной до-

- роги. Приложена карта предполагаемой трассы дороги. 17 (30) мая 1908 г. – 25 декабря 1909 (7 января 1910 г.). Л. 36–37.
- 40 Там же. Л. 46–48 об. Деша Гофмейстера Чарыкова. Буюкдере, 17/30 Октября 1909 г. № 44.
- 41 Там же. Д. 49. Л. 12–14 об. Донесение поверенного в делах в Черногории [Николая Дьяченко. – Н. С.] министру иностранных дел [А. П. Извольскому. – Н. С.]. Цетинье, 5 ноября 1909 г. № 47.
- 42 *Никола I Петровић-Његош*. Мемоари. Д. 2. С. 425.
- 43 Там же. С. 421.
- 44 *Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 37–38.
- 45 В тайне от России Никола вел сотрудничество с албанскими военачальниками, а после активизации албанского освободительного движения активно оказывал албанским повстанцам помощь в виде оружия и боеприпасов. Ко всему прочему, большое число черногорцев вступало в вооруженные конфликты с турками, о чем докладывал русский военный агент в Черногории Н. М. Потапов (1871–1946) в российский МИД. См.: Рапорт Н. М. Потапова Е. А. Гернгросу [начальник Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) с сентября 1909 г. по февраль 1911 г. – Н. С.] о намерении Черногории развязать военный конфликт на Балканах с целью присоединения примыкающих к ней славянских земель, находящихся под властью Турции // Н. М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. М.; Подгорица, 2003. С. 423–425; Рапорт Н. М. Потапова в Главное управление Генерального штаба о намерении Черногории присоединить Северо-западную Албанию и поддержке ею албанского освободительного движения // Там же. С. 425; Рапорт Н. М. Потапова Е. А. Гернгросу о мерах по предотвращению вмешательства Черногории в события в Северной Албании // Там же. С. 437; Донесение Н. М. Потапова начальнику Генерального штаба Я. Г. Жилинскому о тайной поддержке королем Николаем албанцев против турок // Там же. С. 491–491; Телеграмма Н. М. Потапова Я. Г. Жилинскому о необходимости Черногории прекратить помощь албанцам ввиду невозможности турецко-черногорского военного конфликта // Там же. С. 492; Рапорт Н. М. Потапова о введении в боевую готовность черногорских войск на границе с Албанией // Там же. С. 493; Телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о снабжении черногорскими властями албанцев оружием и боеприпасами и угрозе турецкого посланника покинуть Цетинье // Там же. С. 494;

- Письмо Н. М. Потапова российскому министру-резиденту в Черногории С. В. Арсеньеву о снабжении черногорцами оружием восставших албанцев // Там же. С. 494–495; Ведомость оружия и патронов, выданных из черногорских складов по приказанию высланного королем 19-го марта 1911 г. в город Подгорицу // Там же. С. 496; Репорт поручика Й. Раичевича в артиллерийско-инженерную секцию Военного министерства Черногории о выдаче оружия албанцам без расписок // Там же. С. 497; Телеграмма Н. П. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о сосредоточении на черногорской границе турецких войск // Там же. С. 500; Телеграмма Н. М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о приказе короля Николая раздать оружие черногорским войникам // Там же. С. 502; и др.
- 46 ГАРФ. Ф. 669. Оп. 1. Д. 94. Л. 2. Письма императора Николая II великой княгине Милице Николаевне. 1904 г. и б/д.
- 47 См. подробнее: *Медведев С.* Николай II и его двор. М., 1917. С. 3, 9; *Данилов Ю. Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 83; *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 251; *Ден Ю.* Подлинная царица. Воспоминания близкой подруги императрицы Александры Федоровны (перевод с английского В. В. Кузнецова). СПб., 1999. С. 219–220; *Боханов А.* «Черные сестры» // Родина. М., 2003. № 2. С. 78–81.
- 48 Николай II и великие князья (Родственные письма к последнему царю). М., 1925. С. 15–16; *Платонов О. А.* Терновый венец России. М., 1996. С. 338–344, 721.
- 49 *Stanojević S.* Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. Zagreb, 1928. Knj. 3. S. 90.
- 50 *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. С. 73.

Strunina N. G.

From the History of the Russian-Montenegrin Relations:
Visits of Nikola Petrović-Njegoš to Russia

The article deals with the history of the Russian-Montenegrin relations in the reign of Nikola Petrović-Njegoš. On the base of archival documents the author studies his visits to Petersburg the result of which was a broad help to Montenegro from Russian.

Key words: *Montenegro, Nikola Petrović-Njegoš, the Romanovs, Russian-Montenegrin relations, dynasty marriages, Balkan union, Russian subsidies to Montenegro, Serbia, the Balkans.*

А. А. Ждановская
(Москва)

Образ немцев в чешской сатирической печати (80–90-е гг. XIX в.)

Статья посвящена анализу процесса формирования образов австрийских немцев и Германской империи на материалах чешского сатирического еженедельника «Хумористицке листы» конца XIX в. Раскрываются представления чехов о типичных чертах абстрактного немца, особенности конструирования образов австро-немецких политиков, показано чешское видение Германской империи и ее первых лиц.

Ключевые слова: *чешско-немецкие отношения, Австро-Венгрия, этнические стереотипы.*

Последнее двадцатилетие XIX в. – кульминационный момент для чешско-немецкого конфликта в пределах Австро-Венгрии. Катализаторами этого процесса выступили как внешние, так и внутренние факторы. Политика правительства, направленная на завоевание лояльности славянского населения империи путем принятия полумер в решении национального вопроса, на деле не удовлетворяла ни одну, ни другую сторону. Немцы считали, что чехам предоставляется чересчур много возможностей и прав, чехи же, в свою очередь, считали данные им привилегии недостаточными.

Кроме того, внутри чешского общества завершился процесс формирования национальной элиты, стремительно занимавшей лидирующие позиции во всех сферах жизни Чешских земель – политике, образовании, экономике. Это вызывало беспокойство со стороны немцев не только в Богемии, но и во всей Австрии – ведь сохранение главенствующего положения в наиболее экономически развитой провинции Цислейтании было, безусловно, в их интересах. Чешский и немецкий национализмы провоцировали развитие друг друга, и, говоря о конце века, уже невозможно выделить первотолчок этого процесса, который уже было не остановить.

Событийная сторона выбранного периода была насыщена как на уровне богемской политики, так и в общеимперском контексте. В 1879 г. чешские депутаты вернулись к активной политике в австрийском рейхсрате, покровительствуемые новым премьером Эдуардом Тааффе (1833–1895), вставшим на путь малых реформ в национальном вопросе (в числе первых было уравнение чешского и немецко-

го языков в дело- и судопроизводстве Богемии и Моравии в 1880 г. и разделение Пражского университета на чешский и немецкий в 1882 г.). Немецкий либеральный лагерь, на протяжении предыдущего десятилетия бывший проправительственной силой, при консерваторе Тааффе стал, таким образом, оппозиционным.

Немецкое национальное движение тем временем переживало бурный процесс идеологического и организационного оформления. В 1879 г. увидела свет знаменитая Линцская программа немецких либералов, в которой проводилась точка зрения о «немецком характере» австрийской части монархии. В рамках немецколиберального движения формируется националистическое течение, привлекавшее внимание общественности своими крайне правыми взглядами и резким антисемитизмом (постепенно отмежевываясь от менее радикальных соратников, националисты создадут свою партию лишь на рубеже веков).

Крайне актуализированным был вопрос о разделении Богемии на замкнутые моноэтнические округа, проект реформы о которых немецкие депутаты трижды (в 1884, 1885, 1886 гг.) безуспешно вносили на рассмотрение богемского ландтага. Последняя попытка привела к тому, что в 1886 г. они демонстративно покинули сейм. В 1889–90 гг. Вена не осталась в стороне от этого конфликта, выступив с собственным проектом разделения провинции по национальному принципу, который, впрочем, тоже не был претворен в жизнь из-за противодействия чешских политиков.

Наконец, в 1897 г. премьер-министр Казимир Бадени (1846–1909) издает указы о равноправии чешского и немецкого языков в Богемии и Моравии. Это вызвало бурю протестов с немецкой стороны, в своей радикальности дошедшей до провокаций и открытых столкновений с чехами. Эти указы были отменены двумя годами позже, но инспирированное ими воинствующее противостояние чехов и немцев было уже необратимо.

Принимая во внимание все перипетии этого конфликта, представляется интересным отследить тот отклик, который он вызывал у своих современников. Данная статья посвящена изучению формирования и особенностей образа немцев в чешском восприятии. Речь пойдет о трех аспектах этой проблемы – каким был образ типичного немца в глазах чехов, как трактовался тип австронемецкого политика того времени и, наконец, какими были представления чехов о Германской империи. Последний аспект, хотя и выходя за формально за рамки австро-венгерского пространства, все же представляется важным по-

тому, что именно с Пруссией не-немецкие народы Дунайской монархии связывали устремления как венской политики, так и австрийских немцев вообще, якобы направленные на максимально возможную германизацию центральноевропейского региона.

Источником для этого исследования стали материалы чешского политико-сатирического еженедельника «Хумористицке листы» за 1880–1890-е гг., ранее остававшиеся вне поля зрения отечественных исследователей. Разумеется, этот источник весьма специфичен в силу своей тенденциозности, склонности к глобальным обобщениям и ироничности, граничащей с сарказмом. Тем не менее ценность подобных изданий заключается в том, что они, имея обширную целевую аудиторию и будучи нацеленными на успех среди максимального количества читателей, отражают их интересы и представления об окружающей действительности. В конечном итоге это позволяет не только воссоздать стереотипы об австрийских немцах, но и сделать определенные выводы о тех, в чьих глазах эти стереотипы формировались – о самих чехах.

Образ типичного немца на страницах чешского издания. Специфика издания, позиционировавшего себя как политико-сатирический журнал, обуславливала тот факт, что значительное внимание на его страницах было уделено конкретным фигурам политической жизни того времени. Уже выкристаллизовался и абстрактный образ немецкого народа, который был наделен многими чертами, составлявшими представления о немцах в восприятии других народов Двуетидной монархии.

Во-первых, классическим упреком в адрес немецкоязычного населения было их высокое самомнение как нации и представление об особом месте среди других народов империи, в частности, славянских. Подобная трактовка казалась чешским журналистам очевидно неадекватной существующему положению дел. Это представление воплощалось в ряде гиперболизированных замечаний: «Слово “Deutsch” [“немец” – нем.] на t и ch больше, чем “Deus” [“бог” – лат.], что значит, что немец более велик, чем Бог»¹.

В русле такого представления о мнимом главенстве немцев во всем регионе рисовалась и роль немцев в Богемии. По мнению чешского издания, немецкоязычное население было уверено в собственной автохтонности и считало себя коренными обитателями Чешских земель. Любопытно, однако, что этот тезис вкладывался не только в уста немцев. Чешские журналисты считали, что в Чешских землях

сложилась ситуация, в которой немец был «господином, в лице чеха имевшем слугу», объясняя это личными качествами представителей той и другой национальности – «скромненького чеха» и «спесивого немца».

Высокомерие немцев по отношению к другим народам было, согласно трактовке чешских авторов, настолько всеобъемлющим, что иллюстрировалось с помощью каламбурных по своей сути ситуаций. Одной из таких, например, было сооружение копии Эйфелевой башни на пражском холме Петршин. В связи с этим в «Хумористических листах» появилась заметка о том, что первыми посетителями этой смотровой площадки, бесспорно, будут немцы, ведь они, как никто другой, любят смотреть на чехов свысока.

Частным проявлением этой спесивости было в первую очередь отношение немцев к собственному языку. Частота обращений к этой теме со стороны чешского издания объяснялась не столько тем, что сами немцы в националистической риторике активно прибегали к ней, сколько тем, насколько болезненным этот вопрос был для самих чехов, вынужденных постоянно контактировать с немецкоязычным населением в повседневности. Ирония подобных заметок была скорее, средством самозащиты и демонстрировала страх чехов перед заливом немецкого.

Тема языкового снобизма немцев раскрывалась при помощи нескольких шаблонов. Во-первых, это были прямые нападки на немецкий язык с традиционными упреками в его грубости. Например, на утверждение немцев о том, что их язык принадлежит к числу наиболее богатых, чешская редакция отреагировала комментарием: «Это правда в том, что касается ругательства»².

Во-вторых, в число шаблонов входили написанные от лица немцев заметки, в которых те настаивали на необходимости проникновения немецкого языка в максимальное количество сфер жизни. Это вполне увязывалось со стереотипом о немцах как агрессивных культуртреггерах. Например, одно из стихотворений было посвящено аргументации в пользу тезиса немецких политиков о том, что австрийской армии вредит незнание многими солдатами немецкого языка. Его автор, как бы будучи на стороне немцев, доказывал, что именно «с помощью немецкого языка войско станет самым великим в мире»³.

В-третьих, на страницах «Хумористических листов» осмеивался и лингвистический потенциал самих носителей немецкого языка: «“Strč prst skrz krk” – это якобы тяжело для немецкого язычка. Ему

легко просунуть через горло лишь чешский хлебушек»⁴ (известная скороговорка «*Strč prst skrz krk*», в которой нет ни одного гласного, дословно переводится как «Просунь палец через горло»). Стоит отметить, что авторам «Хумористических листов» вообще была свойственна гордость за свой язык по сравнению с немецким. Так, попытки немецкого печатного органа сравнить благозвучность двух языков встретили незамедлительный отпор чешских авторов: «*Neue Freie Presse*⁵, называя чешский язык грубым, обнаруживает плохой слух: вспоминается пес, который воем критикует музыку»⁶.

К типичным личным качествам немцев, вытекавшим из их заносчивости и завышенной самооценки, чешские авторы причисляли наглость и дерзость. Показательно, что тем же качеством немецкие авторы наделяли и чехов. Разница была лишь в том, что чешская наглость казалось чрезвычайной для того незначительного положения, которое они занимали в империи. Дерзость немцев в понимании чешских авторов происходила именно от той безнаказанно главенствующей роли, которую они пытались играть по отношению к своим соседям, несмотря на изменившиеся коренным образом условия.

Наконец, к числу типичных черт немцев в изображении чешских авторов причислялась их ненависть к самим чехам, которая изображалась, как правило, в довольно мрачных тонах. Писалось, например, что немцы «с радостью поспособствовали бы тому, чтобы все чехи оказались на кладбище»⁷.

Столь же активно обыгрывалась лояльность австрийских немцев к Германской империи. Здесь заметим лишь, что австрийским и особенно богемским немцам ориентация на Германию приписывалась почти по умолчанию. Примером этому может служить такой отрывок: «Слыхал, что брненские немцы якобы не могут смотреть в глаза тамошним чехам? – Ничего удивительного – ведь их глаза косят. В сторону Берлина»⁸.

Типичный образ немцев дополнялся еще одной характерной чертой, связанной с их поведением в повседневности. Речь идет о любви немцев к выпивке. В изображении чешских авторов она приписывалась не только абстрактному Михелу – «закаленному пьянчуге», но и конкретным политикам. Например, одна из заметок «Хумористических листов» была написана в адрес Франца Шмейкала⁹ от лица немецких студентов, которых в вопросе о разделении Богемии на чешскую и немецкую части заботило лишь то, будет ли на немецкой части достаточно пивоварен.

В целом материалы «Хумористических листов» могли создать у их читателей впечатление, будто существование немцев было единственной проблемой чехов, жизнь которых в противном случае была бы совсем безоблачной. Иллюстрируют это, например, такие заметки: «Немцы угрожают, что покинут имперский совет. Боже, только бы! Потом покинут еще и Чехию... и мы будем словно в раю!»¹⁰.

Фигуры политиков как способ персонификации немецкой нации. Как уже было сказано, основное внимание «Хумористических листов» уделялось не абстрактному образу «немца», а отдельным представителям этого народа, причем практически исключительно политикам. Ситуация вокруг немецкой оппозиции была представлена чрезвычайно большим количеством статей, заметок и каламбуров. Однако сразу необходима оговорка: подход авторов к этой теме был достаточно единообразен, поскольку один раз сформулированные претензии повторялись из года в год.

Оппозиционное крыло политического спектра занимали немецкие депутаты из четырех клубов: клуба объединенных прогрессистов, клуба немецких либералов, венской демократической немецкой партии и пангерманистов¹¹. Отметим ряд общих тенденций в характеристике деятельности оппозиции. Во-первых, несмотря на то, что в действительности ее составляли несколько клубов, этот факт никак не отражался в восприятии авторов журнала: как правило, речь шла о «левых», «немецкой оппозиции», «приверженцах Хербста¹²» («Herbstovci/Herbst'áky»), «конституционалистах» («ústaváci»). Последнее название связано с либеральной Декабрьской конституцией 1867 г., поддержанной немецкими политиками. Позиция этого лагеря персонифицировалась с помощью образов ряда наиболее одиозных политиков. Любые их высказывания, как правило, вызывали бурю претензий и ироничных, граничащих с саркастичными, замечаний. Наконец, в-третьих, оценка оппозиционеров строго однополярна – разумеется, со знаком «минус». Здесь сыграла роль очевидная неприязнь к немецкому либеральному лагерю как символу неудач чехов на поприще отстаивания их прав в минувшем десятилетии.

На протяжении четырнадцатилетнего правления кабинета Тааффе описание деятельности немецкого лагеря претерпело изменения. Они напрямую связаны с переменами в отношении к политическим позициям самих чехов. В начале периода, в 1879 г., журналисты «Хумористических листов» были окрылены возвращением чешских политиков в рейхсрат и теми перспективами, которые открывались

в связи с их возвращением в австрийский парламент. Этот подъем заставлял скептически оценивать шансы немецкой оппозиции на успех. Их программа получала множество псевдопохвал, которые, однако, мгновенно разбивались о констатацию того факта, что, кроме написания программ, их лидеры ни на что не были способны. По результатам выборов появляются такие эпиграммы: «Каждый летит, как может: конституционалисты – из кожи вон, а мы, народ упрямый – на крыльях надежды к небу»¹³.

Однако с течением времени и развитием событий, которое отнюдь не отвечало первоначальным представлениям чехов о собственных возможностях, именно немецкая оппозиция начинает изображаться как всесильный серый кардинал австрийской политики. Несмотря на то что во множестве заметок прекрасно видна ирония по отношению к «мощным, пышным, могучим левым», их влияние было серьезным поводом для беспокойства со стороны чехов.

Чешских авторов отличало значительное внимание к представителям немецкой оппозиции. Различные формы ее деятельности, как, в частности, съезды (партайтаги) и выступления лидеров неизменно становились информационным поводом к созданию большого количества заметок. Они довольно однотипны, поэтому приведем в качестве примера материалы, появившиеся по следам первого значительного мероприятия немецких политиков после формирования нового правительства.

Речь идет о принятии в августе 1879 г. так называемой «Линцской программы», направленной на охрану интересов австрийских немцев. Она была подписана 77 депутатами – представителями объединенных прогрессистов и немецких либералов. Ежедневник не преминул отреагировать на ее публикацию так: «Программа собрания конституционалистов в Линце еще не совсем готова, поэтому позволим себе предложить господам добавить в нее еще несколько пунктов: 1. Компромисс невозможен. Выступает д-р Раудниц. 2. О топтании конституционной партии на месте. Разбирает д-р Хербст. 3. Кто в текущей ситуации останется с носом? Рассказывает Игнац Куранда¹⁴. 4. О способах поддержать приверженцев конституции. В отсутствие Адольфа Ауэрсперга¹⁵ – его повар»¹⁶. Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что отзывы об этом собрании не состояли лишь из передергивания требований либералов. В одном из стихотворений резонно замечается, что линцской резолюцией довольны все: «с ее формой и содержанием согласны все критики, а, значит, и мы».

Деятельность оппозиционного лагеря, как правило, описывалась в презрительном ключе с акцентами, во-первых, на бессмысленность их акций, во-вторых, на непоследовательность действий и решений, принимавшихся конституционалистами. Авторы «Хумористических листов» много внимания уделяли собраниям немецких депутатов – партайтагам. Характерная иллюстрация подчеркнута презрительного отношения к ним содержится, например, в заметке, рассказывающей о школьном уроке. На вопрос учителя биологии о горохе один из учеников отвечает, что «на партайтагах конституционалисты швыряют его об стену»¹⁷. Другой пример также свидетельствовал о бессмысленности самого существования либерального крыла и заключался в каламбуре: «Говорят, немецкие адвокаты будут защищать конституционалистов бесплатно. И зря»¹⁸ (игра однокоренных слов «zadarmo» («бесплатно») и «nadarmo» («зря»).

Отличительной особенностью политических противников в изображении чешских авторов была заносчивость и нежелание хотя бы частично уступить требованиям чехов. Так, на вопрос: «Что хотели бы сохранить за собой конституционалисты, примирившись с нами?», автор одной из заметок дал лаконичный ответ – «Всё». Отношение немцев к правам чешскоязычного населения характеризовалось, например, таким замечанием: «Конституционалисты охотно уравниваются с нами, если им дадут права, а нам за это – обязанности»¹⁹. Не вызывала доверия и необязательность немецких депутатов: «Как депутаты от конституционной партии могут держать речи, когда не держат даже своего слова?»²⁰.

Образ оппозиции не ограничивался изображением абстрактной группы политиков. На страницах чешского журнала она получала персонификацию в фигурах наиболее одиозных немецких политиков. Надо сказать, что в этот круг входило достаточно большое число людей, что, конечно, отражалось на содержательности материалов, посвященных им.

Их также можно разделить на две группы. Первая связана с началом рассматриваемого периода – приблизительно первым пятилетием после 1879 г., когда основной накал политических страстей был сосредоточен в венском парламенте. Этот период в восприятии чешских журналистов связан с двумя немецкими политиками – Эдуардом Хербстом и Георгом Шёнерером²¹, лидерами немецкобогемских либералов и националистов соответственно.

Нельзя сказать, чтобы эти две фигуры были прописаны очень подробно. Показателен, однако, сам факт того, что в восприятии

чешских авторов все возможные грехи оппозиции относились именно на их счет. Разумеется, им обоим приписывались такие черты, как презрение к чехам, высокое самомнение как представителей более достойного народа и прочие черты, на которых нет необходимости заострять внимание ввиду их очевидности.

Впрочем, несмотря на принадлежность к одному лагерю, в изображении журналистов оппозиционные деятели мало ориентировались друг на друга и даже презирали один другого. Примером этому служит, в частности, следующая зарисовка: «Шёнерер пришел как-то к Хербсту. После долгой болтовни Шёнерер спросил: “Я вам мешаю, доктор?” – На что Хербст ответил: “Совсем нет. Я вас не слушаю”»²².

С течением времени и развитием событий, в ходе которых эпицентр политической жизни для чехов переместился в богемский сейм, изменились и ключевые фигуры немецкой политики в восприятии чешских авторов. Ими стали такие политики немецкобогемского происхождения, как Эрнст Пленэр²³, Франц Шмейкал, Альфред Кнотц²⁴ и некоторые другие. Они становились героями большого количества заметок, связанных с ситуацией в земском сейме, а позднее – с Пунктациями. Эти материалы, впрочем, не содержат почти никакой информации о том, что они в действительности представляли собой – создаваемый образ должен был лишь придать определенное лицо соответствующей политической группировке.

Из вышеперечисленных политиков именно Эрнст Пленэр воспринимался чешскими авторами как наиболее влиятельная фигура. О нем прямо писалось, что он был своего рода преемником Эдуарда Хербста. Надо отметить, что интерес к нему не ограничивался лишь политической деятельностью. Например, значительный интерес вызвала его женитьба на венгерке в 1886 г. Это событие стало поводом для неоднократных упреков в предательстве интересов нации. Этот пример наглядно демонстрирует, что журналисты «Хумористических листов» сводили к национальным вопросам даже те темы, которые напрямую к ним не относились.

Агрессия в адрес оппозиционного лагеря отнюдь не являлась загадкой ни для современников, ни для исследователей. В первую очередь чехов пугала возможность развития великогерманского варианта решения немецкой проблемы, то есть объединение областей, населенных немецкоязычным населением, в одно государство. Превосходство, с которым немцы вышли из борьбы за языковое равноправие, оценивалось еженедельником как успех немцев в борьбе с

ненемецкими народами в принципе. Страхи чехов подогревались и тем, что к тому времени уже очевидно оформились союзнические отношения Австро-Венгрии с Германской империей. Чехи опасались, что идея создания великонемецкого государства, витавшая в воздухе еще в 1848 г., рано или поздно воплотится, особенно если не чинить препятствий на пути германизации регионов, населенных славянами. Весьма характерна такая заметка: «“Устремления верных конституции депутатов направлены на единство империи”», – сообщил Хаснер²⁵ в верхней палате. Какой именно империи, у нас понимает каждое дитя»²⁶. Одна из карикатур изображала Германский союз в образе кукушки, оставившей птенцов-конституционалистов в гнезде Австрии, которая теперь должна подкармливать их немецкими школами и учреждениями.

Разумеется, «прусофилия» была отличительной чертой образов отдельных политиков. Их деятельность была тем более неприятна чехам, что зачастую ориентировалась на Германскую империю. Так, одна из множества карикатур на Хербста изображает его демонстрирующим невиданное для человека умение одновременно смотреть в противоположные стороны – на Берлин и Вену.

Образ Германской империи. Разумеется, символом, главным действующим лицом и воплощением немецкой политики в глазах чехов был канцлер Отто фон Бисмарк (1815–1898). Император Вильгельм (1797–1888), также сравнительно частый образ в заметках журнала, все же меркнет в сравнении со своим президент-министром. В связи с этим сразу следует сделать оговорку: слова «Бисмарк», «Пруссия» и «Германия» зачастую использовались авторами на правах синонимов. Другая тенденция обращения к этой теме – старательное выискивание недостатков и промахов политики недавно объединенного государства.

Первый аспект, в котором на страницах журнала поднимается тема Германии – это события ее внутренней жизни. Авторы «Хумористических листов» критиковали либерализм политики Бисмарка, считая его показным, поскольку, несмотря на провозглашенные конституцией 1871 г. свободы, канцлер добился сначала снижения авторитета и влияния католической церкви, а затем обратил свой взор в сторону социал-демократии. Избирательность немецкого либерализма вызывала недоумение журналистов: «Сначала “либерально” взялись за католиков, потом заперли социальных “безбожников”, теперь каждый немец должен взяться за евреев. Да, на либерализм не у каждого есть патент!»²⁷.

Германская империя предстает читателю государством, где абсолютно все события, включая повседневные, происходят под контролем Берлина, императора и канцлера лично. Очень любопытной иллюстрацией этого тезиса служит такая аллюзия: «Польский еврей, дав сыну два крейцера, сказал: “Купи что хочешь, но если это будет не булочка, получишь подзатыльник”». Это анекдот. А правда такова, что император Вильгельм сказал: “Вы, немцы, полностью свободны. Но если будете делать что-то помимо того, что хочу я, мигом окажетесь за решеткой”»²⁸.

В соответствии с таким же подходом описывалась и манера Бисмарка контролировать жизнь страны. Бисмарк неоднократно назывался режиссером, причем как «ломающим комедию» на политических подмостках, так и диктующим свою волю всему своему окружению – политическим марионеткам. Тема театра поднималась и в том смысле, что деятельность этого крупнейшего немецкого политика постоянно происходила за кулисами.

Намек на излишнюю бюрократичность аппарата канцлера, а также на недовольство населения проводимым им курсом просматривается в следующем замечании: «У Бисмарка есть бумажная фабрика, приносящая ему большой доход. Это неудивительно, если учесть, сколько бумаги там уходит на жалобы, приказы и заказы»²⁹.

Впрочем, несмотря на объективно активную включенность Бисмарка в вопросы внутренней политики, для авторов журнала он, прежде всего, дипломат и игрок на европейской сцене. Однако и эта деятельность, по мнению чехов, не намного продуктивнее: «Бисмарк якобы не может заняться внутренними делами Пруссии, так как занят удержанием европейского мира. Хотя миру было бы лучше, если бы он в него не вмешивался»³⁰.

Рассматриваемый нами период – первая фаза формирования Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии. Началом сближения центральных держав был союз Германии и Австро-Венгрии. Несмотря на то что он был подписан тайно, активность канцлера в этой области не осталась незамеченной. Внешним проявлением сближения стали визиты сначала Бисмарка, а затем и Вильгельма в Австро-Венгрию. В номерах осени 1879 г., описывая посещение Бисмарком Вены, авторы выражают опасения, что корыстный политик запросит слишком большие «суточные» за благоволение к Австрии. В качестве цели визита называется «последнее благословение лучшему дружку Андраши»³¹»³².

Это заявление, будучи рядовой шпилькой в адрес австрийского министра иностранных дел, поддерживавшего ориентацию на

Германию, прозорливее, чем кажется на первый взгляд. Бисмарк действительно спешил с подписанием договора, пока Андраши, состояние здоровья которого сильно ухудшилось к концу 70-х гг., еще был на посту и мог оказать поддержку немецкому канцлеру³³. Сами переговоры карикатуристы «Хумористических листов» изобразили в виде сцен из пьесы «Дон Жуан», где Бисмарк сначала клянется даме – Австрии – в сильных чувствах, а затем, превратившись из главного героя в Сарастро, отказывается дать ей свободу, хотя и не принуждает к любви.

Договор Германии и Австро-Венгрии был скорее превентивной мерой Бисмарка против роста русского влияния в регионе и не был проявлением стремления канцлера к созданию «великой Германии»³⁴. Но, разумеется, для чехов слухи о заключенном союзе могли быть интерпретированы единственно возможным образом – в духе нависающей над славянским населением опасности поглощения германским началом. В стихотворении «Молитва Яну Непомуцкому»³⁵ есть такая строка: «избавь нас от стыда на весь мир – союза с Германией»³⁶. Известие о том, что мостовые в Берлине будут замощены камнем, привезенным из Богемии, интерпретируется ожидаемо: это якобы сделано, во-первых, потому, что немец всегда рад потоптаться по чему-то чешскому, во-вторых, для того, чтобы пруссы, когда придут в Богемию, чувствовали себя как дома³⁷. Страх перед подобным развитием событий отражается и в работах карикатуристов. Так, блестящая по изобретательности карикатура-аллюзия на библейский сюжет о рождении Христа помещена в первом номере за 1881 г.: младенец «Великая Германия», получающий от волхвов – деятелей оппозиции (Шмерлинга, Хербста и Штурма) дары – Богемию, Моравию и Силезию.

Германия как союзник не вызывала у чешских журналистов особенного оптимизма: «Бисмарк нынче полон доброты по отношению к Австрии, уже кует план славного единства. В час войны хочет соединить две армии, чтобы из-за нашей спины как следует “воевать”»³⁸. Эти опасения хорошо иллюстрирует карикатура, на которой Бисмарк прячется от русского всадника за юбкой Австрии.

Интересен сам имидж Бисмарка. Мельчайшие детали его повседневной жизни, от простуды до появления у канцлера нового пса, становятся достоянием читателей «Хумористических листов». Авторы не упускают возможности апеллировать даже к изъянам внешности Бисмарка, в первую очередь к его лысине, которая стала причиной появления прозвища «trojchlup», переводимого как «трехволосый».

Кроме того, проблемы со здоровьем, о чем свидетельствовал нездоровый румянец, позволяли журналистам выстроить схему, использующую игру слов «*gůž*» («румянец») и «*gůže*» (роза). Гипотеза заключалась в том, что у этой «розы», то есть Бисмарка, как и у всякой другой, есть шипы, и одним из таких «шипов» оказалось охлаждение отношений канцлера с либеральным лагерем. Другим вариантом объяснения нездорового цвета лица канцлера было то, что за него якобы стыдится матушка-природа.

Отдельный набор сюжетов посвящен даже собаке Бисмарка по кличке Тирас. Конечно, и в этом случае не обошлось без очередной игры слов: звательная форма клички пса («*Tyrase!*») – омофон обращения «*ty, rase!*» («Ты, живодеp!»). Это совпадение послужило почвой для целого ряда издевательских заметок: «“*Tyrase!*” – крикнул социал-демократ псу Бисмарка, который вертелся вокруг ног хозяина. На эти слова обернулся Бисмарк. О чем это он подумал?»³⁹.

Обобщая исследованный материал, следует сделать ряд выводов. Для чешской сатиры были характерны значительное внимание к «политическому лицу» другого народа и акцент на черты, свойственные всем его представителям в целом. Что касается последних, то они в отображении сатирической печати заключаются, как правило, в самомнении немцев, их неоправданно завышенной самооценке.

Иной подход наблюдается в описании деятельности немецких политиков. Планы и намерения немцев вызывали исключительный и неизбывный интерес журналистов «Хумористических листов». Очевидна и необычайная персонифицированность этой темы, а также тот факт, что авторы журнала затрагивали мельчайшие детали личной жизни лидеров как немецкой оппозиции внутри Австрии, так и Германии.

Говоря о создании образов конкретных политиков, стоит заметить, что их восприятие и трактовка менялись на протяжении рассматриваемого периода – как с точки зрения отношения к непосредственной деятельности, так и с точки зрения основных фигур, функционировавших на политической сцене. Если в конце 1870-х – начале 1880-х гг. это были представители «большой» венской политики, то впоследствии центр тяжести сместился в сторону региональных проблем Богемии и, соответственно, фигур, представлявших немцев в земском сейме.

Однако на фоне забавных каламбуров и любопытных анекдотов больше, чем когда-либо, просматриваются подчас граничащие со страхом опасения того, что рано или поздно немецкое население

Центральной Европы создаст государство, в котором и рядом с которым уже не будет места славянам. Сам пангерманизм не был столь массовым, сколь велик был страх перед ним. В свете этого ирония и сарказм предстают скорее способом защиты, попыткой не признать действительно существующие фобии.

Наконец, рассмотрение темы Германской империи наталкивает на вывод о двух пространствах, в сфере которых формировались отношения между чехами и австрийскими немцами. В рамках империи они, безусловно, противостояли друг другу, и порой складывается ощущение, что врага злее, чем Австрия с ее немецким элементом, для чехов не существовало. С другой стороны, когда речь шла об общеевропейских реалиях, в чехах пробуждался австрийский патриотизм, заставлявший сожалеть о неравных позициях Бисмарка и Андраши, небезопасном союзе Австро-Венгрии с Германией, когда интересы или престиж Австрии оказывались под угрозой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Humoristické Listy. Ročník 22. Č. 27. S. 211.
- 2 Ibid.
- 3 Ibid. Ročník 27. Č. 2. S. 13.
- 4 Ibid. Ročník 22. Č. 4. S. 28.
- 5 Австрийский печатный орган, издававшийся в Вене с 1864 г. Газета пользовалась особенной популярностью среди либеральной общественности Цислейтании и потому воспринималась как своего рода рупор соответствующих идей.
- 6 Ibid. Ročník 23. Č. 4. S. 27.
- 7 Ibid. Ročník 31. Č. 7. S. 54.
- 8 Ibid. Č. 26. S. 3.
- 9 Шмейкал Франц (1826–1894) – один из крупнейших немецкобогемских политиков последней четверти XIX века, депутат богемского сейма, бессменный глава Немецкого клуба в Праге.
- 10 Humoristické Listy. Ročník 31. Č. 50. S. 461.
- 11 *Tobolka Z. Politickédějiny Československého národa od r. 1848 až do dnešního doby. Díl III. 1879–1914. Část 1. Období národní (staročeské) strany. Praha, 1934. S. 16.*
- 12 Хербст Эдуард (1820–1892) – юрист, политик, депутат австрийского рейхсрата от богемского сейма, один из лидеров либерального течения и активный защитник интересов богемских немцев.

- 13 Humoristické Listy. Ročník 21. Č. 28. S. 3.
- 14 Куранда Игнац (1811–1884) – австрийский публицист, политик, основатель ряда печатных органов либерального толка («Die Grenzboten», «Ostdeutsche Post»).
- 15 Ауэрсберг Адольф (1821–1885) – австрийский политик, премьер-министр Цислейтании в 1871–1879 гг., традиционно называемых «эрой либерализма».
- 16 Humoristické Listy. Ročník 21. Č. 35. S. 3.
- 17 Ibid. Ročník 23. Č. 1. S. 2.
- 18 Ibid. Č. 39. S. 3.
- 19 Ibid. Č. 37. S. 3.
- 20 Ibid. Č. 23. S. 3.
- 21 Шёнерер Георг фон (1842–1921) – лидер австронемецкого националистического движения, для которого были характерны крайне правые позиции и открытый антисемитизм. С именем Шёнерера и его сторонников связаны многие провокационные акции и открытые конфликты немецкой и чешской общин в Богемии.
- 22 Humoristické Listy. Ročník 24. Č. 1. S. 2.
- 23 Пленэр Эрнст фон (1841–1923) – австрийский политик богемского происхождения, депутат рейхсрата от Богемии, один из лидеров немецкобогемской политики в последней трети XIX в.
- 24 Кнотц Альфред (1844–1906) – юрист, депутат богемского сейма и рейхсрата.
- 25 Хаснер Леопольд (1818–1891) – австрийский политик богемского происхождения, депутат богемского сейма и австрийского парламента.
- 26 Humoristické Listy. Ročník 22. Č. 22. S. 171.
- 27 Ibid. Ročník 23. Č. 9. S. 3.
- 28 Ibid. Ročník 24. Č. 2. S. 3.
- 29 Ibid. Ročník 22. Č. 41. S. 3.
- 30 Ibid. Ročník 24. Č. 12. S. 3.
- 31 Андраши Дюла (1823–1890) – венгерский политик, премьер-министр Транслейтании в 1867–1871 гг. и министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1871–1879 гг.
- 32 Humoristické Listy. Ročník 21. Č. 38. Str. 3.
- 33 *Bauer F. Bismarck v mezinárodní politice po prusko-francouzské válce (1871–1890). Praha, 2001. S. 58.*
- 34 Ibid. S. 57.
- 35 Ян Непомуцкий – чешский святой, мученик, считающийся одним из покровителей Чешских земель.

- 36 Humoristické Listy. Ročník 22. Č. 20. S. 3.
37 Ibid. Ročník 23. Č. 6. S. 3.
38 Ibid. Ročník 21. Č. 42. S. 3.
39 Ibid. Ročník 23. Č. 41. S. 3.

Zhdanovskaya A. A.

The Image of Germans in the Czech Satirical Publications
(1880s–90s)

The article deals with the analyses of the process of shaping of the images of Austrian Germans and the German Empire on the base of materials of the Czech satirical weekly «Humoristické Listy» of the end of the 19th cent. The author describes how did Czechs perceive a typical German, how were images of Austrian-German politicians constructed, what was the concept of the German Empire and its first persons from common Czech point of view.

Key words: *Czech-German relations, Austria-Hungary, ethnic stereotypes.*

Л. П. Лантева
(Москва)

Г. А. Ильинский о славянофильстве

В статье характеризуются взгляды слависта Г. А. Ильинского на славянофильство как, с одной стороны, на течение общественной мысли, отражающее симпатии к славянским народам, так, с другой стороны, на теорию национально-этнической исключительности. Сопоставляются позиции западников и славянофилов.

Ключевые слова: *Ильинский, славянофильство, западничество, славянские народы, Хомяков, Аксаковы, Ламанский, Данилевский.*

В конце XIX – первой четверти XX в. русское славяноведение достигло больших успехов. Изучение «славянского мира» уже охватывало все сферы жизни славянских народов. Оно внесло существенный вклад в науку, в процесс превращения ее из узко филологического предмета исследования и преподавания в целый комплекс дисциплин о славянах. Русские ученые отличались от других славянских исследователей тем, что обладали универсальными знаниями славянства. Если ученые славянских стран сосредотачивали свое внимание на национальных ценностях, чтобы повысить свой культурный престиж в среде европейских народов, который был весьма не высоким ввиду особенностей их многовекового исторического существования (все славянские народы долго находились под господством других народов, которые не заботились о развитии национальных культур подчиненных им этникумов), то русские ученые интересовались всем славянством, так как перед ними не стояла задача защиты своей культуры от посягательства со стороны других, ибо в национальном отношении они были свободны. Кроме того, универсализму русских славистов способствовала система воспитания кадров в области славяноведения. Каждый, желавший стать профессором этой дисциплины, проходил серьезную подготовку не только в русских университетах и на отечественной источниковой базе, но и обязан был усвоить европейские достижения в области славяноведения. Средством для выполнения этой задачи являлись научные командировки за границу за счет государства и на срок от двух до пяти лет. Слависты начинали свои штудии в университетах Германии, где посещали лекции знаменитых лингвистов и историков, философов,

историков права и т. д., работали в библиотеках и архивах с документами и памятниками письменности, консультировались со специалистами. Получив теоретическую и методическую подготовку, они ехали в славянские земли, где и проводили большую часть своего командировочного времени, изучая на месте славянские языки, культуру, этнографию, археологию и т. д. В отличие от зарубежных славянских ученых, и не только славянских, русские получали все из первых рук. Славянские коллеги путешествовать не любили: редко кто из них владел русским языком, в России с ученой целью бывали единицы, страны не знали. Среди русских славистов было много лиц универсального образования, отличных знатоков всех сторон духовной и материальной жизни славян в прошлом и настоящем.

К таким универсалам принадлежал и Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937). Он внес весомый вклад во многие области славяноведения. Более 500 работ, которые он опубликовал, посвящены изучению славянских языков, памятников и истории славянской письменности, сравнительной и исторической грамматике и многим другим филологическим, историографическим и археографическим проблемам.

Творчество Г. А. Ильинского изучено еще недостаточно. В настоящей статье речь пойдет лишь об одной его стороне – о работах, касающихся славянофильства.

Г. А. Ильинский родился в Петербурге 11 марта 1876 г. Окончил Петербургскую гимназию и в 1898 г. – словесное отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. Славистическую подготовку проходил под руководством академика В. И. Ламанского, которого считал своим учителем. Под влиянием курсов лекций и работ С. К. Булича и А. И. Соболевского увлекся лингвистическими дисциплинами, и выпускное сочинение его на тему «Орбельская Триодь» было награждено золотой медалью. Г. А. Ильинский усвоил лингвистические взгляды того времени, перевел на русский язык значительную часть книги Б. Дельбрюка «Введение в изучение языка», списал «для себя» несколько древнейших рукописей, хранившихся в библиотеках Петербурга. Большой интерес Ильинский проявлял к культуре славян. После окончания университета он был оставлен для подготовки к профессорскому званию на кафедре славянской филологии, которую в то время возглавлял В. И. Ламанский. Выдержав магистерский экзамен, Ильинский был командирован за границу для усовершенствования в науках, где «ревностно и успешно занимался в избранной специальности»¹ с 1 мая 1901 г. по 1 мая 1903 г. К этому времени он уже напечатал значительное число работ. В основном это

были статьи, касающиеся лингвистических вопросов, таких как «Из истории славянского аориста» или «Происхождение частицы *зи* в болгарском и сербском языках» и ряд других. Кроме специально лингвистических работ Ильинский публикует рецензии и заметки о различных славянских изданиях. Наряду с информационными статьями он высказывает свое мнение о проблемах, которые характеризуют его общественные взгляды и убеждения.

В начале XX в. в русских журналах «славянского направления» («Славянское обозрение», «Славянский век» и некоторые др.) активно обсуждался вопрос о славянофильстве. Это течение русской общественной мысли, активное в 40–50-х гг. XIX в., к концу столетия уже стало анахронизмом в том варианте, в каком оно было сформулировано его родоначальниками. Исчезнув из серьезных научных исследований о славянах, оно продолжало существовать в измененном виде и в разных вариантах. В начале XX в. в русской литературе проходила уже историческая оценка славянофильства, разбиралась его сущность и значение для русской интеллектуальной жизни XIX в., и определялось место самой славянофильской доктрины в настоящем и будущем.

Являясь учеником известного славянофила В. И. Ламанского, Г. А. Ильинский придерживался совершенно противоположных взглядов на славянофильство, чем его учитель. Признавая утопичность идей ранних славянофилов, фантастичность и политическую ангажированность их последователей, Ильинский находил плодотворными некоторые мысли классиков славянофильства для умственного развития русского общества XIX в. и отмечал положительную роль отдельных славянофильски мыслящих деятелей в период реформ в России в 60-е гг. XIX в. Вместе с тем, признавая прогрессивность взглядов западников, Ильинский указывал на их односторонность и непригодность для русских национальных условий. Таким образом, в работах ученого, посвященных анализу славянофильства, содержится объективная оценка этого явления. Он высказался на эту тему в нескольких работах. В 1901 г. в журнале «Славянский век», выходившем в Вене на русском языке, он опубликовал статью «Что такое истинное славянофильство?»². Начиная свои рассуждения о славянофильстве, Ильинский констатирует, что это явление самобытное, оригинальное и имело великое множество противоположных толкований. Одни видели в нем культ самодержавия, православия и народности, другие – веру в религиозную всеспасающую миссию русского народа, третьи – христианский социализм, четвертые – политический панславизм и т. д.³ «Такое крайнее смешение понятий славянофильства есть следствие всякого учения, стремящегося объять целый круг религиозных, социаль-

ных и других явлений», – поясняет автор. Далее он делает экскурс в историю возникновения этого течения и констатирует, что в начале 1840-х гг. в русской общественной мысли оформились два направления, которые по-разному отвечали на вопросы о том, в каком отношении русская культура должна находиться к западноевропейской и как следует понимать отношение русского народа к государству⁴. Одна из партий утверждала, что русская культура должна в своем развитии идти самостоятельным, независимым от западной цивилизации путем, но саму русскую культуру отождествляла с началами и устремлениями русского государственного устройства. Но так как современная ей государственная власть определяла эти начала как православие, самодержавие и народность, то эта партия «самобытности» в глазах общества приобрела консервативный и даже реакционный оттенок, так как сторонники этого направления враждебно относились ко всяким западноевропейским и русским течениям, которые иначе понимали отношения между государством и народом. Другое направление общественной мысли, получившее наименование западников, отрицательно относилось к основам государственного быта того времени, освящавшим произвол бюрократии, крепостное право, религиозное фарисейство, полное рабство печатного слова и т. д. Оно требовало коренных реформ тогдашнего русского быта, но не хотело признавать самобытности русской собирательной народной личности, отождествляя ее с простым невежеством. Западническое направление видело в русском народе абсолютную культурную *tabula rasa* и доказывало необходимость усвоения западноевропейской цивилизации, которая, по мнению представителей этого направления, была верна гуманистическим идеалам «добра, истины и красоты». Более того, некоторые западники, которых Ильинский определяет как «либеральных космополитов», доходили до крайностей, доказывая, что варварская Россия только тогда приблизится к идеалу европейского государства, когда воспримет католицизм. Комментируя эти рассуждения западников (Чаадаева, Белинского и др.), Ильинский говорит, что «проповедуя подобные чудовищные нелепости, либеральные космополиты не замечали громадной непоследовательности своих возвышенных стремлений. Ведь по существу они стремились не к полному уничтожению рабства, а к замене одного его вида – социально-политического другим – национально-культурным»⁵. От этой логической ошибки были вполне свободны славянофилы, продолжает автор статьи. И далее пишет, что только они могут называться истинными гуманистами, так как мечтали об эмансипации русского народа не только от помещичьей или бюрократической опеки, но и от опеки западноевропейской цивилизации.

В противоположность западникам они не считали, что гуманизм принадлежит только Западу, но доказывали, что славянское племя всегда было, есть и будет носителем человечности. Затем Ильинский констатирует, что в понимании этого тезиса славянофилы иногда доходили до крайностей типа утверждения, что славянство призвано обновить и освежить дряхлеющий западноевропейский мир.

Но основным требованием учения славянофилов была необходимость двоякого освобождения русской народной личности и не случайно большинство славянофилов приняли непосредственное участие в разработке и реализации реформ в России 1860-х гг.

Ильинский характеризует отдельные фазы развития славянофильства, которых насчитывает четыре. Первая фаза названа религиозно-метафизической (Хомяков, Киреевские, Аксаковы), адепты которой объявляли идеей русского народа православие, отождествляемое ими с первобытным христианством. Торжество идеи русского народа было бы, по их мнению, торжеством христианской любви и свободы. Затем славянофильство эволюционировало во вторую фазу, которую представляла так называемая «молодая редакция» «Москвитянина» (А. Григорьев, Н. И. Страхов, А. Ф. Писемский и др.). Это направление автор статьи назвал «эстетико-органическим», которое, по мнению Ильинского, являлось большим шагом вперед в сравнении с теорией московской школы, но отличалось туманностью понятий в определении качественного содержания самобытной русской культуры. Ильинский останавливается на мистицизме направления Ф. М. Достоевского (3-я фаза), под влиянием которого возникло так называемое народничество, с его стремлением учиться правде у народа, с его хождениями в народ и попытками опроститься. Четвертой фазой развития славянофильства Ильинский считает теорию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского. Закljučая свои рассуждения об эволюции славянофильства, автор статьи констатирует, что все попытки доказать права славянского племени на культурную самобытность оказались неудачными. История человечества пошла по пути заимствования одним народом у другого как отдельных форм культуры, так и целых цивилизаций. Следовательно, начала одной цивилизации передаются другой. Однако в отличие от проф. П. Н. Милюкова, которому, по мнению Ильинского, принадлежит утверждение, что славянофильство «умерло и не воскреснет более», автор статьи утверждает, что все славяне сходны по языку и основной принцип славянофильства – политическая и духовная эмансипация славянского племени от других – остается в силе⁶.

Таким образом, Ильинский считает, что славянофильство существует и в начале XX в., и формулирует его задачи еще в одной статье⁷. В ней он говорит, что наблюдается растущий интерес славянских народов друг к другу, появляются общества, союзы и съезды славистов, а лучшие славянские политические умы стремятся создать среди славянских народов «единое славянское общественное мнение»⁸. Отметив разнородность славянских народов в политическом, религиозном и экономическом отношениях, автор признает, что «конечно, абсолютно единое славянское общественное мнение невозможно, но относительное – вполне достижимо»⁹. Единство интересов славян также выражается, по мнению Ильинского, в культурном и политическом состязании славянства с германством. Бескровный характер этого состязания не мешает ему оставаться в сущности более отчаянным, чем, например, русско-японская война для России. Каков бы ни был ее результат, ни государственное, ни национальное существование страны не ставится на карту. Славянский вопрос есть вопрос национального «быть или не быть» для некоторых славянских народностей, например, чехов и словенцев. Для России его отрицательное решение означало бы полнейшую ликвидацию некоторых главнейших ее исторических задач и идеалов. Ведь если «Россия полезна славянам тем, что она существует, то и славяне полезны России тем, что существуют»¹⁰.

Как видно из изложенного, Ильинский смотрел на отношение к славянству с иных позиций, чем многие его предшественники, освещавшие проблему славянофильства. Для него термин славянофил включал в свое содержание отношение к славянам с симпатией, желание с ними сотрудничать как со всеми другими народами, изучать их культуру, основанную на языковой близости, то есть для него «славянофил» – это тот, кто интересуется славянами и позитивно относится к ним. Но как теория, как доктрина, проповедующая некую исключительность славян, вековую вражду и непримиримость к германству, религиозную и даже политическую гегемонию и т. д. – в таком виде славянофильство уже не возродится. История показывает, что славянофильство XIX в. во всех его вариантах, рассмотренных Ильинским, осталось феноменом общественной жизни того века, в котором возникло.

Вопросов славянофильства Ильинский коснулся в статье «Великий эмансипатор (А. С. Хомяков)»¹¹. Автор представил этого теоретика славянофильства как борца за свободу не только личности, но и целых народов. Хомяков был горячим противником крепостного права, тогдашних судебных порядков в России, административного произвола и других «бесчисленных грехов» дореформенной России.

«Беспощадный бичеватель всякого общественного и политического рабства, Хомяков был еще более суровым врагом рабства духовного», – писал Ильинский. По его мнению, Хомяков, в частности, считал, что каждый народ, в первую очередь русский, может выбирать себе путь культурного развития и осуществлять культурное творчество с учетом особенностей и самобытности народа. Далее Ильинский подчеркивает, что Хомяков не отрицал достижений Западной культуры и не провозглашал «гниения Западной Европы», а доказывал, что пользование благами европейской цивилизации должно быть критическим и побуждать русский народ к развитию своей культуры. В связи с этим Ильинский отвергает обвинения Хомякова современниками, главным образом западниками, в шовинизме и национальной исключительности. Напротив, если для западниками была целью социальная, политическая и духовная свобода личности, примером чего для них являлась Западная Европа, то Хомяков еще требовал и свободы национальной для России и всех других славян. «Таким образом, – резюмирует автор статьи, – Хомяков рассеял окончательно и навсегда тот странный предрассудок, будто западноевропейская цивилизация имеет не национальное, а общечеловеческое значение, т. е. ее историческое развитие представляет общеобязательную норму прогресса всех вообще народов, в том числе и русского». Таким образом, только полным незнанием с сочинениями Хомякова и их духом или намеренным извращением фактов можно объяснить постоянно и теперь еще, к стыду славянства, повторяемые обвинения Хомякова в каких-то панруссистских идеях, констатирует Ильинский¹². Отметим, что это был новый взгляд на творчество одного из основоположников славянофильства 40-х гг. XIX в., основанный на глубоком анализе и осмыслении духовного наследия «великого эмансипатора».

О том, что Хомяков в своих литературных и научных трудах решил задачу синтеза «национализма и либерализма», Ильинский говорит и в рецензии на книгу В. З. Завитневича «Алексей Степанович Хомяков», опубликованную в 1902 г.¹³

Еще раз по вопросу о славянофильстве Ильинский выступил при характеристике лекции Н. И. Кареева «О главных направлениях русской общественной мысли», прочитанной профессором в Праге в 1901 г. Здесь Ильинский выступил против западника Кареева с защитой славянофильства как течения, представляющего собой последовательный либерализм, выступающее за национально-культурную эмансипацию, в то время как западники, по мнению Ильинского, стремились к общественно-индивидуальной эмансипации¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Российский Государственный исторический архив (РГИА) Ф. 733. Оп. 151. Д. 205. Л. 73. Характеристика Г. А. Ильинского, данная ему проф. П. А. Лавровым 27 сент. 1901 г.
- 2 *Ильинский Г.* Что такое истинное славянофильство? // Славянский век. 1901. № 33–34.
- 3 Там же. С. 261.
- 4 Там же. С. 262.
- 5 Там же. С. 263.
- 6 Там же. С. 269.
- 7 *Ильинский Г.* Ближайшая задача современного славянофильства // Славянский век. 1904. № 76. С. 102–106.
- 8 Там же. С. 103–104.
- 9 Там же. С. 104.
- 10 Там же.
- 11 *Ильинский Г.* Великий эмансипатор (А. С. Хомяков) // Славянский век. 1901. № 18. С. 5–8.
- 12 Там же. С. 6.
- 13 *Г. А. [Ильинский Г. А.]* [Рец. на кн.:] *Завитневич В. З.* Алексей Степанович Хомяков. Киев, 1902 г. // Славянский век. 1904. № 73. С. 24–30.
- 14 *Ильинский Г. А.* О главнейших направлениях русской общественной мысли в XIX столетии. Лекция проф. Н. И. Кареева в Праге // Славянский век. 1901. № 24. С. 13–16.

Lapteva L. P.

G. A. Iliinsky on the Slavophilism

The article characterizes ideas of slavocist G. A. Iliinsky on the Slavophilism – from one hand, as a trend of the social thought reflecting sympathy to Slavic peoples, from the other hand, as a theory of national-ethnic exceptionalism. The author compares positions of Westerners and Slavophiles.

Key words: *G. A. Iliinsky, slavophilism, westerners, Slavic peoples, Khomiakov, the Aksakov brothers, Lamansky, Danilevsky.*

А. Л. Шемякин
(Москва)

**«Партия нового типа».
Особенности сербского радикализма
(конец XIX – начало XX в.)***

«Из социалистического корня вырос радикализм – самое мощное политическое течение в Сербии, которому будет суждено сыграть главную роль в ее развитии в конце XIX – начале XX в.».
(Сима Чиркович «История сербов»¹)

В статье анализируются организация, политическая культура и внутренний этос Сербской радикальной партии – крупнейшей политической структуры независимой Сербии. Автор приходит к выводу о сходстве партии сербских радикалов с «партией нового типа» – российскими большевиками.

Ключевые слова: *Сербская радикальная партия, Никола Пашич, российские большевики.*

25 лет назад (1988) в аспирантском сборнике Исторического факультета МГУ появилась дебютная статья автора «Программа Сербской народной радикальной партии 1881 г.»². Обращение к истории СНРП не было случайным – оно произошло с глубоко осмысленной подачи незабвенного профессора Виктора Георгиевича Карасева. Ныне, с дистанции в четверть века, особенно сознается вся важность познания *сербского радикализма* (этой, «без сомнения, самой значительной политической идеологии в Сербии в XIX в.»³), который Й. Цвиич удивительно тонко назвал «явлением настолько же этнопсихологическим, насколько и политическим»⁴, что органично перекликалось с четким убеждением самих радикалов: «Никто не привносит радикализм в наш народ откуда-то извне»⁵. Почему их движение и «имело переломный характер, изменив не только политическую сферу, но и всю общественную жизнь в стране...»⁶.

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории».

Характер всякой партии определяется совокупностью двух лежащих в основе ее существования субстанций – *идеологии* и *организации*. При этом они неотделимы друг от друга: вторая всегда вытекает из первой! «Без идеологии организация была бы лишь скорлупкой, радикализм составлял ее сердцевину», – подчеркивает, в связи с СНРП, эту зависимость Л. Перович⁷. Целью настоящей работы является анализ организации, политической культуры и восприятия власти Радикальной партией – самой мощной и влиятельной политической организацией в истории независимой Сербии. Идеологии же радикалов мы подробно касаться не будем – о ней уже писалось не раз*.

По оценке американского исследователя Г. Стоукса, «сербским радикалам удалось создать первую на Балканах политическую партию, которая характеризовалась организационным единством, тесными связями филиалов с центральным руководством, способностью мобилизовывать электорат и возможностью брать власть»⁸. Опираясь на эти критерии, профессор университета в Граце К. Казер в своей статье о типологии политических организаций в Юго-Восточной Европе в XIX в. заключил, что сербские радикалы являлись *единственной* на Балканах «современной политической партией»⁹. То есть партией в европейском смысле данного понятия¹⁰.

С таким определением согласно и большинство сербских исследователей – как прошлых, так и нынешнего поколений, что вполне логично, ибо Сербская радикальная партия, по их мнению, «принадлежала к великой семье европейского радикализма»¹¹. А ее идейные корни восходят к европейской (прежде всего – *французской*) политической традиции¹². Соответственно, сербские радикалы «выше всего ставили демократические свободы и права человека»¹³; «защищали принципы современного парламентаризма, всеобщего избирательного права и личной свободы»¹⁴; «отстаивали демократические идеалы и строго парламентскую процедуру в политической борьбе»¹⁵. Причем «в своем парламентаризме они находились исключительно под западным влиянием»¹⁶. А как же иначе, ведь «Сербия шла к европейскому типу государства, и процесс этот возглавляла именно Радикальная партия»¹⁷, которая «в вопросах внутреннего устройства

* Степень изученности проблемы идеологии СНРП (как и ее идейной природы) проанализирована в статье: *Шемякин А. Л.* Идеология сербского радикализма (1881–1903): историографические стереотипы и дилеммы // *Россия и Сербия глазами историков двух стран.* СПб., 2010. С. 143–164.

страны, после юношеского увлечения ее отцов-основателей идеями русского народничества, стала чисто западной»¹⁸, усвоив «идеи французского радикализма и британской парламентской теории»¹⁹. «Сербская элита, – подводится итог подобным рассуждениям, – все больше поворачивалась к Западу...»²⁰.

Думается, однако, что далеко не все было столь просто и однолинейно.

По нашему мнению, сербский радикализм выступил в 1881 г. на политическую арену как альтернатива резко ускорившемуся после обретения независимости процессу модернизации, который связывался с деятельностью напредняцкого (прогрессистского) правительства Милана Пирочанца. Стремление прозападнической части местной элиты буквально «насадить в Сербии европейскую культуру»²¹, причем без всякого учета ее адаптивных способностей, и вызвало протест радикалов. В ответ на мощный вызов они провозгласили главной задачей защиту сербской самобытности, отождествляемую с только что завоеванной свободой. «Мы совсем не бережем всего того, что серба делает сербом, – писал в конце 1880-х гг. вождь радикалов Никола Пашич, – но, идя за модой, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы...»²². И даже в середине девяностых он продолжал взывать к Светозару Марковичу – ученику русских народников, – вскрывая идейные корни Радикальной партии: «Маркович проповедовал необходимость сельской общины на манер русской, чтобы не развивался у нас пролетариат и чтобы нам не идти в этом отношении по следам Европы. И община у нас живет до сих пор... Об этом радикалы особенно хлопотали»²³. Соответственно, «нашу Радикальную партию нельзя смешивать с тем, что называется этим именем во французском парламенте (курсив наш. – А. Ш.)»²⁴.

Выстраивая свою идеологию на базе прочно укорененной в народном сознании патриархальности и идентифицируясь, таким образом, с массой, радикалы (как партия) выражали спонтанное и резко негативное отношение крестьянства, составлявшего без малого 90% всего населения, к структурным изменениям общества и государства – их модернизации, – кои могли нарушить самодостаточное равновесие его традиционного бытия в условиях аграрного мира. Закрытое общество противилось всем попыткам хоть немного «приоткрыть» себя.

Либеральная идея и традиция – эта сквозная дихотомия определяла все зигзаги сербской истории двух последних десятилетий XIX в. Соответственно, и типично традиционалистские установки

радикалов – примат коллектива над личностью, обычая над законом, а равенства над свободой – носили выражено антилиберальный характер. А потому, спрашивается, могла ли организация, исповедующая подобные принципы, являться *единственной* на Балканах «современной политической партией»? Нам представляется, что вряд ли.

С самого начала Радикальная партия замышлялась ее основателями как партия народная (то есть массовая), поскольку ее цели отождествлялись с целями всего народа. Но наряду с массовостью, другой ее особенностью была жесткая внутренняя структура и соподчиненность – общинные, уездные и окружные филиалы, густо усеявшие страну, и венчающий всю эту пирамиду Главный комитет действовали как хорошо отлаженный механизм, являясь по существу *организацией внутри движения*.

Своим устройством эта система напоминала армию – партийные взводы, роты и батальоны подчинялись Верховному штабу и были стянуты единственной волей. И как всякая структура военного типа, основанная на принципе иерархичности подструктур, Радикальная партия была немыслима без фигуры вождя, кем однажды и навсегда стал Н. Пашич. Как выразился французский политолог М. Дюверже, «эра авторитарных партий совпадает с выходом на сцену массовых партий»²⁵. Мало того, по мере выбывания из состава партийного руководства «отцов-основателей» и притока в него представителей новых поколений, для которых борьба первопроходцев в бурные 80-е была уже овечья легендой, *вечный* Пашич сам превращался в легенду, становясь персонификацией сербского радикализма – этой, по определению Йована Жуйовича, «новой религии, в которую народ фанатично верил»²⁶. Здесь истоки его харизмы! «Пашич принадлежит нам – мы принадлежим Пашичу», – твердили радикалы после его смерти²⁷. «Радикальная партия – это Никола Пашич, Никола Пашич – это Радикальная партия», – тогда же признавали политические оппоненты^{28*}. (Читаешь, и, словно водяной знак на бумаге, проступают классические строчки Маяковского: «Мы говорим Ленин, подразумеваем – партия; мы говорим партия, подразумеваем – Ленин!»).

И, как следствие такого восприятия, образ вождя радикалов трансформировался в сознании многих в некий миф или спаситель-

* Историческая наука также не осталась «в стороне» от таких дефиниций: «История Радикальной партии – это история Николы Пашича...» (*Чубрилович В.* Историја политичке мисли у Србији XIX века. Београд, 1958. С. 447).

ный талисман, без которого правильно не решаются никакие дела. Эту явную – и так не свойственную европейскому мышлению – иррациональность в отношении сербов к Пашичу чутко уловил французский историк А. Мале, проведенный полтора года при сербском дворе в качестве педагога короля Александра Обреновича. В своем дневнике он записал: «Пашич... создал вокруг себя ореол легенды, став в народе олицетворением какой-то страшной силы. Если что-то не в порядке, то отовсюду слышится: “Ах! Если бы Пашич был здесь. Когда же он будет здесь? К счастью, остается Пашич!” Эту легенду следует развеять, и тогда Радикальная партия развалится»²⁹. Во всем был прав проницательный француз, кроме одного – сам о себе создать легенду человек вряд ли в состоянии. Потому она и не развеялась, но когда Пашич умер (в декабре 1926 г.) Радикальная партия действительно развалилась...

Но вернемся к *иерархии*. Очевидно, что эффективность ее функционирования обусловлена единством всей вертикали, какое в свою очередь зиждется на дисциплине и подотчетности входящих в нее элементов. Лидер Радикальной партии прекрасно знал о существовании данного закона организации – а потому ключевыми понятиями в его лексиконе и были *дисциплина* и *единство*.

Монолитное единство партии Н. Пашич ставил превыше всего, начисто отвергая возможность диссидентства. Он был уверен, что открытое проявление внутрипартийных разногласий идет на пользу только политическим противникам. Меньшинство, а уж тем более отдельный член партии – с мнением, противным воле большинства, должны, по его мысли, приноситься в жертву единству. В 1886 г. Пашич горячо одобрил поведение Раши Милошевича. «Ты ведешь себя, – писал он соратнику, – как сторонник единства и целостности партии. Ты, оберегая ее внутреннее согласие, идешь на уступки даже там, где имеешь право мыслить по-своему (выделено нами. – А. Ш.)»³⁰. Подобная лояльность являлась для Пашича высшим проявлением «патриотизма и любви к партии», которые должны быть «сильнее личных мнений»³¹. Нельзя допустить, без устали повторял он в своих письмах, «чтобы точка зрения отдельного члена противопоставлялась линии всей партии»³².

Ну, а если они все-таки сталкивались: взгляд диссидента и «генеральная линия», что же тогда? Ответ мог последовать только один – никакой пощады раскольникам. «Оповестите всех членов партии, – требовал ГК от нишских функционеров в 1896 г., – что они должны выбирать между всей Радикальной партией и исключенными члена-

ми. Середины здесь нет и быть не может. Тот, кто действует вкупе с предателями, не может быть членом нашей партии. Тот, кто подрывает дисциплину, также недостоин состоять в ее рядах»³³. Иными словами – кто не с нами, тот против нас. Но чем же был вызван столь жесткий подход к внутренним оппонентам? Все дело в том, что любовью раскол в партии ее вождь воспринимал эсхатологически, прямо ассоциируя его с крахом Сербии как независимого государства. Не больше, не меньше. «Вы меня зовете домой, – писал он Савве Груичу из Петербурга в январе 1894 г. – И хотя мне не хочется ехать именно сейчас, я все же должен вернуться, поскольку нынешний разлад в Радикальной партии нанесет стране большой ущерб. Ведь мировые события могут застать Сербию в полном расстройстве и без сильной партии, которая могла бы управлять народом, а это, в свою очередь, отбросило бы нас назад, если не сказать – привело бы к гибели»³⁴.

Блестящий и гибкий тактик, Пашич вполне допускал возможность всякого рода политических маневров, тактических компромиссов и даже временного отступления, если того требовали обстоятельства, – «Политика измеряется только мерой успеха...»³⁵. Но единство Радикальной партии – своего любимого детища – он всегда отстаивал с каким-то особым упорством. В этом вопросе уступки исключались начисто. «Любому соглашению, – писал Пашич в 1886 г., – мы предпочтем единство партии»³⁶. Оно же в свою очередь гарантировалось строгим соблюдением партийной дисциплины, под которой подразумевалось беспрекословное подчинение воле Главного комитета – ведь именно он «представляет Радикальную партию во всей ее деятельности и решениях», как это было записано в резолюции 2-го съезда, состоявшегося в Нише в мае 1889 г.³⁷ Причем данная мысль лишь конкретизировала принципы партстроительства радикалов, заложенные в партийном Уставе 1882 г.

Во исполнение таковых, вождь требовал от *всех без исключения* партийцев *непрерывного* согласия с линией руководства. Когда в 1896 г. в Нише из партии было исключено несколько «предателей», а местный городской комитет подал в отставку из-за разногласий по вопросу об отношении к ним, Пашич накануне выборов нового горкома послал туда письмо, где подчеркнул: «Главный комитет желает, дабы выбор пал на тех товарищей, которые *полностью согласны с ним* в оценке вины исключенных лиц перед партией». Вина же их была такова, что «больше и тяжелее не бывает»³⁸. Отсюда и наказание.

Итак, в Сербской радикальной партии, по определению, не могло существовать инакомыслия, как и реальной автономии местных орга-

низаций. Все решал верховный штаб (он же трибунал) во главе с его *вечным* начальником: разрабатывал «генеральную линию», казнил или миловал. Исключений из правил не было ни для кого – невзирая на статус или прошлые заслуги. Подтверждение – все в том же письме Главного комитета в Ниш: «Некоторые наши товарищи полагают, что центральное руководство не имеет права исключать членов партии до тех пор, пока местный комитет не обратится к нему с соответствующим представлением. Такой подход глубоко ошибочен. ГК исключает любого члена партии, чьи действия несознательны, неискренни или враждебны по отношению к ней. Он распускает местные комитеты, которые не работают в партийном духе, и может исключить даже члена ГК, если тот действует вразрез с *партийными интересами*»³⁹.

Перед нами – впрямь будто статут какого-то военизированного ордена. Причем закреплённый в нем порядок существовал до самой смерти Пашича, который и являлся тем единственным человеком, кто определял, что же собой представляет этот самый «партийный интерес» – категория, должно заметить, весьма беспощадная. Уже после образования Первой Югославии его жертвами пали *великаны* – Стоян Протич, Люба Йованович. И ничто не могло им помочь...

11 августа 1926 г., всего за четыре месяца до смерти, старый вождь слабеющей рукой буквально нацарапал давнему другу Аце Станоевичу: «Я получил твое письмо, в котором ты сообщаешь о спорах и разногласиях, возникших в среде наших товарищей во время выдвижения кандидатов в городскую управу Белграда. Все эти споры меня удивляют – я не могу их понять, а тем более одобрить, в среде нашей партии, которая всегда поражала весь мир своей дисциплиной»⁴⁰.

Последняя сентенция Пашича – отнюдь не праздная метафора. Его современник и биограф, итальянский граф К. Сфорца вспоминал: «В бытность мою во Франции я имел возможность изучить организацию французской радикальной партии, о которой тамошние консерваторы говорили, что именно она является хозяйкой страны. Так вот, организация французских радикалов – это детская игра по сравнению с организацией старой Сербской радикальной партии»⁴¹. Очевидец из *европейцев*, как видим, оказался более проницательным, чем позднейшие историки, – он не отождествлял, но проводил границу, и был абсолютно прав*.

* Ср. с утверждением Милана Ст. Протича-младшего: «В течение восьмого десятилетия XIX в. французский радикализм оказал на Сербскую радикальную партию самое глубокое воздействие, которое выразилось в двух формах – в виде политической програм-

И еще на два аспекта, тесно связанных со спецификой организации радикалов в рамках дефиниции «партия нового типа», хотелось бы обратить внимание. Во-первых, это восприятие ими власти и, соответственно, тип их режима, а во-вторых, отвечающая ему политическая культура.

Уже упоминалось, что соратники Пашича отождествляли интересы своей партии с интересами всего народа. Именно отсюда происходила и претензия на их *монопольное* представительство и защиту, а значит – на вечную, ни с кем не делимую власть. Потому и понятие «парламентаризм» трактовалось ими как тотальная и *ничем* (даже законом*) не ограниченная гегемония победившего большинства, что часто трансформировалось в открытый политический террор. «Парламентаризм, который желали радикалы, близок к конвентской системе», – замечают современные сербские историки⁴². Радикалы «ставили партийные интересы превыше всего, отвергая любые инициативы правительства, вне зависимости от того, была ли от них польза народу», – вторит им соотечественник⁴³.

Такой *мессианизм* сознания радикалов порождал конфронтационное отношение к иным участникам политического процесса в Сербии: либералам и напреднякам, каковые воспринимались не как политические оппоненты, но как непримиримые противники, а значит – и *враги народа*. Именно этот, печально известный в Советском Союзе термин регулярно использовался на митингах радикалов и в партийной печати.

После принятия «демократической конституции» 1888 г. и первого вхождения радикалов во власть они продолжали третировать своих соперников, хотя в стране был декларирован парламентский режим. «Надо постоянно иметь в виду, – жестко наставлял Н. Пашич соратников на 4-ом партсъезде в Заечаре (сентябрь 1891 г.), – что, в случае возвращения к власти тех, кто преследовал нас в прошлом, все завоеванное превратится в прах»⁴⁴. Наши политические противники, как заклинание повторял он, «не спят – они день и ночь подка-

мы и *организации движения* (выделено нами. – А. Ш.) (*Против М. Српски радикали. Идеје и покрет. Београд, 1990. С. 59*). Это заключение автор дословно тиражирует во всех последующих работах.

* В 1907 г. Стоян Протич открыто возгласил в скупщине: «Правительство не только может, но иногда просто обязано поступать мимо закона» (цит. по: *Stojanović D. Steeplechase. Politička kultura kao prepreka modernizaciji Srbije // Ista. Ulje na vodi. Oglеди iz istorije sadašnjosti Srbije. Београд, 2010. С. 67*).

пываются под народные завоевания, которые принесла с собой новая эра»⁴⁵. И поэтому – борьба с ними должна продолжаться, вплоть до проявления уже не только политического, но и физического террора. Так, в 1887 г. после прихода к власти либерально-радикального блока имел место буквальный линч напредняков (в котором ведущую роль сыграли радикалы) – так называемый «народный вздох», – когда по всей Сербии прокатились погромы и было убито около 150 человек⁴⁶. Наглядный образчик уровня политической культуры в «современном европейском государстве», как нередко характеризуют свою страну сербские историки.

Очевидно, что столь нетолерантное отношение «победителей» к представителям проигравшего лагеря имело мало общего с европейской политической и парламентской традицией.

Известно, что радикалы являлись доминирующей политической силой в Сербии на протяжении нескольких десятилетий. Они находились у власти в начале 90-х, затем (после государственного переворота 1894 г.) вели непрерывные бои с личным режимом короля Александра и, наконец, после физического устранения династии Обреновичей в мае 1903 г. управляли страной почти непрерывно вплоть до образования Югославии в 1918 г. Как же была организована система власти радикалов? Для ответа на этот вопрос надо рассмотреть взаимоотношения внутри правящего радикального треугольника (ГК, фракция, правительство).

Начнем с того, что конституция 1888 г., отмененная в 1894-м и восстановленная в 1903 г., обеспечивала преобладание законодательной власти над исполнительной, то есть жесткую подотчетность кабинета скупшине. Парламентский же механизм (свободные выборы, политические права и т. д.), гарантированный Основным Законом, обеспечивал в сербских условиях устойчивую политическую гегемонию радикалов. Оно и понятно, поскольку социальная однородность общества при запуске такого механизма не могла не трансформироваться в монополию «народной партии», которая выражала интересы большинства населения. Следовательно – законодательная власть при таком раскладе функционировала единственно через радикальный парламентский клуб, объединявший заведомое большинство депутатов.

По Уставу клуба, «все его члены должны выполнять в скупшине то, что решило большинство. В случае если член клуба не согласен с решением большинства, он все равно обязан голосовать за него во всех политически важных вопросах»⁴⁷. Железная дисципли-

плина, как видим, насквозь пронизывала и фракцию. В такой ситуации, когда все самое важное решалось на заседаниях радикального клуба (то есть за закрытыми дверями), голосования на пленумах скупщины часто превращались в пустую формальность. И все дискуссии в ней, инициированные слабой парламентской оппозицией, были изначально бесплодны, поскольку не вели к компромиссу. Перед нами – идеальное воплощение того, что радикалы называли «парламентаризмом».

В рамках такого «парламентаризма» радикальный кабинет был крепко-накрепко привязан к парламентскому клубу, который становился средоточием законодательной власти. И не потому, что того требовала конституция, нет! Радикальный политический менталитет, как мы видели, начисто отрицал *саму возможность какой-либо автономии в собственных рядах*. И как только между клубом и правительством возникали споры, судьба последнего решалась автоматически. Так, в феврале 1891 г. Савва Груич – этот первый в истории независимой Сербии радикальный премьер – был вынужден подать в отставку.

Что же касается самого депутатского клуба, то партийное руководство уделяло особое внимание его персональному составу. В инструкции ГК местным организациям, направленной в регионы после 3-го съезда партии в Ягодине (июль 1890 г.) сообщался набор критериев, которым должны соответствовать выдвигаемые снизу радикальные кандидаты в депутаты. Так вот, главным из них был следующий: необходимо, чтобы каждый претендент на депутатский мандат из радикалов «всегда подчинялся решениям партии и соблюдал партийную дисциплину»⁴⁸. Ну, а «решения партии» – суть решения ГК, который «представляет ее во всех случаях», как было зафиксировано в резолюции предыдущего (Нишского) съезда.

Все, круг замкнулся: приводные ремни внутри радикальной машины шли не от правительства к партии, как это было принято в европейской политической практике, но наоборот – от партии (ГК) к кабинету, через радикальную парламентскую фракцию. И в результате Н. Пашич – этот *вечный* председатель высшего партийного органа, – даже не являясь премьером, всегда твердо держал бразды правления в своих руках. Показательный пример – когда летом 1912 г. глава правительства Марко Трифкович однажды заупрямился и отказался, по настоятельной просьбе Пашича, уйти, партийная газета «Самоуправа» («Самоуправление») на следующий же день вышла

с сообщением о его отставке. Поставленный перед таким фактом, Трифкович быстро «сдался»⁴⁹.

Итак, очевидно, что в условиях «радикального режима» (или же «радикального царства», как его нередко называли⁵⁰) все рычаги законодательной и исполнительной власти сосредотачивались в руках ГК и его *непотопляемого* главы. При этом радикалы сознательно шли на концентрацию власти «в одних руках». Чтобы Радикальная партия была готова к управлению страной, писал Стоян Протич, необходимо, дабы «с одного места, от одного органа или человека шли импульсы, координирующие деятельность всей партии». Для С. Протича не было сомнений в том, что этим *одним человеком* мог быть только Пашич – «естественный вождь партии»⁵¹.

Что ж, в этом с ним солидаризировалось огромное большинство сербов. После смены династий в 1903 г. Радикальная партия пришла к власти в Сербии «всерьез и надолго».

При этом и «вождь», и партия мало изменились как в своем «мессианизме» («Я уверен, что одна только Радикальная партия способна сохранить и усилить Сербию, а также реализовать все наши идеалы»⁵², – писал Пашич в 1907 г.), так и в восприятии демократии, парламентаризма, плюрализма, политической культуры. Они по-прежнему рассматривали демократию как неограниченное право большинства на монопольную власть, а парламентаризм – как институционализацию такого права, с порога отвергая плюрализацию власти и считая исключительно себя выразителями интересов всего народа⁵³. И, соответственно, те, кто думал иначе, оставались для радикалов врагами, а не оппонентами, компромисс с которыми был исключен начисто. Старинный принцип «партийного государства», как следствие выраженной одномерности их сознания, по-прежнему являлся стержнем радикальной политической культуры.

В стране «победившего парламентаризма», как видим, сложилась, по сути дела, «полупартийная система»: с одной стороны, радикалы, с другой – все остальные⁵⁴. «Вместо власти одного человека, – констатировал С. Новакович, – в Сербии под маской демократии установлена власть одной-единственной партии»⁵⁵, в которой, – по Й. Скерличу, – «наличествует личный режим, или олигархия нескольких вождей, каковые держат в своих руках не только партию, но и страну»⁵⁶. Такое политическое состояние известный венгерский мыслитель И. Бибо назвал «фальсификацией демократии», способствующей «поддержанию и защите осуществляемого в демократиче-

ских *формах* антидемократического правления»^{57*}. Действительно, «в рамках парламентской формы, установленной конституцией 1903 г., сама суть сербского парламентаризма отступала от базовых принципов парламентского государства»⁵⁸.

Но эта власть одной партии была добровольно принята и поддержана сербскими селяками. Вершителями судеб Королевства вплоть до Первой мировой войны являлись Н. Пашич – этот (как весьма образно выразился о нем Л. Д. Троцкий) «абсолютный властитель Сербии»⁵⁹ и его радикальная генерация. «В Белграде, – продолжал будущий «соавтор» российского Октября, – все политические разговоры вертятся вокруг личности Пашича. Про короля Петра вспоминают только в исключительных случаях, да и то по чисто внешним поводам... А Пашич всегда у всех и на уме, и на языке. Он думает за всех, он знает, что нужно»⁶⁰.

В *традиционном* обществе взаимоотношения лидера и массы часто строятся на базе харизмы. Очевидно, что Н. Пашичу удалось добиться этой харизматической степени доверия народа: не зря же он 22 раза возглавлял кабинеты; а в самые сложные, военные годы (1912–1918) – бессменно. И сербский крестьянин без колебаний вверял ему свою судьбу, даже в самые тяжкие для него минуты фаталистически замечая: «Байя знает, что делает»^{**}, а значит – все обрывается.

Как видим, обратная связь между «верхами» и «низами» в Сербии существовала, но, правда, иной природы, чем в классическом европейском государстве, где гражданин осознанно участвует в политике. Следовательно, национальное согласие в Королевстве вызревало после 1903 г. на основе *традиционно-патриархальных* понятий о власти, ее носителях и их политической культуре, а совсем не на «зависимости» политического процесса от «сознательной» деятельности того же сербского селяка, именуемого уже (в смысле участия в политике) «современным человеком»⁶¹, – будь действительно так, это выглядело бы крайне неожиданным в столь «запоздалой стране»^{***}.

* Ср. с утверждением академика М. Экмечича, что после 1903 г. Сербия превратилась в «одно из самых демократических государств в мире» (*Экмечич М.* Стваранье Југославије. Београд, 1989. Књ. 2. С. 546).

** *Баја* – сербское прозвище Н. Пашича, означающее: *тятя, тятенька*.

*** Выражение Л. Д. Троцкого (см.: *Троцкий Л. Д.* В запоздалой стране // *Он же.* Перед историческим рубежом. Балканы и балканская война. СПб., 2011. С. 35).

В заключение приведем еще одно высказывание, в связи с организацией СНРП. «Наряду с германской социал-демократией, – указывает Л. Вркатич, – Радикальная партия в Сербии была наиболее организованной партией в Европе...»⁶². Относительно «наиболее организованной», все точно. Однако отнюдь не с СДПГ в этом отношении следует ставить рядом сербских радикалов. И действительно – принципы организации, строгая иерархичность и откровенный вожизм, отсутствие внутренней демократии и автономии местных организаций (что вполне может быть названо сербским изданием «демократического централизма»); политическая культура, основанная на неприятии политического плюрализма и принципе: «Кто не с нами, тот против нас!» (так, за 1887–1896 г. радикальной толпой было перебито 384 напредняка⁶³); очевидный мессианизм и одномерность мышления – весь этот арсенал «родовых» организационно-политических признаков роднит их с *российскими большевиками*. И сходство это отнюдь не кажется нам случайным, имея в виду *единую* народническую основу, на которой (понятно, что в разное время и в разных условиях) обе партии и «взрастали»*. Права О. Попович-Обрадович: «По тому, что в Сербии, параллельно с первыми шагами модернизации, была основана массовая народническо-социалистическая партия с тем типом организации, который войдет в практику лишь с появлением тоталитарных идеологий XX в., она представляет единственный феномен в Новой истории Европы»⁶⁴.

А Б. Бешлин еще конкретнее называет вещи своими именами: «Н. Пашич и П. Тодорович находились в молодости под влиянием русских народников. Неграмотное и отсталое крестьянство могла повести за собой только твердо организованная партия, члены которой до конца посвятили себя политической работе и были готовы на всякую жертву. Позже такую организацию последовательно воспроизведут большевики»⁶⁵.

Следует особо подчеркнуть, что в своей концепции партии сербские радикалы следовали той глубоко антилиберальной социологической схеме, которая обеспечивала примат корпорации над

* С. Йованович указывал, что С. Маркович и П. Тодорович являлись «учениками русских социалистов-шестидесятников, которых, в каком-то смысле, можно считать предтечами большевизма» (*Јовановић С. Пера Тодоровић // Исти. Политичке и правне расправе. Београд, 1932. Књ. 1. С. 467*), – ввиду использования В. И. Лениным *организационного* опыта русских народников, особенно «якобинцев».

каждым ее представителем в отдельности. По оценке Р. Люшича, «воля отдельного члена была подчинена партийным интересам»⁶⁶. Таким образом, отношение «партия – член» являлось в представлениях соратников Пашича прямым продолжением пропорций: «общество – личность»; «государство – гражданин», лежащих в основе их народнической доктрины. Во всех трех случаях категория «Мы» довлела и подавляла категорию «Я»; суверенитет целого объявлялся ценностью более весомой, чем право его части; а единство жестко противопоставлялось диссидентству, со всеми вытекающими из этого последствиями. Воистину, организация следовала за идеологией, органично ее дополняя.

Вот только чешский историк Я. Пеликан недоумевает – как это возможно, что «необычайно современный для своего времени способ политической деятельности (то есть организация. – А. Ш.) Радикальной партии так сильно контрастировал с ее утопической программой...»⁶⁷. Ведь, по его мнению, «концепции радикалов никогда не были четко сформулированы», представляя собой «набор разнородных, во многом противоречивых идей», так что их программа «модифицировалась в зависимости от ситуации, в которой находилась партия» – «партия конкретного, каждодневного политического действия»⁶⁸. То есть идеология служила организации? Но так ли это, ибо (повторим высказывание Л. Перович) «без идеологии организация была бы только скорлупкой!». Соответственно, и успехи приходили: «благодаря четко концептуализированной политической стратегии, жесткой организационной структуре и способному руководству»⁶⁹. А как же иначе?

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Чиркович С. История сербов. М., 2009. С. 267.
- 2 Шемякин А. Л. Программа Сербской народной радикальной партии 1881 г. // Идеино-политическая борьба в странах Европы и Америки. М., 1988. С. 114–131.
- 3 Vrkiatić L. Pojam i biće srpske nacije. Sremski Karlovci; Novi Sad, 2004. S. 175.
- 4 Цвијућ Ј. Јединство и психички типови динарских јужних словена. Београд, 1999. С. 64.
- 5 Српски радикализам // Одјек. 7 мај 1889 г.
- 6 Vrkiatić L. Pojam i biće srpske nacije. S. 175.
- 7 Перович Л. Народная радикальная партия: утверждение идеологии

- социального, национального и политического единства сербского народа // *Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия*. СПб., 2009. С. 311.
- 8 *Stokes G.* Politics as development. The Emergence of Political Parties in Nineteenth-Century Serbia. Durham; London, 1990. P. 4.
 - 9 См.: *Kaser K.* Tipologie der politischen Parteien Sudosteuropas im neunzehnten Jahrhundert // *Osterreichische Osthefte*. 1985. P. 331–365.
 - 10 *Батаковић Д.* Француски утицаји у Србији 1835–1914. Четири генерације «паризлија» // *Зборник Матице Српске за историју*. Нови Сад, 1997. Св. 56. С. 90–91; *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2007. С. 316–317; *Cox J.* The History of Serbia. Westport; London, 2002. P. 52.
 - 11 *Батаковић Д.* Француски утицаји у Србији 1835–1914... С. 86.
 - 12 *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990. С. 181. Надо, однако, подчеркнуть, что первыми на решающее влияние французских радикалов на их сербских «тезок» указали еще В. Нинчич и М. Йованович-Стоимирович (*Нинчић В.* Пера Тодоровић. Београд, 1956. С. 74–75; *Јовановић-Стојимировић М.* Пера Тодоровић // *Исти*. Силуете старог Београда. Београд, 1987. С. 118–119). Ту же мысль воспроизвел в своем фундаментальном труде академик М. Экмечич (*Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790–1918. Београд, 1989. Т. 2. С. 383), повторив ее и в новейшей монографии (*Исти*. Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). С. 316). И среди авторов последнего времени есть сторонники данной концепции. См.: *Столић А.* Страначка генерација 1878–1903 // *Српске политичке генерације*. Београд, 1998. С. 108; *Павловић С.* Историја Балкана. Београд, 2001. С. 188; *Исти*. Србија. Историја иза имена. Београд, 2004. С. 87; *Деспотовић Љ.* Српска политичка модерна. Србија у процеси-ма политичке модернизације 19. века. Нови Сад, 2003. С. 177–178; *Свирчевић М.* Локална самоуправа у Србији и Бугарској (1878–1914). Београд, 2009. С. 179–185; *Исти*. Локална самоуправа и развој модерне Српске државе. Београд, 2011. С. 343–346; и др.
 - 13 *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет... С. 181–182.
 - 14 *Аврамовић З.* Демократско наслеђе у Србији // *Токови историје*. Београд, 1997. Бр. 3–4. С. 204.
 - 15 *Батаковић Д.* Србија на Западу: о француским утицајима на политички развој модерне Србије // *Сустрет или сукоб цивилизација на Балкану* (Зборник радова). Београд; Нови Сад, 1998. С. 319.

- 16 *Протић М.* Успон и пад српске идеје. Београд, 1994. С. 106; *Мекензи Д.* Стојан Протић. Српски новинар и државник. Београд, 2008. С. 15.
- 17 *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет... С. 183. А 15 лет спустя – еще сильнее, и уже в *совершенном* виде: «Радикальная партия оказала решающее влияние на трансформацию Сербии в демократическое европейское государство» (*Protić M. The Serbian Radical Movement 1881–1903. A Historical Aspect // Balcanica. Belgrade, 2006. Vol. XXXVI. P. 149.*)
- 18 Нова историја Српског народа. Београд; Лозана, 2000. С. 178.
- 19 *Протић М.* Идеје европског радикализма и Народна радикална странка у Србији // Европа и Срби (Зборник радова). Београд, 1996. С. 275; *Isti.* Sources of the Ideology of Serbian Radical Movement 1881–1903 // *Balcanica. Belgrade, 2007. Vol. XXXVII. P. 125;* *Свирчевић М.* Локална управа и развој модерне Српске државе. С. 346. Заметим, что впервые мнение о «британской парламентской теории» как одном из источников идеологии сербских радикалов еще в 1926 г. высказал Л. Маркович (см.: *Марковић Л.* Никола Пашић и парламентаризам // Споменица Николе Пашића. Београд, 1926. С. 46).
- 20 *Марковић П.* Теорија модернизације и њена критичка примена на међуратну Југославију и друге источноевропске земље // Годишњак за друштвену историју. Београд, 1994. Св. 1. С. 11.
- 21 *Овсяный Н. Р.* Сербия и сербы. СПб., 1898. С. 90.
- 22 Архив Српске Академије наука и уметности (далее – АСАНУ). Пашићеве хартије. Бр. 14615-1-27.
- 23 *Шемякин А. Л.* Никола Пашич в записках русского путешественника (к вопросу об идейной природе Сербской народной радикальной партии) // *Славянский альманах (2005). М., 2006. С. 437.*
- 24 Там же.
- 25 *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000. С. 222.
- 26 *Жујовић Ј.* «Српска радикална странка». Говор Ј. М. Жујовића на збору самосталних радикала у Јагодини 10 августа 1903. Београд, 1903. С. 9.
- 27 Самоуправа. 17 децембар 1936.
- 28 *Simplex.* Личност Николе Пашића // *Нова Европа. Загреб, 1926.* Књ. XIII. Бр. 12. С. 415.
- 29 *Мале А.* Дневник са српског двора. 1892–1894 / Превела и приредила Љ. Мирковић. Београд, 1999. С. 186–187.
- 30 Н. Пашић – Р. Милошевићу. 1886 // *Пашић Н.* Писма, чланци и говори (1872–1891) / Приред. Л. Перовић и А. Шемјакин. Београд, 1995. С. 219–220.

- 31 Н. Пашић – неидентификованој особи. 1886 // Исто. С. 217.
- 32 Исто.
- 33 Архив Југославије (далеко – АЈ). Ф. 143 (заоставштина Н. Пашића). Фасцикла 4.
- 34 Архив Србије (далеко – АС). Ф. Поклони и откупи. Кутија 82. Бр. 170.
- 35 Отворено писмо газда Цеки Крстићу, народном посланику // *Пашић Н.* Писма, чланци и говори... С. 78.
- 36 Н. Пашић – неидентификованој особи. 1886 // Исто. С. 217.
- 37 Цит. по: *Трифунковић М.* Историја Радикалне странке // Велика Србија. Август 1997. Бр. 403. С. 52.
- 38 АЈ. Ф. 143. Фасцикла 4.
- 39 Исто.
- 40 Рукописно одељење Народне Библиотеке Србије. Бр. Р 675/4.
- 41 *Сфорца К.* Никола Пашић и уједињење Југословена. Ратне и дипломатске успомене. Београд, 1937. С. 52.
- 42 *Љушић Р.* Историја српске државности. Књ. 2. Србија и Црна Гора – нововековне српске државе. Нови Сад, 2001. С. 206; *Рајић С.* Александар Обреновић. Владар на прелазу века. Сукобљени светови. Београд, 2011. С. 105.
- 43 *Чиркович С.* Историја сербов. С. 304.
- 44 Говор Н. Пашића на збору у Зајечару. 8 септембра 1891 // *Пашић Н.* Писма, чланци и говори... С. 333.
- 45 Исто. С. 334.
- 46 *Антић Ч.* Кратка историја Србије. Београд, 2004. С. 83.
- 47 АСАНУ. Бр. 9991/1 (Протоколи седница радикалног клуба у Скупштини 1889–1890). Правила клуба Народне радикалне странке. Чл. 11.
- 48 АЈ. Ф. 143. Фасцикла 4.
- 49 См.: *Троцкиј Л. Д.* Никола Пашић // *Он же.* Пред историческим рубезом. Балканы и Балканска война. СПб., 2011. С. 72–73.
- 50 См., например: *Тодоровић П.* Огледало. Зраке из прошлости. Приредила Ј. Перовић. Београд, 1997. С. 206.
- 51 Цит. по: *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији. 1903–1914. Београд, 1998. С. 81.
- 52 АСАНУ. «Pasić collection». Бр. 14924/22.
- 53 *Стојановић Д.* Србија и демократија. 1903–1914. Београд, 2003. С. 259–267.
- 54 *Иста.* Партијске елите у Србији 1903–1914 // Југословенски историјски часопис. Београд, 1997. Бр. 2. С. 47.
- 55 АС. Фонд Стојана Новаковића. Бр. 428. Јл. 3.
- 56 АСАНУ. Заоставштина Милана Живановића. Бр. 14423/734. Јл. 28.

- 57 *Бибо И.* О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // *Он же.* О смысле европейского развития и другие работы. М., 2004. С. 201.
- 58 *Димић Љ.* Историја српске државности. Нови Сад, 2001. Књ. 3. Србија у Југославији. С. 96. Исчерпывающее объяснение этого феномена в контексте сербского традиционного общества см. в: *Поповић-Обрадовић О.* Парламентаризам у Србији. 1903–1914.
- 59 *Троцкий Л. Д.* Никола Пашич... С. 71.
- 60 Там же.
- 61 *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања... С. 302–303, 306.
- 62 *Вркатић Л.* Појам и биће српске нације. С. 195.
- 63 *Марковић С.* Гроф Чедомил Мјатовић. Викторијанац међу Србијама. Београд, 2006. С. 172.
- 64 *Koreni antimoderne političke culture u Srbiji // Popović-Obrađović O.* Kakva ili kolika država. Ogledi o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX–XXI века. Priredila L. Perović. Beograd, 2009. S. 331.
- 65 *Бешлин Б.* Европски утицаји на српски либерализам у XIX веку. Сремски Карловци; Нови Сад, 2005. С. 864–865.
- 66 *Љушић Р.* Историја српске државности. Књ. 2. С. 199.
- 67 *Dejiny Srbska.* Praha, 2004. S. 221.
- 68 *Ibidem.* S. 220.
- 69 *Богуновић Н.* Коекуде Србијо. Српске историјске теме. 1804–1918. Београд, 2006. С. 317.

Shemiakin A. L.

«Party of a New Type». The Specific of Serbian Radicalism
(the End of the Nineteenth – the Early of the Twentieth Century)

The author analyses the organization, political culture and inner ethos of the Serbian Radical party – the biggest political structure of the independent Serbia. He comes to the conclusion on the similarity of the party of Serbian radicals with a «party of the a new type», i.e. Russian Bolsheviks.

Key words: *Serbian Radical Party, Nikola Pashich, Russian Bolsheviks.*

М. Ю. Дронов
(Москва)

**К вопросу об этнокультурном облике греко-католического
духовенства на территории современной Словакии
(XIX – начало XX в.)**

В статье на основании доступных свидетельств и статистики анализируется этнокультурный облик греко-католического духовенства в Словакии в XIX – начале XX в.

Ключевые слова: *венгры, Греко-католическая церковь, духовенство, мадьяризация, русины, словаки, Словакия.*

Греко-католическая (униатская) церковь в границах современной Словакии являет собой интереснейший феномен¹. Вплоть до настоящего времени паства этой церкви отличается этнокультурной пестротой: в ней уживаются словаки, русины (в том числе считающие себя украинцами) и венгры, не говоря о представителях спорных и переходных групп. При этом в разные исторические периоды греко-католицизм, будучи известным у простонародья как «русская вера», все-таки заметно видоизменял свой официальный этнокультурный «имидж». Так, например, если в межвоенные годы греко-католическая конфессия ассоциировалась преимущественно с русинами, сегодня среди греко-католиков независимой Словацкой Республики доминируют национально мыслящие словаки. В данном контексте не менее интересным представляется период Венгерского королевства в составе монархии Габсбургов, который предшествовал образованию Чехословакии (далее – ЧСР) в 1918 г. В рамках статьи будет предпринята попытка краткого анализа этнокультурного облика греко-католического духовенства как стенового хребта церкви в течение XIX – начала XX в. Источниками для этого служат доступные свидетельства современников и статистические данные.

Греко-католический клир региона состоял, преимущественно, из местных уроженцев, считавших своим отечеством место своего рождения. Несмотря на это, имеющиеся сведения о генеалогии конкретных священнических семей свидетельствуют о том, что значительная часть старых родов происходит с территории соседней Галиции и более отдаленных восточнославянских регионов. «При организации приходов в Восточной Словакии в результате появления новых сел возникала также и потребность в новых духовниках. Приходили они чаще всего из ближайших соседних запад-

ноукраинских сел. [...] Известные роды Бачинских, Балудянских, Подгаецких – галицкого происхождения, которые пришли на юг Карпат в XVII ст.: Бачинские – из села Бачины, Балудянские – из села Балутянка, Подгаецкие – из города Подгайцы на галицком Подолье. [...] Несомненно западноукраинского происхождения были роды Тарасовичей, [...] Дроздовичей, Дудинских, Ильницких, Бескидов, Негребецких и других. [...] В Восточную Словакию приходили священники и из других украинских земель, в первую очередь с Волины»², – отмечал крупный галицийский исследователь южнокарпатских русинов И. Панькевич. Очевидно, что в некоторых случаях семейные связи местных священников с другими регионами датировались еще более поздними периодами³. В связи с этим, например, примечательна многолетняя незавершенная дискуссия о происхождении основателя рода русинского будителя о. Александра Духновича (1803–1865), который, если верить его семейному преданию, пришел в Карпаты из далекой Москвы⁴.

В целом же этимология фамилий не может являться универсальным методом для определения этнической принадлежности местного духовенства. Распространенные среди священников венгерские фамилии совершенно не обязательно свидетельствуют о мадьярских корнях их носителей. Согласно сербской русинистке Г. Фирис, подобные семейные названия проникали в русинскую среду тремя путями: 1) через административные учреждения; 2) в результате ежедневных языковых контактов; 3) как следствие двуязычности русинов (по крайней мере, в случае этнического пограничья)⁵. Щекотливый вопрос разграничения этнических русинов и словаков также едва ли можно решать с помощью ономастического анализа. Как известно, эти родственные этносы имеют массу общих фамилий. Кроме того, нельзя забывать о наличии русинско-словацких переходных групп с переходными диалектами, а также о многочисленных словарных заимствованиях, естественных для этносов-соседей.

Обращение к истории конкретных священнических семей региона вообще не позволяет выявить какую бы то ни было «чистоту» их происхождения, если под таковой понимать языковую однородность фамилий предков по боковым линиям. При этом отчетливее выступают социальные параллели между предками. О степени семейственной корпоративности греко-католического духовенства может свидетельствовать следующий яркий эпизод, относящийся уже ко времени первой Словацкой Республики (1939–1945), который, однако, думается, отражает и реалии предыдущих периодов.

Так, согласно подсчетам, приводимым в 1941 г. жупаном Шаришко-Земплинской жупы Андреем Дудашем, приблизительно из 200 священников Прешовской греко-католической епархии 56 человек находилось в ближайшем родстве с правящим епископом Павлом Гойдичем (1888–1960)⁶. Хотя данное свидетельство, сделанное недоброжелателем архиерея, может содержать в себе некоторые преувеличения, нет сомнений в его общей правдоподобности⁷.

Однако замкнутость священнических кругов все-таки не была абсолютной. Ряды священнослужителей регулярно пополнялись выходцами из простых крестьянских семей: «...русин не мае бульшой утіхи, як коли чуе сына собі у церкви Псалми, Вірую, Апостол [...] читати. По сей то причині бывать ото, што священники, учителі и вся интеллигенція на полы из простого народа выходит»⁸, – отмечал в «Етнографическом очерке угро-русских» о. Ю.-К. Жаткович. Согласно российскому ученому русинского происхождения А. Дешко, «духовенство карпаторусское составляет частью из дворянства, но еще более из кмитства (крестьянства. – М. Д.), получившего образование»⁹. Осуществившийся в 1808 г. официальный перевод греко-католического духовенства в благородное сословие (*honoratiores*), очевидно, повысил престиж священнического служения и увеличил амбиции пастырей, которые тем самым приблизились к дворянам и заметно возвысились над своей простонародной паствой (чем, к слову, была подготовлена благодатная почва для последующей мадьяризации церковной среды)¹⁰.

Изредка возможность стать греко-католическим священником также интересовала отдельных римо-католиков, которые, собираясь посвятить себя духовной карьере, не хотели отказываться от радостей семейной жизни, воспрещенных духовенству латинского обряда¹¹.

Также необходимо отметить, что греко-католическое священство было достаточно подвижным в рамках региона, перемещаясь по различным приходам епархии, а в некоторых случаях переходя в соседнюю епархию (например, из Мукачевской в Прешовскую или наоборот). Правда, динамику подобных перемещений не стоит преувеличивать. Известно, что в священнических кругах бытовала поговорка, что «два раза переселяться на иной приходъ равносильно статься погорьльцем»¹². Некоторым семьям удавалось закрепить за собой отдельные приходы на достаточно длительное время¹³.

Учитывая вышесказанное, «автоматическое» определение этнической (особенно этнонациональной) идентичности греко-католического духовенства, опирающееся на анализ фамилии, место

рождения или служения, представляется более чем ненадежным. К тому же естественно, что среди священников были личности, склонявшиеся как к этноцентризму, так и к этнической индифферентности. В свою очередь, реалии этнического пограничья благоприятствовали бытованию амбивалентной и ситуативной форм идентичности. Вследствие указанных факторов этническая идентичность духовенства представляла собой сложный, неоднородный феномен, уже не поддающийся детальной реконструкции.

Однако имеющиеся данные все же позволяют в общих чертах охарактеризовать по крайней мере декларируемую идентичность представителей духовного сословия. Так, согласно официальной венгерской статистике, в 1910 г. из 508 греко-католических священников шести жуп северо-восточной части Венгерского королевства только 72 человека отнесло себя к русинам¹⁴ (*ruszinok, ruthének*¹⁵). Подавляющее большинство идентифицировало себя при опросе как венгры. Больше всего русинов тогда оказалось в Шаршской и Земплинской жупах – соответственно 42 из 76 и 21 из 110. При этом в Угочской жупе русинами себя назвали 5 из 40 священников, в Ужской 6 из 69, в Бережской 3 из 77 и 5 из 136 пастырей в Мараморошской¹⁶. Приведенные цифры, свидетельствующие о декларируемой этнической (и, вероятно, преимущественно уже этнонациональной) идентичности, наглядно показывают степень мадьяризации духовенства. На этом фоне обращает на себя внимание тот факт, что священники с территории будущей Словакии, то есть из Шаршской и Земплинской жуп, в гораздо большей степени, чем их проживавшие восточнее коллеги, декларировали свою принадлежность к русинам¹⁷. Сходная тенденция отмечалась и в случае тесно связанного с духовенством греко-католического учительства указанных жуп¹⁸.

Любопытно, что к приведенным статистическим сведениям весьма близка субъективная оценка ситуации в среде южнокарпатских русинов в 1910-х гг., данная в воспоминаниях известного в межвоенной Подкарпатской Руси и заокеанской украинской диаспоре общественного деятеля Августина Штефана (1893–1986): «...потенциальными русинами в рядах интеллигенции были почти исключительно греко-католические священники, и то менее чем 20% из них... Все они были двуязычными. [...] Остальные местные интеллигенты, которые принадлежали к 80% большинства, преимущественно знали по-русински, даже и те, кто жил в венгерских селах. Они говорили язычем – мешаниной народного, церковнославянского и русского языков с добавлением венгерских и других слов»¹⁹. Данная цитата

в большей мере, чем сухие статистические сведения, характеризует сложность реальной этнической идентичности греко-католического духовенства.

Причины популярности среди греко-католических священников венгерской идентичности и, как минимум, языка и культуры венгерского народа во многом следует искать в мадьяризаторской образовательной политике, направленной на приобщение изначально разноязыких юных интеллектуалов исторической Венгрии к идее универсальной венгерской нации. Это, например, подтверждают яркие воспоминания о собственном мировоззрении в юности, оставленные о. А. Духновичем, который, как известно, в зрелом возрасте радикально пересмотрел свои первоначальные взгляды: «Господь обдарил меня талантами, и всему вѣровал, что мнѣ преподавалось, также вѣровал и тому, что кромѣ мадьяра нѣт на свѣтѣ челоуѣка; – как сойка научился говорить по мадьярски, а думать также в том духѣ, который насильно набили в мои чувства мадьярскіе учителя; проповѣдая мнѣ непрестанно: *extra Hungariam non est vita* (вне Венгрии нет жизни. – М. Д.), – я вѣровал сему, и чувствовал по этому...»²⁰. Учитывая то, что Духнович был наиболее заметным из борцов с мадьяризацией на культурном фронте, то есть во многом являлся исключением, можно лишь догадываться, сколько менее активной и харизматической русинской молодежи, в частности семинаристов, в XIX – начале XX в. четко последовало в направлении, указанном ее учителями.

В случае русинов особенно негативную роль играл слабый престиж собственного этноса и конфессии, длительное отсутствие этнонациональной идентичности, которая у соседних этносов уже была развита в ощутимо большей степени. Вероятно поэтому, русины отличались высоким уровнем конформизма, особенно в мультиэтнической среде. К примеру, о. А. Павлович так вспоминал о своих соучениках по Трнавской римско-католической семинарии еще 40-х гг. XIX в.: «...большая часть питомцев були поклонниками мадьярской народности, но були і почитателі слав'янського язика, а румуни всегда разговаривали между собою по-румунськи, наші рускіе (русины. – М. Д.) із унгарської и пряшевської епархії не являли своєї народности»²¹.

Русскоязычные свидетельства, относящиеся к концу XIX в., рисуют этнокультурный облик греко-католических учебных заведений, как правило, эмоционально и с подчеркнуто антивенгерских позиций. «Конвикт (бурса) св. Иоанна Крестителя в Пряшеве, пряшевская духовная семинария, конвикт сирот-мальчиков, алумней (пансион)

для священнических сыновей, пансион сирот-девушек (священнических), препарандия (семинария) для народных учителей, духовная семинария в Ужгороде – все это рассадники мадьяризации: тут не услышишь ни одного русского слова, – наоборот, ко всему родному тут относятся с пренебрежением. В угро-русских духовных семинариях есть кружки для самообразования, в которых участники занимаются мадьярской литературой, сочиняют мадьярские вирши, пишут мадьярские новеллы, не зная, однако, да и не желая, кажется, знать своего родного языка», – например, отмечал в 1894 г. анонимный корреспондент петербургского «Славянского обозрения»²².

По-видимому, определенную «прививку» от венгерской идентичности имели те немногочисленные священнослужители, которые получили образование в соседней Галиции или обладали положительным опытом общения с галицийской интеллигенцией, вследствие чего тяготели к восточнославянским идентичностям. В качестве примера можно привести о. Емельяна Невицкого (1878–1939). Считается, что на формирование у него украинской этнонациональной идентичности повлияли лекции митрополита Андрея Шептицкого (1865–1944)²³.

Неудивительно, что священники, воспитанные в венгерском духе, подчас испытывали трудности при коммуникации со своими необразованными славяноязычными прихожанами. Особенно это касается городского духовенства, в меньшей степени – сохранявших непосредственную связь с простонародьем сельских пастырей.

Господство венгерского языка в среде духовенства порой серьезно мешало надлежащему исполнению главной обязанности священников – служению восточной литургии, которое теснейшим образом связано с церковнославянским языком. Так, в 1895 г. хорошо знавший ситуацию изнутри о. Ю.-К. Жаткович признавался в частной корреспонденции: «...между нами есть богато священников, особенно кончивших гимназальный курс во послідних роках, котори ледви знають читати Требник, но розуміти по-руски не розуміють ничего»²⁴. При этом, правда, Жаткович считал, что в целом многие священнослужители владели русской (то есть, следует думать, в первую очередь русинской) речью, однако из страха перед венгерским обществом этого не афишировали²⁵.

Своего апогея мадьяризация Греко-католической церкви достигла накануне и в период Первой мировой войны. С 1915 г. кириллица заменялась церковными властями на венгерский вариант латиницы, вводился изначально чуждый восточному христианству грегориан-

ский календарь. Особенно это касается Прешовской и, в несколько меньшей степени, Мукачевской епархии²⁶.

Однако, отдав должное размаху мадьяризации, во многом формировавшей мировоззрение духовенства, рассматривая взгляды конкретных людей, нужно все-таки помнить, что проявления венгерской этнонациональной идентичности нередко легко перепутать (так как чаще всего невозможно разделить) с государственно-территориальной, культурной или языковой идентичностями. Как уже было отмечено, даже в условиях поздней мадьяризации какая-то часть греко-католического духовенства все же четко осознавала свою первостепенную невенгерскую (русинскую, русскую, угро-русскую или т. п.) идентичность. Так, например, в 1900 г. собрание священников в Медзилаборце большинством голосов постановило вести собственные протоколы на русском языке. Данная священническая резолюция была по ходатайству венгерского Министерства народного просвещения отменена Прешовским епископом. Однако, по словам будапештского исследователя Й. Перени, этот инцидент свидетельствует о том, что «еще в 1900 г. существовало среди духовенства движение защиты русского языка, которое можно назвать национальным»²⁷. На этот же период, конец XIX – начало XX в., пришлось активные годы творчества видных русинских литераторов, пользовавшихся репутацией русофилов – сельских священников Прешовской епархии о. Юлия Ставровского-Попрадова (1850–1899), о. А. Павловича и др.

Что же касается словацкой этнонациональной идентичности, очевидно, что, несмотря на явное присутствие среди греко-католических верующих словаков по языку, у духовенства, которое преимущественно балансировало между венгерской и восточнославянскими идентичностями, в конце XIX – начале XX в. она была наименее популярна²⁸. При этом сложно однозначно сказать, вызвано ли это только этноязыковыми причинами (например, русинским этническим происхождением многих священников) или же также объясняется, например, меньшей совместимостью в глазах современников словацкой идентичности и «русской веры». По мнению историка М. Барновского, дефицит священников-словаков являлся результатом не политики епископов, а исторического развития. Священническая профессия чаще всего переходила по наследству, и в словацкой среде быть священником восточного обряда было очень престижно²⁹. Как искренне отмечал один из лидеров движения за эмансипацию словаков в лоне Греко-католической церкви в

XX в. иезуит Михал Лацко (1920–1982), «...мы акцентируем факт, что до самого 1964 г. (когда был рукоположен первый в истории словацкий греко-католический епископ. – М. Д.) ни один из мукачевских и прешовских епископов не был словаком, и точно так же греко-католические епископы в Югославии и Америке не относили себя к словакам»³⁰. На наш взгляд, священники, будучи по указанным причинам изначально менее предрасположенными к словацкой идентичности, просто не имели стимулов для ее принятия и дальнейшей трансляции. Даже если священник был окружен словацкоязычной паствой, последняя преимущественно размышляла еще в домодерных категориях, поэтому не только не влияла на «выбор» этнонациональной идентичности своим пастырем, но, напротив, скорее сама вопреки собственным этноязыковым характеристикам могла перенимать идентичность священника.

Подводя предварительный итог, отметим, что вопрос об этнокультурном облике духовенства как своеобразного стержня Греко-католической церкви является не менее сложным, чем проблематика идентичности широких масс греко-католиков. Хотя в количественном отношении священнослужителей всегда значительно меньше их паствы, дать исчерпывающую характеристику этнической идентичности всех без исключения клириков не представляется возможным. Несмотря на сказанное, основываясь на доступных статистических и публицистических источниках, все-таки можно сделать вывод о том, что в целом среди греко-католического духовенства южной части Карпатского региона, в том числе в границах будущей Словакии, в период, предшествовавший образованию ЧСР, доминировала культивируемая правящими кругами венгерская идентичность. В несколько раз реже были декларируемы другие, в основном только взаимосвязанные восточнославянские идентичности (русинская, русская, угро-русская и т.п.), которые сейчас едва ли возможно четко различить, указав приблизительный процент их носителей от общего числа пастырей.

Тенденция в распределении венгерской и восточнославянских идентичностей заключалась в безоговорочном доминировании первой в городах, а также среди молодых священнических кадров и, по-видимому, некотором увеличении процента носителей последних в направлении с востока на запад. При этом отнюдь не теряют своей актуальности сведения о распространенности амбивалентной и ситуативной идентичностей, которые были также присущи многим священникам региона. Данное обстоятельство позволяет полагать, что,

несмотря на целенаправленную мадьяризацию XIX – начала XX в., Греко-католическая церковь в лице своих непосредственных представителей еще имела определенные потенции для трансформации своего этнокультурного облика (и соответственно ему – проводимой национально-языковой политики) в различных, в первую очередь – восточнославянских, направлениях. Этим и объясняется успех «ресславянизации» греко-католической конфессии, имевший место в Словакии в новых условиях межвоенной ЧСР.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В 1646 г. 63 священника из числа многочисленного духовенства обширной Мукачевской епархии (простиравшейся на территории нынешних Закарпатской области Украины, Восточной Словакии и прилегающих районов Венгрии и Румынии) приняли унию с Римско-католической церковью. Это событие положило начало Греко-католической церкви в регионе. Примечательно, что первыми принявшими унию священниками были духовные пастыри именно из Ужской, Земплинской, Шаришской и Спишской жуп, то есть с территорий, в настоящее время преимущественно входящих в состав Словакии. См.: *Lacko M., S.J. Gréckokatolíkom. Výber z diela. Košice, 1992. S. 33.*
- 2 *Панькевич І.* Матеріали до історії мови південнокарпатських українців // Науковий збірник Музею української культури в Свиднику. Пряшів, 1970. Т. 4. Кн. 2. С. 22–23.
- 3 В качестве примера можно привести известный в Прешовской и Мукачевской епархиях священнический род Жатковичей. Так, бабушка о. Юрия-Калмана Жатковича (1855–1921) Терезия Левицкая являлась родной или двоюродной сестрой Галицкого митрополита кардинала Михаила Левицкого (1774–1858) (см.: *Мазурок О.* Юрій Жаткович як історик та етнограф. Ужгород, 2001. С. 9). Теснейшим образом связана с Галицией родословная крупного русинского литератора о. Александра Павловича (1819–1900), который после кончины родителей в течение 1829–1835 гг. даже воспитывался у своих галицийских родственников (тоже представителей духовенства) (см.: *Павлович А. І.* Родопис Александра Ивановича Павловича // *Павлович О.* Гучать гори і долини. Вибрані твори. Ужгород, 2004. С. 294–295). К галичанам по происхождению также относят не менее известного местного писателя о. Анатолия Кралицкого

- (1835–1894) (см.: Рудловчак О. Анатолій Федорович Кралицький (12.02.1835–11.02.1894) // Календар «Просвіти» на 1994 рік. Ужгород, 1994. С. 46).
- 4 См.: [Духнович А.]. Краткая Біографія Александра Духновича, Крылошана Пряшовского, им самым написанная // Духнович О. Твори. Пряшів, 1989. Т. 3. С. 402–403. См. также статью, отражающую современное состояние изучения генеалогии А. Духновича с указанием литературы вопроса: Бураль М. До генеалогії Олександра Духновича // Науковий збірник Музею українсько-руської культури у Свиднику. Братислава, 2005. Т. 23. Олександр Духнович і наша сучасність. Матеріали міжнародної наукової конференції. Пряшів, 20–21 червня 2003 р.
 - 5 См.: Фурис Г. Презвиска мадярського походження при бачванско-сримских Руснацох – шліди їх прешлосци (I) // Шветлосц. 2008. № 3. С. 346.
 - 6 См.: Štátny archív v Prešove, fond Odbočka Ústredne štátnej bezpečnosti pri Policajnom riaditeľstve v Prešove 1938–1945, kat. č. 1477. Копия письма жупана А. Дудаша председателю правительства Словакии Войтеху Туке от 18 января 1941 г.
 - 7 Уже в наши дни переплетенные семейные связи местного духовенства стали объектом фундаментального справочника «Генеалогия греко-католических священников в Карпатском регионе (Восточная Словакия)», составленного коллективом исследователей-любителей (потомков целого ряда описываемых в их книге семей) во главе с Юраем Чисариком (см.: Čisárik J. The Genealogy of Greek Catholic Priests in Carpathian Region (Eastern Slovakia). Rodokmeň gréckokatolíckych kňazov v karpatskom regióne (východne Slovensko). 1675–2005. В.м., ММV).
 - 8 Жаткович Ю. Етнографический очерк угро-русских // Мазурок О. Юрій Жаткович... С. 175.
 - 9 Дешко А. П. О Карпатской Руси // Киевская старина. 1887. Т. 19. С. 540.
 - 10 См.: Мицюк О. Нариси з соціально-господарської історії Підкарпатської Руси. Прага, 1938. Т. 2. Доба феодально-кріпацька (від другої чверти XVI в. до половини XIX). Факс. вид.: Ужгород, 2003. С. 108–109. При этом, конечно же, проявления дистанцирования между священниками и паствой можно встретить и в более ранние периоды. Так, известный исследователь А. Мицюк, основываясь на материалах епископских визитаций, находит «национальный разрыв» между священнослужителями и верующими уже в середине XVIII в. (см.: Там же. С. 101–102).

- 11 Пожалуй, наиболее известным примером является личность о. Йозефа Зорвана (Карпати) (1882–1962), словака родом из центра словацкой этнической территории, игравшего заметную роль в жизни Прешовской епархии первой половины XX в. (подробнее о нем см.: *Ричалка М.* Захисник релігійних і національних прав русинів-українців // *Нове життя.* 2007. № 15–16; *Дронов М.* Штрихи до портрета Й. Зорвана // *Нове життя.* 2007. № 25–26). Также повышенную активность в лоне греко-католичества проявлял другой урожденный римо-католик – о. Адальберт Шаламон (1883–?), по-видимому, этнический венгр (см.: *Húsek J.* *Národopisná hranice mezi Slovákы a Karpatorusy.* Bratislava, 1925. S. 375).
- 12 *Historický archív Gréckokatolíckeho arcibiskupstva v Prešove. Prezidiálne spisy.* Inv. č.63. Sign. 54. Письмо о. И. Ханата епископу П. Гойдичу от 4 сентября 1928 г.
- 13 См.: *Панькевич І.* Матеріали до історії мови... С. 25.
- 14 См.: *Гапак П.* Внески до історії українців в Угорщині у другій половині XIX і початком XX століть // *Дукля.* 1957. № 3. С. 59.
- 15 См.: Там же. № 2. С. 53.
- 16 См.: Там же. № 3. С. 59.
- 17 В этой связи интересно, что среди южнокарпатских греко-католических семинаристов 1870-х гг. (которые к концу XIX – началу XX в. уже давно стали опытными священниками) почти только одни «пряшевчане», то есть уроженцы Прешовской епархии, активно пользовались русинским разговорным языком (см.: *Ханатъ И. И., свящ.* Кое-что изъ студенческой жизни Евменія Ив. Сабова // *Карпатскій Свѣт.* 1929. № 5–6. С. 598).
- 18 См.: *Гапак П.* Внески до історії... № 3. С. 59.
- 19 *Штефан А.* За правду і волю. Торонто, 1981. Кн. 2. С. 26.
- 20 [*Духнович А.*]. Краткая Біографія... С. 404.
- 21 *Павлович А. І.* Родопис... С. 295.
- 22 *Н.* Письмо из угорской Руси. Погибающий русский народ // *Славянское обозрение. Сборник статей по славяноведению.* СПб., 1894. Т. 2. С. 279.
- 23 См.: *Ванат І.* Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. Братіслава; Пряшів, 1990. Т. 1. (1918–1938). С. 28; *Ребрик Н.* Література народовецтва і Чину на українському Підкарпатті в першій половині XX століття. Ужгород, 2007. С. 62.
- 24 Листи Юрія Жатковича до Володимира Гнатюка (1895–1914) // *Мазурок О.* Юрій Жаткович... Л. 1. С. 29.
- 25 См.: Там же. С. 29–30.

- 26 Подробнее об этом см.: *Пап С.* Історія Закарпаття. Івано-Франківськ, 2003. Т. 3. С. 598–604; *Пекар А. В., ЧСВВ.* Нариси історії Церкви Закарпаття. Рим; Львів, 1997. Т. 1. Ієрархічне оформлення. С. 100–103.
- 27 *Перени Й.* Из истории закарпатских украинцев (1849–1914). Budapest, 1957. С. 144.
- 28 Личности, подобные упомянутому выше о. Й. Зорвану (Карпати), по понятным причинам изначально обладавшие четкой словацкой идентичностью, естественно, нельзя рассматривать иначе, как исключение.
- 29 См.: *Barnovský M.* Gréckokatolícka cirkev a slovensko-rusínske/ukrajinské vzťahy v 20. storočí // *Národ – cirkev – štát.* Bratislava, 2007. S. 207.
- 30 *Lacko M., S.J.* Gréckokatolíkom... S. 31. **Поскольку на сегодняшний день греко-католическое духовенство в Словакии, наоборот, преимущественно словацкое в национальном отношении, невольно можно прислушаться к реплике на этот счет о. Степана Папа (1917–1990), считавшего, что «самые большие словакизаторы среди духовенства – это сыны из украинского (русинского. – М. Д.) рода, родители которых не умели даже говорить по-словацки»** (*Пекар А. В., ЧСВВ.* Нариси історії... Рим; Львів, 1997. Т. 2. Внутрішня історія. С. 126).

Dronov M. Yu.

On the Ethnocultural Image of Greek Catholic Clergy on the Territory
of the Contemporary Slovakia
(the Nineteenth – the Early Twentieth Centuries)

On the base of available sources, the author analyzes the ethnocultural image of the Greek Catholic clergy of Slovakia in the 19th – early 20th cent.

Key words: *Hungarians, Greek Catholic church, clergy, Magyarization, Rusyns, Slovaks, Slovakia.*

О. В. Ракитянский
(Москва)

Украинская военная организация: в поисках «автора»

Статья посвящена проблеме образования Украинской войсковой организации, роли Е. Коновальца и Е. Петрушевича в ее становлении.

Ключевые слова: *Украинская военная организация, украинские националисты, Е. Коновалец, Е. Петрушевич.*

Движение украинских националистов – это явление, без учета которого невозможно в полной мере понять политическую историю Украины XX века. В исторической литературе, посвященной анализу украинского национализма начала прошлого века, основателем движения и создателем Украинской военной организации (УВО) традиционно считается Евгений Михайлович Коновалец.

Несмотря на то, что в хронологии образования УВО существуют значительные пробелы, роль Коновальца в создании этой организации обычно не подвергается сомнению. Например, известный украинский политический деятель, член ОУН (Организация украинских националистов), историк, журналист П. Мирчук, а также современный украинский исследователь А. Дарованец, подробно анализируя истоки Украинской военной организации, придерживаются традиционного взгляда: «УВО было создано в августе 1920 г. в Праге»¹.

Специалисты в основном вынуждены опираться на дневники и письма основателей украинского движения, в том числе на дневники Е. Коновальца². Однако имеющаяся в распоряжении историков мемуарная литература носит отпечаток личных пристрастий авторов, приверженцев той или иной версии событий и нуждается в дополнительной проверке. Более детального рассмотрения заслуживает и роль тех или иных лидеров украинского национального движения в создании УВО, принимая во внимание, что до сих пор не найдены материалы учредительного съезда организации.

Первая мировая война явилась исторической вехой в судьбах народов Центральной и Восточной Европы. На украинских землях, входивших ранее в состав Российской империи, была провозглашена Украинская Народная Республика (УНР), объявившая в январе 1918 г. о своей независимости. Однако ни Центральная рада, ни гетман

П. Скоропадский, ни Директория не смогли удержать власть, и дальнейшая судьба украинского народа оказалась связанной с УССР.

После капитуляции Австро-Венгерской империи в ноябре 1918 г. на территории ее восточных земель была провозглашена Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР), объединившая части современной Львовской, Ивано-Франковской и Волынской областей. Однако на эти же территории претендовала и получившая независимость Польша. В развернувшейся украинско-польской войне Варшаве удалось найти поддержку на Западе, и 11 июля 1919 г. Верховный совет Антанты обсудил условия мандата на оккупацию Восточной Галиции как «временной меры международного характера» с последующим заключением договора, по которому польское правительство должно обеспечить, по мере возможности, автономию этой территории, а также политическую, религиозную и личную свободу жителей. Государственно-политический статус Восточной Галиции предполагалось установить путем «свободного самоопределения» на основе плебисцита. Но в конечном итоге плебисцит так и не был проведен, а Верховный совет Антанты 21 ноября 1919 г. предоставил Польше 25-летний мандат на управление этими землями.

С первых же дней существования ЗУНР возник вопрос о ее отношениях с Украинской Народной Республикой. Несмотря на то что 22 января 1919 г. было торжественно объявлено об объединении украинских земель в едином государстве, отношения между лидерами УНР и ЗУНР оставались напряженными. Директория УНР во главе с С. Петлюрой отрицательно расценила введение диктатуры на территории ЗУНР, а западноукраинский лидер Е. Петрушевич был недоволен украинско-польскими контактами: 1 сентября 1919 г. было заключено прелиминарное соглашение между УНР и Польшей.

Не найдя взаимопонимания с С. Петлюрой, в ноябре 1919 г. Е. Петрушевич и его окружение вынуждены были выехать сначала в Румынию, а затем в Вену. Здесь, в эмиграции был создан так называемый правительственный центр, пытавшийся найти поддержку у стран Антанты в вопросе прекращения польской оккупации Галиции и восстановления западноукраинской государственности.

Политическое противостояние между двумя украинскими лидерами – Е. Петрушевичем и С. Петлюрой – в конечном итоге привело к разрыву их отношений. В середине 1920 г. были сформированы два независимых друг от друга национальных центра в Вене и Варшаве, выработавшие собственные программы борьбы за воссоздание своих государственных образований. Политическую и военную поддержку

С. Петлюра и Е. Петрушевич получили у разных союзников. Атаман согласился на уступки польской стороне, заключив негласную договоренность о передаче западноукраинских земель в состав Второй Речи Посполитой в обмен на участие польских войск в борьбе с Советской властью на Украине и содействие в возрождении УНР³.

Одновременно С. Петлюра в планируемой военной агрессии против УССР обязался предоставить две дивизии из числа интернированных войск бывшей армии УНР. Кроме того, планировалось организовать поддержку вооруженной интервенции со стороны украинских повстанческих сил, действовавших на территории Советской Украины. Так, например, в районе Днепропетровска и южнее Киева действовала Александровская повстанческая дивизия, в рядах которой в августе 1920 г. насчитывалось около 15 000 вооруженных сельских жителей⁴.

Е. Петрушевич, в свою очередь, рассчитывал на политическую поддержку властей Австрии и особенно Германии, поскольку последняя имела серьезные территориальные претензии к Польше. В условиях начавшегося в апреле 1920 г. наступления польских войск на Киев сторонники Петрушевича сняли лозунг о «борьбе с польскими оккупантами» на Западной Украине. А после начала июньского контрнаступления частей Красной армии на Львов речь уже шла о поддержке большевиков и пожелании поражения Украинской галицкой армии (УГА), принимавшей активное участие в обороне Галиции в составе польских войск.

В этой ситуации в июле 1920 г. и появилась Украинская военная организация, в образовании которой, по мнению большинства украинских историков, принял активное участие Е. Коновалец. Бывший командир Корпуса сечевых стрельцов (КСС)⁵, находившийся с декабря 1919 г. в лагере интернированных солдат УНР в Луцке, в феврале 1920 г. был освобожден, однако отказался от дальнейшего участия в командовании украинскими воинскими структурами бывшей УНР⁶. При этом он по-прежнему сохранял влияние на бывших товарищей по оружию из КСС и УГА. Свой отказ от службы С. Петлюре, по крайней мере публичный, он, как галичанин, объяснял несогласием с политикой Директории в отношении Польши, направленной, как он считал, в ущерб украинским интересам⁷. Несмотря на то что С. Петлюра лично ходатайствовал перед Ю. Пилсудским об освобождении Коновальца для участия в походе «на красных», полковник весной 1920 г. выехал из Польши в Вену, где в то время находилось правительство Е. Петрушевича⁸.

Наиболее объективным, по нашему мнению, является мнение известного украинского историка А. В. Кентия. Он считал, что Коновалец выехал из лагеря интернированных в Прагу по особому поручению С. Петлюры с целью создания нового воинского соединения из украинских солдат, находящихся в лагерях интернированных в Чехословакии. Однако работа по вербовке рекрутов в новые части будущей украинской армии была прекращена после окончания войны между Польшей и Советской Россией⁹.

По мнению Е. Коновальца, 1920 год показал, что открытая вооруженная борьба за УНР закончилась и, следовательно, необходимо переходить к новым формам национально-освободительного движения. «Политика УНР, как вообще политика Надднепрянской Украины, могла бы стать активной только в том случае, когда бы государства Антанты решились выступить с вооруженной интервенцией против большевиков. Однако, надеяться на это не было никаких оснований, – писал Е. Коновалец членам Стрелецкой рады Организации сечевых стрельцов (ОСС)¹⁰ в феврале 1921 г. – Поэтому мысль о вооруженной интервенции против сегодняшних панов России и Украины необходимо считать окончательно ликвидированной»¹¹.

Таким образом, Коновалец считал, что на смену открытому вооруженному противодействию пришел период создания подпольной националистической структуры на территории Западной Украины. По мнению украинских историков, целью создания УВО была борьба за освобождение Украины от «польских и большевистских оккупантов»¹². Однако следует учитывать, что Е. Петрушевич преследовал цель возродить ЗУНР и не в интересах диктатора было участвовать в возвращении в Киев «предателя» С. Петлюры после заключения последним в конце апреля 1920 г. Варшавского договора о совместной борьбе против «красных» и признание аннексии Польшей Галиции и Западной Волыни. Глава Директории, в свою очередь, не мог оказывать поддержку Е. Петрушевичу, поскольку вынужден был учитывать интересы Польши, от которой он ожидал помощи в борьбе с большевиками. В конце 1920-го – начале 1921 г. С. Петлюра совместно с Генеральным штабом польской армии создал Повстанческий партизанский штаб (ППШ) при Государственном центре УНР во Львове. Весной 1921 г. ППШ развернул активную работу по организации вооруженной интервенции на Украину¹³.

Таким образом, между двумя украинскими лидерами существовали не только личные антипатии, но и принципиальные политические расхождения по вопросам возрождения украинских государств,

что мешало им объединиться для борьбы как с польскими, так и советскими «оккупантами».

В конце лета 1920 г. во Львове был создан руководящий орган УВО – так называемая Начальная команда, перед которой правительство ЗУНР в эмиграции поставило задачу организовать повстанческую и диверсионно-разведывательную деятельность против польских властей на западноукраинских землях. Летом 1920 г., в условиях наступления Красной армии, подобная деятельность в Галиции могла дестабилизировать внутреннюю ситуацию в Польше и ухудшить взаимоотношения между Петлюрой и Пилсудским, о чем не мог не знать Е. Петрушевич.

В письме премьер-министру правительства УНРВ. Прокоповичу¹⁴ 27 июля 1920 г. С. Петлюра настаивал: «Необходимо разъяснить Е. Петрушевичу и его приверженцам, «что всякая террористическая акция (антипольская. – *О. Р.*), к которой здесь готовятся, не состоится до тех пор, пока мы здесь находимся». И далее пояснил, что в настоящее время врагом украинской государственности являются большевики. Накануне решающего съезда в Праге, провозгласившего создание УВО, бывший глава Директории был осведомлен, чем будет заниматься будущая подпольно-террористическая структура его политического оппонента, и просил направить ее деятельность на борьбу с большевиками¹⁵.

Простыми «разъяснениями», судя по уровню информированности о планах Е. Петрушевича, С. Петлюра ограничиваться не собирался. Вышеприведенное письмо красноречиво свидетельствует не только о его враждебном отношении к Е. Петрушевичу, но и о том, что атаман был в курсе планов диктатора. Мы обоснованно допускаем, что Петлюра располагал высококвалифицированной агентурой в окружении главы ЗУНР и, исходя из своих интересов, располагал реальными возможностями не только противодействовать образованию подпольной военной организации на территории Восточной Польши, но и передавать получаемые сведения заинтересованным лицам в польском руководстве¹⁶.

Наиболее реальным источником информации С. Петлюры в среде эмигрантской верхушки ЗУНР мог быть Е. Коновалец. Именно он возглавлял вооруженную часть заговора свержения гетмана Скоропадского и прихода к власти на Украине Петлюры и оставался непреклонным его приверженцем даже после смерти атамана¹⁷. В свою очередь глава Директории использовал Коновальца в эмигрантских кругах лидеров ЗУНР с целью переориентации сторон-

ников Е. Петрушевича на борьбу с большевиками за независимость всей Украины.

Однако попытки С. Петлюры на этот раз оказались тщетными. «Военная организация» (именно под таким названием проходила данная структура в материалах ЗУНР) развернула свою деятельность в июле–августе 1920 г., в период победоносного наступления Красной армии на Варшаву.

Спустя год главе Директории все же удалось взять «под контроль» деятельность УВО: в конце 1921 г. Коновалец возглавил УВО на западноукраинских землях (в документах украинской эмиграции они именовались «Краем»), сконцентрировав в своих руках все «нити» подпольной борьбы с «врагами» ЗУНР. Как впоследствии оказалось, после прибытия во Львов летом 1921 г. он полностью посвятил себя участию совместно с генералом Ю. Тютюнником в подготовке очередной вооруженной интервенции на Украину.

О том, что Коновалец работал в интересах С. Петлюры и ориентировался исключительно на борьбу с «оккупантами-большевиками», поведал один из первых членов УВО, подполковник М. Курах: «Летом 1921 г. в Край вернулся из Вены полковник Е. Коновалец с желанием возглавить УВО. Несмотря на сопротивление *“петрушевцев”* (курсив мой. – О. Р.), Е. Коновалец сумел взять УВО под свой контроль и сделать на ее основе базу для борьбы с московским национал-большевизмом. Он тесно сотрудничал с Главным атаманом С. Петлюрой, атаманом Ю. Тютюнником, генералом М. Безручко, готовясь с ними к осенне-зимней отправке Ю. Тютюнника в Восточную Украину (так в тексте. – О. Р.). Вместе с Е. Коновальцем над организацией кампании трудились стрелецкие старшины: полковник Ю. Отмарштайн, полковник Р. Сушко, сотники Г. Гладкий, Д. Герчановский и Стефанишин»¹⁸.

Воспоминания М. Кураха как прямого участника событий представляют несомненный интерес для исследователя и могут внести коррективы в принятую большинством украинских историков картину возникновения УВО, по-новому осветив роль Коновальца в ней, а также правительства ЗУНР в эмиграции, выступившего инициатором образования УВО. При исследовании столь деликатной темы важно не только подробно проанализировать перипетии жизни украинской эмиграции, восстановив во всех подробностях картину украинского национального движения, но и учитывать внешнеполитическую ситуацию, и особенно позицию Германии и Польши. В данном случае необходимо комплексное исследование, с учетом всех

факторов, как внутренних, так и внешних. В противном случае реальная картина событий может быть искажена.

В поддержку версии М. Кураха о причастности правительства ЗУНР к созданию УВО выступил П. Мирчук: «В первые годы своего существования УВО формально признавала свое подчинение правительству ЗУНР – Е. Петрушевичу. В частности, командант УВО Е. Коновалец принимал участие в заседаниях Народного комитета Украинской народно-трудовой партии во Львове, который находился в постоянной связи с администрацией Е. Петрушевича в Вене. Однако с весны 1923 г. пути Начальной команды УВО и руководства ЗУНР начали расходиться»¹⁹. К сожалению, П. Мирчук лишь констатировал связь УВО с ЗУНР, не рассмотрев ее в подробностях и перспективе.

В то же время А. Дарованец не считает эмигрантское правительство ЗУНР причастным к созданию организации, и, ссылаясь на следственные и оперативные материалы польской полиции, указывает, что УВО была образована в июле 1920 г. по инициативе ОСС²⁰.

Использовать материалы польских спецслужб для датировки образования УВО необходимо, как нам представляется, с известной долей осторожности, учитывая их желание представить военную организацию ЗУНР как коварный «инструмент» правительства Е. Петрушевича в деле свержения польской власти на территории Западной Украины.

Анализируя деятельность УВО на Западной Украине, бывший член организации М. Мартинец отмечает, что после поражения правительства ЗУНР в военном противостоянии с Советской властью участники сохранившихся структур ОСС решили, что надежда на помощь стран Антанты в восстановлении ЗУНР оказалась беспочвенной. По их мнению, освобождение родной земли от польских оккупантов возможно лишь при активном участии населения Галиции и путем проведения террористических, диверсионных и саботажных акций в отношении польских государственных институтов, а в перспективе и народного восстания.

Как утверждает М. Мартинец, в течение короткого времени львовская группа «сечевых стрельцов», установив контакты с бывшими военнослужащими УГА, приступила к организации тайной военной организации, на которую в будущем планировалось возложить руководящую роль в борьбе с польским оккупационным режимом. Создание такой структуры взяли на себя сотники Я. Чиж и М. Матчак²¹. По мнению М. Мартинца, вновь образованная военная организация действовала на Западной Украине без каких-либо контактов с эмигрантским правительством ЗУНР и Е. Коновальцем.

Еще одну версию происхождения военной организации в Крае приводит М. Курах. Он указывал, что осенью 1918 г. во Львове украинские офицеры УГА и ОСС решили организовать подпольную военную организацию с целью объединения украинских формирований австрийской армии. Был создан Центральный военный комитет (ЦВК), которому подчинялась сеть окружных войсковых комитетов, образованных в октябре 1918 г. на Западной Украине. Как писал М. Курах, основные задачи подпольной украинской структуры сводились к «призыву сознательного населения к активным действиям и установлению власти националистических советов в поветах». Подобные цели со временем определила для себя и УВО, которая «мечтала об освобождении украинского народа путем создания Украинского Независимого Соборного Государства»²².

М. Курах одним из первых привел организационную схему войсковой организации: область – округ – повет – районы – нижние участки («пятерки» и «тройки») и доверенные лица (симпатизирующие. – О. Р.) УВО. При этом он признает, что некоторые элементы структуры появились позднее в процессе развития организационной сети²³. В 1918 г. управление военной организации возглавила так называемая Украинская генеральная команда во главе с Б. Гнатовичем, Д. Палием, И. Цоканом²⁴.

Летом 1921 г. Командой стал называться и руководящий львовский центр УВО во главе с Е. Коновальцем. До его приезда 20 июля руководство осуществлялось Начальной коллегией и в соответствии с приказом № 1 от 2 сентября 1920 г., главной задачей УВО была организация в подходящий момент вооруженного восстания с целью свержения польской власти и освобождения украинского народа.

Начальная коллегия рассматривала себя как руководящий орган для всех украинских военных организаций на украинских землях и за ее пределами. Начальной коллегии УВО подчинялись 6 окружных коллегий, которые управляли Львовским, Перемышлянским, Стрыйским, Станиславским, Тернопольским и Сокальским округами. Округа делились на поветы, управлявшиеся поветовыми коллегиями. Нижней ячейкой были так называемые «боевки»: сначала «пятерки», а с 1922 г. – «тройки»²⁵.

Приведенный приказ многими исследователями ставится под обоснованное сомнение. При этом указывается, что единственное свидетельство о существовании данного документа содержится в материалах уголовного дела С. Федака, совершившего 25 сентября 1921 г. покушение на Ю. Пилсудского. При обыске в конце сентября 1921 г. на квартире у

М. Кураха сотрудники польской полиции якобы обнаружили этот приказ, который по непонятным причинам находился в квартире на протяжении целого года. Возможно, польская контрразведка умышленно изменила год выхода приказа, чтобы продемонстрировать давнюю угрозу польскому государству со стороны украинских националистов²⁶.

Как нам представляется, приказ был принят осенью 1921 г., когда началась реорганизация Львовской краевой экспозитуры (негласного представительства) УВО полковником Е. Коновальцем по указанию диктатора Е. Петрушевича.

В то же время о существовании УВО (фигурирующей в материалах ЗУНР как «Военная организация») на Западной Украине осенью 1920 г. свидетельствуют документы эмиграционного правительства ЗУНР в Вене. Так, в частности, 18 сентября 1920 г. связным правительства ЗУНР с Восточной Галицией был назначен Я. Подляшецкий. 1 октября 1920 г. на совещании Коллегии уполномоченных Диктатора ЗУНР Р. Перфецкий огласил зашифрованный доклад из Края, в котором содержалась просьба увеличить финансовую помощь военной организации с целью подготовки вооруженной акции. Решено выслать 100 000 крон Боевому комитету в Крае исключительно на организационные цели²⁷.

Таким образом, осенью 1920 г. на Западной Украине уже существовала некая Военная организация, связанная с правительством ЗУНР и Е. Петрушевичем и финансируемая через Боевой комитет. Факт передачи в октябре 1920 г. денег Военной организации в Крае подтвердил и П. Мирчук: «Во время сотрудничества УВО с правительством ЗУНР представитель правительства Я. Селезинка (министр обороны. – *О. Р.*) передал из фонда ЗУНР на цели УВО сумму 100 000 крон. Отдельным источником финансирования УВО были экспроприационные нападения на почтовые и финансовые представительства»²⁸.

О главенствующей роли Е. Петрушевича в УВО, о связи этой организации с правительством ЗУНР пишет в своих воспоминаниях еще один активный член организации О. Навроцкий. По его словам, «межпартийная рада стояла на позициях правительства ЗУНР во главе с президентом доктором Евгеном Петрушевичем и на этих же позициях стояла также Начальная коллегия УВО. Во Львове действовала Делегатура (представительство) правительства ЗУНР под руководством Михаила Галушинского... После приезда полковника Е. Коновальца во Львов Начальную коллегия УВО переименовали в Начальную команду УВО...

Голова Делегатуры ЗУНР, профессор М. Галущинский, просил полковника Коновальца организовать встречу со штабом УВО. Встреча была короткой...

Как Начальный командант УВО полковник Е. Коновалец *состоял в связи с Диктатурой ЗУНР в Вене и с некоторыми кругами центра УНР* (в Польше, курсив мой – О. Р.) в Крае с руководящими политическими деятелями...»²⁹.

С мнением О. Навроцкого согласился украинский историк А. Кентий, который упоминал о состоявшейся в ноябре 1920 г. Коллегии уполномоченных диктатора ЗУНР с требованием от УВО предоставить подробный отчет о расположении польских войск и жандармерии в Восточной Галиции³⁰.

Учитывая вышеприведенные данные, мы вправе предположить, что в указанный период Е. Коновалец пытался использовать свое влияние в таких военных структурах, как КСС и ОСС для организации на их базе в 1920–1921 гг. собственной военной организации.

Некоторые участники событий сообщали, что планируемая военная организация была направлена на свержение С. Петлюры и захват власти в случае освобождения Киева от большевиков. Так, один из уполномоченных Е. Коновальца, сотник М. Матчак, в мае 1920 г. прибыл в 16-ю стрелковую бригаду армии УНР, которая находилась под Киевом, и пытался создать военную организацию. Впрочем, вскоре он вынужден был отказаться от своих намерений, встретив решительное сопротивление командира соединения Р. Сушко³¹. Возможно, именно последний, несмотря на общее с М. Матчаком «сечевое» прошлое, доложил по инстанции о происшествии. Как свидетельствует бывший «сечевик» М. Курах, С. Петлюра в мае 1920 г. уже был проинформирован о настоящих намерениях Е. Коновальца³². Для С. Петлюры деятельность бывшего командира «сечевых стрельцов» не представляла угрозы: в качестве претендента на булаву он не имел в своем распоряжении военной силы и опирался только на круг своих бывших боевых соратников³³.

П. Мирчук, А. Дарованец, М. Ковальчук приводят данные о перманентных попытках Е. Коновальца и его сторонников в 1920–1923 гг. сформировать военные подразделения из бывших «сечевых стрельцов» и военнослужащих УГА и армии УНР. После передачи Антантой прав на управление Галиции Польше Е. Коновальцем был сделан вывод о бесперспективности и тщетности попыток вооруженного восстания на территории Надднепрянщины, и взят курс на переход к разведывательно-террористической деятельности на территории УССР.

Принимая во внимания изложенные факты, уместно говорить, что, возвратившись в июле 1921 г. во Львов, Коновалец попытался реализовать себя в качестве одного из политических и военных лидеров ЗУНР путем создания новой политической и военной структуры или переподчинения себе уже существующей УВО, планируя в дальнейшем возглавить «освободительный поход» на Советскую Украину.

Имеющиеся в распоряжении исследователей материалы не позволяют однозначно утверждать, что полковник стремился организовать вооруженную борьбу на Западной Украине против польского оккупационного режима в тесном сотрудничестве с правительством ЗУНР.

Осенью 1922 г. Е. Коновалец был снят с поста команданта Краевой УВО и вместо него по указанию Е. Петрушевича назначен А. Мельник. Учитывая, что освободившуюся должность по приказу диктатора занял его бывший боевой заместитель по корпусу «Сечевых стрельцов», мы вправе предположить, что правительство ЗУНР в эмиграции располагало вескими причинами для принятия такого решения и относились они к провалу возложенных на Е. Коновальца надежд по организации «народного восстания» на Западной Украине.

На основании изложенного мы допускаем обоснованную возможность постановки вопроса о пересмотре роли Е. Коновальца в создании и руководстве УВО на начальном этапе ее существования. Наряду с этим нельзя исключать, что полковник Е. Коновалец, работая «под контролем» правительства ЗУНР, намеревался «играть собственную партию» в украинской эмиграционной политике, ориентируясь на правительство УНР. В свою очередь С. Петлюра, в интересах польской стороны, мог использовать Е. Коновальца в борьбе с Е. Петрушевичем и нейтрализации попыток последнего по дестабилизации внутривосточной ситуации на Западной Украине, а также консолидации украинской эмиграции, прежде всего военнотрудовых УГА и КСС, в запланированной на 1921 год вооруженной интервенции в УССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Мирчук П.* Нарис Історії ОУН. 1920–1939 роки. Вид. 3-е, доповнене. Київ, 2007. С. 20–21; *Дарованець О.* Організаційні початки УВО та формування її структури (1920–1922). Український визвольний рух. Львів, 2007. Зб. II. С. 24–26.

- 2 *Кентій А. В.* Збройний чин українських націоналістів. 1920–1956. Історико-архівні нариси. Київ, 2005. Т. 1. Від Української Військової Організації до Українських Націоналістів. 1920–1942. С. 33; *Кентій А. В.* Українська Військова Організація (УВО) в 1920–1928. Короткий нарис. Київ, 1998. С. 14. Следует заметить, что точная дата образования УВО в дневниках Коновальца отсутствует.
- 3 Несмотря на то что 22 января 1919 г. был торжественно объявлен Акт Соборности, окончательно вопрос о форме включения западных земель должен был быть решен на Украинском учредительном собрании, которое так и не состоялось. Тем не менее С. Петлюра пытался нейтрализовать руководство ЗУНР в эмиграции в качестве политического и юридического субъекта международных отношений.
- 4 Кость Блакитний. Отаман Степової дивізії. Збірник документів і спогадів. Київ, 1997. С. 23–62.
- 5 Корпус был сформирован 25 января 1919 года на базе соединений 1-й дивизии Сечевых стрельцов, Черноморской и Днепровской дивизий. В ноябре 1919 г. был расформирован (*Ковальчук М.* Євген Коновалець на чолі Січових стрільців (1918–1919) // Український визвольний рух. Львів, 2006. Зб. 8. С. 24–76).
- 6 Е. Коновалец во время Первой мировой войны служил офицером австро-венгерской армии, в конце апреля 1915 г. попал в плен и находился в районе Царицина. Летом 1917 г. Коновалец, как представитель царицинской украинской общины, выехал в Киев. Во время антигетманского восстания 20 ноября 1918 г. был начальником Осадного корпуса, наступавшего на Киев. В армии УНР занимал должности командира дивизии, корпуса.
- 7 *Олесь О. (Кандиба О.)* Євген Коновалець. Нарис про життя, чин і смерть великого українського патріота. На чужині, 1948. С. 21.
- 8 ЦДІА України у Львові. Ф. 462. Оп. 1. Спр. 235. Арк. 3; ЦДАВО України. Ф. 1075. Оп. 1. Спр. 63. Арк. 4; Архів ОУН в Києві. Листи Є. Коновальця. 1919–1922, 1937 рр. Лист Є. Коновальця до А. Мельника від 5 січня 1920 р. Арк. 48.
- 9 *Кентій А. В.* Збройний чин українських націоналістів... Т. 1. С. 41.
- 10 В январе 1918 г. после провозглашения независимости УНР реорганизованную Стрелецкую раду возглавил полковник Е. Коновалец. До 1922 года Коновальцем предпринимались усилия по объединению всех структур этой полувоенной организации как за границей, так и в Галиции в единое политическое движение (партию) на базе бывших военнослужащих КСС и Украинской Галицкой армии.

- 11 Архів ОУН в Києві. Листи Є. Коновальця. 1919–1922, 1937 рр. Лист Є. Коновальця до А. Мельника від 21 вересня 1921 р. Арк. 242.
- 12 *Мирчук П.* Нарис Історії ОУН... С. 20–21; *Ковальчук М.* Біля витоків УВО: військово-політична діяльність Є. Коновальця у 1920–1921 рр. // Український визвольний рух. Львів, 2006. Зб. 7. С. 76–77.
- 13 *Срібняк І.* Обеззброєна, але нескорена. Інтернована Армія УНР у таборах Польщі і Румунії (1921–1924 рр.). Київ; Філадельфія, 1997. С. 82–87.
- 14 В. Прокопович был премьер-министром УНР с 26 мая по 14 октября 1920 г. После убийства С. Петлюры с 1926 по 1939 гг. возглавлял Правительство УНР в изгнании в Париже.
- 15 *Кентий А. В.* Збройний чин українських націоналістів. 1920–1956... Т. 1. С. 36.
- 16 В целях организации шпионской и иной подрывной деятельности на территории Советской Украины в отряды Повстанческой армии Тютюнника, которые возглавляли Палий и Янченко, были включены начальник разведки Р. Сушко и начальник штаба Партизанско-Повстанческого штаба Ю. Отмарштейн. Польская разведка включила своих представителей в лице майора Флерека, поручиков Ковальского и Щалина. Планировался четвертый поход Антанты. Об этом советским органам контрразведки стало известно от внедренного в штаб Ю. Тютюнника сотрудника разведки Всеукраинской ВЧК Сергея Карина. В окружении С. Петлюры также работали агенты советских спецслужб, в частности, Снегирев – личный секретарь атамана.
- 17 По сведениям П. А. Судоплатова, Коновалец был активным сподвижником и почитателем С. В. Петлюры, убитого в Париже в 1926 г.: «Коновалец боготворил этого человека, называя его “нашим знаменем и самым любимым вождем”». См.: *Судоплатов П. А.* Спецоперации: Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 2003. С. 32.
- 18 Варшавський акт обвинувачення Степана Бандери та товаришів. Львів, 2005. С. 74. Курах на допросах в НКВД в 1944 г. показал, что начало создания УВО относится к лету 1921 г. и связывал это с приездом Е. Коновальца во Львов. О том, что М. Курах, как один из руководителей УВО, располагал всесторонней информацией по исследуемой проблеме и был откровенен со следствием, говорит факт прекращения уголовного дела в отношении него и освобождения из-под ареста. Вскоре он «внезапно оказался» в Западной Европе и, представляется, что не без помощи НКВД. См.: ЦДАГО України. Ф. 263. Оп. 1. Кор. 502. Спр. 33285. Арк. 37, 118, 119.
- 19 *Мирчук П.* Нарис Історії ОУН. 1920–1939 роки... С. 31–33.

- 20 *Дарованець О.* Організаційні початки УВО та формування її структури... С. 27.
- 21 *Мартиниць В.* Українське підпілля. Від У.В.О. до О.У.Н. Спогади і матеріали до історії та передісторії українського організованого націоналізму. Б. м., 1949. С. 32.
- 22 *Кентій А. В.* Збройний чин українських націоналістів. 1920–1956... Т. 1. С. 36.
- 23 ЦДІА України у Львові. Ф. 205. Оп. 1. Спр. 889. Арк. 31, 51 зв.; Спр. 3105. Арк. 111.
- 24 *Васюта І.* Політична історія Західної України (1918–1939). Львів, 2006. С. 21.
- 25 *Васюта І.* Політична історія Західної України... С. 118–119; *Книш З.* Начальна команда УВО у Львові // Євген Коновалець та його доба. Мюнхен, 1974. С. 289.
- 26 *Безжук О. М.* Матеріали Ольги Басараб: ще раз про розвідувальну діяльність УВО // Держава та армія. Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Львів, 2007. Вип. 584. С. 133.
- 27 Західно-українська народна республіка. 1918–1923. Уряди. Постаті. Львів, 2009. С. 239.
- 28 *Мирчук П.* Нарис Історії ОУН. 1920–1939 роки... С. 33.
- 29 *Книш З.* Підґрунтя УВО. Режим доступу: http://avancar.ucoz.ua/index/nacionalistichna_literatura/0-23
- 30 *Кентій А. В.* Збройний чин українських націоналістів. 1920–1956... Т. 1. С. 50.
- 31 *Кучерук О.* Протокол засідання Стрільцької Ради 10–12 вересня 1921 року // Воєнна історія. 2002. № 1. С. 139.
- 32 ЦДАГО України. Ф. 263. Оп. 1. Спр. 33258. Арк. 50 зв.
- 33 Там же.

Rakityansky O. V.

The Ukrainian Military Organization: in the Search for the «Author»

The article's subject is the problem of shaping of the Ukrainian military organization and the role of E. Konovalets and E. Petrushevich in its further formation.

Key words: *Ukrainian military organization, Ukrainian nationalists, E. Konovalets, E. Petrushevich.*

М. В. Шкаровский
(Санкт-Петербург)

**Влияние русской церковной эмиграции
на славянские страны
в 1920–1940-е гг.**

В статье рассматривается история русской церковной эмиграции и ее воздействие на культурную, общественную и церковную жизнь славянских стран Восточной Европы в 1920–40-е гг. Ключевые слова: *Русская церковная эмиграция, славянские страны, Европа, миссионерская деятельность, духовное образование.*

Одной из самых заметных страниц истории России в XX в. была деятельность миллионной русской эмиграции, в том числе церковной. Более 90 лет прошло со времени ее появления, но целый ряд сфер жизни русского зарубежья, несмотря на очевидную научную значимость, до сих пор не подвергался глубокому исследованию. При этом большой интерес представляет не только внутренняя история русской церковной эмиграции, но и ее влияние на страны проживания.

Историография темы не очень велика. До сих пор отсутствует комплексный труд по истории русской церковной эмиграции в славянских странах. Только в начале 1990-х гг. началось обращение к колоссальным, недоступным ранее пластам документов российских архивов, а также зарубежным архивам Русской Православной Церкви, которые пока еще недостаточно введены в научный оборот.

К настоящему времени появилась группа работ светских и церковных ученых, посвященная истории Русской Православной Церкви в Юго-Восточной Европе. Так, деятельность русской церковной эмиграции в Югославии рассматривается в небольшой, но интересной книге В. И. Косика «Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.)». В приложениях к своей монографии автор опубликовал отрывки из воспоминаний протоиерея Владимира Мошина и епископа Василия (Родзянко). Определенную помощь исследователям православия окажет и приложение к этой работе: «Краткие биографические сведения о некоторых лицах, упоминаемых в книге»¹. Много ценных фактов в этом плане можно извлечь из обзорных работ по истории Югославии и ее отдельных регионов немецких историков Т. Бремера, К. Бухенау и Л. Штайндорфа². А в 2011 г. Клаус Бухенау

опубликовал фундаментальную монографию о русском влиянии на Сербскую Православную Церковь³.

Истории русской церковной эмиграции в Болгарии и ее влиянию на Болгарскую Православную Церковь посвящены статьи А. А. Кострюкова и М. В. Шкаровского, а аналогичным сюжетам в Чехословакии – труды В. Буреги и М. В. Шкаровского. Основным автором, изучающим историю русских общин в Италии и Греции, является проживающий в настоящее время в Неаполе петербургский историк М. Г. Талалай. Он опубликовал несколько ценных работ, в том числе по истории приходов во Флоренции, Сан-Ремо, Бари и русских обителей на Святой Горе Афон⁴.

При изучении истории русской церковной диаспоры в Восточной Европе необходимо учитывать труды славянских, прежде всего сербских, хорватских, словацких и чешских историков: Р. Радич, П. Позара, В. Джурича, Ю. Кришто, М. Йовановича и др. При всем различии и порой политизированности их позиций эти труды представляют значительную ценность вследствие использования большого комплекса документов государственных и церковных архивов балканских стран⁵. В конце 2000-х гг. вышли две работы, специально посвященные биографиям служивших за границей русских церковных деятелей, в том числе в славянских странах: французского исследователя Антуана Нивьера и В. И. Косика⁶.

В целом можно констатировать, что развитие исторической мысли в области истории православного Русского зарубежья за последние годы сделало значительный шаг вперед. Накоплено большое количество фактического материала. Стали доступны и издаются в России эмигрантские журналы и газеты, освещающие на своих страницах вопросы истории Православной Церкви. Переизданы труды многих представителей русской эмиграции, активно работают российские ученые. Однако история русского Православия за границей как научная дисциплина по-прежнему находится в стадии формирования.

Многие отдельные аспекты истории русской православной диаспоры, в частности влияние церковной эмиграции на славянские страны, остаются малоисследованными и требуют дальнейшего изучения, прежде всего, на основе огромного комплекса документов российских государственных и зарубежных церковных архивов.

Живший после Октябрьской революции в Париже известный писатель Д. С. Мережковский как-то сказал о русских эмигрантах «первой волны» замечательные слова: «Мы не в изгнании, мы в послании». Действительно, феномен русского зарубежья XX в.

заклучался в ознакомлении европейской общественности с российскими вековыми культурными и религиозными ценностями. Этому способствовала целая плеяда оказавшихся в эмиграции выдающихся русских религиозных философов: о. Сергей Булгаков, о. Георгий Флоровский, Николай Бердяев, Владимир Ильин, о. Иоанн Мейендорф, о. Александр Шмеман и многие другие.

Российские эмигранты смогли воссоздать за рубежом многие институты и проявления жизни дореволюционной России. Но это не был слепок со старой России, появился новый мир, который теперь принято называть Русским зарубеьем. Его составляющими были: система образования от начального до высшего, система научных институтов и обществ, разветвленная сеть издательств и органов периодической печати, продолжение русских традиций в различных жанрах искусства (архитектура, кино, литература, музыка, театр), сложившаяся структура русских зарубежных архивов, музеев, библиотек и, конечно, церковная жизнь, являвшаяся центром всего этого мира. Освоение того духовного наследия, которое наши соотечественники смогли сохранить за рубежом, несомненно, имеет большое значение для современной России.

К 1917 г. Русская Православная Церковь уже имела пять зарубежных миссий, основанных большей частью во второй половине XIX в. Десятки русских храмов были построены также в Европе, в том числе на территории нынешней Чехии – 3, в Болгарии – 2 и т. д. (до 1918 г. они находились в ведении Санкт-Петербургского митрополита). Однако численность их прихожан оставалась небольшой.

После Октябрьской революции Русская Православная Церковь продолжила и даже расширила миссионерскую деятельность за пределами страны. В результате поражения белого движения в ходе Гражданской войны 1918–1920 гг. Россию покинуло около двух миллионов ее жителей, не смилившихся с победой советской власти, из них более 200 тысяч к началу 1920-х гг. поселилось в странах Балканского полуострова, прежде всего в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославии). Такое количество русских эмигрантов способствовало значительной активизации церковной жизни. В числе покинувших Россию было около двух тысяч священнослужителей, в том числе свыше сорока архиереев; только в Сербскую Православную Церковь приняли на службу 250 русских священников, в Болгарскую Церковь – около 100 и т. д.

В первую очередь 1920–40-е гг. представляли собой уникальный период, когда русское духовенство играло значительную роль

в общей религиозной жизни славянских стран. Оно было более образованно, активно, чем местные православные священнослужители (в Болгарии и Югославии высшие духовные учебные заведения возникли лишь в начале 1920-х гг.), и поэтому с начала 1920-х гг. зачастую выступало инициатором многих важных духовных процессов: способствовало возрождению монашества (в частности, женского монашества в Сербии), созданию духовных учебных заведений, развитию богословской науки и т. д. Так, в Сербии и Болгарии до начала 1920-х гг. не было высших духовных учебных заведений, и в создание богословских факультетов Белградского и Софийского университетов значительный вклад внесли русские эмигранты.

Некоторые страны Юго-Восточной Европы после Первой мировой войны обрели независимость или значительно расширили свои территории, поэтому многое в их внутреннем устройстве, в том числе в церковной жизни, пришлось создавать заново, и в данном деле русские священнослужители смогли ярко проявить себя. Этому способствовала историческая вековая традиция воспринимать Церковь могущественной Российской империи как ведущую в православном мире.

В ряде неправославных по основному составу населения стран русские священнослужители даже играли важнейшую роль в попытках создания новых Православных Церквей: в Венгрии, Хорватии, Чехословакии и т. д. Все эти Церкви возглавили русские священнослужители: Хорватскую – митрополит Гермоген (Максимов), Чехословацкую – митрополит Елевферий (Воронов), Венгерско-Русинскую – протопресвитер Михаил Попов, Польскую – митрополит Дионисий (Валединский). Далеко не везде подобные попытки (имеющие политический подтекст) увенчались успехом, однако они так или иначе способствовали укреплению православной традиции. Кроме того, еще в 1930-е гг. Русская Православная Церковь за границей попыталось создать несколько новых Духовных Миссий в различных регионах мира.

Как существовавшие ранее, так и появившиеся после 1917 г. православные общины не имели единого управления и принадлежали к трем юрисдикциям, к началу 1930-х гг. возникшим на основе прежде единой Русской Церкви: Московский Патриархат, Русская Православная Церковь за границей с центром в югославском городе Сремски Карловцы (карловчане) и Временный экзархат Вселенского Патриарха на территории Европы с центром в Париже, который возглавлял митрополит Евлогий (Георгиевский) – по имени главы его

последователи назывались евлогиане. Правда, общин Московского Патриархата в Юго-Восточной Европе к началу Второй мировой войны практически не осталось, немного было и евлогианских приходов. Подавляющая часть священнослужителей и мирян принадлежала к Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ).

Эта Церковь хотя и была относительно небольшой по численности, однако обладала значительным авторитетом. Паства РПЦЗ проживала в Болгарии, Румынии, Греции, Венгрии, Чехословакии, а в основном – в Югославии. На территории этого государства в начале 1920-х гг. поселилось около 73,5 тыс. русских эмигрантов (правда, затем их число существенно сократилось)⁷.

В межвоенный период в Югославии было зарегистрировано более тысячи русских организаций. Уже в начале 1920-х гг. возникла целая сеть русских учебных заведений, многие из которых имели свои домовые храмы. Так в 1923–1924 гг. в королевстве действовали 24 русские начальные и средние школы с обязательным преподаванием Закона Божия, в которых обучалось около 3 тыс. детей⁸.

Широкое распространение получила благотворительность, в том числе церковная. Были открыты 8 русских амбулаторий и здравниц, 6 домов престарелых и приютов для инвалидов, 14 детских домов-интернатов и приютов, общежития, более 10 детских садов (в программу которых входили беседы о Законе Божиим), частично при храмах и монастырях. Подавляющее число эмигрантов были верующими, так, согласно материалам государственной переписи населения страны в марте 1931 г., из 26 790 не принявших югославского гражданства русских беженцев 24 214 (90,4%) назвали себя православными⁹.

Эмигранты из России построили в Югославии три церкви и две часовни, образовали сначала 8, а к 1941 г. – 12 русских приходов (в Белграде, Земуне, Панчево, Белой Церкви, Великой Кикинде, Новом Бечее, Великом Бечкереке, Нови Саде, Загребе, Сараево, Сремских Карловцах, Цриквенице) и несколько десятков общин при домовых храмах, духовные братства – прп. Серафима Саровского Чудотворца, в память о. Иоанна Кронштадтского, Святого Креста, Святой Руси, св. кн. Владимира и др., церковные сестричества. Именно в Сербии возникло первое русское церковное сестричество в эмиграции – Мариинское Покровское. Оно было основано 30 декабря 1921 г. по инициативе княгини Марии Александровны Святополк-Мирской, которая стала старшей сестрой в нем. Объединявшее свыше 200 сестер Мариинское сестричество занималось благотворительной дея-

тельностью и сбором средств на постройки русских церквей и часовен. В Белграде также действовали богословский кружок имени св. Анастасия и св. Иоанна Богослова, православный студенческий кружок имени св. Серафима Саровского, а в г. Бела Црква – православно-миссионерское издательство¹⁰.

Важное значение имело указание министра по делам религии правительства Королевства СХС о принятии русских священников на приходскую службу в Сербскую Православную Церковь, данное в мае 1920 г. по предложению епископа Нишского Досифея. В результате около 250 русских пастырей нашли себе приходские места в сербских храмах. Этим российское духовенство оказало Сербской Церкви значительную помощь, возместив ее потери в священнослужителях, погибших в ходе войны (естественно, сами получая помощь в трудоустройстве). Несколько десятков русских монахов прибыло в Сербию из знаменитого Валаамского монастыря, оказавшегося после 1918 г. на территории Финляндии. Монахи из России проживали в нескольких сербских монастырях, например, во фрушкогорских обителях Беочин, Врдник, Гргетег, Язак, а в некоторых случаях назначались настоятелями: игумен Сергей – монастыря Манасия, архимандрит Кирилл – монастыря св. Прохора Пчинского, епископ Сумский Митрофан (Абрамов) – монастырей Раковица и Дечаны, игумен Вениамин – обители св. Наума в Охриде. В 1922–1923 гг. настоятелем в монастыре Петковица (во имя св. Параскевы Пятницы) вблизи сербского г. Шабаца служил епископ Вениамин (Федченков), собравший там до 30 русских монахов и послушников. В монастыре Гргетег существовало русское монашеское братство, возглавляемое иеромонахом Амвросием (Кургановым). В 1925 г. игуменья Диодора (Дохторова) получила от сербских церковных властей в свое управление пустовавший монастырь свв. Кирика и Иулиты в Цариброде, куда она пригласила около 20 русских монахинь и послушниц из Жабковского монастыря в Бессарабии (эта община просуществовала в Югославии до 1950 г.). Кроме того, были образованы два самостоятельных русских монастыря – мужской в Мильково с 25 насельниками и женский в Хопово с 70 монахинями¹¹.

На богословском факультете Белградского университета в 1939 г. преподавало два русских профессора (С. М. Кульбакин и С. В. Троицкий) и обучалось 23 русских студента. Еще ранее преподавателями этого факультета были выдающиеся богословы: Н. Н. Глубоковский, А. П. Доброклонский (с 1931 г. до своей смерти в 1937 г. он возглавлял Русский научный институт в Белграде) и

протоиерей Феодор Титов (бывший профессор Киевской Духовной Академии, скончавшийся 20 декабря 1935 г.), а также профессора М. А. Георгиевский, А. П. Рождественский, М. Зеремский и др. Еще больше русских эмигрантов преподавали во всех (четырех) сербских Духовных семинариях, например, только в карловацкой семинарии св. Саввы 13 человек: Н. Г. Дориомедов, В. Н. Халаев, Н. А. Акаемов, С. М. Муратов, В. А. Розов, Ф. Ф. Балабанов, протоиереи Иоанн Сокаль, Василий Виноградов, Тихон Троицкий, Борис Волобуев, Нил Софинский, Нил Малахов и Борис Селивановский¹².

В Королевстве сербов, хорватов и словенцев зародилось русское студенческое христианское движение (РСХД), распространившееся затем по всему зарубежью. Его начало было связано с деятельностью возникшего в 1921 г. по инициативе Н. М. Зернова небольшого кружка русских студентов богословского факультета Белградского университета, в который входили будущие известные деятели Зарубежной Русской Церкви: св. архиепископ Иоанн (Максимович), архиепископ Серафим (Иванов), архиепископ Леонтий (Барташевич), архимандрит Киприан (Керн) и др. На собраниях кружка бывал митрополит Антоний (Храповицкий), выступали с докладами архиепископ Полтавский Феофан, епископ Челябинский Гавриил, профессора В. В. Зеньковский и Н. Н. Глубоковский¹³. 28 августа – 4 сентября 1925 г. в Королевстве СХС прошел съезд РСХД, участие в котором принял митрополит Антоний (Храповицкий)¹⁴. В конце 1925 г. кружок студентов богословского факультета Белградского университета был преобразован в Свято-Серафимовское общество, но центр русского христианского студенческого движения к тому времени переместился в Париж.

Из более чем 70 работавших в Югославии русских архитекторов очень многие (Г. И. Самойлов, В. М. Андросов, В. В. Шашевский, В. В. Лукомский, Н. П. Краснов, П. Д. Анагности, И. А. Рыка, Холменко, Клепинин и др.) возводили по своим проектам храмы для сербов. Только В. М. Андросов построил более 50 церквей в различных городах и селах Югославии. По проектам В. В. Лукомского были возведены здание Сербской Патриархии в центре Белграда и церковь св. Саввы на Врачаре. Григорий Самойлов прославился тем, что, проведя в 1941–1945 гг. четыре года в нацистском концлагере Сталаг IX-C вблизи Бухенвальда, построил там, выменивая продукты на материалы и инструменты, «самую красивую часовню в тогдашних немецких лагерях военнопленных» (сейчас ее иконостас находится в часовне на Центральном кладбище Белграда)¹⁵.

Широкую известность в Югославии приобрели русское иконописное и церковное хоровое искусство. Из церковных художников выделялись И. П. Дикой, Б. И. Образков, В. Я. Предаевич, барон Н. Б. Мейендорф и В. Н. Шевцов, которые участвовали в украшении храма-мавзолея королевской династии Карагеоргиевичей на Опленце. Особую признательность заслужило творчество П. М. Софронова, в 1930-е гг. руководившего Синодальной иконописной школой в монастыре Раковица вблизи Белграда¹⁶.

В г. Сремски Карловцы проходили ежегодные Архиерейские Соборы РПЦЗ и находился ее руководящий орган – Архиерейский Синод во главе с митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким), а после его смерти 10 августа 1936 г. – митрополитом Кишиневским и Хотинским Анастасием (Грибановским). Важную роль в руководстве РПЦЗ играла Синодальная канцелярия, первым начальником (управляющим) которой был Е. И. Махароблидзе, а с 12 августа 1931 г. – граф Г. П. Граббе¹⁷.

С 23 марта 1922 г. по 1 октября 1930 г. при Архиерейском Синоде издавался двухнедельный журнал «Церковные ведомости», под редакцией Е. И. Махароблидзе, а в дальнейшем – ежемесячный журнал «Церковная жизнь», под редакцией Г. П. Граббе (январь 1933 – 1944 гг.). Кроме того, в Белграде в 1928–1940 гг. выходили газета «Царский вестник» под редакцией Н. П. Рклицкого (будущего архиепископа Никона) и в 1937–1944 гг. – частный журнал «Церковное обозрение» под редакцией Е. И. Махароблидзе, а позднее А. С. Залесского¹⁸.

Подобная ситуация была и в Болгарии, где первоначально поселилось около 40 тыс. русских эмигрантов. Уже в начале 1920-х гг. в стране стали возникать многочисленные русские общества (в их числе в январе 1921 г. был основан религиозно-философский кружок), культурные, учебные, благотворительные заведения; действовали три госпиталя Российского общества Красного Креста; выходило почти 100 русских газет и журналов; художники-эмигранты писали иконы и фрески в самых известных болгарских храмах и т. д. Так, например, больших успехов в области церковной живописи достиг Н. Е. Ростовцев, в качестве проектировщика и реставратора он участвовал в восстановлении и устройстве 28 храмов по всей стране¹⁹.

Русские преподаватели с 1920 по 1953 г. опубликовали 26 учебников и учебных пособий, а также трудов, связанных с историей христианства (Н. Н. Глубоковский и М. Е. Поснов).

Значительный вклад в развитие болгарского духовного образования внесли русские богословы. Так, бывший заслужен-

ный ординарный профессор Петроградской духовной академии Н. Н. Глубоковский стал одним из создателей в 1923 г. богословского факультета Софийского университета и основателем новозаветного богословия в стране; в период эмигрантской деятельности он опубликовал около 50 своих научных работ. Николай Никанорович в значительной степени влиял на церковную политику Болгарии – как внутреннюю, так и международную, выступая официальным представителем непризнанной автокефальной Болгарской Церкви ходатаем за Болгарское государство перед знакомыми ему зарубежными политическими деятелями и организациями. Во многом благодаря усилиям Глубоковского удалось спасти от закрытия богословский факультет Софийского университета при сокращении государственных ассигнований на образование в первой половине 1930-х гг.

Большое внимание Н. Н. Глубоковский уделял подготовке нового поколения русских священнослужителей и сотрудничал как со Свято-Сергиевским Богословским институтом в Париже, так и с Ученым комитетом (в 1934 г. он стал его членом), учрежденным в Сремских Карловцах при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей. Комитет возглавлял Первоиерарх РПЦЗ митрополит Антоний (Храповицкий), а в его состав помимо Глубоковского входили архиепископ Берлинский и Германский Тихон (Лященко), профессора М. В. Зызыкин, А. П. Доброклонский, С. В. Троицкий и Н. С. Арсеньев, большинство которых некоторое время проживали и работали в Болгарии²⁰.

В число первых четырех избранных профессоров богословского факультета Софийского университета, кроме Н. Н. Глубоковского, входил также бывший профессор Петроградской духовной академии протопресвитер Александр Рождественский. С 1931 г. профессорскую кафедру богословского факультета занимал бывший профессор Киевской духовной академии М. Е. Поснов, с 1924 г. доцентом кафедры Священного писания и Ветхого Завета (позднее профессором) являлся бывший протопресвитер российского военного духовенства, член Святейшего Синода в 1915–1917 гг. Георгий Шавельский. Преподавали на богословском факультете Софийского университета также архимандрит Тихон из Киевской духовной академии, профессор М. В. Зызыкин, профессор А. П. Доброклонский и доцент С. В. Троицкий из Новороссийского университета. Один из современных болгарских историков отмечал, что «среди богословской профессорской коллегии в первые годы преобладали белоэмигранты»²¹.

В Пловдивской духовной семинарии преподавали шесть русских эмигрантов: Н. Никитюков, профессор М. Поснов, протоиерей

Михаил Шишкин, М. Калнев, И. Чаусов и В. Иваницкий, причем два первых из них преподавали также в Софийской семинарии (вместе с филологом Ф. Г. Александровым), а два последних – в Бачковском священническом училище. С помощью болгарского правительства уже в 1921–1923 гг. были открыты семь русских гимназий²². Также в 1920-е гг. были созданы 14 русских начальных и подготовительных школ, 5 детских домов, инвалидные дома. Кроме того, действовали сельскохозяйственная школа-колония и семь военных училищ²³.

Огромное значение в русских учебных заведениях придавалось преподаванию Закона Божьего. Этот предмет в русской Софийской гимназии свт. Николая Мирликийского преподавал протопресвитер Георгий Шавельский²⁴. 19 декабря гимназия ежегодно праздновала день своего покровителя святителя Николая Мирликийского. Не только эта гимназия, но и некоторые другие русские учебные и благотворительные учреждения имели домовые церкви или часовни, например, созданное в г. Ямболе военное училище Войска Донского, русский инвалидный дом в Шумене, Русская смешанная гимназия новых языков В. П. Кузминой в Софии (законоучителем гимназии и настоятелем ее домового храма служил протоиерей Георгий Голубцов). В Ямболе появились и два русских воинских кладбища, на одном из которых в 1921 г. воздвигли памятник погибшим воинам. В 1929 г. была устроена часовня-памятник на русских могилах Велико-Тырновского кладбища. Русские домовые храмы возникли также в Руссе, Пловдиве, Варне, Пернике и некоторых других местах.

Духовным центром русской эмиграции в Болгарии была Церковь, при храмах возникали братства, сестричества, молодежные и детские группы, которые активно занимались просветительской, культурной и благотворительной деятельностью. Болгарская Православная Церковь сильно страдала от нехватки священников, особенно образованных, и ее Священный Синод охотно назначал русских священнослужителей настоятелями болгарских приходов или преподавателями Духовных учебных заведений. Согласно православным канонам все русское духовенство в Болгарии требовалось зачислить в ведомство Болгарского Экзархата, однако по «братской церковной благосклонности» (как выразился протопресвитер Стефан Цанков), правда, без принятия специального письменного решения, Священный Синод позволил создание и самостоятельных в юрисдикционном отношении общин и монастырей, вошедших позднее в состав Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ)²⁵.

В апреле 1921 г. Патриарх Московский и всея Руси Тихон назначил управляющим русскими приходами в Болгарии епископа (позднее архиепископа) Серафима (Соболева)²⁶. Также поселившийся в Болгарии архиепископ Дамиан (Говоров) в начале 1923 г. основал старейшее образовательное богословское учреждение русской эмиграции – единственное Богословско-пастырское училище РПЦЗ в Европе – при монастыре свв. Кирика и Иулитты в с. Горни Воден Станимакского (с 1934 г. Асеновградского) округа, переданном в 1922 г. Болгарским Синодом русским насельникам в безвозмездное пользование. 29 сентября 1922 г. русский Архиерейский Синод в Сремских Карловцах постановил разрешить еп. Дамиану создать училище при монастыре²⁷. Болгарский Синод в конце 1922 г. специальным решением тоже позволил открыть Богословско-пастырское училище с тем, чтобы его учащиеся подготавливались в качестве священников и для Болгарской Православной Церкви²⁸.

Несмотря на постоянную нехватку средств, училище за 15 лет существования подготовило около 50 священнослужителей и преподавателей Закона Божия, из них 25 приняли священный сан (19 русских и 6 болгар). Кроме руководства училищем Владыка Дамиан с разрешения Архиерейского Синода периодически устраивал летние богословско-пастырские курсы²⁹. К середине 1930-х гг. в Болгарии существовало два русских мужских монастыря: Ямбольский Святого Спаса и Асеновградский свв. Кирика и Иулитты, а также девять приходов.

В Чехословакии крупнейшим центром миссионерской деятельности был основанный русскими эмигрантами в начале 1920-х гг. в восточной части Словакии монастырь преподобного Иова Почаевского, ставший в 1930-е гг. крупнейшим центром русской духовной печати за границей. К этому времени в Словакии, где до 1917 г. православие фактически отсутствовало, насчитывалось уже 9 тыс. православных верующих. В 1945 г. монахи из обители преп. Иова Почаевского переселились сначала в Германию, а затем в США, в основанный в 1930 г. Свято-Троицкий монастырь в городке Джорданвилле (штат Нью-Йорк), где продолжили издательскую деятельность. При монастыре были организованы издательство преп. Иова Почаевского, иконописная мастерская, Свято-Троицкая Духовная семинария, библиотека, исторический музей и русское кладбище. Эта обитель до сих пор остается центром Русской Православной Церкви за границей.

Таким образом, феномен Русского зарубежья XX в. заключался в его служении вечным истинам (в том числе христианству), сохранении в эмиграции традиционных российских культурных, нрав-

ственных и религиозных ценностей. Русский православный мир за границей в 1920–40-е гг. только в последнее время привлек внимание исследователей. Именно русское эмигрантское духовенство сделало чрезвычайно много для развития православия в Центральной и Восточной Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Косик В. И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000.
- 2 *Buchenau K.* Kämpfende Kirchen. Jugoslawiens religiöse Hypothek. Frankfurt am Main, 2006; *Bremer T.* Kleine Geschichte der Religionen in Jugoslawien. Freiburg; Basel; Wien, 2003; *Steindorf L.* Kroatien. Vom Mittelalter bis zur Gegenwart. München, 2001.
- 3 *Buchenau K.* Auf russischen Spuren. Orthodoxe Antiwestler in Serbien, 1850–1945. Wiesbaden, 2011.
- 4 *Талалай М. Г.* Церковь Рождества Христова во Флоренции. Флоренция, 1993; *Он же.* Русская церковь в Сан-Ремо. Сан-Ремо, 1994; *Он же.* Русское кладбище имени Е. К. В. Королевы Эллинов Ольги Константиновны в Пирее (Греция). СПб., 2002; *Он же.* Русский Афон. Путеводитель в исторических очерках. М., 2003; *Кучумов Владимир, священник, Талалай М. Г.* Православная русская церковь в Бари. Бари, 2001.
- 5 *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. Zagreb, 1978; *Djurić V.* Ustaše i pravoslavlje. Hrvatska pravoslavna crkva. Beograd, 1989; *Ђурић В.* Усташе и Православље. Хрватска Православна Црква. Београд, 1989; *Kosović B.* Zrtve drugog svetskog rata u Jugoslavije. London, 1985; *Zerjavić V.* Gubici stanovništva Jugoslavije u drugom svetskom ratu. Zagreb, 1989; *Bateljja Ju.* Crna knjiga o grozovitostima komunističke vlada – vine u Hrvatskoj. Zagreb, 2000; *Harbulova L.* Ladomirovske reminiscencie. Z dejnin ruskej pravoslavnej misie v Ladomirovej 1923–1944. Preshov, 2000; *Ales P.* Pravoslavna cirkev u nas. Preshov, 1998; *Suvarsky Ja.* Biskup Gorazd. Praha, 1979; *Pozar P.* Hrvatska Pravoslavna Crkva u proslosti i buducnosti. Zagreb, 1996; *Krišto Ju.* Katolicka crkva i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. Dokumenti. Zagreb, 1998; *Krišto Ju.* Sukob simbola. Politika, vjero i ideologije u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Zagreb, 2001; *Радић Р.* Држава и верске заједнице 1945–1970. Београд, 2002. Д. 1.
- 6 *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Евро-

- пе. 1920–1995: Биографической справочник. М.; Париж, 2007; *Косик В. И.* Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М., 2008.
- 7 Bundesarchiv Berlin (BA), 62Di 1/85. Bl. 52; *Григорьевич Б.* Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 11–113.
 - 8 *Сабенникова И. В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002. С. 217.
 - 9 *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 140.
 - 10 Там же. С. 68; *Арсеньев А.* У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 34.
 - 11 *Арсеньев А.* У излучины Дуная. С. 33–34; *Он же.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. С. 77; *Маевский В. А.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 30–31; *Косик В. И.* Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000. С. 70–71.
 - 12 *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии. С. 76; *Он же.* У излучины Дуная. С. 33.
 - 13 За рубежом. Белград–Париж–Оксфорд (хроника семьи Зерновых) (1921–1972) / Под ред. И. М. и М. В. Зерновых. Париж, 1973. С. 23–30.
 - 14 Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилл, 1988. С. 166–167.
 - 15 *Милованович М.* Архитектор Григорий Самойлов // Русская эмиграция в Югославии. С. 280.
 - 16 *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 340.
 - 17 Церковная жизнь. 1941. № 3–12. С. 34.
 - 18 *Бондарева Е.* Под сенью Святой Троицы. История Русской церкви в Белграде // Журнал Московской Патриархии. 1999. № 7. С. 24.
 - 19 *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 339.
 - 20 *Клементьев А. К.* «...Человек без лицемерия» // Новый журнал. 2007. Кн. 249. С. 327–328.
 - 21 *Димитров И.* Професор Николай Никанорович Глубоковский – основател на новозаветного богословие в България // Бялата емиграция в България. Материалы от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 366–367.
 - 22 *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 315–317.
 - 23 Централен държавен архив – София (ЦДА). Ф. 791к. Оп. 3. Ед. хр. 1; *Шавельский Г.* Русская школа в Болгарии // Труды V-го съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1. София, 1932.

- С. 3; *Горяинов А. Н.* Учебные заведения русской эмиграции... С. 182, 188–189; *Матвеева И. В.* Из жизни русской эмиграции в Болгарии... С. 511.
- 24 *Тинин И.* Бытие. Исход. Второзаконие: (История глазами очевидца): Династия Тининых и иже с ними: Воспоминания. Волгоград, 2001. С. 52–53.
- 25 *Цанков С.* Българската православна църква от Освобождението до настояще време. София, 1939. С. 191.
- 26 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6343. Оп. 1. Д. 103. Л. 1; Краткое жизнеописание архиепископа Серафима (Соболева). Джорданвилл, 1951. С. 18–21.
- 27 Церковные Ведомости. 1922. № 18–19. С. 4–5.
- 28 Историческая записка о Пастыро-богословском училище в монастыре «Св. Кирика» в Болгарии. София, 1932. С. 3.
- 29 ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 106–109, 136; ЦДА. Ф. 791к. Оп. 1. Д. 65. Л. 43.

Shkarovsky M. V.

The Influence of the Russian Clerical Emigration
on the Slavic Countries in 1920–1940s

The article deals with the history of the Russian clerical emigration and its influence on the cultural, social and ecclesiastical life of the Slavic countries of Eastern Europe in 1920–1940s.

Key words: *Russian clerical emigration, Slavic countries, Europe, missionary activity, spiritual education.*

А. Ю. Тимофеев
(Белград)

Деятельность «Союза советских патриотов» в Сербии в период Второй мировой войны

В работе на основании новых архивных материалов и мемуаров участников событий сделана попытка реконструировать деятельность «Союза советских патриотов» – антифашистской организации русских эмигрантов в Югославии.

Ключевые слова: *Союз Советских Патриотов, русская эмиграция в Сербии, Вторая мировая война в Югославии, партизанское движение.*

В период Второй мировой войны в Сербии среди русских эмигрантов функционировала подпольная антифашистская организация – Союз советских патриотов (ССП, 1941–1945). Деятельность этой организации, ее значение и вклад в борьбу против оккупантов мало известны и практически не изучены¹. Если не считать двух скудных упоминаний в мемуарах², о работе ССП никто не писал не только в научной, но и в художественной литературе. Причиной тому был нелегальный характер этой организации, а также аресты и гибель двух из трех ее руководителей в 1944 г. Террор против русских эмигрантов, развязанный в титовской Югославии в 1948–1953 гг., привел к тому, что были уничтожены и последние следы деятельности ССП в Сербии. После рассекречивания в Архиве Сербии материалов Управления государственной безопасности СФРЮ появилась возможность детальнее исследовать деятельность ССП³.

Согласно показаниям Анны Одишелидзе, вдовы одного из руководителей организации Ильи Одишелидзе, которые она дала в Белграде 13 сентября 1948 г., ее покойный супруг занимался «тайными делами» и политикой с осени 1941 г., а особенно активно – с ноября 1941 г., когда они с мужем перебралась из большого семейного дома отца Анны, серба Владимира Марковича, на съемную квартиру. Эта молодая семья возникла незадолго до начала войны как развитие школьного романа между вчерашними учениками русско-сербской гимназии. Илья привлекал Анну своей высокой образованностью, спортивной подтянутостью и беззаветной преданностью далекой родине – России. Она вспоминала о частых визитах в их семейное гнездышко тесной группы молодых друзей мужа – Александра Липского, Бориса

Заболоцкого с супругой, Юрия Бискупского, Владимира Кудревича и некоего Кароводина, – которые горячо обсуждали, как можно помочь партизанам и СССР. Анна также вспомнила, что с этой группой избегала встречаться другая, замкнутая и скрытная группа друзей мужа – Федор Висторопский и Владимир Лебедев. Сам Илья неоднократно предупреждал жену, чтобы она не упоминала перед «молодежью» о визитах в их дом Висторопского и Лебедева⁴. Эти показания – единственное свидетельство очевидца, который присутствовал при основании ССП. К сожалению, отмечала Анна, Илья «говорил о своих делах очень мало, всегда подчеркивая, что я должна верить ему, и что ничего, что могло бы меня оскорбить, он не делает... Несколько раз он все-таки упомянул, что занимается политикой, даже спрашивал у меня совета, не объясняя при этом много, просто часто подчеркивал, что у него очень тайные задания, и что он не хочет вмешивать меня в эти вещи, как свою жену, тем более, что мне вскоре предстояло стать матерью, и передо мной была задача вырастить этого ребенка, а обо всем остальном он позаботится сам. Я ему верила, и так мы и жили, а с вопросами я к нему больше не приставала. Я просто знала, что он иногда куда-то ездит, с кем-то встречается, но зачем, – я не могла догадаться. Лишь однажды, после моего вопроса, где и с кем он был, он снова сказал, что мне нужно просто верить ему на сто процентов, чтобы ему не мешать, т. е. не мешать его делу, а когда война закончится, он обещал даже книгу написать о своей деятельности, чтобы я могла все узнать об этом, а пока он должен молчать, потому что речь идет не только о нем, но и о многих его друзьях, которых я случайно могла бы выдать... и это, конечно, было бы большим несчастьем. Так как я знала его с детства (мы учились в гимназии в одной параллели), я знала его характер, самостоятельный и энергичный, я знала, что мой муж имеет невероятные умственные способности, и не хотела ему мешать, так как верила в то, что все, что он делает, он делает и для меня, и для моего будущего ребенка»⁵.

Эти показания молодой вдовы дополняет заявление от 23 июля 1948 г.⁶ агента УДБ /*титовского КГБ*/ «Марко» – под этим псевдонимом, согласно карандашной пометке на полях, действовал Всеволод Тумин. «Марко» вступил в ССП относительно поздно и был его руководителем в течение некоторого времени после освобождения Белграда, однако вскоре был арестован по обвинению в финансовых махинациях и занимал крайне критическую позицию по отношению к малоизвестной ему военной деятельности ССП. Согласно донесению «Марко», о том, «как возник ССП, было много версий. Однако исходя

из всех полученных сведений, похоже, что дело обстояло следующим образом. Группа бывших учеников 1-ой русско-сербской гимназии в Белграде во главе с Висторопским и Лебедевым решила создать некую патриотическую организацию и начала искать контакты (с КПЮ. – А. Т.) для совместной деятельности еще в 1942 году. Однако эта попытка провалилась и, похоже, была повторена только к середине 1943 года⁷. Осторожнее дату начала деятельности ССП определила 27 июля 1946 г. югославская газета «Политика», которая напечатала сообщение ТАСС, опубликованное накануне в советских «Известиях». «Когда Германия напала на СССР, произошел окончательный раскол среди русских эмигрантов. Самые отчаянные из них, составлявшие основу антисоветских эмигрантских организаций в Югославии, присоединились к так называемому Русскому добровольческому корпусу... Другая часть эмиграции присоединилась к югославским партизанам и помогала им, по мере своих возможностей, за спиной оккупантов. Среди этих последних родилась во время войны идея о создании общества советских патриотов. Члены общества помогали и передовым частям Красной армии. Многие из них присоединились к советским войскам и в их составе продолжили наступление на Запад...»⁸.

Член ССП Николай Шепченко на допросе 22 августа 1948 г. показал, что инициативная группа будущих основателей ССП начала свою деятельность осенью 1941 – зимой 1942 г.⁹ «После нападения Германии на СССР русские эмигранты, считавшие немцев врагами своей страны, начали объединяться. Была создана организация для борьбы против оккупантов. Эта организация, которая начала борьбу зимой 1941–1942 гг. и позднее стала называться Союзом Советских Патриотов, вошла в Народно-освободительное движение (Югославии. – А. Т.) и действовала по директивам КПЮ. В 1942 г. нам сообщили, что весь актив принят в коммунистическую партию, но на просьбу показать списки актива руководство организации ответило отказом, считая это излишним риском в условиях конспирации»¹⁰. Контакты между белградскими подпольщиками из рядов КПЮ и просоветски настроенными русскими эмигрантами в 1942 г. были нарушены вследствие усиления деятельности Специальной полиции и гестапо и ареста большей части белградских подпольщиков из рядов КПЮ, в связи с чем члены ССП стали пытаться наладить эти контакты через Загреб (с помощью Ф. Висторопского).

Наиболее детально и подробно причины возникновения ССП объяснил один из его активных членов и кум Ф. Висторопского П. Крат¹¹. «После оккупации появились и такие русские, которые не со-

глашались с психозом, обуявшим большинство русских эмигрантов, – в поддержку немцев. Эти русские не были связаны друг с другом, и их объединение шло довольно медленно, на основании предыдущего знакомства и личного доверия. Еще до войны Федор Висторопский был известен как душа общества и человек левых убеждений, особенно его знали среди молодого поколения русских. До войны он работал библиотекарем в “Земгоре”, во главе которого стоял Федор Махин – позднее генерал партизанской армии. Незадолго до этого Федор Висторопский стал и председателем общества выпускников русско-сербской гимназии в Белграде. Висторопский, которого мы звали Федя, был известен и тем, что до войны написал вместе с бывшим профессором гимназии Николаем Чернышевым книгу “Учите русский” – один из первых учебников русского языка, составленных в левом духе – полный новых советских текстов. Федя был известен и среди югославских левых и студентов, поскольку давал уроки русского языка, например, Радовану Лаличу – нынешнему редактору газеты “Борба”. Так, спонтанно, около него начали группироваться русские, сначала просто “для беседы”. К нему в белградскую квартиру по адресу Приштинская, 17 стали приходить люди, чтобы посоветоваться и обменяться мыслями обо всем, что происходит. Первой идеей было по возможности отделиться и не участвовать во всех германофильских начинаниях остальных русских, и если сможем, еще кого-то уговорить, поддержать и привлечь на нашу сторону. Так продолжалось достаточно долго, пока не стало ясно, кто за кого. Нам не хватало только, чтобы кто-то из нас был настоящим коммунистом – членом партии, не хватало связи с движением, чтобы мы могли включиться в общую работу и знать, что и как нам делать. Мы приходили к Феде слушать по радио Москву и Лондон. Все, что я лично узнавал о последующей работе, – я узнавал, когда общался с Федей. Федя был моим другом и одноклассником по гимназии, мы жили вместе с ним в пансионе гимназии. Мы были близкими друзьями. Я был свидетелем на его свадьбе и крестил его ребенка. В конце 1942 г. вокруг Феде сформировалась еще более энергичная группа, которой руководил Алико Одишелидзе – тоже ученик нашей гимназии. Тогда в начале 1943 г., не могу сказать точнее, было принято решение, что группа будет называться Союз Советских Патриотов... Тогда же было отпечатано и воззвание ‘ССП’, в котором говорилось, что вследствие перерыва связи с партизанским движением была создана эта боевая антифашистская группа... Похоже, что Одишелидзе имел свою особую группу в рамках общей организации»¹². Согласно

показаниям Анны Одишелидзе, уже в начале 1943 г. к ним приходил Владимир Кароли, приятель И. Одишелидзе по факультету, «его связь с сербами, с сербским направлением деятельности»¹³.

Таким образом, на основании всех этих заявлений, вероятнее всего, начало формирования группы мы можем отнести к осени 1941 – зиме 1942 г. Тогда была начата первичная деятельность – пропаганда, отбор подходящих кадров и сочувствующих, формирование крепкого ядра. При этом следует отметить, что Юрий Лобачев связывал начало активизации деятельности ССП с началом Сталинградской битвы в июле 1942 г.¹⁴ Это мнение отчасти совпадает с позицией послевоенных следователей титовской госбезопасности¹⁵, которые относили начало активной деятельности ССП к концу 1942 – началу 1943 г.

Структура ССП была скрыта под покровом тайны. Особую проблему представляло то, что в отчетах секретных сотрудников титовской государственной безопасности и показаниях бывших членов ССП фигурировали в основном предположения, реконструкции на основании послевоенных рассказов, и хуже того – «полезные» выдумки и намеренное приукрашивание прошлого. По данным агента «Марко» (Вс. Тумина), в первой половине 1942 г. деятельность инициативной группы даже прекратилась на некоторое время, но потом она возобновилась. При этом было трудно сказать, «кто присутствовал на встрече, на которой приняли решение продолжить работу. Упоминаются различные имена. Однако наиболее вероятно, что ядро организации, кроме Лебедева, Висторопского и Одишелидзе, которые были “Верховной тройкой”, составляли еще и инженер Таран, кум Висторопского (*вероятно, это ошибка, и здесь имеется в виду не Г. Таран, а П. Крат. – А. Т.*), затем братья Борис и Сергей Марковы, Архангельский, некий Лаптев, который после освобождения всегда хвалился, что был среди основателей ССП, потом Нижицкий, инженер Рябов, инженер Полховский, бывший югославский артиллерийский офицер Владимир Кудревич»¹⁶. Среди инициативной группы упоминается и еще одно интересное имя – Николая Чернышева, бывшего преподавателя русско-сербской гимназии, которую окончили большинство членов ССП¹⁷. Пользовавшийся среди молодежи авторитетом преподаватель Н. Чернышев способствовал формированию у них специфического «советского патриотизма» и, судя по послевоенным показаниям бывших гимназистов, сильно смахивал на А. Хованского, персонажа небезызвестной дилогии советского автора И. Дорбы¹⁸.

По словам Н. Шепченко, «душой организации был Федор Висторопский, который жил на улице Приштинской, 17 в доме то

ли своей тещи, то ли тетки жены. Федя Висторопский еще до войны был сотрудником «Земгора» у Федора Махина, позднее генерал-лейтенанта НОАЮ. Я знал Федора Висторопского задолго до войны. Он всегда был убежденным коммунистом. В начале войны он сгруппировал вокруг себя единомышленников. Был создан организационный комитет, который провозгласил себя Центральным комитетом организации». Шепченко также упомянул о том, что Висторопский был до войны секретарем в «Земгоре»¹⁹. Агент «Марко» (Тумин) утверждал, что Висторопский окончил до войны отделение истории философского (общегуманитарного) факультета Белградского университета, а после оккупации стал секретарем во Всеказачьем союзе (там он доставал удостоверения для партизан и красноармейцев и, пользуясь тем, что «вольные казаки» жили по всей Сербии, мог с полным основанием перемещаться по Сербии и Банату). Его соратник по «Центральной тройке», И. Одишелидзе до войны учился на техническом факультете Белградского университета, а во время войны стал представителем немецкой автомобильной фирмы «Мотор». Третий член «Верховной тройки» – др. Владимир Лебедев²⁰ являлся членом русской зарубежной организации Красного Креста и также был тесно связан с югославским представительством «Земгора».

Структуру организации лучше всего описал Н. Шепченко. Во главе ее стояла Верховная тройка, каждый член Верховной тройки имел свой номер: № 1 – доктор Владимир Лебедев («Левицкий»), № 2 – Федор Висторопский («Федя»), № 3 – инженер Илья Одишелидзе («Алико»). Каждый член Верховной тройки также имел свою группу, членам которой он присваивал номера 11–19, 21–29, 31–39. Члены этих групп второго уровня также создавали собственные группы, давая их членам номера, где первые два числа соответствовали номеру основателя, а третье число – порядковому номеру в группе. Например, у входившего в группу Висторопского (№ 2) члена организации под номером 29, в группе было несколько соратников под номерами 291–299. Общее число членов организации в период ее расцвета (к концу 1943 г.) составляло около 150 человек. Они проводили агитацию, готовили побеги пленных из лагерей и переброску людей в партизанские отряды, а также выполняли другие задания, полученные от КПЮ. Рядовые члены ССП знали только главу своего десятка. Глава десятка знал только того члена Верховной тройки, с которым был связан.

Исключения из правил имели место лишь в том случае, если природа задания требовала участия большего числа людей. Шепченко состоял в группе Висторопского, но поскольку у последнего груп-

па была уже заполнена, а у доктора Лебедева еще нет, то Шепченко получил № 19, хотя и работал под руководством «Феди». Членами группы Шепченко были № 191, 192 и 193 (семья Фемилиди – механик Михаил, его жена и дочь), № 194 (Василий Антонюк, который в 1942 г. был отправлен в лагерь и скончался в 1943), № 195 и 196 (Степан и Валентина Розовы, работавшие в библиотеке Русского дома), № 197 (шофер Константин Синельников, погибший в Маутхаузене вместе с Висторопским), № 198 и 199 (электрик инфекционной больницы Петров и его жена). Шепченко вспоминал, что просил о переброске его к партизанам, но ему «было сказано, что полезнее продолжать подпольную работу. В начале 1944 г. я отправился работать в Аранджеловац, к установившему связь с Космайским партизанским отрядом Семену Папкову, передав Феде связь со своей группой. В Аранджеловце я установил связь с семью красноармейцами-военнопленными, уговорив их перейти в партизаны. Обо мне узнали четники, они пришли ко мне ночью, и я был вынужден бежать назад в Белград... В Белграде я обратился к Феде, узнав от него, что во время моего отсутствия еще несколько человек были переправлены к партизанам. Федя мне сказал, что найдены средства для поддержания их семей, и что надо готовить весь актив к переходу в лес...». Однако спустя два дня началась полоса арестов, Висторопский и еще ряд членов ССП были схвачены²¹.

Схожее описание активной деятельности ССП в 1943–1944 гг. в контакте с организационными подразделениями КПЮ дал и агент «Марко» (Тумин): «Работа сводилась к помощи партизанам и народно-освободительному движению, к переброске в лес, к снабжению одеждой и всем необходимым тех русских военнопленных, кто хотел уйти в лес, к сбору средств, медикаментов, к пропаганде против вступления в Русский корпус (профашистский) и против отъезда на работу в Германию. Особенно активно она велась среди молодежи. Работа была основана либо на личных связях, либо на координировании связей самой организации с народно-освободительным движением. Сотрудничество, как говорили, осуществлялось через студента Короли, а позже через каких-то других товарищей во главе с товарищем Божовичем. Это был контакт с подпольной группой КПЮ в VII или VIII районе Белграда...»²².

Более детально об этой работе рассказал П. Крат²³. Он сообщил, что, кроме прослушивания по радио новостей из Лондона и Москвы и последующего распространения этих новостей, были и другие формы деятельности ССП среди эмигрантов. Особое внимание уделялось работе молодых членов ССП, служивших в немецкой военно-

строительной организации Тодта. В районе г. Пожареваца работали Борис Заболоцкий, Борис Рябов и Лев Петров. «Такая деятельность в провинции под прикрытием организации Тодта дала возможность получать немецкие документы для рабочих, которые едут куда-то на работу. Это было особенно полезно для красноармейцев, которых мы освобождали и перебрасывали в партизанские отряды. Заболоцкий был связан с Рудаковым, они находили средства для того, чтобы осуществлять эту переброску, а также и поддерживать самого Федю, чтобы он мог полностью посвятить себя политической деятельности. У Феде имелся список всех членов организации. По этому списку шел сбор денег, одежды, санитарного материала и оружия. Перед Федей мы всегда отчитывались о том, что касается нашей борьбы и политической ситуации. Сообщали о своей личной деятельности, а также узнавали его мнение и просили одобрения на различные акции. Похоже, что Федя встречался с товарищем Петром Стамболичем. Федя установил с югославскими коммунистами собственные связи, но они были слабыми и непостоянными. Прибывавшие красноармейцы (*военнопленные, служившие в вермахте и работавшие в организации Тодта. – А. Т.*) стали приходить к Феде домой. Они слушали новости и радио. Говорили о Советском Союзе и договаривались о дальнейших действиях. После этого они получали от нас гражданскую одежду, иногда оружие, кое-какие документы и уходили в партизанские отряды. Их переброской особенно активно занимались Сергей Марков и шофер Костя (*Синельников. – А. Т.*). Они работали в “Фарберайтштафте” (*Fahrbereitschaft – автослужба. – А. Т.*) На своих грузовиках с аусвайсами рабочих организации Тодта красноармейцев и остальных перевозили по всей Сербии. Переброска осуществлялась в Пожаревац, Бор и Срем через Земунский мост... Также из лагеря в конце улицы короля Александра были освобождены несколько красноармейцев»²⁴. Стоит напомнить, что даже прослушивание по радио Москвы и Лоднона было далеко не безопасным занятием в оккупированной Сербии. Уже 27 мая 1941 появился приказ немецкого командования в Сербии о запрете на прослушивание иностранных радиостанций (кроме немецких) под угрозой заключения в лагере и даже смертной казни (в случае распространения «слухов»), при этом следить за выполнением приказа должна была коллаборационистская Специальная полиция и СД²⁵. Русские эмигранты, которые организовывали групповые прослушивания радиопередач или сообщали об их содержании своим сербским и русским соседям и коллегам по работе, буквально рисковали своими жизнями²⁶.

В послевоенных аналитических записках титовской службы госбезопасности, в донесениях ее агентов, в показаниях арестованных после 1948 г. русских эмигрантов и в их воспоминаниях отсутствует информация еще об одном аспекте деятельности ССП²⁷. Однако ряд косвенных доказательств указывает на высокую степень вероятности существования этого аспекта. Является вполне доказанной связь двух из трех организаторов ССП, В. Лебедева и Ф. Висторопского, с довоенной эмигрантской организацией «Земгор», во главе которой в Югославии стоял Ф. Махин, еще до войны завербованный представителем НКВД Р. Абиа («Правдиным»)²⁸. Вследствие этого «Земгор» занимался полулегальной просоветской пропагандой еще до начала Второй мировой войны, его сотрудники были настроены просоветски и активно сотрудничали с советской разведкой. Стоит отметить, что в Болгарии и во Франции подобное сотрудничество советской разведки и довоенных просоветски настроенных граждан привело в годы Второй мировой войны к возникновению организаций, даже по названию схожих с Союзом советских патриотов в Сербии²⁹. С другой стороны, сразу же после прибытия советских войск отдельные члены ССП влились в части Красной армии как переводчики и технический персонал при штабах (позиция, которая требовала особых проверок и «рекомендаций»), продолжив с ними наступление на Запад. Но тем не менее прямых доказательств о связи отдельных членов ССП (или всей организации) с советской разведкой до октября 1944 г. в открытых на сей день архивных материалах пока не обнаружено.

Согласно показаниям Анны Одишелидзе, в марте 1944 г. был арестован друг И. Одишелидзе В. Кароли, которого немецкие полицейские водили избитым по Белграду для выполнения неких следственных мероприятий, после чего его отправили в Маутхаузен, где ему удалось выжить, и после войны он вернулся в Белград³⁰. В то же время были арестованы и несколько руководителей ССП. Шепченко подробно вспоминал день провала: «...когда я пришел на договоренную встречу к Феде во двор в 7 часов утра, у дверей я увидел его жену с какой-то соседкой, узнав от них, что Федя арестован “вчера в 3 часа”. В самом доме находилась засада, и я лишь случайно ее избежал. Так как из разговора с Федей накануне я узнал, что он много работал с Костей Синельниковым, я сразу же побежал его предупредить. Прибежав на улицу Св. Николая, я еще издали увидел, что что-то случилось, так как и здесь у ворот дома стояла мать Кости с соседкой, а на углу были какие-то люди. От Костиной матери я узнал, что его увели полчаса назад. Я потерял голову и поспешил в

центр города. Мне хотелось бежать к Одишелидзе на улицу Пашича. На углу улицы Массарика и Милоша Великого я встретил Ивана Лаптия, который посоветовал мне скрыться, так как гестапо и специальная полиция уже много схватили и продолжают хватать русских. На мой вопрос, кто арестован, Лаптий мне ответил, что арестован Одишелидзе, доктор Лебедев и жена Заболоцкого, а Заболоцкий сумел сбежать. Я рассказал ему о Феде и о Косте Синельникове. Лаптий еще раз посоветовал бежать. Так как я потерял контакты в Белграде, я перебрался через Саву и сначала вступил в Десятую, а потом в Седьмую воеводинскую бригаду...»³¹. Об этих арестах Лебедева, Висторопского и других вспоминал также агент «Марко» (Тумин)³². Висторопский и Синельников, против которых существовали неопровержимые улики (полученные при аресте), были убиты в Маутхаузене. Однако благодаря их стойкости остальные члены ССП смогли уцелеть и были отпущены.

Согласно показаниям Бориса Заболоцкого³³, провал организации произошел вследствие ошибки в очень сложном и опасном деле – вербовке и переброске в лес русских добровольцев из рядов эмигрантов и военнопленных. «Костя Синельников помогал сбежать из лагеря какому-то Петроцкому, бывшему недолго в партизанах в 1942 году. Петроцкий два дня скрывался у Феде, где он мог увидеть и Лебедева, а затем был переброшен по тайным каналам в провинцию к Заболоцкому. Там он отказался перейти в отряд и повел себя так, что местное отделение КПУ собиралось его ликвидировать. Петроцкий вернулся в Белград». Согласно заявлениям матери и брата Синельникова, «в автомобиле, приехавшем за Костей, сидел и Петроцкий»³⁴. Шепченко считал, что роль Петроцкого в судьбе ССП была фатальной, упоминая, что последний осенью 1944 г. «вернулся в НОАЮ в какую-то бригаду партизан из Лики, а позднее стал сотрудником военной контрразведки»³⁵. С этим предположением согласился и П. Крат, хотя он и отнес арест Висторопского к лету 1944 г. (вероятно, ошибочно)³⁶. Анатолия Петроцкого, подозрительно успешно сбежавшего из лагеря Баница³⁷, обвинили в провале организации и Сергей Марков, и Игорь Савченко³⁸. Примечательно, что недичевская Специальная полиция назвала серию арестов членов ССП «всеказацкой аферой», так как у большинства арестованных были удостоверения Союза вольных казаков³⁹.

После ареста Висторопского и других⁴⁰ оставшиеся на свободе члены ССП, опасаясь дальнейших арестов, решили перебраться в партизанские отряды. В партизаны ушли Николай Шепченко, Всеволод Тумин, Борис Марков, Мстислав Зилов, Степан Розов,

Михаил Фемиледи, Владимир Пономарев, Илья Голенищев-Кутузов, Илья Одишелидзе, Александр Липский, Андрей Ефимовский и др.⁴¹ Некоторые из членов ССП (как, например, поэт Алексей Дураков) присоединились к НОАЮ еще раньше. Согласно меморандуму ССП от 27 ноября 1944 г., в партизанских отрядах за годы войны погибли 6 членов ССП, а по состоянию на ноябрь 1944 г., сражались в частях НОАЮ 17 членов ССП. К моменту освобождения Сербии от оккупантов в Белграде оставались в живых и продолжали деятельность в рамках ССП всего 58 членов этой организации⁴².

Особенно трагичной оказалась судьба трех членов ССП – Ильи Одишелидзе, Александра Липского и Андрея Ефимовского, попытавшихся перебраться к партизанам в июле 1944 г. Из-за болезни супруги И. Одишелидзе не успел уйти вместе с остальными, а начавшаяся противопартизанская операция немцев прервала все их старые связи с партизанами. Пришлось обращаться к знакомым А. Липского из южной Сербии, где он работал в 1943 г. на строительстве дороги. Об их дальнейшей судьбе некоторые члены ССП в Белграде узнали еще в 1944 г., но окончательно она была выяснена лишь в 1945 г. Сразу же по окончании войны, в июне 1945 г. Сербская комиссия по расследованию преступлений оккупантов и их поделщиков в Сербии начала расследование по поданному 28 мая 1945 г. С. Христичем, известным сербским композитором и дирижером, заявлению о пропаже Одишелидзе, Липского и Ефимовского (пасынка композитора от его русской жены Ксении Роговской). К поискам присоединились и другие родственники пропавших (вдовы Липского, Ефимовского и Одишелидзе, а также отец Липского), которые объезжали места, где пропали их близкие. Выяснилось, что эту тройку перебросил на юг Сербии их соратник по ССП Владимир Кудревич, который был в частях Недичевской жандармерии⁴³, а после освобождения вышел из подполья, присоединился к НОАЮ и окончил войну на должности начальника штаба 2-й артиллерийской бригады НОАЮ. Трое молодых людей были доставлены им в с. Греч, откуда их по партизанским каналам перебросили на гору Мали Ястребац, где скрывались от четников местные партизанские вожаки. Партизаны отнеслись к пришельцам настороженно, ничего о них не зная, и «так как ситуация была неясной, на всякий случай их расстреляли», потом ограбили и бросили в овраг. Трупы закопали проходившие поблизости пастухи. Большая часть партизан, участвовавших в расстреле, были вскоре убиты четниками, которым, в свою очередь, достались и трофеи (деньги и одежда расстрелянных членов ССП)⁴⁴.

В сентябре 1944 г., после выхода В. Лебедева из тюрьмы Специальной полиции оставшиеся к тому времени в Белграде члены ССП связались с подпольными группами ССП через Михаила Бошковица в VIII районе Белграда. В этом состоянии ССП и пришел к октябрю 1944. «Во время освобождения Белграда члены ССП оказывали всю помощь как товарищам из НОАЮ (питание, бинты), так и бойцам Красной армии, а особенно их штабам, проводя их через Белград во время боев и помогая им в качестве переводчиков»⁴⁵. Сложно сказать, шла ли тут речь о чистой случайности, как это утверждал в своих мемуарах Ю. Лобачев⁴⁶, или нет...

В октябре-декабре 1944 г. ССП был на пике популярности и влияния среди эмигрантов. Кроме Лебедева, в руководстве ССП появились и новые лица – В. Тумин и Н. Шепченко. В начале ЦК ССП был размещен на рабочем месте Лебедева – «за храмом Св. Саввы, в здании врачебного общества»⁴⁷. Но вскоре ССП переселился в здание Русского дома, в кабинеты, опустевшие после того, как члены проремецкого Бюро по защите русской эмиграции были эвакуированы отступавшими частями вермахта в Австрию в сентябре 1944 г., незадолго до освобождения Белграда.

В то же время руководство ССП обратилось к титовским властям с просьбой улучшить отношение к русским эмигрантам со стороны новой администрации, по приказу которой производились массовые аресты русских эмигрантов в Белграде. В письме, подписанном В. Лебедевым и Н. Чернышевым, говорилось: «Считаем, что все русские, которых можно считать военными преступниками, уже сбежали вместе с оккупантами, так как не смели остаться дожидаться НОАЮ и Красную армию. Те, кто остались, считали, что у них нет никаких грехов перед сербским и русским народами, так как они всегда были лояльны им, а многие даже и последовательно антифашистки расположенными...»⁴⁸. Вряд ли это обращение было принято во внимание, хотя стоит отметить, что большая часть эмигрантов была вскоре выпущена из тюремного заключения.

Согласно показаниям Николая Шубина, Русский дом в то время наполнился множеством русских людей: Лебедев, Кутузов с женой, Тумин с сестрой, Крат, Бискупский, Лобачев с женой, Алексеев, Заболоцкий, Люба Дуракова и др. Они чистили Дом, выбрасывали мусор и мебель, сломанную в ходе освобождения и последовавшего за ним грабежа, «а в одной комнате русские художники рисовали портреты» советских лидеров. Они готовились к празднованию очередной годовщины Октябрьской революции 1917 г. Шубин был оче-

видцем вечернего заседания, когда была организована торжественная встреча членов ССП: «Председательствовал Лебедев, который говорил о погибшем на фронте товарище Дуракове, поэте. После него Кутузов прочитал несколько новых стихотворений, а потом Заболоцкий прочитал короткий доклад о материализме. Ведущую группу составляли Лебедев и Кутузов. Последний особенно выделялся своей надменностью и разгуливал с винтовкой на плече. Он был одет в партизанскую форму»⁴⁹. В это время, сразу же после освобождения, произошел раскол среди членов ССП по вопросу о дальнейшей стратегии действий. Меньшая часть людей, собравшаяся вокруг Лебедева, считала, что с освобождением роль ССП была сыграна, а посему его членам следует присоединиться к подразделениям НОАЮ, в то время как вторая, более многочисленная, группа во главе с В. Туминым настаивала на необходимости продолжать собственную деятельность Союза⁵⁰. В результате оказавшийся в меньшинстве Лебедев покинул ССП и поступил на должность военврача в НОАЮ.

Интерес русских эмигрантов к вступлению в ССП угасал, так как Союзу не удалось получить реального влияния (подобного стержневым эмигрантским организациям под руководством В. Штрандтмана в межвоенный период или под управлением В. Крейтера в годы войны). В декабре 1945 г. ССП был окончательно распущен. Советское гражданство, которое беженцы стали получать с весны 1946 г., не означало, как выяснилось, одновременного отъезда из Югославии⁵¹. Тумин, который попытался сопротивляться роспуску Союза, был уволен с работы в информационном агентстве ТАНЮГ и вновь арестован на несколько месяцев⁵². Несколько бывших членов ССП вступили в начале 1946 г. в новое «Культурно-просветительное общество граждан Советского Союза», действовавшее при Доме советской культуры, но уже не имевшее ни былой самостоятельности, ни амбиций стать чем-то, кроме обычного фольклорного клуба⁵³. Члены ССП военного времени (Крат, Лебедев, Марков, Кутузов, Израиллов и примкнувшие к ним Свечников, Заболоцкий, Марков, Жиллов, Лобачев, Жеребков, Апухтин и Петрова) вновь активизировались лишь в 1948 г., выступив в поддержку Резолюции Информбюро⁵⁴. В 1949–1955 гг. их арестовывали, избивали, бросали в тюрьмы и в конце концов выпроводили из страны вместе с десятками других «подозрительных русских»⁵⁵. В августе 1951 г. состоялся публичный показательный процесс над «группой советских шпионов», на котором были осуждены В. Лебедев, П. Крат, Б. Заболоцкий, И. Голенищев-Кутузов и другие бывшие члены ССП.

Анализируя деятельность ССП в целом, можно прийти к выводу о том, что это явление было достаточно редким, но не уникальным. Дать более точную оценку (изучить спонтанность его возникновения и активность в годы войны) будет затруднительно до рассекречивания адекватных архивных материалов в России. Только это может помочь ответить на вопрос, прав ли был один из «новообретенных» советских граждан послевоенного периода К. В. Белозеров, который писал 21 июня 1966, что «всю историю ССП можно разделить на три части. Первую можно назвать “гуманной приятностью”: со времен возникновения ССП (в конце 1942 или начале 1943) до появления храброго партизана И. Н. Кутузова, как бравого солдата Швейка, 20.10.1944. Второй период – от Кутузова до “профессора” Тумина – назовем “деньги и хлестаковщина” и третий период – ликвидационный – от Тумина до “Общества граждан советского происхождения”»⁵⁶?

Вероятно, ближе к истине был бывший специалист по коммунистическому подполью в довоенной югославской полиции, а потом в недичевской Специальной полиции, заключенный после войны в тюрьму в г. Сремска-Митровица русский эмигрант Сергей Голубев⁵⁷, которого УДБ использовало для анализа материалов, полученных на допросах от членов ССП. В своей записке, составленной 19 февраля 1952 г., он писал: «Среди разных вопросов, связанных с проникновением советского влияния и советской разведки в нашу страну, вопрос ССП один из наиболее интересных и важных... Союз в своих рядах собрал известное число белоэмигрантов прогрессивного направления, поддерживал определенные контакты с партизанами..., а впоследствии был возрожден как общество по сотрудничеству с СССР, чтобы в конце 1946 года окончательно прекратить существование... Этому вопросу, хотя он и несколько потерял актуальность, – нужно посвятить куда большее внимание, так как не исключено, что таким образом можно прийти до открытий не только в историческом смысле, но и в политическо-разведывательном...». Голубев подчеркивал, что следователи УДБ не смогли получить ответы на вопросы о том, по чьей непосредственно инициативе был основан ССП. Случайно ли, что организации подобного типа практически в то же время возникли во Франции и Болгарии? Учитывая неоспоримость связей «Земгора» с советской разведкой до войны, имело ли место подобное сотрудничество после войны? Эти вопросы, остающиеся без ответов и до сих пор, ставил перед собой бывший опытный борец против коммунистического подполья заключенный С. Голубев, читая полученные с применением физического давления протоколы допросов сидевших в

соседних камерах борцов с фашизмом времен войны – В. Лебедева, Б. Заболоцкого, И. Голенищева-Кутузова и П. Крата. Абсурдность происходящего подчekiвают слова совершенно несообразного данной ситуации титовского призыва, которым С. Голубев закончил свою аналитическую записку: «Смерть фашизму, свободу – народу!»⁵⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Јовановић М.* Срби и Руси 12–21. век (историја односа). Београд, 2012. С. 180.
- 2 *Гильотен Е.* Две моје домовине. Успомене Јелисавете Жерардовне Гильотен. Горњи Милановац, 1991; *Лобачев Ђ.* Кад се Волга уливала у Саву. Београд, 1997. Об ССП упоминается и в историческом романе, инспирированном советскими «компетентными органами» в годы застоя: *Дорба И.* Под опущенным забралом. М., 1983.
- 3 Здесь и далее мы цитируем досье из Архива Сербии, фонд БИА, III-98. Поскольку это досье не имеет сплошной нумерации, мы приводим лишь имя и фамилию автора документа (доноса, заявления, протокола), а также страницу по порядку документа. Грамматика документов максимально приближена к оригиналам, которые не всегда отличались грамотностью.
- 4 Одишелидзе Ана. 13.09.1948. С. 14–29.
- 5 Исто. С. 14.
- 6 Марко. 23.07.1948. С. 1–4.
- 7 Исто. С. 1.
- 8 Политика. 27.07.1946. «“Известија” поздравља деоруске емиграције Југославији који се часно држао за време фашистичке окупације».
- 9 Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 1–17.
- 10 Исто. С. 6.
- 11 Крат П. 31.08.1949. С. 1–13.
- 12 Исто. С. 1–3.
- 13 Одишелидзе Ана. 13.09.1948. С. 16.
- 14 *Лобачев Ђ.* Кад се Волга уливала у Саву. С. 118.
- 15 *Ruska emigracija u Jugoslaviji. Policijski elaborat.* Билећа, 1953.
- 16 Марко. 23.07.1948. С. 1.
- 17 Крат П. 31.08.1949. С. 3.
- 18 *Дорба И.* Белые тени. М., 1981; *Он же.* Под опущенным забралом. М., 1983.
- 19 Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 1–17.

- 20 *Јовановић М.* О једној забуни у нашој историографији или ко је В. Лебедев? // Споменица Радована Самарцића. Београд, 1994.
- 21 Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 1–6.
- 22 Марко. 23.07.1948. С. 1–3.
- 23 Крат П. 31.08.1949. С. 3–5.
- 24 Исто.
- 25 ИАБ, УГБ СП IV, бр. 38/05, 266.
- 26 ИАБ, BdS, br. A-50, B-112, H-222, I-54, J-235.
- 27 Материалы о деятельности советской разведки на территории Югославии полностью отсутствуют среди открытых документов в фонде БИА в Архиве Сербии.
- 28 Роланд Абиа находился в Югославии с июля 1932 г. по февраль 1935 г. и действовал против русских эмигрантских организаций. Он использовал псевдоним «Владимир Правдин» и установил разведывательную связь с группами Ф. Махина и Л. Линицкого. См.: *Тимофејев А.* Руси и Други светски рат у Југославији. Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011. С. 227, 228; *Тесемников В.* Югославская одиссея Федора Махина // Родина. 2007. № 8.
- 29 Например, во Франции образованное в 1943 г. общество просоветских эмигрантов называлось «Союзом русских патриотов» (Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. М., 2007. Т. 4: 1941–1945 годы. *Кривошеин И. А.* Так нам велело сердце // Против общего врага: советские люди во французском движении Сопротивления. М., 1972. С. 280–284; *Polian P., Colpart C.* Le rapatriement des citoyens soviétiques depuis la France et les zones françaises d'occupation en Allemagne et en Autriche // Cahiers du Monde russe. 2000. Vol. 41. № 1 (Jan. – Mar.). P. 165–189).
- 30 Одишелидзе Ана. 13.09.1948. С. 18.
- 31 Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 11–14.
- 32 Марко. 23.07.1948. С. 3.
- 33 Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 15.
- 34 Исто.
- 35 Исто. С. 18.
- 36 Крат П. 31.08.1949. С. 4–8.
- 37 Мы не смогли найти в учетных книгах банницкого лагеря ни А. Петроцкого, ни И. Голенищева-Кутузова, ни других членов ССП, о чьем пребывании в этом лагере сообщают документы, упомянутые в досье «Советские патриоты» в Архиве Сербии.
- 38 Савченко Игор (без даты). С. 6–7.

- 39 Меморандум о делатности ССП у оквиру НОП Југославије. 27.11.1944. С. 6.
- 40 Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 1–6.
- 41 Исто; Савченко Игор (без даты). С. 6–7.
- 42 Меморандум о делатности ССП у оквиру НОП Југославије. 27.11.1944. С. 6.
- 43 Подробнее об организацији окупационог апарата в Сербии см.: *Тимофеев А. Ю.* Сербские союзники Гитлера. М., 2011.
- 44 Преписка Државне комисије поводом убиства Одишелидзеа, Липског и Ефимовског. С. 1–28; Молба С. К. Христића од 28. маја 1945; Испит сведока. 21.06.1948; Миловановић Божидар. 31.10.1948; Ракић Љубиша. 2.11.1948; Крстић Миодраг. 22.01.1948; Липски Татјана. 14.09.1948.
- 45 Извештај о раду ССП у Београду за ЦК ССП (без даты). С. 1.
- 46 *Лобачев Ђ.* Кад се Волга уливала у Саву. С. 126, 132.
- 47 Шепченко Николај. 22.08.1948. С. 4–6.
- 48 Писмо ССП-ОЗН, потписано В. Лебедев, Н. Чернишев (без даты).
- 49 Шубин Николај (без даты). С. 1.
- 50 Крат П. 31.08.1949. С. 2.
- 51 *Лобачев Ђ.* Кад се Волга уливала у Саву. С. 191–192.
- 52 Марко. 23.07.1948. С. 3.
- 53 *Гиљотен Е.* Две моје домовине... С. 223.
- 54 Савченко Игор (без даты). С. 7.
- 55 Ноты советского правительства югославскому правительству. 11, 18, 29 августа, 28 сентября. М., 1949; *Лобачев Ђ.* Кад се Волга уливала у Саву. С. 196–206; *Гиљотен Е.* Две моје домовине... С. 244–255.
- 56 *Гиљотен Е.* Две моје домовине... С. 242.
- 57 ИАБ. Ф. УГБ СП. Д. Голубјев Сергија.
- 58 Група I/1, Предмет «Савез Совјетских Патриота» – предлог. КПЗ Сремска Митровица. С. Голубјев. 19.02.1952. С. 1–5.

Timofeev A. Yu.

The Activity of the «Union of Soviet Patriots» in Serbia
in the Period of the Second World War

On the base of archival materials and memories of the members of the events, the author makes an attempt to reconstruct the activity of the «Union of Soviet Patriots» – an anti-fascist organization of Russian emigrants in Yugoslavia.

Key words: *Union of Soviet Patriots, Russian emigration in Serbia, the Second World War in Yugoslavia, the guerillas movement.*

Б. С. Новосельцев
(Москва)

Югославско-американские отношения в начале 1960-х гг.

В центре внимания статьи находятся обстоятельства развития югославско-американских отношений в начале 1960-х гг. Автор делает попытку объяснить причины ухудшения югославско-американских отношений в рассматриваемый период и проанализировать активность двух сторон, направленную на преодоление создавшейся ситуации.

Ключевые слова: *Югославия, неприсоединение, внешняя политика, США, режим наибольшего благоприятствования, Йосип Броз Тито.*

Югославско-американские отношения в 1950–60-е гг. представляли собой удивительный для биполярного мира пример тесного сотрудничества капиталистического и социалистического государств, продиктованного, впрочем, именно логикой «холодной войны».

Федеративная Народная Республика Югославия (ФНРЮ), оказавшаяся после конфликта с СССР 1948 г. во внешнеполитической изоляции, нашла в США не только гаранта безопасности от советской интервенции, но также источник финансовой и материальной помощи, кредитора и торгового партнера. Американские политики видели в югославском прецеденте (существовании социалистической страны вне советского лагеря) возможность снижения влияния СССР в мире. Поддержка, оказываемая ФНРЮ, объяснялась так называемой «стратегией клина»¹, проводимой Соединенными Штатами.

В середине 1950-х гг. после нормализации советско-югославских отношений Белград, рассчитывая получить выгоду от сотрудничества с обеими супердержавами, попытался лавировать между ними. Желая укрепить позиции своей страны на международной арене, югославский руководитель Йосип Броз Тито объявил о переходе к политике неприсоединения к военно-политическим блокам и вскоре стал одним из лидеров внеблоковых государств.

1–6 сентября 1961 г. в Белграде состоялась конференция неприсоединившихся стран. Это событие определило основной тренд развития внешней политики Югославии 1960-х гг. – преимущественную ориентацию на СССР и некоторое ухудшение отношений с США.

Позиция Тито на саммите относительно Берлинского кризиса и возобновления Советским Союзом ядерных испытаний вызвала глубокое разочарование западных наблюдателей. В своих депешах в Государственный департамент США американский посол Джордж Кеннан² констатировал, что выступления Президента Югославии «не содержали ничего такого, что не могло бы быть написано Хрущевым», и признавался, что ни он, ни его коллеги «не были готовы к настолько односторонней позиции Тито»³. По мнению американского дипломата, активность ФНРЮ на конференции стала свидетельством «неожиданной переориентации югославской политики [...] в направлении просоветских позиций». При этом он выразил подозрение, что не вся югославская партийная и государственная элита поддержала линию, предложенную Тито. Среди руководителей, полагавших, что такой внешнеполитический курс не будет отвечать интересам государства и повлечет за собой негативные последствия, Кеннан назвал Эдварда Карделя⁴. Он подчеркнул, что США должны отреагировать на изменения во внешней политике ФНРЮ, иначе это повредит не только позициям Америки, но и положению тех, кто сомневается в целесообразности перемен. Однако, по его мнению, резко отвечать на данные события не стоило, так как это могло бы еще больше стимулировать просоветскую ориентацию Югославии⁵.

Реакцией США стала нота, которую 15 сентября 1961 г. Кеннан вручил югославским руководителям. В ней выражались разочарование и обеспокоенность вследствие «несдержанного тона и пристрастного содержания» выступления Тито на конференции. Тремя основными причинами недовольства были названы позиции ФНРЮ по Германскому вопросу, разоружению и возобновлению атомных испытаний Советским Союзом. По всем этим проблемам международных отношений Югославия не только поддержала СССР, но и попыталась убедить другие неприсоединившиеся государства следовать ее курсу, в связи с чем американцы подняли вопрос об искренности нейтральных позиций ФНРЮ⁶.

В ответной ноте от 18 сентября 1961 г. югославские руководители обвинили США в том, что они ставят под сомнение право Белграда свободно выражать свое мнение по различным вопросам внешней политики. Они подчеркнули, что и в дальнейшем будут занимать позиции, основанные на своих убеждениях, а не на их соответствии чаяньям блоков. Американская нота была расценена как давление на независимое государство⁷.

Сложно объяснить причины столь резкого ответа на претензии со стороны США, казавшиеся американцам вполне обоснованными: Тито своими выступлениями на Белградском саммите нарушил договоренности, достигнутые в ходе многочисленных югославо-американских консультаций весны–лета 1961 г.⁸ Он не мог не понимать, что это повлечет за собой ужесточение экономической политики Соединенных Штатов в отношении Югославии. Но то ли глава ФНРЮ надеялся на то, что потребности Югославии будут покрыты за счет активизации торговли со странами Азии и Африки, то ли рассчитывал на государства социалистического лагеря, с которыми обозначилось некоторое улучшение отношений. Возможно, он был убежден в том, что его антизападные выступления не поставят под угрозу получение экономической помощи от США и других капиталистических стран, полагая, что они предоставляют ее исходя из собственных интересов (такое мнение в своих телеграммах в Госдепартамент высказывал Джордж Кеннан⁹). А может быть, Тито верил, что в своем экономическом давлении Соединенные Штаты не зайдут слишком далеко, опасаясь возвращения ФНРЮ в советский блок.

Администрация президента и Государственный департамент США выступали за сохранение и продолжение помощи Югославии. Они исходили, с одной стороны, из необходимости сохранить независимость ФНРЮ, продолжая придерживаться «стратегии клина». С другой стороны, они надеялись повлиять на эволюцию югославской политики, экономической системы и социальных институтов в направлении их демократизации и увеличения их связей с Западом. И, наконец, они полагали, что в создавшейся ситуации кардинальное изменение политики США повлечет за собой риск возвращения ФНРЮ в зону советского влияния¹⁰. Вместе с тем они не исключали возможности изменения или сокращения экономической помощи Югославии, желая добиться определенных изменений в ее внешней политике.

Осенью 1961 г. Соединенные Штаты отказались рассматривать просьбу ФНРЮ о предоставлении инвестиционных кредитов (общей суммой в 479 млн долл.), без которых была невозможна реализация пятилетнего плана экономического развития страны. Также была приостановлена программа военных поставок (продажа запасных частей к американской технике)¹¹. Под вопросом оказались поставки зерна, предоставлявшиеся Югославии согласно «Закону о сельскохозяйственных излишках»¹². Если учесть, что югославское сельское хозяйство не могло обеспечить страну зерном в полном объеме, к

тому же каждые несколько лет случалась засуха, можно сделать вывод, насколько сильно ФНРЮ нуждалась в этих поставках.

13 ноября 1961 г. на митинге в Скопье Тито обрушился с критикой на политику США. Он заявил, что «капиталисты в Америке» намереваются «прекратить оказание Югославии всякой помощи [...]», не хотят продавать нашей стране зерно, самолеты, не желают принимать там наших людей». Югославский президент подчеркнул, что «в то время, когда наша страна переживает такую страшную засуху», на нее «оказывается экономическое давление». В заключение Тито провозгласил: «Мы не отступим от своих принципов, вне зависимости от того, получим ли мы помощь от Америки или нет»¹³.

Выступление Тито встретило резко негативные оценки в США. Однако в тот же день на заседании Национального совета безопасности было принято решение предоставить Югославии помощь по «Закону о сельскохозяйственных излишках»¹⁴. ФНРЮ запрашивала 1 млн т пшеницы, но, видимо, по рекомендации Кеннана¹⁵, ей было предоставлено лишь 500 тыс. т¹⁶. Кроме того, югославским руководителям дали понять, что не существует никаких гарантий продления действия программы на следующий год.

Для Тито позиция, занятая руководством Соединенных Штатов осенью 1961 г., стала сигналом необходимости срочно найти альтернативу экономическому сотрудничеству с США: хозяйственное развитие страны оказалось в слишком большой зависимости от политических отношений между Югославией и Западом.

События, произошедшие на Белградской конференции, ясно показывали, что основное направление развития внешней политики ФНРЮ состояло в сближении со странами «третьего мира» и советским лагерем. Такие задачи автоматически означали ухудшение отношений с западными государствами. Вместе с тем в Югославии надеялись по максимуму сохранить помощь и кредиты, получаемые от «американских капиталистов».

На начало 1960-х гг. пришлось время очередного витка напряженности в «холодной войне», связанного с Берлинским и Кубинским кризисами. В такой ситуации резкая позиция по отношению к Югославии воспринималась среди американской общественности как последовательное противостояние коммунизму, а это приносило голоса американских избирателей. Большая часть электората имела смутное представление о ФНРЮ и ее политике¹⁷, и потому не понимала, как сотрудничество с коммунистической страной может поспособствовать глобальной победе Запада над Востоком в «холодной войне». Это при-

вело к росту антиюгославских тенденций в Конгрессе, особенно среди республиканцев, находившихся в оппозиции.

Политика Администрации президента и Государственного департамента США встречала все большее сопротивление. В 1962 г. противоречия между американской законодательной и исполнительной властью по этому вопросу обострились настолько, что некоторые исследователи¹⁸ даже усматривают в этом конфликт двух властных институтов, победу в котором одержал антиюгославский курс, проводившийся Конгрессом.

8 января 1962 г. состоялась встреча госсекретаря США Дина Раска¹⁹ и посла ФНРЮ Марко Никезича²⁰. Когда речь зашла о помощи Югославии, американский политик заметил, что в данный момент Соединенные Штаты занимаются анализом своих экономических программ, желая сделать их более эффективными, чем в последние 15 лет. Он подчеркнул, что ответ на запрос о предоставлении помощи будет дан в ближайшее время, после того как американские специалисты проанализируют и сравнят его с запросами других стран, учитывая общий объем имеющихся ресурсов.

В ходе разговора Раск, как бы невзначай, отметил склонность югославского руководства считать США, в отличие от СССР, нечувствительными к переменам во внешней политике ФНРЮ, и предостерег, что в этой уверенности не следует заходить слишком далеко. На это Никезич, скривившись, ответил, что после Белградской конференции он не верит в то, что Белград снова злоупотребит терпением Соединенных Штатов. В конце беседы югославский дипломат подчеркнул, что в Вашингтоне неправильно интерпретировали события Белградского саммита. Сдвигов во внешней политике Югославии не произошло, и объективный анализ советско-югославских отношений подтвердил бы этот факт²¹.

По итогам переговоров, Раск рекомендовал президенту Кеннеди все же продолжить оказание помощи Югославии, но сократить ее до минимума. Это касалось и поставок сельскохозяйственных излишков (Раск предложил продавать их в кредит в долларах, а не в местной валюте), и технической помощи (которую предполагалось предоставлять в размере 500–700 тыс. долларов ежегодно), и резервных деталей для военной техники американского производства, и кредитов (не более 10–20 млн долларов в год)²². Все эти рекомендации были приняты²³.

В конце мая 1962 г. наступил критический момент в югославо-американских отношениях²⁴. На экономике ФНРЮ все больше сказыва-

валось сокращение американской помощи, продолжалось советско-югославское сближение²⁵. В этой ситуации с визитом в США отправился секретарь иностранных дел ФНРЮ Коча Попович²⁶. Главной его задачей было убедить руководителей Государственного департамента и лично Кеннеди²⁷ в том, что улучшение советско-югославских отношений еще не делает Москву и Белград союзниками. Поездка в целом оказалась полезной и позволила преодолеть рост скептицизма американской исполнительной власти относительно политики Югославии.

Однако в развитие событий вмешалась американская законодательная власть. С лета 1962 г. главным камнем преткновения в югославско-американских отношениях стала проблема отмены режима наибольшего благоприятствования для ФНРЮ²⁸. Одной из основных движущих сил антиюгославского курса в Конгрессе США был член Палаты Представителей, председатель Комитета по методам и средствам Уилбур Миллс²⁹. Аналитики Государственного департамента называли его «главным, если не единственным, сторонником отмены режима наибольшего благоприятствования в Комитете»³⁰. Благодаря его усилиям 12 июня 1962 г. Палата Представителей, обсуждая «Закон о расширении торговли» (**Trade Expansion Act**), приняла данное решение в отношении Югославии и Польши, объясняя это недопустимостью поддержки коммунистических государств. Теперь таможенные тарифы на югославские товары должны были вырасти в 2–3 раза, что осложняло их попадание на американский рынок и ставило под вопрос исполнение ФНРЮ своих долговых обязательств в ближайшие несколько лет.

Кроме того, 6 июня 1962 г. Конгресс принял поправку к «Закону о помощи иностранным государствам» (**Aid Act**), предложенную сенатором от штата Огайо Фрэнком Лоше³¹, согласно которой действие закона не могло распространяться на коммунистические страны. Этот шаг был также направлен, прежде всего, против Польши и Югославии, получавших помощь по этому закону. Только после активного вмешательства Администрации президента из области действия поправки был исключен «Закон о сельскохозяйственных излишках»³².

12 июня посол в Вашингтоне М. Никезич выступил с заявлением о том, что грядущая отмена режима наибольшего благоприятствования «создала неопределенность относительно будущего направления развития югославско-американских отношений». В ответ секретарь Государственного департамента Джулиус Катц подчеркнул, что ре-

шение Конгресса противоречит позиции Администрации президента и что оно не повлияет на поддержку Югославии со стороны США в рамках различных международных организаций. Кроме того, он уверил, что Администрация будет всеми силами стремиться ограничить последствия принятия этого закона³³.

Ситуация с конфликтом Конгресса и Администрации президента США являлась наглядным примером американского понимания демократии и действия принципа разделения властей. Несмотря на нежелание исполнительной власти и Госдепа идти на сокращение программ помощи Югославии³⁴, они были вынуждены согласиться с решением Конгресса. Преодолев сопротивление правительства, в конце сентября 1962 г. американские законодатели проголосовали за обе ограничительные поправки. Это означало, что теперь США должны были в течение года прекратить предоставлять торговые привилегии коммунистическим странам³⁵. Еще не успев вступить в силу, поправки уже начали оказывать свое влияние на развитие экономических отношений между двумя странами. Так, например, в 1962 г. объем югославского экспорта в Соединенные Штаты сократился из-за негативных ожиданий на рынке на 11,6%³⁶.

13 октября 1962 г. на пресс-конференции Й. Броз Тито назвал прекращение действия режима наибольшего благоприятствования «односторонним актом, основным смыслом которого является политическая и экономическая дискриминация и который объективно означает негативные изменения политики США в отношении независимой Югославии». Президент Югославии предупредил, что помимо очевидного ущерба в экономической и торговой сфере «неизбежны будут отрицательные последствия и в других областях югославо-американских отношений». В заключение он добавил, что этот курс «противоречит [...] политике правительства ФНРЮ, которое хотело и хочет дружеских и стабильных отношений с Соединенными Штатами»³⁷.

Руководители Югославии ожидали от американской исполнительной власти шагов, которые компенсируют ущерб, нанесенный поправками к «Закону о помощи иностранным государствам» и «Закону о расширении торговли». Югославские дипломаты в октябре 1962 г. несколько раз подчеркивали в переговорах (в Белграде и Вашингтоне) со своими американскими коллегами, что ФНРЮ стремится вернуться к нормальным отношениям с США и что это произойдет, как только режим наибольшего благоприятствования будет восстановлен³⁸.

С сентября 1962 г. по апрель 1963 г. в отношениях между США и Югославией продолжали нарастать негативные моменты. Этому во многом способствовала просоветская позиция Белграда по Кубе и Карибскому кризису. В важнейший момент «холодной войны» Тито, не раздумывая, встал на сторону Советского Союза.

Американская исполнительная власть пыталась облегчить тяжелое экономическое положение ФНРЮ, связанное с действиями Конгресса: увеличила объем поставок зерна по «Закону о сельскохозяйственных излишках»³⁹, обеспечила возможность получения кредита общей суммой в 30 млн. долларов в Международном банке, на который США имели решающее влияние⁴⁰. Однако Тито после решения об отмене режима наибольшего благоприятствования вынужден был еще активнее идти на сближение с СССР. В декабре 1962 г. состоялся его визит в Советский Союз, который американский посол Кеннан назвал одним из главных триумфов в жизни югославского президента⁴¹: Н. С. Хрущев, не требуя взамен каких-либо уступок, провозгласил Югославию социалистическим государством и признал, что строительство социализма в разных странах может вестись по-разному.

Американская общественность остро реагировала на высказывания югославских политиков и дипломатов, а в особенности на визит Тито в СССР. Проявлением этого стали бойкот товаров из Югославии в некоторых штатах, отказ работников портовых профсоюзов обслуживать корабли под флагом ФНРЮ, увеличение активности антиюгославски настроенной эмиграции, рост количества негативных статей в печати⁴².

Вместе с тем Государственный департамент не изменил своих позиций в отношении сотрудничества и помощи Югославии. Политику, навязываемую Конгрессом, там считали «идущей вразрез» с национальными интересами, «в целом являющейся оборонительной, бесплодной и провальной» и «вкладом США в единство коммунистического мира»⁴³. Ключевым для американских дипломатов являлся тот факт, что Тито не собирается возвращаться в советский лагерь или прекращать политику неприсоединения. За одно это они готовы были продолжать поддержку его режима. Американская общественность и Конгресс, стремящийся заработать голоса избирателей, не учитывали долгосрочных стратегических интересов США. Помощь коммунистическому режиму виделась им парадоксальной, нелогичной и даже аморальной.

24 января Кеннеди выступил с инициативой, предложив внести дополнение в «Закон о расширении торговли». Согласно ему,

Президент мог расширить действие режима наибольшего благоприятствования «на страны или территории, имеющие важность для национальных интересов, а также для того, чтобы сохранить их независимость от контроля или доминирования международного коммунизма»⁴⁴. В США продолжали испытывать сомнения относительно внешнеполитического курса ФНРЮ. Однако бездействие в создавшейся ситуации было бы худшим выходом из положения.

Последовал ряд политических консультаций. 30 января 1963 г. Кеннан на встрече с Тито подчеркнул заинтересованность своего правительства в сохранении нормальных отношений с ФНРЮ и сообщил югославскому лидеру, что решение по возобновлению режима наибольшего благоприятствования может быть принято уже к началу лета. Кроме того, американский посол затронул проблему сближения Югославии и Советского Союза и их «практически идентичных» позиций во внешней политике. В ответ Тито заверил, что «Югославия остается неприсоединившейся страной»⁴⁵. 14 марта состоялся еще один разговор Тито и Кеннана, в ходе которого стороны еще раз затронули вышеуказанные проблемы⁴⁶.

7 марта в Вашингтоне встретились госсекретарь США Д. Риск и посол Югославии Велько Мичунович. Риск, выразив опасение, что Югославия может вступить в Организацию Варшавского договора, заявил, что Соединенные Штаты должны иметь «чувство уверенности в отношении будущих поворотов югославской политики». Также он заметил, что «переговоры [...] помогут пролить больше света на различные проблемы наших взаимоотношений». Мичунович заговорил о возможной поездке Раска в Югославию, на что тот сразу же согласился⁴⁷.

Активизация внешней политики США в начале 1963 г. говорит о том, что после поездки Тито в Советский Союз в Вашингтоне всерьез обеспокоились менявшейся ситуацией и были готовы идти на уступки. Югославское руководство приняло решение сделать шаг навстречу американской инициативе, что имело как экономические, так и политические причины. С одной стороны, Тито стремился вернуть все выгоды от сотрудничества и помощи стран Запада, с другой стороны, не хотел терять свободу маневра и быть втянутым в орбиту влияния Москвы. Однако необходимо отметить, что приоритетом для ФНРЮ по-прежнему оставалось сближение с Советским Союзом.

Наряду с визитом в Югославию Раска, был инициирован обмен письмами лидеров двух стран. В своем послании от 7 апреля

1963 г. Тито заверил американского президента в своем намерении проводить независимую политику и поддерживать дружеские отношения с Западом. Он поблагодарил Кеннеди за усилия, направленные на «восстановление нормальных условий для торговли» между Соединенными Штатами и ФНРЮ и выразил желание в дальнейшем развивать двусторонние экономические отношения на коммерческой и деловой основе. В конце письма Тито подчеркнул, что улучшение советско-югославских отношений не повредит дружбе с западными государствами и приведет к укреплению международного сотрудничества и взаимопонимания⁴⁸.

Предложение о сотрудничестве на коммерческой основе не означало, что Югославия готова отказаться от экономических льгот и привилегий, которые она получала от США. Имелось в виду желание ФНРЮ стать равноправным партнером Соединенных Штатов. В качестве платы за это югославский президент был готов полностью отказаться от безвозвратной помощи, которую, впрочем, с конца 1950-х гг. страна и так практически не получала. Помогая другим государствам, Вашингтон в обмен всегда требовал от них политических уступок и проявлений солидарности со своей политикой. Для Югославии эта цена стала чрезмерно высокой еще в середине 1950-х гг., когда произошла нормализация отношений с Советским Союзом. Для нее значительно выгоднее было равноправное сотрудничество со странами обоих блоков: торговля, инвестиции и получение долгосрочных кредитов, как от США, так и от СССР.

В ответном письме Кеннеди также выразил озабоченность трудностями, возникшими в двухсторонних отношениях, и признал, что в их основе лежит взаимное недопонимание. Он подчеркнул, что Белград и Вашингтон способны устранить эти проблемы и продолжить сотрудничество⁴⁹. Форма и содержание письма говорят о том, что готовность к диалогу на высшем уровне, продемонстрированная Югославией, была воспринята в США позитивно. В отношениях между двумя странами наметился перелом в лучшую сторону.

4 мая 1963 г. состоялась встреча Д. Раска с Й. Броз Тито. Обсуждались в основном вопросы внешней политики, много внимания было уделено ситуации в Юго-Восточной Азии и Китае. В ходе беседы Раск попросил Тито рассказать о новой Конституции Югославии. По вопросу двухсторонних отношений стороны лишь повторили то, о чем уже было сказано во время предыдущих дипломатических консультаций. Тито еще раз подчеркнул, что «Югославия не видит никаких причин менять свою политику» и

что ее принципиальная позиция «выражается в сохранении хороших отношений со всеми странами». Госсекретарь США рассказал об усилиях Администрации президента, которые предпринимаются для восстановления режима наибольшего благоприятствования⁵⁰. По итогам визита Раска стороны еще раз подтвердили свои позиции. Кроме того, Тито было передано приглашение Кеннеди посетить Вашингтон в октябре 1963 г.

17 октября 1963 г. в Белом доме состоялась встреча президентов США и Югославии⁵¹. Прошедшие переговоры можно условно разделить на две части: утреннюю и дневную.

Утром ключевым вопросом было обсуждение взаимоотношений западного и восточного блоков, а также советско-югославского сближения. Тито объяснил это последовательной политикой Югославии, направленной на развитие сотрудничества со всеми странами, проводящими миролюбивую политику. Кеннеди отнесся к этому объяснению критически, но остался доволен формулировкой, высказанной Тито: дружба с Советским Союзом, но независимая позиция в международных отношениях и сотрудничество с Западом.

В ходе дневной части переговоров стороны обсудили конфликты в ряде стран «третьего мира» (например, алжирско-марокканский и ситуацию в Йемене). Но особое внимание было уделено вопросам югославско-американских отношений. Тито заявил, что Югославия готова отказаться от всех видов помощи и стремится создать новую основу для взаимовыгодного двухстороннего сотрудничества, равноправного и без дискриминаций. Таким образом, он призывал продолжать сотрудничество без оглядки на состояние советско-югославских отношений. Глава СФРЮ⁵² подчеркнул, что «Югославия хочет стоять на собственных ногах», но этому препятствует отмена режима наибольшего благоприятствования. Кеннеди выразил надежду, что в течение ближайших нескольких недель Конгресс примет благоприятное решение⁵³.

Встреча двух президентов означала окончание периода ухудшения югославско-американских отношений. Была заложена новая платформа взаимоотношений, которая предполагала прекращение прямой американской помощи и акцент на преимущественное развитие торговли, культурного и научного сотрудничества. Соединенные Штаты продемонстрировали желание удержать Югославию от дальнейшего сближения с СССР, а лидеры СФРЮ в свою очередь еще раз убедились в необходимости проведения сбалансированной политики в отношении супердержав.

По трагическому совпадению, это была последняя международная встреча Дж. Кеннеди на высшем уровне. Американский лидер готовился к новым президентским выборам, где все пророчили ему легкую победу. 22 ноября в Далласе (штат Техас) во время предвыборного турне он был смертельно ранен и через несколько часов скончался.

16 декабря 1963 г. режим наибольшего благоприятствования для Югославии был восстановлен.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Политика США, направленная на дезинтеграцию советского лагеря, в соответствии с доктриной отбрасывания коммунизма. Поспособствовал превращению Югославии в процветающее социалистическое государство, не являющееся при этом сателлитом Москвы, американцы надеялись сделать ее привлекательным образцом для подражания для других стран Центральной и Восточной Европы; клином, с помощью которого можно будет нарушить единство коммунистического движения.
- 2 Джордж Фрост Кеннан (1904–2005). Американский дипломат, политолог и историк. Один из идеологов «политики сдерживания» времен «холодной войны». Посол США в СССР (май–сентябрь 1952 г.). Посол США в Югославии (1961–1963) Автор трудов по истории взаимоотношений России и стран Запада.
- 3 Foreign Relations of the United States (далее FRUS). 1961–1963. Vol. XVI. Yugoslavia. Doc. 96. Telegram from Embassy in Yugoslavia to Department of State. 3.9.1961.
- 4 Эдвард Кардель (1910–1979). Югославский политический деятель словенского происхождения. Генерал-полковник Югославской Народной Армии. Член Политбюро ЦК КПЮ с 1940 г. Министр иностранных дел ФНРЮ (1948–1953). Заместитель председателя правительства Югославии (1946–1963). Председатель Союзной Скупщины Югославии (1963–1967). Член Президиума Югославии (1974–1979).
- 5 FRUS. 1961–1963. Vol. XVI. Yugoslavia. Doc. 97. Telegram from Embassy in Yugoslavia to Department of State. 15.9.1961.
- 6 Arhiv Jugoslavije. Kabinet Predsednika Republike (AJ. KPR.). I-5-b/SAD. Aide-memoire. 15.9.1961.
- 7 Ibid. Aide-memoire. 18.9.1961.

- 8 См., напр.: AJ. KPR. I-3-a/107-103. SAD. Prijem ambasadora George Kenana. 17.7.1961; Ibid. I-3-a/107-104. SAD. Zabeleška o razgovoru druga predsednika sa podsekretarom SAD Chester Bowlesom // Prijem podsekretara SAD Chester Bowles-a. 30.7.1961; FRUS. 1961–1963. Vol. XVI. Yugoslavia. Doc. 92–95.
- 9 См.: Ibid. Doc. 100. **Telegram from Embassy to Yugoslavia to Department of State.** 29.9.1961; Ibid. Doc. 106. Letter from the Ambassador in Yugoslavia to the President's Special Assistant for National Security Affairs. 27.10.1961.
- 10 Ibid. Doc. 102. Letter from the Assistant Secretary of State for European Affairs (Kohler) to the Ambassador to Yugoslavia (Kennan). 12.10.1961.
- 11 *Bogetić D.* Pogoršanje jugoslovensko-američkih odnosa posle prvog samita nesvrstanih zemalja u Beogradu // *Istorija XX veka.* 2006. № 2. S. 82.
- 12 «Закон о сельскохозяйственных излишках» (Public Law 480) был принят США в 1954 г. Он служил для регулирования торговли американским зерном, не находившим спроса в Соединенных Штатах; помощи нуждающимся странам в непредвиденных случаях посредством межправительственных соглашений и через частные организации, а также для предоставления некоторым государствам бесплатной продовольственной помощи. Закон предполагал возможность расплачиваться за поставки американского зерна в кредит, как в долларах, так и в местной валюте. Сроки возврата кредита колебались от 10 до 30 лет, предусматривались низкие годовые проценты и отсрочка платежей до 5 лет. Югославия подписала с США договор о предоставлении излишков сельскохозяйственной продукции 30 августа 1955 г. и получала часть зерна в виде безвозмездной помощи, а часть приобретала в кредит в динарах. Всего до 1961 г. стране по различным программам была предоставлена экономическая помощь общей суммой около 1,3 млрд долл., из которых около 1 млрд долл. составляла сельскохозяйственная продукция.
- 13 *Tito J. B.* Govori i članci. Beograd. 1976. Knj. 17. S. 162–164.
- 14 FRUS. 1961–1963. Vol. XVI. Yugoslavia. Doc. 112. Memorandum from Secretary of State Rusk to President Kennedy. 21.11.1961.
- 15 См.: Ibid.
- 16 *Diplomatski Arhiv Saveznog Ministarstva Inostranih Poslova (DAS-MIP).* Politička Arhiva (PA). 1961. SAD. f-125. 436472.
- 17 *Bogetić D.* Uvođenje američkih ekonomskih restrikcija Jugoslaviji tokom 1962 – ukidanje statusa «najpovlačnije nacije» // *Istorija XX veka.* 2009. № 1. S. 88.

- 18 См., напр.: *Bogetić D. Pogoršanje jugoslovensko-američkih odnosa...*; *Adamović L., Lempi D., Priket R. Američko-jugoslovenski ekonomski odnosi posle Drugog svetskog rata.* Beograd, 1990.
- 19 Дэвид Дин Риск (1909–1994). Американский государственный деятель, политик и дипломат. Член Демократической партии США. Государственный секретарь США в правление президентов Кеннеди и Джонсона (1961–1969).
- 20 Марко Никезич (1921–1991). Югославский государственный деятель, дипломат. Посол в Египте (1953–1956), Чехословакии (1956–1958) и США (1958–1962). Заместитель секретаря иностранных дел Югославии (1963–1965). Секретарь иностранных дел Югославии (1965–1968). Председатель Центрального Комитета Союза Коммунистов Сербии (1968–1972). В 1972 г. отстранен от этой должности по обвинению в анархо-либерализме.
- 21 FRUS. 1961–1963. Vol. XVI. Yugoslavia. Doc. 116. Memorandum of Conversation. 8.1.1962.
- 22 Ibid. Doc. 117. Memorandum from Secretary of State Rusk to President Kennedy.
- 23 Ibid. Doc. 118. National Security Action Memorandum № 123. 15.1.1962.
- 24 AJ. KPR. I-2/17-8. Monografija o SAD i jugoslovensko-američkim bilateralnim odnosima // Put J. B. Tita u SAD. 30.7.1963.
- 25 Так на праздновании 1 мая в Белграде состоялся парад, на котором, помимо прочего, были продемонстрированы 20 новых танков Т-54 советского производства, несколько советских вертолетов, а также 12 советских противотанковых орудий Су-100 СП. Югославия впервые, начиная с 1948 г., заключила с Советским Союзом крупный контракт на поставку военной техники (*Bogetić D. Uvođenje američkih ekonomskih restrikcija... S. 96*).
- 26 Константин (Коча) Попович (1908–1992). Югославский общественно-политический деятель, писатель и публицист. Начальник Генштаба Югославской народной армии (1948–1953). Союзный секретарь иностранных дел Югославии (1953–1965). Вице-президент СФРЮ (1966–1967).
- 27 С американским президентом К. Попович встретился 29 мая (см.: FRUS. 1961–1963. Vol. XVI. Yugoslavia. Doc. 127. Memorandum of Conversation. 29.5.1962.).
- 28 Это положение предусматривало представление Югославии и Польше таможенных льгот, а также преимуществ в отношении внутренних налогов и сборов, которыми облагается производство, обработка и обращение импортируемых товаров.

- 29 Уилбур Миллс (1909–1992). Американский политик, член Демократической партии США. Член Палаты Представителей от штата Арканзас (1939–1977 гг.). Председатель комитета по методам и средствам (1957–1975 гг.). Кандидат в президенты США на выборах 1972 г.
- 30 FRUS. 1961–1963. Vol. XVI. Yugoslavia. Doc. 132. Memorandum from the Assistant Secretary of State for Congressional Relations (Dutton) to Secretary of State (Rusk).
- 31 Фрэнк Джон Лоше (1895–1990). Американский политик, член Демократической партии США. Сенатор от штата Огайо (1957–1969). Губернатор Огайо (1945–1947 гг. и 1949–1953 гг.).
- 32 *Bogetić D.* Uvođenje američkih ekonomskih restrikcija... S. 98.
- 33 FRUS. 1961–1963. Vol. XVI. Yugoslavia. Doc. 129. Memorandum of Conversation. 12.6.1962.
- 34 В меморандуме исполнительного секретаря Госдепа Баттла специально помощнику Президента по вопросам национальной безопасности Банди подчеркивалось, что режим наибольшего благоприятствования для Югославии и Польши отменять нельзя. «Это может поставить под угрозу основные положения нашей политики в отношении этих стран», а также «прямо противоречит нашей политике», направленной на обеспечение альтернативы их зависимости от советского блока (FRUS. 1961–1963. Vol. XVI. Yugoslavia. Doc. 59. Memorandum From the Executive Secretary of the Department of State (Battle) to the President's Special Assistant for National Security Affairs (Bundy). 3.5.1962).
- 35 *Bogetić D.* Pogoršanje jugoslovensko-američkih odnosa... S. 84.
- 36 DASMIP. PA. 1964. Jugoslavija. f-94. 419681. Izveštaj o radu DSIP za 1963. godinu.
- 37 AJ. KPR. I-2/17-8. Monografija o SAD i jugoslovensko-američkim bilateralnim odnosima // Put J.B. Tita u SAD. 30.7.1963.
- 38 См., напр.: FRUS. 1961–1963. Vol. XVI. Yugoslavia. Doc. 138. Telegram from Embassy to Yugoslavia to Department of State. 13.10.1962; Ibid. Doc. 139. Memorandum of Conversation. 23.10.1962.
- 39 В ноябре 1962 г. был подписан договор о поставках американской сельскохозяйственной продукции на 1963 г. Согласно нему Югославия должна была получить в кредит товаров общей суммой в 108 млн. долларов (DASMIP. PA. 1964. Jugoslavija. f-94. 419681. Izveštaj o radu DSIP za 1963. godinu).
- 40 AJ. KPR. I-3-a/107-112. SAD. Prijem ambasadora George Kennan-a // Podsetnik za razgovor sa ambasadorom Kenanom.
- 41 FRUS. 1961–1963. Vol. XVI. Yugoslavia. Doc. 142. Telegram from Embassy in Yugoslavia to Department of State. 13.12.1962.

- 42 AJ. KPR. I-2/17-8. Monografija o SAD i jugoslovensko-američkim bilateralnim odnosima // Put J.B. Tita u SAD. 30.7.1963.
- 43 FRUS. 1961–1963. Vol. XVI. Yugoslavia. Doc. 146. Paper Prepared in the Department of State. 3.1.1963.
- 44 AJ. KPR. I-2/17-8. Monografija o SAD i jugoslovensko-američkim bilateralnim odnosima // Put J.B. Tita u SAD. 30.7.1963.
- 45 AJ. KPR. I-3-a/107-112. SAD. Zabeleška o razgovoru druga Predsednika sa američkim ambasadorom Džordž Kenanom. 30.1.1963.
- 46 Ibid. I-3-a/107-114. SAD. Zabeleška o razgovoru druga Predsednika sa američkim ambasadorom George Kennan-a. 14.3.1963.
- 47 Ibid. Prijem Ambasadora George Kennan-a // Podsetnik za razgovor. 12.3.1963.
- 48 Ibid. I-1/1098. Poruka Predsednika FNRJ Josipa Broz Tito Predsedniku SAD Džonu Kenediju. 7.4.1963.
- 49 AJ. KPR. I-1/1098. Odgovor Kenedija, Predsedniku Titu. 30.4.1963.
- 50 Ibid. I-3-a/107-118. SAD. Zabeleška o prijemu američkih Državnog sekretara za inostrane poslove, Deana Ruska, kod Predsednika Republike. 4.5.1963.
- 51 Впервые вопрос об официальном визите Тито в США встал в 1954 г. Но вследствие резко негативной реакции общественного мнения (югославской эмиграции, католических кругов, республиканцев, правого крыла демократов) было решено отложить реализацию этой инициативы. В 1956 г., победив на выборах, президент Д. Эйзенхауэр отправил Тито тайное приглашение. Однако вскоре информация о готовящемся визите попала в печать. Под давлением общественности администрация Эйзенхауэра приняла решение назначить поездку на конец апреля и ограничить ее тремя днями. В это время Конгресс США уходит на каникулы, что сделало бы невозможным выступление Тито перед органом американской законодательной власти. Оскорбленные такой позицией принимающей стороны, югославы приняли решение отказаться от поездки. Последняя попытка организовать государственный визит относится к сентябрю 1960 г., когда Тито прибыл на XV заседание Генеральной Ассамблеи ООН в Вашингтон. Но причины, обусловившие отмену предшествующих запланированных поездок, не позволили и на этот раз реализовать инициативу американской стороны. Несмотря на то что 23 сентября 1960 г. встреча Тито и Эйзенхауэра состоялась, она не привела к каким-либо значимым договоренностям и не имела официального статуса (*Bogetić D. Prva Titova poseta Vašingtonu – poslednji Kenedijev međunarodni angažman* (17. oktobar 1963) // *Tokovi istorije* 2007. № 1–2. S. 66–68).

- 52 Согласно новой Конституции Югославии, принятой в 1963 г., государство получило название Социалистическая Федеративная Республика Югославия, что подчеркивало его социалистический характер.
- 53 AJ. KPR. I-2/17-8. Zabeleška o razgovorima Predsednika Tita s Predsednikom Džonom Kenedijem // Put J. B. Tita u SAD. 17.10.1963.

Novoseltsev B. S.

The Yugoslav-American Relations in the Early 1960s

The article focuses on the circumstances of the Yugoslav-American relations in the early 1960s. The author tries to explain the causes of the deterioration of the Yugoslav-American relations in the period under review and to analyze the activity of the two parties in the attempts to overcome this situation.

Key words: *Yugoslavia, Non-Aligned movement, foreign policy, the U.S.A., most favored nation treatment, Josip Broz Tito.*

О. Н. Майорова
(Москва)

Нарастание протестного потенциала в польском обществе в первой половине 1970-х гг.

В статье характеризуются настроения в польском обществе в первой половине 1970-х гг.; показывается, что, несмотря на значительную политическую стабилизацию, которую удалось достичь команде Герека, постепенно нарастал протестный потенциал.

Ключевые слова: *Польша, 1970-е годы, настроения в обществе, протестный потенциал.*

В начало 1970-х гг. Польша вступила в состоянии стагнации в развитии народного хозяйства, рост реальной заработной платы в 1966–1970 гг. не превышал 2%. Это переместило ПНР на последнее место среди стран-членов СЭВ. На V съезде Польской объединенной рабочей партии (ПОРП, ноябрь 1968 г.) возможность применения рыночных механизмов регулирования экономических процессов была отвергнута. Страна только что пережила мартовские выступления студентов 1968 г., которые явились первым массовым протестом молодежи в целом против существовавших в ПНР порядков.

Возглавляемое Владиславом Гомулкой руководство ПОРП практически не отказалось от осуществления сталинской модели социализма, что и явилось основной причиной кризиса 1970 г. 12 декабря 1970 г. Совет министров принял постановление о повышении цен на продовольствие (примерно на 30%). На Побережье были проведены многочисленные забастовки, поддержанные массовыми демонстрациями, с требованием отмены повышения цен. Оценив эти события как выступления контрреволюционного характера, Гомулка отдал распоряжение о применении оружия против бастующих. Однако уже через четыре дня, 19 декабря, на заседании Политбюро их главной причиной были названы ошибки в экономической политике. Вместе с тем никто не пытался пойти дальше, поставить вопрос о системных причинах кризиса.

Таким образом, события конца 60-х – начала 70-х гг. разрушили идеологическую концепцию правящего режима. Экономическая неэффективность и политическая зависимость от Советского Союза скомпрометировали польское руководство в глазах народа. Вехами в этом процессе стали волнения начала 1968 г., когда в польском пути к социализму разочаровались интеллигенция и молодежь, а также

выступления в декабре 1970 – январе 1971 г., после которых от социализма стали отказываться и рабочие.

20 декабря первым секретарем ЦК избрали Эдварда Герека, а также провели некоторые изменения в Политбюро. Неудавшаяся попытка силовым путем разрешить кризис 1970 г. поставила перед новыми польскими властями вопрос о необходимости серьезной корректировки политического курса, методов и стиля управления. Команду Герека объединяла одна мысль: «Никогда больше [не допустить] декабря». Его повторению должно было помешать прежде всего создание в Польше «бигосовского социализма» (по аналогии с венгерским «гуляшным социализмом»). В общих чертах он основывался на улучшении условий жизни и труда, повышении уровня потребления, а также расширении патерналистских функций государства при одновременном отсутствии каких-либо уступок в свободлюбивых устремлениях поляков.

Граждане в целом трактовали существовавший строй как реальность, которую нельзя изменить и к которой следует приспособиться. Границы этого приспособления в различных кругах были различными, но активный протест расценивался как «непосильное дело».

Между тем именно в этот период в среде неконформистской интеллигенции происходили сложные идейные процессы. К моменту прихода к власти Э. Герека польский ревизионизм как течение мысли, альтернативной марксистской, практически прекратил свое существование. Наиболее известные его приверженцы расстались с коммунистическими убеждениями и перешли в лагерь западной социал-демократии. После отказа от марксизма место прежней идеологии начала занимать религия, первоначально – как неосознанное стремление найти такую систему ценностей, с помощью которой можно было бы легально и эффективно противостоять линии партии, затем – как сознательный выбор идеи, сыгравшей огромную роль в борьбе польского народа за независимость. Церковь также превращалась в место притяжения всех противников режима, независимо от их идейных установок. Она не собиралась отказываться от самого принципа противостояния атеистической идеологии марксизма. Ярким показателем этого явилось развертывание «оазисного» движения, которое было организовано костелом с целью воспитания детей в духе католицизма, а также превращение костела в место собраний деятелей оппозиции – как правого, так и левого толка.

В книге одного из участников движения светских католиков «Знак» Б. Цивиньского «Родословные непокорных» (1971) деятель

оппозиции Я. Куронь обнаружил прежде всего акцент на принципы, глубоко роднящие верующих людей и атеистов: «непокорность, постулаты жертвенности, служения и борьбы». Утверждалось, хотя и в завуалированном виде, существование в ПНР оппозиции правящему режиму и выдвигалась возможная платформа объединения постреставрионистского и «знаковского» направлений в единое оппозиционное движение. В свою очередь, в 1971–1972 гг. в движении светских католиков также велись споры о программе действий. В конце концов возобладали сторонники программы одного из активистов католической оппозиции А. Велёвейского, который предлагал сделать упор на культурно-просветительскую деятельность за счет уменьшения участия в работе органов власти. Раскол между политическим и общественным течениями «Знака» становился неизбежным¹.

Оппозиционные сообщества Польши, за редким исключением, не отреагировали на рабочие волнения декабря 1970 – января 1971 г. Российский исследователь В. Волобуев справедливо отмечает, что причину такой пассивности следует, скорее всего, искать не столько в том, что репрессии 1968 г. устрашили оппозиционную интеллигенцию, сколько в отсутствии положительной программы у левой демократической оппозиции, переживавшей расставание с марксизмом. В 1971 г. один из ее активных деятелей философ и публицист Л. Колаковский в «Тезисах о надежде и безнадежности» попытался нащупать новую платформу для деятельности левой демократической оппозиции в Польше. Не усиление полицейских репрессий приводит к замиранию оппозиционной деятельности, говорил он, а отсутствие сопротивления имеет своим результатом разрастание полицейских методов управления². «Тезисы» были важны прежде всего в качестве импульса к действию и явились интеллектуальным фундаментом для стратегии антикоммунистической оппозиции.

В 1974 г. Я. Куронь опубликовал в ежемесячнике «Культура», издававшемся в Париже – одном из важнейших центров польской политической эмиграции, статью «Политическая оппозиция в Польше», в которой продолжил заочный диспут о тактике оппозиционной деятельности, начатый Л. Колаковским. Подобно своим предшественникам, он также акцентировал внимание не на открытой борьбе с режимом, которая в Польше того времени была невозможна, а на постоянном давлении на власть со стороны образованных слоев общества. А. Михник, раздумывая о программе, в нескольких статьях в парижской «Культуре» и «Вензи» утверждал, что следует бороться за независимость Польши, несмотря на пассивность и равнодушие

большей части населения страны. «Для независимости, – говорил Михник, – мало победить Россию, надо, чтобы поляки захотели этой независимости». Наилучшим средством для этого публицист считал подпольную прессу, которая способна пробудить национальный дух и в нужный момент консолидировать общество. Это было свидетельством изменения всего мировоззрения, когда идеология революционных общественных преобразований уступила место реформизму.

Началом новой фазы оппозиционной активности была *кампания писем протеста против поправок к конституции*, включавших статью о руководящей роли ПОРП и дружбе с СССР. Это рубеж 1975–1976 гг. Благоприятная почва для организации протестов была создана подписанием Польшей в 1975 г. Хельсинкского «Заключительного акта», гарантировавшего права человека, а также усиливавшейся зависимостью государства от западных кредитов. Участники этого движения направляли в высшие государственные органы письма протеста, что противоречило утверждению идеологов ПОРП об упрочении морально-политического единства нации. Статья об укреплении дружбы с СССР интерпретировалась как проявление дальнейшего – на этот раз формально-юридического – ограничения и без того далеко не полного суверенитета Польши. В признании за одной партией привилегированного положения усматривалось нарушение принципа равенства всех граждан перед законом.

Среди писем были и такие, в которых требования гражданских свобод выдвигались на первый план. Так, в самом раннем и наиболее известном так называемом «Письме 59-ти» (по количеству подписавших, среди которых были не только люди, известные в мире культуры и науки, как С. Киселевский, В. Шимборская, А. Слонимский, Я. Ю. Щепаньский, но и впервые лица, известные своей оппозиционной деятельностью – Л. Колаковский, Я. Куронь, Я. Карпиньский, А. Михник, Я. Ю. Липский, связанные с оппозиционными кругами адвокаты – Я. Ольшевский, А. Стейнсберг, В. Сила-Новицкий и др.) фактически содержалось требование изменения строя и установления в стране парламентской демократии. Хотя письмо было направлено властям, по существу оно обращалось к обществу, которому представлялась альтернативная программа. Это было новым в устоявшейся практике. Раньше призывали к конкретным переменам, уступкам, а «Письмо 59-ти» стало формулированием далеко идущих целей ликвидации диктатуры ПОРП. Вопрос зависимости Польши от СССР в письме не ставился, в чем проявлялся «реализм», однако протестовали против введения в конституцию одностороннего отката от прерогатив международной суверенности³.

Были и письма, в которых остро определялась ситуация с зависимостью от СССР, речь шла о недопустимости юридического закрепления каких-либо внешнеполитических союзов в основном законе ПНР. Так, публицист и социолог В. Беньковский утверждал, что народ, осознающий державную позицию СССР, «не мечтает о действительном равноправии», но в международных отношениях принято, что «в актах не обнаруживается зависимости даже крошечной страны от супердержавы. Этот хороший обычай был нарушен поправкой, навязанной нашей конституции»⁴. В аннотации этого письма, направленной Посольством СССР в ПНР МИДу, обращалось внимание на то, что, по мнению автора, обновленная Конституция ПНР «неслыханным до сих пор образом налагает на наше государство (ПНР) и народ обязанность поддерживать дружбу». Автор письма подчеркивал, что «искалеченной будет страна и ее государственное устройство, если экономическое развитие не будет сопровождаться свободным развитием интеллектуальной и культурной жизни, науки и политических воззрений». По его оценке, эта область внутренней жизни страны наталкивается на цензурные ограничения, которые якобы «пронизывают все, начиная от обычной информационной хроники, артистической деятельности, публицистики вплоть до чисто научных вопросов... Это обуславливает раздражающую деградацию общественной мысли...». Автор письма отмечал «отличие путей, которыми двигалась история наших соседних народов, разницу традиций, которые формировали всю сферу национального сознания и эмоциональных реакций... Этим объясняется, что любая попытка навязывания нашей стране подобных методов неизбежно встречает резкий отпор всей общественности». Беньковский заключал, что новые формулировки Конституции, касающиеся польско-советских отношений, представляют собой «форму зависимости, аннулирующую прежнюю фразеологию о суверенитете»⁵.

Еще сильнее ставил под сомнение существующее положение вещей в письме Гереку профессор Э. Липиньский. «Польша с самого начала развивалась бы иначе, если бы не давление СССР. Не было бы принудительной коллективизации – был бы выполнен Шестилетний план в его первоначальной форме. А позднее, если бы наша партия последовательно пошла дорогой Октября, Польша была бы сейчас страной несравненно более развитой в экономическом, общественном и моральном отношении. К сожалению, мы не пошли этим путем. Мы по-прежнему в ключевых вопросах придерживались советской политической системы во имя сохранения власти, и, возможно, прежде всего под давлением

Советского Союза. Поэтому в Польше сейчас нет более важного дела, чем получение политической суверенности». Навязывание советского опыта противоречит национальным интересам польского народа⁶. Липиньский представил перспективу партнерских отношений с СССР, охватывающих, в частности, признание Москвой преступлений в отношении Польши, в том числе Катыни и массовых депортаций на Восток. В аннотации «открытого письма», подготовленной Посольством СССР в ПНР, подчеркивалось: «... добрососедство – да; прислуживание – нет... навязывание нам в нынешних условиях любви к советскому государству, повышение этого принципа до конституционной нормы является доказательством полного непонимания человеческой психики»⁷.

Предложения, сформулированные в ходе этой дискуссии в письмах и петициях граждан, оценивались впоследствии Комитетом защиты рабочих (**Komitet Obrony Robotników; КОР**) как имевшие «целью независимую общественную деятельность. Это обеспечение свободы убеждений, слова, информации, свободы объединений, прессы, ответственности государственных властей перед обществом»⁸. Следует также вспомнить три крупных протестных заявления Конференции епископата Польши против введения поправок к конституции. Епископат как бы готовил общественное мнение к тому, что в определенный момент следует сказать «нет», что протестуем, что являемся субъектом всех событий, происходящих в стране.

Вот как оценивается конституционная кампания в одной из информационных записок Посольства СССР в ПНР: «Хотя в результате предпринятых друзьями [т. е. польским руководством. – О. М.] тактических шагов была обеспечена более умеренная позиция по отношению к поправкам в Конституцию епископата, который не пошел с критикой вносимых в нее изменений в широкие слои верующих, оппозиционным элементам с помощью радиостанции “Свободная Европа” удалось повлиять на политически неустойчивые слои населения, организовать поступление в ЦК ПОРП, Сейм и Госсовет ПНР большого количества писем критического содержания... друзья первоначально не ожидали, что обстановка вокруг Конституции примет такую остроту. В ходе нежелательного развития событий в ЦК ПОРП стали осознавать, что складывающееся положение может осложнить проведение выборов [в Сейм, назначенных на 21 марта 1976 г. – О. М.]».

В этой же информации перечисляются меры, предпринятые польскими властями по нейтрализации деятельности оппозиционных элементов: «Во-первых, через партийные и общественные организации был организован широкий поток писем в поддержку

вносимых в Конституцию изменений и добавлений... Во-вторых, включение в проект изменений и добавлений к Конституции положения о союзе ПОРП с ОКП (Объединенная крестьянская партия) и ДП (Демократическая партия), а также их роли в общественно-экономической жизни Польши явилось важным тактическим шагом, обусловило активизацию деятельности этих партий в поддержку поправок к Конституции. В-третьих, друзья решили ускорить рассмотрение проекта изменений к Конституции в высшем законодательном органе страны, перенеся сессию Сейма с конца февраля [1976 г.] на 10 число этого месяца. Указанный шаг способствовал свертыванию дискуссии над проектом изменений, лишив оппозиционные силы возможности и далее использовать ее в своих враждебных целях».

ЦК ПОРП провел серьезную подготовительную работу в целях обеспечения единогласного принятия в Сейме ПНР предложенных изменений. В частности, «с рядом депутатов Сейма, особенно от католических организаций, были проведены индивидуальные беседы. В результате удалось избежать каких-либо критических высказываний и обеспечить единогласное, при одном воздержавшемся, принятие предложенного проекта»⁹.

Поставить подпись было актом отваги, на который решались немногие. Однако Служба безопасности фиксировала симпатию к кампании протеста, в частности, в среде варшавской католической интеллигенции. В одном из документов СБ читаем: «В среде молодых деятелей отмечены следующие фразы: прекрасная патриотическая инициатива; правильные требования; удачно выбранный момент; партия сейчас слаба; можно добиться...»¹⁰.

Расстановка сил среди интеллигенции в связи с дискуссией вокруг изменений и дополнений к Конституции пристально изучалась в Отделах ЦК ПОРП, в парткомитетах научных учреждений. Выяснилось, как отмечалось в одной из информации Посольства СССР в ПНР, что «ряд работников идеологического фронта придерживается взгляда, согласно которому дискуссию следовало бы начать раньше, чтобы вызвать массовую поддержку трудящихся с некоторым опережением писем, спровоцированных оппозиционными элементами. Другие говорят, что нет худа без добра. На поверхность всплыли факты, заставившие всерьез задуматься о необходимости усиления идеологической работы, дифференцированного подхода к различным категориям интеллигенции».

При этом лица, подписавшиеся под письмами критического характера, «по степени политической незрелости» разделялись в отде-

лах ЦК ПОРП на три категории. «К первой из них относятся те, кто сейчас отказывается от своих подписей», причем таких ищется как можно больше, что «позволит подорвать мнимую монолитность оппозиционных элементов... Ко второй категории причисляются все, кто занимает позицию ни с чем не соглашающаяся, т.е. так наз. “инакомыслящие”. И к третьей – явные антисоциалистические элементы. К двум последним группам будут применяться определенные меры воздействия... Причем принятие тех или иных мер начнется только после выборов в Сейм и воеводские советы».

Проводимые индивидуальные беседы показывали, что лица, подписавшие критические письма, руководствовались самыми противоречивыми мотивами. В той же информации Посольства сообщалось, что «депутат “Знака” Стомма, воздержавшийся на сессии Сейма от голосования за конституционные поправки, объясняя свой поступок секретарю ЦК ПОРП тов. А. Вербляну, заявил, что в изменениях и добавлениях к Конституции меньше сказано о ПНР как социалистическом государстве и о ПОРП как руководящей политической силе общества, чем это есть на самом деле. Однако он не согласен с внесенными изменениями лишь потому, что они приобретают законодательный характер. А, по словам Стоммы, он думает о том времени, когда не одна ПОРП будет руководящей политической силой в стране»¹¹.

В правящих кругах осознали «острый характер» борьбы вокруг поправок к Конституции, ее принципиальное значение: «Она показала друзьям ошибочность их взглядов о “единстве всех поляков”, помогла сделать вывод о сложности политической обстановки в стране, необходимости более трезвого учета расстановки сил, укрепления всех участков идеологического фронта»¹².

Что же касается оппозиции, то для нее конституционная кампания сыграла важную роль в плане объединения, несмотря на то, что внешне дискуссия не привела к требуемым результатам, поскольку поправки все же были приняты. Контактующие между собой, но распыленные оппозиционные группы нашли плоскость для совместной деятельности. Без такого коллективного опыта было бы гораздо труднее создавать КОР и другие оппозиционные центры. Было продемонстрировано отсутствие коренных расхождений в целях между разными течениями политической оппозиции. Выявились существование двух противоборствующих сторон в политической сфере жизни польского общества: авторитарного государства и демократической оппозиции. Как подчеркивает польский исследователь А. Фришке, эта кампания способствовала разрушению пропагандист-

ского мифа о единомыслии народа, объединенного вокруг партии. Была уточнена и обнародована система ценностей и важнейшие цели оппозиции. Был установлен политико-психологический контакт между оппозицией в стране и эмиграцией¹³.

Благодаря парижской «Культуре», радиостанции «Свободная Европа» польское общество было информировано о протестах. В крупных центрах скопления интеллигенции и студентов ходили машинописные копии важнейших петиций. Это первая столь широкая акция польского самиздата. Она вызывала дискуссию, осознание важности происходящего в значительно более широких кругах, чем те, кто отважился поставить подпись, преодолевала пассивность. Были уточнены и обнародованы важнейшие цели оппозиции и система ценностей. Значение конституционной кампании метко охарактеризовал позднее польский исследователь Е. Хольцер: «Конституционные протесты открывали новый этап как проявление объединения всех течений критики системы. Не исчезли различия во взглядах, но значительно уменьшились. Что более важно, эти различия были признаны второстепенными в сравнении с общностью взглядов на основные вопросы. Не сам факт протеста, даже не его содержание имел наибольшее значение, а консолидация независимых кругов интеллигенции, выражавшей протест»¹⁴.

Эта консолидация усилилась в результате репрессий, которые ожидали участников конституционных дискуссий. Нескольким десяткам авторов было запрещено печататься, некоторые были отстранены от работы на радио и телевидении, от авторских встреч, некоторые лишились работы. Это было началом особой политики репрессирования людей культуры за участие в оппозиционных акциях.

Введение предложенных поправок коренным образом меняло все существовавшие нормы взаимоотношений между властью и обществом. Они как бы консервировали на неопределенный срок общественно-политическую систему ПНР, юридически оформляя пределы возможной демократизации и гражданской инициативы. Они привели к окончательному размежеванию между демократической оппозицией и властью. Бывшие ревизионисты и движение «Знак» прервали сотрудничество с правящим режимом, сосредоточившись на общественно-политической деятельности, противоречившей интересам руководства ПОРП.

Как уже отмечалось выше, роль радиостанции «Свободная Европа» в этой кампании была значительной. В материале Генконсульства СССР в Кракове приводились данные одного социологического опро-

са, из которого было выявлено, что «зарубежные радиопередачи [«Голос Америки», «Би-би-си», «Свободная Европа». – О. М.] на польском языке слушают люди всех возрастов, представители всевозможных профессий, лица, принимающие более или менее активное участие в общественной работе, в т.ч. и члены ПОРП... среди тяготеющих к зарубежным передачам преобладают молодые люди (до 30 лет), лица с высшим образованием, служащие госучреждений и представители технической интеллигенции. Именно эта категория людей склонна считать, что печать ПНР недостаточно или вовсе неправильно информирует своих читателей о политических событиях... На вопрос, “Считаете ли вы, что польская пресса достаточно полно информирует читателей о политических событиях?”, более 65% лиц обоих воеводств [Катовицкого и Келецкого. – О. М.] ответило положительно»¹⁵. В материале Посольства СССР в ПНР (в августе 1974 г.) конкретно указывалось, что на Польшу ведется 250 часов радиопередач в сутки с территории 10-ти государств¹⁶. В другом материале отмечалось, что «Свободная Европа» является главным инструментом антикоммунистической кампании, направляемой из США. Причем вместе с радиостанцией «Свобода» правительство США предусматривало их финансирование, к примеру, на 1979 финансовый год в размере 85 млн долл. – больше, чем в предыдущие годы¹⁷.

На то, какое значение на Западе придавалось идеологической пропаганде среди населения противоположных общественно-политических систем указывалось и в материале Посольства СССР в ПНР в марте 1975 г., представляющем собой аннотацию книги А. Лавровского «Американская социологическая пропаганда»: «Автор доказывает, что в нынешних условиях разрядки международной напряженности, когда империалистическим державам не совсем удобно проводить открытую политико-идеологическую подрывную работу против социалистических стран без явного нарушения норм мирного сосуществования и общепринятых принципов уважения суверенитета других государств, эта форма пропаганды занимает все более доминирующее место в диверсионной антисоциалистической деятельности пропагандистских аппаратов империализма... По существу, констатирует А. Лавровский, социологическая пропаганда, представляемая в качестве аполитичной пропаганды, преследует цель навязывания американского образа, стиля жизни и политических взглядов определенным слоям общества...»¹⁸. С этой же целью значительно изменился профиль журнала «Америка», который из рекламно-информационного превратился по существу в

общественно-политический. Примечательно, отмечалось в справке Посольства СССР, что «польские товарищи считают пропагандистское влияние журнала незначительным и в плане своей разъяснительной работы через средства массовой информации стремятся игнорировать его существование, считая, что полемика с журналом в польских условиях может привлечь к нему излишнее нездоровое любопытство более широких слоев населения»¹⁹.

Одним из каналов идеологического наступления на социалистические страны являлась книготорговля. Причем, как сообщалось в одном из материалов Посольства СССР в ПНР, импорт в ПНР непериодических изданий из капиталистических стран постоянно возрастал: 1971 г. – 308 тыс. экз., 1972 г. – 430 тыс. экз., 1973 г. – 603 тыс. экз., то есть в 1973 г. по сравнению с 1971 г. он увеличился на 89,7%, а в 1978 г. по сравнению с тем же периодом предполагался рост более чем в два раза. При этом «книги, не допущенные к открытой продаже, передаются библиотекам, список которых находится в ПАН. На таких публикациях ставится гриф “Для ограниченного пользования”. Однако, по мнению работников польской цензуры, доступ к этим изданиям имеет практически каждый научный работник и даже студент». Отмечалось также, что «Арс-Полона-Рух» при покупке заграничной литературы получает от западных издательских фирм скидку в размере 25–50%²⁰.

Оригинальной польской концепцией современного культурно-просветительского учреждения являлись клубы международной печати. Это своеобразные клубы-читальни с элементами кафетерия, располагавшие выставочными залами, аудиториями для преподавания иностранных языков, где посетитель мог прочитать или купить зарубежную периодику – США, Англии, Франции, ФРГ и других капстран. Как отмечалось в одной из информаций Посольства СССР в ПНР, «в каждом клубе около 300 названий газет и журналов. Половину всех названий составляет польская пресса и печать соцстран, а другую половину – периодика капстран... Как правило, больший интерес посетителей вызывают западные газеты и журналы, в которых определенная часть польского населения, с недоверием относящаяся к своей печати, усматривает дополнительный источник информации. Особый интерес читателей вызывают информации западной прессы о жизни в Польше... на территории всей Польши открыто 64 клуба международной печати, в т.ч. во всех крупнейших городах страны – Лодзь, Вроцлав, Катовицы, Краков, Познань. В Варшаве – 10 клубов... Планируется удвоить число КМП в связи с тем, что, по словам польских друзей, неуклонно растет число их

посетителей». Констатировалось также заметное увеличение импорта журналов мод, иллюстрированных изданий по архитектуре собственных коттеджей и квартир, которые «по сути дела пропагандируют западный образ жизни и косвенным образом воздействуют на мировоззрение определенной части населения». Сообщалось, что многие лекторы излагают свою собственную точку зрения на то или иное событие, нередко расходящуюся с официальной линией. Таким образом, отмечая важность таких центров, в информации советского посольства подчеркивалось их определенное отрицательное воздействие, особенно на учащуюся молодежь²¹.

В другой справке Посольства СССР в ПНР отмечалось распространение явно незначительного количества советской общественно-политической периодики. «По неофициальным сведениям, газеты и журналы общественно-политического направления в общем объеме подписки и продажи советской печати составляют 6–7%... По количеству названий импортируемая пресса капстран почти вдвое превосходит польскую, советскую прессу и прессу соцстран вместе взятые»²².

Что касается непосредственно польской печати, то с точки зрения идеологии положение было сложным. Союз польских журналистов, по признанию его председателя Яна Метковского, не превратился в прочное звено в цепи идеологического фронта ПОРП. Одна из особенностей польской печати состояла в том, что значительное число печатных органов не находилось под непосредственным контролем ПОРП (католическая печать, органы печати ОКП, ДП, некоторая часть так называемой беспартийной печати). Как отмечалось в одной из справок Посольства СССР в ПНР (октябрь 1975 г.), «нынешняя структура печати ПНР наложила отпечаток и на состав журналистских кадров, которые в массе своей являются весьма неоднородными. В ряде печатных органов, таких как “Литература”, “Культура”, “Политика” “Студент” (Краков), “Жиче литерацке” (Краков), а также в ряде научных журналов “Квартальник Хисторичны”, “Тексты” имеется значительная прослойка журналистов, критически настроенная к проводимому ПОРП политическому курсу. Многие из них, такие как Киселевский, Слонимский, Ворошильский, Кожневский, Киёвский, Древновский, Конколевский и многие другие, поддерживают тесные связи с католической прессой, выступая там периодически под псевдонимами с критическими материалами... Несомненно, что в случае возникновения в стране кризисных явлений эта группа явится рупором антисоциалистических сил в ПНР». В справке сообщалось, что «хотя никакой открытой полемики в Союзе поль-

ских журналистов не ведется, некоторые факты указывают на то, что в журналистской среде идет скрытая борьба. Об этом, в частности, могут свидетельствовать съезд Варшавского отделения СПЖ и Всепольский съезд СПЖ, на которых журналисты-члены ПОРП, занимающие ведущие посты в средствах массовой информации, во время тайных выборов в руководящие органы СПЖ были подвергнуты откровенной обструкции»²³.

Характеризуя настроения в обществе в конце первой половины 1970-х гг. в целом, можно привести слова из информации генконсула ГДР во Вроцлаве, где делалось заключение, что «идеологический фронт продолжает оставаться наиболее сложным участком в ПНР», а «широкие массы населения не в должной мере оценивают достижения ПНР за 5 лет, по крайней мере, политический климат перед VII съездом ПОРП [состоялся в декабре 1975 г. – О. М.] не таков, на который могли бы друзья рассчитывать, учитывая эти достижения»²⁴. В свою очередь Генконсульство СССР в Познани в ноябре 1975 г. обращало внимание, что «во второй половине этого года в Польше заметно активизировали свою деятельность внутренние антисоциалистические элементы, которые в своих действиях стараются идти в паре со все более усиливающейся враждебной западной пропагандой... [Секретарь по пропаганде ВК ПОРП. – О. М.] Б. Гавроньский считает, что [враждебная пропаганда] может внести перед съездом в настроения широких масс населения элемент некоторого брожения и неудовлетворенности. С этой целью антисоциалистическими силами используются нынешние трудности на рынке (перебои с мясом, нехватка мебели, стройматериалов, стиральных машин и др.), а также некоторые отрицательные черты, характерные для психологии поляков». К этим чертам Гавроньский отнес: отсутствие умения у поляков стойко переносить временные трудности; ярко выраженный индивидуализм и потребительские склонности; «рыхлость общественной и трудовой дисциплины...».

Остановившись на причинах пробелов и просчетов в идейном воспитании трудящихся, Гавроньский выделил «господствующую после 1956 г. тенденцию отказа от форм и методов, основанных на советском опыте», причем, по его мнению, «использование специфических польских концепций не только не привело ни к чему хорошему, но и нанесло серьезный ущерб идеологическому фронту. Яркий пример тому – ликвидация школ партактива в воеводствах, а также отмена преподавания общественно-политических наук в вузах». Секретарь ВК ПОРП подчеркнул, что «парработников не может не

беспокоить факт наплыва в 1970-х гг. на руководящие посты молодых людей, многие из которых не имеют четко выраженных социалистических убеждений и в силу этого являются потенциальными носителями чуждых взглядов»²⁵.

Не способствовали стабилизации политической обстановки в стране и значительные уступки партии в идеологических вопросах, отмечалось в политическом письме Посольства СССР «ПНР накануне VII съезда ПОРП». К числу таких уступок относилась ««слишком деликатная» политика руководства в отношении католического костела и его иерархии, к которой тяготеют оппозиционные элементы», характеризовалась их тактика: «враждебные социализму внутренние силы не идут на создание подпольных организаций, оставаясь в тени, действуют через западные пропагандистские центры, в первую очередь через радиостанцию “Свободная Европа”. Они снабжают эту радиостанцию информацией о внутренней жизни ПНР и распространяют потом ее передачи среди населения». В политическом письме подчеркивались отрицательные моменты, вызванные расширением контактов с Западом: «Западные страны усиливают свое идеологическое проникновение в ПНР; в некоторых отраслях народного хозяйства Польши сказывается привязка к западной экономике, сильная зависимость от импорта из капиталистических государств»²⁶.

Проблемы идейно-политического характера существовали и в студенческой среде. Как сообщалось в информации Посольства СССР в ПНР, во время проводившегося в Высшей экономической школе в г. Кракове исследования состояния общественно-политических знаний студентов и их взглядов на проблемы социализма в ПНР выявилась «неудовлетворенность определенного числа студентов “чрезмерной экономической зависимостью Польши от СССР”, их отрицательное отношение к планам дальнейшего расширения польско-советского сотрудничества. Важно отметить, что тогда же около 60% опрошенных назвали важнейшими событиями в жизни народной Польши “октябрь 1956 г.”, “мартовские события 1968 г.”, “декабрь 1970 г.”»²⁷.

На все более широкое распространение в стране мелкобуржуазной идеологии обращалось внимание в материале Генконсульства в Щецине в ноябре 1975 г. «Мелкая буржуазия как общественная прослойка с политической точки зрения в ПНР не принимается в расчет, в действительности же она занимает довольно значительные позиции в польском обществе. В стране существуют благоприятные условия для ее численного роста, почти полное отсутствие борьбы с мелкобуржуазной идеологией ведет к все более широкому распро-

странению среди населения мещанских взглядов, потребительских настроений... Мелкобуржуазные взгляды прочно укоренились среди известной части интеллигенции и служащих, все более широкое распространение они находят и в рабочей среде»²⁸.

Оценивая непосредственно настроения рабочего класса, Генконсульство СССР в Познани в справке (февраль 1975 г.) отмечало, что было бы «преждевременно утверждать, что они характеризуются надежной стабильностью, которую не смогут поколебать те или иные сложные обстоятельства, прежде всего рыночного характера»²⁹. Первый секретарь Краковского комитета ПОРП Вит Драпих говорил, что «социалистическое строительство в Польше ведется в сложных и трудных условиях», что «хотя металлургический комбинат [Гуты им. Ленина. – *О. М.*] имеет уже 25-летнюю историю, нам все еще не удалось создать стабильный, воспитанный в духе коллективов крупнопромышленных центров, свой действительно рабочий, пролетарский коллектив»³⁰.

Генконсульство СССР в Щецине информировало в сентябре 1975 г. о распространении «мнения, что после выступлений на побережье [в декабре 1970 г. – *О. М.*] руководство боится негативной реакции масс и что в случае чего можно снова повторить нажим и добиться каких-либо привилегий и уступок». Имели место также «скептические высказывания в отношении обсуждения предсъездовских материалов на широком форуме. Заявляется, что все это делается ради формы, что все равно простому человеку как-либо существенно повлиять на решения не удастся, и что захочет руководство, то и будет»³¹.

Особое положение сложилось на судостроительной верфи им. А. Варского в Щецине. Как известно, в декабрьских событиях 1970 г. она занимала в этом городе центральное место. В связи с этим, как отмечалось в информации Генконсульства СССР в Щецине (май 1975 г.), «в последние годы основные мероприятия по стабилизации настроений среди рабочих города были предприняты именно на этом предприятии. Благодаря усилиям руководства ВК ПОРП и верфи, с верфи были устранены активные участники и инспираторы выступлений рабочих, укреплены партийные и профсоюзные организации, улучшены условия труда и быта судостроителей, значительно поднялись их заработки». По сравнению с работниками других предприятий города, рабочие верфи получали наибольшую зарплату, были несравнимо лучше обеспечены жильем и другими социальными услугами. «В связи с этим у рабочих с потребительскими настроениями на других предприятиях города сложилось мнение, что основная доля “завоеваний” декабрьских выступлений 1970 г. досталась рабочим верфи, ко-

торые использовали поддержку других рабочих коллективов города и добились существующего положения благодаря своей численности, решимости и организованности. Коллективам же рабочих других предприятий добиться таких уступок не под силу»³².

Таким образом, характеризуя в целом настроения в польском обществе в первой половине 1970-х гг., следует отметить, что впечатляющие результаты экономического развития в начале «декады семидесятых», а также ослабление многих запретов дало возможность команде Э. Герека достичь значительной политической стабилизации. Пятилетие 1971–1975 гг. можно назвать наименее конфликтным периодом в истории ПНР. Отмечался небывалый в послевоенной Польше рост жизненного уровня. Однако VII съезд ПОРП (декабрь 1975 г.) неадекватно оценил достигнутый уровень политического и в целом общественного развития Польши, заявив, что в стране уже построены основы социализма. В действительности же, как было показано выше, на идеологическом фронте существовало множество проблем, в польском обществе постепенно нарастал протестный потенциал. В среде неконформистской интеллигенции происходили сложные идейные трансформации: было характерно отсутствие каких-либо оппозиционных течений с четкими границами и идейными позициями, начинает формироваться единая «демократическая оппозиция» как совокупность неконформистских взглядов, открыто противопоставлявших себя правящему режиму и стремившихся к радикальным изменениям в политической, экономической и идеологической сферах жизни польского общества. При этом важную роль в оформлении единой оппозиции на рубеже 1975–1976 гг. сыграла, как показано выше, кампания писем протеста против поправок к конституции ПНР, включавших статью о руководящей роли ПОРП и дружбе с СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подробнее см.: *Волобуев В. В.* Политическая оппозиция в Польше. 1956–1976. М., 2009. С. 190–191.
- 2 Там же. С. 198.
- 3 *Opozycja wobec rządów komunistycznych w Polsce 1956–1976. Wybór dokumentów / Red. Z. Hemmerling, M. Nadolski.* Warszawa, 1991. S. 497–499.
- 4 *Opozycja wobec rządów komunistycznych...* S. 512–516.
- 5 Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 0122. Оп. 64. П. 447. Д. 35. Л. 110–112.

- 6 Opozycja wobec rządów komunistycznych... S. 519.
- 7 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 64. П. 447. Д. 35. Л. 113–124.
- 8 Dokumenty Komitetu Obrony Robotników I Komitetu Samoobrony Społecznej «KOR». Warszawa; Londyn, 1994. S. 296.
- 9 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 64. П. 447. Д. 35. Л. 31–39.
- 10 Цит. по: *Friszke A.* Przystosowanie i opór. Studia z dziejów PRL. Warszawa, 2007. S. 241.
- 11 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 61. П. 447. Д. 35. Л. 23–25.
- 12 Там же. Л. 39.
- 13 *Friszke A.* Przystosowanie i opór... S. 251, 254.
- 14 *Holzer J.* «Solidarność». Geneza i historia. Paryż, 1984. S. 66.
- 15 АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 59. П. 435. Д. 23. Л. 1–3.
- 16 Там же. П. 436. Д. 34. Л. 95–100.
- 17 Там же. П. 196. Д. 12. Л. 62; Оп. 60. П. 440. Д. 28. Л. 18–22.
- 18 Там же.
- 19 Там же. Л. 32–39.
- 20 Там же. Оп. 59. П. 435. Д. 23. Л. 88–91.
- 21 Там же. Л. 58–61.
- 22 Там же. Оп. 58. П. 430. Д. 25. Л. 77–82.
- 23 Там же. Оп. 60. П. 440. Д. 28. Л. 69–74.
- 24 Там же. Оп. 64. П. 447. Д. 36. Л. 42.
- 25 Там же. Оп. 60. П. 441. Д. 37. Л. 158–162.
- 26 Там же. Оп. 64. П. 447. Д. 36. Л. 69–70.
- 27 Там же. Оп. 58. П. 431. Д. 34. Л. 79–80.
- 28 Там же. Оп. 60. П. 441. Д. 37. Л. 154–157.
- 29 Там же. Л. 24–27.
- 30 Там же. Л. 76а–76б.
- 31 Там же. Л. 125–127.
- 32 Там же. Л. 72–74.

Maiorova O. N.

The Growth of the Protest Potential in the Polish Society
in the First Half of 1970s

The article characterizes moods in the Polish society of the first half of 1970s; the author shows that, in spite of the significant political stabilization achieved by the team of Gierek, the protest potential was constantly growing.

Key words: *Poland, 1970s, social moods, protest potential.*

Е. Л. Валева
(Москва)

Государственная политика Болгарии в отношении турецкой этнической общности (1980-е гг.)*

В статье рассматриваются различные повороты в государственной политике коммунистического режима Болгарии в отношении мусульманского национального меньшинства, попытка окончательной ассимиляции болгарских турок в 1984–1985 гг. и сопротивление этой кампании мусульманской этнической общности.

Ключевые слова: *«возродительный процесс», национальное меньшинство, турецкая этническая общность, коммунистический режим, правозащитники, Т. Живков.*

В мировой истории есть немало примеров, когда в целях укрепления и усиления своей власти, достижения стабильности в обществе правительства прибегали к применению насильственной политики в отношении этнических меньшинств. Не стали исключением в этом плане в XX в. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Коммунистическое руководство Болгарии, пытаясь навязать обществу модель «один этнос – одна культура» (по определению Тодора Живкова), пошло на беспрецедентный шаг. В ходе так называемого «возродительного процесса» в 1984–1985 гг. была проведена тотальная замена имен мусульманского населения страны на болгарские.

Сегодня, с временной дистанции в 30 лет, «возродительный процесс» представляется со всех точек зрения политическим безрассудством. В конце XX в., когда тема прав человека, гражданских и политических свобод личности выступила в мировом сообществе на первый план, пойти по пути насильственной ассимиляции крупнейшего нацменьшинства в стране, отняв у турок имена и заменив их на другие, запретив им говорить в общественных местах на родном языке, носить национальную одежду, отмечать религиозные праздники, соблюдать обычаи, ритуалы, традиции, и при этом верить, что эта политика может быть успешной, то есть принятой жертвами, против которых направлена, что она будет одобрена ми-

* Статья подготовлена в рамках проекта программы ОИФН «Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Исторический опыт и современное положение».

ровым общественным мнением и международными организациями, призванными следить за соблюдением прав человека – это воистину политическая авантюра. На Болгарию легло такое позорное пятно, что впоследствии новому руководству на протяжении многих лет приходилось дистанцироваться, объясняя, что это было делом болгарской компартии и режима Т. Живкова, а не болгарского народа, тем более – не болгарских демократических сил, зародившихся как антикоммунистическая оппозиция в конце 1980-х гг.

В современной болгарской историографии подробно (и с разных позиций) рассматриваются различные фазы и повороты в государственной политике относительно мусульманского меньшинства, процессы интеграции и ассимиляции, состояние отдельных этнических и религиозных групп в буржуазной и в социалистической Болгарии, а также в наши дни. Авторы реконструируют (более или менее успешно) политику коммунистического режима в отношении турок и вызванное ею сопротивление¹.

Понятие «возродительный процесс» было введено в обиход болгарской коммунистической пропагандой и исходило из официальной доктрины, что все болгарские турки были насильственно обращены в мусульманство еще во время османского ига, но в жилах их течет болгарская кровь, поэтому необходимо «прояснение» и «возрождение» у них болгарского национального самосознания. В историческом плане термин «возродительный процесс» является неточным, тем не менее он четко фиксирует определенный период (декабрь 1984 – январь 1985 г.) и события, что делает оправданным его использование в научных публикациях.

Но «возродительный процесс» второй половины 80-х гг. – это лишь «верхушка айсберга», отмечают болгарские исследователи этой проблематики Е. Калинова и И. Баева. Отношение болгарского общества и государства к самому многочисленному из нацменьшинств в стране представляет собой проблему, уходящую своими корнями далеко в прошлое. Начиная с 1960-х гг. в пропагандистской риторике болгарского коммунистического режима «социально-классовое» все больше замещалось «национальным». Система мер по постепенной интеграции мусульманского населения чередовалась с грубым вмешательством государства в религиозную жизнь и с запретами, касающимися одежды, обычаев и иных проявлений традиции в повседневной жизни.

При этом нельзя не согласиться с болгарскими авторами в том, что сложность научного подхода к теме турецкого населения в

Болгарии заключается прежде всего в необходимости сопоставить принципы отстаивания индивидуальных прав человека, с одной стороны, с национальными интересами страны с другой, в необходимости проанализировать весь комплекс внутренних и внешних факторов, которые обусловили то или иное поведение властей в рассматриваемый период и оценить его результаты сквозь призму как человеческих прав, так и национальных интересов и безопасности².

Первые шаги по ассимиляции турок, помаков (болгар, принявших ислам), цыган имели место еще в начале 1970-х и продолжались до конца 1980-х гг. В 1968 г. между Болгарией и Турцией было подписано очередное соглашение о переселении, в силу которого с 1969 по 1978 г. в Турцию переселилось из Болгарии около 130 000 человек. Оставшихся в Болгарии турок живковское руководство категорически отказывалось признавать «национальным меньшинством» (соответственно, находящимся под защитой Турции). Болгарский лидер считал, что следует проводить политику не обособления, а «приобщения» турецкого населения, чтобы оно могло себя почувствовать составной частью болгарского народа.

Многие эксперты считают, что проводимая БКП политика ассимиляции мусульманских меньшинств имела экономические, политические и социальные причины. В 1970-е гг. усугубились неблагоприятные факторы, отразившиеся на политике властей по отношению к болгарским туркам. Среди внутренних факторов, несомненно, важнейшую роль сыграл демографический – в 1975 г. турецкое население составило 772 000 (8,8% от общего числа), а его естественный прирост почти в четыре раза превышал этот показатель у болгар. К тому же усиливался процесс «отуречивания» (то есть приобщения к турецкой культуре, обычаям и обрядам) среди болгар-мусульман (принявших ислам в период османского ига), а также цыган. В 1970-е гг. было раскрыто более 20 нелегальных групп, руководимых турецкой разведкой, которые вели агитацию за автономию и переселение в Турцию³.

С начала 1980-х гг. обеспокоенное сложившейся ситуацией болгарское руководство во главе с Живковым переходит при решении «турецкого вопроса» к крайним мерам: «приобщение» понимается уже не как включение турецкого населения в социалистическое строительство, а как стирание их этнической и религиозной специфики. Надо отметить, что в постепенно усиливающемся давлении на мусульманские общности неизменно центральным действием становилась смена имен, хотя стратегической целью фактически было уничтожение групповой идентичности. Периодические кампании

против «неболгарских» имен ясно показывают их ключевое значение как эффективного символа этнического и религиозного различия. Документы свидетельствуют, что болгарские власти считали смену традиционных (тюрко-арабских) имен первым, но крайне важным шагом на пути к полной ассимиляции турок, которая требовала большего времени и всесторонних мер.

Если ассимиляционные меры в отношении цыган и помаков отличались протяженностью во времени и проводились еще с начала XX в., то насильственная смена имен турок осуществлялась в ходе масштабной и стремительной кампании, которой предшествовала тщательная подготовка. Прелюдией к тотальной смене традиционных имен можно считать «восстановление» имен болгар, рожденных в смешанных браках; детей, рожденных в таких браках, с 1982 г. следовало регистрировать только под болгарскими именами.

Каждый этап кампании по смене имен протекал по схожему сценарию – от стихийности и инициативы «снизу» до документального «обоснования» в историческом плане. Так, на служебном совещании с руководящим составом МВД Болгарии 4 января 1985 г. отмечалось, что в результате «научной и практической работы были собраны доказательства, категорическим образом подтверждающие... болгарское происхождение населения Восточных Родоп⁴. [...] Выявились целые села, системы населенных пунктов и районы, где население имеет турецкое самосознание, но болгарское происхождение. [...] На базе этого, с целью приведения имен этих людей в соответствие с действующим в стране правовым порядком... в 1982 г. Окружной комитет БКП решил реализовать масштабный по своей исторической перспективе и значению и тяжелый для практического выполнения план по замене арабских имен болгарских турок с доказанными болгарскими родовыми корнями». В ходе этой операции только в Кырджалийском округе было переименовано более 120 000 человек, то есть свыше 50% жителей⁵.

Об общем климате недоверия, тревожных слухов и опасений свидетельствует секретная информация за сентябрь 1982 г. первого секретаря ОК БКП в г. Кырджали⁶ Г. Танева, в которой отмечалось, что в округе существует «сильно выраженное турецкое национальное сознание, которое проявляется прежде всего в болезненном пристрастии к языку, традициям и обычаям, одежде и другим проявлениям, несущим отпечаток исламской религии. [...] Религиозные праздники и обычаи... являются одним из основных факторов отчуждения болгарских турок». Из этого следовал вывод о том, что

«большинство болгарских турок не имеет необходимой закалки и сознания для безусловной преданности Болгарии»⁷.

В связи с действиями властей в районах со смешанным населением заметно нарастало напряжение. В августе 1984 г. нелегальные группы осуществили террористические акты в аэропорту Варны и в зале ожидания вокзала в Пловдиве, имелись жертвы. Вероятнее всего, в данном случае можно говорить о кровавом отмщении за погрязшие права, о действиях лиц, у которых власти сумели вызвать крайний национализм и ненависть. Теракты способствовали еще большему нагнетанию напряжения, хотя общество в целом оставалось в неведении, что и почему происходит.

В конце 1984 г. Живков в тесном кругу своих приближенных решает, что настал момент для смены имен всего турецкого населения страны. Известно, что документ, «оформивший» это решение, до сих пор не обнаружен. Но уже в середине января 1985 г. ЦК БКП проводит пленум, на котором одобряется доклад Г. Атанасова о переименовании потомков насильственно «исламизированных» в прошлом болгар из районов Смоляна, Пазарджика, Благоевграда и других областей страны. Именно в этом документе впервые упоминается понятие «возродительный процесс», в смысле «возрождения» у этой части населения болгарского самосознания⁸.

Для проведения столь масштабной акции на полных оборотах были задействованы не только спецслужбы, милиция, но и армейские подразделения. В чисто организационном плане операция была разработана отменно. В своем инструктаже (от 17 января 1985 г.) по проведению мероприятий по замене имен генерал-майор Госбезопасности А. Мусаков предвидел, что они «будут проводиться в исключительно сложной оперативной обстановке», и предлагал в связи с этим принять чрезвычайные меры. Надлежало, в частности, «в селах, где проводится переименование, прервать телефонную связь, а по его окончании под различными предложениями не давать возможности вести телефонные разговоры с Турцией и другими капиталистическими странами... Лиц с турецко-арабскими именами, которые могут развить враждебную деятельность, вывести с важных и уязвимых в диверсионном и противопожарном отношении объектов промышленности, транспорта, сельского хозяйства, складов взрывчатых и отравляющих веществ, горюче-смазочных материалов, источников питьевой воды, водохранилищ и др.»⁹.

В декабре 1984 – январе 1985 г. в результате массовой насильственной акции были принуждены изменить свои имена более

800 000 турок (в четыре раза больше, чем переименованных в 1970-е гг. помаков и турок в Смолянском районе)¹⁰. Все произошло очень быстро и при полном информационном затемнении. Однако, в отличие от предыдущих подобных кампаний, теперь речь шла о сотнях тысяч людей – как жертвах, так и исполнителях и сторонних наблюдателях (соседях, знакомых). Несмотря на то что кампания по окончательной ассимиляции болгарских турок стала логичным завершением государственной политики НРБ в годы «реального социализма», имевшей свою долгую предысторию, различные проявления и фазы, она ошеломила как их самих, так и все болгарское общество (а вслед за этим – и мировое сообщество), тем более что на протяжении 1984 г. ничто не указывало на назревающие события. Трудно сказать, насколько повлияли теракты, о которых шла речь выше, на радикальный пересмотр линии в отношении турок, но к концу 1984 г. вопрос об ассимиляции турецкого меньшинства был решен.

В ЦК БКП попытались представить дело так, что «восстановление имен прошло быстро и без особых конфликтов» и в целом обстановка спокойная¹¹. В действительности же сопротивление турецкого населения административному произволу, беззакониям и насилию в отдельных местах переросло в открытые демонстрации, бунты, столкновения с милицией и войсками, сопровождавшиеся жертвами и кровопролитием. Самые массовые и организованные протесты прошли в городах и селах Северо-Восточной и Южной Болгарии – в Кырджали, Момчилграде, Крумовграде, Груево, Джебеле, Ардово, Млечино, Шумене, Разграде, Каолиново, Дулово, причем везде они были разогнаны вооруженным путем. На служебном совещании с руководящим составом МВД 4 января 1985 г. подробно говорилось о «нарушениях общественного порядка, массовых демонстрациях, попытках захвата партийных и государственных учреждений, битье витрин и других объектов» в г. Момчилград и в других населенных пунктах в конце декабря. Толпы численностью до тысячи человек скандировали лозунги: «Долой БКП, убийцы, фашисты, мы турки!»¹².

Как докладывал замминистра внутренних дел Г. Аначков главе МВД Д. Стоянову 3 июля 1985 г., «оперативная обстановка по турецкой линии после завершения мероприятий по восстановлению имен обострилась до чрезвычайности. Полученные данные свидетельствуют, что население с восстановленными именами постепенно освобождается от психоза, вызванного страхом. Наряду с этим, однако, под влиянием массовой подстрекательской пропаганды,

направленной на оказание сопротивления мероприятиям [по переименованию], активизировались протурецкие и националистически настроенные элементы. Участились сигналы об угрозах и о проведении диверсионно-террористических актов. В знак протеста против проведенного мероприятия демонстративно говорят по-турецки, используют старые турецко-арабские имена, турецкую одежду и совершают мусульманские религиозные обряды»¹³.

На протяжении почти пяти лет государственная машина всячески стремилась закрепить и углубить «мерь» по ассимиляции путем непосредственного воздействия на турок через силовые и другие структуры, а также на все общество с помощью пропагандистской машины, администрации, различных официозных организаций и других механизмов. Однако в целом все эти меры не привели к желаемому долгосрочному эффекту. Сотни и тысячи болгарских турок, несмотря на заключения в тюрьмы и вновь открытые коммунистическим режимом лагеря, на практике не поддались ассимиляции и продолжали надеяться на лучшее будущее. С самого начала и до конца «возродительного процесса» имели место разного рода личные и коллективные противодействия применявшимся принудительным мерам.

Во второй половине 1988 г. несогласные с «возродительным процессом» турки и помаки стали массово присоединяться к Независимому обществу по защите прав человека – первому диссидентскому образованию в Болгарии. В конце года М. Юмер, С. Искендер и А. Орманли учредили турецкую Демократическую лигу в защиту прав человека в Болгарии. Она ставила своей целью возвращение турецких имен, защиту прав человека в Болгарии, борьбу против ассимиляции мусульманских меньшинств и против запрета соблюдать исламские обычаи и традиции; восстановление демократических принципов в общественной жизни¹⁴. Организаторы подчеркивали, что будут добиваться этого легальными, мирными средствами, и убеждали турок не прибегать к насильственным действиям. К маю 1989 г. в Лигу входило несколько сот человек. В апреле 1989 г. в г. Джебел образовалось «Общество в поддержку – Вена'89». О требованиях этих организаций гарантировать права нацменьшинств в Болгарии население узнавало главным образом из передач западных радиостанций¹⁵.

Предстоявшая в конце мая 1989 г. в Париже Конференция по правам человека стран-членов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) активизировала деятельность болгарских правозащитных организаций. Они стояли у истоков так

называемых «майских событий» 1989 г., выразившихся в голодовках протеста, демонстрациях, митингах и ставших кульминацией борьбы турецкого населения в Болгарии за демократию и права человека. Демонстрации проходили в Северо-Восточной Болгарии, в Разградской и Варненской областях, затем охватили Бургасскую и Хасковскую области. Как отмечал один из участников болгарского правозащитного движения, это был самый большой организованный и осознанный политический протест, который видела коммунистическая Болгария, и болгарские турки показали дух свободолюбия и гражданского достоинства¹⁶.

Демонстрации привели к столкновениям с внутренними войсками, имелись убитые и раненые с обеих сторон. В ответ на протесты власти фактически спровоцировали массовое переселение мусульман в Турцию. 29 мая 1989 г. Т. Живков произнес по радио и телевидению речь, в которой объявил, что болгарская нация едина и неделима, но если имеются люди (по тогдашней терминологии – «болгары с восстановленными именами»), не считающие Болгарию своей родиной, они могут получить заграничные паспорта и выехать из страны. Он обратился к турецким властям с призывом открыть границу для всех болгарских мусульман, желающих выехать в Турцию на время или на постоянное место жительства¹⁷. Выступление Живкова и неожиданно быстрый ответ Анкары, что Турция примет всех болгарских граждан, желающих туда переселиться, вызвали невиданную по масштабам эмиграционную волну. В этот же день в Софии по инициативе Отечественного фронта¹⁸, явно по команде ЦК БКП, был организован огромный антитурецкий митинг болгарского населения; подобные митинги по указанию «сверху» прошли во всех крупных городах страны, в селах проводились собрания.

Не подлежит сомнению, что высшее партийное руководство Болгарии приняло к этому времени решение при помощи выселения освободиться от лиц, не поддававшихся «перевоспитанию». Еще непосредственно после «майских событий» десятки турок, главным образом организаторы демонстраций и активисты, были депортированы в Югославию, Венгрию и Австрию. Некоторые из них свидетельствовали, как их заставляли подавать прошение о заграничном спорте. Многие болгарские турки почувствовали, что их буквально «выталкивают» из Болгарии с незначительными средствами и небольшим багажом (дома, животные, нажитое добро продавались за бесценок). Пропаганда, слухи, взаимные уговоры и нажим повсеместно раздували среди болгарских турок переселенческую эйфо-

рию. Впоследствии стало известно, что организации массового переселения активно содействовали члены сформированных в 1980-е гг. турецких организаций сопротивления, в частности, «Турецкого национально-освободительного движения в Болгарии»¹⁹. Во всем болгарском обществе нагнетались тревога, националистические страсти и ксенофобия.

В начале июня на встрече с политической элитой Т. Живков показал, что он вполне отдает себе отчет в происходящем: «Бунты в стране прекратились после этого выступления [29 мая]. Мы на пороге большого психоза, связанного с переселением. Как следует оценить этот психоз? Такой психоз нам необходим, он очень кстати. Скажу вам кое-что, что мы держим в тайне. Если мы не выселим 200–300 тысяч человек этого [турецкого] населения, то через 15 лет Болгария перестанет существовать. Она будет как Кипр или нечто подобное»²⁰.

Характеризуя крайне осложнившуюся политическую обстановку в селах с компактным проживанием «болгар, восстановивших имена», заведующий сектором в ЦК БКП Б. Аврамов 10 июня 1989 г. отмечал, что «переселенческий психоз, который во многом отличается от предыдущих, все более усугубляется и демобилизует кадры на местах. Наступает критический момент и опасность цепной реакции среди родопского населения и отуречивающихся цыган. Политическая, социально-экономическая жизнь в этих селах станет неуправляемой, с трудно предсказуемыми, новыми, организованными формами сопротивления». По всеобщему убеждению, причины подобной обстановки кроются в резком изменении прежней политики партии и государства в отношении этого населения. Политика единения нации, политика возрождения болгарского национального сознания заменена политикой изгнания из Болгарии, недоверия, отношения как к «туркам». Среди «неотложных мер по нормализации политической обстановки» Аврамов предлагал «прекратить выдачу паспортов для «переселения» в Турцию... Граждан, получивших паспорта и направившихся в сторону границы, попытаться убедить вернуться и отложить свой отъезд, а тех, кто не согласится, отправить в ускоренном порядке... Запретить предоставление грузовиков и автобусов для перевозки багажа при переселении в Турцию... Министерству иностранных дел направить ноту протеста правительству Турецкой Республики с осуждением антигуманного отношения к болгарским гражданам, выезжающим в Турцию, безоглядной антиболгарской пропаганды турецкого правительства...»²¹.

Самодовольное опьянение безграничной властью и вера в эффективность идеологических, административных и полицейских мер оказались обманчивыми. Болгарские власти были, несомненно, застигнуты врасплох массовыми протестами болгарских турок, растущей солидарностью в их рядах, а также далеко превзошедшим все ожидания желанием переселиться в Турцию. Это стало одним из ярких индикаторов консолидации находящейся под угрозой исчезновения этнической общности, вызванной именно насилием со стороны государства.

В итоге летом 1989 г. страну покинуло около 360 тысяч болгарских турок (так называемая «Большая экскурсия»), что нанесло огромный политический и экономический ущерб Болгарии. Опустели целые села, частично обезлюдели некоторые области; местная, прежде всего табачная, промышленность столкнулась с огромными трудностями. Болгарские власти вынуждены были принять чрезвычайные меры, в частности, организовать сбор урожая силами солдат и школьников. 21 августа 1989 г. Турция, будучи не в состоянии принять и разместить колоссальное число эмигрантов, скопившихся в приграничных районах, была вынуждена «временно» закрыть границу. Болгаро-турецкие отношения обострились до чрезвычайности.

Действия властей взбудоражили все болгарское общество и вызвали возмущение и протесты болгарских диссидентов, прежде всего членов Независимого общества в защиту прав человека, независимого профсоюза «Подкрепа» и Клуба в поддержку гласности и перестройки. Отношение к турецкому вопросу превратилось, по словам лидера «Подкрепы» К. Тренчева, в ключевой вопрос легитимации диссидентов, правозащитников и их организаций. Это стало настоящим политическим кризисом, с которым столкнулись болгарские инакомыслящие. Их позиция по этому вопросу привела к окончательному их разделению на критиков – реформаторов режима и диссидентов – политических оппозиционеров²². Болгарская оппозиция (но не общество) в целом симпатизировала борьбе турецкого меньшинства за свои права и поддерживала его требования. Историк А. Желязкова пишет: «Как специалисту, мне было совершенно ясно, что в Болгарии совершается преступление по отношению к туркам и болгарам-мусульманам, и моим основным мотивом включиться в неформальные движения стал поиск единомышленников для защиты их прав»²³. После «майских событий» по инициативе активистов Клуба группа граждан внесла в парламент декларацию, в которой

требовалось: «Признать право вернуть свои имена тем болгарским гражданам, которые этого желают. Освободить всех, кто был задержан или осужден за борьбу в защиту этнической самобытности и преемственности в культуре. Прекратить насильственное изгнание из страны болгарских граждан»²⁴.

В то же время организованные Отечественным фронтом в конце мая – начале июня 1989 г. откровенно националистические демонстрации и митинги во многом способствовали усилению враждебного отношения к туркам со стороны большей части болгарского населения. Наряду с лозунгами «Болгария – для болгар!» на митинге в Софии был развернут и лозунг «Долой Софийский клуб и его демагогические тезисы о гласности и демократии!»²⁵. Ораторы из числа партийных функционеров клеймили членов Клуба как «родоотступников» и «предателей».

Нарушение прав турок нанесло сильнейший удар по международному имиджу Болгарии, тем более что в этот период общеевропейский процесс выводит на передний план именно защиту основных человеческих прав и свобод. Не только Турция и весь исламский мир, но и все мировое сообщество оказывали все более сильный дипломатический нажим на правящие круги в Софии²⁶. Болгария фактически попала в международную изоляцию как страна, грубо нарушившая права и свободы населения.

Особенно неприятна для Живкова была позиция нового советского лидера М. С. Горбачева. Вначале «новое мышление» советского генсека на международной арене не влияло непосредственно на оценку «возродительного процесса», официально турецкой стороне было заявлено о нежелательности советского вмешательства во внутренние дела Болгарии. Во время визита Горбачева в Софию в октябре 1986 г. Живков попытался его успокоить: «...мы сделали то, о чем Вам известно. Сейчас население работает. Это не значит, что все вопросы решены. Пройдет 10 лет, и все разрешится... Мы отдаем себе отчет, что легко не будет. Но неожиданностей не произойдет, не волнуйтесь»²⁷. Горбачев тогда отказался от комментариев по данному вопросу, но постепенно советская позиция становилась в свете «нового политического мышления» все более сдержанной. Впоследствии Горбачев попытался дистанцироваться от этой болгарской инициативы. Задним числом он писал: «...для нас были неприемлемы любые нарушения прав человека, и мы не хотели вмешиваться во внутренние дела Болгарии. Вместе с тем нельзя было просто устраниться, сделать вид, будто нас все это не волнует. Поэтому мы довели до руководства НРБ и лично до Жив-

кова свое мнение, что его позиция в отношении тюркоязычного меньшинства по крайней мере несправедлива»²⁸.

Таким образом, ассимиляторская кампания болгарского руководства начала пробуксовывать еще до того, как мощные международные факторы привели к падению режима Т. Живкова в ноябре 1989 г.

В первые дни после отстранения Живкова в результате внутрипартийного переворота в турецком вопросе по инерции продолжала проводиться прежняя линия. Огромные митинги, организованные мусульманскими организациями и Независимым обществом в защиту прав человека после 10 ноября, на которых открыто требовалось положить конец «возродительному процессу», в официозе «Работническо дело» были охарактеризованы как «демонстрация открытого подстрекательства и грубого вмешательства в личные и семейные вопросы граждан» и как «раскрытие старых ран»²⁹.

Однако очень скоро непрекращающиеся демонстрации протеста турок и помаков, выступления крепнущей политической оппозиции, правозащитников, а также давление международной общественности заставили новое партийное руководство Болгарии срочно пересмотреть «возродительный процесс». 29 декабря 1989 г. пленум ЦК БКП в составе, не сильно отличавшемся от принявшего решение о переименовании турок, после пространного доклада нового партийного лидера А. Лилова «О преодолении допущенных извращений среди тюркоязычного и мусульманского населения в стране» принял постановление, в котором ЦК отбрасывал как принципиально неправильную и осуждал «как грубую политическую ошибку проводившуюся авторитарным режимом Тодора Живкова кампанию по насильственному созданию “этнически монолитной болгарской нации” и связанные с ней извращения конституционных прав болгарских граждан»³⁰. Главную вину, как этого и следовало ожидать, свалили на Т. Живкова и его ближайшее окружение. Новое партийное руководство провозгласило, что выступает за «национальное согласие, примирение, за преодоление обид и вражды», осуждает насилие и восстанавливает право мусульман свободно выбирать свои имена³¹.

Партийное решение от 29 декабря 1989 г. было с восторгом принято мусульманами, однако вызвало очередной накал страстей и стало катализатором новых противостояний в этнически смешанных районах страны. Националистические эксцессы были инспирированы местной партийной номенклатурой, хозяйственными руководителями, представителями спецслужб, общественными деятелями, которые с той или иной степенью активности участвовали в про-

ведении «возродительного процесса». Их поддержали и сотни простых болгар, почувствовавших неуверенность в быстро меняющейся ситуации, поддавшихся внушениям о растущей «внешней угрозе», опасавшихся мести со стороны мусульман. Партийные структуры в Кырджали, Хасково и Разграде организовали большие националистические митинги протеста против возвращения имен, многие двинулись в столицу. Кульминации эти националистические проявления достигли 2 января 1990 г. в Софии, где прибывшие из провинции сотни болгар скандировали лозунги «Болгария – для болгар!», «С турецкими именами – в Турцию!», «Не хотим нового Кипра!», требовали проведения референдума, призывали к предупредительной всеобщей забастовке. За всеми этими действиями стоял созданный из партийных кадров Комитет защиты национальных интересов. Так первая попытка восстановления прав болгарских мусульман способствовала рождению нового болгарского национализма, подпитывавшегося настроениями болгар, проигравших от наступивших перемен.

К счастью, на этот раз обошлось без столкновений. Кризисная ситуация в стране в конечном счете отрезвила различные политические и общественные силы и заставила их встать на путь диалога и национального согласия. Болгарские мусульмане вернули свои тюркско-арабские имена и могли свободно соблюдать традиции. До конца 1990 г. в Болгарию вернулось свыше 150 000 переселенцев, не сумевших приспособиться к жизни в Турции. Долгая череда протестов, митингов и голодовок, которые турки и болгары-правозащитники совместно организовывали против одного из величайших преступлений коммунистического режима, дала результат. Как подчеркивал С. Искендер, секретарь Демократической лиги в защиту прав человека, огромную роль в мирной развязке сыграли болгарские оппозиционные организации, вступившиеся за права мусульман в 1988–1989 гг.³²

В свою очередь, сопротивление болгарских турок насильственной ассимиляции в 1980-е гг. внесло значительный вклад в оформление открытого гражданского противопоставления коммунистическому режиму и стало катализатором его падения.

Одним из важных последствий ассимиляционной политики БКП стало появление нового влиятельного и весьма противоречивого фактора в общественной жизни страны: 4 января 1990 г. была образована политическая формация болгарских турок Движение за права и свободы (ДПС)³³. Из программных документов не видно, что это этническая партия (создание партий на этнической основе запрещено болгарской Конституцией), однако ее членами являются почти исключительно тур-

ки и болгары-мусульмане. Основателем и бессменным лидером ДПС является Ахмед Доган (в болгарском варианте Меди Доганов). Он участвовал в организованном сопротивлении против «возродительного процесса», за что в июле 1986 г. был арестован, осужден и находился в тюрьме вплоть до освобождения 10 ноября 1989 г.³⁴ Партия Догана оказалась одной из самых стабильных в новом политическом ландшафте Болгарии – со времени своего возникновения ДПС постоянно присутствует во всех составах парламента страны и участвовало во многих политических комбинациях, входя в разные коалиционные правительства и играя роль своеобразного «балансира» на политической сцене и, по мнению многих экспертов, гаранта демократии в Болгарии. Именно А. Догану как искусственному, гибкому и непредсказуемому политику принадлежит заслуга в том, что его партия заняла столь выгодную политическую позицию. Считается, что благодаря политической интеграции ДПС, его присутствию в Народном Собрании и сотрудничеству с несколькими кабинетами оформилась особая «болгарская этническая модель», характеризующаяся толерантностью и соблюдением прав болгарских мусульман. Однако оценки ДПС в политических, экспертных дискуссиях и в прессе варьируются между образами конструктивного и нормализующего фактора и олигархической, властномонопольной структурой³⁵. Большинство болгар встретило появление ДПС враждебно. Фраза Догана «Путь Болгарии в Европу лежит через Босфор» и его тесные связи с Турцией постоянно делают его мишенью антитурецкой пропаганды националистических болгарских формирований.

Однако политические успехи ДПС и его постоянное присутствие в органах местной и центральной власти вовсе не означали, что улучшилось экономическое положение турок и других групп мусульман в Болгарии. Напротив, рыночная экономика привела к уничтожению и закрытию местной промышленности в смешанных этнических районах. К этому добавилась и борьба с курением на мировом уровне, что нанесло удар по табаководству, которым в Болгарии в основном занимались турки. Этим объясняется постоянный рост экономической эмиграции болгарских мусульман в Турцию и Западную Европу. По некоторым данным, за годы болгарского трансформационного периода она намного превзошла по своей численности переселение летом 1989 г., составив 410 тысяч человек³⁶.

Негативная роль «возродительного процесса» заключается и в том, что он затормозил и приостановил тенденцию к постепенной и естественной интеграции этнических групп в Болгарии. Насилие со стороны государства вызвало обратную реакцию – между ними

сформировались устойчивые границы. И это не может не влиять на развитие гражданского общества и политической жизни Болгарии в наши дни. Появление болгарских националистических партий (Болгарский Бизнес Блок Ж. Ганчева, Коалиция «Атака» В. Сидерова), периодически звучащие в средствах массовой информации крайне националистические голоса свидетельствуют о том, что травму, нанесенную болгарским мусульманам и всему обществу попытками ассимиляции, до сих пор не удалось преодолеть окончательно³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Наиболее компетентными и документированными исследованиями нам представляются: *Стоянов В.* Турското население в България между полюсите на етническата политика. София, 1998; *Бюксенишютц У.* Малцинствената политика в България. Политиката на БКП към евреи, роми, помаци и турци 1944–1989. София, 2000; *Иванова Е.* Отхвърлените приобщени. София, 2002; *Ялъмов И.* История на турската общност в България. София, 2002; *Груев М., Кальонски А.* Възродителният процес. Мюсюлманските общности и комунистическият режим. София, 2008; *Калинова Е., Баева И.* «Възродителният процес» – върхът на айсберга. Българската държава и турската етническа общност в страната (средата на 30-те – началото на 90-те години на XX век) // «Възродителният процес». Българската държава и българските турци (средата на 30-те – началото на 90-те години на XX век). София, 2009. Т. 1.

Большую ценность для исследователей представляют документальные сборники: Истината за «възродителния процес». Документи от архива на Политбюро и ЦК на БКП / Сост. С. Леви. София, 2003; Някога, в 89-та... Интервюта и репортажи на журналистката от радио «Свободна Европа» Румяна Узунова. София, 2007; Строго поверително! Асимилаторската кампания срещу турското национално малцинство в България (1984–1989) / Сост. В. Ангелов. София, 2008; «Възродителният процес». Българската държава и българските турци (средата на 30-те – началото на 90-те години на XX век) / Сост. И. Баева, Е. Калинова. София, 2009. Т. 1–2.

- 2 См.: Там же. Т. 1. С. 5, 40.
- 3 Там же. С. 27. Впрочем, некоторые авторы называют экстремистские проявления турецкого национализма и «угрозу турецкой автономии» популярными мифологемами мемуаристов из рядов

- БКП, в пропагандистских целях поменявших местами причину и следствие (см. напр.: *Груев М., Кальонски А.* Възродителният процес... С. 137–138).
- 4 Родопы – горный массив в Болгарии и район со смешанным населением, где проживают болгары, турки и цыгане.
 - 5 См.: «Възродителният процес». Българската държава и българските турци... Т. 1. С. 200–208.
 - 6 Кырджалийский округ – район с наиболее компактным турецким населением.
 - 7 Цит. по: *Груев М., Кальонски А.* Възродителният процес... С. 131–133.
 - 8 «Възродителният процес». Българската държава и българските турци... Т. 1. С. 219–220.
 - 9 Там же. С. 216–217.
 - 10 *Груев М., Кальонски А.* Възродителният процес... С. 139.
 - 11 См.: Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX в. СПб., 2012. Т. 1. Начало 1970-х – первая половина 1980-х гг. С. 53.
 - 12 «Възродителният процес». Българската държава и българските турци... Т. 1. С. 38–45.
 - 13 Там же. С. 266. См. также: Анатомия конфликтов... Т. 1. С. 57.
 - 14 http://www.omda.bg/arhiv/Vg_hronika+10_06_1990.htm
 - 15 См.: Някога, в 89-та... Интервюта и репортажи на журналистката от радио «Свободна Европа» Румяна Узунова. София, 2007.
 - 16 См.: *Луджев Д.* Революцията в България 1989–1991. София, 2008. Кн. 1. «Нежната» 1989-а и нейното време. С. 124.
 - 17 См.: Работническо дело. 1989. 30 май.
 - 18 Самая массовая общественная организация в социалистической Болгарии.
 - 19 См.: *Стоянов В.* Турското население в България... С. 206.
 - 20 Истината за «възродителния процес». С. 86.
 - 21 «Възродителният процес». Българската държава и българските турци... Т. 1. С. 528. Оригинал хранится в: Централен държавен архив (ЦДА, София). Ф. 1Б. Оп. 73.
 - 22 См.: *Луджев Д.* Революцията в България 1989–1991. С. 119.
 - 23 Цит. по: *Иванова Е.* Българското дисидентство. 1988–1989. София, 1997. Ч. 1. С.34.
 - 24 Там же. С. 204.
 - 25 См.: *Баева И.* Създаване на Клуба за подкрепа на гласността и преустройството и ролята му за началото на прехода – 1988–1989 г. // Известия на държавните архиви. София, 2004. Т. 87. С. 27.

- 26 Подробнее см.: «Възродителният процес». Международни измерения. (1984–1989) / Сост. И. Баева, Е. Калинова. София, 2009. Т. 2.
- 27 Ново време (София). 1995. № 6. С. 88; *Анатомия на конфликти...* Т. 1. С. 66–67.
- 28 См.: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Т. 2. С. 369.
- 29 Работническо дело. 1989. 27 декември.
- 30 Там же. 30 декември.
- 31 Процесс восстановления имен приобрел массовые размеры – до весны 1991 г. около 600 тыс. турок вернули свои прежние имена. Старые имена вернула и часть болгар-мусульман (помаков), переименованных еще в 1970-е гг.
- 32 <http://bulgaria1989.wordpress.com/tag/>
- 33 Фактически ДПС стало продолжением Демократической лиги в защиту прав человека. Следует при этом заметить, что Е. Иванова и другие участники диссидентского движения подчеркивают: между Демократической лигой болгарских турок и нынешней партией ДПС, между тогдашними и сегодняшними турецкими лидерами нет ничего общего (см.: *Иванова Е.* Българското дисидентство... С. 6).
- 34 При этом с 1974 г. Доган был агентом Госбезопасности при МВД Болгарии.
- 35 См.: *Груев М., Кальонски А.* Възродителният процес... С. 194–195.
- 36 http://212.39.92.39/e/prosveta/istoria_11/63.4.html
- 37 Иной вопрос, что новый болгарский национализм свидетельствует прежде всего о возмущении преступностью на бытовом уровне среди цыган, коррупционными аферами ДПС и о недовольстве части болгар, оказавшихся «в проигрыше» от перемен в ходе трансформационных процессов на рубеже веков.

Valeva E. L.

The State Policy of Bulgaria to the Turkish Ethnic Community (1980s)

The article deals with various turns of the state policy of the Communist regime of Bulgaria in its relation to the Moslem national minority and an attempt of the final assimilation of Bulgarian Turks in 1984–1985, as well as the opposition to that campaign from the Moslem ethnical community.

Key words: «*Restoration process*», *national minority*, *ethnic community of Turks*, *Communist regime*, *civil rights activists*, *T. Zhivkov*.

М. М. Фролова
(Москва)

Московский (Чертковский) список «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского

В статье на основе привлечения архивных материалов выясняются обстоятельства происхождения и время возникновения Московского (Чертковского) списка «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского, а также дополняются факты русско-болгарских культурных отношений в XIX в.

Ключевые слова: *«История славяноболгарская», Паисий Хилендарский, Жеравненский список, Московский (Чертковский) список, В. Априлов, Н. Н. Мурзакевич, А. Д. Чертков, В. И. Григорович, Г. С. Раковский, Р. Жинзифов.*

В 2012 г. отмечается 250-летие сочинения Паисия Хилендарского «История славяноболгарская» (1762). Значение его для духовного пробуждения болгарского народа непреходяще, поскольку ее автор, напоминая своим соотечественникам о былом величии Болгарии, учил любви к отечеству, к родному языку и первым сформулировал программу задач, стоявших перед складывавшейся болгарской нацией: распространение образования и просвещения среди болгар через национальные школы и литературу. Голос Паисия Хилендарского был услышан, поскольку его труд многократно переписывался, переделывался, широко расходясь в первую очередь по болгарским поселениям в Османской империи.

Личности Паисия Хилендарского и его творению, высоко почитаемым в Болгарии, посвящен огромный массив исследовательской литературы (М. Дринов, Ив. Шишманов, Б. Пенев, Й. Иванов, Б. Ангелов, П. Динеков, Хр. Христов, М. Арнаудов, В. Велчев, П. А. Лавров, А. Н. Робинсон, С. А. Никитин, В. Д. Конобеев, Г. К. Венедиктов и др.). И тем не менее многие стороны «дела Паисия» остаются не до конца проясненными¹, например, вопрос о списках «Истории славяноболгарской».

Открытие болгарским ученым Й. Ивановым в Зографском монастыре рукописи, которая, согласно его доказательствам, была написана самим Паисием и, следовательно, являлась черновиком «Истории славяноболгарской»², разрешало важнейшую проблему о первоначальном варианте сочинения Паисия Хилендарского. Однако поиск, атрибуция и изучение списков «Истории славяноболгарской»

не потеряли своей научной актуальности, так как эти списки, по мнению В. Велчева, «позволяют установить сферы влияния, которое имело произведение Паисия, показывают пути, по которым шло это влияние, указывают на изменения, которые претерпел первоначальный текст под влиянием трансформаций в языке и перемен в настроениях исторического момента»³.

В 1962 г. исполнялось 200 лет создания «Истории славяноболгарской», готовилась канонизация Паисия Хилендарского, поэтому внимание научного мира было сфокусировано на данной проблематике. Архивные разыскания привели в 1960 г. советского филолога Г. К. Венедиктова в Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (Москва), где хранился в коллекции рукописей А. Д. Черткова список «Истории славяноболгарской» (№ 310). Он не был известен в литературе, поскольку в каталогах Чертковской библиотеки (1838, 1845, 1863, 1864)⁴ эта рукопись не фигурировала. О ней не вспоминалось и в труде М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасевой «Сокровища древней письменности и старой печати»⁵.

Рукопись была написана полууставом на листах форматом 180 × 215 мм, переплетена (картон в зеленом коленкоре), имела 133 листа, причем первые три и последние шесть листов были пустыми. Перед исследователем встал вопрос о времени изготовления этого списка, который нельзя было решить положительно, поскольку в самой рукописи отсутствовали какие-либо приписки, замечания, сделанные переписчиком или другими лицами, что было характерно для других известных списков «Истории славяноболгарской». Бумага также не могла пролить какой-либо свет на этот вопрос, поскольку не обладала никакими водяными знаками или штемпелями фабрик. В инвентарной рукописной описи Чертковского собрания ОР ГИМ список датировался началом XIX в. Следует отметить, что в каталоге «Описание рукописей собрания Черткова», опубликованном в 1986 г., список «Истории славяноболгарской» датируется еще более неопределенно – XIX в.⁶

Г. К. Венедиктов обратился тогда к биографическим сведениям А. Д. Черткова (1789–1858), о котором много писал П. И. Бартенев (1829–1912), библиотекарь Чертковской библиотеки и издатель журнала «Русский архив». Ученый выдвинул ряд предположений о том, что рукопись была приобретена Чертковым в период между 1845 г. (год издания «Второго прибавления» к каталогу) и 1858 г. (год смерти собирателя) или привезена из его последнего загранич-

ного путешествия в 1858 г., о котором упомянул Бартенев⁷. Кроме того, Венедиктов допускал, что рукопись могла быть «подарена кем-либо из знакомых», например, Н. Н. Мурзакевичем, преподавателем Ришельевского лицея. Из «Автобиографии» Мурзакевича следовало, что он был в дружеских отношениях с Чертковым. «Такого радушия, как у этого благородного барина, готовности служить советами, библиотекою я никогда более не встречал, – вспоминал одесский историк. – Дом его, кабинет, он сам в сюртуке с накидкой по нему халата, разбросанные статуэтки, книги, книжки, книжечки по столам и стульям. Нигде так приятно и полезно не проводил я времени, как в гостеприимном доме Черткова»⁸.

Мурзакевич был знаком со многими болгарами, проживавшими в Одессе. А в июне 1838 г. именно ему, ехавшему в Москву, В. Е. Априлов поручил передать Ю. И. Венелину список «Истории славяноболгарской», которую специально сделали со списка, присланного из Дряново⁹. Этот список (Венелинский) ныне хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде историка. Благодаря сведениям Г. С. Раковского было известно также, что именно у Мурзакевича после смерти Априлова остался Жеравненский список «Истории славяноболгарской», написанный на лощеной турецкой бумаге in 4°. Он был найден Анастасом Дукияди, выполнявшим поручение Априлова по поиску «драгоценных рукописей», в Жеравне в 1838 г. у некоего Димитра, бывшего там учителем¹⁰.

Статья Венедиктова «Неизвестный список “Истории славяноболгарской” Паисия Хилендарского» была опубликована лишь в 1963 г.¹¹, и лавры первооткрывателя этого списка достались болгарскому филологу Б. Ст. Ангелову, который в 1962 г., обнаружив Чертковский список «Истории славяноболгарской», сразу поспешил оповестить о том научную и культурную общественность. Он поместил сообщение в газете «Народна култура» (№ 31/4.VIII.1962). Ангелов, в отличие от Венедиктова, встретив вышеупомянутые трудности в датировке, не пытался найти ответ на вопрос, когда был снят список и каким образом он оказался у Черткова. Болгарский ученый предложил именовать вновь открытый список Чертковским по фамилии коллекционера¹². Однако впоследствии в историографии данный список чаще всего называют Московским¹³, хотя, как известно, в московских архивах также находятся Венелинский список, список В. И. Григоровича, неполный список О. М. Бодянского.

Ангелов установил, что Чертковский список не являлся переработкой «Истории славяноболгарской», что было весьма распростра-

ненно, особенно в 30-е гг. XIX в. Этот список более всего тяготел к списку, снятому Софронием Врачанским в 1765 г. в Котеле, и содержал ценные автобиографические подробности, данные Паисием Хилендарским в послесловии к своей «Истории»¹⁴.

Важно, что сообщение Ангелова о Чертковском списке успело войти в фундаментальную статью М. Стоянова «Преписи на Паисиевата история славянобългарска», которая увидела свет в составе книги «Паисий Хилендарски и неговата епоха» (София, 1962). Известные к 1962 г. списки и переработки, имевшиеся в наличии, Стоянов разместил по хронологии, начиная с Зографского списка, предположительно датируемого 1762 г., и заканчивая списком, снятым Д. Оджаковым в Пирдопе в 1879 или 1880 г. Рукопись из Чертковской коллекции (под № 40) стояла в самом конце этого списка. Далее следовали названия еще 20 списков, известных только по литературным источникам¹⁵.

На поставленные в историографии вопросы – с какого списка и когда был снят Чертковский список, каким образом он оказался в собрании ученого, можно было ответить, изучив научное творчество А. Д. Черткова, а также его эпистолярное наследие, которое хранится в Отделе письменных источников ГИМ.

А. Д. Чертков вошел в историю исторической науки благодаря своим трудам по нумизматике, археологии, библиографии, русской истории, славистике и этрускологии. Его уникальное собрание книг и рукописей стало первой бесплатной публичной библиотекой в Москве. Любовью к книге и научным изысканиям Чертков был обязан как семейным традициям, так и своим преподавателям, среди которых выделялся талантом и разносторонностью интересов Г. П. Успенский (1765–1820), впоследствии первый профессор по кафедре русской истории, географии и статистики в Харьковском университете. Служба в лейб-гвардии Конном полку (1809–1822) и особенно заграничные походы русской армии стимулировали стремление Черткова, как и передовых офицеров того времени, к глубокому познанию истории своего отечества. История, «великая наставница людей», почиталась и как наука, «прозревающая будущее».

В архиве Черткова сохранились многочисленные тетради, куда он вносил пространные выписки и комментарии к прочитанным книгам и журналам. Сколько таких тетрадей на самом деле было заполнено Чертковым, неизвестно. Но из дошедших до нас в самой ранней, начатой в мае 1816 г., тетради «Notes sur l'histoire de la Russie» («Записки по истории России»), несмотря на указанную тему в за-

главии, записи Черткова включали сведения и о славянах, причем имелось очень много выписок, посвященных непосредственно болгарам – их происхождению, языку, а также поселению в Бессарабии болгарских и сербских колонистов.

В 1823–1825 гг. Чертков после выхода в отставку в чине полковника предпринял путешествие по странам Западной Европы. В Вене он много времени провел с П. И. Кеппенем, выдающимся и всесторонним знатоком славянской филологии первой четверти XIX в., членом известного кружка канцлера Н. П. Румянцева. Путешествие Кеппена по европейским славянским землям и знакомство благодаря рекомендательным письмам со славянскими учеными составили важнейшую страницу в развитии славяноведения в России. Кеппен был первым русским ученым, лично познакомившимся с П.-Й. Шафариком, Й. Добровским, С.-Б. Линде, В. Ганкой, Е. Копитаром. Вернувшись в Россию, Кеппен стал издавать в 1825 г. журнал «Библиографические листы» – первый международный библиографический журнал, в котором он публиковал разнообразные сообщения о западнославянском мире¹⁶.

Чертков волею судеб оказался у истоков целой «эпохи» установления и развития связей между славянскими и российскими учеными, принесших «особенно сильные и богатые плоды» во второй половине 30-х – первой половине 40-х гг. XIX в. Чертков также подключился к поискам славянских книг и рукописей. При этом он руководствовался советами Кеппена¹⁷, а также списком книг, который специально для русского полковника составил Е. Копитар, служивший в Венской придворной библиотеке¹⁸. Из этой поездки Чертков привез в Россию в числе книг «Глаголическую книгу» 1635 г. (один экземпляр находился в Ватиканской библиотеке, второй – у М. К. Бобровского), «Болгарские молитвы» (Рим, 1651), «Краинские стихотворения» (1635)¹⁹.

После участия в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и окончательного выхода в отставку Чертков с семьей поселился в Москве, которая с 30-х гг. XIX в. стала превращаться в один из центров славистических исследований. Чертков со своими научными интересами органично вписался в научную жизнь белокаменной столицы, стал членом, вице-президентом (с 1836 г.), затем председателем (1848–1857) Общества истории и древностей российских (ОИДР). Следует заметить, что Венелин высоко ценил Черткова, считая, что он не просто принадлежит к истории славянской филологии, но находится «в ее первой главе»²⁰, хотя у него не было еще соответствующих печатных работ.

В 1839 г. Чертков в Ватиканской библиотеке исследовал Ватиканский список болгарского перевода (XIV в.) византийской хроники Константина Манассии (XII в.), знаменитый своими 69 миниатюрами. Чертков списал глоссы болгарского переводчика, которые по приезде в Москву скрупулезно сравнил с глоссами Синодального списка болгарского перевода Константина Манассии. Он впервые ввел в научный оборот 26 глосс средневекового болгарского переводчика, и его исследования вылились в две монографии – «О переводе Манассиинной летописи на словенский язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар» (1842) и «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг.» (1843). Труды Черткова явились первой удачной попыткой написания средневековой истории Болгарии, что было немедленно замечено критикой и современниками.

Сочинения Черткова по истории Болгарии были хорошо известны в среде болгарской эмиграции и болгарских землях Турецкой империи. Немалая заслуга в распространении как сведений о книгах Черткова, так и самих его книг среди болгар принадлежит редактору болгарского просвещения Н. Н. Мурзакевичу. Будучи преподавателем в Ришельевском лицее в Одессе, Мурзакевич «с большой пользой для себя и своих слушателей» – болгар, «истинных любителей своей отчизны», пользовался результатами «этой важной книги» – «О переводе Манассиинной летописи...»²¹. Мурзакевич писал О. М. Бодянскому (15.02.1843): «Книгу А. Черткова распространяю между здешними болгарами. Хватают наперерыв»²². Чертков щедро одарил своей книгой Одессу: ее получили все гимназические библиотеки Одесского округа²³. «Болгары с восторгом приняли труд Ваш. Пошлю в Бессарабию: там живет более 60 000 болгар, пускай там читают историю своего народа, знают и Ваше имя»²⁴, – сообщал Мурзакевич Черткову.

Мурзакевич познакомился с Чертковым еще в 1835 г. Многолетнее общение двух ученых зиждилось не только на общности научных интересов, но и на сердечности отношений. Мурзакевич нередко останавливался в гостеприимном доме Черткова: «Я живо помню благосклонный и радушный прием Ваш, коим был обласкан в Москве»²⁵. Мурзакевич был, как и Чертков, страстным библиофилом, но из-за ограниченности денежных средств не мог позволить себе личное книжное собрание. Он избрал иной путь, когда в 1843 г. принял предложение новороссийского генерал-губернатора

графа М. С. Воронцова, оценившего подвижническую деятельность Мурзакевича в Одесском обществе истории и древностей по созданию музея и библиотеки при нем, занять должность библиотекаря в городской библиотеке с сохранением места в лицее. «Не имея способов составить собственную библиотеку сообразно желаниям, хочу улучшить городскую, и потому детски радуюсь всякому ее приращению»²⁶, – делился Мурзакевич своими планами с Чертковым. Свои болгарские книги он передал в Одесскую городскую библиотеку, которую принял весьма в плачевном состоянии. В 1843 г. Мурзакевич писал о любимом своем детище, что библиотека «уже красуется 18 названиями разных болгарских книг», среди которых была очень редкая книга – «Кириакодромион, сиреч Неделник», изданная в 1806 г. Софронием Врачанским. «Хочу при библиотеке составить отделение чисто славянское: в него войдут все попадающиеся мне в руки книги болгарские, сербские, чешские и всякие другие. Да будет одесская книжница рассадницею славянства»²⁷. С просьбой о присылке дубликатов славянских книг он обратился к Черткову, Бодянскому, Погодину и другим москвичам, а также к Шафаркичу и Ганке.

Мурзакевич в свою очередь также искал для Черткова книги по истории России и славян. Болгарский раздел Чертковской библиотеки пополнился болгарским «Новым заветом» в переводе П. Сапунова (1828), «Новым заветом» в переводе Неофита Рильского (1840) и др. В письме от 21 июля 1844 г. Мурзакевич сообщил, что, покупая для Черткова книги XVI или XVII в.²⁸, ему удалось выторговать 20 руб. На эти деньги он «нанял списать болгарскую историю со старинного списка, имеющегося у Априлова. Думаю, что эта копия будет иметь у Вас какой-либо интерес. Не мешает, если ее просмотрит О. М. Бодянский»²⁹. В этом же письме Мурзакевич сообщал Черткову, что он получил еще 12 экземпляров «Походов Святослава в Болгарии» и 5 из них уже передал для отправки в болгарские училищные библиотеки. «Трудно Вам изъяснить, с каким уважением и признательностью болгаре произносят Ваше имя. После Венелина Вас признают двигателем их просвещения и национальности»³⁰. Высокий авторитет и направленность научных исследований Черткова способствовали тому, что Мурзакевич именно ему адресовал копию со списка «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского.

Чертков получил рукопись, но, вероятно, уже после того, как был подготовлен к печати каталог «Всеобщая библиотека России. Второе прибавление», подписанный цензором В. Флеровым 12 дека-

бря 1844 г. Чертков имел редкое даже среди библиофилов качество – прочитывать, составлять краткую аннотацию, а уж затем только отправлять новую книгу на полку. Новые поступления в свою библиотеку он вписывал в особый экземпляр каталога «Всеобщая библиотека России. Второе прибавление», в который были вплетены белые листы. В отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки России сохранился этот экземпляр каталога (инвентарный номер 20050). На белом листе между страницами 430 и 431 Чертков сам записал полууставом полное название «Истории славяноболгарской». После чего приписал: «В конце приложены статьи: 1) о сербских царях; 2) об учителях словенских; 3) имена святых болгарских». На оборотной стороне верхней доски переплета Чертковского списка также была сделана надпись: «Записана на белом листе у стр. 431-й, II Прибав[ление]», на что обратил внимание Венедиктов³¹.

Далее в каталоге была помещена аннотация: «В этой истории Болгарской нет ничего заслуживающего внимания; весь рассказ основан на свидетельстве Мавроурбина и Барония. Москва производится от Мосоха, готфы и скифы суть татары и много других бредней. – Новым уставом, списана в Одессе с рукописи Болгарской».

Столь нелестная характеристика, данная Чертковым «Истории славяноболгарской», оправдана, поскольку ученый недавно издал свои две монографии по истории Болгарии. Помимо глосс болгарского переводчика³² к своему исследованию он привлек широкий круг источников: сочинения византийских авторов: Феофана, Константина Багрянородного, Скилицы-Кедрина, Зонары, Льва Дьякона, Никиты Хониата и других хронистов. Чертков был хорошо знаком с описанием событий болгарской истории в русской летописной традиции, а также в трудах М. Орбини, Ц. Барония, Й. Раича, Ш. Дюканжа и др. Нового в полученной рукописи Чертков для себя не нашел. Тем не менее, по сообщению Мурзакевича, Чертков, оценив патристический пафос этого произведения, решил опубликовать «Историю славяноболгарскую» как первую работу по истории Болгарии, написанную болгариним. Однако «заботы по должности губернского предводителя дворянства в Крымской войне, преклонные лета, а за ним упадок сил, постепенно ослабили деятельность некогда веселого, бодрого и добродушного старца»³³. Эти же причины не позволили Черткову издать и новый полный каталог своей библиотеки, «т. е. всего, что помещено в первых двух каталогах и что приобретено с 1844 г.»³⁴.

Следует сказать, что оценка научных достоинств «Истории славяноболгарской» Черткова вполне совпадала с невысоким о ней

мнением В. Априлова³⁵, Н. Н. Мурзакевича, Е. Е. Голубинского³⁶ и др. Любопытно, что Мурзакевич вслед за Чертковым также попытался опубликовать «Историю славяноболгарскую» Паисия Хилендарского. И его мотивация была сходна с Чертковской: «для водворения в Болгарах нынешних старой их грамотности». 17 апреля 1858 г. Мурзакевич писал О. М. Бодянскому, секретарю ОИДР и редактору «Чтений»: «В руках моих давно имеется летопись болгарская, писанная на турецкой лощеной бумаге in 4° чистым церковным почерком [...]. По настоящем времени весьма полезно бы ее напечатать. Но на собственные средства я не могу. Поэтому прибегаю к вашей помощи: нельзя ли летопись, довольно любопытную, сперва напечатать в издаваемых вами от Общества *Чтениях*, затем сделать до 600 экземпляров особых *оттисков*. По цели предположенной летопись необходимо напечатать церковными буквами и in 4°, для чего я с манускрипта своего сделал список слово в слово, буква в букву, предоставляя себе право – слитно писаные слова и речения, по крайнему моему разумению, разделить и поставить инде знаки препинания. Много обяжете меня и болгар, если уладите это дело. За особые оттиски и бумагу я готов заплатить. Когда дело это можно по желанию устроить, список я немедленно вам перешлю»³⁷. Этот проект Мурзакевича, как и другие (печатание харатейного болгарского Евангелия XI или XII в., доставленного с Афонской горы, Апостола, привезенного из Зографского монастыря)³⁸, к сожалению, не были претворены в жизнь.

Остался невыясненным вопрос, с какого списка «Истории славяноболгарской» была сделана копия для Черткова. На наш взгляд, с огромной вероятностью можно утверждать, что это был именно Жеравненский список. Похоже, что Мурзакевич, увидев его у Априлова, загорелся желанием доставить копию с него Черткову. В Одессе, городе эмигрантов и купцов, равнодушных в то время к искусству и науке, Мурзакевичу было трудно найти опытного человека, который мог бы правильно снять копию с болгарской рукописи, поэтому в Чертковском списке столь многочисленны пропуски и исправления. Не подлежит сомнению, что Мурзакевичу пришлось править карандашом готовую копию, эти исправления были внесены затем переписчиком. Многие карандашные пометы не были повторены чернилами. В статье Венедиктова приведены наблюдения за характерными исправлениями и карандашными пометами. Следует только добавить, что подчеркивание в рукописи имен царей, сделанное другим карандашом, нежели остальные записи, скорее всего,

принадлежит Черткову. Он много занимался выяснением правильного написания имен болгарских правителей (например, Омуртаг – у Черткова, как и в глоссе – Муртаг, но не Критагон, Муртагон, Мартагон и т. п.), поэтому он имел привычку подчеркивать в тексте имена собственные, как, впрочем, и географические названия.

Через Одессу в 1844 г. проезжал В. И. Григорович, направлявшийся в заграничную командировку по славянским землям Османской империи. В городе он пробыл с 15 июля до 20 августа 1844 г., надеясь здесь приобрести ученые пособия для предстоящего путешествия. Однако в болгарских купцах, «известных по газетам ревнителях просвещения», Григорович «немного нашел теплого ободряющего участия»³⁹. Именно Мурзакевич, как и в случае с О. М. Бодянским⁴⁰, помог Григоровичу обзавестись рекомендательными письмами к болгарам, проживавшим в Османской империи. Перед самым отъездом из Одессы, 18 августа 1844 г., в дневнике Григоровича появилась запись о том, что Мурзакевич доставил ему рукопись in 4°, которая являлась собственностью Априлова⁴¹. Григорович сделал выписки из Жеравненского списка, обширное название которого дословно совпадает с названием Чертковского списка.

В 1858–1859 гг. в Одессе находился Г. С. Раковский, который немало времени провел в публичной библиотеке. Его усердие было весьма плодотворно и принесло богатую жатву: написано большинство его трудов исторического, этнографического и филологического характера. Он корректировал и дописывал поэму «Лесной путник» («Горски пътник»), опубликовал книгу с очень длинным названием «Указатель или руководство...»⁴², включавшую этнографический материал, подготовил к печати значительную работу «Нѣколко рѣчи о Асѣню Първому, великому царю българскому, и сину му Асѣню второму»*, наметил план будущих исследований по истории своего народа. Вероятно, здесь, не без содействия Мурзакевича, он познакомился с трудами Черткова и приобрел для своей библиотеки его сочинения и по истории Болгарии. В тексте работы «Нѣколко рѣчи о Асѣню Първому...» имеется множество указаний на хорошее знание монографии московского историка «О переводе Манассиинной летописи...». Работы Венелина, который для болгарина середины XIX в. был гораздо больше, чем просто историк, в знак особого почитания выделены Раковским в описи библиотеки в особый раздел⁴³.

* Здесь и далее сохранено правописание автора.

Мурзакевич, ценя занятия Раковского по истории своего отечества, не преминул показать ему Жеравненский список «Истории славяноболгарской», который так и остался у него после смерти Априлова в 1847 г. Рукопись произвела неизгладимое впечатление на Раковского, который ничуть не усомнился в ее научных достоинствах. Он сделал обширные выписки из манускрипта, часть из которых поместил в свою работу «Нѣколко рѣчи о Асѣню Първому...» (с. 20, 44–48, 64, 118). Может быть, тесное общение с Раковским способствовало тому, что Мурзакевич стал воспринимать «Историю славяноболгарскую» с иного ракурса и загорелся желанием ее опубликовать. Поэтому он сам снял точную копию, имея уже поучительный опыт с копией для Черткова.

После смерти А. Д. Черткова его сын Г. А. Чертков «в память своего отца» «приспособил» его знаменитую библиотеку «к общественному пользованию и с 1863 г. открыл ее для бесплатного чтения»⁴⁴. Но прежде была проведена огромная работа П. И. Бартевым, ставшим в 1859 г. заведующим Чертковской библиотекой. В течение осени 1859 г. и зимних месяцев он переводил на карточки печатный каталог, описывал книги из неразобранных коробов «за исключением рукописных портретов и ландкарт», чтобы затем приступить «к изданию в свет каталога в виде книги, который должен сделаться одним из существенных приобретений русских ученых литератур»⁴⁵. Бартев сверял наличие книг и рукописей в библиотеке по отпечатанным каталогам и записям Черткова о новых поступлениях, поэтому в упоминаемом экземпляре каталога (№ 20050) с записью рукописи «Истории славяноболгарской» стоит карандашная отметка «есть». При Чертковской библиотеке работал студент филологического факультета Московского университета болгарин Райко (Ксенофонт) Жинзифов (Иванов) (1839–1877). Он, в частности, помогал Бартеву при работе над присланным из Стамбула каталогом болгарских книг, составленным С. Филаретовым и Н. Геровым. Жинзифов не мог не знать о болгарских книгах и рукописях, имевшихся в Чертковской библиотеке, поскольку в это время составлялся каталог всех изданий на славянских языках, которые вошли в VI отделение каталога Чертковской библиотеки. Оно, к сожалению, не было напечатано. Неслучайно поэтому в изданной Жинзифовым книге «Новобългарска сбирка» (М., 1863) в качестве эпитафии появились знаменитые слова Паисия Хилендарского, облаченные в стихотворные одежды.

Местонахождение Жеравненского списка «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского, а также копии, снятой с него

Мурзакевичем, в настоящее время неизвестно. Б. Ангелов придавал огромное значение открытию Жеравненского списка, с помощью которого он надеялся решить многие спорные и неясные вопросы «дела Паисия». Чертковский список является копией, пусть снятой несколько небрежно, но копией искомого Жеравненского списка. Кроме того, Чертковский список являет яркую и интересную страницу в русско-болгарских культурных отношениях XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Динеков П.* Паисий Хилендарски и неговата «История Славеноболгарская» // Паисий Хилендарски. Славяно-българска история / Под ред. П. Динеков. София, 1963. С. 7.
- 2 *Иванов Й.* Увод // Паисий Хилендарски История славеноболгарская, собрана и нареждена Паисиемъ иеромонахомъ в льто 1762. изд. Й. Ивановым. София, 1914. С. XXXIV.
- 3 *Велчев В.* Неизвестен последовател на Паисий Хилендарски // Език и литература. 1956. Кн. 6. С. 447.
- 4 *Чертков А. Д.* Всеобщая библиотека России или каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях. Первое прибавление. М., 1838; *Он же.* Всеобщая библиотека России. Второе прибавление. М., 1845.
- 5 *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н.* Сокровища древней письменности и старой печати // Труды Государственного исторического музея. Памятники культуры. М., 1958. Вып. 30.
- 6 *Шульгина Э. В., Черниловская М. М.* Описание рукописей собрания Черткова. Новосибирск, 1986. С. 74.
- 7 *Бартенев П. И. А. Д.* Чертков и его библиотека // Русский архив. 1863. Вып. 1. С. 9.
- 8 *Мурзакевич Н. Н.* Записки Н. Н. Мурзакевича // Русская старина. 1887. № 4. С. 133.
- 9 *Ангелов Б.* Паисий Хилендарски. София, 1985. С. 110.
- 10 *Раковский Г. С.* Нѣколко рѣчи о Асѣню Първому, великому царю българскому, и сину му Асѣню второму. Белград, 1860. С. 118. Прим. 35.
- 11 *Венедиктов Г. К.* Неизвестный список «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского // Славянский архив. М., 1963. С. 203–214.
- 12 *Ангелов Б.* Паисий Хилендарски. С. 120.
- 13 *Динеков П.* Указ. соч. С. 137.
- 14 *Ангелов Б.* Паисий Хилендарски. С. 120–121.

- 15 *Стоянов М.* Преписи на Паисиевата история славянобългарска // Паисий Хилендарски и неговата епоха. София, 1962. С. 593.
- 16 *Францев В. А.* Введение в славяноведение. Лекции, читанные проф. В. А. Францевым студентам 1-го курса Историко-филологического факультета императорского Варшавского университета в 1914–1915 гг. Варшава, 1915. С. 64.
- 17 *Кеппен П. И.* О первопечатных словенских книгах // Материалы для истории просвещения в России, собираемые П. Кеппеном. СПб., 1825. № 26. С. 377; *Он же.* Записка о путешествии по Словенским землям и архивам // Там же. № 33. С. 489.
- 18 Отдел письменных источников (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 445. Д. 271.
- 19 *Кеппен П. И.* Уведомления // Материалы для истории просвещения... 1825. № 39. С. 585.
- 20 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 49. Кар. II. Д. 23. Л. 1.
- 21 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 237. 12 февраля 1843 г. Одесса.
- 22 Материалы для истории Императорского Общества истории и древностей российских. Переписка гг. действительных членов Общества. Письма Н. Н. Мурзакевича к О. М. Бодянскому (1838–1866 гг.). // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 1. С. 194.
- 23 Государственный архив Одесской области. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 82, 90, 91, 92, 93, 94, 95.
- 24 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 242.
- 25 Там же. Л. 176. 28 декабря 1840 г. Одесса.
- 26 Там же. Д. 306. Л. 9об. 18 января 1846 г. Одесса.
- 27 Материалы для истории... С. 195.
- 28 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 264об. 24 апреля 1844 г.
- 29 Там же. Л. 266. 21 июля 1844 г. Одесса.
- 30 Там же. Л. 267.
- 31 *Венедиктов Г. К.* Неизвестный список... С. 205.
- 32 П. А. Лавров, исследовавший источники «Истории славяноболгарской», писал: «Один из важных источников для болгарской истории, находившийся в Хилендарской библиотеке, укрылся от внимания Паисия – перевод Манассииной летописи с приписками о болгарских событиях. Очень вероятно, что с Паисием случилось то же, что и с Карамзиным и Калайдовичем, из которых последний имел в руках Синодальный список Манассии, но благодаря первым статьям сборника «о Святи Троици и о вере и о прочих многих» не обратил внимание на дальнейшее содержание рукописи; а Хи-

- лендарский список вполне совпадает с Синодальным» (*Лавров П. А.* Одна из переделок «Истории славяноболгарской» иеромонаха Паисия, сохранившаяся в рукописи № 1731 собрания проф. Григоровича // Труды восьмого археологического съезда в Москве 1890 г. М., 1895. Т. 2. С. 242. Прим.).
- 33 *Мурзакевич Н. Н. А. Д.* Чертков (некролог) // Записки Одесского общества истории и древностей. 1860. Т. 4. С. 422.
- 34 Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 450. Оп. 1. Д. 17. Л. 1003об.
- 35 *Ангелов Б.* Паисий Хилендарски. С. 60.
- 36 «Произведение Паисия, будучи замечательно как первый известный опыт в своем роде, почти не имеет никакого значения научного, потому что обладает совершенным отсутствием критики и наполнено баснословием» (*Голубинский Е. Е.* Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской. М., 1871. С. 710).
- 37 Материалы для истории... С. 210–211.
- 38 Там же. С. 211.
- 39 *Григорович В. И.* Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915. С. 42.
- 40 Материалы для истории... С. 189, 190.
- 41 *Ангелов Б.* Паисий Хилендарски. С. 49.
- 42 *Раковски Г. С.* Показалець или ръководство, как да ся изисквять и издириять най стари чърти нашего бития, язика, народопоколѣния, старого ни правления, славнаго ни прошествия и проч. Одесса, 1859. Ч. I.
- 43 Архив на Г. С. Раковски. София, 1952. Т. 1. С. 606–608, 611.
- 44 ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 280. Л. 160.
- 45 Там же. Л. 82 и об.

Frolova M. M.

The Moscow (Chertkov's) Copy of «The History Slavic-Bulgarian» by Paisius of Hilandar

On the base of archival materials, the author clarifies the circumstances of the provenance and dating of the Moscow (Chertkov's) Copy of «The History Slavic-Bulgarian» by Paisius of Hilandar in the context of the Russian-Bulgarian cultural relations in the 19th cent.

Key words: «*The History Slavic-Bulgarian*», *Paisius of Hilandar*, *Zheravna Copy*, *Moscow (Chertkov's) Copy*, *V. Aprilov*, *N. N. Murzakevich*, *A. D. Chertkov*, *V. I. Grigorovich*, *G. S. Rakovsky*, *R. Zhinzifov*.

Л. Л. Щавинская
(Москва)

«Обратить... внимание самих Белорусцев»

В статье на основе богатых источников первой четверти XIX в., в том числе из личных архивов деятелей того времени, освещаются начальные шаги в постановке вопроса о необходимости формирования особой научной дисциплины – белорусской филологии.

Ключевые слова: *белорусоведение, белорусская филология, К. Ф. Калайдович.*

В числе первых, кто поднял вопрос о необходимости формирования особой научной дисциплины – белорусской филологии, был один из пионеров отечественного славяноведения и самых успешных исследователей славянских древностей Константин Федорович Калайдович (1792–1832)¹.

По окончании в 1810 г. Московского университета молодой Калайдович служит учителем истории и географии в университетской гимназии, одновременно много пишет для московских научных организаций и даже избирается членом Общества истории и древностей российских. Ему удается собрать довольно богатую библиотеку, в которой были старопечатные книги и рукописи. Уже в те годы Калайдович, заинтересовавшись историей славянского книгопечатания, собрал материалы о некоторых белорусских авторах и типографиях, подготовил и опубликовал некоторые сведения о них, например, о Франциске Скорине², книгу которого он даже имел в своей библиотеке³.

В июле 1812 г. Калайдович вступает в ряды московского ополчения, с которым он прошел боевой путь от Подмосковья до восточной Белоруссии. Этот период стал для него временем непосредственного знакомства с белорусской землей, ее народом и живым народным языком. Сохранившиеся документальные материалы дают возможность зафиксировать непосредственный интерес Калайдовича к культуре родины Скорины, который он проявлял, собирая всевозможные сведения о ней как на востоке белорусских земель, так и на их западе. И все это несмотря на почти трагические обстоятельства его тогдашнего военного бытия.

Участник боевых действий, пробывший на белорусских землях с осени 1812-го до лета 1813 г., побывавший и в Минске, и в Вильно, Калайдович составил довольно полное представление о народной жизни и о живом белорусском языке, словарь которого он начал составлять после изгнания Наполеона. Одним из глубинных мест, где готовился этот белорусский словарь, было село Мощены, находящееся к северу от нынешнего райцентра Витебской области Сенно. Однако, несомненно, важнейшим местом в филологических разысканиях Калайдовича стала разоренная войной Орша, куда «сотенный начальник 8-го пешего Казачьего полка» Калайдович прибыл 11 ноября 1812 г. Он отмечал тогда, что город сильно разрушен, «одна сторона была выжжена, Заднепровская еще дымилась. Множество изнуренных и полумертвых неприятелей, бродя по городу, едва проговаривали: *Monsieur, l'hopital...* Мы пришли в место плача и сетования...»⁴.

Зимние дни 1812–1813 гг., проведенные в «горестной Орше», когда из-за повальных болезней, как писал Калайдович, «в два месяца лишились мы более 600 лучших воинов и 6 офицеров»⁵, сблизили его с несколькими местными просвещенными уроженцами. Это были иезуиты, которые стали на последующие годы специальными информантами Калайдовича, а тогда, в Орше, помогавшие ему ориентироваться в местной действительности, в том числе, видимо, и с точки зрения его интереса к различным филологическим проблемам. Существует целый ряд архивных документов, которые позволяют довольно обстоятельно разобраться в ходе интереса Калайдовича к собственно польскому культурному рубежу на пограничье *Slavia Byzantina* и *Slavia Latina*, Славии Восточной и Западной, включая его внимание к столь важному и для истории белорусской культуры, языка и литературы песнопению «*Bogarodzica Dziewica*»⁶. Одним из таких иезуитов-информантов был для Калайдовича профессор поэтики в Оршанском коллегииуме ксендз Иосиф Мореловский, уроженец Городка, что к северу от Витебска, который, несомненно, неплохо знал и живой белорусский язык. Ксендз Иосиф оставил немалое литературное наследие, некоторая русскоязычная часть которого была опубликована благодаря Калайдовичу в Москве в 1813 г.⁷ Весьма примечательна роль в дальнейших белорусоведческих изысканиях Калайдовича и ксендза-иезуита, уроженца города Чечерска Иосафата Залесского, профессора истории в Полоцкой академии, активного автора «*Miesięcznika Połockiego*»⁸.

После демобилизации летом 1813 г. Калайдович возвращается в Москву. К сожалению, уже нет его личной библиотеки – она полно-

стью погибла в московском пожаре 1812 г.⁹ Калайдович приступает к активной научной работе. В печати появляется одна из его статей, в которой он пишет о Франциске Скорине¹⁰, «ученом Докторе Медицины из Полоцка», который «перевел всю Библию... притом перевел не на Славянский язык, а на простой, употребляемый в то время в Литве»¹¹. Скорининская тема будет занимать Калайдовича и далее, причем он даже переносит результаты некоторых своих наблюдений над наследием белорусского первопечатника и на более ранние краковские издания Швайпольта Фиоля, утверждая, что в них «виден Русской язык в простонародном Польском, или правильнее Белорусском, выговоре»¹². Сохранившиеся документальные материалы из личного архива Калайдовича свидетельствуют, что он на протяжении всей жизни тщательно собирал сведения о Скорине и его деятельности и специально занимался библиографированием его изданий¹³.

В обширном обзоре-изложении польскоязычной статьи С. Б. Линде «O literaturze gosljskiej» 1815–1816 гг.¹⁴, сделанном Калайдовичем и опубликованном тогда же в 1816 г. в журнале «Вестник Европы»¹⁵, Калайдович представляет и свой взгляд на языковую ситуацию в восточной части Европы, пишет о «белорусском языке» и наследии Франциска Скорины.

Тогда же он, друг Н. М. Карамзина и, как многие считали, прямой научный наследник выдающегося писателя и историографа, теснее сближается с представителями знаменитого ученого сообщества Н. П. Румянцева и, наконец, с ним самим. Личное покровительство государственного канцлера способствует интенсификации ученой и издательской деятельности Калайдовича, напечатавшего в 1821 г. особо значимый для историков восточнославянских литератур труд, посвященный творчеству святителя Кирилла Туровского¹⁶. Издание это стало одним из самых громких открытий в области славянских древностей за всю историю их изучения. Калайдович и сам прекрасно понимал это. Он сравнивал Кирилла Туровского с Иоанном Златоустом, считая, что восточнославянский святитель – «достойный подражатель знаменитого Константинопольского Патриарха»¹⁷. «Исторгая сии памятники дарований из рук времени и забвения, – писал Калайдович, – нахожу обязанностию предварить читателя о жизни нашего Витии, известных трудах и достоинстве представляемых творений, с кратким исследованием о местоположении Турова и бывшем некогда в оном Епископском престоле»¹⁸.

Подобное «краткое исследование» опиралось на достаточно солидную по тому времени источниковую базу, собранную в немалой

степени и «в следствие неутомимых разысканий Государственного Канцлера», сумевшего мобилизовать для этих поисков не только своих ученых сотрудников, но и представителей местной белорусской администрации, включая губернаторов и чиновников более низкого ранга¹⁹. Проанализировав все имевшиеся сведения, Калайдович пришел к выводу, что «Польские и Униатские ученые, вопреки нашим, полагают существование некогда Епархии в Турове Полоцком»²⁰, что, конечно же, было вопиющей ошибкой. Как удается проследить по ряду найденных нами архивных свидетельств, были и другие мнения, принадлежавшие наиболее видным и образованным жителям белорусских земель, в том числе ученым монахам²¹, учитывать которые приходилось Калайдовичу.

В 1822 г. в Москве публикуется во многом эпохальная работа Калайдовича – очерк «О Белорусском наречии»²², в котором он пишет: «Из всех наречий языка Славянского, далеко уклонившихся от общепотребляемого в России, и известных в одной части нашей пространнейшей Империи, достойны внимания Филолога Малороссийское и Белорусское. Первое давно уже получило свой особенный характер... На второе же, Белорусское наречие доселе никто не обратил своего внимания». Все это было написано к тому времени весьма известным исследователем, автором множества славистических работ, первооткрывателем творчества Кирилла Туровского, знатоком славянских рукописей и старопечатных книг, а главное, ученым, соприкоснувшимся с живым белорусским народным языком, словарь которого он стал составлять, находясь на белорусской земле еще почти десятилетие перед тем. «Духовные и светские писали на сем наречии, – сообщает Калайдович, – именуя оное языком Руським, с XVI до истечения XVII столетия, почти все свои богословские, поучительные сочинения и дипломатические бумаги, употребляя в письме и печати известные начертания церковной Славянской азбуки. Древнейший пример изменения чистого языка Славянского, принявшего чуждые слова и речения, составившие в последствии наречие Белорусское, находится в переводе Доктора Франциска Скорины...»²³.

Необычайно важно и то, что в своем очерке Калайдович не только пользуется абсолютно новым, вводимым им понятием «Белорусская словесность», то есть белорусская литература, но и в большей части посвящает ей и свою работу. Он представляет ряд наиболее известных писателей, «сделавших Белорусское наречие книжным», кратко перечисляет их произведения. Вслед за Скориной и его временем «Белорусская словесность во все продолжение XVII и в начале сле-

дующего столетия обогащалась достойными трудами. Одно указание Писателей может составить непрерывный ряд мужей почтенных, славных своей ученостью, незабвенных в удержании православия»²⁴. Характеризуя особенности живого белорусского языка, он пишет: «Отличительною приметой Белорусского выговора есть какое-то дзеканье и мягкость в произношении...». В заключение очерка приложен «Краткий словарь Белорусского наречия», который он начал составлять еще во время своего пребывания на белорусской земле в 1812 г.

Пожалуй, последней крупной работой Калайдовича, в которой нашли отражение его белорусоведческие познания, стало совместное с П. М. Строевым описание рукописей графа Ф. А. Толстова²⁵. Здесь, в частности, Калайдович сообщает, что переводы Скорины сделаны «на наречии, некогда, под названием Руського или Белорусского, бывши книжным в Литве и Польше», и указывает на палеографические особенности «почерков рукописей... Белорусских и Малороссийских», причем первых, рукописей «Белорусского письма», оказалось в собрании 15. В их числе был «Статут Великого Князства Литовского», что «писан Белорусскою скорописью в конце XVI в.»²⁶.

Белорусоведческие открытия Калайдовича, в том числе и его исследования белорусского языка, были сразу же отмечены в ученом мире, в частности, о них сообщала немецкоязычная печать²⁷. Почти невероятно, но именно Калайдович почти за столетие до появления многотомного фундаментального свода академика Е. Ф. Карского «Белорусь»²⁸, как бы обратился тогда именно к нему. Тридцатилетний москвич в 1822 г. писал: «намерение, руководствовавшее меня к написанию статьи сей, состояло в том, дабы обратить на столь важный предмет внимание самих Белорусцев, которые вернее и лучше могут изследовать свое наречие и помощью онаго объяснить древний язык наших памятников»²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Безсонов П.* Константин Федорович Калайдович: Биографический очерк. М., 1862.
- 2 См.: *Калайдович К.* Известия о древностях славянорусских и об Игнатие Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М., 1811. С. 16–18.
- 3 См.: *Калайдович К.* Иоанн Федоров, первый Московский типографщик // Вестник Европы. 1813. Ч. 71. С. 122.

- 4 Цит. по: *Безсонов П.* Константин Федорович Калайдович... С. 29.
- 5 Там же. С. 30.
- 6 ОР РНБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 225.
- 7 См.: Вестник Европы. 1813. Ч. 72. С. 10–16. Примечательно письмо, которое направил К. Калайдович М. Т. Каченовскому относительно русскоязычного творчества о. Иосифа Мореловского: «Способности русских в изучении иностранных языков всем известны; удивительно то, что они с такою же удобностью объясняют свои мысли на разных диалектах языка своего словесно и письменно, с какою владеют искусством в природном слове. Русский по польски столь же удобно может научиться говорить, как и природный поляк. Напротив того, последний никогда не скроет своего происхождения. Исключения редки, и стихи, у сего прилагаемые, послужат исключением. Любители русской словесности простят небольшие ошибки и в языке, которых трудно избежать инородцу. – Полоцкое Братство Иезуитов, движимое чувствами сердечной благодарности за покровительство, Августейшим Монархом ему дарованное, ознаменовало особенным торжеством день открытия Академии в июне месяце 1812 года. При сем случае ксендз Мореловский, профессор поэзии и языка Российского, прочел свою Песнь в честь Александру под именем Музы... Почтенный стихотворец, услаждавший скучное мое пребывание в Орше, в зрелых уже летах начав учиться языку российскому, успехами в оном единственно почитал себя обязанным чтению Ломоносова. Скрывая ум свой, знания и добродетели в тишине монастырской кельи, ксендз Мореловский наставляет теперь юношество в языке Отечества, принявшего Братство его в свои недра, и скромною лирою пленяет сердца своих слушателей. Мне приятно было бы доставить вам и другие произведение ксендза Мореловского и разделить мое удовольствие с вами и читателями вашего Вестника...».
- 8 Сведения об о. Иосифе Залесском собираются в материалах Архива провинции южной Польши Общества иезуитов в Кракове (Д. 303).
- 9 *Калайдович К.* Иоанн Федоров... С. 117. К. Калайдович так писал об этом: «Без крайнего сожаления не могу я вспомнить о потере, претерпенной мною в прошедший ужасный год вся библиотека моя – редкий памятник истории и словесности отечественной. превращена в пепел злодеями. Между прочим совсем приготовленная подробная история книгопечатания в России и образцы всех древних славянских типографий испытали равную участь».

- 10 Там же. С. 121–122.
- 11 Там же. С. 122.
- 12 *Калайдович К.* Дополнительные сведения о трудах Швайпольта Фиоля, древнейшего Славянского типографщика // Вестник Европы. 1819. Ч. 107. С. 105.
- 13 См., напр., следующие материалы его архива: ОР РНБ. Ф. 328. Д. 116, 131. См. также: *Щавинская Л. Л.* Русская школа скореноведения в начале ее формирования (XVIII – первая половина XIX в.) // Скарына і наш час. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Гомель, 14–15 кастрычніка 2011 года). Гомель, 2011. С. 33.
- 14 См.: *Linde S. B.* O literaturze rosyjskiej // Pamiętnik Warszawski. 1815. Т. 2. S. 411–428; Т. 3. S. 14–34, 133–150, 277–298; 1816. Т. 4. S. 3–21, 285–296; Т. 5. S. 3–21, 125–144.
- 15 См.: *К. [Калайдович К.]*. О Российской литературе, статья Самуила Богумила Линде, Ректора Варшавского Лицея // Вестник Европы. 1816. Ч. 90. С. 110–136, 230–244.
- 16 См.: Памятники российской словесности XII века, изданные с объяснением, вариантами и образами почерков К. Калайдовичем. М., 1821.
- 17 Там же. С. IX.
- 18 Там же.
- 19 Вот какие, например, рукописные справочные материалы, касающиеся Турова и святителя Кирилла, собранные на местах, поступали на имя Н. П. Румянцева из Белоруссии. Приводим фрагмент одного из них, датированный летом 1821 г.:

«Сиятельный граф Милостивый Государь! Извините великодушно, что я дотоле неответствовал на ваши почтеннейшие отношения; материя, историческая, дальних веков, требовала справок каковых собрав, имею честь донести:

Касательно другаго города Турова, в котором бы мог быть Епископом Св. Кирилл, ежели он не был в Пинском Турове, известился я, что в 10 или немного более верстах от Полоцка, состоит имение, называемое Туровль, до войны Баториевой принадлежавшее Полоцким Руским Монастырям, пожалованное сим королем Иезуитам, а по упразднении их общества в Польше доставшееся помещикам Беликовичам, кои по ныне оным владеют. Получа сие известие писал я к Полоцкому Борисо-Глебскому Архимандриту Шулякевичу, знающему Историю, чтобы он сделал справки: не был ли из древле оный Туровль Городом? Не в нем ли епископствовал Св. Кирилл? Не в Борисоглебском ли при Полоцке монастыре по-

гребен? и не был ли при жизни Благодетелем онаго? Шулякевич в ответе своем ссылаясь на полный 30 летний Месяцеслов, изданный в Москве 1801 года, и на число 28 Апреля, тоже на Зерцало Российских Государей, напечатанное там же 1797 года выводит, что св. Кирилл не мог быть ни Благодетелем Полоцкого Борисоглебского монастыря, ни в нем избрать для себя места упокоения, по тому что сей Монастырь, по Стрыйковскому основан 1220 года, а св. Кирилл жил и умер во дни Князя Андрея Боголюбского в 12 столетии. Догадывается Шулякевич, что Св. Кирилл был подлинно Епископом Турова Пинского и погребен в той же церкви св. муч. Бориса и Глеба, в которой и князь Борис Юрьевич (Из Зерцала. Л. 45). В нынешнем же Туровле доносит, что то было имение разных дворян, отданное на монастырь Спаса, Иоанна Предтечи, и Воскресенскую Церковь, как свидетельствует ревизская сказка 1580 года, подписанная Литовским Подскарбием Скумином Тышковичем и находящаяся в подлиннике при полоцком иезуитском архиве.

Но я из онагож месяцеслова. в котором именно сказано, что Св. Кирилл скончался в Белорусские, заключаю как Пинск ни когда не числился в Белоруссии, что мог он быть Святителем нынешняго Туровля, по тому наипаче, что оный был подлинно городом и разорен 1579 года войском Боториевым, как свидетельствует Карамзин в 9-м томе Истории, на листу 301. Изчисляя и другие города, разоренные после взятия Полоцка, которым ныне звание не осталось, как то Соколу, Ситне, Козьянам, Нещерде. Следовательно в сем бывшем Городе или Городке мог свидетельствовать упоминаемый Кирилл, да еще может быть прежде основание, кафедры в Полоцке. и перваго в ней Епископа Козмы об котором уже начали упоминать историки.

Полоцкий Борисоглебский Монастырь имеет свое местоположение не выше Полоцка, на левом берегу Двины, отделен от города речкою Бельчицею...» (цит. по: *Щавинская Л. Л., Лабынцев Ю. А.* Туров два столетия назад глазами исследователей наследия святителя Кирилла и князей Острожских // *Дабраверны князь Канстанцін (Васілій) Астрожскі – славути асветнік і абаронца пражаслаўя.* Брэст, 2011. С. 10–11).

- 20 См.: Памятники российской словесности... С. Х.
- 21 Приведем, например, фрагменты письма Н. П. Румянцеву архимандрита Полоцкого Борисоглебского монастыря Исаи Шулекевича от 15.VIII.1821, сохранившееся в архиве К. Калайдовича (ОР РНБ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 497).

«Ваше Сиятельство, Милостивый Государь Николай Петрович!... касательно Туровскаго Епископа Кирилы Вашему Сиятельству изъясниться следующим. Был он действительно Епископом туровским и двенадцатаго столетия, скончил блаженную свою жизнь в Белой России, но погребен ли в оной, о сем месяцеслов на 30... напечатанный ничего не упоминает, ибо случается нередко, что в одном месте оканчивает жизнь, а в другом бывает погребен.

Одначе утверждать надобно, что св. Епископ Кирилл скончался в Белоруссии, ибо Андрею I^{му} Боголюбскому писал проповедь и оное ему посвятил; с поводу чего он Епископ мог прожить немалое время в Белой России, оной же Андрей Боголюбский быв Суздальским, Владимирским и ростовским князем, а сии же княжества издревле находились в Белой России: но чтобы в оной же Белой России реченый Епископ был схоронен, о сем не нахожу еще никакого удостоверительного положения. Наиприличнее было бы сему Епископу избрать место положения своего тела в соборной Епархии, то есть в Турове...

...касательно раздела России изъяснится: что по летописям древних писарей Страбона, Птоломея и Геродота оказывается, что Суздаль и прочие... первой в древности находились в Белой России – а Туров в Малой России...».

- 22 *Калайдович К.* О Белорусском наречии // Труды Общества любителей российской словесности. М., 1822. Ч. 1. С. 67–80.
- 23 Там же. С. 68.
- 24 Там же. С. 70.
- 25 См.: *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей... графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825.
- 26 Там же. С. 121–122.
- 27 См.: *Archiw für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst.* 1823. 7 Febr. S. 90–91.
- 28 *Белорусы. Введение в изучение языка и народной словесности.* Варшава, 1903. Т. 1; То же: Вильна, 1904; *Белорусы.* Т. 2. Язык белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава, 1908; 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии. Варшава, 1911; 3. Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки. Варшава, 1912; *Белорусы.* Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. 1. Народная поэзия. М., 1916; 2. Старая западнорусская словесность. Пг., 1921; 3. Художественная литература на народном языке. Пг., 1922.

Переключаясь с текстом завета К. Ф. Калайдовича «самим Белорусцам», который Е. Ф. Карский, конечно же, хорошо знал и читал, будущий академик и крупнейший филолог-славист писал в 1913 г. С. А. Венгерову: «...большинство моих работ было посвящено белорусскому наречию. Произошло это от того, что я, природный белорус, родившийся и выросший среди белоруссов, посещавший белорусские области неоднократно и после, приобрел познания по белорусскому наречию и вознамерился использовать их для науки... Весной 1903 г. мне было предложено Императорским Русским Географическим Обществом... отправится в научную командировку в Белоруссию для определения границ племени и изучения языка... Исполнив поручение, я решил объединить весь материал, собранный мною в течение всего предыдущего времени по языку Белоруссии – современному и старому западнорусскому – в одном сочинении, к написанию и печати которого и приступил в 1903 г.» (ОР ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1732. Л. 13–13об.).

29 *Калайдович К. О Белорусском наречии... С. 80.*

Shchavinskaya L. L.

«Put... an Attention of Those Belorussians»

On the base of rich sources of the first quarter of the 19th cent., including documents of personal archives of eminent persons of the period, the author clarifies the initial steps in the process of setting a question of shaping a special discipline – Belorussian philology.

Key words: *Belorussian studies, Belorussian philology, K. F. Kalaidovich.*

Н. Н. Старикова
(Москва)

О некоторых особенностях постмодернизма в южнославянских литературах

Знакомство с идеями постмодернизма начинается в южнославянских литературах на рубеже 1970–1980-х гг. Литературы Болгарии и СФРЮ модифицировали сложившуюся в последней трети XX в. в Америке и Европе художественную модель. В отличие от Запада, здесь постмодернизм стал реакцией литературы на идеологическую несвободу в период позднего тоталитаризма, а затем и на само крушение социалистической системы.

Ключевые слова: *южнославянские литературы, постмодернизм, постструктурализм, интертекстуальность.*

Постмодернизм как художественное направление в литературах южных славян – болгарской, боснийско-герцеговинской, македонской, сербской, словенской, хорватской и черногорской – заявил о себе в начале 1980-х гг. Его активная фаза в большинстве из них продлилась до 1990-х, в отдельных литературах устойчивый интерес к постмодернистской поэтике сохранялся и до начала 2000-х гг. Южнославянские литературы развивали и модифицировали сложившуюся в последней трети XX в. в Америке и Европе художественную модель постмодернизма, пришедшую на смену модернизму и возникшую на основе комплекса философских, научно-теоретических и эстетических представлений, обусловленного кризисным состоянием современной цивилизации и общественного сознания, общим изменением социокультурной ситуации. Методологической базой постмодернизма при переосмыслении истории, литературы, искусства и культуры выступил постструктурализм. Свою основную задачу авторы-постмодернисты понимали как поиск универсального художественного языка, основанного на принципе игры с произведением и читателем. Мир мыслится как текст, как игра сознательных и бессознательных заимствований, цитат, клише; иерархия ценностей аннулируется ради сосуществования разных культурных моделей и канонов, самоценных, самодостаточных и несводимых друг к другу. Постмодернистская мысль «пришла к заключению, что все, принимаемое за действительность, на самом деле есть не что иное, как представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, ко-

торуую выбирает наблюдатель»¹. При этом национальное своеобразие художественной постмодернистской продукции, несмотря на все интеграционные аспекты поливалентной поэтики постмодернизма, для которой характерны деканонизация всех канонов и условностей, ироническая переоценка ценностей, цитатно-пародийное многоязычие, растворение («смерть») автора, создание новых гибридных форм и т. п., определяют в первую очередь национальные язык и литературная традиция, склад мышления, тип юмора и иронии и лишь потом всемирная культурная традиция и контекст (мировой, континентальный, европейский, региональный и т. д.).

В силу специфики развития южнославянских литератур постмодернизм проявился в большинстве из них несколько позже, чем на Западе, и «задержался» чуть дольше. Здесь одной из причин его возникновения становятся явления идеологические, поэтому сначала складывается «политический» вариант постмодернизма и лишь потом классический западный – «деконструктивный»². Особый характер постмодернизма в южнославянских литературах обусловлен также тем, что они, активно «подключаясь» к уже сформированному постмодернистскому видению мира, пытались в его стилистике описать собственный опыт, по своей природе совершенно иной, чем в Америке и Западной Европе. Если там постмодернизм оказался естественным порождением постиндустриального общества, был тесно привязан к постструктуралистской теории и использовал весь арсенал западной масскультуры, то здесь его возникновение было вызвано самой абсурдностью социалистической системы и идейным коллапсом тоталитарного общества. Так же, как и модернизм, постмодернизм в Болгарии и СФРЮ стал реакцией литературы на идеологическую несвободу в период позднего тоталитаризма, а затем и на само крушение социалистической системы. Стремясь освободиться от всех нелитературных задач, искусство слова стало искать опору во многих ключевых позициях философии постмодерна: в устремленности к синкретизму мышления, в представлениях об исчерпанности старых взглядов на историю, в обесценивании вечных ценностей, в том числе кажущихся незыблемыми канонов красоты, в принципиальном плюрализме художественных языков, в «постмодернистской чувствительности» (специфическом видении мира как хаоса, предстающего сознанию лишь в виде неупорядоченных фрагментов).

В некоторые южнославянские литературы (например, в сербскую и словенскую) отдельные постмодернистские элементы начинают проникать еще в конце 1960-х гг. Тогда для писателей-

экспериментаторов кризис авторитетов был связан в основном со сферой официальной культуры и стремлением к самостоятельному художественному поиску. В это время в литературах усиливается критическая направленность, растёт сопротивление идеологическому диктату. Копившаяся в общественном сознании энергия противодействия находит выход в эстетической сфере. Ряд авторов, отказавшись и от воспитательной, пропагандистской, «жизнестроительной» реалистической традиции, и от пессимизма и элитарности модернизма, обращается к традиции игровой с установкой на ироническую переоценку ценностей, сопоставление различных литературных стилей, жанровых форм и художественных течений, интертекстуальность. «Первые ласточки» постмодернизма – «Палимпсесты» (1967) М. Павича и «Упражнения и задания» (1969) В. Тауфера способствовали внедрению в литературный обиход постмодернистских реалий. В других южнославянских литературах «обживание» нового понятия, внедрение в художественное сознание его принципов относится к рубежу 1970–80-х гг. и совпадает с началом процесса либерализации, приведшего в конечном итоге к падению коммунизма. Тогда же были предприняты первые попытки теоретического осмысления постмодернистского дискурса (работы В. Висковича и Я. Коса). В это время в болгарскую литературу и литературы Югославии вступает молодое поколение интеллектуалов, как правило, выпускников гуманитарных факультетов ведущих национальных университетов, полагавших, что литература не должна отражать и комментировать действительность, ее задача – создавать параллельную реальность, основанную на манипуляции с литературной традицией. Увлечение новым подходом стало для них не только проявлением профессионального интереса, но и формой протеста против идеологических оков тоталитаризма. В Болгарии это были члены литературного кружка «Синтез»: И. Дичев, В. Тодоров, М. Неделчев, И. Крыстев, в Хорватии – группа «борхесовцев»: П. Павличич, Г. Трибусон, Д. Угрешич, С. Чуич, в Сербии и Словении – представители «молодой прозы» Д. Албахари, Б. Йованович, С. Басара и А. Блатник, Я. Вирк, в Македонии – М. Маджунков, Б. Миневский, В. Андоновский. Эти авторы декларировали, что не нуждаются в широком читателе, культивировали фрагментарность формы, минимализм содержания, пространственно-временную неопределенность. От предшественников-модернистов они переняли свободу обращения со своим главным инструментом – художественным словом, метафигурность построения фабулы, намеренную затруднительность

повествовательной манеры, тягу к эксперименту как к самоцели. В их произведениях четко прослеживается установка на литературную игру смыслов и намеренное стирание грани между субъектом и объектом «под знаком творческой дилеммы между крайним сарказмом полной деструкции (фрагментарный хаос модернизма) и стремлением к новой интегральности (постмодернизм)»³. При этом грань между экспериментальными модернистскими и постмодернистскими формами была крайне размыта. Точкой отсчета для этого поколения становится принцип равноправия всех стилей, плюрализм поэтик как основа художественного творчества.

Массовое «открытие» постмодернизма в южнославянских литературах связано с так называемым переходным периодом. Переживаемый народами Болгарии и СФРЮ исторический перелом – канун и смена в них общественных систем и политических режимов, обретение на заре 1990-х хорватами, словенцами и македонцами государственной самостоятельности наложили свой отпечаток на характер осмысления и адаптации постмодернистских реалий к национальному культурному пространству. После знаковых изменений на карте Европы в отдельных южнославянских литературах явственно ощущалась некоторая растерянность, вызванная исчерпанностью основного предназначения национальной литературы – служения национальному делу. Практически впервые в истории эти литературы сбросили с себя бремя внеэстетических обязанностей, и перед ними встал естественный вопрос необходимости обновления художественного языка. В новых общественно-политических условиях плюралистичность интерпретации и восприятия и интертекстуальность как выражение духовной интеграции, присущие постмодернистской поэтике, оказались востребованными. Другой причиной обращения южнославянских авторов к завоеваниям постмодернизма оказалось желание избежать однозначности, передать многоликость и незамкнутость истины, множественность ее смыслов. Южнославянские литературы зафиксировали умонастроения переходного времени, расставание с недавними национально-культурными мифами и рождение мифов новых, отразили трансформацию чувства национального самоутверждения, часто представленного не апологией героических страниц отечественной истории, а разрушающим иллюзии критико-ироническим ее прочтением. «Пик» постмодернистской активности пришелся в большинстве южнославянских литератур именно на начало 1990-х. Это время появления в них новых форм романа, среди которых пастиш исторического приключенческого и

фантастического романов, романы инициации, «метафиктивные» романы, романы-головоломки, романы-«учебники», романы-«перечни» и т. д. Практически в каждой национальной литературе появляется несколько авторов, постмодернистские произведения которых, отличаясь значительным художественным своеобразием и новаторством, становятся визитной карточкой национального постмодернизма. Это М. Павич, Д. Киш и А. Попович в сербской литературе, Д. Карахасан – в боснийской, Р. Маринкович и С. Шнайдер – в хорватской, М. Новак, и М. Есих – в словенской, В. Андоновский и Д. Коцевский – в македонской, Э. Дворянова и Г. Господинов – в болгарской.

Особое место среди названных авторов занимает ставший классиком постмодернизма М. Павич, многие произведения которого опередили массовый «поток» постмодернистской продукции. В его арсенале можно обнаружить и роман-словарь («Хазарский словарь. Роман-лексикон», 1984), и роман-кроссворд («Пейзаж, нарисованный чаем», 1988), и роман-клепсидру, читающийся с обеих сторон («Внутренняя сторона ветра. Роман о Гере и Леандре», 1991). В «Хазарском словаре» сделана первая для южнославянских литератур попытка представить подобие мира в миниатюре, через систему фрагментов привлечь внимание к универсальным понятиям. Каждая из словарных статей романа самостоятельна, создана автором в различных жанрах и обладает четко очерченной событийной доминантой: перед читателями возникают то детектив, то сказка, то любовная история, то научное исследование или исторический трактат. Художественный мир произведений Павича увиден через призму литературного текста, создаваемое им художественное пространство вторично, рассчитано на со-игру и со-интерпретацию читателя, от которого требуются определенные интеллектуальные усилия. Эта установка на интеллектуализм нашла отражение и у других южнославянских авторов. В болгарской литературе – в рафинированной, элитарной прозе «медленного чтения» Э. Дворяновой и Г. Господинова, возвращенной «на трудах семиотиков-герменевтиков, теоретиков постмодернизма и деконструктивизма и занятой главным образом проблемой самоидентификации в новом времени хаоса и безнадежности»⁴. В хорватской литературе традиционное направление исторической прозы постмодернистски обновляет Н. Фабрио, в сербской – эстафету Павича подхватывает Г. Петрович, в Словении и Македонии новые тенденции успешно развивают Т. Перчич и С. Мицкович. Часто авторы делают установку на тексты для профессионалов, элитарную прозу, которая в

определенном смысле отрешивается от массового потребителя. Примером подобного типа текста и является «“пособие” по болгарскому постмодернизму»⁵ – книга Г. Господинова «Естественный роман» (1999), в котором на фоне деструктивного отрицания традиционных литературных ценностей эстетизируется повседневность со всеми ее грубыми шокирующими маргинальными сторонами, «клизетология» сочетается с философскими рассуждениями. На продвинутого читателя рассчитан и роман Э. Дворяновой «Госпожа Г.» (2001), структура которого подчинена принципу постмодернистской ризомы (нелинейному способу организации целого), предполагающей децентрализацию повествования – героиня романа пытается смоделировать свой реальный образ из нескольких речевых слоев тех, кто пишет или говорит о ней, стремясь перестать быть только объектом чужой словесности.

В литературах южных славян появляются отдельные произведения, в которых через постмодернистскую практику преодолевается инерция многовековой национальной самозащиты. Стоя на страже национальных интересов, институт словесности долгое время был инструментом общественной борьбы за национальное возрождение. Отсюда – стойкий и последовательный консерватизм художественного сознания. Следуя за литературной модой, будь то модерн, авангард, экзистенциализм, южнославянские авторы зачастую демонстрировали лояльность к национальной традиции, не посягая на такие абсолютные величины, как гражданственность, патриотизм, национальная идентичность. Следствием подобного подхода стало значительное снижение потенциала иронического и пародийного в некоторых литературах. Выровнять эту диспропорцию, преодолеть стойкий, последовательный «генетический» консерватизм национального художественного сознания, компенсировать недостаток иронии как одной из важнейших составляющих комического в определенной степени помог именно постмодернизм. Эту тенденцию ярко иллюстрирует роман словенца А. Блатника «Факелы и слезы» (1987), написанный по следам «Пикника на обочине» братьев Стругацких и не без влияния фильма «Сталкер» А. Тарковского. В авантюрной, шпионской, научно-фантастической аллегорической истории блужданий героя-интеллектуала по лабиринтам мировой литературы обнаруживаются интертекстуальные пересечения с мотивами К. Воннегута, Х. Л. Борхеса, Д. Киша, Дж. Оруэлла. Научно-популярный стиль сочетается в романе с авторскими размышлениями о природе творчества вообще и прямым комментарием к своим

художественным действиям и приемам в частности, с введением в текст отрывков из классических произведений. Так, прямая цитата из кафкианского «Процесса» дается в подчеркнуто ироническом освещении (в сноске к ней указано, что это расшифровка магнитофонной записи речи обвинителя на судебном процессе над героем романа), но с явным расчетом на то, что подготовленный читатель адекватно оценит остроумие и эрудицию повествователя. Тоскующий, пассивный, рефлексирующий герой романа воспринимается публикой как пародия на известные образы классической словенской литературы (персонажи романов Й. Стритара, Я. Керника, И. Цанкара) и даже шире – как карикатура на собирательный тип национального литературного героя.

Важной особенностью постмодернистской ситуации в южнославянских литературах стало также обилие произведений, которые можно назвать романами «с элементами постмодернизма», где классическая повествовательная традиция «вбирает» компоненты иного художественного опыта и постмодернистские приемы не служат для постмодернистских целей. Очень показательны в этом плане романы хорвата Н. Фабрио «Волосы Вероники» (1989), словенца Д. Янчара «Насмешливое вожеление» (1993) и серба Г. Петровича «Осада церкви Святого Спаса» (1997). В своем историческом романе, названном автором «семейной фугой», Фабрио рассказывает о любви и трагической гибели двух героев в титовской Югославии середины XX в., личная история которых «встроена» в историческую судьбу их родов и семей. Стержнем произведения становится поиск исторической идентичности личности и народа, пафос которого резко снижается из-за иллюзорности самой возможности узнать, «как было на самом деле», ироничной авторской оценки изображаемого и пародийной саморефлексии. В автобиографическом романе Янчара, синтезирующем кафкианские и кундеровские мотивы, от лица alter ego автора остроумно высмеивается модель «американской мечты». Америка показана здесь как постиндустриальное общество потребления, в культуре которого утверждается установка на консьюмеризм и наслаждение. В романе, обращенном к событиям сербской истории и современности, Г. Петрович через «поэтизацию и фантастическую систематизацию» (М. Пантич) повествует о национальном прошлом, делая литературу местом действия национального мифа. Петрович свободно перемещает героев через время и пространство, в том числе пространство сна, сознательно прибегая к фрагментарности, размытости структуры, его текст состоит из отрывков, каждый из которых

по-своему автономен. При этом средневековая осада древнего сербского монастыря становится для автора метафорой блокады Сербии конца XX в.

К концу 1990-х гг. постмодернизм в южнославянских литературах в целом выходит за рамки «чистой» литературной моды, обретает качественно новое состояние и оказывает определенное влияние на литературный процесс. Разрушив культурные границы, он становится своеобразным катализатором процессов универсализации, высвобождающим национальное художественное сознание от комплексов и стереотипов, способствующим преодолению эстетического консерватизма и табу, ослабляет путы ложно понятой зависимости литературы от национальных художественных авторитетов. Через пародийный модус повествования возникает возможность карнавализации (веселой относительности) восприятия национальной художественной классики и тем самым избавления ее от псевдомифологизации и клишированности. В своей активной фазе постмодернизм в литературах южных славян существует в атмосфере взаимодействия с элементами других художественных направлений, с традицией национальной и зарубежной классики, что влечет за собой сочетание самых разных художественных стилей, включая соединение в невиданных ранее масштабах «высокого», рафинированного, и «низкого», тривиального, массового искусства, поиск синтеза новейшей техники письма с реалистической поэтикой, новаторства с традицией, идей и поэтики постмодернизма с индивидуальным и национальным материалом.

К особенностям функционирования постмодернизма в рассматриваемых литературах можно отнести его «мерцательный», дискретный характер. Время от времени его «следы» обнаруживаются в произведениях южнославянских авторов и во второй половине 2000-х. В массе своей авторы сохраняют подчас неосознанное стремление к духовному совершенству, гармонии, «своему», спасительному для каждого из них варианту миропорядка. Поэтому национальное своеобразие постмодернистских коллизий в определенной степени есть следствие специфики внутреннего движения самих южнославянских литератур, того пути, который они уже прошли.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 230.
- 2 *Вирк Т.* «Политический» постмодернизм в прозе некоторых славянских литератур // *Славяноведение*. 2006. № 6. С. 60–61.
- 3 *Pantić M.* Aleksandrijski sindrom. Beograd, 1987. S. 155.
- 4 *Карцева З. И.* Постмодернизм в Болгарии (в общем контексте ее литературных связей) // *Постмодернизм в славянских литературах*. М., 2004. С. 72.
- 5 *Лунькова Н. А.* Господинов Георгий // *Лексикон южнославянских литератур*. М., 2012. С. 89.

Starikova N. N.

On the Certain Features of Postmodernism in Southern Slavic Literatures

Acknowledgement with ideas of Postmodernism began in Southern Slavic literatures at the edge of 1970–1980s. Literatures of Bulgaria and Yugoslavia modified the artistic model formed in America and Europe by the third quarter of the 20th cent. Opposite to the West, Slavic postmodernism was a reaction of literature at the ideological non-freedom in the period of late totalitarianism and then at the fall of the socialist system.

Key words: *Southern Slavic literatures, postmodernism, post-structuralism, intertextuality.*

Н. А. Лунькова
(Москва)

Повести 1970-х и рассказы 1990-х гг. Станислава Стратиева: к проблеме жанра

В статье рассматриваются главные стилевые и жанрообразующие признаки прозы болгарского писателя Станислава Стратиева. Основное внимание уделено анализу повести и рассказа как центральных жанровых моделей прозы Стратиева: определены функции автора и повествователя, выделены композиционные особенности текстов и их мотивная структура.

Ключевые слова: *болгарская литература, проза, Станислав Стратиев, жанр, жанровая стилистика.*

Станислав Стратиев (1941–2000) – болгарский прозаик и драматург, многие годы являвшийся директором софийского Театра сатиры, дебютировал в 1969 г. как автор прозаических произведений (его первая книга рассказов – «Одиноким ветряным мельницам», 1969), затем были написаны повести «Дикая утка между деревьями», «Путешествие без чемодана», «Недолго светило солнце» и др. В 1970-е гг. он начинает активно заниматься драматургией (комедии «Римская купальня», «Замшевый пиджак», «Гардероб» и многие другие). Однако, несмотря на широкую известность, которую Стратиеву принесли его комедии, писатель постепенно отходит от драматургии и в 1990-е гг. в основном пишет прозу. Выходят в свет сборники рассказов «Болгарская модель» (1991), «Упражнения в отличиях» (1993), «Стоян» (1995), «Лицо с картин Эль Греко» (1997), «Мотивы для кларнета» (1997), «Вавилонская хроника» (2000, опубликована посмертно). В настоящей статье основное внимание будет сосредоточено на анализе этих сборников, а также трех повестей 1970-х гг. («Дикая утка между деревьями», «Недолго светило солнце», «Дикие пчелы»). Это позволит нам проследить, как в прозе Стратиева проявляется двойственная природа жанра: с одной стороны, любой жанр стремится сохранить присущие ему жанрообразующие признаки, а с другой – постоянно трансформируется автором ввиду индивидуального чувства стиля и набора языковых средств.

Вопрос о разграничении жанров малой эпики по сей день остается спорным. Каковы общие черты повести и рассказа? Где границы новеллы и в чем ее отличие от повести? В большей степени нас будут

интересовать жанровые черты повести и рассказа, к которым обращается Стратиев в своем творчестве.

Значительная часть филологов полагает, что повесть как канонический жанр занимает срединное положение между романом и рассказом, и дифференцирует ее в системе повествовательных жанров по следующим признакам: если в рассказе дается обычно один главный эпизод, являющийся его центром, сюжет должен быть сжатым, интенсивным, рассчитанным на единство и непрерывность восприятия, то в повести, как и в романе, в силу существования «памяти жанра», излагается несколько событий, связанных между собой и объединенных вокруг одного персонажа. В отличие от романа, который обычно изображает целую эпоху или представляет собой подробное жизнеописание героев, повесть ограничивается отдельными, иногда очень важными событиями, эпизодами, составляющими определенный период жизни персонажа. В романе мы, как правило, находим описание жизни нескольких людей, в повести – одного человека и его ближайшего окружения. В большинстве исследований отмечается, что по своему объему повесть больше рассказа, но меньше романа, однако объем и охват художественного материала не могут служить надежным критерием жанрового определения повести: необходимо учитывать проблематику жанра, своеобразие сюжетно-композиционной структуры и типа повествования, жанровой концепции «события» и художественного времени.

Свой творческий путь С. Стратиев начинает в 1970-е, когда новое поколение болгарских прозаиков, вошедших в литературу на рубеже 1960–1970-х гг. («дебютная волна»), сосредоточивает свое внимание на малых эпических жанрах, требующих от писателя лаконизма и рациональности, конкретизации и большей динамичности в изложении материала. Пересмотр отношения к традиционным жанровым формам, их деформация, отказ от агитационного пафоса 1950-х гг., психологическая усложненность повествования, обращение к проблемам современности стали ключевыми моментами субъективизации и лиризации литературы данного периода. Процесс лиризации прозы, начавшийся уже в 1960-е гг., – это процесс жанрового синтеза, взаимодействие эпических, лирических и драматических структур, изменение традиционной ритмики произведений, сплав эпичности со скрытой или явной эмоциональностью автора и героев. Важный момент процесса лиризации состоит не столько в изменении формы, сколько в «строении художественного сознания рассказчика, которое задает как нарратив, так и соотношение объективного и субъек-

тивного, их единство, свободные переходы и изменения»¹. Этот синтез и своего рода «переходность» жанров получают особое развитие в творчестве Стратиева: свои прозаические произведения он нередко перерабатывал в пьесы или киносценарии, придавая им иную форму повествования. В прозе у Стратиева есть возможность описывать, комментировать действия героев; повествование ведется то от 1-го, то от 3-го лица, эмоциональность выражается и через речь героев, и через авторский комментарий. В драматургии и кино Стратиев делает упор на реплики и диалоги героев, «эмоции выражаются только через действие, поэтому замедленный темп прозы здесь неуместен»², однако проблематика произведений при этом не меняется.

Говоря о центральных проблемах, затрагиваемых в произведениях С. Стратиева, Р. Сугарева, Д. Коруджиева, К. Николова и других «семидесятников», в первую очередь нужно отметить нравственные: создавая портрет современника, прозаики испытывают «нравственную тревогу» за Человека, его духовное развитие, пытаются определить, как стабильность на уровне материальных, житейских отношений влияет на духовный мир человека. Все герои рассказов и особенно повестей Стратиева этого периода так или иначе проходят своеобразную нравственную проверку.

В повести «Дикая утка между деревьями», принесшей Стратиеву наибольший успех, основное внимание уделено анализу внутреннего мира главного героя – Сашко Антонова. Через юношеский взгляд на мир (повествование ведется от 1-го лица) мы воспринимаем все, о чем говорится в произведении: с восторгом и любовью герой описывает природу, ценит честность и порядочность, а на любую несправедливость реагирует болезненно и остро. В повести, наполненной лиризмом, есть место и гротескным, сатирическим штрихам, что, однако, не делает ее одномерным отображением внутреннего мира героя, а придает описанию жизненность и правдивость. Внешний ход событий весьма интенсивен: девять отдельных глав, составляющих произведение, рассказывают о встречах Сашко с новыми людьми, о неоднократной смене им места работы, которая происходит вовсе не из-за того, что герой не справляется со своими обязанностями, а из-за нежелания идти на компромисс с собственной совестью. Сначала его увольняют из крепости, где он работал экскурсоводом, но не хотел угождать начальству, затем он отказывается навязывать гражданам бесполезные пособия по безопасности и т. д. Композиционные особенности, о которых было сказано выше (фрагментарное изображение жизни героя – девять изолированных глав), включают также

небольшую зарисовку (от 3-го лица) о старике на велосипеде, которая регулярно появляется между частями основного повествования. Старик едет на своем велосипеде «не торопясь, ритмично крутя педали», его коричневая шляпа мелькает, как «дикая утка между деревьями»³, а на лице сияет улыбка. Молодость уже прошла, но старость не поборола его стремления к самоутверждению, его желания быть свободным, бороться против того, чтобы «человека ограничили в чем бы то ни было»⁴. Этот образ символизирует вечный поиск человеком своего места в жизни и того, как ее прожить. Как и старик на велосипеде, главный герой ищет себя, меня «профессии», но не жизненные ориентиры.

Сашко реагирует на все происходящее молчаливым, внутренним протестом, он больше созерцает, чем участвует в происходящем. «Не внешними действиями, а внутренней выносливостью и протестом он отстаивает свои честные юношеские позиции. Чувство внутреннего достоинства, гордость и присущая его молодости бескомпромиссность проявляются во всем его поведении»⁵. Эта повесть – яркий пример того, как исповедальность прозы 1970-х гг. (в отличие от предшествующих периодов) обращена в настоящее, а не в прошлое: Стратиеву интересен анализ динамики нравственности современного ему общества, поиск места человека в нем, что обуславливает специфику стиля и композиции произведения.

Повести «Недолго светило солнце» и «Дикие пчелы», составившие книгу «Подробности пейзажа», продолжают развитие проблематики «Дикой утки между деревьями», в них используются те же стилевые приемы, в синтаксисе так же преобладают неэмфатические высказывания. Героя повести «Недолго светило солнце» тоже зовут Сашко, что, безусловно, устанавливает связь между персонажами двух произведений. Как и его тезка из «Дикой утки...», Сашко не идет на компромисс с совестью и становится жертвой преуспевающего дельца Крумова. Главный герой подрабатывал на дачных участках: вместе с напарниками бурил скважины и устанавливал колодцы. На участке, принадлежавшем Крумову, при установке колодца были обнаружены останки убитого в 1920-е гг., когда в Болгарии осуществлялась расправа над участниками (и теми, кого сочли за них) Сентябрьского восстания 1923 г., Стратиев ставит героев перед выбором: предать истории с найденными останками огласку (однако тогда об установке колодца и выручке придется забыть) или же продолжать работы. Для Сашко ответ однозначен: «Все стало вашим. И рассветы, и закаты, и воздух стал вашим... разделили Болгарию на участки и присвоили себе... Но

человек, который лежит там, – не ваш, это вам ясно? И пуговицы не ваши... И никогда не станут вашими. Смерть, Крумов, не продается»⁶. Этими словами герой обрекает себя на смерть. Крумов ночью подрезает колодезную веревку, и на следующий день ведро с землей с высоты нескольких метров падает Сашко на голову. Умирая, герой видит, как сверкнул последний луч заходящего солнца...

Ранняя смерть героев в «Подробностях пейзажа» (подобные трагические эпизоды встречаются у многих писателей того периода, например, у Павла Вежинова в «Барьере» или в «Софийской истории» Любена Станева) связана с невозможностью их существования в мире, где радости жизни сводятся к материальной наживе. В «Диких пчелах» Елена, жена водителя съемочной группы, заканчивает жизнь самоубийством, не в силах противостоять жестокому, безнравственному миру, в котором она вынуждена жить. Она не хочет и не может жить, «закрыв на все глаза. [...] Для чего нам тогда эти глаза, если мы будем их закрывать, изменится ли что-то, если мы их закроем?»⁷.

Неслучайными, сквозными образами в названных произведениях становятся дикие пчелы, их «яростное жужжание», запах дикого меда. Повторяющееся во всех трех повестях определение «дикий» (в двух из них вынесенное в название) символизирует свободу, нечто неподвластное рациональному восприятию мира. У киносценариста из повести «Дикие пчелы» был шанс изменить свою жизнь – самоубийство Елены настолько поразило его, что он был готов бросить работу, перестать быть только зрителем, пассивно плыть по течению жизни. «Она не согласилась, не пошла на сделку»⁸, – утверждает сценарист, и вот он уже уезжает с места проведения съемок и всю дорогу до Софии вспоминает свою жизнь, пытается понять, как стал эгоистом. «Вдруг он почувствовал неприязнь к этой девушке, которая неожиданно ворвалась в его налаженную жизнь, внесла в нее смятение и тревогу. Он почувствовал, что ненавидит эту девушку с ее простой и страшной истиной, сразу все перевернувшей... Он хорошо устроился в этой жизни и не хотел, чтобы его беспокоила совесть»⁹. Однако от нее ему избавиться не удалось: сценарист вернулся к работе над фильмом, премьера прошла удачно, но «аромат меда продолжал преследовать его. И тогда он понял: теперь в темноте ночи его всегда будет будить аромат дикого меда, напоминая о маленьком подсолнечном поле, трепетном свете, девушке, лежавшей с открытыми глазами, яростном жужжании диких пчел»¹⁰. Повторяющееся описание этого поля и пчел, позднее прибавившийся к ним образ девушки выполняющей в повести такую же функцию, как фрагмент со стариком на ве-

лосипеде («Дикая утка между деревьями») и описание родного дома Сашко («Недолго светило солнце») – постоянно напоминают героям и читателю об истинном смысле жизни, о свободной природе человека, его стремлении *жить*. Несмотря на то что читатель в данных повестях выполняет только функцию реципиента, его задача заключается не только в восприятии и осмыслении, но и в оценке событий. Авторская позиция вполне ясна: своим «прозаическим триптихом» Стратиев стремится доказать, что именно *«подробности пейзажа и есть сам пейзаж и у жизни не бывает черновика*. Отсутствие прямого авторского комментария в какой-то мере продиктовано стремлением объективно изобразить действительность, желанием более точно показать «тревожный симптом общества, удушающий застой которого невыносим для молодого поколения»¹¹ (С. Игов).

В 1980-е гг. Стратиев в основном занимается драматургией, пишет киносценарии, к прозе он возвращается в 1990-е. Его произведения станут уже совсем иными, не имеющими почти ничего общего с повестями и рассказами предыдущих лет, они наиболее адекватно отражают специфику сложного для Болгарии времени перемен.

Писатели по-разному реагировали на социально-политические события Болгарии в 1990-е гг. и сопровождавший их экономический кризис. В этот период нарушилась привычная «циркуляция литературы», что вызвало всплеск интереса к ранее запретным темам и сферам общественной жизни, бурное развитие массовой литературы как индустрии бизнеса. Под одной обложкой стали печататься лирические эссе, путеводители, анекдоты и т. д., что в известной мере, как и знакомство, а позднее и интенсивное использование элементов поэтики постмодернизма, способствовало смешению жанров и изменению границ жанровых форм в болгарской литературе конца XX в. С. Стратиев наряду с другими писателями (Б. Димитровой, Й. Радичковым, С. Иговым и др.) глубоко переживает затянувшийся в Болгарии кризис и создает ряд прозаических сборников острой социальной и сатирической направленности.

Неразрывно связанные с тематикой и особенностями миропонимания Стратиева жанровые формы его прозы оказываются весьма специфичны как в формальном, так и в содержательном аспектах. Балансируя на грани поэтического и прозаического, в 1990-е гг. писатель создает миниатюры, вступающие в диалог друг с другом (благодаря ритму мотивных структур, сходству формальной организации, сквозным образом, прямым заимствованиям из собственных произведений). Опираясь на определение жанра рассказа как «особо организованного диалога»¹²

и принимая во внимание современные концепции речевых жанров, понимаемых как «относительно устойчивые типы высказывания, формирующиеся тематическим содержанием, стилем и композицией»¹³, мы рассмотрим рассказы болгарского прозаика с учетом трех главных критериев: функционирование, стиль и композиция, содержание.

Говоря о принципах функционирования рассказа в целом, стоит отметить неканоническую природу этого малого эпического жанра. Известно, что «время, когда появляется рассказ, в отличие от соседних жанров малой эпики относится уже к неканонической эпохе, к так называемой литературе Нового времени»¹⁴ и вместе с романом рассказ противопоставлен, по мнению многих исследователей (в частности, Н. Д. Тамарченко и В. И. Тюпы), каноническим жанровым формам – новелле и повести. Особо организованный «диалог» функционирует не только как диалог автора и читателя, но и как межжанровый «диалог» рассказа и иных форм малой эпики, поскольку «жанровая активность рассказа связана с осмыслением иных жанровых форм в своей структуре»¹⁵, и открытая структура рассказов Стратиева полностью это подтверждает. Автор то и дело примеряет на себя разные маски: «наблюдатель», «участник», «судья» и т. д. (причем в рамках одного рассказа смена масок может проходить неоднократно). Позиция читателя в исследуемых рассказах сводится к позиции воспринимающей, оценивающей стороны (о чем свидетельствуют многочисленные вопросы, призывы, эмоциональные восклицания автора, прямые обращения). Стремление вступить в диалог с читателем, получить ответы на проблемные вопросы обуславливает структуру и стилевые особенности рассказов Стратиева. Весь корпус его прозаических текстов этого периода можно разделить на две группы. Первая группа рассказов (в основном из сборника «Лицо с картин Эль Греко») будет характеризоваться той моделью рассказа, где будут преобладать неэмфатические высказывания, характеризующиеся ассимилятивным синтаксическим ритмом и содержащие фактуальную информацию (описание событий, фактов, места действия и времени протекания этого действия, рассуждения автора, движение сюжета и т. д.). Стоит отметить, что именно сборник «Лицо с картин Эль Греко» по своей проблематике и стилю очень близок к повестям (канонический жанр), о которых уже говорилось ранее.

Гораздо интереснее в жанрово-стилевом и композиционном отношении вторая группа текстов, в которых уже само внешнее оформление (вертикальное членение текста, обилие парцелированных конструкций) усиливает жанровую неканоничность. Созданные на границе про-

зы и поэзии, близкие к свободному стиху сборники Стратиева 1990-х гг. избилуют эмфатическими фрагментами текста с диссимилиятивным синтаксическим ритмом, определяющим структуру рассказов. В качестве примера приведем некоторые отрывки из произведений.

Первая группа текстов:

«Старик спал. В последние дни осени солнце выглядывало после полудня, и воздух немного прогревался. В саду было спокойно, в нем было лишь несколько повернутых к солнцу колясок с детьми. По усыпаным опавшими листьями аллеям редко проходили люди»¹⁶.

Вторая группа текстов:

«Меня все любят больше всего, но только после чего-то.

После Отечества.

После Партии.

После Дружбы.

После победы пролетариата во всем мире.

После коллективизации»¹⁷;

«В течение дня кто-нибудь на телевидении или в печати с помощью фактов, статистики, анкетных данных, по заказу политиков или просто в связи с личным прозрением объясняет нам, почему и как именно жить нам невозможно.

Почему невозможно, чтобы было чисто.

Почему невозможно, чтобы мы не были бедными.

Почему невозможно, чтобы мы были здоровыми. [...]

Невозможно, чтобы мы не политизировали даже пасхальные яйца.

Невозможно...

Болгария – страна неограниченных возможностей!»¹⁸

Выбор выразительных средств, то есть сам авторский стиль, на наш взгляд, является определяющим в обнаружении «особого динамического баланса между жанровыми императивами и индивидуальными авторскими особенностями каждого текста»¹⁹. Рассказы Стратиева «вбирают в себя» огромное количество модифицированных пословиц, аллюзий и цитат, что позволяет автору расширить границы своих «мозаичных» сборников до уровня интертекста. Так, например, активно используется цитирование хорошо известных болгарину произведений родной литературы, видимо, уже набивших оскомину читателю (стихотворений Х. Ботева, Н. Вапцарова, Г. Милева, прозаических произведений Й. Радичкова, И. Вазова), публичных выступлений политических деятелей (речь Г. Димитрова на Лейпцигском процессе): дистантные буквальные повторы есть у же

в самих названиях цикла: «Последний круг над гнездом кукушки», «Житие и страдание», «Моби Дик»; многие пословицы обретают новый смысл: «На безрыбье и болгарская рыба – рыба»; «Всегда у тебя будет широкая славянская душа и узкая перспектива» и т. д.

Сам акт выбора выразительных средств, безусловно, связан с темой того или иного рассказа, проблемами, которые в нем затрагиваются. Назовем лишь основные из них: проблема свободы, одиночества, самоидентификации, поиска нравственных ориентиров, национального самосознания, патриотизма, эмиграции, европеизации Болгарии и др.

Проза Стратиева 1990-х выходит за рамки привычной литературной традиции, автор трансформирует и модернизирует канонический жанр, выводя его за рамки канона. Мы отмечаем синтетическую природу его рассказов, проявляющуюся во взаимодействии разных типов речи, открытости и диалогичности его текстов. Так, прозаические миниатюры Стратиева 1990-х можно определить как «рассказы», но это «рассказы», в которых представлены элементы эссе, очерка и эпистолярного жанра. В 1970-е гг. его проза, развиваясь в русле творчества молодых писателей того времени, не нарушала границы жанрового канона. Для повестей 1970-х характерно стремление к объективному изображению событий, переход от повествования от 1-го лица к повествованию от 3-го, больший объем произведений, наличие нескольких действующих лиц, более четкой (по сравнению с прозой 1990-х) сюжетной канвой. При этом, несмотря на различия в самой жанровой организации произведений, проза Стратиева 1970-х и 1990-х имеет много общего на проблемно-тематическом уровне. Исследования языка и структуры его прозы указывают на то, что тексты Стратиева являются откликом на состояние окружающей его действительности – «застойные» 1970-е и «рыночные» 1990-е, что и обуславливает обращение автора к разным жанрам малой эпики, имеющим как каноническую, так и неканоническую природу, а также присущую повестям и рассказам проблематику и стилистику.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Ликова Р.* Разказвачът в съвременната българска белетристика. София, 1978. С. 263.
- 2 *Канушева И.* Основни характеристики в творчество на Станислав Стратиев // Млади изкуствоведи: Алманах. София, 1997. С. 126.
- 3 *Стратиев С.* Дива патица между дърветата. София, 1972. С. 44.

- 4 *Стратиев С.* Избрано. София, 2009. Т. 1. С. 128.
- 5 *Константинова Е.* Фантастика и белетристика (в съвременната българска литература). София, 1973. С. 74.
- 6 *Стратиев С.* Подробности пейзажа. София, 1990. С. 87.
- 7 Там же. С. 132.
- 8 Там же. С. 151.
- 9 Там же. С. 169.
- 10 Там же. С. 173.
- 11 *Стратиев С.* Избрано. Т. 1. С. 12.
- 12 См.: *Москвина О. А.* Рассказ В. М. Шукшина как речевой жанр // Текст: варианты интерпретации: Материалы IV межвуз. науч.-практ. конф. Бийск, 1999. Вып. 4. С. 56–60.
- 13 *Бахтин М. М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 249.
- 14 *Кудрина М. В.* Жанровая структура рассказа. М., 2003. С. 30.
- 15 Там же. С. 55.
- 16 *Стратиев С.* Лице от Греко. София, 1997. С. 45.
- 17 *Стратиев С.* Избрано. Т. 1. С. 550.
- 18 Там же. С. 664–665.
- 19 *Горобец О. Б.* Стил и жанр: соотношение и взаимосвязь понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2008. № 1 (1). В 2-х ч. Ч. I. С. 78.

Lunkova N. A.

Narratives of the 1970s and Short Stories of the 1990s
by Stanislaw Stratiev: on the Problem of Genre

The article performs the main stylistic and genre-shaping features of the prose by Bulgarian author Stanislaw Stratiev. The focal point is the analyses of narrative and short story as principal genre models of the prose by Stratiev: functions of the author and a narrator, compositional characteristics of the texts and the structure of their motives.

Key words: *Bulgarian literature, prose, Stanislaw Stratiev, genre, genre stylistic.*

А. В. Амелина
(Москва)

Творчество Яна Вайсса и подходы к его изучению

Статья посвящена эволюции восприятия исследователями и читателями творчества чешского прозаика Яна Вайсса, который вошел в межвоенную литературу с легионерскими рассказами, был отвергнут критикой коммунистического режима, позже стал его официальным автором. В XXI в. признан одним из основоположников чешской научной фантастики.

Ключевые слова: *Ян Вайсс, чешская межвоенная литература, утопия, антиутопия, научная фантастика, чешская легионерская проза.*

Ян Вайсс (1892–1972) – неоднозначный, противоречивый и далеко не самый известный чешский писатель. Ян Кристек, друг писателя, составитель его книг, автор предисловий и статей о нем, ставил Вайсса вровень с К. Чапеком¹, и современные исследователи склонны с ним соглашаться². Ранние произведения Вайсса позволяют считать его одним из основателей чешской научной фантастики³. Лучшее произведение писателя – роман «Дом в тысячу этажей» (1929) выдержало девять изданий (последнее в 2000 г.). Популярный впоследствии в мировой фантастической литературе мотив «медленного стекла» впервые появился именно у Вайсса в рассказе «Зеркало, которое опаздывает»⁴. Многие его произведения стали основой для радио- и телеспектаклей. И тем не менее Вайсс остается «автором, безусловно, читаемым, но мало кем признанным»⁵.

В данной статье делается попытка проследить эволюцию восприятия творчества Вайсса литературоведением и критикой, а также рассмотреть современный взгляд на творчество Вайсса и перспективы его изучения.

Родился Вайсс в 1892 г. в семье лавочника в небольшом городке Елемнице на северо-востоке Чехии в предгорье Крконош. После окончания гимназии (1913) начал изучать право в Венском университете, но проучился всего два семестра – до мобилизации в 1914 г. Попав сразу на фронт, он был в 1916 г. взят в плен под Тернополем и отправлен в лагерь для военнопленных в село Тоцкое Оренбургской области, затем переведен в лагерь в поселок Березовка под Красноярском. Когда начал проводиться набор чешских и словацких солдат в рос-

сийскую армию, Вайсс записался в чешскую дружину, в Житомире прошел подготовку (как инвалид – ампутация пальцев ног после обморожения – не воевал, а служил в канцелярии) и в 1920 г. резервистом вернулся в Чехию. До 1947 г. был на государственной службе, потом полностью посвятил себя творчеству. Умер в 1972 г. после тяжелой болезни. Кристек назвал Вайсса «человеком без биографии»⁶, потому что судьбоносным для всего его творчества стало лишь то, что было пережито в лагере для военнопленных. Вайсс заразился сыпным тифом и был на волосок от смерти, в горячке несколько дней и ночей мучаясь от «стеклянных снов». Но он выжил и позднее описал свои ощущения так: «Было это в лагере для военнопленных села Тоцкое, теперь уже не знаю, в каком месяце. Я забыл, помимо других важных вещей, цифры и утратил способность ориентироваться в пространстве и времени... У меня были видения. Такие живые и четкие, что до сих пор многое помню лучше, чем то, что происходило со мной на самом деле. Это были стеклянные сны, как я их назвал позже... Работал я истопником... на стекольном заводе... Поливал мертвецов жидким стеклом, таким образом их мумифицировал. А потом под стеклом было хорошо видно, как это все разлагается... И живые люди приезжали на завод, чтобы им залили стеклом руки и ноги, которые начинали гнить из-за какой-то болезни... Неожиданно и у меня начали гнить пальцы на ногах, а седобородый злобный старец заливал мне их стеклом»⁷. Позднее эти сны Вайсса и реальные события станут причиной появления в его творчестве тех или иных образов и мотивов.

Современные исследователи (И. Адамович, **В. Марешова**) выделяют в творчестве Вайсса три периода. Первый – с 1927 по 1930 г. – привлекал и привлекает наибольшее внимание читателей и исследователей, в это время написан его лучший роман-антиутопия, в его прозе появляются научно-фантастические элементы. Второй период датируется 1930 – началом 1950-х гг. и условно называется «социально-психологическим». Третий период (середина 1950-х – начало 1960-х гг.) знаменует собой возвращение Вайсса к научной фантастике.

Первые рассказы Вайсса издаются в 1924 г. журнале «Цеста» при поддержке его редактора Мирослава Рутте, убежденного сторонника «классического» реализма. После публикации драмы «Пенза» (1926), отмеченной премией Чешской академии, Вайсс становится членом редакции «Легионерских бесед». Благодаря известному прозаику-легионеру Рудольфу Медеку он вступает в литературную секцию

общества «Умнелецка беседа» (основано в 1863 г.), где знакомится с талантливым критиком Карелом Сезимой, который впоследствии будет регулярно рецензировать произведения Вайсса. В 1927 г. выходят в свет повесть «Фантом смеха», сборники рассказов «Зеркало, которое опаздывает» и «Барак смерти»; в 1929 г. – роман «Дом в тысячу этажей»; в 1930 – сборник рассказов «Безумный полк».

В повести «Фантом смеха» рассказана история жителя маленького городка – пана Ружички, возлюбленная которого отказалась от брака с ним из-за его прозвища Трясогузка. Герой всеми силами пытается заставить людей называть его иначе, идет для этого на разные сумасбродства и за месяц успеваает получить не одно новое прозвище. Бурлеск, карнавальность и почти гоголевский тип повествования, юмор и «человеческие странности», о которых впоследствии еще немало напишет Вайсс, вызвали интерес у читателей, избалованных сатирической прозой того времени: Я. Гашеком, К. Чапеком, И. Гауссманом. В повести присутствуют основные мотивы творчества Вайсса: сон, зеркало, выступающие здесь как средства психологизма.

В сборник «Барак смерти» вошло девять рассказов, объединенных местом действия – лагерями военнопленных в России. Тематика и тон книги разительно отличаются от «Фантома смеха». В рассказах пленные умирают тысячами из-за халатности генерала, который выделенные на строительство лазаретов деньги тратит на кутежи. Скупые на сюжетные события, не всегда совершенные по композиции, эти рассказы насыщены яркими образами. Автора в первую очередь волнует судьба «обыкновенного» человека, то, насколько она зависит от выбора, который он делает в тот или иной переломный момент своей жизни. Вайсс пытается найти в характерах людей причины постигших их несчастий. В этих рассказах широко используется мотив сна, горячки и бреда – ключ к пониманию творчества писателя и в особенности его ранних произведений. Сон выступает в качестве интуитивной подсказки для героя, дает ему возможность заглянуть вглубь собственной души.

Судьбоносным для последующего творчества Вайсса оказался сборник «Зеркало, которое опаздывает». На первый взгляд, в этой книге фантастических рассказов кардинально меняется и тематика, и манера повествования. Действие переносится из промерзших барачков в город. Функции мотива сна усложняются, теперь он трактуется писателем едва ли не как полноценная альтернатива действительности. Сны представляют собой «внутреннюю реальность» человека,

а подсознание героев создает настолько яркие картины, что порой трудно определить, где заканчивается сон и начинается явь. Вайсс показывает последствия исполнения тайных желаний, заставляя привлекательные в момент возникновения замыслы воплощаться в жизнь. В этом сборнике появляются элементы научной фантастики (в одноименном со сборником рассказе на маскараде, где собралась золотая молодежь, внезапно выключается свет, а затем, когда снова становится светло, зеркало, висевшее на стене, вдруг начинает воспроизводить все произошедшее в темноте).

В сборнике рассказов «Безумный полк» представлены новые для Вайсса элементы научной фантастики, лишь пунктиром намеченные ранее. Так, рассказ «Метеорит дядюшки Жулиана» из этого сборника оценивается некоторыми исследователями как лучшая научно-фантастическая проза Вайсса⁸. Традиционные для Вайсса мотивы сна и зеркала обретают все новые семантические оттенки. Писатель продолжает художественное осмысление угрозы осуществления фантастических замыслов, реализации умозрительных конструкций, идей. Разница состоит лишь в том, что осуществленная мечта теперь приобретает форму научно-фантастического («Метеорит дядюшки Жулиана») или просто абсурдного («Безумный полк») допущения. Образы и персонажи становятся ярче, масштабнее, порой обретают символический смысл: вместо бараков – стеклянный летающий дом, вместо генерала в конкретном лагере для военнопленных – абстрактный образ миллионера.

Итогом раннего периода и лучшим произведением творчества Вайсса стал роман «Дом в тысячу этажей». Его главный герой, детектив Петр Брок, оказывается в тысячэтажном доме, где властвует тиран Муллер. Задача Брока – спасти принцессу Тамару и свергнуть вездесущего полубога. Благодаря тому, что в результате химического опыта он стал невидимым, герой преодолевает все препятствия, побеждает Муллера – и в тот же миг... просыпается в лазарете. Захватывающие приключения оказались лихорадочным бредом тифозного больного.

В романе звучат мотивы искушения, возмездия, борьбы добра и зла, обозначенные в рассказах. Они выступают в разных связях и взаимодействиях, придавая содержанию многозначность и даже символичность. Образ башни, являющийся, с одной стороны, символическим воплощением гордыни героев, а с другой – способом исполнения мечты: стать ближе Богу и даже уподобиться Ему, представлен в произведении постоянно строящимся небоскребом

(Вавилонской башней), Муллер-домом, страшным и уродливым зданием без крыши. Обращаясь к образу тирана (генерал, миллионер, врач-психиатр – в рассказах, Муллер – в романе), автор показывает, что «тиран» потенциально присутствует в каждом человеке вне зависимости от его социального статуса.

Мотив сна в романе приобретает особое значение. Сон становится полем битвы добра и зла, от исхода которой зависит судьба спящего: борьба Муллера и Брока и победа Брока означает победу жизни над смертью, спящий выживает, когда добро в нем берет верх.

Первый роман Вайсса производит очень сильное впечатление. За приключенческим сюжетом, сочетающим сказочные, детективные, научно-фантастические элементы, скрывается насыщенный символический пласт, где присутствует символика цветов, имен, христианская и ветхозаветная символика. Вайссовские образы (башня, тиран и др.) выстраиваются в целостную систему, подчиненную одной задаче: поиску ответа на вопрос, кто виноват в катастрофе Первой мировой войны. Ответ писателя – человек. Каждый в отдельности и человечество в целом. Только человек, победивший в себе муллера, может выжить и имеет будущее.

Второй период творчества начинается романами: «Наука преступления» (1931), «Молчание – золото» (1933). В них Вайсс, по-видимому, исчерпав возможности поиска источника вдохновения в душе человека, в его сознании и подсознании, обращается к актуальным социальным и политическим проблемам. Большого успеха эти романы не имели. Следующий роман «Спящий в зодиаке» (1937), действие которого происходит на фоне экономического кризиса начала 1930-х гг. и безработицы в интеллигентской среде, – история учителя, который каждый год вместе со сменой времен года вновь переживает юность, зрелость, старость, а зимой погружается в спячку. Здесь переосмысляются некоторые мотивы раннего творчества, реалистическое отражение действительности и социальная проблематика сочетаются с фантастическим вымыслом и яркой образностью. Роман был в целом положительно оценен критикой и заслужил репутацию второй вершины творчества Вайсса. Однако от антиутопии он уходит в некотором смысле в утопию, представив коммунистическую Россию идеальной альтернативой капиталистическому Западу (и это в 1937 г.!).

Далее появились в целом реалистические сборники рассказов «Носильщик мебели» (1941) и «Рассказы о любви и ненависти» (1944). В 1941 г. опубликован успешный роман «Спустился с гор», в котором

автор погружается в мир легенд и сказок своего детства. В 1946 г. выходит довольно слабый роман «Зов о помощи» об оккупированной Праге, коллаборантах. После отрицательных откликов Вайсс переживает творческий кризис, так что следующий сборник его реалистических рассказов «Истории старые и новые», подготовивший почву для нового триумфа и признания, вышел только через 8 лет.

Сборник рассказов «В стране наших внуков» (1957), знаменующий начало третьего периода творчества Вайсса и возвращение к научной фантастике, сборники «Спутники и звездные корабли» (1960) и «Гадание о будущем» (1961) с художественной точки зрения намного уступают его лучшим произведениям. В рассказах автор пытается заглянуть в утопическое коммунистическое будущее с его техническими новшествами и «новым» человеком, в них присутствует назидательность и даже наивная мечтательность, сюжет как таковой практически отсутствует, образы обеднены и неубедительны. В последнем сборнике Вайсс пытается вернуться к поэтике раннего творчества, становится очевидным, что ему «еще есть что сказать»⁹, и возникает надежда, что на подходе еще один яркий роман. Однако жесткая критика заставляет писателя отказаться от литературного труда.

Отдельные черты поэтики Вайсса были в той или иной степени характерны для литературного процесса 1920-х гг. Использование мотива сна сближало его с сюрреализмом, мозаичность повествования, сила выражения чувств позволили некоторым критикам причислять его к экспрессионистам¹⁰, находились основания связать Вайсса и с импрессионистами¹¹. Однако восприятие его творчества критикой было неоднозначно: «Криминальные наклонности героев Вайсса раскрывают потаенные уголки человеческой души. Чудовища, которых рождает подсознание, подчиняются холодному рассудку и контролируются автором – искусным художником и стилистом, отчего Вайсс является исключением в лагере экспрессионистов (Л. Клима, Ч. Ержабек, Л. Блатный)»¹².

На жанровые принципы романа «Дом в тысячу этажей» оказал определенное влияние литературный контекст. В 1920-е гг. исследователи фиксировали в чешской литературе «волну утопизма»¹³. Роман вышел уже на спаде этой волны: к тому времени было издано несколько научно-фантастических и антиутопических произведений К. Чапека («R.U.R.», 1920; «Фабрика абсолюта», 1922 и др.), а также роман-антиутопия И. Гаусманна «Фабричное производство добродетели» (1922). «Вайсс был слишком робкой натурой, чтобы стать

законодателем жанра, за него это сделали другие... Карел Глоуха,.. Иржи Гаусманн,.. Карел Чапек... Вайсс был из тех, кто помогал читателю мыслить в иных плоскостях, об ином, нежели то, с чем они сталкиваются каждый день»¹⁴.

Первый роман Вайсса оценивали скорее положительно, хотя звучали и упреки – например, в том, что финал представляет собой уход от поставленной проблемы (блуждания Брока и его борьба – всего лишь сон). Известный чешский критик Ф. К. Шальда в начале 1930-х гг. вообще причислил Вайсса к тем, кто незаслуженно получает премии¹⁵. А М. Рутте написал тогда, что этот роман – вершина поэзии сна и дальше автору уже некуда идти¹⁶. И отчасти он оказался прав. Несмотря на положительные отзывы, роман и особенно его финал не был до конца понят.

В 1948, знаменательном для чешской истории году вышло второе издание романа. В предисловии Я. Владислав пишет, что разгадать смысл романа удалось только после Второй мировой войны¹⁷. Так, изображенный в романе концерт «Вселенная», отправляющий людей в печи вместо межзвездных путешествий, предсказал гитлеровские крематории. Однако в довольно показательной рецензии 1949 г. автора упрекали в том, что он отстранился от актуальных земных проблем и не проявил «социалистической сознательности»¹⁸, что в 1920-е гг. роман выполнил свою функцию – высмеять капиталистическую систему, но измерять современность им нельзя. Таким образом, в Чехии после прихода к власти коммунистов актуальность романа посчитали сомнительной: «Неясные политические предпочтения не позволяют провести более глубокий анализ капитализма»¹⁹.

Отношение к Вайссу кардинально изменилось после выхода сборника «В стране наших внуков» (1957), за который автору была присуждена премия Союза чехословацких писателей и Союза чехословацкой молодежи. Книга также удостоилась премии издательства «Млада фронт» в номинации «лучший роман», за нее прозаику присвоили звание Заслуженного деятеля искусств. Началась его «реабилитация», Вайсса «открыли» заново (И. Опелик, И. Гаек²⁰). Была сделана попытка переосмыслить его раннее творчество, в реалистическом ключе обосновывалось использование писателем фантастических элементов: «У Вайсса сон никогда не выходит за рамки бодрствования. Если пробовать пересказать сюжет его книг – они кажутся романтическими и фантастическими, но способ изображения превращает фантастичность в реальность»²¹. В своих оценках эти исследователи были правы – Вайсс не был сюрреалистом и себя таковым не считал. Пристрастие писателя

к мотиву сна и бреда вполне объяснимо его личным военным опытом. Таким образом, «Дом в тысячу этажей» казался на тот момент вполне реалистичным произведением.

В то же время три последних сборника Вайсса подверглись жесткой критике, особенно суровой – в статьях Олега Сюса. Одна из них вышла в пятом номере популярной газеты «Литерарни новины» в 1964 г. под заголовком «Беда сентиментального утопизма». Именно эта и подобные ей публикации заставили Вайсса отказаться от литературного творчества.

В 1960-е гг. издается собрание сочинений Яна Вайсса. По иронии судьбы официальное признание художественно слабых поздних произведений позволило возродить интерес к раннему творчеству Вайсса. Последние три сборника, как и многие другие не самые удачные книги, больше никогда не переиздавались, а вот «Дом в тысячу этажей» переиздавался регулярно: 1958, 1964, 1972, 1975, 1990, 1998, 2000 гг. Несколько раз перепечатывались рассказы раннего периода в томах избранных рассказов. Роман «Спящий в зодиаке» переиздавался в 1958, 1962, 1971 гг. Роман «Спустился с гор» – пять раз до середины 1980-х гг.

В 1960-70-е гг. «Дом в тысячу этажей» был переведен на польский, словацкий, сербский, французский (издан дважды), русский (о русских изданиях будет сказано ниже), испанский, португальский, немецкий (затем еще дважды) языки, в 1980-е – на японский. В 2005 г. роман вышел на итальянском, готовится его английский перевод. (Далеко не все чешские авторы имеют такую библиографию).

Интерес к творчеству Вайсса критиков можно назвать умеренным. Помимо уже упомянутых критиков, следует отметить А. М. Пишу (1902–1966), который писал о Вайссе на протяжении почти всего его творческого пути. Есть сведения, что о нем в 1947 г. написал диссертацию Я. Горачек, позднее преподаватель медицинского училища в Турнове, а в 1963 г. – К. Богар из страноведческого музея г. Фридек-Мистек на севере Моравии. Приблизительно с середины 1960-х гг. о Вайссе еще помнят, но уже мало кто пишет. Много заметок в периодике вышло в год его смерти. И только в 1981 г., на волне интереса к фантастической литературе, выходит книга чешского фантастоведа О. Неффа «Что-то не так» с интересным разделом, посвященном Вайссу. В ней представлен свежий взгляд на писателя и его творчество, дана периодизация, автор ищет причины взлетов и падений писателя, истоки его поэтики и мировоззрения.

Необходимо отметить небольшое исследование В. Марешевой «Ян Вайсс» 1997 г. (объемом в 25 страниц, включающих и отрывки из произведений Вайсса). Автор, очевидно, опирается на работу О. Неффа, но более четко разграничивает периоды творчества, проводит относительно подробный анализ романа «Дом в тысячу этажей», в особенности его жанровой структуры. Интересно, что О. Нефф, а вслед за ним и В. Марешова говорят о рассказе «Метеорит дядюшки Жулиана», единственном «чистом» научно-фантастическом произведении, опубликованном в 1947 г., как о начале, предвестнике нового, научно-фантастического этапа творчества писателя, начавшегося только десять лет спустя. Нефф отмечает, что «Вайсс написал этот рассказ в 55 лет, то есть в возрасте, когда прозаик, как правило, достигает наивысшего мастерства рассказчика»²². Видимо, авторы не знали, что рассказ был опубликован еще в 1930 г. в сборнике «Безумный полк», а в 1947 г. просто переиздан отдельной книгой. Следовательно, в 1947 г., спустя год после неудачного романа об оккупированной Праге, ни о каком повороте в сторону научной фантастики речи быть не могло.

Следует упомянуть и несколько исследователей, занимавшихся отдельными аспектами творчества Вайсса: Г. Кучерову²³ (писавшую о «Бараке смерти»), Д. Годрову²⁴ (о жанровых элементах антиутопии в романе «Дом в тысячу этажей» в разделе своей книги, посвященном жанру утопии в чешской литературе), Б. Форшта²⁵ (о женских образах). В 1995 г. в Праге вышел «Словарь чешской литературной и научной фантастики» под редакцией И. Адамовича²⁶, где приведены точные и достаточно полные данные об изданиях произведений Вайсса, составе сборников, творческом пути, кратко, но емко рассказано об основных произведениях, приведена обширная библиография.

Особый интерес представляют работы земляков Вайсса. В 1967 и 1970 гг., когда о Вайссе уже практически никто не пишет, в журнале «Крконоше-Подкрконоше» выходят две объемные и содержательные статьи уже упомянутого К. Богара²⁷. В 1997 г. в сборнике «Из Чешского рая и Подкрконош» выходит статья В. Кмуничека²⁸. Автор впервые столь определенно ставит задачу рассмотреть идеологическую сторону творчества писателя, особенно после 1948 г. Он приходит к выводу, что Вайсс, даже будучи конформистом, искренне верил в саму идею социализма, привлекательную, и просто-напросто слепо себя с ней отождествил. Совместно с Д. Дубовым Кмуничек в 2004 г. осуществил уникальный Интернет-проект, полностью посвященный Вайссу²⁹.

До 1958 г. творчество Вайсса было неизвестно в России. Советский читатель узнал о нем благодаря тенденциозной книге 1958 г. «В стране наших внуков». «Открыла» его богемистка С. Востокова, которая впоследствии писала: «Впервые я узнала об этом авторе в 1957 г., когда мне дали на рецензию “В стране наших внуков”, прочтя – прочитала все, что написал Ян Вайсс. До этого никто о Вайссе не писал и не слышал. В предисловии я написала о “сентиментальной окраске” некоторых его рассказов, с чем Вайсс решительно не согласился»³⁰. Первые отзывы в СССР выражали в целом негативное отношение к раннему творчеству Вайсса: «До сих пор писатель выступал как мрачный фантаст, создатель магических гротесков на темы Первой мировой войны. Изображение горячечных снов, провалов сознания и господства подсознательного начала в человеке скоро перестает у Вайсса быть самоцелью и признаком растерянности»³¹.

После издания в 1971 г. на русском языке «Дома в тысячу этажей» (переиздан дважды, последний раз в 1988 г.) и нескольких рассказов из последних сборников («Метеорит дядюшки Жулиана») вышел на русском языке еще в 1967 г.) ситуация изменилась. В рецензии на «Дом в тысячу этажей» та же Востокова уже пишет, что это «великолепный образец чешской социальной фантастики». Далее она говорит, что Октябрьская революция вселила «светлую веру в лучшее будущее человечества – в коммунизм... Эта вера укрепилась не сразу, но зато не покидала Вайсса»³². Сюжетной осью книги называется борьба Брока с Муллером и помощь восставшим рабочим. Образ Муллера трактуется как символ безликого капитала. В предисловии к первому изданию романа в России И. Бернштейн, ссылаясь на чешского критика Б. Вацлавека, назвавшего тысячэтажный дом «символом хаотической, бессмысленной и безумной постройки, именуемой капитализмом», отмечает, что фантастическое изображение реалистически мотивируется тем, что все оказывается сном, «в фантастических кошмарах героя есть рациональное зерно, позволяющее автору вложить в роман глубокий социальный смысл»³³. Здесь же автор статьи пишет о Муллере как о воплощении анонимности капитала, делает много интересных наблюдений об образности романа. Но вывод ее сводится к следующему: «Весьма в своеобразную форму Ян Вайсс облакает серьезную социальную проблематику нашего века, полное фантастических противоречий»³⁴.

Из отечественных богемистов кратко рассматривали поэтику романа Вайсса «Дом в тысячу этажей» О. М. Малевич в рамках обзорной статьи о чешской научной фантастике 20–30-х гг.³⁵ и Е. Н. Ковтун в своей монографии «Поэтика необычайного: художественные миры

фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи, мифа»³⁶. Довольно подробно творчеством Вайсса занимается И. А. Герчикова. В ее статье «“Барак смерти” и образ России в творчестве Яна Вайсса»³⁷ дается анализ сборника и характеристика творчества писателя в целом, отдельно рассматривается его отношение к России.

Прослеживая основные этапы творчества Вайсса и восприятие его критиками, мы наблюдаем, что взгляд на его произведения менялся, менялась проблематика работ, аспекты изучения. Уже дебютные произведения писателя привлекли внимание чешских критиков, размышлявших о его литературной принадлежности. В послевоенные годы Вайсс, с одной стороны, привлекал внимание как писатель-антифашист, а с другой – осуждался за «нереалистичность». В 1950–60-е гг., после выхода идеологически «правильных» произведений и официального признания их автора, новаторский роман Вайсса «Дом в тысячу этажей» уже считается реалистическим с элементами фантастики. В 1980-е гг. происходит переосмысление творчества Вайсса, создается научная периодизация его творчества. В 1990–2000-е гг. встает вопрос об идеологической подоплеке произведений писателя, его возможном «приспособленчестве» к режиму.

Эволюция отечественных исследований была схожей: от отрицательного отношения к «Дому в тысячу этажей» до признания его социальных и художественных достоинств. Сейчас одной из актуальных проблем является отношение Вайсса к России и коммунизму.

Подробное исследование поэтики романа «Дом в тысячу этажей» показывает, что сложность структуры романа, его насыщенность мотивами и образами, присутствие в нем символического пласта не позволяют интерпретировать авторский замысел однобоко – видеть в нем лишь социальный роман с фантастическими элементами. Образ Муллер-дома приобретает свойства живого существа, выступает символом гордыни человека, воплощения его смелых мечтаний. Его можно интерпретировать как символ подсознания, цивилизации, даже как символ ада (его внутреннее устройство соотносится с девятью кругами ада «Божественной Комедии»). Борьба Муллера и Брока может трактоваться и как классовая борьба, и как борьба добра и зла, и сознания и подсознания. Благодаря использованию ряда символов (красный треугольник, символические имена, раздвоенные бородки обитателей Муллер-дома) мотив борьбы добра и зла оборачивается противостоянием ветхозаветной и новозаветной доктрин, в результате которого победу одерживает последняя, знаменуя этим главенство жизни над смертью. Глубина и многозначность философской проблематики делает роман «Дом в тысячу этажей» актуальным

не только на протяжении всего XX, но и XXI в. Поэтому интерес к этому произведению Вайсса не уменьшается. В этом идеологически «несознательном» романе можно увидеть универсальную критику мироустройства, в том числе монархии или сталинского режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Kristek J.* Jan Weiss // *Weiss J.* Bláznivý regiment: výbor y proz. Praha, 1979. S. 11.
- 2 *Neff O.* Evangelista snu // *Neff O.* Něco je jinak. Praha, 1981. S. 184.
- 3 Ibid. См. также: *Marešová V.* Jan Weiss. Praha, 1997. S. 17; *Adamovič I.* Slovník české literární fantastiky a science-fiction. Praha, 1995. S. 249.
- 4 *Adamovič I.* Slovník... S. 247.
- 5 *Neff O.* Evangelista snu. S. 186.
- 6 Ibid. S. 187.
- 7 *Weiss J.* Povídka o sobě // Literární noviny. 1927. Č. 7. S. 1–2.
- 8 *Marešová V.* Jan Weiss. S. 17.
- 9 *Neff O.* Evangelista snu. S. 204.
- 10 *Novák A.* Literatura přítomnosti // Dějiny českého písemnictví. Praha, 1946. S. 283; *Götz F.* Literatura mezi dvěma válkami. Praha, 1984. S. 149.
- 11 *Sezima K.* Masky a modely. Praha, 1930. S. 344.
- 12 *Novák A.* Literatura přítomností. S. 283.
- 13 *Piša A. M.* Vlna utopičnosti // *Piša A. M.* Směry a cíle: kritické listy z let 1924–1926. Praha, 1927. S. 142–153.
- 14 *Neff O.* Evangelista snu. S. 193.
- 15 *Šalda F. X.* Šaldův zápisník. Sv. 5. 1932–1933. Praha, 1992. S. 376–380.
- 16 *Rutte M.* Epik hrůzy a snu // *Rutte M.* Doba a hlasy. Praha, 1929. S. 179.
- 17 *Vladislav J.* Několik slov o Domu o 1000 patrech a Janu Weissovi // *Weiss J.* Dům o tisíci patrech. Praha, 1948. S. 250.
- 18 *Filip M.* Je nebo není aktuální // Tvorba. 1949. Č. 14.
- 19 Ibid.
- 20 *Opelík J.* Tvůrčí cesta Jana Weisse // Host o domu. 1957. Č. 10; *Hájek J.* Jan Weiss, hledač života a krásy // Nový život. 1957. Č. 7.
- 21 *Hájek J.* Jan Weiss...
- 22 *Neff O.* Evangelista snu. S. 200.
- 23 *Kučerová H.* Prvotina Jana Weisse, povídkový cyklus Barák smrti // Česká literatura. 1984. Č. 3.
- 24 *Hodrová D.* Utopie // *Hodrová D.* Poetika české meziválečné literatury. Praha, 1987. S. 80–104.

- 25 *Fořt B.* Některé poznámky k typologii ženských postav v díle Jana Weisse nahlížené skrze typologii fikčních světů jeho textů // *Česká literatura*. 1999. Č. 6. S. 637–644.
- 26 *Adamovič I.* Slovník... S. 246–250, 330–332.
- 27 *Bogar K.* Sen v předválečných prozách Jana Weisse // *Krkonoše-Podkrkonoší*. Sv. 3. 1967. S. 284–303; *Bogar K.* Dramatická tvorba Jana Weisse // *Krkonoše-Podkrkonoší*. Sv. 5. 1970. S. 224–256.
- 28 *Ktuníček V.* Jan Weiss dnes // *Z českého raje a Podkrkonoší*. Sv. 10. Semily, 1997. S. 109–128.
- 29 <http://jan.weiss.sweb.cz>.
- 30 *Vostokovová S. I.* Realnost fantastiky díla Jana Weisse // *Literární měsíčník*. 1982. Č. 8. S. 124.
- 31 *Востокова С.* Заглядывая в будущее // *Иностранная литература*. 1958. № 2. С. 254–255.
- 32 *Востокова С.* «Дом в тысячу этажей» и его автор // *Иностранная литература*. 1971. № 9. С. 263–266.
- 33 *Бернштейн И.* Предисловие // *Вайсс Ян*. Дом в тысячу этажей. М., 1971. С. 7–8.
- 34 Там же. С. 14.
- 35 *Малевиц О.* Научная фантастика в чешской литературе 20–30-х гг. // *Чапек К., Вайсс Ян*. Война с саламандрами; Дом в тысячу этажей. М., 1986. С. 5–16.
- 36 *Ковтун Е. Н.* Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи, мифа. М., 1999. С. 126.
- 37 *Герчикова И. А.* «Барак смерти» и образ России в творчестве Яна Вайсса // *Первая мировая война в литературе и культуре западных и южных славян*. М., 2004.

Amelina A. V.

The Works by Jan Weiss and the Approaches to Its Studying

The article analyzes the evolution of the perception of the works by Czech writer Jan Weiss by researchers and readers; he entered the literature between two World wars with stories of legionaries, he was rejected by Communist critics but later became the official author of that regime. In the 21st cent., he is considered to be one of the founders of the Czech science fiction.

Key words: *Jan Weiss, Czech literature between WW I and II, utopia, antiutopia, science fiction, Czech legionary prose.*

Т. А. Агапкина
(Москва)

Символика деревьев в традиционной культуре славян: тис (*Taxus baccata*)*

В статье рассматриваются верования, фольклорные мотивы, обрядовые и магические действия и повседневные регламентации, относящиеся к тису и известные в традиционной культуре Черногории, Западной Сербии, Боснии и Герцеговины, а также Карпат.

Ключевые слова: *символика, деревья, славяне, традиционная культура, фольклор, обряд, тис.*

Тис ягодный (*Taxus baccata*) – вечнозеленое хвойное дерево, высокое, с довольно толстым стволом, растущее медленно, но при этом имеющее большую продолжительность жизни. Область распространения тиса – значительная часть Европы, вплоть до Карпат, Западной Белоруссии и Украины, Крыма и Кавказа, за исключением северных территорий.

В славянской традиционной культуре и фольклоре тис занимает совершенно особое место, что в немалой степени обусловлено его биологическими особенностями – древесина тиса необыкновенно прочна и долговечна, но при этом практически все части этого дерева ядовиты. Как элемент языка культуры тис более всего отмечен в народной традиции Черногории, западной Сербии, Боснии и Герцеговины, в меньшей степени Хорватии и Карпат, а также некоторых смежных территорий, в особенности польских и западноукраинских (о чем свидетельствуют не только этнографические и фольклорные источники, но и данные топонимии).

В научной литературе тису посвящены отдельные подборки в исследованиях из области славянской этноботаники и шире – традиционной культуры в целом. Проблемы этимологии названий этого дерева рассматриваются в обширном разделе недавней монографии З. Бабика (Babik 2008: VI.1–15). В работе Т. Джорджевича «Зле очи у веровању Јужних Словена» (Ђорђевић 1938: 195–198) подробнейшим

* Статья написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-04-00006а «Символика деревьев в фольклоре и традиционной культуре славян».

образом описаны способы использования частей тиса и изделий из него в качестве оберега. О символике тиса и его обрядовом применении подробные сведения имеются в соответствующей статье этноботанического словаря В. Чайкановича (Чайкановић 1985: 227–229), в специальных разделах известных работ Л. Раденковича (Раденковић 1996: 206–207), А. Фишера (Fischer 1937: 65–66) и в ряде других публикаций.

У южных славян тис относится к почитаемым деревьям. Поскольку он растет преимущественно в чистых местах, на нем собираются вилы. У боснийцев тисовое дерево считалось святым якобы потому, что на нем распяли Христа (Rakita 1971: 67, окрестности г. Яня). В Боснии и Герцеговине особые свойства тиса объясняли тем, что на него попала кровь распятого Христа (Ђорђевић 1938: 195). Кусочки тиса хранили около икон, а на Пасху, если у человека по каким-то причинам не оказывалось «свяченого» (хлеба, яиц и др.), можно было приобщиться к нему, сгрызая несколько тисовых хвоинок, что считалось равнозначным употреблению освященной в церкви пищи (Ђорђевић 1938: 196; Чайкановић 1985: 229). Жители юго-западной Сербии остерегались жечь тис, полагая, что сделавший это умрет в том же году (Николић 1961: 115).

Как и другие крупные деревья (дуб, бук, каштан и т.д.), в фольклоре тис мог выступать в роли мирового дерева. Так, согласно редкому поверью из северо-восточной Сербии, тис – это *axis mundi* (мировая ось), его крона достигает неба, а корни – ада; у его подножия струится вода и находится вход в нижний мир (Живковић, Ромелић 1997: 291).

Сделанным из тиса предметам приписывался прогностический смысл. Его можно усмотреть, в частности, в предании о строительстве замка Пернштейн в окр. Брно (Моравия). Когда замок только начали строить, мимо проходил путник. Увидев, что замок возводят прямо на горе, он не поверил в то, что это возможно, и, воткнув в землю свой посох из тиса, сказал: «Как из этого посоха никогда не вырастет дерево, так и замок этот никогда не будет построен». Однако вскоре тисовый посох зазеленел и замок был построен. Согласно преданию, замок простоят до тех пор, пока будет зеленеть выросший из этого посоха тис (Sobotka 1879: 205).

Как мы уже упомянули, тису приписывались исключительные апотропеические свойства, благодаря чему у южных славян в бытовых, обрядовых и магических ситуациях и контекстах тис выступал в роли универсального оберега. Это означало, что с его помощью

можно защитить человека, скотину, дом и хозяйство, т.е. всех и вся, от любого зла – от демонов, болезней и несчастий, от грозы и непогоды. Обычно тис использовали не просто в виде веток и древесины, а изготавливали из него амулеты (чаще всего крестики, треугольные апотропеи, а также сердечки, топорики и др.).

С помощью крестиков из тиса и кусочков древесины оберегали прежде всего детей: обереги носили под рубашками (предпочтительно прямо на теле), вшивали кусочки тиса в вороты и пояса детских рубашек, в головные уборы и верхнюю одежду – от порчи и сглаза, от демонов, угрожающих роженицам и новорожденным, и т.д. (Беговић 1986: 199); делали из тиса части колыбели и детской кроватки, чтобы дети были здоровы (Дучић 1931: 311); пришивали кусочки тиса к пеленкам во время кормления грудью (Расковник 1984/75–76: 50); клали *тисов крстић* в колыбель в канун масленицы, когда по селу ходят ведьмы-вештицы (Требјешанин 1991: 150–156); вплетали его детям в волосы (Филиповић 1952: 372) и т.д. Сербы, боснийцы, словенцы, чехи и немцы полагали, что того, кто носит на голом теле кусочек тисового дерева, нельзя сглазить (Sobotka 1879: 205; HDA, s.v. *Eibe*). В Черногории человеку, отправлявшемуся в дальнюю дорогу, особенно ночью, давали с собой прут и провожали его словами: «На ти овај прут тисови!» [**На тебе тисовый прут!**]; верили, что это уберезит его в пути, хотя прут на самом деле необязательно был тисовым (Ђорђевић 1938: 197). Как святое дерево тис использовали для лечения так называемых святых болезней – эпилепсии и туберкулеза, а как собственно апотропей – для избавления от болезней, вызванных кознями демонов. В Герцеговине ткачихи могли не опасаться, что кто-нибудь испортит их работу, если хотя бы маленькая часть ткацкого станка была сделана из тиса, а пряжи так же свято верили в прялку из тисового дерева (Ђорђевић 1938: 197).

Оберегая скотину, чаще всего выверчивали отверстие в рогах коровы и вола, вкладывали в него кусочек тиса и заклеивали отверстие воском, а также вплетали кусочки тиса в гривы коням, прикрепляли их к колокольчикам на овцах, вешали скотине на шею и т.д. Животных, которые были защищены таким образом, не боялись выпускать пастись, поскольку никто и ничто не могло им навредить (Ђорђевић 1938: 196; Живковић, Ромелић 1997: 291). В Черногории верили, что с помощью сделанного из тиса ярма можно поймать и уничтожить вештицу (Требјешанин 1991: 156). В Боснии ярмо для волов делали с использованием тисового дерева, поскольку считалось, что такая упряжь нейтрализует порчу. Рассказывали, в част-

ности, об одной цыганке, которая на масленицу остановила 49 плугов, которыми распахивали поля под посевы, и тем самым помешала работе, но пятидесятый плуг не смогла задержать, потому что в рогах волов, которые его волочили, были кусочки тисового дерева; такой плуг якобы никто не может испортить (Чайкановић 1973: 8). Аналогично поступали и немцы: в рыбацких областях Тюрингии, чтобы избавиться от гномов, их загоняли в норки и раскладывали у входа в нору тисовые ветки. На Троицу ломали тисовые ветки и втыкали их крест-накрест в погребах, на кухне, в стойлах, чтобы таким образом преградить вход туда гномам и ведьмам. В Шпессарте (Зап. Германия) была известна поговорка, гласящая, что перед тисом не устоит ни один колдун (HDA, s.v. *Eibe*).

Боснийцы с помощью тисовых веток разгоняли грозу, для чего при приближении градовой или ливневой тучи зажигали ветку тиса, а затем перекрещивали ею тучу (Ђорђевић 1938: 196). Кроме того, из тиса делали ложки (т.к. это дерево якобы хранит счастье), изготавливали ножны для ножей и другого оружия, носили щепки тиса в кошельке, чтобы сохранить деньги; выгоняли скот веткой тисового дерева, чтобы он плодился лучше, и т. д.

Особые свойства приобретала древесина тиса, над которой, прежде чем использовать ее для изготовления оберегов, совершали специальный магический обряд. В Черногории (у васоевичей), откуда имеется наиболее подробное его описание, такой обряд назывался «караулить/охранять тис» (*дворење тису, чување тису*). Кусок тисового дерева относили во двор или на пастбище; там невинная девушка или парень разводили огонь, клали кусок тиса вблизи огня (но так, чтобы огонь не тронул древесины) и в течение ночи дежурили поблизости, поддерживая огонь и охраняя («карауля») этот кусок дерева. После рассвета парень стрелял из ружья и во всеуслышание объявлял о том, что ритуал совершен – «тиса је предворена» [тис «укараулен»]. Из этого куска тиса впоследствии делали амулеты (Раичевић 1931: 67). В других местах, как отмечает В. Чайканович, подобный обряд совершали в Сочельник: две девушки или парень с девушкой должны были «предворити» внесенный в дом кусок тисового дерева, «као мрца», то есть подобно тому как «стерегут» мертвеца в похоронном обряде (Чайкановић 1973: 9). У племени кучи считалось, что древесина тиса приобретает магическую силу в том случае, если ее «караулят», бодрствуя в Сочельник, три человека, которые позже делят ее между собой (Ђорђевић 1938: 197). В Боснии кусочек тисовой древесины оставляли на ночь в церкви (Филиповић 1955: 133). На

западе южной Славии кусочки древесины тиса освящали в Вербное воскресенье, а впоследствии зажигали их при приближении градоносной тучи (Чайкановић 1985: 228). В Синьской Краине (Хорватия) ветки и куски тиса освящали весной и летом, во время совершаемых на полях молебнов о ниспослании дождя и урожая (Milićević 1967/1968: 482).

Освящали тис и в западнославянской традиции. Поляки делали это в канун праздника Трех Королей (06.I) или в **духовские праздники**. На западе Чехии, в окр. Клатови, ветки тиса вместе с другой зеленью вплетали в «пальмы», которые освящали в Вербное воскресенье (Roubal 1901–1902: 290; **аналогичным образом поступали и боснийцы**). Впрочем, использование тиса в календарной обрядности не ограничивалось освящением. В купальских песнях из окрестностей Кракова упоминается о том, что тис жгли в купальских кострах: «*A wy, chłopcy, pożar palcie i z dziewczkami sobie skaczcie. Kładźcie sirkowe, drzewa cisowe*» (Grajnert 1863, № 228). В Тухольском бору (на юге польского Поморья) веточками тиса украшали обрядовую выпечку (Fischer 1937: 66).

Как и у южных славян, на западе Славии и особенно в Карпатах тису приписывали свойства оберега. Дымом от тиса окуривали коней и овец, помещения, в которых содержали скот, а также животных в случае болезней и несчастий (Paluch 1984: 115). У гуцулов и бойков каждая семья стремилась иметь в хозяйстве кусок тисовой древесины, корня или хотя бы коры как магическое средство от болезней людей и скота, против грома и других бед (Шарлемань 1954: 226). Лемки в Сочельник откладывали по три ложки каждого блюда в деревянную дойницу, из которой после ужина закармливали скотину, добавив к ним кусочки рождественского хлеба, чеснок, а также веточки *тецуну* (тиса) (Reinfuss 1990: 51).

У западных славян действенность тиса была особенно заметна в магических практиках, направленных на профилактику и лечение бешенства. Человека или животное, страдающих бешенством, кормили хлебом с маслом, посыпанным засушенными хвоинками тиса, а также поили водой, в которую было настругано немного тисовой коры (Morawski 1884: 15). В Страдоме (Краковское воев.) щенятам в качестве профилактики бешенства давали погрызть щепки тиса, девятикратно освященные (Biegeleisen 1929: 116). Освященными на Трех королей веточками тиса окуривали скотину во время отела, а также когда первый раз выгоняли ее пастись, чтобы корова избежала встречи в лесу с бешеными животными; при укусе же бешеного

животного накладывали на рану кашицу из наструганного и смоченного водой тиса (Gustawicz 1882: 298). В Августове (с.-вост. Польша) кий из тиса считали надежной защитой при встрече с бешеной собакой (Paluch 1984: 115). Особое значение придавали тису в Закопане. Здесь в канун летнего Иванова дня наструганную тисовую кору, смешанную с солью, мукой и освященными травами, давали скотине, чтобы уберечь ее от ведьм, бешенства и другого зла (Gustawicz 1882: 298). Аналогичное значение придавали тису и немцы: в знахарской медицине восточной Пруссии посыпанный тисовой стружкой хлеб с маслом, на котором были начертаны магические знаки, считался лекарством от бешенства (HDA, s.v. *Eibe*).

Таким образом, в карпатской и шире – западнославянской традиции тис, хотя и считался оберегом, однако не был в этой магической функции столь же универсальным, как на юге Славии. Защищая дом, хозяйство и скотину, тис тем не менее практически не использовали в отношении человека и особенно детей, что, как мы показали, было характерно для южнославянских традиций. Возможно, что подобные ограничения связаны с тем, что на западе Славии тис воспринимался не столько как святое, сколько в большей степени как опасное дерево.

Это особенность тиса, точнее, то, что его древесина, кора и листья ядовиты для человека и многих животных (благодаря алкалоиду таксину, поражающему сердце и дыхание), была широко известна. Еще Плиний Старший в «Естественной истории» упоминал о смерти человека, выпившего вина из резного кубка, выточенного из тиса. В западнославянской традиции, согласно историческим свидетельствам XVI–XVII вв., равно как и поздним этнографическим материалам, это биологическое свойство тиса отразилось в основном в поверьях о том, что тень тиса ядовита, вызывает разные болезни, отнимает сон и даже может довести человека до смерти; заснувший же в тени дерева, особенно в жаркий день, когда дерево источает ядовитые пары, рискует погибнуть; листья тиса оказывают одурманивающее действие, а отвар из них может вызвать безумие и беспамятство. Парни в Подгале (юг Польши) ветками тиса украшали шляпы, и это украшение было своего рода знаком отваги (Fischer 1937: 65; Olejnik 1966: 205). По всей вероятности, эти верования попали к славянам через средневековые травники, пришедшие из Центральной и Западной Европы, в которых сообщаются аналогичные сведения (см.: Rostafiński 1895: 14).

Из природных особенностей тиса отметим также красно-бурый цвет его древесины (ср. рус. *красное дерево*, Даль), давший название

масти лошадей: бурого (буро-серого) коня называли *cisawy* (пол.), *ti-savý* (ст.-чеш.), *тисавый* (ст.-укр.) (ССМ 2, s.v. *тисавый*). Именно цвет коры и древесины послужил причиной сближения названий тиса с названиями других деревьев и кустарников, имеющих ту же особенность (об этом: Babik 2008).

Еще одно биологическое свойство тиса, а именно высокое качество его древесины – необычайно крепкой, иногда заменявшей железо, объясняет многие названия тиса, а также приписываемые ему магические функции и символические значения, ср. украинские и южнорусские диалектные названия тиса типа *негній*, *негніючка*, *негной-дерево*, *негниющий*, *негниющий* (СРНГ; СУМ; Babik 2008: VI.9). Из-за своей прочной и практически вечной древесины, обладающей к тому же сильными бактерицидными свойствами, тис подвергался беспощадной вырубке, а его древесина широко использовалась как в строительстве (ср. в краковской дожинковой песне: «Plon niesemy, plon, a w cisowy dom» – Grajner 1863, № 228), так и в производстве мебели, других деталей интерьера и домашней утвари, в столярном и плотницком ремеслах. В Пчиме (ю.-вост. Польша), например, из тиса изготавливали толкачи для маслобоек, для чего требовалось крепкое дерево (помимо тиса, использовали также и дуб) (Morawski 1884: 15). В разных местах из тиса, благодаря особым свойствам его древесины, делали луки и стрелы. На Карпатах до середины XX в. из тиса иногда изготавливали столы и стулья. Гуцулы при постройке дома стремились заделать в стену хотя бы небольшой кусок тисового дерева (Шарлемань 1955: 9), тем самым символически «распространяя» крепость тиса на весь дом. Известно ярославское предание о том, что Ноев ковчег был сделан из *негниющего* дерева (СРНГ 20: 371).

В восточно- и западнославянском фольклоре, особенно в песнях, неоднократно упоминаются разные предметы интерьера, называемые «тисовыми» или «тесовыми». В песнях Карпат и смежных областей встречаются тисовые столы, двери, лавки и др.: «В мене двері тисові, не злодіям до розлому» (Шарлемань 1954: 226), и даже птицы при строительстве гнезд «отдают предпочтение» тису: «Сив соколойко віє гніздойко, / Ей віє, віє, перевыває, / Барвіничейком го подкладає, / А в середину кладе тисину, / А завершує сухим золотом» (Головацкий 2: 60). Для польских свадебных песен также характерны образы тисового дома, ворот, сундука и тисового стола, вокруг которого ходит невеста и на котором она рассыпает руту, из которой плетет венки (Fischer 1937: 65).

В русском фольклоре, причем в разных его жанрах, неоднократно встречается образ «кровати тисовой», см.: «Положил-то Садка, купца богатого, / На ту жо кроватку на тисовую» (Былины Печоры, № 250, былина); «Шьто под яблонью кровать. Да ехехе! да. / Под зеленой тисовой, / На кровати перина, / На перини простыня, / На простыни молодець, / Перьвобрачной князь» (Беломорские старины, № 347, свадебная); «Звали Олѣксея в тёплую лёжню, Как на хорошу тисовую кроватку, Как на мяккую пуховую перинку» (там же, № 190, духовный стих) и др. Наконец, в фольклорных контекстах появляется и тисовый гроб: «Да положить мое біле тіло на тисовій лави, / да и зроблять на мое біле тіло труну тисовую» (Метлинский 1854: 371).

Если упоминания о предметах интерьера, сделанных из тиса, можно объяснить природными качествами дорогостоящей и прочной древесины, а также естественной для фольклора установкой на повышение статуса персонажа (будь то былинный богатырь или жених с невестой) через окружение его дорогими и красивыми вещами, то образ тисового гроба, возможно, имеет иное объяснение. Дело в том, что тис традиционно считался деревом, связанным со смертью. На западе Славии его, например, сажали на могилах – такие сведения относятся к большей части польской территории (Малопольша, Великопольша и Верхняя Силезия) (Fischer 1921: 346). Значение тиса как кладбищенского дерева соответствует его роли в европейской мифологии. Тис высаживали на кладбищах в западной Пруссии. На Британских островах тис также можно было часто встретить на кладбищах, а ветки тиса служили знаком смерти, что в целом соответствует функции хвойных деревьев в мифологии и обрядности многих европейских традиций. Из-за темного, мрачного, игольчатого покрова, а также своей ядовитости тис считался деревом мертвых (HDA, s.v. *Eibe*). Примеры того, что тис воспринимался как дерево печали и смерти, можно встретить и в польском фольклоре. В силезской песне рассказывается о брате, который погубил сестру за потерю «венка» (невинности) и похоронил «под тисовым кустом». В Лодзинском крае была известна баллада о разбойнике, убившем девушку в тисовом лесу (Grajnert 1863, № 228).

Возможно, именно эти особенности символики тиса как дерева смерти и его связь с погребальной обрядностью обусловили появление образа «тисовой кровати» в «Слове о полку Игореве». Напомним: в Киеве великому князю Святославу снится сон, который начинается так: «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя, – рече, – чръною паполомою, на кровати тисовѣ...» [Этой ночью с вечера одевали меня, – гово-

рил, – черною паполомою на кровати тисовой...; пер. Д. С. Лихачева]; сон продолжается рядом других столь же мрачных символических образов и картин, а утром бояре, которым князь пересказывает свой сон, растолковывают его как известие о разгроме войск Игоря и пленении русских князей.

Смысл этого выражения – «на кровати тисовъ» – в течение долгого времени вызывал разногласия у исследователей и переводчиков «Слова», трактовавших «тисовый» как сделанный то из тиса, то из тёса, то даже из сосны или кипариса (об этих переводах см.: Шарлемань 1954). Вместе с тем на данный момент наиболее устоявшейся принято считать точку зрения, согласно которой в «Слове» упоминается именно «кровать тисовая», причем эпитет «тисовый» одновременно заключает в себе два значения. С одной стороны, он обозначает материал и указывает на характерную подробность княжеского быта – красивую и дорогую красную (по цвету тиса) кровать. С другой стороны, эта деталь создает иносказательный образ (одевание человека в черное на тисовой кровати) «как пророческое предсказание чего-то страшного, предчувствие катастрофы, военного поражения русских князей» (Сапунов 1961: 325–326).

ЛИТЕРАТУРА

- Беговић 1986 – *Беговић Н.* Живот и обичаји Срба граничара. Београд, 1986.
- Беломорские старины – Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова. СПб., 2002.
- Былины Печоры – Былины Печоры и Зимнего Берега (Новые записи). М.; Л., 1961.
- Головацкий 2 – *Головацкий Я.* Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878. Ч. 2.
- Дучић 1931 – *Дучић Ст.* Живот и обичаји племена Куча // Српски етнографски зборник. Београд, 1931. Књ. 48.
- Ђорђевић 1938 – *Ђорђевић Т.* Зле очи у веровању Јужних Словена. Београд, 1938.
- Живковић, Ромелић 1997 – *Живковић Г., Ромелић Ж.* Чаробно биље // Етно-културолошки зборник. Сврљиг, 1997. № 3. С. 291–296.
- Метлинский 1854 – *Метлинский А.* Народные южнорусские песни. Киев, 1854.
- Николић 1961 – *Николић В.* Природа у веровањима и обичајима у Сретечкој Жупи // Гласник Етнографског института. Београд, 1961. Књ. 9–10. С. 113–137.

- Раденковић 1996 – *Раденковић Љ*. Символика света в народној магији Јужних Словена. Београд, 1996.
- Раичевић 1931 – *Раичевић С*. О сточарству и сточарском животу у васојевићима // Гласник Етнографског музеја у Београду. 1931. Књ. 6. С. 55–72.
- Савельева 1995 – *Савельева Н. В*. Тис // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 5. С. 116.
- Сапунов 1961 – *Сапунов Б. В*. «Тисовая кровать Святослава» (Из реального комментария к «Слову о полку Игореве») // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 323–326.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин. Л., 1965. Вып. 1.
- ССМ 2 – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Київ, 1978. Т. 2.
- СУМ – Словник української мови. Київ, 1970–1980. Т. 1–11.
- Требјешанин 1991 – *Требјешанин Ж*. Представа о детету у српској култури. Београд, 1991.
- Филиповић 1952 – *Филиповић М*. Озрењаци или Маглајци // Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine. Nova serija. Istorija i etnografija. Sarajevo, 1951. Sv. 7. S. 337–374.
- Филиповић 1955 – *Филиповић М*. Белешке о народном животу и обичајима на Гласинацу // Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine. Nova serija. Istorija i etnografija. Sarajevo, 1955. Sv. 10. S. 117–136.
- Чајкановић 1985 – *Чајкановић В*. Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1985.
- Чајкановић 1973 – *Чајкановић В*. Мит и религија у срба. Београд, 1973.
- Чукић 1981 – *Чукић З. Д*. Народна вјеровања о тисовом дрвету у Црној Гори // Расковник. 1981. № 29.
- Шарлемань 1954 – *Шарлемань Н. В*. Из комментариев к «Слову о полку Игореве»: «На кровати тисовъ» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 225–227.
- Шарлемань 1955 – *Шарлемань Н. В*. Заметки к «Слову о полку Игореве»: Еще о тисе // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 8–9.
- Babik 2008 – *Babik Z*. Pojednanie z lasem. W stuleciu «argumentu florystycznego» w sławistycznych badaniach etnogenetycznych (1908–2008). Kraków, 2008.
- Biegeleisen 1929 – *Biegeleisen H*. Lecznictwo ludu polskiego. Kraków, 1929.
- Fischer 1921 – *Fischer A*. Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921.
- Fischer 1937 – *Fischer A*. Drzewa w wierzeniach i obrzędach ludu polskiego // Lud. 1937. Т. 35/15. S. 60–76.

- Grajnert 1963 – *Grajnert J.* Drzewa podaniowe // Tygodnik illustrowany. 1863. T. 9. № 228.
- Gustawicz 1882 – *Gustawicz B.* Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody. Cz. 2 // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1882. T. 6. S. 201–317.
- HDA – Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens / Hrsg. von H. Bächtold-Stäubli unter Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer. Berlin, Directmedia, 2006. Digitale Bibliothek 145.
- Miličević 1967/1968 – *Miličević J.* Narodni običaji i vjerovanja u Sinjskoj krajini // Narodna umjetnost. Zagreb, 1967/1968. Knj. 5/6. S. 433–516.
- Morawski 1884 – *Morawski Z.* Myt roślinny w Polsce i na Rusi. Tarnów, 1884.
- Olejník 1966 – *Olejník J.* Liečivost' a magická moc niektorých krov a stromov v poverových predstavách ľudu v oblasti Vysokich Tatier // Sborník prác o tatranskom národnom parku. Bratislava, 1966. № 9. S. 193–208.
- Paluch 1984 – *Paluch A.* Świat roślin w tradycyjnych praktykach leczniczych wsi polskiej. Wrocław, 1984 (Acta Universitatis Wratislaviensis, № 752).
- Rakita 1971 – *Rakita R.* Narodna vjerovanja u predjelu Jani, vezana uz čovjekov život i rad i njegov pogled na svjet // Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine. Nova serija. Istorija i etnografija. Sarajevo, 1971. Sv. 26. S. 39–83.
- Reinfuss 1990 – *Reinfuss R.* Śladami Łemków. Warszawa, 1990.
- Rostafiński 1895 – *Rostafiński J.* Zielnik czarodziejski to jest zbiór przesądów o roślinach // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1895. T. 18. S. 1–191.
- Roubal 1901–1902 – *Roubal J.* Rostliny v lidovém podání na Klatovsku // Český lid. 1901. T. 11. S. 287–290.
- Sobotka 1879 – *Sobotka P.* Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Praha, 1879.

Agapkina T. A.

The Symbolism of Trees in the Traditional Culture of Slavs:
Yew (*Taxus baccata*)

The article deals with believes, folk motives, ritual and magical acts and common day regulations connected with yew and known in the traditional culture of Montenegro, Western Serbia, Bosnia and Herzegovina as well as in the Carpathian Mountains.

Key words: *symbolism, trees, Slavs, traditional culture, folklore, ritual, yew.*

Д. Ю. Ващенко (Анисимова)
(Москва)

Сопоставительный анализ этнолингвистических материалов из венгерских сел Федемеш и Шашка*

В статье проводится сопоставительный анализ двух венгерских этнокультурных традиций – палочкой и среднезадунайской. Особое внимание уделяется терминологической лексике народной духовной культуры. Сопоставляются календарная обрядность, свадебная обрядность, а также народная мифология. Выявляются общие черты в указанных традициях и различия между ними, устанавливаются лексемы, имеющие локальную закреплённость.

Ключевые слова: *этнокультурная традиция, календарная обрядность, семейная обрядность, народная мифология.*

Данная статья посвящена сопоставительному анализу венгерской народной духовной традиции – палочкой и среднезадунайской. Материалом для анализа послужили наши собственные записи, собранные во время двух этнолингвистических экспедиций в венгерские села Федемеш (2009) и Шашка (2010) – первое относится к палочковому этнокультурному региону, второе к задунайскому. В первую очередь нас будет интересовать характер и степень славянского влияния на соответствующие традиции, и основной акцент мы в ходе изложения будем делать на сопоставительный анализ лексики, относящейся к традиционной народной духовной культуре.

Для начала приведем историко-социальные данные по каждому из обследованных населенных пунктов, а также кратко опишем условия, в которых проводились экспедиции.

1) Венгерская деревня Ипойфедемеш, которую мы далее, вслед за местными жителями, будем называть просто Федемеш (словацкое название Ипельске Уляны) находится на юге Словакии, на южных склонах холмистого массива Корпона, на высоте 345 м над уровнем моря. Деревня относится к исторической области Гонт (бывший комитат Гонт, общий для Словакии и для Венгрии), ближайший го-

* Авторская работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» по проекту «Карпато-балканские территориальные диалекты: реконструкция традиционной культуры по данным языка» (рук. А. А. Плотникова).

род – историческая столица Гонта, Ипойшаг, находится в 22 км к югу на берегу реки Ипой, которая впадает в Дунай. Расстояние до Братиславы – 160 км, расстояние до Будапешта – 80 км. Расстояние от Федемеша до ближайшей деревни Палашт (словацкое название Плаштовце, 2000 жителей) – 9 км, дорога была проведена в конце 30-х гг. Федемеш – аутентичная венгерская деревня, в ней живет около 312 венгров и 3-4 словаков (женщины, вышедшие замуж за местных венгров), при этом венгерские жители Федемеша не являются переселенцами и живут в этих местах со времен основания деревни. Данная территория отошла к Словакии сначала после Трианонского договора и затем после Второй мировой войны. Первое упоминание о Федемеше относится к 1259 г., деревню два раза сжигали – татары и турки, на своем настоящем месте она находится с XVI в. **Во время Второй мировой войны территория, на которой находится Федемеш, была аннексирована Венгрией, фактически в данном месте проходила северная граница между Венгрией и Словакией.** В 1970 г. в Федемеше было 670 жителей, сейчас их число сократилось вдвое и продолжает падать. Школу закрыли в 2006 г., дети ездят учиться в Палашт. По вероисповеданию жители Федемеша – исключительно католики, в деревне есть католический храм Святого Михая. Жители деревни говорят на палощком диалекте венгерского языка, в фонетике, лексике и грамматике которого сохранилось много архаичных черт. Женщины старше 70 лет, как правило, монолингвальны, их языковая компетенция в словацком языке является сугубо пассивной и позволяет им понимать словацкую речь. Мужчины старшего поколения могут быть как монолингвальными, так и билингвальными. Среднее и младшее поколение жителей Федемеша двуязычно и владеет как венгерским, так и словацким языками¹. Выбор для этнолингвистической экспедиции венгерской деревни, которая находится на территории другого государства, не случаен. В условиях более чем полувековой изолированности от венгерской государственности и связанного с этим нивелирующего влияния литературного языка и средств массовой культуры в диалекте и этнокультурной традиции региона должно было сохраниться много архаичных черт. Помимо этого, Федемеш фактически находится на границе венгерской и словацкой этнокультурных общностей. Поэтому, наряду с архаикой, существовала определенная вероятность проникновения славизмов в соответствующую традицию в результате действия межкультурных контактов. Наконец, данная территория никогда не находилась под

властью турок, и здесь практически не было волн переселенцев, что также позволяет предполагать наличие архаичных элементов.

2) Вторая обследованная нами деревня, Шашка, находится в Северо-Западной Венгрии, на южных склонах холмистого массива Баконь, на высоте около 400–450 м над уровнем моря. Деревня относится к Задунайской Венгрии, жители говорят, соответственно, на задунайском диалекте, который отличается от палочского (наиболее близкого к литературному языку). Первое упоминание о поселении относится к середине XIII в., около 150 лет Шашка находилась под властью турок, однако сильных потерь среди населения это не вызвало. Все жители Шашки одноязычны и в подавляющем большинстве имеют среднее образование. Расстояние до Будапешта составляет около 200 км. Расстояние от Шашки до ближайшего города Тапольца – около 9 км, школа в Шашке отсутствует, дети ездят учиться в город либо в соседнее село Залахалап. В Шашке живет около 312 аутентичных венгров и около 50 венгров с немецкими фамилиями. По вероисповеданию жители Шашки – исключительно католики, в деревне есть католический храм Святого Имре. Как мы видим, оба обследованных населенных пункта сопоставимы по численности и относительно сопоставимы по изолированности от более крупных населенных пунктов. Для локального самосознания жителей Шашки, по сравнению с Федемешем, характерны несколько специфических черт. Во-первых, это, как ни парадоксально, большая удаленность от Будапешта (фактически он находится от Шашки в два раза дальше, чем от расположенного в Словакии Федемеша) и связанное с этим большее дистанцирование от литературного языка, от палочского диалекта как такового, и от соответствующей традиции. С другой стороны, жители Шашки точно так же подчеркнуто дистанцируются от западно-задунайских областей (район города Залаэгерсег (Зала), который расположен ближе к австрийской границе). Диалект, на котором говорят в удаленной на 50 км Зале, жители Шашки квалифицируют как непонятный и даже смешной. В-третьих, это относительная симпатия к немцам, определенный процент местных семей носит немецкие фамилии, однако признавать какое бы то ни было немецкое влияние информанты отказываются. Все это способствует формированию локального самосознания, основанного на этнокультурном самоотождествлении с жителями сел, расположенных к северу от Балатона (фактически между массивами Бадачонь и Баконь), вдоль северной части озера.

Отметим, что население в Федемеше и в Шашке несколько отличается по основному роду занятий. В Федемеше всегда было в большей степени развито культивирование пшеницы. В Шашке, наряду

с культивированием злаков, широкое распространение имело также виноградарство. Кроме того, в Федемеше мужчины традиционно ездили на заработки в словацкий населенный пункт (в Зволен), что способствовало поддержанию билингвизма. В Шашке мужчины, как правило, на заработки не ездили и находили работу в расположенной неподалеку бокситной шахте, что создавало определенные предпосылки для консервации локальной самоидентификации.

При сопоставлении собранного этнолингвистического материала наблюдается некоторая неравномерность в сохранности культурной традиции. Так, в Федемеше гораздо лучше сохранились обряды календарного цикла, связанные с ним обычаи и поверья, тогда как в Шашке календарный цикл представлялся информантам некоторой формальностью, связанной с необходимостью посещать католическую церковь. Вместе с тем в Шашке гораздо более подробно, нежели в Федемеше, представлена народная мифология. Рассказы о конкретных встречах со сверхъестественными существами занимают важное (если не главное) место в локальной традиции, и если в Федемеше демонические существа больше ассоциируются с природными стихиями, в Шашке мифологические персонажи имеют конкретные имена, кроме того, в этом селе находилось минимум по три-четыре очевидца встречи с ними.

Опросник, по которому проводилось обследование², был переведен на венгерский язык в 2009 г. В каждой экспедиции нами было опрошено по 12 информантов, из них две трети – женщины, все информанты были старше 60 лет (по три информанта в каждом населенном пункте были старше 80 лет), и имели среднее / незаконченное среднее образование.

В статье мы сосредоточимся на отдельных сферах народной духовной традиции. Это будут: А) календарный цикл; В) свадебная обрядность; С) народная мифология. Именно эти сферы представлены в собранном материале наиболее полно, и по ним правомерно проводить сопоставление.

А) Календарный цикл. Обе традиции объединяют верования св. Люцию (Луцу) как вредоносного персонажа, в обоих селах фиксируется связанный с этими представлениями термин – *lucase:k*, «стул Луцы». Этот стул изготавливали с 10 декабря до Рождества, и в Рождественскую мессу вносили в церковь. Считалось, что тот, кто сядет на него, сможет увидеть ведьму. При этом в Шашке дополнительно сообщали, что стул изготавливался ровно за тринадцать дней из тринадцати различных частей, каждая в идеале из отдельной породы

дерева (то есть из тринадцати пород деревьев). На следующий день после мессы его обязательно надо было сжечь. Тот, кто на нем сидел, должен был опрорхнуть мчаться домой, чтобы ведьмы не догнали его: «стул надо было сжечь и окропить себя водой и бежать что есть силы домой, чтобы ведьмы, которые за тобой гонятся, тебе не навредили»³.

Рождество в обеих традициях называется *Kara:chon'*. Характер ритуалов, исполняемых на Рождество, несколько разнится. В Федемеше хозяин дома в Сочельник торжественно вносил корзину с соломой, куда клали инструменты (обязательно молоток и цепи). Сначала их ставили на стол, и затем на все рождественские праздники оставляли под столом. В Шашке инструментов не клали, солому торжественно возлагали под окно: «в Рождество клали солому под окно, говорили, что это для младенца Иисуса».

В обоих населенных пунктах под Рождество гадали – писали на бумажках имена суженых и потом засовывали в вареники, кому какая бумажка достанется, та выйдет за человека с этим именем, плюс важное значение имел порядок всплывания этих галушек (последовательность выхода собравшихся девушек замуж).

При этом в Федемеше в Рождество люди дарили друг другу облатки *osht'a*, «только эти были больше обычных облаток, их пекли дома, и от них все отъедали». Считалось, что если у кого-то будут проблемы, тот, с кем он ел облатку, ему поможет. Информантам из Шашки слово *osht'a* было незнакомо, маленький хлебец называли словом *poga:ch*, этими хлебцами одаривали пастухов / участников детских обходов.

В Шашке, в отличие от Федемеша, совершенно неизвестны поверья, связанные с днем св. Андрея, днем св. Варвары и днем св. Николая. В Федемеше в день св. Андрея под навес вешали связку пшеницы вперемешку с рожью, затем били веревкой по навесу и смотрели, что упадет из-под навеса. Если упадет пшеница – девушка выйдет за богатого, рожь – девушка выйдет за бедного, упадет жук – девушка выйдет за человека без фиксированного местожительства. В день св. Варвары под навес дома засовывали яблоко. В Рождество яблоко доставали из-под навеса дома и брали с собой на рождественскую мессу. Считалось, что это приносит счастье. В день св. Николая разыгрывали спектакли – играли в епископа, чертей и грешников. Вечером ходил Микулаш, он носил на спине большую корзину, с ним ходил черт Прампус, у него был прут, и непослушных детей он бил этим прутом.

Традиции объединяет наличие пастушеских обходов на Рождество⁴. Пастух носил с собой прут под названием *apro:sent* «мелкий святой» и произносил благопожелания. Различия касаются

дальнейших действий пастуха, так как в Федемеше он бил этим прутом хозяйку и приговаривал «будь свежей», а затем передавал прут хозяевам. В Шашке пастух просто отдавал прут и уходил. Вместе с тем в Шашке на Масленицу парни хлестали прутьями девушек с аналогичной целью, то есть приговаривали «будь свежей». В обеих традициях на Новый год особенно отмечали первого приходящего. Значение имел пол приходящего. Если первым пришел мужчина – будет счастье в доме, пришла женщина – не будет счастья.

В обеих традициях бытовали детские обходы колядующих с песнями – на Рождество, Новый год и Масленицу. Различие состоит в терминологии – в Федемеше детские обходы имеют обозначение *men'bödöze:sh* (в другом палочком варианте – *ammenboldogza:sh*, то есть «аминь» + «осчастливливание» от прил. *boldog* «счастливым»), в Шашке *regöle:sh* (в древнейшей венгерской мифологической традиции словом *regös* называли «исполнителя экстатических песнопений»⁵), *betlehemze:sh* (от слова *Betlehem* – Вифлеем + *e:sh* как суффикс отглагольного существительного, соотв. глагол *betlehemezni*), данные обходы совершаются только в Новый год. В отличие от Федемеша, в Шашке участники детских рождественских обходов дополнительно носили с собой макет пещеры / яслей с Девой Марией, Иосифом и младенцем Иисусом. «Взрослые» обходы также фиксируются в обеих традициях, как правило, это были обходы на Масленицу. При этом в Федемеше обходы носили специальное название *koleda, mashkara*, однако специальной формы для переодевания у участников процессий не было, ряженые ходили в необычной одежде с перевернутыми метлами. В Шашке для участников «взрослых» обходов не было специального обозначения, однако был принят определенный тип ряжения: обычно участники обряда – парни – с ног до головы обвязывались соломой.

Существуют ритуалы, которые отмечены только в одном из населенных пунктов. Так, в Федемеше в Вербное воскресенье проводился обряд сжигания соломенной куклы *kisi*. Ее делали из соломы возле домов девушки с наиболее благонадежным поведением и затем наряжали. При этом старались, чтобы кукла была как можно более уродливой и грязной. Ее привязывали на деревянный шест и с песнями выносили из деревни. На берегу ее еще раз переодевали и затем сжигали, а пепел бросали в ручей. Ср. обряды изгнания зимы / смерти у словаков: «Mogena, -y, f – 1. Марена, соломенное или деревянное чучело на жерди, которое с песнями выносили из села девушки в Смертное, или Вербное воскресенье (реже в др. постовые воскресенья). Чучело

символизировало зиму, смерть, мор, болезни, все, что несла с собою зима. Одета или в праздничный наряд, как невеста, или в тряпье, старое, грязное платье»⁶. Венгерское название куклы соотносится с нижеследующим словацким: «*Kysa*, -у, f – одно из названий чучела *Morený*. Парни бросали в нее камнями, а девушки пели: «*Hej von, von Kysu / z naseho chotára! Sem, sem soldrovinu do naseho dvora! / Vynieseme chorobu, / prinieseme zdravotu!*» и бросали в р. Ипель»⁷. Отметим, что словацкое и венгерское название куклы *kysa / kisi* были зафиксированы в бассейне одной и той же реки – Ипель / Ипой, то есть могло иметь место заимствование из словацкого языка в венгерский.

Следует отметить, что в Шашке существовал ритуал с живым деревом (оно называлось *ma:jushfa* «майское дерево») на Троицу. Несколько парней приносили дерево (молодую ель) из леса, украшали лентами и ставили под окном девушки, за которой ухаживал один из них. Это обозначало намерение жениться на этой девушке, примерно через полгода-год после установки «майского деревца» обычно играли свадьбу.

Кроме того, в Шашке в начале июня устраивался праздник *Je:zush si:ve vasha:rnepja* «воскресенье Иисусова сердца». В этот праздник, как и в «праздник прощания» (см. ниже), вокруг храма ставили шатры, символизирующие четыре времени года. В этот день жители деревни в торжественной процессии с цветами, лентами и знаменами выходили из деревни и шли с песнями около пяти километров в сторону Шюмега на священную гору, там служили молебен и отправлялись в обратный путь.

В начале октября в Шашке, в отличие от Федемеша, проводили *szüreti ba:l* «бал сбора винограда». Делали *szö:lö:harang* «виноградный колокол», то есть жестяной колокол на подкове, который оплетали виноградом, и затем с процессией обходили деревню. Глава процессии должен был символически прозвонить в «виноградный колокол». Помимо празднично одетых парней, процессию составляли девушки, сидящие на волах, которые одаривали всех виноградом. После этого вечером устраивали танцы.

В Федемеше особо отмечали две даты в качестве общесельских праздников – день Св. Яноша (22 июня) и день Св. Йожефа (Иосифа), 18 марта. Считалось, что св. Янош помог жителям деревни избавиться от эпидемии чумы и защитил их от татар. Также праздновали день св. Йожефа, поскольку считалось, что этот святой защитил деревню от падежа скота. В Шашке, в отличие от Федемеша, не было специальных «дней деревни», зато гораздо большее значение имел празд-

ник под названием *Vucusu*: «прощание», который также связывался с покровителем местной церкви в Шашке – это святой Имре. Праздник приходился на 5 ноября, в этот день вокруг церкви ставили четыре палатки-шатра, украшенных лентами и цветами, с изображениями святых внутри. Эти палатки символизировали четыре времени года. После мессы священник выходил из церкви и по очереди благословлял все четыре палатки.

В) *Свадебная обрядность* в Федемеше и в Шашке имеет ряд общих и ряд специфических черт, основные различия касаются главным образом терминологической лексики, тогда как сами обряды во многом похожи.

Объединяют обе традиции наименования, связанные с уговором о свадьбе *eljed'ze:sh* «запись, подписание» (Федемеш, Шашка) и официальной помолвкой *ke:zfogo*: «держание за руки» (Федемеш, Шашка). Общим для двух традиций является ритуал повязывания платком головы невесты в полночь после самой свадьбы и следующий за этим свадебный танец, когда с невестой поочередно танцуют все, кроме самого жениха (жених танцует последним), и за право танца каждый партнер кладет немного денег на большую деревянную тарелку. В обеих традициях используются одни и те же термины, характеризующие этапы перехода невесты в новый для нее статус – до повязывания платка она носит название *men'asson'* – досл. «женщина на выданье» (Федемеш, Шашка), после – название *men'n'echke* «невестушка» (Федемеш, Шашка).

Вместе с тем следует отметить различия в свадебной терминологии при сходстве самих реалий. Друзья жениха носят в Шашке названия *na:su:r*, *vö:fej*, в то время как в Федемеше они обозначаются словом *druzhiba* (очевидно, слово славянского происхождения). Сама свадьба в Шашке чаще обозначается словом *na:s*, ср. также слово *na:sne:p* «гости, приглашенные на свадьбу», а в Федемеше – словом *lagzi*.

Что касается обрядовой сферы, в Шашке отсутствуют три важных для палочкой обрядности ритуала – это 1) ритуал дарения платков во время помолвки «подарки были... платки дарили, невесте платок, обязательно»; 2) ритуал переноса кровати из дома невесты в дом жениха накануне свадьбы: «кровать переносили накануне свадьбы, и еще перину, подушки, одеяло, все накануне перевезли на машине» и 3) ритуал «ложной невесты» (*po:tmen'asson'*), которую показывают жениху перед тем, как невеста выйдет к нему. В роли «ложной невесты» могут выступать: подруга невесты, друг жениха, переодетый в белое платье, и наконец, животное / птица белого цвета: «жених

ждал меня в комнате, а ему устраивали такой цирк, показывали его друга в белом платье, это твоя невеста? И потом вынесли белую гусыню, вот тебе невеста!». Перечисленные ритуалы характерны для традиции Федемеша, но не Шашки. Также в свадебной традиции Шашки отсутствует ритуал усаживания на колени невесты ребенка как символа будущего потомства «невеста присаживалась возле дома жениха и ей давали подержать на колени ребенка, годовалого, двухлетнего, чтобы в семье были дети, и ребенок за это тоже получал небольшой подарок» (Федемеш), а также привязывание к шляпе жениха / венку невесты розмарина как символа чистоты, невинности: «у жениха на шляпе был розмарин и у невесты в венке розмарин, это если первый брак, второй раз я уже выходила без розмарина...» (Федемеш)⁸. В Шашке отсутствуют специальные обозначения для свадебной выпечки – в Федемеше были представлены наименования *morva:n'*, *fehe:rkalach* – «белый пирог», а также наименование *korozhma* – свадебный подарок, деньги для будущих детей. В Шашке выпекался обычный пирог к свадьбе, как правило, с начинкой из творога, специального названия он не имел.

В свою очередь, в свадебном обряде Шашки есть ритуалы и реалии, отсутствующие в Федемеше. Так, во время уговора о свадьбе в Шашке родители невесты вывешивают в сени шубу, вывернутую наизнанку в знак согласия на брак. То есть если шуба висит в доме – родители невесты согласны, если же шуба вывешена во дворе – они ответили отказом. Следует также отметить, что в свадебной традиции Шашки гораздо большую роль играют подружки невесты, женское сопровождение невесты называется *kosoru:sh la:n'ok* «девушки в венках», они одеты в длинные платья, на головах у них венки из роз. Этих девушек обязательно должно быть двенадцать.

С) *Народная мифология*. В обеих традициях представлена общая терминология, связанная с наименованием ведьмы, в Федемеше – *bosorka*, в Шашке – *bosorka:n'*. Вместе с тем в Шашке ситуация несколько сложнее, так как в речи информантов фактически бытуют оба варианта: *bosorka* и *bosorka:n'*⁹. В Шашке данные слова при их параллельном бытовании не являются дублетными формами, но строго разграничены по значению. Словом *bosorka:n'* обозначают собственно ведьму, как существо женского пола, наделенное сверхъестественной силой и способное причинять вред. Лексема *bosorka* употребляется для обозначения сумасшедшей, полоумной женщины, которая ведет себя необычным образом, но при этом никакого вреда не приносит.

В обеих традициях потенциальный вред, который могут причинить ведьмы, состоит а) в порче, сглазе (в основном ведьмы вредят маленьким детям); б) ведьмы забирают молоко у коров. Различие состоит во внешнем виде ведьм. В Федемеше ведьмы обладают исключительной быстротой перемещения, они ходят босиком, так как у них все время горят подошвы: «была в деревне одна женщина, очень умная женщина, так она всегда ходила босая, и она очень быстро ходила – раз – и она уже на другом конце деревни, вот ее считали ведьмой». Кроме того, ведьмы наделены способностью летать и собираться вместе в кронах деревьев. Ведьма, по поверьям, перевоплощается в лягушку, ср. в венгерской мифологии соотносимое с обще-финноугорским наследием предание о трех странах по дороге в подземный мир – стране лягушек, стране ящериц и стране змей¹⁰, где говорится, что в карпатском регионе слово *bosorka* может обозначать лягушку. В Шашке ведьмы представляются обутыми, однако, в отличие от поверий из Федемеша, они всегда повязывают платком голову, так как на голове у них растут рога: «мой отец однажды в Рождество сел на стул Луцы и увидел, как в церковь входит женщина, а на голове у нее рога, прямо светятся через платок». Ведьма якобы перевоплощается в кошку: «ведьмы в виде кошек заходят в хлев, портят коров или коровы потом дают молоко с кровью, однажды так тетя Мари застала кошку в хлеву, проткнула ее вилами, а наутро увидели, что вместо кошки на полу лежит ведьма».

Мифологический персонаж в облике змея-дракона, передвигающегося по воздуху, также представлен в обеих традициях, однако в Федемеше он имеет специальное обозначение *sha:rka.n'*, в то время как в Шашке при наличии самой реалии специального обозначения не было отмечено, воздушного демона называли словом *kid'o* «змея, змей». При вопросах о местных верованиях информанты говорили: «у нас верят в одного змея по имени Гарабонциаш (см. ниже), это такая местная особенность, в других районах нет». Термин *sha:rka.n'* в традиции села Шашка в принципе неизвестен, о чем дополнительно свидетельствует тот факт, что при вопросах вида «рассказывают ли у вас про шарканя» данное слово фонетически ассоциировали со словом *sha:ta.n* «сатана» (которое, в свою очередь, не имеет распространения в Федемеше, черта называют словом *ördög*): «aaa, шатан, так кто ж про него не рассказывает».

В обеих традициях воздушный демон-дракон имеет три головы и один хвост, которым он бьет по земле, в обеих традициях он ассоциируется с природными стихиями, непогодой, облаком, грозой. Вместе с тем характер причиняемого вреда различается: в Федемеше вред

возникает в результате того, что змей бьет хвостом и тем самым уничтожает посевы: «дракон – это буря, облако, у него три головы и один хвост, он бьет хвостом по земле и уничтожает посевы, и когда налетает гроза, говорят, что это дракон». В Шашке функция уничтожения посевов отсутствует, удары хвостом по земле нужны просто для запугивания жителей, вред состоит в том, что демон отбирает у людей молоко и яйца. С последним связано одно кардинальное различие между представлениями о драконах в Федемеше и в Шашке: в Федемеше это природная стихия как таковая, и функция вызывать бурю и непогоду является у воздушного демона основной. В Шашке это является вторичной функцией демона, т.к. змей – это демон-оборотень (в Федемеше сам феномен каких бы то ни было оборотней неизвестен). Змей-оборотень называется *Garaboncia:sh* «Гарабонциаш» (у слова латинская этимология, лат. *necromantes* через итал. *negromazia* > *gramanzia*¹¹), Гарабонциаш появляется в человеческом облике, имеет длинные волосы, бельма на глазах, видит сквозь стены и носит в сумке книгу с заклинаниями. В таком виде он периодически посещает жителей деревни (в Шашке нашлось четыре очевидца «общения» с демоном), проникает к ним в хозяйственные постройки / в погреб, читает заклинания и исчезает – после чего у людей пропадают продукты питания: «у него были длинные волосы, и не было глазных яблок, но он видел через все стены, зашел во двор, сел и ворочал хвостом»; «он забирал молоко и яйца, то есть он пришел, я побежала в погреб, а там уже ничего нет, ровно 27 яиц, он видел через стены, где молоко и яйца»; «он зашел к тете Юлишке, оставил в сенях сумку, дети в нее залезли, так там была книга с заклинаниями, он вернулся и отобрал у детей книгу, но книга была жутко тяжелая». После посещения он отправляется в ближайший лес, на гору, где он живет, там превращается в змея и насылает на деревню грозу с целью запугать жителей, чтобы те и далее отдавали ему молоко и яйца: «он обходил деревню и пил молоко, и ему надо было отдавать, так как, если он не получал, он вредил деревне, насылал вихрь, если поднималась буря, в деревне говорили, что Гарабонциаш не получил достаточно молока»; «А если ему все удавалось, он шел в лес к трем холмам, открывал книжку, по ней шушушу, и после превращался в огромного змея, взлетал в небо и отправлял на деревню молнии, так он грозил людям, если он не получал еду – тогда что-то сгореть могло, а если он получал еду – тогда он просто грозил молниями». В случае Гарабонциаша, на наш взгляд, можно говорить об определенных чертах мотива «чернокнижника», распространенного, в частности, в словацкой традиции¹²: «в словац-

ких поверьях... рассказывали, как накануне дня св. Яна чернокнижник обошел все дома в селе, выпрашивая молоко от черной коровы и яйца от черной курицы... после чего наслал на местные поля страшный град». В «Энциклопедии народной культуры Словакии» про чернокнижника написано следующее: «*Čiernokňazník (černokňazník, čarnokňazník, černoknižník, černokrižník, chmurník, planetník, veterník)* – демонологический персонаж, который владеет и управляет природными стихиями, влияет на погоду в виде черного монаха в длинном одеянии. В Липтове – маленький человечек в широкополой шляпе. В Замагурье и на Спише – *planetník, chmurník, chmarník* – выглядел как худой мужчина в длинном потрепанном плаще, который ел только яйца от черной курицы и пил молоко от черной коровы или козы. Дом, где его так угощали, был сохранен от молнии, а тем, кто его не угостил, он мстил. Летал на драконе, с помощью которого управлял тяжелыми тучами, замораживал воду и вызывал бурю и град. В поверьях чернокнижник также имеет характер чародея, ведьмака, знающего черную магию, которой научился по Христофовой книге»¹³. Ср. также¹⁴, где указано, что у словенцев и хорватов чернокнижники «свои сверхъестественные способности водить грозовые тучи, насылать град и предотвращать градобитие... получали благодаря владению особой книгой. С ее помощью чернокнижник вызывал летающего змея, садился на него верхом и направлял тучи туда, где хотел сбросить град». Чернокнижник представлен в венгерской народной мифологии, ср. соотв. статью из «Венгерского этнологического словаря»: «Он рождается с одним зубом / с большим количеством. Он ходит по домам в рваной одежде, с книгой в руках: просит молока или яиц, много ему не надо, но торговаться (давать меньше, чем он просит) не стоит. Перед ним надо поставить полную крынку молока, если от него скрыть, он скажет, что молоко в доме есть, и будет угрожать «ты еще дашь мне, но будет поздно». В наказание он насылает на деревню бурю, град, или «вызовет» по книге дракона и верхом на нем будет летать над деревней. Длинный хвост дракона сметает крыши с домов, вырывает с корнем деревья. От гарабонциаша можно защищаться при помощи колокольного звона, часто говорят «в деревне такие злые собаки (= колокола), особенно самая маленькая». Гарабонциаш закончил 13 школ, и так получил волшебную книгу. Благодаря ей он может подниматься в воздух»¹⁵. Характерно, что «чернокнижник» относится к числу поздних наслоений в венгерской традиции¹⁶.

Отметим, что в вышеприведенных описаниях чернокнижник ездил верхом на драконе, в Шашке чернокнижник перевоплощался

в дракона, который уже затем вредил посевам: «еще у нас есть такое местное поверье, змей *по имени* Гарабонциаш». Имя собственное в данном случае начинает фигурировать как нарицательное. Таким образом, в традиции Шашки, в отличие от Федемеша, представлена контаминация образов чернокнижника и дракона-змея.

Помимо змея – воздушного демона, в обеих традициях представлена змея – хранительница дома, и здесь традиции обоих сел полностью совпадают. Речь идет о змее, которая живет в стене дома – наименование в обоих случаях *falidik'o*: «стенная змея» – и охраняет дом от порчи, сглаза: «были еще такие очень большие змеи, больше, чем обычные, они жили в стенах дома, стерегли его» (Шашка). Специально для нее перед порогом выставляют блюдечко с молоком. Если змею убить, это причинит большое несчастье всем жителям дома.

В Федемеше покойников описывали в виде пламени, желтого огня, который вырывается из окон / из дверей запертого пустого помещения: «я шел мимо кладбища, рядом стоял пустой дом, и из окон вырывалось пламя, но людей там не было, и пожара не было, это мертвые в доме сидели, точно». В Шашке, напротив, покойников описывали как бледных людей в белых одеждах, которые встретились им по дороге с кладбища: «когда мы шли мимо кладбища, мы видели двух людей в белых одеждах и белых штанах, они шли, взявшись за руки, это духи возвращались, точно говорю».

Также в Федемеше существовало поверье о бродячих огоньках, которые по ночам пугают людей: «и еще я как-то поздно вечером видел огоньки, такие небольшие, напугали они меня тогда сильно». В Шашке подобного рода поверья отсутствовали, зато были отмечены поверья о демоне под названием *boltosh füsht* – «столб тумана», который становился поперек дороги у путешествующих на повозке и пугал лошадей: «было так, что на кого он сердился, за тем он гнался, моему соседу он прицепился на заднее колесо, и звенел в колокольчик и потом встал посреди дороги и лошади словно окаменели, так испугал их *boldash füsht*». Кроме того, в Шашке широко распространена вера в *ludve:rc* «привидение». Данный демон был описан информантами как большая вспышка, огненный столб, летевший по небу. Этот феномен, как правило, связывали с душами благородных разбойников, действовавших в окрестностях Шашки в 30–40-е гг. XX в. – **назывались конкретные имена** (прозвища), в частности, *Shavan'u: Jo:zhka*, досл. Йожка Кислый, *Shu:go: Jo:zhka*, досл. Йожка Шепчущий. «Говорили, что оно (привидение) ничего не боится, только когда колокол из Шашки трижды прозвонит, тогда оно потеряет свою силу. В церкви раньше был

второй, сломанный колокол, который не звонил, а так звякал, его еще почему-то называли «собака пумы»».

Наконец, в традиции Шашки существовала вера в демона *Krisling* (нем. *Kriskindl*), который появляется под Рождество и пугает детей, обычно его квалифицировали как злого помощника Иисуса Христа: «да, есть Крислинг, им всегда пугают детей в Рождество, потом успокаивают, не бойся, я дам сено ослу, и он уйдет».

Таким образом, из терминологической лексики народной духовной культуры общую распространенность имеют слова *Kara:chon'*, *bosorka(n')*, Локальную закрепленность имеют лексемы (Федемеш / Шашка) *men'bödöze:sh / betlehemze:sh*, *lagzi / na:s*, *druzhba / vö:fej, sha:rka:n' / 0, 0 / ludve:rc, 0 / Krisling*. Обе традиции объединяют рождественские пастушеские обходы (с небольшими локальными отличиями), большая часть ритуалов свадебного обряда. Из различий в сфере обрядности и народной мифологии отметим отсутствие «виноградного бала» в Федемеше / его наличие в Шашке, а также иной характер воздушного демона-змея, который в Шашке является контаминацией собственно змея-дракона (представленного в Федемеше) и чернокнижника.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Сведения о палочкой этнокультурной традиции можно найти в таких монографиях, как: *Bakó F. Palócföldi lakodalom*. Budapest 1987; *Manga J. Ünnepek, szokások az Ipoly mentén*. Budapest. 1968; *Manga J. Palócföld*. Budapest 1979; и др.
- 2 *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009.
- 3 Ср. в словацких поверьях также было представлено изготовление магического стула, который поможет распознать Луцу, см.: *Валенцова М. М.* Святые-демоны Люция и Барбара в западнославянской календарной мифологии // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000. С. 363.
- 4 О традиции пастушеских обходов в свете обряда «полазник» в Карпатском регионе, а также на Балканах, см. например: *Усачева В. В.* Обряд «полазник» и его фольклорные элементы в ареале сербохорватского языка // Славянский и балканский фольклор. М. 1978. С. 27–47.
- 5 Ср.: *Айхенвальд А. Ю., Петрухин В. Я., Хелимский Е. А.* К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования 1981 (1982). М., 1982. С. 187.

- 6 Ср.: *Валенцова М. М.* Терминология календарной обрядности чехов и словаков. Дисс. канд. филол. наук. М., 1996. С. 714–715.
- 7 Там же. С. 686–687.
- 8 Акт дарения розмарина девушками парням в Шашке присутствует, однако он связан не со свадебной, а с календарной обрядностью.
- 9 О карпатской распространенности лексемы см., напр.: *Усачева В. В.* Этнокультурная и языковая интерференция в карпатском регионе // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. М., 2008. С. 161–162, где для венгерской территории приводится вариант *bosorka:n'*.
- 10 *Айхенвальд А. Ю., Петрухин В. Я., Хелимский Е. А.* К реконструкции мифологических представлений... С. 185; а также *Усачева В. В.* Этнокультурная и языковая интерференция... С. 160.
- 11 Ср.: *Kropej M.* Od Ajda do Zlatoroga. Slovenska bajeslovna bitja. Ljubljana, 2008.
- 12 См., напр.: *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С. 377.
- 13 *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska.* Bratislava, 1995. [D.] 1, 2. S. 72–73.
- 14 *Белова О. В., Виноградова Л. Н.* Из словаря «Славянские древности» // *Славяноведение.* 2011. № 6. С. 46.
- 15 *Magyar Néprajzi Lexikon.* I–V köt. Főszerk. Ortutay Gyula. Budapest, 1977–1982.
- 16 Ср. соответствующее упоминание в: *Айхенвальд А. Ю., Петрухин В. Я., Хелимский Е. А.* К реконструкции мифологических представлений... С. 187.

Vashchenko (Anisimova) D. Yu.

The Comparative Analyses of Ethnolinguistic Materials from Hungarian Villages of Fedémes and Sáska

There is a comparative analyses of two Hungarian ethnic and cultural traditions – Palocky and Middle Danube ones. A special attention is put on the terminological vocabulary of the folk spiritual culture. The author compares the calendar rites, wedding rituals and folk mythology. She finds general features in these traditions and difference between them, she describes lexemes with local attachment.

Key words: *ethnic and cultural tradition, calendar rites, family rites, folk mythology.*

Т. И. Вендина
(Москва)

**Современное состояние славянских диалектов
в свете новых данных
Общеславянского лингвистического атласа***

Статья посвящена анализу лингвистического прогноза об отмирании диалектов в условиях социальной интеграции и индустриализации общества.

Ключевые слова: *славянские диалекты, Общеславянский лингвистический атлас, традиционная духовная культура.*

Публикация Общеславянского лингвистического атласа существенно обогатила славистику новым, четко стратифицированным диалектным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности рассмотреть вопрос об истории формирования современных славянских языков и эволюции их диалектов. Это особенно важно в связи с тем, что в современной литературе по диалектологии уже традиционной стала констатация факта, что «диалекты находятся на пороге исчезновения».

Причины этого процесса видят, с одной стороны, в экстралингвистических факторах (в разрушении социальной инфраструктуры общества, в его социально-демографических изменениях, в урбанизации сельского населения, что нередко приводит к исчезновению населенных пунктов, в языковой политике государства и т. д.), а с другой – собственно в лингвистических, в частности, в размывании языковой системы диалектов волнами литературного языка.

Вместе с тем, как показала история, и в том числе материалы Общеславянского лингвистического атласа, эти лингвистические прогнозы вступают в противоречие с процессами, реально протекающими в славянских диалектах, а потому они нуждаются в серьезной корректировке.

На картах Атласа устойчиво повторяется один и тот же ареальный сценарий, свидетельствующий о лексической дробности диалектного ландшафта всех славянских языков, что говорит о высокой степени лексической вариативности единиц, находящихся

* Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 11-04-000-11).

ся в отношениях дополнительного распределения, ср., например, ситуацию*:

в словенских диалектах на к. 20 *dem* ‘ножик’, где зафиксированы следующие лексемы: *pož-ък-ъ* (*'nu:žək*), *pož-ič-ък-ъ* (*no'ži:čək*), *pož-itj-ъ* (*nužə:č*), *pož-itj-itj-ъ* (*'nu:šćić*), *pož-itj-ъс-ъ* (*no'žjćec*), *pož-ъс-ъ* (*nužəc*), *pož-ъč-ък-ъ* (*'nu:šćək*), *pož-ej-ъ* (*nə:žej*), *pož-ik-ъ* (*'nožik*), *pož-ę* (*nə:žę*), *brit-ъв-ic-a* (*b'ritvəcə*) и это при том, что сетка Атласа включает всего 25 пунктов словенских диалектов;

в хорватских диалектах на к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ лексемы: *utr-in-a* (*jutrina*), *za-utr-ък-ъ* (*'zajtřek*), *roč-ък-ъ* (*'ru:čək*), *roč-en-ъj-e* (*ruč'ě:ne*), *do-roč-ък-ъ* (*dóručək*), *marend-a* (*ma're:nda*), *fruštik-ъ* (*f'roštik*), *fruštikel-ъ* (*f'ruštikel*), *kolacjon-ъ* (*kolacijū:n*);

в сербских диалектах на к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлышком’ лексемы: *lěv-ъ* (*lijev*), *lěv-ък-a* (*lè:vka*), *lěv-ък-ъ* (*lè:vək*), *točir-ъ* (*to'čir*), *traxter-ъ* (*trátu:r*), (*xun*)-*ij-a* (*vu'nija*), (*xin*)-*ък-a* (*i:nka*), (*pir*)-*ij-a* (*pi:rija*);

в македонских диалектах: на к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’ лексемы: *čvar-ък-y* (*č'varki*), *čvǝǝč-ък-y* (*čvǝǝčki*), *pyž-ък-y* (*pəřški*), *žm-ir-ък-y* (*ž'mirki*), *žm-er-ък-y* (*ž'e'merk*), *džiber-in-y* (*zebe'rine*), *džiber-in-ък-y* (*žibe'rinki*), *cigarid-y* (*ciga'ridi*), *gor-en-ък-y* (*gurenki*);

в болгарских диалектах: на к. 26 ‘содержащий много жира’ (о мясе) лексемы: *тъjст-ъ* (*g'ləstu*), *mast-ъп-ъ* (*'maznu*), *loj-ъп-ъ* (*'lojeno*), *loj-av-ъ* (*'lojevo*), *deb-el-ъ* (*de'belo*), *bolž-ъп-ъ* (*b'lažnu*), *za-běl-ъп-ъ* (*zə'belenu*);

в чешских диалектах: на к. 6 ‘стакан’ лексемы: *stýkl-ěp-ък-a* (*skleňka*), *stýkl-ěp-ic-a* (*skleňice*), *stýkl-ěp-ič-ък-a* (*skleňička*), *stýkl-ěp-ъč-ък-a* (*sklinečka*), *pol-ък-a* (*pulka*), *poħar-ъ* (*poħa:r*), *poħar-ък-ъ* (*poħa:rek*), *štamprl-a* (*štampr̥dla*);

в словацких диалектах: на к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ лексемы: *kraj-ъ* (*krəj*), *kraj-ъс-ъ* (*krəjec*), об-

* В качестве иллюстрации приводятся материалы шестого тома Общеславянского лингвистического атласа «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», представляющего лексику, относящуюся к наиболее древнему пласту, связанному с крестьянским бытом и ведением домашнего хозяйства. Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОИА. Морфонологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами. Словоформа, зафиксированная в диалекте, приводится в скобках в фонетической транскрипции ОИА.

крај-ъс-ъ ('*okrajec*'), крај-ъѣ-ік-ъ (*krajčok*), крај-іѣ-ък-ъ (*kraji:ček*), крај-ік-ъ (*kraji:k*), съ-крав-ък-ъ (*skravek*), съ-кroj-ък-ъ (*skrojek*), кром-ък-а (*kromka*), вѣх-ъп-ъ (*vjxenj*), вѣх-ъп-ак-ъ (*vjxna:k*), јан-ък-о (*janjo*);

в польских диалектах: на к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' лексемы: lup-a (*lupa*), lup-in-a (*lup'ina*), lusk-i (*lusk'i*), ob-ber-ъk-i (*ob'er'k'i*), ob-ber-in-y (*ob'ežynu*), skrob-in-y (*skrob'iny*), ob-skrob-in-y (*uoskrob'iny*), struž-in-y (*stružynu*), ob-struž-in-y (*ostružiny*), skor-j-a (*skury*), skor-ък-у (*skurk'i*);

в белорусских диалектах на к. 41 'скорлупа' (яйца) лексемы: lup-in-a (*lu'p'ina*), lup-in-ък-а (*lu'p'inka*), lup-aj-ък-а (*lu'pajka*), še-lup-a (*šylupa*), še-lup-ък-а (*ša'lupka*), še-lup-in-a (*šalu'p'ina*), še-lup-aj-ък-а (*šalu'pajka*), še-lup-ax-a (*šəlu'paxa*), lusp-in-a (*luš'p'ina*), lusp-aj-a (*luš'paja*), lusp-aj-ък-а (*luš'pajka*), lusk-a (*luš'ka*), lušč-in-a (*luščyna*), kor-a (*kə'ra*), skor-up-a (*ška'rupa*), skor-o₂-lup-a (*skorlu'pa*), sk{or}-o₂-lup-ък-а (*škor'lupka*), skor-o-lup-in-a (*škara'lup'ina*), skor-o-lušč-in-a (*skoro'l'uščyna*), skot-ol-ušč-ъj-e (*kara'l'uščə*), še-lux-a (*šulu'xa*), še-lušč-ък-а (*šar'luška*);

в украинских диалектах на к. 31 'пенка' (на молоке) лексемы: рѣп-а (*p'ina*), рѣп-ък-а (*p'in'ka*), skor-ък-а (*s'kurka*), кор-ък-а (*kurka*), kož-ък-а (*kuška*), kož-uš-ък-ъ (*ku'žušuk*), plѣп-ък-а (*p'l'inka*), plѣv-ък-а (*p'l'ivka*), стар-ък-а (*s'tarka*), šum-ъ (*šum*), bab-ък-а (*ba'pka*);

в русских диалектах на к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' лексемы: съ-мет-ан-а (*sm'itana*), съ-мет-ан-ък-а (*s'm'e'tanka*), вѣх-ъ (*v'er'x*), вѣř-ък-ъ (*v'ar'šok*), вѣř-ъѣ-ък-ъ (*v'ar'šač'ak*), съ-liv-ък-ъ (*s'l'ivək*), съ-liv-ък-у (*s'l'ifk'i*), u-stoj-ъ (*us'toj*), u-stoj-ък-ъ (*us'tojok*), pri-stoj-ък-ъ (*pr'i'stojik*), съп-јѣм-ък-ъ (*s'n'imək*), съп-јѣм-ък-у (*s'n'imk'i*).

При этом литературная лексема часто имеет либо а) невыразительный ареал; б) либо вообще отсутствует на карте, ср.:

ситуация а)

в словенских диалектах на к. 58 'завтрак, утренняя еда' литературная лексема za-utr-ък-ъ зафиксирована лишь в паннонских и прекурских говорах (пп. 20–21, 149), тогда как на остальной территории распространены лексемы rč-ък-ъ (*'ru:čək*), kqs-i-dl-o (*ku'si.tu*), (fruštik)-ъ (*frū:štək*), (kolacjon)-ъ (*kulcjo:n*);

в хорватских диалектах на к. 30 'пережаренные кусочки сала': литературная лексема čvar-ъс-і (*čvarci*) отмечена лишь в отдельных пунктах штокавских (п. 33) и чакавских (п. 37, 42) диалектов, тогда как на остальной территории зафиксированы такие диалектизмы, как škvar-ъс-і (*škvā:rci*), škvar-ък-у (*škvā:rki*), čvar-ък-у (*čvā:rki*), ob-

čvar-ък-у ('o:cvarki), cvir-ък-у (c'vi:rki), ob-cvir-ък-у (oc'vi:rki), žym-ir-ę (žmire);

в сербских диалектах: на к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво': литературная лексема gruš-av-in-a (*зрушавина*) зафиксирована лишь в отдельных штокавских говорах (п. 78, 79, 152), тогда как в остальных сербских диалектах представлены диалектные лексемы sër-a (*šera*), sër-in-a (*šerina*), melz-iv-o (*mlēživo*), gruš-a (*grúša*), gruš-av-a (*grúšava*), gruš-al-in-a (*grúša:lina*);

в македонских диалектах: на к. 58 'завтрак, утренняя еда': литературная лексема ро-ѐд-ък-ъ (*nojadok*) отмечена лишь в отдельных центральномакедонских (п. 100) и восточных (п. 103) говорах, тогда как на остальной территории зафиксированы диалектизмы utr-in-a (*utrina*), ро-гѣч-ък-ъ (*poruček*), до-гѣч-ък-ъ (*doruček*), пер-кѣс-ък-ъ (*prekusak*), ро-кѣс-ък-ъ (*pu'kəsuk*), за-кѣс-ък-а (*zəkuska*), ро-хар-ък-ъ (*poapok*);

в болгарских диалектах: на к. 60 'ест обед': литературная лексема об-ѐд-ъв-а-ј-е-тъ (*обядва*) отмечена лишь в единичном пункте юго-восточных говоров (п. 142), тогда как на остальной территории зафиксированы диалектные лексемы пол-у-дъп-а-ј-е-тъ (*plan'ni*), пол-у-дъп-ъ-ов-а-ј-е-тъ (*plan'nova*), пол-дъп-ъ-ов-а-ј-е-тъ (*plad'nova*), уѣ-ин-а-ј-е-тъ (*juž'nue*), уѣ-ин-ов-а-ј-е-тъ (*juž'nova*), гѣч-а-ј-е-тъ (*ruča*);

в чешских диалектах: на к. 51 'кожура, снятая со старой картошки': литературная лексема съ-lup-ък-а (*slupka*) зафиксирована в западной части собственно чешских говоров (пп. 175–177, 179–183, 185–187), тогда как в других говорах распространены диалектизмы съ-lup-in-a (*šlupina*), kož-a (*koža*), šup-a (*šupa*), šup-ък-а (*šupka*), (šup)-in-a (*šupina*);

в словацких диалектах: на к. 58 'завтрак, утренняя еда': литературная лексема гап-ъ-а-ј-ък-у (*raňajky*) отмечена в отдельных пунктах среднесловацких говоров (пп. 217–220), тогда как на остальной территории зафиксированы диалектные лексемы съп-ѐд-ъј-е (*sni:dani:i*), fruštik-ъ (*fruštík*), fryštik-ъ (*frištík*);

в польских диалектах: на к. 54 'все, что употребляется в пищу людьми, еда': литературная лексема ѐд-л-о (*jadło*) встречается в отдельных пунктах кашубских говоров (пп. 243, 245), великопольских (пп. 259, 269–270, 278–280), мазовецких (пп. 282–283, 296–297), малопольских (пп. 291, 293, 304, 311, 316–317, 325), а также в говорах Силезии (пп. 288–290, 299, 308), тогда как на остальной территории распространены такие диалектизмы, как ѐд-ј-ен-ъј-е (*jezeńe*), ѐд-ј-а (*jeza*), ѐс-т-ъј-е (*jeśce*), žы-т-ъј-е (*żerće*), ži-т-ъј-е (*zyće*), ži-в-о-бу-т-ъј-е (*żywabycy*);

в **белорусских диалектах**: на к. 35 'сырое кислое молоко': литературная лексема *prost-o-kvaš-a* (*прастакваша*) отмечена в некоторых пунктах северо-восточных говоров (пп. 333-334, 349, 359, 368), тогда как в других белорусских диалектах распространены лексемы *syг-o-kvaš-a* (*сырык'ваша*), *sam-o-kyš-a* (*сəта'к'іша*), *kys-ы-j-ak-ъ* (*к'is''l'ak*), *syг-o-p'р'ен-j-a* (*syra'p'en'a*), *kvaš-en-in-a* (*kvaša'n'ina*), *kys-ěl-o melk-o* (*к'islaje mała'ko*), *kvaseп-o melk-o* (*к'vasna mała'ko*);

в **украинских диалектах**: на к. 51 'кожура, снятая со старой картошки': литературная лексема *lušp-in-ь-j-e* (*лушпиння*) отмечена в отдельных пунктах юго-восточных говоров (пп. 478-480, 493-494, 502, 504, 510-511, 517, 519-520), тогда как на остальной территории получили распространение диалектные лексемы *lup-a* (*лупа*), *lup-in-a* (*лупина*), *lup-aj-ьк-у* (*лупеж'и*), *še-lup-ьк-у* (*ша'лупку*), *še-lup-aj-ьк-у* (*шалу'пайку*), *lusp-a* (*лус'па*), *lušp-in-a* (*луш'пина*), *lušp-in-ьк-у* (*луш'пинку*), *lušp-aj-a* (*луш'пайа*), *lušp-aj-ьк-у* (*луш'пайку*), *lušp-at-a* (*лушпа'та*), *lusk-a* (*лус'ка*), *ob-čist-ьк-у* (*а'cystky*), *ob-rěz-ьк-у* (*об'r'izky*), *skog-ьк-a* (*š'k'irka*), *skog-ь-lup-a* (*š'kara'lupa*);

в **русских диалектах**: на к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник': литературная лексема *pol-ь-dьn-ik-ъ* (*полдник*) имеет дисперсный ареал; наряду с ней распространены такие диалектные лексемы, как *pa-už-a* (*пау'жа*), *pa-už-in-ь* (*пау'жин*), *pa-už-in-a* (*пау'жина*), *pa-už-in-ьк-a* (*пау'жинка*), *pa-už-in-ьк-ъ* (*пау'жинэк*), *pa-už-ьп-a* (*пау'жна*), *pa-ob-ěd-ь* (*паб'ет*), *pa-ob-ěd-a* (*паб'еда*), *pa-ob-ěd-ьк-ъ* (*паб'едок*), *pol-u-dьn-ik-ъ* (*па'ludn'ik*), *pol-u-dьn-ьп-ik-ъ* (*па'lud'ən'ik*), *pol-u-dьn-ьк-ъ* (*па'lud'inak*), *pol-u-dьn-ь* (*poluden'*), *pol-ь-dьn-ь* (*pold'en'*), *pol-u-dьn-e* (*poludn'a*), *pol-ь-dьn-e* (*poldn'ə*), *pod-ь-večег-ьк-ъ* (*padv'a'čorak*), *pod-ь-večег-ьк-a* (*podv'e'č'orka*), *per-kqs-ьк-a* (*p'ər'e'kuskə*), *per-kqs-ьč-ьк-a* (*p'ir'a'kusəč'ka*), *kqs-ov-ьп-ik-ъ* (*ku'sovn'ik*), *per-xvat-ьк-a* (*p'ər'ax'vatka*), *čaj-ь* (*č'aj*).

Ситуация, когда литературная лексема отсутствует на карте, так как тотальное распространение имеют диалектизмы, встречается реже, причем в основном в южнославянских говорах, ср.:

в **словенских диалектах**: на к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлышком': среди диалектных лексем *lij-a* (*li:ja*), *lij-ь* (*li:j*), *lij-ьč-ьк-ъ* (*li:jčək*), *liv-o* (*li:wo*), *na-liv-ьк-ъ* (*na:vilek*), *lěj-ь* (*lej*), *traxter-ь* (*t'ra:xtar*), *pled-r-a* (*plé:dra*) отсутствует лексема *lijak*, представленная в литературном языке;

в **хорватских диалектах**: на к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана': широко распространены диалектные лек-

семь *вьгх-ъп-ъј-е* (*vr̥ne*), *skog-up-ъ* (*s'korub*), *kajmak-ъ* (*kajmyk*) при литературной описательной конструкции *kiselo vrhnje*;

в **болгарских диалектах**: на к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво': среди диалектных лексем *s̥er-a* (*s'ara*), *syg-išč-e* (*sirište*), *korast-ъv-a* (*ku'lastra*), *pro-var-a* (*pro'vare*) не встречается литературное название *коластра*;

в **чешских диалектах**: на к. 44 'кислый, квашеный' (о капусте): среди диалектных лексем *kys-ы-ъ* (*kysly:*), *kys-ěl-ъ*, *kys-el-ъ* (*kesele:*, *kiseleĭ*), *kys-al-ъ* (*kisaleĭ*), *kys-an-ъ* (*kisaneĭ*), *kvaš-en-ъ* (*kvašeneĭ*) отсутствует литературное описательное название *kysané zeli*.

Случаи, когда литературная лексема полностью покрывала бы всю территорию того или иного славянского языка, встречаются крайне редко: в южнославянских языках это наблюдается, например, на карте 62 'ужин, вечерняя еда', ср. распространение лексемы *večer-j-a*; в западнославянских, в белорусских и русских диалектах на карте 11 'мука, из которой пекут хлеб', ср. распространение лексемы *mqk-a*.

Все эти факты, как представляется, свидетельствуют об устойчивости лексических диалектизмов во всех славянских языках.

При этом следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что многие из этих диалектных лексем сформировались в глубокой древности, несмотря на это они до сих пор сохраняют свою жизненную силу. Об этом красноречиво говорят их ареалы, в частности межславянские лексические изоглоссы, локализующиеся в диалектах разных славянских языковых групп (ср., например, следующие изоглоссы: слн.-хрв.-серб.-блг.-чеш.-плс.-укр. *dobr-ъ* к. 65 'вкусный'; серб.-мак.-блг.-блр.-укр. *žez-ъk-ъ* к. 48 'горячий'; блг.-слц.-плс.-укр.-рус. *pol-u-dьn-e*, *pol-ъ-dьn-e* к. 59 'обед, еда в дневное время'; слн.-хрв.-серб.-мак.-укр.-рус. *pěn-a* к. 31 'пенка' (на молоке); мак.-укр.-блр.-рус. *вьгх-ъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' и т. д.), при том что во всех славянских языках статус этих лексем является диалектным.

Карты Общеславянского лингвистического атласа свидетельствуют еще об одной яркой особенности славянских диалектов – их динамичности. Она проявляется в том, что все славянские диалекты способны к активному порождению эксклюзивных лексем, которые отличительно характеризуют каждый славянский язык либо на всем пространстве Славии, либо в пределах его языковой группы ср., например, следующие эксклюзивные лексемь:

словенские диалекты: *glaž-ъ* (*glaš*), *koz-ar-ъc-ъ* (*ka'zq:rc*) к. 6 'стакан'; *ruměn-ъ-ak-ъ* (*ruměná:k*) к. 43 'желтая часть яйца' и др.;

хорватские диалекты: žmul-ъ (*žmu:l*) к. 6 ‘стакан’; vьгх-ьп-ј-а, vьгх-ьп-ј-е (*vьgъa, 'vьne*) к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’; běl-an-ъ=ак-ъ (*be'la:nak*) к. 42 ‘белая часть яйца’; (gustoz)-ъ (*gus'to:ž*) к. 65 ‘вкусный’ и др.;

сербские диалекты: њьвг-ьп-ј-ак-ъ (*њa'vьgak*) к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’; ра-воlk-a (*pavlaka*) к. 37 ‘сметана’; крај-ьк-а (*kràjka*) к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ и др.;

македонские диалекты: tekп-е (*tekne*) к. 12 ‘деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева’; трон-ьк-у (*ronki*) к. 19 ‘крошки’ (хлеба); peт-ињ-ьк-а (*pe'tiњka*) к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ и др.;

болгарские диалекты: kobyл-иc-а (*ko'bilica*) к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’; svin-ьsk-o (subst) (*s'vinsko*) к. 21 ‘мясо свиньи’; (geran)-ъ (*ge'ran*) к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ и др.;

чешские диалекты: stьkl-њп-иc-а (*skleňice*) к. 6 ‘стакан’; veрг-ев-о (subst) (*veрgova*) к. 21 ‘мясо свиньи’; žњд-ј-п-ъ (*ži:žњň*) к. 9 ‘желание, потребность пить’ и др.;

словацкие диалекты: ľњv-иk-ъ (*ľevik*) к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’; olovрant-ъ (*olovrant*) к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’; крај-иk-ъ (*kraji:k*) к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ и др.;

лужицкие диалекты: kром-ињ-ьк-а (*krom'iњka*) к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’; (frištuk)-а (*frištuka*) к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’; вењер-ъ (*veњer*) к. 62 ‘ужин’ и др.;

польские диалекты: лексемы kož-ух-ъ (*kožux*) к. 31 ‘пенка’ (на молоке); праг-ьп-еп-ј-е (*pragneńe*) к. 9 ‘желание, потребность пить’; kolacиj-а (*kolacja*) к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ и др.;

белорусские диалекты: korm-у-sl-а (*ka'rom'isla*) к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’; тьlст-ост-ъ (*t'ľustas'c*) к. 29 ‘топленое свиное сало’; пњ-сь-њем-ьп-ъ (*n'иш'њьmnaja v'ad'ro*) к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ и др.;

украинские диалекты: сь-праг-а (*sp'raha*) к. 9 ‘желание, потребность пить’; сњл-уш-ьк-а (*с'i'ľuška*) к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’; star-ьк-а (*s'tarka*) к. 31 ‘пенка на молоке’ и др.

Однако особенно ярко это лексическое своеобразие проявляется в русских диалектах.

Количество отличительно характеризующих русские диалекты эксклюзивных лексем во много раз превышает их число в любом из диалектов Славии*, ср., например, такие лексемы, как:

vod-o-nos-ъ (*vodo'nos, vada'nos*) к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло'; для сравнения в польских диалектах для обозначения коромысла используются лексемы nos-i-dl-a (*nos'idua, nošidła*), nos-i-dl-ъk-y (*nošičk'i, nošilk'i*), šand-y (*šōndy, šūndy*); в сербских – ob-or-m-ic-a (*ob'ramica*), ob-or-m-ъn-ic-a (*óbramenica*), њбы-ъn-j-ak-ъ (*ča'bŕŕnak, čebŕŕnak*), в болгарских – kobyл-ic-a (*ku'bilica, ko'bilica*), в чешских и словацких – vag-y (*va:hi, wa:hi*), važ-ъk-y (*vaški, va:ške*) и др.; prost-ъ (*pros'toj*) к. 3 'пустой, незаполненный'; для сравнения в польских и восточнославянских диалектах распространены лексемы pust-ъ (плс. *pusty*; блр. *pust'byj*; укр. *pust'tyj*; рус. *pust'toj*); porž-ъn-ъ (плс. *prožny*; блр. *pa'rožn'i*; укр. *po'rožn'ij*; рус. *po'rožn'ij, pa'rožnyj*); в южнославянских – лексема porzd-ъn-ъ (слн. *p'razen*; хрв. *prā:zan*; серб. *p'ra:zan*; мак. *prazen*; блг. *p'razen*);

voгn-ъk-a (*vo'ronka, va'ronka, və'ronka*) к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом'; для сравнения в хорватских и сербских диалектах распространена лексема ľev-ъk-ъ (хрв. *lè:vak*; серб. *lìje:vak*), в польских ľej-ъk-ъ (*l'ejek*), в словенских, хорватских, чешских и словацких – лексемы traxter-ъ, trixter-ъ (слн. *trā:xtar*; хрв. *t'rxxtar*; чеш. *traxtir, trixti:r*; слц. *traxta:r*); в сербских, македонских и болгарских – лексемы xun-ij-a, xin-ъk-a (серб. *vu'nija, ì:nka*; мак. *u'nija, inka*; блг. *vu'nija, fŕnka* и др.);

гъrb-ух-a (*gor'buxa*), гъrb-uš-a (*gar'buša*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; гъrb-uš-ъk-ъ (*gorbušok*); гъrb-ъk-ъ (*gor'bok*); krom-ъč-ъk-a (*k'romočkə*); для сравнения в словенских диалектах употребляется лексема kraј-ъc-ъ (*kraјe*), в хорватских – лексемы ob-kraј-ъk-ъ (*ok'ra:јak*), съ-kraј-ъc-ъ (*sk'raјec*); в

* В связи с этим интересно отметить, что русский язык выделяется среди всех остальных славянских языков и тем, что в нем больше всего сохранилось отличительно характеризующей его праславянской лексики, ср.: «Наибольшую лексическую специфичность по отношению к праславянскому лексическому фонду обнаруживает русский язык: почти четыре процента его праславянской лексики не встречается ни в одном другом славянском языке» (Журавлев 1994: 118). Причина этого, по мнению исследователя, кроется в «достаточно раннем диалектном обособлении, в раннем осознании себя носителями данного идиома как выделенной этнической общности, в давней историко-культурной традиции, включающей собственную письменность и т. п.» (Там же).

сербских – об-крај-ѣк-ъ (*ókrajak*), крај-ѣк-а (*kràjka*); в македонских и болгарских – лексема крај-итј-ѣп-ик-ъ (*kraišnik, k'raešnik*); в чешских – съ-крој-ѣк-ъ (*skrojek*), рѣт-ѣк-а (*patka*); в словацких – съ-крој-ѣк-ъ (*sk-rojek*); в польских – лексемы съ-крај-ѣк-а (*skrajka*), рѣт-ѣк-а (*psqntka*);

жіг-ъ (*žyr*) к. 27 ‘подкожный слой жира в свинине’; в южнославянских языках, а также в словацких, польских, белорусских и украинских диалектах широко распространена лексема солн-ин-а (слн. *slā'nina*; хрв. *sla'nina*; серб. *slānina, slanina*; мак. *slanina*; блг. *sla'nina, sla'ninə*; плс. *suonina*; блр. *sol'o'nyna*; укр. *solu'nyna*); в словенских, хорватских, польских и русских – заимствованная из немецкого языка лексема шрек-ъ (слн. *špex*; хрв. *špek*; плс. *špek*; рус. *šp'ik*); в польских диалектах – лексема об-kras-a (плс. *okrasa*) и т.д.;

у-stoj-ъ (*us'toj*); при-вар-ѣк-а (*pry'varka, pr'i'vark'i*) к. 31 ‘пенка’ (на молоке); в сербских и хорватских диалектах – лексема skog-ур-ъ (*š'koru:p, skòru:p*); в чешских – skog-o-lup-ъ (*škraloup*); в словацких – kož-a, kož-ѣк-а (*koža, koška*); в словенских и болгарских – лексема съ-met-an-a (*s'mie:tana, sme'tana*); в сербских, македонских и болгарских – kajмак-ъ (*kajmak, kaj'mak*);

суг-ъ (*syр*); smol-a (*sma'la, smə'la*); суг-о meļk-о (*sy'ro molo'ko*) к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’; в болгарских диалектах – лексема korast-ѣв-а (*ku'lastra*); в македонских – kolastr-a (*kul-estra*); в сербских и хорватских диалектах – gruš-al-in-a (*grūšalina, grūša:lina*); в словенских, хорватских, сербских, чешских и словацких – лексемы meļz-iv-o, meļz-iv-a (слн. *mlè:zva*, хрв. *m'leživo, m'liziva*; серб. *mlē:zivo*; чеш., слц. *mlezivo*);

prost-o-kyš-a (*prosto'k'iša, prəsto'k'iša*); prost-o-kvaš-ѣк-а (*prəsta'kvaška*); kvašen-ѣк-а (*kva'sonka, kva'sonka*) к. 35 ‘сырое кислое молоко’; у большинства южных и западных славян – это понятие передается описательной конструкцией типа kys-ěl-o meļk-о (*'kiselo m'leko*);

ра-уž-ѣп-а (*'paužna, 'pavžna*) к. 59 ‘обед, еда в дневное время’; кроме лексемы об-ѣд-ъ, распространенной во всех славянских языках, в словенских, хорватских, сербских, болгарских диалектах употребляется лексема уž-ин-а (слн. *jə'ži:na*; хрв. *'južina*; серб. *ùžina*; блг. *'južina*); в словенских – kqs-i-dl-o (*kosi:lo*); в сербских, македонских, болгарских диалектах – лексема рѣ-ѣк-ъ (серб. *ru:čak*; мак. *'ručuk*; блг. *ru'čək*);

ра-уž-a (*'pauža*); ра-ob-ѣд-ъ (*'pab'et, 'pab'ət*); ра-ob-ѣд-ѣк-ъ (*'pab'edok, 'pab'ədok*); подъ-večer-ѣк-а (*podv'eč'orka*); kqs-ov-ѣп-ик-ъ (*ku'sovn'ik*); per-xvat-ѣк-а (*p'er'ex'vatka*) к. 61 ‘еда между обедом и ужи-

ном, полдник²; в южнославянских языках употребляется лексема *už-in-a* (*Južina*); в чешских диалектах – *svač-in-a* (*svačina*); в словацких – *olovrant-ъ* (*olovrant*), *nešpor-ъ* (*nešpor*); в польских – лексема *podъ-večer-ък-ъ* (*podv'ecorek*);

večer-ic-a (*v'ač'er'icə*) к. 62 'ужин, вечерняя еда'; во всех славянских диалектах употребляется лексема **večer-j-a**; в польских диалектах, кроме того, лексема *kolacij-a* (*kolacyja*); в русских и белорусских – лексема *už-in-ъ* (*'užyn*, *'vižyn*) и т. д.*

Понятно, что эти эксклюзивные лексемы образовались в русских диалектах не вчера и не сегодня. Многие из них сформировались в глубокой древности, однако их жизнь продолжается и в настоящее время. Это, как правило, лексемы, отличительно характеризующие говоры севернорусского наречия. Они имеют так называемые «маргинальные» ареалы, которые довольно равномерно расположены в периферийных областях севернорусского наречия. Эти ареалы имеют обычно неровные контуры границ, что, в соответствии с теорией лингвогеографии, свидетельствует об архаичном характере данной лексемы, оттесненной «иррадиацией волн» из центра на периферию. Такой тип ареала характеризует, например, лексему *prost-ъ* (*pros'toj*) на к. 3 'пустой, ненаполненный', распространенную в архангельских, вологодских и костромских говорах. На ее былое существование в русском языке указывают памятники древнерусской письменности, (ср.: **простыни** 'пустой' – Срезн. II: 1583).

Особенно много архаичных эксклюзивных лексем среди тех, которые выделяют диалекты того или иного славянского языка в рамках их языковой группы, но при этом они находят продолжение в диалектах других славянских языков, ср., например, распространение русской эксклюзивной лексемы *porzd-ьн-ъ* (*po'roznoj*) к. 3 'пустой, ненаполненный', которая зафиксирована в севернорусских (архангельских и вологодских) говорах, в западной группе среднерусских говоров (новгородских, псковских, тверских), а также широко представлена в южно- и западнославянских языках. Обширный ареал этой лексемы, представленной в диалектах всех трех славянских языковых групп, наличие ее в памятниках древнерусской письменности (ср. **порозьный** 'свободный, пустой' Срезн. II: 1212) свидетельствует в пользу ее праславянской древности.

* Ограниченный объем статьи позволил привести лишь некоторые русские эксклюзивы (более полный их список см. в: Вендина 2009).

Однако среди эксклюзивных лексем немало и таких, которые сформировались значительно позднее, т.е. они являются уже фактом собственной истории тех или иных диалектов (ср., например, распространение в русских диалектах таких лексем, как *гъѣб-уѣ-ѣк-а* (*gor'buška*) к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *ob-čist-ѣк-у* (*oč'istk'i*) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *už-in-ѣ* (*užyn*) к. 62 'ужин, вечерняя еда'; *vorп-ѣк-а* (*vo'ronka*) к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом': ареалы этих эксклюзивов характеризуется высокой плотностью, контуры их являются практически ровными (часто совпадающими с государственными границами России), что, в соответствии с теорией лингвогеографии, свидетельствует об их сравнительно позднем образовании.

На позднее образование многих русских эксклюзивов указывает и их словообразовательная структура: в большинстве своем они представлены производными лексемами (ср., например, следующие эксклюзивы *kvaš-en-ѣк-а* к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *u-stoj-ѣк-ѣ, sѣn-jѣm-ѣк-ѣ, sѣn-jѣm-ѣк-у* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *гъѣб-ѣк-ѣ, гъѣб-ѣѣ-ѣк-ѣ* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *kraj-ux-а* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *žblt-уѣ-ѣ, žblt-уѣ-ѣк-ѣ, žblt-уѣ-ѣк-о* к. 43 'желтая часть яйца'; *kor-in-а* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *per-xvat-ѣк-а* к. 58 'завтрак, утренняя еда' и т.д.), что само по себе является свидетельством их позднего происхождения, так как лексем, структура которых в словообразовательном отношении «является прозрачной, оказываются более поздними» (Климов 1990: 122).

Обращение к древнерусским словарям подтверждает это предположение, так как большинство из приведенных выше эксклюзивных лексем **либо отсутствует в памятниках древнерусской письменности** (ср., например, такие лексем, как *u-stoj-ѣ* к. 31 'пенка' (на молоке); *pa-už-ѣn-а* к. 59 'обед, еда в дневное время'; *pa-už-а* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник'; *гъѣб-уѣ-а, гъѣб-уѣ-ѣк-а* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *kraj-uѣ-ѣк-ѣ, kraj-uѣ-ѣк-а* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *prost-o-kyѣ-а* к. 35 'сырое кислое молоко'; *žblt-уѣ-ѣ, žblt-уѣ-ѣк-о* к. 43 'желтая часть яйца'; *ob-lup-ѣк-а* (-у) к. 51 'кожура, снятая со старой картошки'; *pa-už-in-ѣ, pa-už-in-а, pa-už-in-ѣк-а, pa-už-in-ѣк-у, pa-už-in-ѣк-ѣ, pa-už-ѣn-а* к. 61 'еда между обедом и

ужином, полдник»; *pa-ob-ěd-ъ, pa-ob-ěd-a, pa-ob-ěd-ъk-ъ* к. 61 'еда между обедом и ужином, полдник' и т.д.), **либо фиксируется в ином значении** (ср., например, лексемы *vod-o-nos-ъ* к. 2 'деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло' и др.-рус. **водонось** 'ведро' Срезн. I: 278; *vbrš-ьk-ъ* к. 37 'густой жирный верхний слой кислого молока, сметана' и др.-рус. **вьршькъ** 'верх, верхушка' Срезн. I: 468; *žir-ъ* к. 27 'подкожный слой жира в свинине' и др.-рус. **жиръ** 'богатство' Срезн. I: 875; *sur-ъ* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' и др.-рус. **сыръ** 'творог, сыр' Срезн. III: 876; *stol-a* к. 32 'молоко коровы сразу после отела, молозиво' и др.-рус. **смола** 'древесный сок' Срезн. III: 445 и др.).

Таким образом, материал Общеславянского лингвистического атласа свидетельствует о том, что в диалектах идет процесс перманентного обновления их лексического состава. Одни лексические единицы с течением времени теряют свою образность и свежесть и уходят на периферию, тогда как на их место приходят другие, более яркие и выразительные.

О жизнестойкости диалектов, и в частности лексических диалектизмов, свидетельствуют и материалы национальных атласов славянских языков, особенно лексических атласов.

В качестве иллюстрации можно привести ситуацию в русских диалектах, отраженную на картах «Лексического атласа Московской области» А. Ф. Войтенко. Находясь в непосредственной близости к крупнейшему административному и культурному центру, способствующему утрате или нивелировке диалектных особенностей, эти говоры как будто бы должны были давным-давно исчезнуть, однако они довольно хорошо сохранили свою лексику, демонстрируя жизненную силу, богатство и образность народного языка (ср., например, такие диалектизмы подмосковных говоров, как *'пунька* 'постройка для хранения мякины' (ю.-зап.), *творило* 'подъемная дверь в погреб' (юг), *'голбец* 'деревянная пристройка к печи в виде лежанки' (сев.), *ро'гач* 'ухват' (ю.-вост.), *на'ливка* 'половник' (зап.), *ста'вок* 'подставка для лучины' (сев.-вост.), *'полденка* 'ведро, в которое доят корову' (сев.-зап.), *сна'ряда* 'одежда' (вост.) и др.). И если это богатство сохранилось в условиях наименее «благоприятных» для выживания диалектного слова, то есть надежда его обнаружить в местах, удаленных от центра.

Справедливость этого предположения доказала развернувшаяся работа по созданию «Лексического атласа русских народных говоров» (материалы для которого собирались в полевых экспедициях в 80–90 гг. XX в.).

Карты этого атласа демонстрируют довольно хорошую сохранность лексических диалектизмов (ср., например, распространение таких лексем, как *'векша, мысь* к. 'белка'; *би'рюк, би'рючина* к. 'большой медведь'; *бача'жинник, ба'чажник* 'густые заросли кустарника'; *'гайна, 'гойна, гай'но, 'гаино, 'гойно гар'на, гар'но, гнездо, гнездовье* к. 'нора небольшого зверя'; *голо'щѣка, е'лань, между'лесица, между'лесье, палес'тина, палес'тинка* к. 'поляна, открытое место в лесу'; *'поред, поред'няк, 'поредь, по'редье* к. 'редкий лес'; *ла'донь* к. 'типы гумен'; *бздун, бздох, бздюль, бздох, тхорь, отхорь* к. 'хорь'; *на'возник, навоз'няк; пече'рик, пече'рика, пече'рица, пече'ричка; печу'рица* к. 'шампиньон'; *виш, 'вишарь, кур'жа, 'куржавень, кур'жавина, кур'жак, куржева, курже'ва, 'куржевень, курже'вень, 'куржевина, кур'жевина, курже'вина, 'куржевина, кур'жевина* к. 'иней'; *аре'ма, а'рема, берег'няк, бере'говик, берего'вина, бере'жина, бе'режник, береж'ник, береж'няк, 'займище, ле'вада, озе'рина, 'наберега, побе'режина, подбе'режник, при'бережник, при'брежник, прибреж'няк, ре'ма, уре'ма, урѣ'ма* к. 'лес, растущий по берегам рек, озер' и др.), причем многие из этих диалектизмов были зафиксированы впервые, ибо их нет даже в таких солидных изданиях, как «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и академический «Словарь русских народных говоров», ср., например, такие лексемы, как *ле'шак, лесо'вик* к. 'медведь'; *голо'щѣка, про'гал, про'галина* к. 'поляна'; *бер'ла, вер'лог, за'лежина, 'лежа* к. 'берлога'; *виш, 'инега, 'оморозь* к. 'иней' и т. д.

Несмотря на то что после выхода в свет словаря В. И. Даля прошло более ста пятидесяти лет, русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия, что особенно ярко проявляется в наличии в них таких слов, которым в литературном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (ср., например, лексемы, представленные на карте 'густые заросли кустарника': *ба'чажник, гус'тарник, 'зарастель, кус'тарщина, па'лежник, чапа'рыжник, час'тельник* и др.).

Следует отметить, что эта ситуация не является исключительной. Материалы Общеславянского лингвистического атласа также показали, что во всех славянских диалектах, в пунктах, непосредственно прилегающих к столице того или иного государства, часто фиксируются диалектные, а не литературные лексемы, см., например, следующие карты:

словенские диалекты: к. 1 'вырытая в земле яма для добывания воды, колодец' диал. *stern-a (š'tie:rna)* (пп. 8, 9) при лит. *vodnjak*, к. 5 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом' диал.

lij-ь (*li:j*), traxter-ь (*trá:xtar*) при лит. *lijak*; к. 65 ‘вкусный’ (о еде) диал. добр-ь (*dó:bər*) при лит. *okusen* и т. д.

хорватские диалекты: к. 5 ‘воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом’ диал. traxter-ь, trixter-ь (*traktù:r, t'rgxtqr*) (пп. 28, 29) при лит. *lijevak*; к. 39 Nsg (j)aje диал. ај-ьс-е (*ja:j'ca, je'ce*) при лит. *jaje*; к. 40 *dem.* (j)aje диал. ај-ьџ-ьс-е (*jajčece*) при лит. *jajašce* и др.

сербские диалекты: к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ диал. крај-ьк-а (*kraǰka*), крај-ик-а (*kra'ika*) (пп. 54, 63) при лит. *окрајак*; к. 30 ‘женщина, которая доит коров’ диал. stan-а-а, stan-а-г-и-с-а (*sta'nara, stanárica*) при лит. *музиља*; к. 48 ‘горячий’ (о воде) диал. вьг-qt-ј-ь (*vrù:c*) при лит. *врео* и др.

македонские диалекты: к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ диал. крај-итј-ьп-ик-ь (*kraišnik, kraešnik*) (пп. 95, 100) при лит. *крајче*; к. 37 ‘густой жирный верхний слой кислого молока, сметана’ диал. ког-а, ког-ьк-а (*kora, korka*) при лит. *кајмак*; к. 65 ‘вкусный’ (о еде) диал. хуб-ав-ь (*ubaf*) при лит. *вкусен* и др.

болгарские диалекты: к. 48 ‘горячий’ (о воде) диал. жеж-ьк-ь (*žeška*) (пп. 117, 118) при лит. *горещ*; к. 54 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’ диал. ѓд-ј-ен-ьј-е (*'jeden'e, 'jaden'e*) при лит. *храна*; к. 65 ‘вкусный’ (о еде) диал. болг-ь (*blag, blak*) при лит. *вкусен* и др.

чешские диалекты: к. 26 ‘жирный’ диал. тьlst-ь (*tlusti; tlustej*) (пп. 177, 186) при лит. *tučný*; к. 31 ‘пенка’ (на молоке) диал. об-таp-ьк-ь (*vota:pek*), сь-вьгš-ьк-ь (*svjšek*) при лит. *škraloup*; к. 65 ‘вкусный’ (о еде) диал. добр-ь (*dobrej*) при лит. *chutný* и др.;

словацкие диалекты: к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ диал. сь-кroj-ьк-ь (*skrojek*) (пп. 209, 210) при лит. *крајік, копček*; к. 26 ‘жирный’ диал. тьlst-ь (*tusti; tľsti:*) при лит. *mastný, tučný*; к. 48 ‘горячий’ (о воде) диал. вьг-ěl-ь (*vreči; vrelí:*) при лит. *hogúci* и др.

польские диалекты: к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ диал. ред-у (*pydy*) (пп. 284, 285) при лит. *nosidla*; к. 42 ‘белая часть яйца’ диал. бѐл-ьк-ь (*bjautek, by'utek*) при лит. *białko*; к. 43 ‘желтая часть яйца’ диал. жьлт-ьк-ь (*żuutek, zo'utek*) при лит. *żółtko* и др.

белорусские диалекты: к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ диал. студ-ьп-ьј-а (*s'tudn'a*) (пп. 348, 358) при лит. *калодзеж, калодзезь*; к. 2 ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ диал. коpм-у-сл-а (*ka'rom'ista*) при лит. *каромысел*; к. 54 ‘все, что употребляется в пищу людьми, еда’ диал. ѓд-а (*ji'da*) при лит. *ежа* и др.

украинские диалекты: к. 31 ‘пенка’ (на молоке) диал. рѐн-а (*p'ina*), плѐв-ьк-а (*p'l'ivka*) (пп. 459, 460) при лит. *шкірка, кожушок*; к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ диал. луш-р-ај-ьк-а (*luš'pajka*)

при лит. лушпиння; к. 58 'завтрак, утренняя еда' диал. s'n-ěd-an-ъje (*s'n'idan'e*) при лит. сніданок и др.

Широкомасштабное лексикографическое и лингвогеографическое изучение диалектов во всех славянских странах, начавшееся с середины XX в., развернувшаяся работа по созданию диалектологических атласов показали ошибочность утверждений об отмирании диалектов в условиях социальной интеграции, так как обнаружили огромные пласты хорошо сохранившейся диалектной лексики.

Это хорошо видно, например, на картах опубликованного недавно «Словенского лингвистического атласа» (*Slovenski lingvistični atlas*. Ljubljana 2011), большая часть материала которого собиралась в XX в. (последняя запись датируется 2011 г.). Многие карты этого атласа изобилуют диалектизмами при том, что литературные лексемы имеют лишь небольшие ареалы (см., например, карту 22 'ustnice' (губа), на которой наряду с литературным названием *ustnice* широко представлены диалектизмы *žnablja*, *žnabljica*, *šobec*, *šobica*, *trobec* и др.; или к. 94 'šerav' (косой), где наблюдается лексическая вариативность лексем *šepast*, *kruljav*, *čotast*, *šajtrav*, *krampast*; или к. 110 'stara mati' (бабушка), на которой литературной описательной конструкции соответствуют диалектные формы *babica*, *nona*, *mati*, *starica*, *starika*, *nunica*, *baka* и др.; или к. 124 'mož' (муж), на которой представлены обширные ареалы диалектных лексем *ded*, *deda*, *dedec*, *moj*, *naš*, *on*, *sam*, *človek* и др.

Таким образом, и национальные атласы славянских языков, и Общеславянский лингвистический атлас свидетельствуют о консервативности славянских диалектов, на протяжении многих веков успешно противостоящих внешним влияниям, а также тенденции к стандартизации. Более того, наличие эксклюзивных образований дает основание предположить, что на современном этапе развития славянских языков возникает некая новая диалектальность, связанная с появлением диалектных лексем, имеющих существенные отличия как от литературного языка, так и от других диалектов.

В этой связи закономерно встает вопрос: в чем причина этой лексической устойчивости диалектов в условиях процессов социальной интеграции, протекающих во всех славянских странах?

Ответ, по-видимому, следует искать в самой традиционной культуре, в своеобразии ее языковой картины мира, поскольку восприятие и осмысление человеком мира является производным от его культурно-исторического бытия.

Так, в частности, анализ русской диалектной языковой модели мира (подробнее см. Вендина 1998) показал, что в отличие от литературного

языка она имеет иную номинативную логику и соответственно отражает иную классификацию человеческого опыта, так как ее когнитивная сетка, «набрасываемая» на окружающий мир, оказывается более густой. Необходимость понятийного расчленения того или иного семантического пространства диалектной картины мира продиктована самой логикой организации традиционной духовной культуры. Лексическая детализация ее языка связана с реальной практической потребностью диалектоносителей (так, например, для носителя литературного языка неважно, какие последствия для сельского хозяйства повлечет за собой дождь, а для крестьянина – важно, отсюда лексемы *сенокной* ‘мелкий продолжительный дождь во время сенокоса’ Тобол., Тюмен., Курган., Том., Кемер., Иркут., Хабар., Свердлов., Перм., Ярослав., Арх., Карел., Олон., СРНГ 37: 170; или *огуречник, огуречничек* ‘теплый грибной дождь в конце июня’ Орл., СРНГ 22: 365). Как видно из приведенных примеров, эти диалектные лексемы не имеют в литературном языке однословных соответствий, а передаются описательными конструкциями, то есть номинативные принципы освоения этой семантической сферы литературного языка здесь просто не работают*. Поэтому диалектная категоризация мира отличается от литературной, то есть диалекты имеют свой взгляд на окружающий мир**. В них ярко выражена зависимость от внешних условий бытия, близость к натуральному хозяйству, исконным занятиям крестьянина, парцеллирование объектов познания, антропоцентризм и субъективизм. При этом «сознание не просто дублирует с помощью знаковых средств отражаемую реальность, а *выделяет* в ней *значимые* для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности» (Петренко, 1988: 12), то есть объективный мир членится человеком с точки зрения категорий ценности. Поэтому это не пассивная объективация внешнего мира, а

* Ср. в связи с этим пример, который приводит в своей статье В. Н. Шапошников. Говоря о нормализаторской и унифицирующей установке местной прессы (г. Шуя, бывш. Владимирская губ.), автор отмечает и сохранение в ней многочисленных диалектизмов (таких, например, как *лавы* ‘легкий сезонный мост через реку’, *мытилка* ‘род плота для полоскания белья в реке’), которые «являются неотъемлемым элементом письменной и электронной прессы, так как обозначаемые ими реалии являются существенной частью хозяйственного ландшафта, а потому они являются устойчивыми компонентами языкового сознания» (Шапошников 1999: 53).

** Не случайно крупнейший немецкий диалектолог Й. Л. Вайсгербер дал такое определение диалекту: «Диалект есть языковое освоение родных мест» (Weisgerber 1956: 7).

сознательное и целенаправленное словотворчество, в котором семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет для крестьянина практическую ценность в повседневной жизни, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в окружающем его мире.

Кроме того, диалектная картина мира отличается от литературной «своим естественным характером, поскольку она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, близость к природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется никакой кодификацией... Поэтому диалектоноситель иначе “ословливает” окружающий мир, рисует иную картину бытия, чем носитель литературного языка, опираясь на возможности своего диалекта, развивая и обогащая их» (Радченко 2004: 25). Не случайно известный немецкий диалектолог Ф. Штро, говоря о соотношении диалекта и литературного языка, отмечал: «Диалект рисует в красках то, что литературный язык представляет лишь в общих очертаниях» (Stroh 1931: 247). Это своеобразие диалектной номинативной логики лексической параметризации окружающего мира делает их устойчивыми к внешним влияниям, позволяет «без перерождения выдерживать напор этих влияний» (Потебня 1905: 175) и противостоять интеграционным процессам.

Следует, однако, отметить, что все эти факты нельзя абсолютизировать. Процессы нивелировки диалектов под влиянием, прежде всего, социальных факторов, конечно, протекают. Об этом свидетельствует и изменение образа жизни деревни (и здесь немалую роль играет процесс индустриализации общества), и сужение круга диалектоносителей, и высокий процент среди них образованных людей, и утрата прежней социально-демографической и территориальной замкнутости, локальной ограниченности, и отсутствие социальной коммуникативной престижности диалекта, и т. д. Однако, не отрицая значимости всех этих факторов, следует признать, что во всех славянских языках территориальные диалекты довольно хорошо сохраняются и имеют своих активных носителей*.

* Ср. в связи с этим точку зрения Г. П. Нешименко, которая, исследуя языковую ситуацию в славянских странах, пришла к сходному выводу: «В большинстве славянских языков территориальные диалекты до сих пор довольно хорошо сохранились, имеют большое количество своих носителей и даже активных пользователей, т.е. отнюдь не являются реликтовыми образованиями, которые могут игнорироваться. В современной коммуникации их функциональный спектр также до-

И это несмотря на драматическую историю славянских диалектов в XX в. Социальные потрясения, которые пережили все страны в связи с двумя мировыми войнами, локальные войны в южнославянских странах, миграционные потоки населения, диалектные смешения, политическая компрометация крестьянства, тяжелые по своим последствиям социальные эксперименты (революция, коллективизация, раскулачивание, сознательное уничтожение бесперспективных деревень, как это было в России в середине XX в.) – все эти социальные катаклизмы не смогли уничтожить диалекты.

Не смогла уничтожить диалекты и языковая политика государств, направленная на распространение кодифицированной формы языка и устранение диалектов в связи с задачей всеобщего и обязательного образования. Здесь особенно показательна ситуация в чешском языке. «Несмотря на наличие у чешского этноса... идеальных условий для максимального приобщения носителей чешского языка к литературному идиому, для развития под его «эгидой» интеграционных тенденций в языковом пространстве и, наконец, инвазии литературного языка во все ситуации общения, в том числе и повседневного, ожидаемое не состоялось» (Нещименко 2003: 25).

Об этом свидетельствуют, с одной стороны, диалектные атласы славянских языков, а с другой – Общеславянский лингвистический атлас. Все они демонстрируют огромные пласты хорошо сохранившейся диалектной лексики, что говорит о том, что прогнозируемое стремительное исчезновение диалектов в условиях индустриализации общества, повышения уровня жизни населения не подтвердилось даже у этносов с компактным языковым пространством (см., например, ситуацию в словенских диалектах).

Понятно, что в этом контексте особое значение приобретает развитие славянской диалектологии, поэтому существующая до сих пор инерция негативного отношения к изучению диалектов (особенно в педагогических вузах, следствием чего является сворачивание курса диалектологии, отмена диалектологической практики) должна быть преодолена как мешающая поступательному движению вперед.

статочно широк: они используются не только как средство бытового и внутрисемейного общения, но и в сфере культуры. У «островных» лингвоэтнических групп диалекты нередко функционируют в высших коммуникативных функциях, являясь в своем роде аналогами литературного языка метрополии. Наконец, они играют роль языка так называемой «малой родины», служа средством этнолокальной идентификации» (Нещименко 2003: 113).

ЛИТЕРАТУРА

- Вендина 1998 – *Вендина Т. И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.
- Вендина 2009 – *Вендина Т. И.* Русские диалекты в общеславянском контексте. М., 2009.
- Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980. Т. I–IV.
- Журавлев 1994 – *Журавлев А. Ф.* Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
- Нещименко 2003 – *Нещименко Г. П.* Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.
- Петренко 1988 – *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
- Потебня 1905 – *Потебня А. А.* Язык и народность // *Потебня А. А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
- Радченко 2004 – *Радченко О. А., Закуткина Н. А.* Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6.
- Срезн. – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003. Т. I–III.
- СРНГ– Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965. Т. 1.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Т. 1.
- Шапошников 1999 – *Шапошников В. Н.* О территориальной и функциональной структуре русского языка в конце XX столетия // Вопросы языкознания. 1999. № 2.
- Stroh 1931 – *Stroh F.* Sprache und Volk // *Hessische Blätter für Volkskunde.* 1931–1932. Bd. XXX–XXXI.
- Weisgerber 1956 – *Weisgerber J. L.* Die Leistung der Mundart im Sprachganzen Vortrag bei der Arbeitsbesprechung über die Pflege der Mundarten in Recklingshausen am 17 März 1956 Munster (Westf). 1956.

Vendina T. I.

The Contemporary State of Slavic Dialects in the Perspective
of the New Data of the All-Slavic Linguistic Atlas

The article is on the analyses of the linguistic prognosis about the dying out of dialects in the situation of social integration and industrialization of the society.

Key words: *Slavic dialects, the All-Slavic Linguistic Atlas, traditional spiritual culture.*

Н. А. Сеница
(Екатеринбург)

Языковой образ священнослужителя в русской и польской традициях (рус. *pop*, польск. *ksiądz*)*

В статье осуществляется анализ семантических дериватов рус. *pop*, польск. *ksiądz* (в русском и польском языках и диалектах), а также фразеологии и паремиологии с участием этих слов. Выделяются основные черты языкового образа священнослужителя в обоих языках: характерный внешний вид, морально-этические характеристики, особенности бытового уклада и др. Отмечаются сходства и различия в восприятии священнослужителя в двух языках и культурах.

Ключевые слова: *славянская лексикология, семантическая реконструкция, сравнительная семасиология, этнолингвистика, народная религия, традиционная культура.*

Лексика, обозначающая служителей культа, активно выступает в качестве основы для образования семантических и семантико-словообразовательных дериватов, входит в состав фразеологизмов и паремий в русской и польской языковых традициях (то есть в общенародном языке и говорах). Совокупность таких дериватов и фразеологизмов, раскрывающая семантико-мотивационный потенциал изучаемых лексем, в настоящей статье будет обозначена термином *семантико-мотивационное поле* (вслед за Е. Л. Березович, Е. В. Шабалиной и др.).

В русском языке особой языковой выразительностью обладает слово *pop*. Оно обозначает как священнослужителя средней (второй) степени церковной иерархии, иерея (что соответствует первоначальному значению слова в русском языке), так и любого другого представителя духовенства (ср. влг. *знать всех царей, попов* 'много знать'¹). Семантико-мотивационное поле с ядром *pop* включает в себя практически все мотивы, приписываемые и другим представителям духовенства. Причины особой «выделенности» *popa* таковы: во-первых, носители русской народной лингвокультурной традиции (в первую очередь крестьянство) сталкивались главным образом с этой категорией

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

служителей культа и имели мало контактов с высшими церковными чинами (очевидно, по этим причинам семантические дериваты и паремии, основанные на наименованиях высшего духовенства, в русском языке представлены мало и не имеют развернутой системы мотивов); во-вторых, само слово *non* обладает чрезвычайно экспрессивным фонетическим обликом, выделяющим его из ряда синонимов (*церей, пресвитер, священник*) и обуславливающим, в известной мере, появление уничижительных оттенков значения этого слова.

Отличие от русского языка, в польской языковой традиции довольно представительны семантико-мотивационные поля, основанные на обозначениях высших степеней духовенства: *biskup* 'епископ', *kardynał* 'кардинал', *papież* 'Папа Римский'. Среди польских обозначений священнослужителя средней ступени церковной иерархии, помимо основного слова *ksiądz* 'священник', в образовании семантических дериватов участвуют также лексемы *kapłan* 'священник', *pleban* 'приходской священник', *proboszcz* 'приходской священник' и заимствованное из русского или украинского слово *pop* (*pip*).

В настоящей статье будут изучаться семантико-мотивационные поля, в основе которых базовые обозначения священнослужителей – рус. *non* и польск. *ksiądz*².

В народной картине мира священник вписывается в определенную систему социальных отношений. С одной стороны, обозначается его место в церковной иерархии, где он сопоставляется с низшими чинами духовенства. В русской традиции это, к примеру, дьякон («Поповство – холопство; дьяконство – барство» <говорят попы>³) и звонарь («Не в попы, так в звонари»⁴), в польской – органист («Lepszy być księdzem niż organistom» [Лучше быть ксендзом, чем органистом]⁵). Сопоставление с высшими чинами проявляется только в польской паремииологии, где ксендз соотносится с епископом: «Z księdza bywa biskup» [Из ксендза бывает епископ]⁶. Кроме того, в некоторых паремиях священник ставится в ряд с представителями иных социальных слоев. Так, в русских загадках в эти ряды входят поп, дьяк, чиновник, князь, царь: сиб. «Рассыпался корабль по мхам, по морям, по всем городам; не собрать этого корабля: ни князьям, ни попам, ни думным дьякам, ни серебряникам» <небо и звезды>⁷; «Раскладу я клетку – и царю не скласть; ни попам, ни дьякам, ни богатым мужикам» <щепать лучину>⁸. В обоих языках поп может включаться в оппозицию с солдатом (брян., курск. *ni popu, ni nájमितу* 'говорится в шутку в разных случаях, где представляется недостаток в чем-либо'⁹, польск. «Dasz bezbożnemu żołnierzowi,

czego nie dasz kapłanowi» [Дашь безбожному солдату, чего не дашь священнику]¹⁰). В польском языке священник может упоминаться в одном ряду с доктором («Ksiądz i doktor choćby siedział w lesie, każdy jemu niesie» [Ксендз и доктор, даже если сидел в лесу, каждый ему несет]¹¹, «Ksiądz a doktor niczym się nie brzydzi» [Ксендз и доктор ничем не брезгуют]¹², «Ksiądz dla dusze, doktor dla zdrowi» [Ксендз для души, доктор для здоровья]¹³) и адвокатом («Ksiyndz, adwokat i zima nie podarują» [Ксендз, адвокат и зима не подарят]¹⁴).

Важной составляющей языкового портрета священнослужителя и в русском, и в польском языках становится его необычный внешний вид. Одной из наиболее ярких деталей его образа является особая одежда. Для русского попа это *ряса* ‘внебогослужебная одежда священнослужителей и монахов – длинная, просторная, с широкими рукавами, преимущественно черного цвета’ и *риза* ‘богослужебное облачение священника в виде длинной одежды без рукавов с приподнятым плечьем’¹⁵; для польского ксендза – *ryza*, *sutanna* ‘длинная одежда католических священников, чаще черного цвета с низким стоячим воротником’ и *habit* ‘длинное монашеское одеяние’. Признак принадлежности такой одежды именно священнику проявляется в ряде паремий: рус. «Если не поп, не суйся в ризы»¹⁶, польск. «Kiedyś nie ksiądz, nie wdziejaj sutanny» [Раз ты не ксендз, не надевай сутаны]¹⁷, «Kiedyś nie pop, nie kładźże na siebie ryzu» [Если ты не поп, не надевай на себя ризы]¹⁸, «Habit nie czyni księdza» [Хабит не делает ксендза]¹⁹.

В русском языке отмечается представление о поповской одежде как об особо длинной и широкой: новг. *как попова риза* ‘о длинной одежде’, *как попов рукав* ‘о чем-л. широком’²⁰, арх. *вышивать пópиками* ‘вышивать узор из фигур, похожих на людей в длинной одежде’²¹. Длина одеяния ксендза подчеркнута и в польской паремии: «Nie czyni księdza długa suknia ani żołnierza złota szabla» [Не делает ксендза длинное одеяние, а солдата сабля]²². Стоит выделить также польскую лексему *ksiądz* ‘садовый клоп’²³, которая, по мнению А. В. Гуры, может быть мотивирована внешним сходством клопа со священником в ризе²⁴. Однако образование такого значения может быть связано еще и с тем, что и священник, и клоп воспринимались живущими за чужой счет, «сосущими чужую кровь»²⁵ (ср. рус. «Попы паствятся над мертвыми, а клопы над живыми»²⁶) и с фонетическим созвучием слов *поп* и *клоп* в русском языке (ср. «Где попы, там и клопы»²⁷, «И у соборных попов много клопов»²⁸). Фонетическим созвучием слов, по-видимому, обусловлен и обряд изгнания клопов:

их часто подбрасывали священнику со словами: «Куда поп, туда и клоп», клали священнику в шапку, подкладывали в карман или под седло лошади, говоря: «Попы, везите ваши клопы», «Попы, попы, возьмите наши клопы»²⁹.

Другим важным аспектом характеристики одежды попа и ксендза становится цвет. Повседневная одежда священнослужителя, как правило, была черного цвета, что послужило причиной для развития идеи черного цвета в связи с образами попа и ксендза: смол. *pop* 'название обгорелой лучины'³⁰, пск. *pop na сивой кобыле ездит* 'о тёмной ночи'³¹, олон. *попова курица* 'ворона'³², арх. *pop* 'мелкая речная непромысловая рыба семейства бычков': «Попы – наподобие форма налима, серовато-черного цвета»³³, польск. диал. *pop* 'тетерев во время смены оперения'³⁴, польск. *jeść z księdzem* [есть с ксендзом] 'есть что-либо подгорелое'³⁵, кашуб. *ksiz jaxał* [ксендз ехал], *pop pżeżzał* [поп проехал] 'о подгоревшем блюде'³⁶. Последний факт в одном из словарных контекстов получил народно-этимологическое переосмысление: блюдо подгорело, так как все домашние выбежали из дома, чтобы посмотреть на проезжающего ксендза. Кроме того, мотивация данного выражения может быть связана и с представлением о таком действии священнослужителя, как кажение (ср. польск. *ksiądz wlażł* [ксендз влез] 'о задымившемся блюде'³⁷). В русском языке фиксируется и выражение, указывающее на яркость облачения священника, предназначенного для праздничных, торжественных богослужений: пск. *ясный как попова риза* 'о блестящей, отливающей золотом одежде'³⁸.

Еще одной отличительной чертой облика священнослужителя является его необычный головной убор. В русском языке есть указание на два типа головных уборов, характерных для священнослужителя: *клобук* 'головной убор цилиндрической формы черного цвета, покрытый спадающей на плечи тонкой черной тканью'³⁹ и *скуфья* 'повседневный головной убор священнослужителей и монахов в виде мягкой складывающейся шапочки черного, реже фиолетового цвета'⁴⁰. В обоих случаях происходит перенос значения по модели «название головного убора → название растения» (на основе подобия формы): твер. *клобук поповский* 'рогоз узколистный'⁴¹, диал. *попова скуфья* 'одуванчик, дикий цикорий'⁴². Представление о священнической скуфье, по-видимому, проявляется и в польск. диал. *księża czapka* 'бересклет'⁴³. Кроме того, в польском языке атрибутом священника называется капюшон (*kaptur*): «*Ksiądz przy kapturze, szlachcic przy mundurze*» [Ксендз при капюшоне, шляхтич при мундире]⁴⁴,

«On swoje, ja swoje: pop przy kapturze, ja przy mundurze» [Он свое, я свое: поп при капюшоне, я при мундире]⁴⁵.

Среди черт внешности священника можно выделить и характерную прическу. С одной стороны, и в русском, и в польском языках находит отражение такой тип прически, как тонзура, при котором священникам полагалось выстригать волосы сверху на темени, а снизу их стричь «в кружок»: рус. костр. *plexán* ‘священник’²⁴⁶, кашуб. *plešak* ‘ксендз’²⁴⁷, рус. вят., твер. *попова плешь*, *попово гуминце* ‘одуванчик’²⁴⁸, польск. *ksądz* ‘дыра в одежде на колене или локте’²⁴⁹, диал. *popja głowka* [попова головка] ‘одуванчик, дикий цикорий’²⁵⁰, (ср. рус. *гуменцо́*, *плешь* ‘тонзура’²⁵¹, кашуб. *pleś* ‘тонзура’²⁵²). С другой стороны, в русском языке отражается более поздняя православная традиция ношения священниками длинных волос: пск. *длинноволося́й что поп*, (*длинноволося́й*) *как попик* ‘о мужчине с длинными волосами’²⁵³.

Важной частью языкового портрета русского попа становится его поза. Наиболее распространенным мотивом в семантико-мотивационном поле *поп* является мотив вертикального, прямо стоящего предмета: арх., костр., твер., сиб. *поп* ‘прямо стоящий предмет’²⁵⁴, разг. *на пона́* (*поставить, стать*) ‘вертикально, на меньшую плоскость’²⁵⁵, томск., урал. *упасть, встать попом* ‘принять вертикальное положение, занять положение стоя’²⁵⁶, влг. *поп* ‘вставшее вертикально бревно, застрявшее при сплаве леса по реке’²⁵⁷. Признак вертикально стоящего предмета является мотивирующим для обширной группы слов, обозначающих приспособления для игр, а далее и сами игры (арх., ростов., свердл., яросл. *поп*, брян. *попóк* ‘чурка для игры типа городков’: «Сделают такой вот поп, поставят и палками сбивают, поп заострен, верхний конец на ровно поставят»²⁵⁸, арх. *попом играть* ‘играть в игру типа городков’²⁵⁹, новг. *в попа-загоня́лу* ‘игра в чижи́ка, в рюхи’²⁶⁰), а также для номинации грибов (красн., орл., тул. *поп* ‘белый гриб’²⁶¹, орл. *поп*, *попóк* ‘гриб подберезовик’²⁶²). Аналогичные единичные лексемы польск. *pop* ‘в игре, чурбан, отрезанный от палки и немного очищенный’²⁶³, *pop* ‘гриб мухомор’²⁶⁴ не поддерживаются системой дериватов слова *ksiądz* и, по-видимому, являются русскими заимствованиями. Возможно, в связи с признаком вертикального положения в пространстве следует вспомнить рассмотренные выше обозначения растений (калуж., сиб. урал. *поп* ‘одуванчик’²⁶⁵, смол. *поп*, *попóвка* ‘ромашка с мелкими цветами’²⁶⁶), одной из причин образования которых может быть ассоциация с фигурой человека.

Еще одной чертой внешности русского попа является его толщина, которая проявляется в «поповской» лексике с семей кругло-

го (арх. *popók* 'шарик, украшение на спинке деревянной кровати'⁶⁷, перм. *póтик* 'стог сена круглой формы, сметанный вокруг одного стожара'⁶⁸, «Стоит поп низок, на нем сто ризок» <вилок, кочан>⁶⁹). На развитие подобных значений, по-видимому, влияет и специфический звуковой облик слова *pop*. Толщина попа проявляется также в образе *поповского брюха*: «Поповского брюха не набьешь»⁷⁰. Ненаполняемость поповского брюха связана и с мотивом жадности священника, который представлен и в русском, и в польском языках: рус. «Волчья пасть да поповские глаза – ненасытная яма»⁷¹, «Не бери у попа денег взаймы: у завистливого рука тяжела»⁷², польск. «Nie ma skąpca nad księdza» [Нет большего скупца, чем ксендз]⁷³, «Ksiądz nienasycony jak wór bez dna» [Ксендз ненасытный как мешок без дна]⁷⁴, «Księżę oczy, popi wóz, co zobaczy, to by wiózł» [Ксендзовы глаза, попов воз, что увидит, то бы вез]⁷⁵. Мотив жадности переключается с мотивом богатства и легкой, хорошей жизни священника: рус. влад., ряз. *поповский карман* 'о наличии у кого-либо больших денег'⁷⁶, польск. «Kto ma księdza w rodzie, ten nie myśli o głodzie» [У кого в роду ксендз, тот не думает о голоде]⁷⁷, «Księdza okraść nie szkoda, pana nie grzech, a Żyda zasługa» [Ксендза обокрасть не вред, пана не грех, а еврея заслуга]⁷⁸.

Негативная окраска этих мотивов связана с происхождением доходов священника, которые черпаются в основном из приношений прихожан. Это отражено в большом количестве паремий обоих языков, ср.: рус. «Родись, крестись, женись, умирай – за все попу деньги подавай», «Первую <лучшую> мерлушку попу на опушку», «Кто с живого и с мертвого дерет?» <поп>⁷⁹, «Choćby był ksiądz w lesie, to mu każdy niesie» [Даже если был бы ксендз в лесу, ему каждый несет]⁸⁰, «Ksiądz bierze krowę, że wiersz prześpiewał z agendy» [Ксендз берет корову, что стих пропел с книжки]⁸¹. А поскольку значительная часть доходов извлекалась из погребального обряда, священникам приписывалась заинтересованность в чьей-либо смерти: рус. «Поп хочет большого прихода, а сам ждет не дождется, когда кто помрет»⁸², «Кому тошно, а попу в мошно»⁸³, пск. «Мужик плачет, а поп пляшет»⁸⁴.

С представлениями о хозяйстве священника связан образ его слуги, который проявляется и в русской, и в польской языковых культурах. В обоих языках отражается представление о том, что слуга священнослужителя мало работает и не выполняет обычных, свойственных крестьянину видов работы: польск. «Księży sługa boi się pługa» [Слуга ксендза боится плуга]⁸⁵, «Księży sługa poci się przy misie, a marznie

przu prасу» [Слуга ксендза потеет на мессе, а мерзнет на работе]⁸⁶, рус. иркут. *поповский работник* ‘лентяй’⁸⁷. В русском языке также звучит мысль о том, что поповский работник не получает за свою работу денег: урал. *на попа работать* ‘бесплатно работать’⁸⁸.

Важное различие между русским и польским языковыми образами священника связано с мотивом семьи. Русскому попу приписывается наличие жены – попадьи и множества детей («Попадья умрет – поп в игумены; поп умрет – попадьи по гумнам»⁸⁹, «Бережет, что поп попадью»⁹⁰, «Дворовы да поповы плодливы»⁹¹); нередко *попадьей* называются те же объекты, которые номинируются при помощи лексемы *поп*: калуж., сиб., урал. *поп* ‘одуванчик’⁹² – сиб. *попадья* ‘растение одуванчик «если с него не сдувается цветок, похожий на пух»’⁹³, костр. *попóвенка* ‘выступ в верхней части печи’⁹⁴ – костр. *попадéйка* ‘выступ над топкой русской печи’⁹⁵. А в представлении о ксендзе отражается обет безбрачия, который он дает (кашуб. «Сjè tje za jeden, сjè drègim daje сегце цун som ni mo» [Что это за человек, что другим дает, чего он сам не имеет] <ксендз, который совершает брак>⁹⁶, польск. «Kawaler, panna i ksiądz trzeci to rodzone dzieci» [Холостяк, девушка и третий ксендз – это родные дети]⁹⁷).

Безусловно, русский и польский языки не могли не отразить главную функцию священника – исполнение обрядовых действий. Важной характеристикой священнослужителя является богослужебная речь, которая воспринимается как долгая, песенная и протяжная: рус. пск. *поповский язык* ‘о многословном, болтливом человеке’⁹⁸ (правда, зафиксирован и факт, указывающий на лаконичность речи священника: пск. *поповский язык* ‘о немногословном, молчаливом человеке’⁹⁹), пск. «Поп поет, а кузнец кует»¹⁰⁰, «Купец торгом, поп горлом, мужик горбом (берет)»¹⁰¹, кашуб. «Sprevå, pravi jak ksiż» [Поет, говорит, как ксендз]¹⁰², *głosić jak ksiądz na ambonie* [голосить как ксендз на амвоне] ‘ораторствовать, разглагольствовать’¹⁰³.

Среди действий священнослужителя выделяется обряд каждения: рус. «Нечего годить, когда поп кадит»¹⁰⁴. Отсюда развитие мотива дыма: рус. пск. *кадить как кадиллом поп* шутил. или неодобр. ‘о дымящем папирасой или сигаретой, часто курящем человеке’¹⁰⁵, польск. *ksiądz wlażl* [ксендз влез] ‘о задымившемся блюде’¹⁰⁶, кашуб. *ksqzi jeze* [ксендз едет] ‘кипит’¹⁰⁷.

Основным обрядом, в котором участвует священник, язык рисует погребальный обряд. Его совершение признается носителями двух изучаемых лингвокультурных традиций важнейшим делом священнослужителя: рус. «Пошел в попы, служи и панихиды!»¹⁰⁸,

пск. *носитъся как поп с поминаньем* 'о чьих-л. излишне интенсивных, суебливых действиях, хлопотах вокруг чего-либо'¹⁰⁹, «Попы поют над мертвыми, а комары над живыми»¹¹⁰, «Každy to robi, co jemu sprzyja, ksiądz ludzi grzebie, a doktor zabija» [Каждый то делает, что ему выгодно: ксендз людей погребает, врач убивает]¹¹¹. Отсюда в образе священника появляется отсылка к мотиву смерти: дон. *попово гумно (гумнище)* 'кладбище', *глядеть на попово гумно* 'быть близким к смерти'¹¹², польск. *probošcova obora* [коровник пробста] 'кладбище'¹¹³, польск. диал. *patrzyć, oglądać się na księza oborę* [смотреть на коровник ксендза] 'быть близким к смерти'¹¹⁴, «Chowa ksiądz ludzi, chowają i księdza» [Хоронит ксендз людей, хоронят и ксендза]¹¹⁵, «Chowa **pop ludzi, pochowają i pora**» [**Хоронит поп людей, похоронят и попа**]¹¹⁶.

Кроме того, и в русской, и в польской культурах священник ассоциируется и с другими таинствами. В русском материале отражается участие священника в крестильном обряде: «Разумником поп окрестил, да не тем слывет»¹¹⁷, «Умный тебя поп крестил, да напрасно не утопил»¹¹⁸. На основе и русских, и польских языковых данных выявляется связь священнослужителя с таинством венчания (рус. сев.-двин. *поп* 'прозвище того, кто регистрирует законный брак в сельсовете'¹¹⁹, «Плохой <глупый> поп свенчает, и хорошему <умному> не развенчать»¹²⁰, польск. «Co ksiądz złączy, złe rozłączy» [Что ксендз соединит, то зло разлучит]¹²¹) и с таинством исповеди. При этом ситуация исповеди представляется с нескольких сторон. Во-первых, здесь важен мотив откровенности, которую должен проявлять исповедуемый по отношению к священнослужителю, проявляющийся в русском языке (дон. *как попу на духу (сказать)* 'открыто, честно, ничего не утаивая'¹²²) и пронизательности ксендза в польском («Ksądz choc nie wzera, všetko vízi» [Ксендз, хоть не всматривается, все видит]¹²³). Однако подчеркивается и возможность что-либо скрыть от священника: «Перед попом утаишь, а перед Богом не утаишь»¹²⁴, «Ksiądz nie taki święty, żeby przejrzał przez skórę» [Ксендз не такой святой, чтобы смотрел сквозь кожу]¹²⁵. Во-вторых, ситуация исповеди связывается с отпущением грехов, которое производит священник: рус. диал. *поп всё покроет* 'время все спишет'¹²⁶, «Поп попа кает, только глазом мигает»¹²⁷, польск. «Ksiądz grzeszy i rozgrzeszy» [Ксендз грешит и отпускает грехи]¹²⁸.

Мотив греха в образе священника амбивалентен. С одной стороны, священник отпускает грехи, с другой – грешит сам. Греховность священнослужителя находит отражение в ряде паремий: рус. «Сто-

ит ад попами, дяками да неправедными судьями»¹²⁹, вят. *попам и в аду житье* ‘слишком хорошо кому-либо’¹³⁰, польск. «Książd piekłem straszy, a sam nieba boi się» [Ксендз адом пугает, а сам рая боится]¹³¹, «Każe nasz książd z ambony ładnie, ale cóż, kiedy nie żyje przykładnie» [Говорит наш ксендз с амвона хорошо, а что толку, если он не живет образцово]¹³². Отмечаются и представления о безгрешности священника, но в русском языке факты, указывающие на то, что поп должен быть безгрешен, подчеркивают отклонения от этого идеала («На лес и поп вор»¹³³, «Любовь слепа, доведет до беды и попа»¹³⁴). В польском языке четко оговаривается требуемый от ксендза императив – быть носителем моральных норм («Książd bez dobrego przykładu, mieszek bez pieniędzy, senator bez rozsądku – jednej wagi» [Ксендз, который не может служить примером; мешок без денег, сенатор без разума – одного веса]¹³⁵. При этом отмечается особая значимость ксендза для прихожанина, откуда вытекает запрет ругать священника или подшучивать над ним: «Grzech źle gadać nawet o sukni ksiądzowj i o trzewiku ksiądzewym» [Грех плохо говорить даже об одежде ксендза и о башмаке]¹³⁶, «Chto na ksądza wiele szczeka, ten go są przē smiercē nie doczeka» [Кто много бранит ксендза, тот его перед смертью не дожидается]¹³⁷.

Поскольку священник связан с обрядовой деятельностью, то и сама его фигура наделяется определенной сакральностью. В русской традиции эта сакральность нередко теряет связь с христианской сферой и наполняется обобщенным магическим смыслом: ряз. *катать попа* ‘хватать попу, после молебна и, повалив его на землю, покатать, чтобы лен уродился лучше’¹³⁸, костр. *попу на бородку завязать* ‘об оставленном в поле пучке колосьев’: «Последнюю оставят в поле горсточку, завяжут, часовочку такую маленькую в поле оставят, вот, говорили, попу на бородку завяжем»¹³⁹. Сакральность может трактоваться и как связь со сферой сверхъестественного, отсюда появление у священников таких текстовых «партнеров», как представители нечистой силы. Довольно часто рядом со словами *non* и *ksiądz* появляются соответственно *czert* и *diabeł*; кроме того, в обоих языках отмечается *bес* (*bies*): рус. дон. *ни попу, ни чёрту* ‘никому не нужно, нигде не пригодится’¹⁴⁰, «Не наше дело попу учить, пусть его черт учит»¹⁴¹, пск. «Попов судить – на то беси есть»¹⁴², «Поп свое, а черт свое»¹⁴³, «Książdu diabeł worek szyje» [Ксендзу черт мешок шьет]¹⁴⁴, *Książę zbioru do biesa idą* [Сборы ксендза к бесу идут]¹⁴⁵, кашуб. «Książd swoje, a djabeł swoje» [Ксендз свое, а черт свое]¹⁴⁶. Стоит отметить, что в польском языке текстовым партнером слова *ksiądz* может быть

также и *anioł* ‘ангел’: «Ksiądz, panna i anioł trzeci to rodzone dzieci» [Ксендз, девушка и ангел – родные друг другу]¹⁴⁷.

Таким образом, и в русской, и в польской языковой традиции отмечаются представления о характерном внешнем виде священнослужителя (его одежде, головном уборе, прическе), о морально-этических характеристиках, таких как греховность / безгрешность и жадность, бытовом укладе, социальном статусе, функциях и исполняемых церковных обрядах (исповедь, венчание и погребальный обряд). Отражена в обоих языках и идея сакральности самой фигуры священнослужителя. В то же время в изучаемых языковых образах есть и несовпадения. Их причины, по всей видимости, кроются в различиях в религиозной ситуации и в отношении к церкви и служителям культа в России и Польше. Польская культура лучше сохраняет церковно-клерикальную традицию и обнаруживает более глубокое знакомство носителя народного сознания с церковными реалиями. Кроме того, есть и внутриязыковые причины несовпадения языковых портретов попа и ксендза. Русское слово *поп* часто используется как общее обозначение служителей культа, тогда как в польской лингвокультурной традиции существует более четкое разграничение различных обозначений священнослужителей. Кроме того, рус. *поп* является эмотивным (во многом по фоносимволическим причинам), тогда как польское *ksiądz* скорее нейтрально окрашено.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- 2 В настоящей статье портреты попа и ксендза выстраиваются на материале преимущественно языковых фактов, в отличие от других исследований, в которых используются большей частью данные других культурных кодов (*Белобородова И. Н.* Священник и колдун в русской урало-сибирской народной культуре: о символическом языке обрядов посвящения // Ежегодник научно-исследовательского института русской культуры Уральского государственного университета 1995–1996. Екатеринбург, 1997. С. 92–100; *Белова О. В.* Фигура служителя культа в народных представлениях // Россия XXI. 2009. № 3. С. 132–146; *Макарова В. Ю.* Поп – мужик или баба? // АБ-60: Сборник к 60-летию А. К. Байбурина. СПб., 2007 (Studia Ethnologica: Вып. 4). С. 421–434; *Макарова В. Ю.* Священник в зоо-

- морфных уподоблениях // *Natales grate numeras?* Сборник статей к 60-летию Г. А. Левинтона. СПб., 2008. С. 362–380).
- 3 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. СПб., 1879. Т. 2. С. 256.
 - 4 Там же. 1879. Т. 1. С. 47.
 - 5 *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich.* W oparciu o dzieło S. Adalberga. Warszawa, 1970. Т. 2. S. 233.
 - 6 *Ibid.* S. 235.
 - 7 Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Н. Садовников. М., 1996. С. 229.
 - 8 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 2. С. 112.
 - 9 Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1983. Вып. 19. С. 299.
 - 10 *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich.* Т. 2. S. 228.
 - 11 *Ibid.*
 - 12 *Ibid.* S. 229.
 - 13 *Ibid.* S. 230.
 - 14 *Ibid.* S. 229.
 - 15 *Скляревская Г. Н.* Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000. С. 218.
 - 16 Русские народные пословицы и притчи / Сост. И. М. Снегирев. М., 1995. С. 104.
 - 17 *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich.* Т. 2. S. 229.
 - 18 *Ibid.*
 - 19 *Ibid.* S. 233.
 - 20 Новгородский областной словарь. Новгород, 1994. Вып. 8. С. 118.
 - 21 Словарь русских народных говоров. 1995. Вып. 29. С. 314.
 - 22 *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich.* Т. 2. S. 233.
 - 23 *Archiwum Słownika gwar polskich Instytutu Języka Polskiego Polskiej Akademii Nauk.*
 - 24 *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 429.
 - 25 *Макарова В. Ю.* Священник в зооморфных уподоблениях. С. 362–380.
 - 26 Русские народные пословицы и притчи. С. 359.
 - 27 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 2. С. 257.
 - 28 Русские народные пословицы и притчи. С. 128.
 - 29 *Гура А. В.* Символика животных... С. 429.
 - 30 Смоленский областной словарь / Сост. В. Н. Добровольский. Смоленск, 1914. С. 671.
 - 31 Словарь псковских пословиц и поговорок. СПб., 2001. С. 62.
 - 32 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1955. Т. 3. С. 318.

- 33 Картотека Словаря говоров Русского Севера.
- 34 *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1908. Т. 4. S. 638.
- 35 *Ibid.* 1902. Т. 2. S. 606.
- 36 *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1968. Т. 2. S. 282, 1970. Т. 4. S. 136.
- 37 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Т. 2. S. 231.
- 38 Словарь псковских пословиц и поговорок. С. 113.
- 39 *Скляревская Г. Н.* Словарь православной церковной культуры. С. 120.
- 40 Там же. С. 233.
- 41 Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 325.
- 42 *Анненков Н.* Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб., 1878. С. 349; *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 1882. Т. 3. С. 318.
- 43 Słownik gwar polskich. Kraków, 1979. Т. 3 (12). S. 630.
- 44 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Т. 2. S. 231.
- 45 *Ibid.*
- 46 Лексическая картотека ТЭ УрФУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- 47 *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Т. 4. S. 72.
- 48 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 349.
- 49 *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Т. 2. S. 605.
- 50 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 350.
- 51 Словарь русского языка XVIII века. Л., 1991. Вып. 6. С. 13.
- 52 *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Т. 4. S. 72.
- 53 Словарь псковских пословиц и поговорок. С. 111.
- 54 Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 291.
- 55 Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1960. Т. 10. С. 1270.
- 56 Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 292.
- 57 Картотека Словаря говоров Русского Севера.
- 58 Картотека Словаря говоров Русского Севера; Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 292.
- 59 Картотека Словаря говоров Русского Севера.
- 60 Новгородский областной словарь. Вып. 8. С. 114.
- 61 Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989. Вып. 10. С. 54; Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 292; Словарь русских

- говоров центральных районов Красноярского края. Красноярск, 2003. Т. 3. С. 303.
- 62 Словарь орловских говоров. Вып. 10. С. 54, 162.
- 63 *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. Т. 4. S. 638.
- 64 Ibid.
- 65 Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 292.
- 66 Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974. Вып. 8. С. 171, 173.
- 67 Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 238.
- 68 Словарь пермских говоров. Пермь, 2002. Вып. 2. С. 171.
- 69 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 2. С. 609.
- 70 Там же. С. 279.
- 71 Там же. С. 256.
- 72 Там же.
- 73 *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich.* Т. 2. S. 234.
- 74 Ibid. С. 230.
- 75 Ibid. С. 232.
- 76 Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 325.
- 77 *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich.* Т. 2. S. 233.
- 78 Ibid. С. 231.
- 79 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 2. С. 256.
- 80 *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich.* Т. 2. S. 227.
- 81 Ibid. С. 230.
- 82 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 2. С. 258.
- 83 *Иллюстров И. И.* Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904. С. 93.
- 84 Словарь псковских пословиц и поговорок. С. 135.
- 85 *Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich.* Т. 2. S. 232.
- 86 Ibid.
- 87 Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999. Т. 3. С. 391.
- 88 Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 291.
- 89 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 2. С. 258.
- 90 Там же.
- 91 Там же.
- 92 *Анненков Н.* Ботанический словарь. С. 350; Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 292.
- 93 Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 296.
- 94 Лексическая картотека ТЭ УрФУ.
- 95 Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 295.
- 96 *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Т. 2. S. 282.

- 97 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. T. 2. S. 231.
- 98 Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 325.
- 99 Там же.
- 100 Словарь псковских пословиц и поговорок. С. 137.
- 101 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 2. С. 11.
- 102 *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. 2. S. 282.
- 103 Archiwum Słownika gwar polskich.
- 104 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 2. С. 58.
- 105 Словарь псковских пословиц и поговорок. С. 97.
- 106 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. T. 2. S. 231.
- 107 *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. 2. S. 282.
- 108 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 1. С. 295.
- 109 Словарь псковских пословиц и поговорок. С. 111.
- 110 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 2. С. 468.
- 111 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. T. 2. S. 230.
- 112 Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону, 1976. Т. 3. С. 42.
- 113 *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. 4. S. 169.
- 114 *Skorupka S.* Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 1974. Т. 1. S. 364.
- 115 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. T. 2. S. 228.
- 116 Ibid.
- 117 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 2. С. 253.
- 118 Там же. Т. 1. С. 562.
- 119 Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 291.
- 120 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 2. С. 327.
- 121 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. T. 2. S. 228.
- 122 Словарь донских говоров волгоградской области. Волгоград, 2006. Вып. 6. С. 57.
- 123 *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. 2. S. 282.
- 124 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 1. С. 5.
- 125 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. T. 2. S. 230.
- 126 Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 291.
- 127 Русские народные пословицы и притчи. С. 216.
- 128 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. T. 2. S. 230.
- 129 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 2. С. 258.
- 130 Словарь русских народных говоров. Вып. 29. С. 291.
- 131 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. T. 2. S. 230.
- 132 Ibid. С. 232.
- 133 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 1. С. 183.
- 134 *Иллюстров И. И.* Сборник российских пословиц и поговорок. С. 136.

- 135 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. T. 2. S. 230.
136 Ibid. S. 228.
137 Ibid. S. 235.
138 Словарь русских народных говоров. Вып. 13. С. 124.
139 Лексическая картотека ТЭ УрФУ.
140 Словарь донских говоров волгоградской области. Вып. 6. С. 57.
141 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 2. С. 135.
142 Словарь псковских пословиц и поговорок. С. 137.
143 *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 1. С. 14.
144 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. T. 2. S. 233.
145 Ibid.
146 *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. T. 2. S. 282.
147 Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. T. 2. S. 230.

Sinita N. A.

The Image of Cleric in the Russian and Polish Language Traditions
(Rus. *Pop*, Pol. *Ksiądz*)

The article provides the analysis of the semantic derivatives Rus. *pop*, Pol. *ksiądz* in the Russian and Polish language traditions (common language and dialects), phraseology and paremiology with these words. On the base of this analysis, the author highlights the main features of the linguistic image cleric in both languages: the characteristic appearance, moral and ethical characteristics, especially domestic order and other ones. There is a note of similarities and differences in the perception of cleric in these two language cultures.

Key words: *Slavic lexicology, semantic reconstruction, comparative semasiology, ethnolinguistics, folk religion, traditional culture.*

А. С. Стыкалин
(Москва)

**Венгерские земли в 1814 г. глазами русского офицера.
Из путевых записок А. И. Михайловского-Данилевского**

В путевых записках А. И. Михайловского-Данилевского, адъютанта Александра I, а впоследствии крупного российского военного историка, нашли отражение впечатления от посещения в составе императорской свиты главных венгерских городов Буды и Пешта в период работы Венского конгресса.

Ключевые слова: *война 1812 г., Наполеон, Александр I, Венский конгресс, заграничные походы русской армии, Венгрия начала XIX в.*

Вниманию читателей предлагается свидетельство о путешествии императора Александра I из Вены в венгерские земли со свитой с 12 по 17 октября 1814 г., в период работы Венского конгресса, завершившего эпоху наполеоновских войн и установившего новую систему международных отношений в Европе. Опубликованные в журнале «Сын отечества» в 1816 г. (№ 51. С. 205–217), эти путевые записки не привлекали должного внимания специалистов по истории Венгрии и русско-венгерских общественных и культурных связей. Между тем они представляют несомненный интерес не только своими конкретными наблюдениями над венгерскими реалиями того времени, но и в силу того, что принадлежат перу известного историка и литератора. Хотя в качестве автора заметок был указан некто А. М. Данилевский, не вызывает сомнения, что под этим именем скрывался 27-летний Александр Иванович Михайловский-Данилевский (1789–1848), впоследствии виднейший русский военный историк эпохи Николая I, труды которого по истории Отечественной войны 1812 г. печатались по высочайшему повелению и на протяжении всей николаевской эпохи лежали в основе официальной интерпретации этого выдающегося события российской истории. Обширное наследие Михайловского-Данилевского, прежде всего тексты мемуарного жанра, продолжают активно вводиться в научный оборот (прежде всего усилиями петербургского историка А. И. Сапожникова) и комментироваться специалистами¹.

Молодой человек дворянского происхождения, сын доктора медицины Гёттингенского университета, Михайловский-Данилевский и сам обучался в этом престижном университете в 1808–1811 гг.,

слушая лекции по финансам, римскому и церковному праву, истории искусств, в 1809 г. посетил Италию, чтобы познакомиться с памятниками античности. В 1812 г. был адъютантом М. И. Кутузова, участвовал в Бородинском сражении, был ранен при Тарутине, позже служил офицером Главного штаба, с 1816 г. был флигель-адъютантом Александра I, сопровождал его в ряде поездок по югу России. Во время Венского конгресса он в качестве офицера, выполнявшего отдельные поручения, провел в Венгрии 5 дней в составе свиты своего государя. Вместе с Александром I в Буду и Пешт ездили и два других монарха, основателя Священного союза – австрийский император Франц I и прусский король Фридрих Вильгельм III.

Конечно, автор не имел возможности провести в Венгрии много времени, ограничился по сути лишь двумя главными городами, заехав также в Прессбург (венг. Пожонь, совр. Братислава), где Габсбургов издавна короновали венгерской короной. К тому же он был обременен в ходе поездки служебными обязанностями (немалое место в записках занимает не лишнее источниковой ценности описание протокольной стороны поездки, всего этикета, которым обставлялись визиты императора в другие страны). Некоторые его наблюдения, касающиеся жизни и быта простых венгров, могут показаться не слишком глубокими. Не стремился Михайловский-Данилевский и к красочным описаниям в духе Ф. Глинки, его стиль, хотя и не лишен некоторых расхожих клише романтической беллетристики своего времени, отличается в целом большей сухостью и деловитостью. Тем не менее в записках молодого офицера (будущего крупного историка) перед читателем предстает довольно разносторонний образ Буды и Пешта. В ходе поездки Михайловский-Данилевский много общался с венгерской элитой и сумел достаточно точно воспроизвести ее настроения. Европейский лоск и образованность венгерского дворянства несколько контрастировали, по его субъективным наблюдениям, с относительной экономической отсталостью страны, сказывавшейся и на внешнем облике двух главных венгерских городов. Общался путешественник и с венгерскими славянами, в частности сербами, убедившись в их симпатиях к России и укрепившись в собственном стихийном славянофильстве, проявившемся и в его зрелом творчестве. Нашли отражение в записках и непростые проблемы взаимоотношений венгерского дворянства, дорожащего своими государственно-правовыми традициями (и привязанного к самой букве своих средневековых законов), с венской бюрократией.

В своей последующей военной карьере Михайловский-Данилевский достиг звания генерал-лейтенанта. В 1835 г., после публикации ряда своих важных работ о войне 1812 г. и заграничных походах русской армии, стал сенатором, был назначен также председателем Военно-цензурного комитета. Был избран в Академию наук. Скончался в Петербурге во время эпидемии холеры, не дожив полгода до нового вступления российских войск в венгерские коронные земли – для умирения революции, поставившей под угрозу не только власть дома Габсбургов над Венгрией, но и сами основы Священного Союза, образованного на Венском конгрессе, непосредственным свидетелем которого он был.

А. И. Михайловский-Данилевский

Журнал путешествия из Вены в Венгрию в 1814 г.

Как приятны те минуты, когда готовимся ехать в такое Государство, в котором мы еще не были! Мысль видеть новую землю, другое небо, других людей, слышать суждения их, занимает воображение прелестными ожиданиями. Так радовался и я при известии о путешествии в Венгрию. Государь Император изволит туда отправиться на пять дней вместе с Императором Австрийским, Королем Прусским, Эрцгерцогом Палатином² и Прусским Принцем Вильгельмом. Его Величество сопровождают генералы Ф.П. Уваров и Князь П.М. Волконский, а при сем последнем нахожусь я. Мы сперва пойдем в Офен³, а на возвратном пути будем в Пресбурге.

12 октября вечером оставили мы шумную Вену, на которую устремлены теперь взоры вселенной, ожидающей от конгресса решения участи своей. На другое утро проснулся я посреди неизмеримых равнин Венгрии. Изредка рассеянные селения, необработанные поля, бедность жителей, рубища, которыми они покрыты – все говорило мне, что я уже не под счастливым небом Германии, где законы покровительствуют промышленности. Крестьяне ходят в овчинах, подобных нашим некрытым тулупам; волосы у них длинные, и усов они не бреют. Станционные смотрители и особы, выходявшие к нам навстречу, все в гусарских платьях: это одежда дворянства и чиновников; даже Ученые и Профессора одеваются по-гусарски. Дорога шла большею частью вдоль Дуная, на котором не было ни одного судна; иногда показывались рыбацьи лодки, берега покрыты пролеском, и стоявшие в некоторых местах над рекою увесистые скалы

придавали еще более дикости сей картине. В полночь приехал я в Офен, куда Государи прибыли незадолго прежде меня.

Рано поутру спустился я с горы, на которой стоит замок, гулял по Офену и ходил в Пест, лежащий на противном берегу. Вид с моста, соединяющего обе части города, довольно хорош. Дунай так же широк, как Нева в Петербурге. К стороне Вены видны горы, а вниз по течению реки взор теряется в необозримых степях. В скором времени народ меня окружил и с любопытством смотрел на Рускаго: особенно подходили ко мне сербы и славяне; некоторые из сих последних говорили мне: «Мы приехали в Офен издалека, нарочно, чтобы увидеть «Монарха славянского поколения». «Все, что мы об нем слышали, – прервал один из них, – уверяет нас, что он есть легат „Царей“». Выражение поэтическое, показывающее чувства единоплеменников наших! Они рассказывали мне о восхищении своем, когда узнали об истреблении неприятелей в 1812 году. «Мы радовались, что Бонапарте нашел преграду завоеваниям своим посреди славянского рода». Если здесь кто из Славян отличится заслугами своими, то его жалуют в Австрийские или Венгерские дворяне: принято за правило, что Славянских дворян существовать не может. Возвратясь, встретил я иеромонаха Германа, который четыре года живет при могиле Великой Княгини Александры Павловны, погребенной в Иреме, местечке, лежащем в семи верстах от Офена в стороне от большой дороги⁴. Богомольцы собираются туда во множестве в некоторые праздники и благословляют память усопшей, которая приобрела общую любовь в течение кратковременного своего пребывания в Венгрии.

В десять часов утра Двор поехал осматривать достойные внимания заведения, находящиеся в Офене и Песте. Примечательнее всех Музей, основанный графом Сечением. Цель учреждения есть помещать в оном все естественные произведения, добываемые в Венгрии, искусственные предметы, делаемые Венгерцами, и все сочинения, касающиеся до земли сей. Он заслуживает посему в полной мере названия отечественного Музея⁵. Посещая различные заведения, объехали мы почти весь город. Пест обширнее Офена; в обоих городах улицы широкия, дома в один и в два этажа; я видел только пять огромных зданий; лавки и магазейны бедны, товары выставлены в них без разбора. Улицы наполнены старинными колясками: нет ни одного экипажа, сделанного со вкусом. Наружность Венгерской столицы совсем не привлекательна; зависимость, в которой состоит земля сия, не позволяет развиваться промышленности. Жители отнюдь

не похожи на немцов: они имеют более сходства с малороссиянами, с коими у них одинаковой военной вид и гордая осанка.

Во дворце ожидали Государя, для представления, дамы, духовенство, военные, дворяне и чиновники. Его Величество был в первый раз в Лейб-гусарском мундире, что чрезвычайно понравилось Венгерцам, как знак уважения к народному их одеянию. Между военными увидел я с удовольствием Графа Радецкого, одного из отличных Австрийских Генералов, который был начальником Штаба Князя Шварценберга в последних двух походах⁶. Обняв меня, сказал он: «Я никогда не забуду того времени, когда служил с Российской армиею; оно всегда мне будет памятно». Венгерское дворянство есть одно из блистательнейших в Европе, по древности фамилий, по богатству и непоколебимой привязанности к нравам и обычаям края своего. Женщины были одеты в черных платьях; на голове у каждой была диадема и черное или белое покрывало, наподобие того, которое известно в Италии под именем *mezzaго*. Я никогда не видел столько красавиц вместе.

После обеда Двор отправился на высокую гору, называемую Блоксберг⁷, откуда видно великое пространство течения Дуная. На горе находится обсерватория, где ожидал нас известный художник Райхенбах, показывавший нам астрономические инструменты. Он и скромн, и искусен. Вид с Блоксберга занимал меня более, нежели разговоры Профессора; мне казалось, что почти весь Двор был моего мнения. Мы не успели возвратиться, как нас пригласили на бал, где особы обоего пола осыпали нас приветствиями и вежливостями. Я вступал в разговор с многими из женщин, желая слышать суждения их; они превзошли мое ожидание отличным своим воспитанием. Они говорят чистым Французским языком, ловки, умны, – и едва можно поверить, что они могли достигнуть сей степени образования в столь отдаленной земле!

Краткость времени не позволила много беседовать с Венгерскими дворянами, которых знакомство я желал приобрести; но некоторые из них с откровенностию, свойственною благородным душам, предупредили мое любопытство разговором о различных предметах, касающихся до их правления. Я не имел на благосклонность их никакого другого права, кроме – имени Русаго. «Мы неизвестны в Европе, – сказал мне один из них, – потому что представляют Отечество наше диким и непросвещенным; уверяют, что у нас нет ничего примечательного, что ни народ наш, ни учреждения наши не заслуживают внимания⁸; даже делают затруднения в выдаче путеше-

ственникам пашпортов на проезд в Венгрию. Мы наблюдаем строго конституцию, принятую от предков; мы не позволяем, чтобы в одной сделана была малейшая перемена; мы не допускаем исключений, ибо одно изъятие повлечет за собою другое, и тогда лишимся мы прав наших. Мы желаем, чтобы нас просили, и не потерпим, чтобы нам приказывали. Иосиф Второй⁹, полагая нужным сделать мостовую в одном из наших уездов, писал к Чинам о выгодах, могущих произойти от того для земледелия и для торговли. Он заключил письмо сими словами: вы должны видеть необходимость устройства такой дороги. Как! – сказали Чины, мы должны? Мы должны делать только то, что мы хотим, и не хотим делать новой дороги, потому что мы не должны одной делать. Многие из вельмож, хотя и видели пользу предлагаемой Иосифом мостовой, но не решились подать голоса своего в пользу одной, говоря: есть ли мы покажем пример, то подумают, что мы подкуплены!»

Генерал К... один из умнейших Австрийских Генералов, услыша предмет нашего разговора, подошел ко мне и сказал мне на ухо: «Правда, что Венгерские Чины на все предложения Венского двора отвечают сначала: НЕТ, но к концу соглашаются обыкновенно на делаемые им требования. Они смотрят более на букву, нежели на смысл своей конституции. Например, в 1809 году позволили они вступить Австрийской армии в Венгрию и обязались продовольствовать оную. Вследствие того послан был Генерал Коллер, чтобы условиться с Венгерским Правительством о гошпиталях, на что они ему отвечали, что хотя они взяли на себя снабжать войска, но о больных не было упомянуто, и посему лазареты до них не касаются. Не трудно было доказать им софизм. В том же году условлено было с ними, что они будут отводить квартиры всем Австрийским военным чиновникам в продолжение войны. Они исполняли сие до заключения мира; но при прекращении военных действий, когда армии надлежало возвращаться, они отказались от содержания постоя, утверждая, что срок договора их прошел».

15-го числа пригласили нас на так называемый Маргаритин остров, лежащий от Офена верстах в трех посреди Дуная¹⁰. Весь Двор надел фраки, и мы отправились при рукоплесканиях народа. Мы долго гуляли по Английскому саду, разведенному на острове, и намерены были ехать, как нам сказали, что будет при нас собиране винограда. В эту минуту явилось пар пятьдесят молодых мужчин и девушек, прекрасно одетых в платья народов, населяющих Венгрию. Мы пошли за ними в сад, где они расселись между виноградных лоз,

пели национальные песни, и срезывали ягоды, которые девушки, поднося нам, просили принять. Потом показывали нам, каким образом приготавливают вино; мы вошли в дом, нарочно для нас устроенный, и увидели с балкона возвращение мнимых крестьян, собиравших виноград. Начались народные пляски, по заключении коих девушки, почти все прекрасные собою и в цвете лет, принесли к нам на верх большую корзину винограда, украшенную гирляндой, и одна из них приветствовала Государя. Вслед за сим вышли из аллеи, находившейся против балкона, на котором мы стояли, двадцать пар маленьких мальчиков и девушек, одетых в гусарское платье, которые, подвигаясь вперед с большою важностию, открыли Венгерский танец, и потом представляли балет. По окончании пошли мы к берегу; назначенные для перевоза суда украшены были флагами союзных держав. Прелестная осенняя погода благоприятствовала нашей прогулке, которою все были отменно довольны. Ни при одном дворе в Европе не умеют так хорошо устраивать гулянья и разного рода увеселения, как при Австрийском; на Маргаритином острове было не более пятнадцати человек, и в сем числе трое из могущественнейших Монархов Вселенной, но сельской праздник был столь искусно приготовлен, что во время онаго не было ни малейшаго принуждения; все были в равной мере веселы, и Австрийские придворные были столь вежливы, что каждый из посетителей мог думать, что для него нарочно была сделана сия прогулка.

В шесть часов поехали мы на бал к Графу Шандору, которого дом убран с таким вкусом, как бы в Париже¹¹. Здесь нашли мы все дворянство, которое беспрестанно изъявляло желание, чтобы Государь изволил продлить свое пребывание в Венгрии. Откровенность, с которою многие из почтеннейших дворян со мною разговаривали, более и более меня к ним привязывали, и мысль, что скоро надлежит с ними расстаться и вероятно навсегда, меня тревожила. Поздно вечером все общество отправилось в редут, где, кроме дворянства, была и прочая публика Офена.

16 числа поутру выехал я из сей столицы, где провел два приятнейших дня. К сожалению, не мог я поклониться гробу Великой Княгини Александры Павловны, где Государь слушал обедню; ибо мне приказано было, не останавливаясь, следовать в Пресбург, куда я приехал в полночь. На другой день поутру осматривал я город, коего главнейшее украшение составляет Дунай. Вид с горы, на которой находится дворец, недавно сгоревший, отменно хорош. Через несколько часов возвратились мы в Вену.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. среди прочего: Мемуары из коллекции А. И. Михайловского-Данилевского (вводная статья, подготовка текста и комментарии А. И. Сапожникова) // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 7. С. 138–158; Путевые дневники А. И. Михайловского-Данилевского // Российский архив. М., 1999. Вып. 9. С. 63–67; *Михайловский-Данилевский А. И.* Мемуары. СПб., 2001.
- 2 Речь идет о Йозефе Габсбурге, наместнике венского императорского дома в Венгрии.
- 3 Немецкое название Буды.
- 4 Дочь Павла I и жена наместника Венгрии Йозефа Габсбурга, великая княгиня Александра Павловна скончалась в 1801 г. от родов, не дожив до 20 лет. На ее могиле в местечке Урем в окрестностях сегодняшнего Будапешта возведен православный храм, существующий до сих пор.
- 5 Венгерский Национальный музей и Национальная библиотека ведут свое начало с музея, основанного в 1802 г. выдающимся меценатом и деятелем культуры графом Ференцем Сечени (1754–1820), отцом одного из выдающихся венгерских политиков XIX в. графа Иштвана Сечени (1791–1860).
- 6 Речь идет о выдающемся австрийском полководце фельдмаршале Йозефе Радецком (1766–1858).
- 7 Гора Геллерт на будайском берегу Дуная в центре сегодняшнего Будапешта.
- 8 Сходные идеи развивал, в частности, немецкий философ-просветитель И.-Г. Гердер (1744–1803), в полемике со взглядами которого формировалась идеология венгерского национального движения.
- 9 Иосиф II (1741–1790), австрийский эрцгерцог и император Священной Римской империи, сын императрицы Марии Терезии и ее соправитель до 1780 г., а затем единовластный правитель империи Габсбургов. Последовательный сторонник просвещенного абсолютизма. В целях создания более рационального механизма управления многонациональной империей принял ряд мер германизаторского характера, вызвавших острое недовольство венгерского дворянства (как и его попытки ограничить дворянские привилегии). См.: *Хаванова О. В.* Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.

- 10 Остров Маргит на Дунае между Будой и Пештом со старинным парком. Традиционное место отдыха жителей венгерской столицы.
- 11 Речь идет о графе Шандоре Винце, зяте министра иностранных дел и канцлера Австрийской империи К. Меттерниха.

Stykalin A. S.

The Hungarian Lands in 1814 from the Point of View
of a Russian Officer. From the Travel Notes
of A. I. Mikhailovsky-Danilevsky

Alexandr Mikhailovsky-Danilevsky, an officer close to the Russian Emperor Alexander I, and later a well-known expert in the Russian military history, visited the main Hungarian cities Buda and Pest in 1814 with his Emperor in the months of the Congress of Vienna. The Hungarian realities of the epoch of the Napoleonic Wars were reflected in his notes which are a valuable source for researchers.

Key words: War 1812, Napoleon, Alexander I, the Congress of Vienna, foreign campaigns of the Russian Army, Hungary in the early 19th cent.

О. В. Соколовская
(Москва)

Письма греческой королевы Ольги к императору Александру III

К 400-летию династии Романовых

В публикации приводятся неопубликованные письма королевы эллинов Ольги к двоюродному брату, цесаревичу Александру, а с 1881 г. императору Александру III, **которые посвящены различным событиям, касающимся жизни императорской семьи за 1866–1884 гг.**

Ключевые слова: *династия Романовых, встречи коронованных родственников в Дании, характер Александра III, дружба Ольги Константиновны с императрицей Марией Федоровной, Греция.*

Великая княжна Ольга Константиновна¹, греческая королева Ольга, и цесаревич Александр Александрович², а с 1881 г. российский император Александр III были двоюродными сестрой и братом, внуками Николая I. **Эпистолярное наследие греческой королевы** (которая вела обширную переписку в конце XIX – начале XX в.), сохранило для нас страницы этой дружбы и взаимной симпатии, которую они пронесли через всю жизнь. Представленные письма Ольги Константиновны являются лишь частью переписки брата и сестры и посвящены начальному и самому светлому периоду их жизни.

Первое сохранившееся письмо Ольги к кузену датировано 18(30) июня 1866 г. 15-летняя Оля поздравляет цесаревича Александра с помолвкой с датской принцессой Дагмар, которая вскоре примет православие и станет Марией Федоровной. Ровно через год 23-летний родной брат Марии Федоровны, греческий король Георг I³, прибыл в Россию, чтобы навестить сестру и найти невесту. Во время официального визита великому князю Константину Николаевичу в Павловске он познакомился с его дочерью, юной очаровательной великой княжной Ольгой, кузиной великого князя Александра. Вскоре состоялось обручение Ольги с Георгом I, **а в октябре 1867 г., когда невеста достигла 16-летнего возраста, в Санкт-Петербурге был заключен брак, который оказался весьма счастливым и продлился почти столетия (с 1867 по 1913 г.).**

Уже через год из Афин Ольга поздравляла Александра и Марию Федоровну – Сашу и Мини – с рождением первенца Николая, будущего императора России Николая II. Королева сожалела, что не может быть на крестинах в Царском селе, поскольку у нее также родился сын, наследный принц Константин⁴, названный так в честь последнего Византийского императора Константина XI Палеолога⁵, чем королевская семья хотела подчеркнуть преемственность Греческого королевства и Византийской империи. Два семейства часто встречались и, как правило, осенью у родственников в Европе: во Фреденсборге, Бернсдорфе и очень часто в Датском королевстве в Гмундене, где жили король Кристиан IX⁶ и королева Луиза⁷, родители принцессы Дагмар (Марии Федоровны) и принца Вильгельма (греческого короля Георга I). Там, по их общему мнению, они проводили «самое счастливое время», свободное от строгих церемониалов.

Ольга Константиновна первое время после замужества не приезжала в Россию, так как один за другим рождались дети, но ее нередко навещали близкие родственники: братья Константин, Николай, отец и мать, приезжала и Мария Федоровна (Мини). Так, в 1871 г. Мини и Ольга провели незабываемые две недели на Корфу. А в 1880 г. Ольга, наконец, сама приехала в Россию. Уезжая, она писала Александру III: «Друг мой, Саша! [...] Я благодарна за то, что видела вас теперь. Спасибо тебе и Мини за вашу дружбу и ласку; я вас ужасно люблю»⁸.

Ольга Константиновна очень подружилась с Марией Федоровной; это были нежнейшие отношения, растянувшиеся на десятилетия. Ольга была на четыре года младше Марии Федоровны, но их судьбы оказались очень схожими: обе рано вышли замуж, браки были счастливыми, с большим количеством детей; они обе много занимались благотворительной деятельностью, отличались живым умом и милосердием; обе пережили войны, перевороты, крушение династии, обе умерли в изгнании.

Письма греческой королевы к цесаревичу показывают, что не все так гладко складывалось в отношениях сестры и брата. Прежде всего, Ольга, находясь вдали от России, совершенно не могла понять позицию молодого царя по отношению к ее любимому отцу – великому князю Константину Николаевичу, которого Александр III немедленно отставил ото всех государственных дел. Весной 1881 г. Ольга писала младшему брату, великому князю Константину Константиновичу⁹: «Ах, Костя, Костя, не могу сказать Тебе до чего мне грустно и тяжело! Мама пишет про трудное положение Папа, а

я не знаю положительно, в чем именно оно состоит. Я подозревала и замечала даже, когда была дома, что Саша не любит Папа, но никогда не хотела допытываться, пот[ому что] это мне слишком было больно. Но это просто малодушие, и теперь я жалею о том, что не узнала от вас. Я Папа так люблю и уважаю...»¹⁰.

Ольга не соглашалась с бескомпромиссной позицией кузена Александра относительно судьбы ее родного брата, великого князя Николая Константиновича (Никола), сосланного еще Александром II в Туркестан на пожизненное проживание из-за скандала с кражей бриллиантов из иконы ее матери, великой княжны Александры Иосифовны¹¹. «Я Сашу очень, очень люблю, – писала она Константину, – но не понимаю его в... деле о бедном Николе. Было бы побольше “христианской любви”, то все бы было иначе, но когда дают волю пристрастью и почти ненависти, то чего тут надеяться... Бедные Папа, и Мама, и Никола; мысль о них меня мучает»¹². В июне 1881 г. Ольга получила от матери копию письма генерала Н. М. Головина¹³ к ее отцу об отставке, а также ответ отца Александру III. Ольга писала брату Константину: «По-моему, ответ Папа чудо как хорош и тронул меня до слез»¹⁴.

Ольга мягко, но настойчиво просила Александра III быть более чутким и последовательным в «лечении» ее брата, признанного клеptomаном и находящимся фактически под арестом, над которым издевались все, кто мог. Она просила смягчить режим. «Ради Бога, не будь слишком уверен в непогрешимости твоего собственного мнения, а выслушай и других», – писала Ольга. Но Александр занял еще более жесткую позицию, чем его отец, и Николай Константинович так и прожил в изоляции от семьи более 30 лет.

Ольга Константиновна стремилась не упустить момент присутствовать на коронации в Москве. В каждом письме к брату за конец 1882 г. вопрос: «Будет ли коронация или нет?», «Когда состоится?» и признание: «Мысль о коронации не оставляет меня в покое»¹⁵. Она даже прибыла в Россию в августе 1882 г., стремясь все разузнать самой, и не упустить коронацию и провела там около месяца. Вскоре, находясь в Шотландии, она с беспокойством вновь писала брату Константину: «Теперь вы все, Царь и Царица в родной нашей Москве белокаменной! Как я завидую вам! Все уверены, что вдруг придет известие, что Саша короновался...»¹⁶. Конечно, она не только успела прибыть на коронацию Александра III, состоявшуюся в Москве 15(27) мая 1883 г., вовремя, но и оказалась в числе самых приближенных царственных особ: она сидела в первом золотом экипаже рядом

с императрицей Марией Федоровной и ее 8-летней дочерью, княжной Ксенией, а император гарцевал впереди на лошади.

Греческая королевская семья связывала с восшествием на российский престол Александра III особые надежды. Действительно, отношения России и Греции в период его правления с 1881 по 1894 г. были идеальными. Российский флот, значительно увеличенный при новом императоре, был гарантией (наряду с Великобританией и Францией) безопасности молодого греческого государства, созданного лишь в 1830 г., и королевской династии, а греческий порт Пирей стал фактически российской военно-морской базой. Для Греции были сделаны экономические послабления: снижена пошлина на ввоз «темных оливок» (маслин) на 25%, начаты переговоры о пересмотре Торгового трактата 1850 г., на котором строились внешнеторговые связи России и Греции в сторону еще больших послаблений греческим торговцам. В связи с разразившимся в 1893 г. экономическим кризисом в Греции начаты переговоры об отмене пошлин на ввоз в Россию важнейшего для Греции экспортного продукта – коринки. Греческий торговый флот стал основным морским перевозчиком российских товаров, идущих из Черного и Азовского морей.

Отношения греческой королевы Ольги и императорской четы, несмотря на невероятную занятость последней, с годами становились лишь более теплыми. Продолжалась активная переписка Ольги и Мини, нередко писал и сам Александр III. В августе 1883 г. в Данию приехали уже не просто родственники, а венценосная чета – император Александр III и императрица Мария Федоровна¹⁷. Ольга описывала брату Константину теплую встречу российской императорской семьи в Дании. Ольга была рядом с Александром III на освящении 17(29) августа 1883 г. в центре Копенгагена прекрасного Александро-Невского храма, строительство которого осуществлялось на средства российской императорской семьи.

Особенно сблизили Ольгу и Александра многочасовые прогулки, которые оба любили. Ольга писала брату из Фреденсборга 10(22) сентября 1883 г.: «...Саша такой милейший, я его страшно люблю, он меня в последнее время все приглашал то с ним кататься, то ходить, и мы делаем огромные прогулки. Другие мало ходят и обыкновенно отстают... Милый Саша, если бы ты только мог видеть, до чего он мил и прелестен в семейной жизни, и со всеми детьми. Тихая семейная жизнь – все, что он любит. И как он со мной был добр и мил, просто сказать не могу»¹⁸. А в конце сентября 1887 г. Ольга сообщала брату Константину из Гмундена: «Наше прощание

с милым семейством в Дании было ужасно. – Ты никому не говори этого, умоляю, но мой Царь возлюбленный был весь в слезах. Он страшно любит мою Аликс¹⁹ – они постоянно и много говорили: он с ней душу отводил и они подружились, как равные, как будто и не существует разницы в летах; он для нее друг настоящий – это доказывает чистоту и как бы младенчество его души! Аликс его просто обожает. Он говорил ей, как он желает, чтоб она приехала в Россию... дай-то Бог!!!» Через два года в Петербурге состоялась пышная свадьба 19-летней греческой принцессы Александры и великого князя Павла Александровича²⁰. Великая княжна Александра Георгиевна блистала при императорском дворе и была обласкана царем.

Отношение Ольги к императору Александру III с годами все более походило на обожание, которое разделяли многие из приближенных. Так, Ольга писала родному брату, великому князю Константину Константиновичу 24 Августа (5 сентября) 1887 г. из Фреденсборга: «Я знаю, что ты с Митей²¹ дали бы себя изрезать на куски за нашего Царя – и я тоже!..» Греческая королева упорно стремилась сориентировать своих повзрослевших детей на Россию, что не всегда одобрял греческий король Георг I, ставленник Великобритании.

Тяжелым ударом для греческой королевы стала неожиданная смерть Александра III в октябре 1894 г., самого близкого родственника и императора, с которым они всегда душой были рядом, несмотря на разделявшее их расстояние. Ольга Константиновна была в числе самых близких людей, кто присутствовал при последнем вздохе императора в Ливадийском дворце в Крыму.

Данная публикация писем осуществляется по оригиналам, хранящимся в личном фонде императора Александра III в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 677. Оп. 1. Д. 936). Текст писем приведен в соответствие с нормами современного правописания, однако сохранены некоторые особенности, характерные для автора данных писем, ее среды. Например, оставлено без изменений написание имен и фамилий, двойное датирование писем. Сокращенные в тексте писем слова дописываются нами в прямых скобках. Без изменения даются в оригинале имена и выражения, написанные на иностранных языках.

Павловское 18 (30) июня 1866

Милый Саша!

От души поздравляю тебя!

Дай Бог тебе счастья! От души молю Бога, чтобы Он благословил бы тебя на всю жизнь, и хранил бы тебя здоровым, счастливым и довольным!

Мы все очень обрадовались, узнав весть о твоей помолвке с милой Dagmar!

С нетерпением я жду минуты, где мы увидим тебя опять, милый Саша, с Dagmar и лично поздравим тебя!

Но я не стану надоедать тебе длинным письмом, не нужно много слов, чтобы выразить своих чувств. Ты, надеюсь, поймешь, как много хорошего я Тебе желаю, и, как много я молюсь о твоём счастье.

От души обнимаю тебя! Поклонись Dagmar!

Любящая тебя

Ольга!

Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Л. 1–2.

Кифиссия, 14 (26) мая 1868.

Мой милый Саша!

От всей души поздравляю тебя с сынком!

Не могу выразить, как мы счастливы за вас и как ты благодаришь Бога, что все благополучно и хорошо кончилось с душкой моей Мини! Твоя депеша нас очень тронула, в которой ты нам желаешь тоже счастья! Пишу тебе, потому что я думаю, что еще слишком рано писать Мини, она, должно быть, не смеет ни читать, ни говорить!

Воображаю, как вы оба счастливы иметь ребенка, а особенно сына. Как мне это кажется странным, что ты – отец. Время, право, очень скоро проходит! Как мне жаль, что я не могу быть теперь в Царском, и присутствовать при крестинах!

Вчера мы переехали на дачу, т.е. в нанятый, миленький дом в деревне (полтора часа до Афин). Я страшно как рада, что Мама придет, и вдобавок с Николой!²² Я насилу могу дождаться этого времени! Однако не могу задерживать тебя долее моей болтовней!

Прощай, милый Саша, обними душку твою жену и сына, от незнакомой «тети» (как важно!). Willy²³ кланяется. Не забывай искренне любящую тебя

Ольгу!

Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Л. 3–6. [На бумаге с монограммой]

Афины 15(27) января 1871г.

Милый мой Саша!

Сердечно благодарю тебя за прелестные подарки, которые привез нам Мицкевич, и которые меня ужас как обрадовали.

Ты себе вообразить не можешь, как я счастлива, когда получаю известия о вас! Ведь мы так давно не виделись, более трех лет! И Бог знает, когда увидимся. Вилли будет писать Мини, и поручил мне искренне поблагодарить тебя. Он только что возвратился с охоты, где он и Дядя Вильгельм²⁴ [...] ничего не убили, потому что слишком мало там остались; признаюсь, что я этому очень рада, потому что я не люблю разлучаться с Вилли и оставаться здесь одной. Мне бы ужасно хотелось видеть вашего маленького Николая и показать вам наших трех пипсов, которые премилые, особенно девочка, ужас, какая душка²⁵.

Я с удовольствием вспоминаю ту зиму, когда мы так часто с вами видались и ездили верхом в манеже; когда-то это опять повторится! Мы очень часто ездим верхом, несмотря на январь, потому что здесь удивительно и необыкновенно тепло! Но снег и мороз я больше люблю. Обними от меня, пожалуйста, душку Мини, и попроси ее не забыть прислать мне портрет вашего маленького Николая.

Вилли и я крепко Вас обнимаем, и я прошу тебя, милый Саша, не забывать сердечно любящую тебя двоюродную сестру

Ольгу.

Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Л. 5–6.

2 июня [18]80. Милейший Саша!

Прошу тебя прочесть влагаемую записку от Веры Васильевны Бутаковой²⁶ и приказать, чтобы поместили бедного священника, о котором идет речь, в заведение на Поклонной Горе близ Порголова. Отец Николай был долго в Афинах при посольстве и моим духовником, я очень его полюбила, и вообще всеми он был любим и уважаем. Поехав в Рим, он заболел и сошел с ума. Я тебе буду страшно (подчеркнуто четыре раза. – *О. С.*) благодарна, если ты сделаешь для него то, что мы просим. Извини, что я тебе этим надоедаю, но ты милый и добрый, и, наверное, не откажешь. Обнимаю тебя крепко.

Надеюсь, что у душки Мини не болят зубы, я ее крепко целую.

Твоя Ольга

Бедный цесаревич, которому приходится читать мои каракули! (одиннадцать раз)

Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Л. 13–14.

Тверь 2(14) июля 1880 г.

Друг мой, Саша!

Ты не знаешь, до чего я огорчена тем, что мне не удалось проститься с тобой и моей душкой Мини. Я приехала третьего дня, а вчера не застала вас дома, к моему великому огорчению. Дай Бог нам только увидиться осенью, как мы надеемся, но я невольно боюсь, что какое-нибудь непредвиденное обстоятельство помешает этому.

Во всяком случае, я благодарна за то, что видела вас теперь. Спасибо тебе и Мини за вашу дружбу и ласку; я вас ужасно люблю (два раза подчеркнуто. – *О. С.*). Извини, что я пишу на такой непрезентабельной бумаге, но я со свойственной мне непредусмотрительностью забыла взять бумагу.

Мы поместились в симпатичном дворце; Тверь мне страшно нравится, хотя город некрасив и скучен, но он русский с массой церковей и монастырей (о грамматика!). *et cela me suffit*²⁷. Восторг! Я хотела попросить тебя о чем-то, но не успела, потому что не видала тебя наедине.

Докажи мне свою дружбу, миленький мой Саша, и исполни мою, кажется, очень скромную просьбу. Мне бы хотелось, чтобы ты раз поговорил с доктором Болинским²⁸ о Николе и выслушал его мнение о нем. Не правда ли, эта просьба не слишком нескромная; я не прошу, чтобы ты это сделал сейчас, а когда-нибудь, когда у тебя будет на то время.

Мне это кажется очень важным, чтобы ты выслушал человека, который изучил характер и болезнь моего брата. Не откажи мне, прошу тебя, и ты не знаешь, как я буду тебе благодарна! Я сижу здесь с моим идеальным братом *et nous ne sommes pas tout tete à tete*²⁹.

Надеюсь, что тебе удастся прочесть мои каракули на этой ужасной бумаге. До свиданья! Обнимаю тебя и Мини крепко, крепко! Христос с вами!

Всем сердцем любящая тебя сестра

Ольга!

Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Л. 15–16.

Бернсдорф 19(31) июля 1880.

Милый, дорогой мой Саша! От души благодарю тебя за твое письмо. Ты сам знаешь, что то, что ты мне пишешь, должно было причинить мне глубокое горе; ты в этом не ошибся, но я тронута и благодарна тебе за твою откровенность. Что бы это ни стоило, но, по-моему,

всегда лучше знать всю правду. Я подозревала, что ты такого мнения о моем бедном брате и, несмотря на то, что мне это неописано (так в тексте. — О. С.) грустно, я рада, что знаю это теперь, наверное. Я нисколько не стараюсь делать себе «иллюзию» о Николе, но все-таки я убеждена, что ты ошибаешься во многом на счет Николы. Ты сам допускаешь, что он болен, так, стало быть, и нельзя винить его во всем. Вся его обстановка, что не может его вылечить, иногда с ним обращаются, как с преступником, иногда как с сумасшедшим, иногда как с совсем здоровым. Если было бы больше последовательности и побольше сердца в обращении с ним, то, поверь, мне дело пошло бы лучше. Ради Бога, не будь слишком уверен в непогрешимости твоего собственного мнения, а выслушай и других; я дрожу, думая о будущем моего бедного Николы, ему ведь только 20 лет и он физически крепок и здоров! Главное несчастье то, что он великий князь и с ним не обращаются, как бы обращались с другими. Я не извиняюсь, что пишу тебе совершенно откровенно: надо говорить что думаешь, или молчать. Еще раз благодарю тебя, потому что твое письмо меня очень тронуло. Вилли и все семейство тебе кланяются. Так жалко, что вас нет здесь. Я очень рада за тебя, что вы наслаждаетесь тишиною в Гатчине. Надеюсь, что душка Мини хорошо себя чувствует. Вилли и я крепко ее обнимаем. Мы очень надеемся скоро вас увидеть.

Обнимаю тебя крепко, милейший мой Саша.

До свидания!

Твоя Ольга

Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Л. 19–20.

Афины 5(17) марта 1881 г. Милейший Саша! Никакие слова не могут выразить того, что я чувствую, думая о твоём (о нашем) ужасном горе. Да поможет тебе Господь и да подкрепит Он тебя в самую тяжелую минуту твоей жизни.

Нечего тебе говорить, как я молюсь за тебя и за нашу возлюбленную Россию, которая переносит такие тяжкие испытания! Но как бы тяжело не было кругом все-таки свет впереди!

Грустно быть далеко от вас в такие минуты так и тянет к вам. Обнимаю тебя крепко, мой дорогой, милейший Саша! Не думай, пожалуйста, отвечать мне. Христос с тобою!

Всей душой любящая тебя

Сестра Ольга.

Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Л. 21–22.

Афины 4 (16) января 1883.

[С монограммой «OLGA»]

Милейший дорогой мой Саша! Благодарю тебя от всей души за прелестнейшие подарки, присланные к Рождеству; вы меня по-прежнему страшно балуете и я право не нахожу слов чтобы выразить тебе мою благодарность за все! Никогда никто об этом не знает и не узнает, так как это письмо пойдет по верной оказии. Ты знаешь, до чего меня мучает эта церковная распря. Теперь вы опять в городе и я, по крайней мере, могу представить себе твой чудный кабинет и один наш разговор за чаем и при этом мне пришлось на ум попросить тебя, чтобы ты пригласил Царьградского (Константинопольского. – О. С.) Патриарха³⁰ на коронацию. Не думаешь ли ты, что это могло бы содействовать примирению греческой и болгарской церковью?! Извини, что я об этом пишу, *mais cela ne tire pas à conséquence*³¹.

Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Л. 23–25.

Афины 4 (16) января 1884

Мой дорогой, милейший Саша!

От всей души благодарю тебя за ваши идеальные подарки, доставившие мне неописанную радость; не могу выразить, до чего я тронута вашим милым, ласковым вниманием. Надеюсь, что ты теперь совсем поправился и не чувствуешь больше ни малейшей боли в плече; мы были очень-очень огорчены известием о том, что ты ушибся и я так много думала о вас в это время. Дай Бог тебе всякого счастья, благополучия в новом году и много, много радостей и утешений! Надеюсь, что мы увидимся опять скоро, хотя это и кажется немного трудным и даже иногда невероятным, но желать и надеяться всегда можно. – Не могу сказать тебе, как я счастлива, что милейший Пиц³² проводит у нас зиму и как я наслаждаюсь его присутствием; он такой милый и хороший; он, слава Богу, здоров и весел, и я думаю, что зима, проведенная в южном климате, принесет ему пользу. Мне кажется, что ему даже следовало бы провести две, три зимы кряду за границей, т. е. на юге для полного укрепления здоровья и во избежание плевритов. Мы, конечно, будем всегда несказанно счастливы иметь его под нашим кровом.

На днях пришел милый «Герцог Эдинбургский»³³. Ты, верно, помнишь, что я даже в Дании заранее радовалась, что он придет к нам зимою. Теперь в Пирее стоит целая наша эскадра, что для русского сердца весьма отраднo. На «Светлане»³⁴, на милой старушке, готовится праздник; мы на днях будем там плясать; я ужасно рада, так как

никогда и нигде так весело не бывает, как у милых наших морячков. Третьего дня был бал у нас и в первый раз здесь танцевала мазурку; это вышло очень удачно и оживление было громадное. Baboon³⁵ и Мини тебя крепко обнимают; «baboon» все собирается тебе писать, но пока из этого ничего не выходило; она немного остепенилась, но не знаю, не начала ли бы она снова буянить при первом удобном случае. Наша новая гувернантка – чудная и девочка ее очень-очень любит.

Не могу тебе более надоедать моей болтовней и спешу к концу. Да хранит тебя Бог, мой милейший Саша.

Обнимаю тебя крепко. Всей душой любящая тебя сестра

Ольга.

Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Л. 27–30.

Афины 7 (19) февраля 1884 г.

Твое письмо, милейший, дорогой мой Саша, ужасно, ужасно (два раза подчеркнуто. – О. С.), ужасно, ужасно, ужасно обрадовало меня и я слов не нахожу, чтобы хорошенько поблагодарить тебя за него, ровно как и за прелестный фонарь. Он меня привел в восторг и так живо напомнил то чудное время в Дании и наши милые поездки в город. Я так тронута твоим вниманием и этой прелестной мыслью сделать для меня копию с фонаря, что я сказать не умею.

Я передала Гирсу³⁶ твой поклон; он был страшно тронут и обрадован, просил повергнуть его благодарность к твоим стопам, и что он всегда будет стараться быть достойным твоей милости и оправдать твое доверие. Мы, было, уже простились с милым фрегатом, как он совершенно неожиданно вернулся; ему оторвало обшивку и он чинится в Пирее; к сожалению, говорят, что эта работа кончится скоро, тогда он уйдет в Триест. Я действительно ужасно обрадовалась его приходу и нас опять всячески баловали на этом милом фрегате, встречали и провожали с таким радушием. Дай Бог им благополучно дойти до Кронштадта. Несмотря на холод и даже на снег, мы очень веселились на милой старушке «Светлане», впрочем две недели тому назад мы снова танцевали в Пирее, но в этот раз в так называемой русской бухте. Милые моряки устроили там пикник, поставили чудный пол и мы плясали несколько часов сряду как сумасшедшие. Погода в этот раз благоприятствовала вполне. Нам обещают еще такой праздник на масленице, если только погода это допустит и главное – глупый Египет: говорят, что «Стрелок»³⁷ туда отправляется. Воображаю, как пляшут и забавляются в Питере; при этом с искренним сочувствием думаю

о тебе, зная, как ты любишь подобного рода увеселения. Но это ведь теперь скоро кончится и я очень буду рада за тебя, когда узнаю, что ты вернулся в твое милое Гатчино с его тихим образом жизни.

Милый Павел³⁸, слава Богу, здоров и весел, несмотря на довольно скверную погоду; меня, право, смущает, что ты благодаришь за то, что мы приютили его на зиму; скорее нам благодарить вас, что вы его прислали к нам и этим доставили нам неописанную радость и наслаждение. Он такой милейший и мы его все нежно (подчеркнуто два раза. – *О. С.*) любим, от мала до велика. Хотелось бы только, чтобы время не так летело, а оно проходит с изумительной быстротой и уносит с собой это хорошее время.

Вилли тебе сердечно кланяется. Дети, и главное «baboon» тебя обнимают. Аликс, помирая со смеху, написала тебе, наконец, письмецо.

С ужасом замечаю, сколько я отняла у тебя времени моей болтовней, извиняюсь и спешу к концу. Христос с тобою, милейший Саша, крепко-крепко тебя обнимаю и еще раз благодарю от глубины души Поцелуй от меня дорогую Минни и детей.

Вили, сердцем любящий тебя,

сестра Ольга.

P.S. Мазурку учили наши офицеры, Философов³⁹, его жена, да разные маменьки, уверяющие, что в то допотопное время здесь много танцевали мазурку.

Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Л. 31–35.

«Бернсдорф 14 (26) августа 1884

Дорогой Саша!

Краснея от стыда, берусь за перо, уже давно хотела я написать тебе, но это все как-то не удавалось, но я уверена, что ты мое долгое молчание не сочтешь за неблагодарность. Я провела опять такое счастливое время у вас, прибавившееся к стольким хорошим воспоминаниям, хранящемся в моем благодарном и горячо вас любящем сердце.

На днях будет год, что мы встретились все здесь в милой Дании. Постоянно вспоминаю те светлые дни, и вы мне ужасно не достаете. Бернсдорф в полной своей красе; сегодня идет дождь, но до сих пор мы наслаждались дивной погодой и солнечными лучами в изобилии. Фреденсборг мы в этот раз не видали и, признаюсь, что я не особенно желаю его видеть, хотя идет речь поехать туда в день моего рождения; так грустно видеть опустелое место, в котором все напоминает милых людей и с ними проведенное чудное время.

Часто бываю с детьми в вашей милой церкви; вот где особенно чувствуется разница между прошлым годом и нынешним. Она почти пуста, а на клиросе голосят (а не поют) два старых дьячка! Право жалко и даже совестно, что в такой прекрасной и роскошной церкви такое некрасивое пение! Нельзя ли было бы устроить здесь порядочный хор?

Если б министр[ерство] иност[ранных] дел раскошенилось бы и прислало сюда хорошего регента, то можно было бы набрать здесь певчих в роде приличного хора. Раз только пение было недурно и особенно симпатично; пели матросы с «Пластуна»⁴⁰ и вся церковь была полна матросиками.

Ходила пешком по городу с Вальдемаром⁴¹ и раз с Папа.

Уходя отсюда клипер «Пластун» должен был оставить здесь одного очень тяжело заболевшего матроса. От ран на ноге у него чуть не сделалось разложение⁴² крови (кажется, так переводится сепсис). Я его несколько раз видела, и в первый раз он производил на меня страшно грустное впечатление. Слава Богу, ему теперь лучше и начинают надеяться, что он выздоровеет. Меня особенно огорчала мысль, что кроме физических страданий он страдает нравственно в своем полном одиночестве.

Конечно, батюшка ежедневно бывает у него и я часто посылаю мою Марью Ник[олаевну]⁴³, и сама туда хожу, когда представляется возможность, но все это ничего в сравнении с тоской, лежать одним далеко от родины, от товарищей и не быть в состоянии промолвить хоть слово с окружающими. И, вместе с тем, надо видеть какой он терпеливый и кроткий, никогда ни на что не жалуется, ничего не просит, но заметно, что он тоскует по родине, по матушке по Волге. Извини, что я так распространяюсь, но я хотела попросить милости у тебя; не отпустишь ли ты его на родину, освободив от службы? Он конечно и не думает о такой возможности, но это было бы такой, такой восторг!!! Может быть, это глупо и неблагоприятно с моей стороны просить такой милости, потому что без сомнения много таких как он больных тоскующих по родине, но ты сам рассудишь – а я прошу за него, потому что горе, которое видишь, более нас потрясает, чем то, о котором только слышишь. Если ты сочтешь возможным оказать ему эту милость, то, умоляю тебя, дай мне знать об этом, до нашего отъезда (а уезжаем мы после дня рождения Мама), чтобы я могла ему сообщить сама об этой радости!

Ты знаешь, что нам предстоит разлука с нашим Georgy⁴⁴, и я с ужасом и трепетом думаю об этом. При нем будет состоять греч[еский] морской офицер и воспитанием будет управлять милейший кап[итан] Jacobsen; это конечно для нас большое утешение, так как влияние этого человек

только и может быть отличным во всех отношениях. Для уроков закона Божия приезжает сюда греч[еский] священник, бывший до сих пор преподавателем, кажется греческого языка, в киевской духовной академии.

Я спрашивала нашего батюшку, можно ли ему, (т. е. греч[ескому] священнику) служить иногда в церкви для **Georgy, кот[орый]** может следить за русской службой, но, к сожалению, ее не понимает. Батюшка ответил, что он убежден, что в этом никакого затруднения не встретится и обещал написать митрополиту. Я тебе это пишу в надежде, что Ты позволишь это, если дело это дойдет до тебя.

Извини, умоляю тебя, непозволительную длину этого послания; Вилли и Вальдемар очень-очень кланяются. Крепко обнимаю тебя, душку милую Минни и детей. Храни вас всех Господь Бог.

Всей душой любящая тебя сестра

Ольга.

Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Л. 37–42.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ольга Константиновна (1851–1926), вел. кн., дочь вел. кн. Константина Николаевича (1827–1892) и вел. кн. Александры Иосифовны, с 1876 г. супруга короля Греции Георга I.
- 2 Александр Александрович (1845–1894), затем цесаревич (с 1865 г.) и с 1881 г. российский император Александр III.
- 3 Георг I (Христиан Вильгельм Георг, принц Датский из династии Глюксбургов) (1845–1913), король Греции с 1863 г.; его супруга – королева Ольга; сыновья: Константин, Георг, Николай, Андрей, Христофор и дочери: Александра и Мария.
- 4 Константин (1868–1923), греческий наследный принц, сын Ольги Константиновны и Георга I, король Греции из династии Глюксбургов (1913–1917, 1920–1922); отрекся от престола в 1922 г.
- 5 Константин XI Палеолог (1404–1453). Последний Византийский император.
- 6 Кристиан IX (1818–1906), король Дании с 1863 г., отец императрицы Марии Федоровны и греческого короля Георга I.
- 7 Луиза Гессенская, королева датская (1817–1898).
- 8 ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Тверь 2 (14) июля 1880 г. Л. 15.
- 9 Константин Константинович (1858–1915), великий князь, генерал от инфантерии, президент Академии наук (с 1899 г.), поэт-романтик, писавший под псевдонимом *К. Р.*, младший брат королевы Ольги.

- 10 ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 936. Тверь 2 (14) июля 1880 г. Л. 16.
- 11 Александра Иосифовна (1830–1911), великая княгиня, урожд. принцесса Саксен-Альтенбургская, мать Ольги Константиновны.
- 12 ГАРФ. Ф. 600. Оп. 2. Д. 209. № 13. Афины 29 марта (10 апреля) 1881.
- 13 Головин Николай Михайлович (1836–1911). Генерал от инфантерии, член Военного Совета.
- 14 ГАРФ. Ф. 600. Оп. 2. Д. 209. № 19. Фалер 1881 20 июня (2 июля) 1881 г.
- 15 Там же. Д. 210. № 17. Афины 5/17 июня 1882; № 18. Татой 12 (24) июня 1882.
- 16 Там же. № 23. 1882. Шотландия, 9 (21) сентября 1882 г.
- 17 Мария Федоровна (1847–1928), урожд. Мария-София Фредерика-Дагмара, дочь датского короля Кристиана IX и королевы Луизы. Российская императрица с 1881 г., супруга императора Александра III.
- 18 ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 224. № 14. Гмунден. 1(14) октября 1883.
- 19 Александра, Аликс (1870–1891), принцесса Греческая.
- 20 Павел Александрович (Пиц) (1860–1919), вел. кн., мл. сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командир лейб-гвардии Конного полка (1890–1906), командир гвардейского корпуса (1898–1902), в 1916 г. назначен командующим 1-го гвардейского корпуса, затем генерал-инспектором войск гвардии; первая супруга – Александра Георгиевна, греческая принцесса. Их дети: Мария (1890–1958) и Дмитрий (1891–1942) воспитывались в семье вел. кн. Елизаветы Федоровны и вел. кн. Сергея Александровича.
- 21 Дмитрий Константинович (1860–1919), великий князь, родной брат королевы Ольги.
- 22 Старший родной брат Ольги Константиновны, великий князь Николай Константинович (1850–1918).
- 23 Так звали в семейном кругу короля Георга I.
- 24 Имеется в виду дядя греческого короля Георга I ландграф Гессен-Кассельский, Фридрих-Вильгельм (1820–1884). 1-й брак – с российской великой княжной Александрой Николаевной (1825–1844).
- 25 Имеются в виду первые дети Георга и Ольги – Константин, Георг и Александра.
- 26 Бутакова Вера Васильевна (1843–1923), из известного рода Давыдовых, жена контр-адмирала Александра Григорьевича Бутакова 2-го, подруга королевы Ольги.
- 27 И мне этого довольно! (фр.).
- 28 Болинский, известный психиатр, профессор.
- 29 И мы совершенно не наедине друг с другом (фр.).

- 30 Иоаким III (Великолепный) (1834–1912), Святейший Архиепископ Константинопольский (1878–1884, 1901–1912). Пользовался поддержкой русского правительства. В 1905 г. стал почетным членом Санкт-Петербургской духовной академии.
- 31 Но это не будет иметь никаких последствий (фр.).
- 32 Павел Александрович (1860–1919), великий князь, внук Николая I, страдал болезнью легких.
- 33 «Герцог Эдинбургский», фрегат российского императорского флота, спущен на воду в 1875 г.
- 34 «Светлана», парусно-винтовой фрегат. В 1872–1873 гг. совершил длительное путешествие на Восток. На борту находился великий князь Алексей Александрович и вел. кн. Константин Константинович.
- 35 Так называла королева Ольга свою дочь Александру.
- 36 Гирс Александр Константинович (1859–1917), офицер гвардейского экипажа, был в 1-м флотском экипаже великого князя Константина Николаевича.
- 37 «Стрелок» (1879), парусно-винтовой клипер российского императорского флота.
- 38 Имеется в виду великий князь Павел Александрович.
- 39 Философов Н. Н., личный секретарь королевы Ольги.
- 40 «Пластун» – один из шести клиперов, построенных в 1855–1857 гг. в Архангельске.
- 41 Вальдемар (1858–1939), принц датский, родной брат короля Георга I.
- 42 Так в тексте. Правильно: заражение.
- 43 Марья Николаевна, многолетняя помощница королевы Ольги.
- 44 Принц Греческий Георг, Джорджи (1869–1957), второй сын Ольги Константиновны и Георга I.

Sokolovskaya O. V.

Letters by Greek Queen Olga to Emperor Alexander III

There is the first publication of letters from the Queen of Hellenes Olga to her cousin, Tsesarevich Alexander, who became Emperor Alexander III in 1881. The letters are about various matters of the life of the imperial family in 1866–1884.

Key words: *the Romanovs dynasty, meetings of royal relatives in Denmark, character of Alexander III, friendship of Olga Konstantinovna with Empress Maria Fedorovna, Greece.*

А. В. Ганин
(Москва)

Болгары – выпускники Николаевской военной академии в Гражданской войне в России*

Публикация представляет подборку документов архивов России, Украины и США о болгарских генштабистах, поступивших на военную службу в России и вовлеченных в события русской революции и Гражданской войны 1917–1922 гг. Ключевые слова: *Россия, Болгария, Гражданская война, Генеральный штаб, военная элита, репрессии.*

Существовавшая в Российской империи корпорация офицеров Генерального штаба имела сложную этно-социальную природу. Чтобы оказаться внутри этой элитной группы военных деятелей, требовалось успешно окончить Императорскую Николаевскую военную академию и выполнить ряд других условий. В академии обучались не только офицеры русской армии, но также болгары и сербы, с преобладанием болгарского контингента (к осени 1912 г. обучение прошли 123 болгарских офицера¹). Многие из них вернулись на родину, однако некоторая часть обосновалась в России и служила в русской армии.

Революция и Гражданская война затронули и болгарских генштабистов, оказавшихся по разные стороны баррикад.

Ниже впервые публикуются автобиографические свидетельства болгарских генштабистов, участвовавших в Гражданской войне в России как на стороне красных, так и в рядах белых. Эти документы, сохранившиеся в архивах России, Украины и США, проливают свет на непростые судьбы их авторов, болгаро-российские взаимоотношения, менталитет болгарских офицеров на русской службе, положение генштабистов и, конечно, на сами события революции и Гражданской войны.

Автор первого документа Константин Александрович Людсканов-Цанков родился 24 декабря 1886 г. в Софии в семье видного болгарского политика Александра Людсканова (1855–1922) –

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

лидера прогрессивно-либеральной партии и министра внутренних дел Болгарии (1902–1903, 1911–1913). По материнской линии он приходился внуком болгарскому премьер-министру, русофилу Драгану Цанкову (1828–1911). В 1912–1913 гг. участвовал в Первой Балканской войне², в 1914 г. окончил Николаевскую академию по 1-му разряду.

12 сентября 1915 г. датировано письмо дочери члена Государственного совета А. С. Ермолова (1847–1917) – рязанской помещицы Марии Алексеевны Ермоловой (ставшей супругой Людсканова-Цанкова) генерал-квартирмейстеру штаба Кавказской армии генералу П. А. Томилову по поводу ротмистра Людсканова-Цанкова, в котором были и такие слова: «Придя к нам на службу, Людсканов решил в России и остаться; тогда, только что поступив в ряды армии, он не возбудил вопроса о подданстве, считая правильным просить об этом только после того, как службою засвидетельствует свою преданность России»³. Просительница ходатайствовала о переводе офицера в Генштаб. Результат этого прошения неизвестен.

В годы Первой мировой войны Людсканов-Цанков занимал должности старшего адъютанта штаба Сводной кавалерийской дивизии (с июля 1916 г.) и штаб-офицера для поручений при штабе II кавалерийского корпуса (с мая 1917 г.). К концу 1917 г. дослужился до чина подполковника. Начало Гражданской войны встретил в Красной армии, где занимал должность помощника начальника штаба 1-й Рязанской дивизии по оперативной части, затем помощника начальника штаба 2-й стрелковой дивизии⁴. 16 февраля 1919 г. он был командирован в Астрахань, в распоряжение штаба 11-й армии⁵, но загадочным образом исчез⁶. Поиски пропавшего успехом не увенчались. В одном из документов отмечалось, что военспец «был назначен на Каспийско-Кавказский фронт, куда согласно сообщения штаба Московского военного округа выбыл 23 февраля с.г. (1919. – А. Г.), однако на место своего назначения не прибыл. В виду безрезультатности розысков его местопребывания из списков исключен»⁷.

Объявился Цанков уже на белом Юге, где за службу в Красной армии предстал перед военно-полевым судом, но был оправдан⁸. Людсканов-Цанков был прикомандирован к управлению генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего и переименован в полковники (в связи с упразднением чина подполковника). Дальнейшая его судьба известна из публикуемого рапорта. Он уехал в Болгарию, где поступил на государственную службу и состоял 1-м секретарем болгарского посольства в Сербии (Белград). Умер он в 1937 г.

Рапорт Людсканова-Цанкова сохранился в коллекции генерала П. Н. Врангеля в архиве Гуверовского института. В рапорте самовольно оставившего службу у белых и перешедшего летом 1920 г. на службу в МИД Болгарии офицера приводится обоснование причин его ухода со службы. Не последнюю роль играло отсутствие материального обеспечения офицера после ранения. Однако, перейдя на болгарскую службу и оказавшись в Белграде, офицер стал выступать в сербской печати против врангелевской армии. Генерал А. А. фон Лампе в своем дневнике 26–27 мая 1922 г. в связи с этим записал: «Я забыл, что он по своему рождению, как болгарин, должен быть прохвостом...»⁹.

Второй публикуемый документ принадлежит другому болгарскому генштабисту – выпускнику ускоренных курсов Николаевской академии Ивану Дмитриевичу Чинтулову (12 августа 1888 – 28 мая 1931) и представляет собой его автобиографические показания в связи с арестом по делу «Весна».

Чинтулов родился в Варне, в семье болгарского офицера, переехав в Россию, стал личным дворянином. В старой армии дослужился до капитана. Участвовал в Первой мировой войне в рядах 68-й артиллерийской бригады. За храбрость в 1915 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. По окончании младшего класса ускоренных курсов 2-й очереди академии он стал и. д. обер-офицера для поручений при штабе IV Сибирского армейского корпуса.

Чинтулов был одним из лидеров своего класса, права которого пытался отстаивать, состоя в комитете выпуска. Еще 6 сентября 1917 г. в связи с сокращением квоты на поступление в старший класс 2-й очереди он с возмущением писал старосте слушателей А. Л. Симонову, что Ставка «игнорирует во имя никому не известных соображений интересы значительного числа офицеров, посвятивших себя службе Генерального штаба»¹⁰. При большевиках Чинтулов не боялся вступаться за арестованных товарищей и открыто противостоять чекистам, за что подвергался репрессиям.

В годы Гражданской войны Чинтулов оказался в Красной армии. В 1918 г. он занимал должности помощника начальника оперативного отделения штаба Северного участка и Петроградского района завесы¹¹, консультанта оперативного отдела Наркомата по военным делам, внес вклад в становление советской военной контрразведки и вместе со своим товарищем по выпуску Г. И. Теодори боролся за сохранение ее в военном ведомстве.

Затем Чинтулов стал начальником организационного, а с сентября 1919 г. – оперативного отделения штаба Западного фронта.

Наряду с другими однокашниками он был арестован в Смоленске на 20 дней в августе 1919 г., видимо, в связи со сфабрикованным делом Полевого штаба Реввоенсовета Республики (РВСР), но был освобожден и продолжил службу.

Наконец, Чинтулов был отозван в Москву и назначен помощником начальника оперативной части оперативного управления Полевого штаба РВСР. По данным на апрель 1921 г. был помощником начальника оперативного отдела оперативного управления Штаба РККА. Существование на грани выживания толкнуло его на должностное преступление. Военспец был арестован за попытку незаконной продажи спирта и, несмотря на то, что преступление даже не было совершено (Чинтулов все возвратил), приговорен к расстрелу. Однако приговор не был приведен в исполнение, и Чинтулова вскоре освободили. После Гражданской войны он продолжал служить в армии в Средней Азии и на Украине.

В ночь на 26 декабря 1930 г. Чинтулов по постановлению Особого отдела сектора ГПУ УССР был арестован в Харькове по делу «Весна» и помещен в дом предварительного содержания № 1. Чинтулова и ряд других бывших офицеров русской армии обвиняли в принадлежности к контрреволюционной организации, преследовавшей цель свержения Советской власти путем вооруженного восстания¹². Во время ареста генштабист работал военным руководителем в харьковском Институте механизации и электрификации сельского хозяйства и в Институте зерновых культур.

25 января 1931 г. Чинтулов оговорил себя, заявив, что был антисоветски настроен со времен Октябрьской революции, что в Гражданскую войну он и его товарищи по службе в Генштабе надеялись на превращение Красной армии в армию национально-русскую¹³. Последнее заявление удивительно из уст болгарина, однако такие показания требовались следователям.

Чинтулов признавался: «...антисоветские настроения во мне... питались привычками прежнего царского быта, узким окружением, в основном офицерского общества, настроенным недружелюбно к Советской власти... По моему мнению, коллективизация отнимала у крестьян стимул личного благополучия и поведет к упадку сельского хозяйства. Я считал наиболее приемлемой форму ведения индивидуального хозяйства. На мой взгляд, проведение раскулачивания проводилось несправедливо. Продовольственные затруднения я также относил к неправильной политике Соввласти»¹⁴.

2 февраля 1931 г. Чинтулов написал «Чистосердечное раскаяние», в котором есть оговорка: «Вам граждане следователи Рыков и Лукин,

Вашей неумолимой работе надо мной я обязан тому, что пришел к необходимости полного раскаяния»¹⁵. Что это была за работа над арестованным, можно только догадываться. Результат ее выразился в следующих строках «раскаяния»: «В полном сознании тяжести преступления и беспощадной кары, ожидающей меня, я прошу пощады, снисхождения. Я прошу дать мне возможность жить и работать честно на строительство мощного Социалистического Советского Союза.

Конечно я контрреволюционер, конечно, и по духу и на деле. Размах моих действий м[ожет] б[ыть] и не велик, судите сами, но для крупных действий не было и обстановки и надобности. Все в стадии подготовки, все в ожидании более решительных моментов. И я в этом отношении не один так был скромн и опаслив. Вам это видней»¹⁶. Далее Чинтулов был вынужден оговорить своих прежних сослуживцев. Он заявил, что был завербован бывшим начальником 4-го отдела штаба Украинского военного округа Б. В. Майстрахом, по заданию которого завербовал в 1928–1930 гг. ряд других военнослужащих. Указал, что контрреволюционную организацию на Украине возглавлял С. А. Пугачев. Участником организации назвал также генштабиста А. Н. Гатовского.

Рассуждая о причинах своей контрреволюционности, Чинтулов описывает свои страдания при большевиках: «Значительную роль играли личные обиды, наносимые мне неоднократно за все время службы Советской власти. Я перечислю: необоснованный, на мой взгляд, арест в 1919 г. на 20 дней, отсутствие наград за гражданскую войну, несмотря на напряженную и полезную работу, жестокое мое осуждение к расстрелу в 1921 г. по ничтожному проступку, невзирая на мое до следствия сознание, высылка в Туркестан, смещение в 1926 г., придирки по службе и невнимание к моей работе, весьма старательной, и необоснованный арест в 1927 г.»¹⁷.

За время ареста семья (жена Наталия Александровна и сын Георгий) имела с арестованным несколько свиданий. Сын Чинтулова присутствовал на одном из них 30 апреля 1931 г., когда его отец сообщил, что не считает себя виновным, а следователь выразил надежду на то, что «клубок, нити которого находятся у него, удастся благополучно распутать»¹⁸. 20 мая 1931 г. Чинтулов постановлением коллегии ОГПУ был приговорен к высшей мере наказания и 28 мая расстрелян¹⁹, но семья еще четверть века не знала об этом.

Летом того же года супруга Чинтулова безуспешно пыталась навести справки о судьбе мужа. В 1932 г. семья переехала в Москву. В 1935–1936 гг. Георгий Чинтулов был на приеме у заместителя нар-

кома юстиции, где получил туманный ответ: «Лес рубят, щепки летят». Не удалось ничего узнать и у представителя болгарской секции Коминтерна В. П. Коларова. Великая Отечественная война отложила выяснение еще на несколько лет. В сентябре 1945 г. Г. И. Чинтулов вновь встретился с Коларовым, который неопределенно заметил, что его отец пострадал зря.

Лишь в период «оттепели» семья узнала о судьбе мужа и отца. 20 февраля 1956 г. Г. И. Чинтулов обратился в Главную военную прокуратуру СССР с запросом о судьбе отца: «Прошло 25 с лишним лет, срок достаточный даже для отбытия тяжкого наказания, я и моя мать убедительно просим пересмотреть дело о Чинтулове Иване Дмитриевиче и в случае, если он жив, вернуть его в семью, а если он умер, то реабилитировать его посмертно»²⁰. Родственники указали сослуживцев отца, которые могли дать ему положительную характеристику. Среди них были его однокашники по академии, ставшие советскими генералами, А. В. Кирпичников и Е. В. Сысоев.

14 ноября 1956 г. Кирпичников сообщил: «Впервые познакомился с ним в военной академии бывшей царской армии, дислоцированной в г. Петрограде, ныне Ленинграде. В этой академии мы оба были слушателями в течение одного учебного года 1917–18 гг. В 1918 г. в академии в апреле месяце был объявлен набор желающих идти в Советскую Красную армию. В числе добровольцев 18 чел. был я и другие. Чинтулова Ивана Дмитриевича в этой группе не было.

Вторично я встретился с Чинтуловым в г. Одесса, куда прибыл для принятия должности начальника шта[ба] 6 стрелкового корпуса. В должность нач[альника] штаба 6 стр[елкового] корпуса вступил в сентябре 1924 г. До моего приезда в г. Одессу Чинтулов в штабе 6 стр[елкового] корпуса занимал должность начоперода²¹. Наша встреча в г. Одесса на этот раз продолжалась в течение 2–3 дней. По данным, которые я имел от товарищей из штаба Харьковского военного округа (бывшего), Чинтулов работал в одном из ВУЗов Харькова в качестве военного руководителя.

Не более кратковременной [была] моя встреча с Чинтуловым и в 1925 г. также в г. Одесса на даче у него на побережье Черного моря. После этого я о Чинтулове И. Д. никаких сведений не имел.

О политическом лице Чинтулова Ив. Дм. и участии его в какой-то антисоветской военно-офицерской организации мне ничего не известно»²².

Сослуживец Чинтулова, полковник в отставке А. П. Лукин отмечал: «О его деловой стороне мне известно от его ближайших

товарищей и непосредственных начальников, как то: Цейтлина, Кирпичникова и других, которые характеризовали его исключительно положительно за время службы в РККА, как добросовестного, преданного делу работника, имевшего большую сумму военных знаний (окончил академию Ген. штаба) и большой боевой опыт Первой мировой и Гражданской войн... С политической стороны Чинтулова я могу охарактеризовать также положительно. Будучи офицером русской армии и окончив академию Генштаба в 1917 г., он с первых дней организации РККА добровольно вступил в ее ряды, будучи сочувственно настроенным к Сов[етской] власти и пролетарской революции. Он всегда искренне радовался одержанным победам наших войск над белыми войсками, польскими интервентами и говорил, что победа Советского народа, безусловно, будет одержана. При личном общении с Чинтуловым я с его стороны никаких антисоветских или других нездоровых высказываний не слышал»²³.

В 1958 г. дело Чинтулова было прекращено за отсутствием состава преступления. Семье сообщили, что Чинтулов умер в местах заключения 25 июля 1936 г. от кровоизлияния в мозг²⁴. Вдова Чинтулова была вызвана в управление КГБ при Совете министров СССР по городу Москве, где ей сказали, что ее супруг был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и умер 12 июля 1941 г. от тромбоза мозговых сосудов²⁵. В харьковское городское бюро ЗАГС была направлена информация о смерти Чинтулова в 1936 г. Факт расстрела по-прежнему скрывался.

Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей.

1

Генерального штаба

полковник

Люсканов-Цанков

8-го ноября н[ового] с[тиля] 1920 г.

г. Белград

Генерал-квартирмейстеру штаба Главнокомандующего

Рапорт²⁶

Доношу Вашему Превосходительству, что радиограмма Ваша № 6640/0010387 доставлена мне 6-го ноября н.с. 1920 г. в г. Белграде.

Ныне я состою I секретарем болгарского посольства в Белграде, какую службу я принял в первых числах июля месяца, о чем донес рапортами № 29 и 30 от 4 июля и 31 августа 1920 года, через военного представителя в Болгарии полковника Палицына²⁷.

Находясь в крайне тяжелом материальном положении – мой отец А. К. Людсканов из-за моего поступления в 1914 году добровольцем в русскую армию потерял свое состояние, а я потерял таковое в России у большевиков – с другой стороны необходимость лечить глаз, дабы по симпатии²⁸ не повредить и здоровый, заставила меня поступить на дипломатическую службу, любезно предоставленную мне болгарским министр[ом]-президентом.

С 24-го августа 1919 года, когда я отбыл из прикомандирования к управлению генерал-квартирмейстера штаба Гл[авнокомандующего] В[ооруженными] С[илами] Юга России и по собственному желанию отправился на фронт, где 7-го сентября был ранен, после этого во время моего лечения в лазарете в г. Таганроге и далее за время моего пребывания в отпуску для лечения последствий ранения лица и глаза в г. Софии, я не получал никакого содержания. С другой стороны после того, как генерал Деникин сложил полномочия, генерал Врангель положил в основу комплектования принцип добровольного поступления в Русскую армию. Все это вынудило меня принять предложение и поступить на службу по болгарскому министерству иностранных дел, тем более в болгарское посольство в Югославию (Сербию), где я смогу быть полезен не только Болгарии, но всему славянству, во главе, конечно, с Россией.

Нынешнее состояние моего здоровья, необходимость регулярного лечения глаза, дабы предохранить и другой, здоровый, глаз, требующее также известного покоя, а также необходимость расплатиться с долгами, сделанными в Софии за время моего лечения, не получая содержания, не дают мне возможности теперь же оставить нынешнюю мою службу и прибыть в срок из продолженного мне отпуска.

Содержание мое, о котором Ваше Превосходительство, упоминает в своей радиограмме, я еще не получил.

Генерального штаба

Полковник К. Людсканов-Цанков

**Hoover Institution Archives. Stanford University. Vrangel Papers.
Box 113. Folder 13. Подлинник. Автограф.**

2

Автобиография И. Д. Чинтулова

Я родился в семье болгарского офицера в гор[оде] Варна, Болгария, в 1888 г. 12 августа.

Отец мой жил на те средства, которые давала ему военная служба, в общем, достаточно скудные, чтобы содержать семью, имевшую четырех детей и дать им хорошее образование. В поисках лучшего отцу моему удалось пристроить меня в Одесский кадетский корпус за счет славянского благотворительного общества, правление которого находилось в Петербурге.

12-ти лет от роду я вступил в первый класс (1900 г., осень) кадетского корпуса, где целиком был охвачен обстановкой закрытого дворянского учебного заведения, носившего на себе резкий отпечаток военной офицерской среды, так как почти все мои сверстники были детьми офицеров и весь педагогический персонал военизирован. Это обстоятельство приводило к привитию навыков и традиций новой для меня среды. Хотя я и родился в офицерской семье, все же болгарское офицерство того времени резко отличалось от русского, так как ему были чужды дворянские традиции, традиции вековой русской армии, оставившей все же кое-какие следы в своем детище, молодой болгарской армии. Мои переживания и влияния на меня чередовались зимой и летом в зависимости от прихода в корпус и отъезда на лето на родину. Мне постепенно стала ясна разница между государственным устройством конституционного государства (Болгарии) и самодержавным, каким была Россия. Эти перемежающиеся впечатления помешали мне сделаться убежденным монархистом.

Учился я в корпусе отлично по всем статьям и имел возможность, окончив корпус, в 1907 г. поступить в Михайловское артиллерийское училище. Это последнее почиталось одним из лучших военных училищ с очень серьезной учебной программой, дающей впоследствии возможность почти без всяких особых усилий пройти курс военной артиллерийской академии. В училище была еще довольно свежа память либеральных идей 70-80 гг. прошлого столетия, хотя либерализм этот проявлялся на деле в шалостях взрослых юношей и массовом нарушении дисциплины в строю, остававшихся в большинстве случаев безнаказанно. Монархический строй в училище не пользовался популярностью и «самодержцы» были известны наперечет. Часто были споры и разговоры в связи с газетными сведениями и личными связями юнкеров. В конце концов я стал на

путь признания конституционной монархии, как формы, приемлемой для того периода.

Я упомяну, что раза два попадал под влияние социалистической пропаганды при своих знакомствах с болгарскими студентами, однако оно не оставило тогда во мне сколько-нибудь серьезных следов. Мне казалось, что борьба за социализм – очень тяжелая форма жизни и проще идти общепринятой дорогой. В училище я оставался болгарско-подданным до окончания его, и только за неделю до производства в офицеры я решил остаться на службу в русской армии и принять русское подданство (в канцелярии петербургского градоначальника, июль 1910 г.).

Выйдя в офицеры, я поступил на службу в 7 артиллерийскую бригаду в гор. Тамбове. После жизни в Одессе и Петербурге в течение 10 лет Тамбов показался мне такой ужасной дырой, трущобой в первые дни моего пребывания, что, казалось, жизнь кончена. От впечатлений на второй день я даже заболел горячкой, исключительно на нервной почве (по диагнозу доктора). Все же, взяв себя в руки, начал службу и служил исправно, так, как меня учили. Понемногу я усвоился с жизнью в Тамбове, чему способствовал приезд моих родителей на зиму ко мне. Отец уже несколько лет был в отставке и жил на пенсии. Я втянулся в обыденную офицерскую жизнь со службой и всеми другими ее обычаями. Служба, офицерское собрание, кое-когда клубы, а чаще всего развлекались в семейных кружках игрой в карты, ухаживанием. Все же моя любовь к военному делу, привитая мне воспитанием, толкала меня на изучение военного дела, знанием которого вообще я отличался. Я хотел изучать военное дело не только в практике мирной обстановки, но и военной. Я намеревался уехать в длительный отпуск за границу, там, где были боевые действия, чтобы, поступив добровольцем, непосредственно ознакомиться с боевой практикой. В ту пору разрешался отпуск за границу на 2–11 месяцев. Однако ранее прослужения 2 лет такого отпуска не давали, нельзя было поступить и в Военную академию, куда я стремился ранее 1913 г. Я собрался было уезжать за границу, когда вспыхнули осложнения на Балканах, и я еще до объявления Болгарией мобилизации взял отпуск и уехал туда. Мой отец был уже на фронте и помог мне устроиться в действующей армии. Я попал командиром взвода в один из полков скорострельной артиллерии 3^{ей} армии Радко-Дмитриева, с которым я был знаком еще с детских лет. Я увлекался военным делом и провел 2 месяца увлекательной боевой работы от границы Болгарии до Чаталжи, действуя все вре-

мя с передовыми частями. Мои переживания изложены в Военном сборнике за 1913 г. под заглавием «Воспоминания добровольца». С наступлением перемирия в декабре 1912 г.²⁹ я вернулся в Тамбов с маленьким ореолом боевого крещения, став наравне со старыми во-яками, отбывшими злосчастную японскую войну и не видавшими ничего, кроме поражений. В марте 1913 г. пытался держать экзамен в Военную академию, но ввиду того, что события на Балканах меня привлекали больше, я мало готовился и экзамена не сдал. Летом 1913 г. собрался вновь на 2-ую балканскую войну, но был посажен под арест с целью воспрепятствовать моему отъезду.

Осенью 1913 г. я, наконец, вырвался из Тамбова, переведясь в Гатчину (ныне Троцк³⁰ 40 км от Петербурга), а в январе женился на Наталии Александровне Вернер, дочери аптекаря г. Тамбова.

1 марта 1914 г. держал экзамен в Военную академию и из многих сотен экзаменовавшихся выдержал 9 или 10, одним словом отлично. Служба моя в 23 арт. бригаде в Гатчине отличалась строгостями. В июле 1914 г. вспыхнула война, и я по плану мобилизации оказался в 68 артилл[ерийской] бригаде, с которой вышел на войну, получив вскоре командование батареей. Первые два года войны (до марта 1916 г. я был командиром батареи) я провел в действиях против германцев, неоднократно имел случаи проявить свои знания и энергию и получил все награды, доступные молодому поручику. Уже в декабре 1915 г. имел все ордена до ордена Св. Георгия 4 ст. и чин капитана и был представлен до чина полковника включительно. В марте 1916 г. перешел на службу в Генеральный штаб с назначением в штаб 4 Сиб[ирского] корпуса, в котором пробыл до января 1917 г., последовательно кочуя с ним на Западном, Юго-Западном и Румынском фронте.

Период первых восторгов и энтузиазма войск в 1915 году сменился под впечатлением поражений, отхода из Польши, нехватки снарядов тяжелым настроением. Связь с тылом помогала проникновению всяких слухов, муссировавшихся, главным образом, вокруг царской фамилии, Распутина, главного бесталанного командования, Государственной Думы и пр.

Уже в 1916 г. настроение в армии было упадочное, поговаривали о необходимости коренных изменений в государственном управлении и командовании. Пропагандистом этих идей у нас был начальник штаба Корольков Георгий Карпович, который втихомолку, в беседах наедине поговаривал о необходимости перемен вплоть до уничтожения монархии. Он был не один, эти мысли разделяли и другие

высшие офицеры и в конце концов они проникали в толщу чинов армии. Поэтому когда я в феврале 1917 г. очутился в Петербурге, в военной академии, куда я был вызван для продолжения военного образования, и оказался свидетелем февральской революции, мне не показалось трудным нарушить присягу. Я видел вокруг себя только единомышленников. Академия казалась целиком на стороне восставших. Во всяком случае никто не взялся за оружие, чтобы бороться за царизм. Последующие события в Питере до июня месяца протекали на моих глазах. Множество партий не давало возможности, за делом, приглядеться к ним пристальнее. Шумели больше всех кадеты и большевики. На мой взгляд, события не сулили умиротворения. Большевики грозили разложением и упразднением армии, но было ясно, что им без вооруженной силы не обойтись. В июне я уехал на Рум[ынский] фронт, где пробыл до нового вызова в Петроград³¹ на 2ой курс Военной академии в октябре 1917 г. После неудачных попыток поднять наступательный дух старой армии, она медленно с ускорением покатила по пути разложения. И когда я ее покидал в октябре, со мной уже катило в тыл, неудержимо, тысячи дезертиров и отпускников. Везде шли разговоры: долой войну, земля и воля, домой, долой аннексии и контрибуции и т.д.

Октябрьская революция меня застала в Петрограде³². Я был удивлен новой революции, ибо считал, что она уже была; поэтому полагал дело идет лишь о восстании с целью свержения Временного правительства. Я не владел никаким имуществом недвижимым, и опубликование декретов об отчуждении фабрик, заводов и земли мало меня трогал[о]. Правда, труднее было расстаться с личными привилегиями, чинами, орденами и пр. атрибутами царского времени³³ и с перспективами возможной блестящей карьеры. Поскольку новое правительство именовалось Советом народных комиссаров и правительством рабочих и крестьян, я, знакомый с болгарскими порядками, смирился скрепя сердце и в надежде, что мои военные знания и опыт найдут себе применение и в новых условиях. Идти на авантюру в ту пору я был не способен и не охот – устал тоже от войны, хотел жить с семьей. Поскольку сведения поступали о благоприятном для нового правительства исходе борьбы за власть даже в самых отдаленных местностях, казалась всякая борьба ненужной.

Дней 10–15 после октября мы, обучающиеся [в] Военной академии, были приняты на учет в Народном комиссариате по военным и морским делам и нам предложено было ожидать распоряжений.

Так фактически я вступил на службу Советской власти.

В марте 1918 г. под давлением немцев остатки царской армии катились на север и восток, к Петрограду³⁴ и Москве. Правительство приступило к срочному спешному формированию добровольческих частей, т. наз. завесы. Я был назначен в штаб Северного участка и Петроградского района завесы в оперативный отдел вместе с другими слушателями академии. В июне 1918 г. я был зачислен в Генеральный штаб³⁵ и вскоре переведен в оперативный отдел наркомвоенмора в Москву (21 июня). Здесь мне было поручено в качестве военного консультанта создать военные контрразведывательные органы. Начальником, при котором я был консультантом, был Тракман, большевик, доктор, эстонец. О такого рода работе я имел лишь отдельные познания и не имел той уверенности в работе, какая нужна была в столь критические времена. Все же работа эта не заслужила порицания и обеспечила довольно стройную систему органов Военного контроля на фронтах и их работу инструкциями и указаниями. Велась работа и по организации подрывных партий и посылке их в тыл белых против Колчака, на Украину, на Дон. Служба требовала быть начеку постоянно. По этой службе мне приходилось сталкиваться с т. Араловым, Аппетером, Блаунсом, Берзиным, Эйдуком, Кедровым, Дзержинским, Караханом и др. Менее всего виделся с генштабистами, так как моя новая служба многим из них казалась зазорной.

В феврале 1919 г. я перешел на службу в Регистрационное управление Полевого штаба Республики в морскую разведку, где проработал до мая. 30 мая был отправлен на Западный фронт в штаб, где служил в опер[ативном] отделе, сначала в Старой Руссе, а затем в Смоленске. В августе я подвергся 20-дневному аресту по неизвестным причинам одновременно с рядом других лиц³⁶. В штабе З[ападного] ф[ронта] я прослужил до мая 1920 года, принимая участие во всей оперативной работе командования фронтом. Мои начальниками были Перемытов А. М., Петин Н. Н., Гиттис В. М., а затем вместо Петина последовательно В. С. Лазаревич и Н. Н. Шварц.

В мае 1920 г. меня перевели в опер[ативный] отдел Полевого штаба Красной армии в Москву. Характер работы исключительно штабной, однако большого напряжения. Кроме того, некоторое время был представителем главкома в Совете Военной академии РККА, проводя в нем указания главкома в соответствии с задачами фронта. Сотрудничал по указанию же главкома в «Известиях ВЦИК», где давал военные обзоры фронтов и военных событий (псевдоним И. Д. и Бай Танн). Последнего рода работа мне была знакома с 1919 г., когда я по совместительству работал в качестве пом[ощника] нач[альника]

военного отдела Российск[ого] телег[рафного] агентства (РОСТА). В течение [19]19 и [19]20 г. работа моя протекала в обстановке окружения генштабистами и быв[шими] офицерами; личная жизнь дома. Жизнь в Москве становилась все труднее в продовольственном отношении. Ничтожный военный паек, малый оклад не обеспечивали пропитания, носили, что можно, на рынок. В конце концов все понемногу иссякло и перспектив никаких. Тут назрела необходимость предпринять что-либо. Эта обстановка толкнула меня на незаконное получение спирта, который я собирался продать. Стоимость всей сделки 250 р. ([в] золотом исчислении). Однако через несколько дней я в своих действиях сознался своему начальству, и спирт был возвращен, не будучи продан. Тем не менее, через месяц меня арестовали, судили Воен[ной] коллегией Верховного Трибунала. Приговор – расстрел. Через 70 дней он был изменен 5-ти летними принудительными работами³⁷. С 16 сент[ября] 1921 г. я был на службе в управлении трудовых армий, занимал должность начальника одного из его управлений. Затем за его упразднением переведен инспектором Наркомтруда. С января 1922 г. наказание мое было лишь условным, и я имел возможность в апреле поехать в отпуск в г. Одессу, где рассчитывал повидать своих родных, застигнутых войной 1914 г. в Одессе. К сожалению, отца не застал, он уехал регулировать свои пенсионные дела в Болгарию, где ему была объявлена амнистия. В Одессе, в обстановке жизни впроголодь я заболел тифом (сыпным) и выехать обратно в Москву не мог. В Москве за это время успели меня обокрасть до нитки и выселить из квартиры. Я долго, несколько месяцев, испытывал последствия тифа и только в ноябре, проводив мать в Болгарию, поступил вновь на военную службу, устроиться на иной службе мне не удалось, хотя и хотелось.

Я вновь начал с командира батареи одесского района береговых батарей, где меня, как знающего и опытного артиллериста, приняли хорошо (начальник т. Запорожец А.Ф., ныне в Харькове, партиец). Вскоре я был уже его помощником, а в марте 1923 года начальником опер[ативной] части штаба VI стр[елкового] корпуса (нач[альник] штаба Бартельс И. И., комкор Восканов Г. К.). Служба складывалась благополучно, я умел работать. Жить было туго, помогали 1-2 столовика, да продажа вещей, оставшихся от отца в небольшом количестве. В октябре 1923 г. назначен пом[ощником] нач[альника] штаба VI с[трелкового] к[орпуса], в котором пробыл до октября 1924 г. В ту пору я был в переписке с отцом, братом и младшей сестрой, жившими в Болгарии и встречался с болгарами Телаловым и дру-

гими, наезжавшими изредка из Болгарии. Эти связи очевидно дали повод Ос[обому] отделу VI стр[елкового] корпуса почест[ь] необходимым удалить меня из Одессы. В то время происходили крупные переброски высш[его] комсостава и меня назначили наштадивом³⁸ I Туркестанской дивизии. Туркестан, хотя и интересовал меня, все же казался мне замаскированной ссылкой. Товарищи, с которыми я там работал, комдив³⁹, военкомдив⁴⁰ и начподив⁴¹ меня приняли хорошо, я сносно себя чувствовал на службе. Жизнь дивизии только налаживалась, также как и учеба. Все (?) еще испытывали недостаток в продовольствии, фураже, обмундировании. В частях партизанский дух не был изжит полностью. Трудности усугублялись большими переменами в личном составе начальствующего состава. Весной 1925 г. меня назначили наштадивом 7 стр[елковой] дивизии. Я выехал из Туркестана, но не успел прибыть в Чернигов, как получил обратное назначение в I Турк[естанскую] дивизию. Я двинул в Москву к нач[альнику] ГУРККА⁴² и добился нового назначения нач[альником] общего отдела инспектората УВО,⁴³ которое меня в общем удовлетворяло (но лучше мне хотелось в Москву). В декабре ко мне придрались с ведением секретных дел. Дела были не мои, а те, что велись моим предшественником. Удалось при содействии т. Затонского⁴⁴, тогда члена РВС, доказать свою непричастность. Я служил исправно, так считало начальство, но в ноябре 1926 г. меня устранили сначала в резерв РККА, а затем военруком.

В этой новой должности мне пришлось уломать себя, чтобы приохотить к военно-педагогической работе, не бывшей мне по сердцу. Все же, по отзывам начальства дело у меня шло лучше, чем удовлетворительно. Институт, в котором я был военрук, на большинстве стрелковых соревнований занимал первое место, в лагерях студенты отличались своей подготовкой. Меня привлекали к подготовке командного состава старшего и высшего. Я непрерывно работал над усовершенствованием своей военной подготовки, и считаю себя знающим удовлетворительно военное дело разносторонне. Я не чуждался литературной деятельности. И кроме упомянутой уже работы я написал несколько книжонок «В разведке», «В охранении», «Наступление роты». Собирался и начал составление учебника тактики для высшей вневойсковой подготовки.

Хочу надеяться, что на этом моя военная работа не закончится.

И. Д. Чинтулов⁴⁵

**Ведомственный архив Службы безопасности Украины
(ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 3–10. Подлинник.
Автограф.**

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Список офицеров Болгарской службы, окончивших курс Николаевской академии Генерального штаба (ныне Императорской Николаевской военной академии) // Известия Императорской Николаевской военной академии (Санкт-Петербург). 1913. № 37. Январь. С. 134–145. Также см.: *Танчев И.* Българи в чуждестранни военнo-учебни заведения (1878–1912). София, 2008.
- 2 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2100. Оп. 1. Д. 360. Л. 120.
- 3 Там же. Л. 121об.–122.
- 4 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 104. Оп. 5. Д. 353. Л. 9об.
- 5 РГВА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 177. Л. 13.
- 6 Там же. Ф. 11. Оп. 5. Д. 1005. Л. 104.
- 7 Там же. Д. 1003. Л. 97.
- 8 Там же. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 133. Л. 27.
- 9 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 8. Л. 51.
- 10 РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2057. Л. 95.
- 11 Войска завесы были созданы для прикрытия территории Советской России от германских войск.
- 12 Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 1.
- 13 Там же. Л. 11.
- 14 Там же. Л. 12об.
- 15 Там же. Л. 18.
- 16 Там же.
- 17 Там же. Л. 25.
- 18 Там же. Л. 291.
- 19 Там же. Л. 299об.
- 20 Там же. Л. 291об.–292.
- 21 Начальника оперативного отдела.
- 22 ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3207 (32). Л. 346–346об.
- 23 Там же. Л. 348.
- 24 Там же. Л. 367об.
- 25 Там же. Л. 370.
- 26 На полях резолюция: Общее. В дело.
- 27 Палицын Виктор Александрович (11.04.1879–?) – Генштаба полковник, военный представитель ВСЮР и Русской армии в Болгарии.

- 28 В данном случае в медицинском значении – изменение в чем-либо, возникающее под влиянием изменений в симметрично расположенном органе.
- 29 В документе ошибочно – 1913 г.
- 30 В 1923–1929 гг. Гатчина носила наименование Троцк в честь Л. Д. Троцкого.
- 31 В документе ошибочно – Ленинград.
- 32 В документе ошибочно – Ленинграде.
- 33 Судя по сохранившейся фотографии, Чинтулов продолжал носить орден Св. Георгия 4-й ст. на френче и в советское время, что вряд ли могло поощряться начальством.
- 34 В документе ошибочно – Петербургу.
- 35 Речь идет о приказе Всероссийскому главному штабу № 18 от 27 июня 1918 г. о переводе слушателей старшего класса 2-й очереди Николаевской военной академии в Генеральный штаб. Публикацию документа см.: *Ганин А. В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 530–534. Чинтулов ошибочно датирует перевод более ранним временем в сравнении со своим переходом в оперативный отдел наркомата по военным делам.
- 36 Речь идет об арестах в связи с «делом» Полевого штаба РВСР.
- 37 Чинтулов неточен. Удалось обнаружить его рапорт от 9 июля 1921 г. начальнику Штаба РККА П. П. Лебедеву: «Приговором Р[еволюционного] В[оенного] Трибунала Республики от 28/IV с.г. я приговорен был к расстрелу. На заседании 18 июня Президиум ВЦИК нашел возможным расстрел заменить 5-ю годами общественных принудительных работ. В постановлении Президиума ВЦИК не указано о лишении меня гражданских прав и права служить по специальности в Красной армии или вообще в советских учреждениях, отбывая там наказание. Посему считаю себя в праве просить Вас о затребовании меня на службу по специальности. Если же паче чаяния будет признано, что служба моя в Красной армии невозможна, прошу о том меня уведомить» (РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 51. Л. 50–50об.). Вместе с рапортом было отправлено и личное письмо Лебедеву: «Многоуважаемый Павел Павлович! Со страшно тяжелым душевным гнетом, с чувством избитого до полусмерти человека, но ни на минуту не потерявшего сознание, я рискую обратиться к Вам, быть может для того, чтобы еще больше согнуться под бременем новой неудачи. Тем не менее жажда вырваться из тюремной грязи так сильна, что иначе поступить не могу. В моем

рапорте изложена просьба о назначении на любую должность. Если бы Вы нашли возможным удовлетворить ее, меня необходимо затребовать через Народный комиссариат юстиции. Как именно сделать вызов, Вам видно много лучше, чем я мог бы это изложить, но одним из обстоятельств, могущих очень ускорить дело, является именно требование, предъявленное именно учреждением прежней моей службы. Это, конечно, вовсе не значит, что я должен служить в штабе РККА, а как генштабист могу быть затребован в резерв Генштаба для любого назначения по Вашему усмотрению. До меня дошли сведения о том, что главнокомандующий против моего затребования штабом. Это сильно меня обескураживает, если только слухи – правда. В заключение позвольте выразить Вам и главному сердечную признательность в помощи, оказанной для спасения моей жизни. Не откажите в любезности о принятом Вами решении уведомить мою жену для передачи мне. Уважающий Вас И. Д. Чинтулов» (Там же. Л. 51–51об.).

- 38 Начальником штаба дивизии.
- 39 Командир дивизии.
- 40 Военный комиссар дивизии.
- 41 Начальник политотдела дивизии.
- 42 ГУРККА – Главное управление РККА.
- 43 УВО – Украинский военный округ.
- 44 Затонский Владимир Петрович (27.07.1888–29.07.1938) – советский государственный и партийный деятель. В рассматриваемый период – член РВС Украинского военного округа.
- 45 Дата написания документа вымарана – 5 апреля 1931 г.

Ganin A. V.

Bulgarians – Graduates from the Nicholas Military Academy
in the Civic War in Russia

There is a publication of documents from archives of Russia, the Ukraine and the U.S.A. on Bulgarian members of the General Staff who entered their military service in Russia and were involved into the events of the Civic War 1917–1922.

Key words: *Russia, Bulgaria, Civic War, General Staff, military elite, repressions.*

Е. С. Узенева
(Москва)

Этюды о болгарской этнолингвистике*

В рецензии анализируется новый труд по болгарской этнолингвистике, в котором представлена культурно-языковая интерпретация отдельных фрагментов традиционной народной культуры болгар.*

Ключевые слова: *этнолингвистика, болгарский язык, народный календарь, народная этимология, концепт, семья.*

В книге болгарской исследовательницы Марии Китановой «Этнолингвистические этюды» (Мария Китанова. Этнолингвистични етюди. Велико Търново, 2010. 135 с.) рассматриваются ономаσιологическая картина погребального цикла и обслуживающей его терминологии, народная этимология и этимологическая магия в болгарском календаре, концепт «семья» в болгарских пословицах и поговорках, а также болгарская терминология родства.

М. Китанова является одним из ведущих этнолингвистов Болгарии, много лет возглавлявшим секцию этнолингвистики Института болгарского языка БАН (далее ИБЕ БАН). Отметим, что секция этнолингвистики и ономастики возникла в ИБЕ БАН в конце 90-х гг. XX в. под влиянием идей академика Н. И. Толстого об этнолингвистическом изучении лексики и терминологии традиционной духовной культуры славян. Ряд болгарских ученых-диалектологов тогда занялись исследованием данной проблематики. Тесные научные связи Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН с болгарскими учеными-этнолингвистами продолжают до сих пор. И хотя этнолингвистика является относительно новым и молодым направлением в болгарском языкознании, она уже заявила о себе выходом в свет ряда серьезных работ, в частности, серии тематических словарей по разным темам традиционной культуры болгар¹. В Болгарии особенно активно развивается этнолингвистическая лексикография, которая занимается классификацией и

* Авторская работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 12-06-00048а «Мир и человек в этнолингвистическом словаре «Славянские древности»» (к 90-летию со дня рождения акад. Н.И. Толстого).

оформлением этнокультурной терминологии в виде словарей или справочников.

Рецензируемая книга составлена из работ, написанных автором в течение последних пяти лет. Они раскрывают авторские поиски в различных областях лингвистики: этнолингвистической лексикографии, лингвокультурологии, когнитивной семантики. М. Китанову волновали и вопросы реконструкции отдельных фрагментов традиционной народной культуры болгар, в частности, семейной обрядности и народного календаря. Работы объединены в три рубрики: «Внутри и снаружи», «Магическая сила слов», «Люди вокруг нас». Каждая глава содержит список источников, сокращений и использованной литературы.

Первая часть представляет собой тематический словарь обрядового цикла «Погребение». В словарь вошли диалектные термины, отражающие представления болгар о переходе из земного мира в «другой» мир, о замене одного статуса другим, о душе и теле, о смерти и бессмертии, о судьбе и культе предков.

Автор включает в описание и особые погребения, существующие в болгарской народной культуре. Это погребение-свадьба, когда хоронят неженатых парней и незамужних девушек в свадебной одежде и с использованием некоторых свадебных атрибутов, например, свадебного знамени. Сюда входит и повторное (вторичное) погребение, при котором на третий, седьмой или девятый год после смерти из гроба достают и обмывают кости покойного и хоронят их заново с соблюдением ряда ритуалов. Обычай *грамада*, связанный с народным правом, представляет собой символические или реальные похороны, при которых на особом месте или на самой могиле накладывается груда камней, чтобы обезопасить социум от вредоносных действий покойника или отлученного от церкви человека. М. Китанова вводит в словарь и терминологию, связанную с символическим погребением, во время которого вместо покойного, погибшего на чужбине, хоронят какую-либо его вещь. Сюда же относятся и похороны одного из близнецов. Присутствуют в словаре и материалы о так называемых «неправильных» погребениях самоубийц, утопленников, убитых громом или человеком, некрещеных младенцев и рожениц, грешников и умерших от эпидемии. Таких людей не хоронили на кладбище, их могилы делали там, где они погибли, на перекрестке или просто в специально отведенных для подобных случаев местах.

Диалектная народная терминология, связанная с похоронной обрядностью, в словаре распределена на две большие группы: 1) народ-

ные названия обрядов, обрядовых действий, лиц, предметов и локусов в период до совершения погребения; 2) народные термины, обозначающие обряды, обрядовые действия, лица, предметы и локусы в период после погребения. Материал в тематической части словаря представлен ономаσιологически (от общего значения к конкретному термину) и классифицируется по трем признакам: в соответствии с местом обрядового термина в обрядовом цикле как ментальном пространстве; его этнической семантикой и его географическим распространением. К сожалению, многие этнографические источники не содержат информации о локализации отдельных терминов, поэтому иногда вместо географии указан источник, откуда был эксцерпирован материал. В случае если термин характерен как для литературного языка, так и для многих болгарских диалектов, автор вместо локализации дает помету «общеболгарское», что значительно сужает возможность последующего картографирования обрядовой терминологии.

В словаре представлен условно синхронный срез погребальной обрядности, собиравшейся в конце XIX – начале XX в. При описании различных локальных вариантов обрядовой терминологии М. Китанова определяет функциональное доминирование одного или другого локального типа, не останавливаясь на выявлении генезиса различий.

В анализе диалектной лексики и терминологии автор опирается на разработки С. М. Толстой в области исследования обрядового термина как источника реконструкции традиционной духовной культуры славян². Погребальная терминология представлена в виде упомянутых выше рубрик (обрядовые действия, лица, предметы, которые содержат в том числе названия обрядовой пищи и хлеба) и включает также рубрику «метаязык фольклора», содержащую названия демонических существ, персонажей и лиц, способных их уничтожить. Таким образом, кроме погребальной лексики оказывается представленной и мифологическая, что расширяет тематику словаря, заявленную автором в заглавии.

При описании обрядовых реалий М. Китанова указывает их наличие в данном цикле, а в случае отсутствия регистрации термина в толковании ставится знак тире, что обеспечивает открытость структуры словаря, который может постоянно дополняться. Названия обрядовых атрибутов автор рассматривает в узком значении этого понятия, включая в эту группу только те термины, которые не функционируют в повседневной жизни и которые обозначают предметы,

связанные исключительно с похоронами. М. Китанова указывает и на важную особенность болгарской погребальной терминологии, – на ее предметную неопределенность (например, термин *помана* может обозначать ‘поминки, проводящиеся еще при жизни с благотворительной целью’ и просто ‘поминки после погребения’ (обл. Видина и Силистры))³.

Представленная терминология погребального цикла характеризуется некоторой бедностью, что связано, по мнению автора, с табуированием почти всех понятий, относящихся к смерти. Всего словарь содержит более 700 терминов.

Безусловным достоинством словаря можно считать указания на различия в терминологии болгар-христиан и мусульман, что позволяет сравнить две сосуществующие картины мира одного народа.

Вторая глава анализирует феномен народной этимологии как механизма словесной (этимологической) магии. Это явление находит свое выражение в текстах, описывающих запреты в предохранительных действиях, совершаемых во время различных народных праздников. М. Китанова дает краткую справку об исследовании народной этимологии в европейской научной литературе, особое внимание уделяя болгарским исследованиям. Анализируя различные лингвистические теории, она приходит к выводу о необходимости разграничения народной этимологии от паронимии, аналогии и фонетико-смысловых контаминаций, которые, по ее мнению, являются лишь механизмом ее осуществления.

Автор выделяет три группы терминов, с помощью которых пытается объяснить феномен народной этимологии: 1) термины, представляющие народную этимологию как разновидность аналогии, где одно слово уподобляется другому по форме и значению (семасиологическая или лексическая ассимиляция); 2) термины, представляющие народную этимологию как «ассоциативную этимологию» или как «паронимическую аттракцию» (фонетическая этимология); 3) термины, представляющие народную этимологию как разновидность вторичной номинации и мотивации («рээтимологизация» «этимологическая реинтерпретация», «реноминация»).

М. Китанова обращает основное внимание на функции народной этимологии, отраженные в народных названиях праздников, посвященных отдельным святым (Варфоломей, Варвара, Влас, Елисей, Пантелеймон, Прокопий, Андрей, Герман, Мина, Маккавей, Устина, Еремия, Игнат, Спиридон, Стилиян, Григорий, Симеон и др.), и

дням Благовещения и Преображения Господня, где выявляются две ее основные функции: генерирующая и мотивирующая. Например, Преображение в северной Болгарии известно под именем *Приблизене*. В народе считали, что в этот день впервые едят (*приблизва се*) освященный виноград. Тогда как в средне-западной Болгарии отмечено региональное обозначение *Преобратане*, – там его связывали со сменной времен года и погодой, поскольку с этого дня погода меняется (*времето се преобръща*).

Исследовательница показывает, как создаются вербальные и акциональные тексты на основе сближения между именем личным и нарицательным. Указанные примеры ясно очерчивают основные схемы, согласно которым народная этимология генерирует обрядовое действие и формулы превентивных акций. По мнению автора, в формуле (если X, то Y) могут быть открыты все запреты на действия, связанные с народным календарем.

Третья часть книги («Люди вокруг нас») состоит из двух рубрик: одна представляет собранную и оформленную в виде словаря болгарскую терминологию родства (637 терминов), а вторая раскрывает народные представления болгар о традиционной семье, находящие свое отражение в пословицах и поговорках.

Для болгарской традиционной культуры характерно наличие нескольких видов родственных связей: кровное родство, родство по кумовству, родство по сватовству и родство, приобретенное в результате ритуала «пробратимления» (*побратимство* и *посестримство*). Соответственно и терминология, обозначающая родственников, также делится на эти четыре группы. Словарь построен по алфавитному принципу. В нем даны диалектные названия со всей болгарской языковой территории (включая нынешнюю Македонию). В словаре остался нерешенным вопрос о месте словообразовательных вариантов. Омонимы представлены в виде отдельных словарных статей с индексами. В материалах словаря отмечены как реферативные термины, так и вокативные.

Несмотря на то что терминология родства давно привлекала внимание болгарских ученых (упомянем здесь задуманный М. Младеновым, Хр. Холиолчевым и Ив. Георгиевой еще полвека назад, но, к сожалению, неосуществленный, атлас терминологии родства болгар, готовящийся в Болгарии том Общеславянского лингвистического атласа по терминологии родства и монографию М. Ивановой «Родство по сватовство у българите»⁴), полных обобщающих трудов по теме опубликовано не было. Данный словарь, со-

ставленный М. Китановой, является важным вкладом в разработку столь сложной этнолингвистической проблематики.

Второй раздел главы посвящен исследованию концепта «семья», который автор пытается реконструировать с помощью анализа концептов ее членов и концептов, связанных с различными возможностями и проблемами ее создания. М. Китанова анализирует пословицы и поговорки с такими ключевыми компонентами, как *женитьба, дом, жена, муж, супруги, ребенок, мать, отец, сын, дочь, родственник, брат, сестра, сноха, зять, свекровь, кум*. Ученый считает, что менталитет, находящий проявление в пословицах, является «пословичным менталитетом», поскольку пословицы – это своеобразное хранилище стереотипных мыслей и типов поведения, приложимых во множестве ситуаций. Результатом проведенного исследования выбранного корпуса пословиц (563 единицы), связанных с представлениями о семье в традиционном болгарском обществе, стало выявление этнокультурных стереотипов (семья как консервативная иерархическая система, базирующаяся на сложных регламентированных взаимоотношениях между ее членами), формирующих один из фрагментов языковой картины мира болгар.

В целом опубликованные труды М. Китановой представляют собой культурно-языковую интерпретацию ряда важных черт болгарской традиционной народной культуры. Опираясь на опыт разных этнолингвистических школ (немецкой, московской, люблинской), в области лексикографии в том числе, болгарской коллеге удалось творчески подойти к поставленной задаче и новаторски реализовать ее, исходя из своеобразия болгарской народной традиции и ментальности.

Ценность труда заключается не только в том, что разбросанный по редким недоступным источникам материал по похоронной и семейной обрядности и терминологии родства был собран воедино, классифицирован и истолкован, но и в том, что на суд читателя представлены уникальные материалы болгарских архивов: Архива болгарского диалектного словаря (ИБЕ БАН), архива секции этнолингвистики (ИБЕ БАН) и Архива института этнографии с музеем БАН.

В словарях отражен богатый пласт диалектной лексики со всех областей болгарской языковой и этнической территории. Эта лексика и терминология по большей части впервые вводится в научный оборот. Для диалектных лексем, являющихся заглавными в словарной статье, почти всегда представлены фонетические, акцентологические или словообразовательные варианты. Последовательно дается контекст функционирования лексем.

Опубликованные словари будут исключительно полезны как для болгарских, так и для зарубежных ученых. Исследование может стать теоретической и эмпирической основой дальнейшего изучения традиционной духовной культуры болгар.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Легурска П.* Тематичен речник на термините на народния календар. Зимен цикъл. София, 2000; *Она же.* Тематичен речник на термините на народния календар. Есенен цикъл. София, 2001; *Китанова М.* Тематичен речник на народния календар (пролетен цикъл) // Българска реч. София, 2003. Кн. 1. С. 36–48; *Она же.* Тематичен речник на народния календар (летен цикъл) // Българска реч. София, 2003. Кн. 2. С. 35–44; *Легурска П.* Ономасиологична картина на обредния цикъл «Раждане» // Български език. София, 2003. Кн. 2–3. С. 75–95; *Легурска П., Китанова М.* Тематичен речник на термините на народния календар. София, 2008.

В издательстве находится коллективный обобщающий труд болгарских коллег – сотрудников секции по этнолингвистике «Език. Етнос. Култура. Речник на народните термини, свързани с българските обреди, обичаи и вярвания» (София, 2013).

- 2 *Толстая С. М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989. С. 215–229.
- 3 *Китанова М.* Етнолингвистични етюди. Велико Търново, 2010. С. 10.
- 4 *Иванова М.* Родство по сватовство у българите. Велико Търново, 2003.

Uzeneva E. S.

Sketches on the Bulgarian Ethnolinguistics

The review performs the analyses of a new book on the Bulgarian ethnolinguistics where a cultural and linguistic interpretation of certain fragments of the traditional culture of Bulgarians is given.

Key words: *ethnolinguistics, Bulgarian language, folk calendar, folk etymology, concept, family.*

Е. П. Серапионова
(Москва)

Новое исследование о жизни и деятельности Н. Л. Окунева

Рецензируемая книга Ю. Янчарковой посвящена выдающемуся русскому историку искусства Н. Л. Окуневу, с 1923 г. оказавшемуся в эмиграции в Чехословацкой республике. В книге рассказывается о российском и эмигрантском периодах жизни ученого, анализируется его вклад в историю искусства.

Ключевые слова: *Н. Л. Окунев, история Русского Зарубежья, византизм, древнерусское искусство, средневековое армянское искусство, сербское искусство и архитектура.*

Осенью 2012 г. вышла в свет еще одна книжная новинка – монография нашей пражской коллеги, сотрудницы Славянского института Академии наук Чешской республики Юлии Янчарковой¹, посвященная жизненному пути и творческому наследию одного из ярких представителей послереволюционной русской эмиграции в Чехословакии Николаю Львовичу Окуневу (1885–1949). Эта книга явилась результатом нескольких лет упорной работы по сбору архивных материалов и изучению научных статей ученого. Работа подготовлена на основе диссертационного исследования автора, защищенного в 2008 г. (в качестве докторской диссертации) в Карловом университете на степень PhD.

Книга опубликована в немецком издательстве «Петер Ланг» на русском языке и содержит прекрасное цветное иллюстрированное приложение, без которого вряд ли можно было бы обойтись, ведя рассказ о творческом пути Н. Л. Окунева. Книга сделана в лучших традициях изданий научной литературы: с резюме на русском, чешском и немецком языках, списком архивных материалов. Автор использовала документы архивов: Академии наук Чешской республики, Галереи изобразительного искусства в Находе (ЧР), министерства иностранных дел ЧР, Национальной библиотеки ЧР, Карлова университета, Института истории искусства АН ЧР, Национального (ЧР), Института истории материальной культуры РАН, Государственного Русского музея, Петербургского филиала РАН, Центрального Государственного исторического Санкт-Петербурга, а также частных архивов семей Н. Л. Окунева (Германия), Й. Пошмоурны (Чехия), В. Фиалы (Чехия). В конце книги дан список сокращений, именной указатель, указатель упоминающихся в работе памятников: храмов, мозаик, книжных ми-

ниатюр и картин, иконографический указатель, а также библиография трудов Н. Л. Окунева за 1912–1942 гг.

Книга естественным образом делится на две части: в первой части описывается биография ученого, а во второй – анализируется его научное творчество.

Большую положительную роль здесь сыграло то, что автор книги сама является искусствоведом и ей удалось не просто изложить факты из жизни и творчества Окунева, но профессионально, по сути проанализировать его вклад в искусствоведение. Читая книгу, видишь заинтересованность автора в исследуемом материале, тот огромный труд, который стоит за написанием работы. Она не ограничилась только изысканиями в архивах и библиотеках, но совершила по следам экспедиций Окунева поездки в Сербию, Македонию, чтобы на месте посмотреть и оценить объекты научного интереса ученого. В приложение вошли фотоматериалы, подготовленные самим автором книги.

Николай Львович Окунев прожил по современным меркам не такую уж долгую жизнь, всего 64 года, причем 26 из них были тесно связаны с Чехословацкой республикой, куда он переехал жить в 1923 г. Именно на этот период пришелся пик его творческой активности. Но ко времени его переезда в ЧСР (когда ему было 38 лет) он уже являлся профессором Новороссийского университета, имел опыт полевых исследований в Ани (Армения), Новгороде, Пскове, Киеве, научной работы в Русском археологическом институте в Константинополе, а также педагогический стаж, научные контакты и ряд опубликованных статей.

Родился Н. Л. Окунев 22 апреля (по старому стилю) 1885 г. в Варшаве в семье военного дипломата, действительного статского советника. Детство и юность провел в Польше, где закончил Седлецкую мужскую гимназию (там автору книги также удалось побывать). В 1904 г. умирает отец, а в 1905 г. Николай поступает на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Ввиду отсутствия средств его мать-вдова ходатайствовала о назначении сыну пособия. Окунев учился у таких известных профессоров, как Н. Е. Введенский, И. М. Гревс, Н. В. Ястребов, Б. А. Тураев, Ф. Ф. Зелинский, А. С. Лаппо-Данилевский, работал в семинарах по истории искусства профессора Д. В. Айналова, оказавшего на него существенное влияние, и по русской истории С. Ф. Платонова. В 1911 г. Окунев закончил университет, получив диплом I степени. Научной деятельностью он занялся еще студентом третьего курса в 1909 г., когда вместе с друзьями-однокурсниками стал ездить в командировки по древнерусским городам для изучения средневековых памятников. О

результатах экспедиций Окунев докладывал в Императорском Русском археологическом обществе, на основе собранного материала он подготовил первые статьи, в частности об архитектуре и ансамбле стенописи церкви Федора Стратилата в Новгороде. В 1911 г. Окунев участвовал в раскопках средневековой столицы Армении – Ани, начатых академиком Н. Я. Марром. После этого он был избран членом Императорского русского археологического общества. В 1912 г. Н. Л. Окунев женился на Вере Петровне Патрик, студентке словесно-исторического отделения Женского педагогического института. Весной 1913 г. начал педагогическую деятельность в Смольном институте, а в июне того же года получил должность ученого секретаря Русского археологического института в Константинополе, куда переехал с женой и маленькой дочкой Ириной. Осенью 1914 г. молодой ученый вернулся из Константинополя и был прикомандирован к Академии наук. Руководство над ним взял на себя академик Н. П. Кондаков. В апреле 1915 г. в семье появилась еще одна дочь Вера. В 1917 г. Н. Л. Окунев выдержал экзамены на степень магистра и был зачислен приват-доцентом по кафедре теории и истории искусств Петроградского университета. Летом 1917 г. Окунев участвовал еще в одной экспедиции Н. Я. Марра по охране памятников в районе боевых действий на Кавказском фронте. Осенью 1917 г. он переехал в Одессу, где стал преподавать в Новороссийском университете. Весной 1919 г. в Сумах родился сын Окунева – Михаил. Революция и Гражданская война изменили жизнь ученого. В 1919 г. Н. Л. Окунев стал начальником культурно-просветительского отдела правительства при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А. И. Деникине, а после поражения Белой армии эмигрировал «по политическим причинам» в Королевство сербов, хорватов и словенцев. В 1920–1923 гг. он являлся экстраординарным профессором отделения белградского университета в Скопье (Македония), где читал курс «Раннехристианское искусство Восточной Европы». Его семья до 1924 г. находилась в России у родителей жены в Сумах. О двух с половиной годах, проведенных в Македонии, Окунев позднее вспоминал так: «Было очень трудно и материально, и морально... но все же за это время... мне удалось собрать очень большой материал, особенно в области сербской церковной живописи XIII–XV вв.»².

1 марта 1923 г. по приглашению МИД ЧСР в рамках «Русской акции помощи» Н. Л. Окунев перебрался в Прагу. В июле 1924 г. к нему присоединилась жена с тремя детьми и матерью. В Праге Окунев читал лекции по истории искусства, продолжал научную деятельность. Несмотря на сложности исследований и публикаций в условиях эмиграции, би-

блиография его научных работ насчитывает 75 позиций. Детальный разбор многообразного творчества Н. Л. Окунева в области истории древнерусского, византийского, средневекового армянского, сербского и македонского искусства и архитектуры позволил Ю. Янчарковой прийти к выводу о том, что Окунев внес существенный вклад в мировую медиевистику и историю искусства. Автор книги показала также деятельность Окунева по сохранению и изучению творчества русских художников-эмигрантов. В последней главе анализируется научный метод Н. Л. Окунева и уделяется внимание его научной школе, так как этот ученый оставил после себя учеников и продолжателей своего дела.

В работе, как и в любой другой, есть, конечно, определенные недостатки. Так, автор, по-моему, не совсем разобралась в системе существовавших до революции в России титулов и званий, может быть, не все детали биографии восстановлены в полной мере, но эти замечания вовсе не портят впечатления о книге. В заключение хотелось бы поздравить автора с выходом первой книги и пожелать ей такой же научной увлеченности и скрупулезности при дальнейших исследованиях, а профессионалам и любителям в области истории искусства – приятного чтения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Янчаркова Ю.* Историк искусства Николай Львович Окунев (1885–1949). Жизненный путь и научное наследие. Франкфурт на Майне: Peter Lang, 2012.
- 2 Там же. С. 42.

Serapionova E. P.

A New Research of the Life and Activity of N. L. Okunev

The review of J. Jancarkova's book about the Russian art historian N. L. Okunev, who lived in emigration in Prague, describes the contents of the book paying a special attention to the Russian and the emigrant periods of his life and to the professional analysis of his research heritage.

Key words: *N. L. Okunev, history of Russian culture abroad, Byzantine studies, Old Russian art, medieval Armenian art, Serbian art and architecture.*

П. В. Королькова
(Москва)

Литературный лексикон южнославянских народов

«Лексикон южнославянских литератур» – итог работы коллектива авторов, представляющий интерес как для специалистов-исследователей литератур южнославянских народов, так и для всех интересующихся культурой славян. В России эти литературы впервые становятся самостоятельным объектом научного исследования как особая литературная общность.

Ключевые слова: *южнославянские литературы, словенская литература, болгарская литература, македонская литература, сербская литература, хорватская литература, черногорская литература, боснийско-герцеговинская литература.*

«Лексикон южнославянских литератур»¹, вышедший в 2012 г. в издательстве Индрик, – итог работы коллектива авторов, представляющий интерес как для специалистов-исследователей литератур южнославянских народов, так и для всех, кому небезразлична культура славян.

Над «Лексиконом» работал целый коллектив из 24 авторов – как известных российских ученых-славистов, докторов и кандидатов филологических и исторических наук, а также переводчиков, так и молодых ученых, аспирантов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета и Института славяноведения Российской академии наук. Придерживаясь общей концепции труда, авторы статей были свободны в выражении своей точки зрения на отдельные процессы и явления в южнославянских литературах, опираясь на свой опыт их изучения и преподавания, что сделало данный труд книгой живой и интересной.

«Лексикон» является справочным изданием по семи южнославянским литературам – словенской, болгарской, македонской, сербской, хорватской, черногорской и боснийско-герцеговинской, начиная с зарождения в них художественного слова и до наших дней.

В новом «Лексиконе» представлены общие сведения об основных этапах развития литератур этой группы европейских народов, путях их художественного движения, типологическом родстве и национальной специфике каждой из них. В России эти литературы

впервые становятся самостоятельным объектом научного исследования как особая литературная общность.

Южные славяне – одна из немногих европейских групп родственных, расположенных в одном географическом регионе народов, «которые оказались разделенными историческими условиями существования, религией, культурно-цивилизационной средой» (с. 7). Вместе с тем, южнославянские народы осознавали себя как некое единое целое, взаимодействие между ними могло ослабевать, но никогда не затухало. Традиционные контакты между южнославянскими литературами дополнялись и функцией посредничества в отношении к менее развитым среди них. Возникало множество межкультурных форм общения, от непосредственных контактов до теснейшего взаимодействия, взаимопересечения, а на отдельных этапах даже синтеза литературных процессов.

Вследствие этого особой проблемой, которую пришлось решать авторам «Лексикона южнославянских литератур», стал феномен билитературной (полилитературной) принадлежности творчества того или иного писателя, его участия в двух и более национальных литературах. Так, например, о Петаре II Петровиче Негоше говорится как о черногорском и сербском поэте, о Меше Селимовиче как о боснийско-герцеговинском и сербском прозаике и эссеисте (в соответствии с той ролью, которую сыграли писатели в национальных литературах Черногории, Сербии и Боснии и Герцеговины). Однако Иво Андрич – фигура крайне сложная и неоднозначная, этнический хорват, родившийся в Боснии и посвятивший ей свои самые известные произведения, живший при этом в основном в Сербии и считавший себя югославом, – оказался «приписан» исключительно к сербской литературе (с. 30). Проблема принадлежности данного писателя одной определенной литературе (сербской, хорватской, боснийско-герцеговинской) вряд ли может быть решена однозначным образом (по нашему убеждению, она вряд ли вообще нуждается в решении!), что представляется необходимым указать в словарной статье², особенно принимая во внимание огромное значение творчества Иво Андрича для литературного процесса Сербии, Хорватии и Боснии и Герцеговины и споры, которые постоянно вспыхивают сегодня в связи с «присваиванием» писателя и объявлением его творчества национальным достоянием во всех трех странах. Как нам кажется, это как раз тот случай, когда позиция автора словарной статьи не должна была оказать влияния на отбор и представление материала.

Авторы труда, опираясь на опыт отечественных и зарубежных исследователей, а также на собственный опыт изучения художественной культуры южных славян, стремились учитывать современный взгляд на литературное развитие этих народов. При этом ситуация осложнялась тем, что до сих пор в российской науке не существует отдельных историй сербской и хорватской литератур, а боснийско-герцеговинская и черногорская литературы как самостоятельное явление не изучались в нашей стране вообще. Впрочем, и в своих странах они освещены пока явно недостаточно. «Лексикон южнославянских литератур» хотя бы отчасти восполняет этот пробел.

Книга состоит из предисловия, словарных статей о творчестве самых значительных в каждой литературе писателей, избранной библиографии, пояснительного словаря, списка сокращений, именного указателя, кратких сведений об авторах статей и аннотации на английском языке.

Материал в новом «Лексиконе» освещается в статьях двух типов – общего плана и портретах писателей.

Структура десяти статей общего плана («Фольклор», «Средневековые литературы», «Национальное возрождение», «Романтизм», «Реализм», «Модерн (модернизм)» «Авангардизм», «Социалистический (социальный или новый) реализм», «Модернизм-2», «Постмодернизм») предусматривала сравнительно-типологический подход к комплексному освещению южнославянских литератур как особой литературной общности, который позволил, учитывая асинхронность в их развитии, «показать степень их сближения и расхождения, точки их глубинного сходства и логику национального движения, а также их взаимодействие с европейским литературным окружением» (с. 13).

Соотношение общего и национально-своеобразного, раскрываемое в общих статьях, конкретизируется в «медальонах», посвященных отдельным писателям. Авторы труда сосредоточили свое внимание на творчестве тех из них, деятельность которых была особенно значима; при этом они не стремились к количественному равенству представляемых писательских имен. В статьях сообщаются биографические данные, дается краткий анализ основных произведений, оценивается вклад писателя в национальную литературу.

В широкий научный и читательский обиход вводится имеющаяся художественная и научная литература на русском языке. Каждая статья сопровождается выборочной, краткой библиографией.

В конце «Лексикона» читатель найдет также весьма богатую библиографию общеславянских историй литератур, исследований по истории одной или нескольких южнославянских литератур и наиболее значительные монографии по отдельным периодам и литературным направлениям на языке оригинала и русском языке. Прилагается также библиография антологий и сборников переводов произведений южнославянских писателей на русский язык.

Особо хотелось бы отметить ту роль, которую, мы уверены, будет играть «Лексикон» в преподавании южнославянских литератур, а также в чтении курсов по истории и культуре южнославянских народов, не только в программе студентов-филологов, но и историков и культурологов. Небольшой пояснительный словарь этнографических, политических и литературоведческих понятий, данный в конце труда, позволит не потеряться студентам-славистам начальных курсов, а также всем тем, кто только начинает знакомиться с культурой южных славян. Удобный в использовании, содержащий необходимую информацию об отдельных авторах и явлениях в истории южнославянских литератур и вместе с тем лаконичный, новый «Лексикон», конечно, займет одно из первых мест в списках критической литературы по данным курсам.

К числу формальных недостатков «Лексикона южнославянских литератур» можно отнести, пожалуй, некоторые погрешности, связанные с нарушением алфавитного порядка (статья о Б. Н. Райнове предшествует статье о Й. Раиче; статья о О. Давичо по случайности оказалась в самом конце труда). Впрочем, данные погрешности, разумеется, никак не влияют на качество самих статей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Лексикон южнославянских литератур. М.: Индрик, 2012. (Далее ссылки на Лексикон приводятся в тексте рецензии.)
- 2 Как это сделано, например, в статье, посвященной творческому пути Мака Диздара («боснийско-герцеговинский бошняцкий поэт, считавший себя также и хорватским поэтом» (с. 110)) или Хасана Кикича («боснийско-герцеговинский и хорватский прозаик» (с. 168)) и др.

Korolkova P. V.

The Literary Vocabulary of the Southern Slavic Peoples

The Vocabulary of the Southern Slavic Literatures is a result of work of a group of authors which is of a great interest either for specialists and researches in the field of the literatures of Southern Slavic peoples, or for everybody longing to know about Slavic culture. For the first time in Russia these literatures are a special object of research as a literary integrity.

Key words: Southern Slavic literatures, Slovenian literature, Bulgarian literature, Macedonian literature, Serbian literature, Croatian literature, Montenegrin literature, literature of Bosnia and Herzegovina.

Я. Билек
(Прага)

Конференция «Славянский мир – общность и многообразие»*

Министерство культуры Российской Федерации, Русская православная церковь – Московский патриархат, Институт славяноведения Российской Академии наук в 2012 г. приняли участие в праздновании Дней славянской письменности и культуры, во время которых отмечалась и 1150 годовщина основания русской государственности. В рамках ставших уже традиционными торжеств, прославляющих жизнь и основополагающую деятельность святых Кирилла и Мефодия, 22–23 мая в Москве в очередной раз прошла международная научная конференция «Славянский мир – единство и многообразие». Обычно в ней принимают участие специалисты из зарубежных славянских стран, в том числе и из научных учреждений Чешской республики. Однако же в этом году финансовые трудности свели к минимуму приглашение гостей из-за рубежа.

Конференция началась пленарным заседанием в одном из залов главного здания Российской Академии наук. После приветствий от учреждений-соорганизаторов мероприятия последовали доклады по проблематике гуманитарных наук, в основном исторических и филологических, с которыми выступали главным образом сотрудники Академии наук и преподаватели Московского государственного университета. Открытие конференции привлекло внимание СМИ, и репортаж об этом можно было видеть на одном из телеканалов. После обеда началась работа в шести секциях, которая продолжилась и на следующий день. Хотелось бы обратить внимание на секцию «Славянский мир в настоящем и будущем», председателем которой был директор Института славяноведения К. В. Никифоров, на секционные заседания под председательством замдиректора Института М. А. Робинсона, посвященные «Кирилло-мефодиевской традиции и истории славяноведения», и на работу секции «Славянские литературы – история и современность». Остальные заседания касались историко-культурной и лингвистической проблематики. На литературоведческой секции (под

* Данная информационная заметка опубликована также в журнале: *Češtinář (Zpravodaj Katedry českého jazyka a literatury Univerzity Hradec Králové) Ročník XXII. Č. 5. 2011/2012. S. 151–152.*

председательством Н. Н. Стариковой и Л. Н. Будаговой) среди других были заслушаны доклады *А. В. Амелиной* о современном восприятии творчества Марии Майеровой; *Л. Н. Будаговой* о новых изданиях серии «Чешская библиотека»; *Н. В. Шведовой* о вкладе С. В. Никольского в изучение чешской поэзии XX столетия, а также доклад автора этих строк на тему «“Пятничники” Карела Чапека и Т. Г. Масарик» – об отношении первого президента Чехословакии к творческой интеллигенции. Ряд докладов публикуется в «Славянском альманахе. 2012», ежегоднике Института славяноведения РАН, посвященном истории, культуре, литературе и языкам славянских народов. К Дням славянской культуры и письменности в мае 2012 г. вышел «Славянский альманах. 2011», где были опубликованы некоторые материалы прошлогодней конференции «Славянский мир – единство и многообразие» и ряд других статей, сообщений и рецензий. Среди них статьи *В. В. Котова* о возникновении чешского Сокола (чешского спортивно-патриотического движения, возникшего в 60-е гг. XIX в. – *Прим. переводчика*), *Д. Добиаша* (Прага) о «второй жизни» Краледворской и Зеленогорской рукописей в чешской литературе позапрошлого века, *С. А. Шерлаимовой* о влиянии XX съезда КПСС на чешскую литературу и *Павла Яначека* (Прага) о стереотипах России и русского человека в чешской литературе начала XXI столетия.

В рамках культурной программы праздника состоялось превосходное представление в Кремлевском дворце съездов, показавшее этапы русской истории. В нем были задействованы комментаторы-ведущие, оно сопровождалось песнями, танцами, музыкой в исполнении солистов и хоров из России, Украины, Белоруссии, Болгарии, Сербии, Греции. Интерес России к славистике имеет давние традиции. Институт славяноведения, главный организатор конференции, был основан в 1946 г., начав свою научную деятельность с января 1947 г. Конференция – это лишь одна из сторон творческой активности его семнадцати отделов и центров. При заметном интересе к сербистике и полонистике, в научной программе Института богемистика тоже занимает большое место. Об этом свидетельствуют семь актуальных международных проектов с партнерами из Чешской республики (Исторический институт Академии наук, Институт современной истории АН, Славянский институт АН, Институт чешского языка АН, Институт чешской литературы АН).

Перевод Л. Н. Будаговой.

*И. А. Седакова
(Москва)*

**Юбилейная конференция в Софии:
70 лет Институту болгарского языка
им. Любомира Андрейчина**

15 мая 2012 г. Институт болгарского языка (ИБЯ)¹ БАН, один из старейших академических институтов Болгарии, отметил 70 лет со дня своего создания. На чествование этого события в Софии собрались сотрудники Института, преподаватели университетов, лингвисты из других академических институтов Болгарии и болгаристы из-за рубежа.

Конференция началась с выступлений официальных лиц – представителей Министерства образования и культуры Болгарии, Болгарской академии наук, университетов Софии, Пловдива, Велико Тырново. Были зачитаны поздравления от Института польского языка ПАН и Института славяноведения РАН. Дирекции Института болгарского языка им. Любомира Андрейчина была вручена высшая академическая награда – почетная табличка им. Марина Дринова. Затем последовала церемония награждения двух директоров болгарских школ, находящихся за пределами Болгарии. Серебряные почетные значки Института получила Снежана Симеонова, закончившая Софийский университет по специальности «Болгарская филология» и сумевшая восстановить преподавание болгарского языка в г. Цариброд (Сербия). Такую же награду получила директор Городненской школы Болградского района Одесской области (Украина) Мария Пинти, отдающая много сил обучению местных болгар литературному болгарскому языку. Золотую медаль вручили группе сотрудников ИБЯ за публикацию монографии по диалекту одного из самых сохранившихся болгарских сел Еркеч (Козичино, Варненская обл.)². Памятными значками были награждены зарубежные болгаристы, в том числе и ученый секретарь Института славяноведения РАН Е. С. Узенева.

Научную часть юбилейной сессии открыл доклад зам. директора Института болгарского языка *Элки Мирчевой*, который настолько подробно и при этом увлекательно раскрыл основные этапы создания и развития ИБЯ, что мы остановимся на нем подробнее. Обратившись к истории болгарской лингвистики, к работам болгарских, русских, чешских и других языковедов-болгаристов конца XIX – начала и середины XX в., Э. Мирчева проследила предысторию создания Института задолго до

15 мая 1942 г. – даты его формального рождения. В XX в. в Болгарии остро ощущалась нехватка академических толковых словарей родного языка. Несколько серьезных инициатив по созданию лексикографической комиссии, предпринятых известными болгарскими лингвистами Б. Цоневым и А. Т.-Баланом, Ст. Младеновым и др., не были успешными, и лишь Ст. Романскому удалось собрать группу, ставшую первой академической структурой будущего Института. В эту группу входили пять сотрудников (среди них Ст. Стойков, Ив. Коев и А. Бурмов), целенаправленно занимавшихся созданием Службы болгарского толкового словаря. До 1947 г. группа работала в частной квартире в Софии, где хранилась и вся лексикографическая картотека. Затем в рамках реорганизации Болгарской академии наук был создан Институт болгарского словаря, в 1949 г. переименованный в Институт болгарского языка уже с «солидным» штатом сотрудников, их число возросло до 20.

Первым результатом лексикографической деятельности стал Словарь современного болгарского литературного языка в трех томах³. Продолжая работу по лексике, фразеологии и лексикографии, Институт развивал другие направления, вот неполный их перечень: языковая культура, исследование и публикация памятников, лингвогеография, история языка, компаративистика, этимология, ономастика. В последние годы добавились и такие области языкознания, как лингвокультурология, психолингвистика, этнолингвистика и компьютерная лингвистика. Кроме монографий, сборников и словарей, Институт выпускает периодические издания: с 1951 г. журнал «Български език», с 1952 г. Известия на Института за български език (с 1995 г. «Българско езикознание»), с 1959 г. «Балканско езикознание» и с 1998 г. – «Лексикографски преглед». С Институтом связаны имена выдающихся болгарских лингвистов, кроме упомянутых выше, это и В. Георгиев, Д. Мирчева, Л. Андрейчин, Ст. Стойков, К. Мирчев, В. Станков, Ив. Леков, Т. Бояджиев и мн. др.

Доклад Э. Мирчевой сопровождался презентацией, благодаря которой присутствовавшие в зале могли почувствовать (или вспомнить) атмосферу первых лет работы института. Были показаны архивные фотографии Ст. Романского, Л. Андрейчина, С. Спасовой-Михайловой и других заслуженных работников ИБЯ, ксероксы первых лексикографических карточек с пометами Ст. Романского, корректуры и правка словарных статей, а также стихотворные послания (среди них четверостишие известного болгарского фольклориста П. Динекова, посвященное первым лексикографам, и др.) и шутилку «Молитву лексикографа “Верую”».

Профессор *В. Косеска-Тошева* (Польша) в докладе «Болгарско-польская сопоставительная грамматика и ее обобщение» подробно описала многолетний проект по изучению и подготовке сопоставительной грамматики польского и болгарского языков⁴. Это много- томное издание является уникальным примером контрастивной и сравнительной грамматики, которая использовала семантический язык-посредник с последовательным разграничением формы и семантики. Грамматика называется 9-томной, но в том 6 входят четыре книги, поэтому она фактически состоит из 12 томов. В 1990-е гг. у истоков этого труда стояли Й. Пенчев и М. Лакова, которые, заинтересовавшись математической лингвистикой и логикой, привлекали специалистов из смежных областей. В рабочий коллектив со стороны Болгарии вошли: Г. Гаргов, В. Сотиров, Св. Иванчев, Р. Ницолова. С польской стороны авторами грамматики стали К. Фелешко, Р. Ласковски, К. Полянски и Й. Сятковский. Основными редакторами томов были Й. Пенчев и **В. Косеска-Тошева**. В 2010 г вышел и обобщающий том, в котором порядок языков сознательно был изменен (вместо обычной болгарско-польской грамматики, в заглавии стоит польско-болгарская грамматика), чтобы показать равнозначность обеих грамматик в этом труде. В. Косеска-Тошева отметила, что этот многолетний труд был отмечен в академических кругах не только вниманием, но и многочисленными наградами.

И. А. Седакова (Россия) в докладе «Болгарские языковые данные в этнолингвистических и типологических исследованиях: взгляд из России» обосновала ценность болгарских материалов для разного рода лингвокультурных изысканий. Специфика болгарских данных, особенно из архаических и приграничных зон (Родопы, Фракия, Пиринский край и др.), которые являются славянскими и вместе с тем балканскими, способствует реконструкции славянской духовной культуры и описанию ее лексикона. Особое место болгарские языковые и народно-культурные факты занимают в Словаре «Славянские древности»⁵, где специальные статьи посвящены феноменам, представленным у славян или только в болгарской традиции, или частично и в македонской, и восточносербской традициях (праздники *Бабинден*, *св. Герман*, *Нестинарство* и др.). В статьях Словаря об общеславянских явлениях болгарские языковые и фольклорные материалы привлекаются регулярно.

На примере некоторых лексико-семантических групп народного болгарского языка И. А. Седакова показала богатство диалектного словаря и стоящего за ним уникального характера духовной культу-

ры. Она также охарактеризовала «балканскость» болгарского языка, проявляющуюся, в частности, в смешении славянских и неславянских лексических элементов и в их семантическом развитии (народная терминология счастья и удачи, судьбы; именование некрещеных детей; лексика празднования первых шагов ребенка и др.).

Е. С. Узенева (Россия) представила историю сотрудничества Института болгарского языка БАН и Института славяноведения РАН в области болгаристики, особенно в плане диалектных исследований, а в последние годы и в других областях лингвистики. Доклад сопровождался показом фотографий известных болгаристов и славистов России С. Б. Бернштейна, Н. И. Толстого, Г. К. Венедиктова и др., которые принимали участие в диалектологических экспедициях в Болгарии при подготовке первых томов Болгарского диалектологического атласа⁶. В 1956–1959 гг. в совместных диалектологических экспедициях в Болгарии приняли участие 12 болгаристов. Докладчица охарактеризовала и проекты последних лет, завершённые и продолжающиеся, которые объединяют усилия лингвистов двух институтов и реализуются в совместных экспедициях и публикациях. Особенно отметила Е. С. Узенева тот факт, что Институт болгарского языка после нескольких лет перерыва вновь принимает участие в Общеславянском атласе (ОЛА), что очень ценно для славистики в России и за рубежом.

3. *Комати* (Германия) сделала подробный обзор грамматик болгарского языка, изданных на немецком языке, авторами и (или) составителями которых были Г. Вайганд, В. Радева и др. Эти грамматики, написанные по-немецки, включают в себя сопоставительные болгарско-немецкие синтаксические и морфологические аспекты. Они не утратили своей ценности и сейчас, несмотря на серьезные изменения в современном болгарском лексиконе.

Кьетил Ро Хауге (Норвегия) сделал доклад на тему «Болгарский маркер *де* в сопоставительном плане с немецкими частицами, или *Де* и его братья», в котором подробно исследовал функции частиц *де*, *демек* и *значи* в болгарском дискурсе в сравнении с соответствующими частицами в германских языках. Согласно словарям, *де* обладает в основном пояснительной или усилительной функцией. К. Ро Хауге добавил еще две функции частицы (1. Переформулировка и 2. Исправление сказанного) и выступил с предположением, что эта частица призвана перефразировать собственное умозаключение говорящего, чтобы сделать его ясным для собеседника. *Де* может использоваться и для уточнения чужих умозаключений. Тонкие на-

блюдения иностранного болгариста активно обсуждались и комментировались академической аудиторией.

Все доклады, прозвучавшие на конференции, кроме обсуждения научной проблематики, содержали важную информацию, демонстрируя научные достижения болгаристов вне Болгарии, предоставляя сведения о конференциях, проектах и публикациях в области болгарской лингвистики.

Юбилейная сессия собрала как нынешних сотрудников, так и тех, которые уже не работают в Институте. Болгаристам всех стран, в том числе и России, хорошо известны труды лингвистов, стоявших у истоков создания Института и работающих там сейчас. Прежде всего, это словари – толковые, этимологические⁷, орфографические и орфоэпические, фразеологические и диалектные словари, словари иностранных слов, неологизмов и другие издания⁸. Однако не только лексикографическим направлением силен Институт болгарского языка, что показала и книжная выставка, специально подготовленная к юбилейной сессии, – разнообразие тематики, число и монументальность изданий ИБЯ последних лет оставляет сильное впечатление.

В разные годы среди директоров Института были академик БАН Стоян Романски (1942–1951), акад. Владимир Георгиев (1951–1957), чл.-кор. Любомир Андрейчин (1957–1975), акад. Валентин Станков (1977–1979), чл.-кор. Дора Иванова-Мирчева (1979–1989), чл.-кор. Тодор Бояджиев (1989–1992). В настоящее время Институт возглавляет профессор Светла Коева, и, возможно, это знаковый и безусловно актуальный выбор, поскольку специализацией директора является компьютерная лингвистика. В Институте подготовлен и уже давно представлен в распоряжение специалистов Национальный корпус болгарского языка, издаются труды по компьютерной лингвистике⁹. Особенно ценен корпус для лексикографов, которые занимаются, в частности, подготовкой и изданием словарей новых слов и отслеживают изменение семантики и прагматики слов «старых» в их новой жизни¹⁰.

Сейчас в Институте 10 отделов, научная библиотека и несколько архивов. Приоритетными областями в научной деятельности института являются теоретические лингвистические проблемы, академические словари, языковая культура, источники болгарского языка, языковое и культурное наследие болгар.

Юбилею Института болгарского языка БАН посвящена также международная лексикографическая конференция (София, 24–25 октября 2012 г.).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Подробную информацию об Институте болгарского языка БАН см. на сайте: <http://www.ibl.bas.bg>
- 2 *Керемидчиева Сл и др.* Еркеч – паметта на езика. Традиции и устойчиви тенденции в един архаичен български говор – говора на с. Еркеч (днес Козичино), Поморийско. София, 2012.
- 3 Речник на съвременния български книжовен език. София, 1954–1959. Т. 1–3.
- 4 Грамматика выходила на польском и на болгарском языках, вот лишь несколько из 12 выпущенных томов: *Koseska-Toszewa V., Korytkowska M., Roszko R.* Polsko-Bułgarska gramatyka konfrontatywna (podręcznik akademicki). Warszawa, 2010; *Копутковска М.* Типове предикатно-аргументни позиции. Българско-полска съпоставителна граматика / Под ред. на В. Косеска-Тошева. София, 2011. Т. 5; *Косеска-Тошева В.* Семантичната категория време. Българско-полска съпоставителна граматика / Под ред. на В. Косеска-Тошева. София, 2011. Т. 7; и др.
- 5 Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. В 5 т. М., 1995–2012.
- 6 Български диалектен атлас. София, 1964. Т. I. Югоизточна България / Съст. под ръковод. на Ст. Стойков и С. Б. Берншейн. Ч. 1. Карти; Ч. 2. Статии. Коментари. Показалци; и др.
- 7 Нелзя не упомянуть очень ценный многотомный этимологический словарь «Български етимологичен речник». София, 1971–2010. Т. 1–7. Работу над последними томами продолжает небольшая группа сотрудников ИБЯ.
- 8 См. подробную библиографию лексикографических трудов: Библиография по българска лексикология, фразеология и лексикография 1950–2010 / Науч. ред. Д. Крумова-Цветкова, отг. ред. Д. Благоева. София, 2011.
- 9 Национальный корпус болгарского языка см. на сайте: http://www.ibl.bas.bg/BGNC_bg.htm.
- 10 См., например: *Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С.* Речник на новите думи в българския език (от края на ХХ и първото десетилетие на ХХI в.). София, 2010. Многотомное издание толкового словаря болгарского языка, начатое в 1977 г. (Речник на българския език. София, 1977–2012. Т. 1–14), теперь одновременно перерабатывается и завершается. С 1999 г. первые 8 томов были переработаны в связи с изменением словарного состава болгарского языка после событий 1989 г. Опубликованы первые четыре тома в новой редакции.

М. Ю. Дронов
(Москва)

**Четвертое заседание Комиссии историков России и Словакии.
Международная научная конференция
«Социальные последствия войн и конфликтов XX века:
историческая память»**

16–18 октября 2012 г. в Москве состоялось четвертое заседание Комиссии историков России и Словакии, в рамках которого была проведена международная научная конференция «Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память».

Торжественное открытие заседания и конференции прошло в Институте славяноведения РАН. Со вступительным словом к собравшимся обратился председатель российской части Комиссии директор Института этнологии и антропологии РАН *академик В. А. Тишков*, подчеркнувший особую актуальность тематики мероприятия. Кроме этого, по просьбе ведущего присутствовавшие почтили минутой молчания светлую память бывшего председателя Комиссии со словацкой стороны доктора Михала Барновского (1937–2008) и многолетнего секретаря российской части Комиссии к.и.н. М. Ю. Досталь (1947–2011). С краткими приветствиями выступили 2-й секретарь Посольства Словацкой Республики г-н *Петер Вилчак*, директор Института славяноведения РАН *д.и.н. К. В. Никифоров*, ученый секретарь словацкой части Комиссии, научный сотрудник Института истории САН (Братислава) д-р *Даниела Кодаева*, президент Общества дружбы со Словакией *И. А. Черкасов*, а также сотрудница Словацкого института (Москва) *Я. Ю. Кресан*.

Первое научное заседание под председательством В. А. Тишкова и д.и.н. Е. П. Серапионовой (ИСл РАН), открыл фундаментальный доклад *чл.-корр. РАН, д.и.н. Л. П. Репиной* (Институт всеобщей истории РАН), посвященный методологии науки – «Феномен памяти в современном гуманитарном знании и в перспективе исторической конфликтологии». Известный словацкий исследователь, полковник, доц., к.н. *Йозеф Бистрицкий* (Институт военной истории САН, Братислава) выступил с обзорным докладом «Проблематика освобождения Словакии в 1944–1945 гг. в словацкой историографии после 1989 г.».

Выступление *Д. Кодаевой* «Россия во время Великой войны как славянская страна или как страна врага в памяти словаков» открыло тематический блок конференции, посвященный событиям Первой мировой войны. Так, *к.и.н. А. Н. Птицын* из Северо-Кавказского фе-

дерального университета (г. Ставрополь) осветил вопрос пребывания на Юге России в военные годы чешских и словацких предпринимателей. *К.и.н. З. С. Ненашева* (МГУ) посвятила свой доклад социально-политическим аспектам формирования Чешско-Словацкого корпуса в России. Коллега *А. Н. Птицына д.и.н. И. В. Крючков* выступил с темой «Чешские и словацкие военнопленные на территории Северного Кавказа в 1914–1917 гг.». В свою очередь д-р *Габриела Дудекова* (Институт истории САН) попыталась охарактеризовать общие социальные последствия Первой мировой войны.

Второе заседание, которое вел *И. В. Крючков*, было посвящено сюжетам, хронологически продолжающим тематику предыдущих выступлений. В частности, *Е. П. Сератионова* осветила социальную политику Чехословацкого государства в отношении бывших легионеров. Брянский исследователь *д.и.н. С. И. Михальченко* (БГУ) поведал о том, как ситуация в межвоенной Словакии и соседней Подкарпатской Руси отражена в «Воспоминаниях» русского ученого-эмигранта *Е. В. Спекторского*. Московский историк *С. М. Слоистов* выступил с содержательным междисциплинарным докладом «Особенности национальной идентификации выходцев из Чехословакии в СССР (1920–1940-е гг.)». Не меньший интерес вызвало выступление *к.и.н. Г. П. Мельникова* (Исл РАН), посвященное несколько иной проблематике, а именно интерпретации Гуситских войн в исторической памяти словаков в течение XX в.

Работа конференции продолжилась 17 октября. Третье заседание конференции, посвященное периоду Второй мировой войны, было проведено под руководством *Й. Бистрицкого* и *д.и.н. Э. Г. Задорожнюк* (Исл РАН). Так, д-р *Марина Завацка* (Институт истории САН) представила доклад «Слухи, нашептанный пропаганда, панические известия...: Неофициальная информация на фронтах Второй мировой и Холодной войн». *К.и.н. О. В. Павленко* (РГГУ), основываясь на обширных результатах полевых исследований, осветила тему «Война в воспоминаниях солдат и офицеров 3-го Украинского фронта: Опыт исторической реконструкции». Директор Музея Словацкого национального восстания (далее – СНВ) в г. Банска-Бистрица д-р *Станислав Мичев* посвятил свое выступление социальному законодательству Словацкого национального совета и формированию социальной системы СНВ. Наиболее оживленную дискуссию вызвал доклад *проф., д.и.н. Л. П. Лантевой* (МГУ) об освещении СНВ в советской периодике. Ее выступление вскрыло целый ряд спорных вопросов, дав импульс к новым ис-

следованиям. Роли СНВ в исторической памяти словаков было посвящено выступление *Н. В. Волостновой* (МГУ).

Следующее, четвертое заседание конференции, прошедшее под председательством С. Мичева и О. В. Павленко, было посвящено вопросам преимущественно послевоенной истории, хотя отдельные сюжеты перекликались с предыдущими историческими периодами. Так, в кратком сообщении *М. Ю. Дронова* (ИСл РАН) была предпринята попытка проанализировать генезис восприятия восточнословацкими русинами украинской национальной идеологии в течение XX в. Всеобщий интерес вызвал доклад *д.и.н. Г. П. Мурашко* (ИСл РАН) «Как и где решалась судьба венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны», основанный на малоизвестных материалах российских архивов. *Л. Я. Гибианский* (ИСл РАН) выступил с компаративным обзором общественных процессов в Хорватии и Словакии в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. *К.и.н. А. С. Стыкалин* (ИСл РАН) представил фундаментальный доклад «Память о венгерских событиях 1956 г. в сознании советской политической элиты в период Пражской весны 1968 г.». Большое внимание присутствующих вызвало выступление *Э. Г. Задорожнюк*, которая, основываясь на многолетних архивных изысканиях, показала палитру словацких протестных течений в годы «режима нормализации».

Заключительные научные доклады заседания и в целом конференции были посвящены литературоведческим сюжетам. *Я. Ю. Кресан* (Словацкий институт; МГУ) озаглавила свой доклад «Тема памяти в словацкой и чешской военной прозе второй половины XX века». *К.ф.н. Н. В. Шведова* (ИСл РАН) остановилась на изображении Второй мировой войны в поэзии Мирослава Валека. В чрезвычайно содержательном выступлении *к.ф.н. Л. Ф. Широковой* (ИСл РАН) было представлено отражение в литературе преследований духовенства и верующих (особенно греко-католиков) в Словакии в 1950-е гг.

В рамках всех проведенных заседаний 16 и 17 октября было отведено специальное время для вопросов и дискуссии. Всего в мероприятии приняло участие свыше 40 человек. Предварительные итоги конференции были подведены вечером 17 октября заместителем председателя Комиссии историков России и Словакии *Э. Г. Задорожнюк*. В 2013 г. по материалам проведенной научной встречи планируется выпустить сборник.

18 октября в Словацком институте состоялось рабочее заседание Комиссии. В частности, в права председателя российской части

Комиссии официально вступила Л. П. Репина, заменив на данном посту В. А. Тишкова. Также в рамках заседания российские и словацкие историки проинформировали друг друга о новостях отечественной словакистики и словацкой русистики: выходе новых книг и статей, защите кандидатских и докторских диссертаций. Присутствовавшие в качестве гостей И. А. Черкасов и его коллега В. В. Вольнов сделали краткую презентацию журнала «Меценат и мир» и нового сетевого издания «Словакия». После этого члены Комиссии обсудили планы ее работы на 2013–2014 гг. В заключение заседания был подготовлен его официальный протокол, который подписали Л. П. Репина и М. Ю. Дронов (секретарь) с российской стороны и Й. Бистрицкий (как доверенное лицо председателя к.н. Татьяны Ивантышиновой) и Д. Кодаева – со словацкой.

Согласно достигнутой в Москве договоренности, следующее, пятое, заседание Комиссии историков России и Словакии пройдет в августе 2014 г. в Словацкой Республике. В его рамках состоится научная конференция под рабочим названием «Россия и Словакия на перекрестках истории».

Хочется с благодарностью подчеркнуть, что московское заседание Комиссии в октябре 2012 г. не смогло бы состояться на должном уровне без помощи Российского государственного научного фонда, который финансово поддержал проведение конференции (проект № 12-01-14090). Посильную помощь также оказали Институт славяноведения РАН, В. А. Тишков и В. В. Вольнов.

Сведения об авторах

Агапкина Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. indric@mail.ru

Акимова Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. olga.akimova@gmail.com

Амелина Анна Вячеславовна – младший научный сотрудник отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН. anna.v.amelina@yandex.ru

Бараньска Анна – доктор исторических наук (dr. hab.), проф. Люблинского католического университета (Республика Польша). anbar@kul.lublin.pl

Билек Ян – историк и литературовед, сотрудник Института Масарика АН ЧР, преподаватель университета в г. Градец-Кралове (Чешская Республика). bilek.jan1@gmail.com

Валева Елена Любомировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. valeva@rambler.ru

Ващенко (Анисимова) Дарья Юрьевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. daranis@mail.ru

Ващенко Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время, сотрудник центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи Института славяноведения РАН. m-zel@rambler.ru

Вендина Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник исследовательского центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН. vendit@rambler.ru

Ганин Андрей Владиславович – кандидат исторических наук, редактор отдела военной истории журнала «Родина», старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. andrey_ganin@mail.ru

Дронов Михаил Юрьевич – младший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. mikhaildronov@rambler.ru

Ефимова Валерия Сергеевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. valeriefimova@yandex.ru

Ждановская Анастасия Александровна – аспирантка кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. azhdanovskaya@gmail.com

Запольский Илья Алексеевич – аспирант Института славяноведения РАН. ilya_zapolskii@mail.ru

Королькова Полина Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН. kogolkovapolina@mail.ru

Лантева Людмила Павловна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. pavlikov_family@mail.ru

Лунькова Наталья Александровна – младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. lunkova_n@mail.ru

Майорова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. maiороva-olga@list.ru

Мольнар Ласло В. – доктор истории (Республика Венгрия). vmolnar@freemail.hu

Неменский Олег Борисович – научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. nemenski@yandex.ru

Новосельцев Борис Сергеевич – аспирант кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. bnovoseltsev@yandex.ru

Первушин Михаил Викторович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела древнеславянских литератур Института мировой литературы РАН. 1609pm@gmail.com

Петрухин Владимир Яковлевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. vladimir.petrukhin@gmail.com

Ракитянский Олег Владимирович – старший преподаватель Финансового университета. vostslav@yandex.ru

Седакова Ирина Александровна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания. irina.a.sedakova@gmail.com

Серापionoва Елена Павловна – доктор исторических наук, зав. отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. serapion@hovrino.net

Синица Наталья Александровна – лаборант кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета. nataljasinica@rambler.ru

Соколовская Ольга Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. elolga@mail.ru

Старикова Надежда Николаевна – доктор филологических наук, зав. отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. nstarikova@mail.ru

Струнина Наталья Григорьевна – младший научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. strun-topolino@yandex.ru

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн. zhurslav@mail.ru

Тимофеев Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Республика Сербия). al.timofev@gmail.com

Турилов Анатолий Аркадьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. aaturilov@gmail.com

Узенева Елена Семеновна – кандидат филологических наук, ученый секретарь Института славяноведения РАН. lenuzen@mail.ru

Фролова Марина Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время. marinafrolova59@mail.ru

Шемякин Андрей Леонидович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн. anshemjakin@rambler.ru

Шкаровский Михаил Витальевич – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, ведущий научный сотрудник Центрального архива Санкт-Петербурга. shkarovs@mail.ru

Щавинская Лариса Леонидовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotmail.ru

Information about the Authors

Agapkina Tatyana Alexeevna – Ph.D. in Phil. (Doctor), leading researcher of the Department of Ethnolinguistics and Folklore of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. indric@mail.ru

Akimova Olga Anatolievna – Ph.D. in Hist. (Cand.), senior researcher of the Department of the History of Middle Ages of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. olga.akimova@gmail.com

Amelina Anna Vyacheslavovna – junior researcher of the Department of the History of Slavic Literatures of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. anna.v.amelina@yandex.ru

Baranska Anna – Dr.Hab. in Hist., Prof. of the Liublin Catholic University (Republic of Poland). anbar@kul.lublin.pl

Bilek Jan – Historian and Philologist, researcher of the Institute of Masarik of the Academy of Sciences of Czech Republic, teacher of the University of Gradec Kralow (Czech Republic). bilek.jan1@gmail.com

Dronov Mikhail Yurievich – junior researcher of the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. mikhaildronov@rambler.ru

Efimova Valeria Sergeevna – Ph.D. in Phil. (Doctor), leading researcher of the Department of Slavic Linguistics of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. valeriefimova@yandex.ru

Frolova Marina Mikhailovna – Ph.D. in Hist. (Cand.), senior researcher of the Department of the History of Slavic Peoples of South-Eastern Europe in the Modern Times of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. marinafrolova59@mail.ru

Ganin Andrey Vladislavovich – Ph.D. in Hist. (Cand.), Editor of the Department of Military History in the ‘Rodina’ magazine, senior researcher of the Department

of the History of Slavic Peoples in the Period of the World Wars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. andrey_ganin@mail.ru

Korolkova Paulina Vladimirovna – Ph.D. in Phil. (Cand.), researcher of the Department of the History of Culture of Slavic Peoples of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. korolkovapolina@mail.ru

Lapteva Liudmila Pavlovna – Ph.D. in Hist. (Doctor), Prof. of the Department of the History of Southern and Western Slavs of the Moscow State University. pavlikov_family@mail.ru

Lunkova Natalia Alexandrovna – junior researcher of the Department of Contemporary Literatures of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. lunkova_n@mail.ru

Maiorova Olga Nikolaevna – Ph.D. in Hist. (Cand.), senior researcher of the Department of Contemporary History of the Countries of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. maiorova-olga@list.ru

Molnar Laslo V. – Ph.D. in Hist. (Republic of Hungary). vmolnar@freemail.hu

Nemensky Oleg Borisovich – researcher of the Department of the History of the Middle Ages of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. nemenski@yandex.ru

Novoseltsev Boris Sergeevich – post-graduate student of the Department of the History of Southern and Western Slavs of the Moscow State University. bnovoseltsev@yandex.ru

Pervushin Mikhail Victorovich – Ph.D. in Phil. (Cand.), senior researcher of the Department of Old-Slavic Literatures of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. 1609pm@gmail.com

Petrukhin Vladimir Yakovlevich – Ph.D. in Hist. (Doctor), leading researcher of the Department of the History of the Middle Ages of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. vladimir.petrukhin@gmail.com

Rakityansky Oleg Vladimirovich – senior teacher of the Financial University vostslav@yandex.ru

Sedakova Irina Alexandrovna – Ph.D. in Phil. (Doctor), leading researcher of the Department of Typology and Comparative Linguistics of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. irina.a.sedakova@gmail.com

Serapionova Elena Pavlovna – Ph.D. in Hist. (Doctor), Chief of the Department of the History of Slavic Peoples in the Period of the World Wars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. serapion@hovrino.net

Shchavinskaya Larissa Leonidovna – Ph.D. in Phil. (Cand.), senior researcher of Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. slavia@hotmail.ru

Shemiakin Andrey Leonidovich – Ph.D. in Hist. (Doctor), leading researcher of the Department of the History of Slavic Peoples in the Period of the World Wars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. anshemjakin@rambler.ru

Shkarovsky Mikhail Vitalievich – Ph.D. in Hist. (Doctor), Prof. of the St. Petersburg Spiritual Academy, leading researcher of the Central Archives of St. Petersburg. shkarovs@mail.ru

Sinitza Natalia Alexandrovna – lab.assistant of the Department of Russian Language and General Linguistics of the Uralian Federal University. nataljasinica@rambler.ru

Sokolovskaya Olga Vladimirovna – Ph.D. in Hist. (Doctor), leading researcher of the Department of the History of Slavic Peoples of South-Eastern Europe in the Modern Times of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. elolga@mail.ru

Starikova Nadezhda Nikolaevna – Ph.D. in Phil. (Doctor), Chief of the Department of Contemporary Literatures of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. nstarikova@mail.ru

Strunina Natalia Grigorievna – junior researcher of the Department of the History of Slavic Peoples of South-Eastern Europe in the Modern Times of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. struntopolino@yandex.ru

Stykalin Alexander Sergeevich – Ph.D. in Hist. (Cand.), leading researcher of the Department of the History of Slavic Peoples in the Period of the World Wars. zhurslav@mail.ru

Timofeev Alexey Yurievich – Ph.D. in Hist., researcher of the Institute of the Contemporary History of Serbia (Republic of Serbia). al.timofev@gmail.com

Turilov Anatoly Arkadievich – Ph.D. in Hist. (Cand.), leading researcher of the Department of the History of the Middle Ages of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. aaturilov@gmail.com

Uzeneva Elena Semenovna – Ph.D. in Phil. (Cand.), Research Secretary of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. lenuzen@mail.ru

Valeva Elena Ljubomirovna – Ph.D. in Hist. (Cand.), senior researcher of the Department of the Contemporary History of the Countries of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. valeva@rambler.ru

Vashchenko (Anisimova) Daria Yurievna – Ph.D. in Phil. (Cand.), researcher of the Department of Slavic Linguistics of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. daranis@mail.ru

Vashchenko Mikhail Sergeevich – Ph.D. in Hist. (Cand.), junior researcher of the Department of the History of Slavic Peoples of Central Europe in the Modern Times, researcher of the Research Centre of the History of the Multi-National Austrian Empire of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. m-zel@rambler.ru

Vendina Tatiana Ivanovna – Ph.D. in Phil. (Doctor), leading researcher of the research Centre of the Areal Linguistics of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. vendit@rambler.ru

Zapolsky Ilya Alexeevich – post-graduate student of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. ilya_zapolskii@mail.ru

Zhdanovskaya Anastasia Alexandrovna – post-graduate student of the Department of the History of Southern and Western Slavs of the Moscow State University. azhdanovskaya@gmail.com

Научное издание

Славянский альманах

2012

Издательство «Индрик»

Оригинал-макет *Е.Ю. Рычаловская*

Условия публикации и правила оформления статей
помещены на сайте «Славянского альманаха»:
www.slav-almanakh.narod.ru

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
(ОКП) – 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
31,5 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ №
Отпечатано в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6